ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2017. № 425. Декабрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2017. № 425. December

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 425 Декабрь 2017

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary scientific journal

№ 425 December 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Абрамкина Е.Е. Модели аргументации в авторoведческой экспертизе процессуальных документов 5
Волошина С.В., Толстова М.А. Концепт «Работа» в женских автобиографических рассказах сибирских старожилов: константы и трансформация 12
Дулебова И., Крюкова Л. Прецедентные имена русской культуры и истории в современных словацких СМИ 19
Рабенко Т.Г., Лебедева Н.Б. Речевой жанр в парадигме лингвистической вариантологии (на материале жанра «личный дневник») 26
Севастьянова С.К. Концепт «болезнь» и концепция болезни в сборнике «Великое Зерцало» 32
Чеснокова О.С., Фернандес Санчес Ю.В. Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса 50

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ачкасов В.А. «Пролетарская революция» и национальное самоопределение народов Российской империи 59
Батуренко С.А. Развитие феминистских идей в рамках неокантианского направления русской социологии XIX – начала XX в.: Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов 66
Зиновьева В.И., Наумова Н.И. Развитие специальности «социальная работа» в образовательном пространстве Казахстана 74

ФИЛОСОФИЯ

Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования 78
Каменев С.В. Образование в цифровом мире: возможности и перспективы 85
Линченко А.А., Иванов А.Г. Что нам делать с мифами о Сталине? 91
Миллер В.И. Метафизическое осмысление становления концепции естественного права 100
Черникова И.В. Процедура интерпретации в современном естествознании 105

ИСТОРИЯ

Бородовский А.П., Самашев З., Сиражева Б.А. Средневековое погребение с признаками первичной разделки рогового сырья на юго-западе Алтая 112
Ермекбай Ж.А. Хан Жангир: верноподданный России и реформатор степи 124
Запарий В.В. Элементы политики «фордизма» как инструмент антикризисного управления в уральской танковой промышленности периода Великой Отечественной войны 131
Печатнов В.В. «…От русского корня»: пути американского православия 140
Расколец В.В., Сорокин А.Н. Деятельность географического отдела Института исследования Сибири и его вклад в развитие геодезии, геофизики и гидрологии сибирского края (июль 1919 г. – июнь 1920 г.) 147
Саблин В.А. Хозяйственный баланс крестьянского двора на Европейском Севере в 1917–середине 1920-х гг. 155
Тимофеев Д.В. Крепостной вопрос в России первой четверти XIX в. в зеркале методологии истории понятий 163

CONTENTS

PHILOLOGY

Abramkina E.E. Argumentation models in procedural instruments authorship examination 5
Voloshina S.V. Tolstova M.A. The concept “work” in women’s autobiographical stories of Siberian old residents: constants and transformation 12
Dulebova I., Kryukova L.B. Precedent names of the Russian culture and history in modern Slovak media 19
Rabenko T.G., Lebedeva N.B.A speech genre in the paradigm of linguistic variantology (based on the genre “private diary”) 26
Sevastyanova S.K. The disease concept and disease interpretation in the collection *The Great Mirror* 32
Chesnokova O.S., Fernandez Sanchez Yu.V. Spanish and Basque gastronomical thesaurus through the prism of humorous discourse 50

SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Achkasov V.A. The “Proletarian Revolution” and the national self-determination of the peoples of the Russian Empire 59
Baturenko S.A. Development of feministic ideas within the Neo-Kantian direction of the Russian sociology of the 19th – early 20th centuries: Lev Petrazhitsky, Veniamin Khvostov 66
Zinovieva V.I., Naumova N.I. Development of the specialty “Social Work” in the educational system of Kazakhstan 74

PHILOSOPHY

Anikin D.A., Golovashina O.V. Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research 78
Kamenev S.V. Education in the digitalized world: opportunities and prospects 85
Linchenko A.A., Ivanov A.G. What should we do with the myths about Stalin? 91
Miller V.I. Metaphysical understanding of the development of the concept of natural law 100
Chernikova I.V. Interpretation procedure in the contemporary natural science 105

HISTORY

Borodovsky A.P., Samashev Z., Sirazheva B.A. Old Turkic graves with signs of primary raw horn processing in the South-West of the Altai 112
Ermekbay Zh.A. Zhangir Khan: a loyal subject of Russia and steppe reformer 124
Zapariy V.V. Elements of “Fordism” policy as a tool of anticrisis management in the Urals tank industry in the period of the Great Patriotic War 131
Pechatnov V.V. “. . . From a Russian root”: ways of American Orthodoxy 140
Raskolets V.V., Sorokin A.N. Activities of the Geographical Department of the Research Institute of Siberia and its contribution to the development of geodesy, geophysics and hydrology in the Siberian region (July 1919 – June 1920) 147
Sablin V.A. The economic balance of a peasant household in the European north in 1917 – mid-1920s 155
Timofeev D.V. The problem of serfdom in Russia during the first quarter of the 18th century in the light of the history of concepts 163

Шерстова Л.И., Ван Гохун. Конфуцианские принципы нравственного воспитания человека и их значения для современности 172
Юнгблюд В.Т., Зорин А.В. Советско-чехословацкое сближение в 1943–1945 гг.: взгляд из США 178

ПЕДАГОГИКА

Ливенцова Е.Ю., Малкова И.Ю. Развитие социально-предпринимательской компетентности обучающихся в образовательном пространстве классического университета 187
Павлов В.Ю., Кудрявцев М.Д., Ревякин Ю.Т. Повышение уровня физической подготовленности юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом с использованием модельных характеристик 191
Червонный М.А. Дополнительное физико-математическое образование как условие развития одаренности детей 198

ПРАВО

Алихаджиева И.С. Государственная политика в отношении проституции на современном этапе: состояние и основные направления 203
Елисеев С.А. Дифференциация хищения по стоимости похищенного в российском уголовном праве 209
Кирилловых А.А., Сурманидзе И.Н. Проблемы защиты прав инвесторов при признании выпуска ценных бумаг недействительным 217
Минязева Т.Ф., Добряков Д.А. Наказание – не панацея от преступности 222
Михеева И.В., Пронина Н.В., Логинова А.С. Запреты и дозволения в «питейной» политике дореволюционной и современной России 228
Ряховская Т.И. Эволюция представлений о прямом действии норм Основного закона в зарубежной и отечественной государственно-правовой доктрине 237

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 247

Sherstova L.I., Wang Guohong. Confucian principles of moral education and their significance for the present 172
Yungblyud V.T., Zorin A.V. Soviet-Czechoslovak rapprochement in 1943–1945: a view from the USA 178

PEDAGOGICS

Liventsova E.Yu., Malkova I.Yu. Development of social and entrepreneurial competency of students within the educational process of a classical university 187
Pavlov V.Yu., Kudryavtsev M.D., Revyakin Yu.T. Enhancement of physical fitness level of teenage sportsmen (aged 13 to 15) involved in kettlebell lifting with the use of model characteristics 191
Chervonnyy M.A. Supplementary education in physics and mathematics as a condition for the development of gifted children's abilities 198

LAW

Alikhadzhiyeva I.S. State policy concerning prostitution at the present stage: state and main directions 203
Eliseev S.A. Differentiation of theft over the amount of property damage in Russian criminal law 209
Kirillovykh A.A., Surmanidze I.N. The problem of the protection of investors in securities issue recognition as void 217
Minyazeva T.F., Dobryakov D.A. Punishment is not the panacea for crimes 222
Mikheeva I.V., Pronina N.V., Loginova A.S. Prohibitions and permissions in the "drinking" policy in pre-revolutionary and modern Russia 228
Ryakhovskaya T.I. Evolution of ideas about the direct action of the norms of the Constitution in foreign and Russian legal doctrines 237

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 247

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/425/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81’33

Е.Е. Абрамкина

МОДЕЛИ АРГУМЕНТАЦИИ В АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Рассматривается использование моделей аргументации в автороведческой экспертизе. Выдвигается гипотеза, согласно которой автор в сходных коммуникативных ситуациях применяет одну и ту же структуру аргументативного высказывания, модель аргументации, при этом разные авторы используют разные модели. Для проверки гипотезы анализируется 10 текстов процессуальных документов трех авторов. В результате анализа устанавливается, что у этих авторов модели аргументации в близких коммуникативных ситуациях различаются.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза; установление авторства; идентификация авторства; модель аргументации; малоинформативные жанры; процессуальные документы.

К настоящему моменту идентификационная экспертиза считается достаточно разработанной областью прикладной лингвистики, существует несколько методик идентификации авторства, в том числе методика Министерства юстиции [1]. Тем не менее и в этой сфере остаются значительные лакуны, среди которых установление авторства малоинформативных текстов, особенно процессуальных и судебных документов, занимает одно из первых мест. Сложность состоит в том, что доля индивидуально-авторского материала в таких текстах очень мала́ в силу стилевой или жанровой специфики, что налагает определенные ограничения на методы анализа. Так, в процессуальных и судебных документах лексика и синтаксис во многом подчинены требованиям стиля и закона, поэтому наиболее информативными являются отступления от норм официально-делового стиля, которые встречаются нечасто и в недостаточном объеме [2. С. 158–162]. Что касается орфографических и пунктуационных ошибок, которые также часто выступают в качестве релевантных признаков авторства, существуют целые перечни типичных ошибок, встречающихся в процессуальных документах [3. С. 5]; кроме того, именно ошибки чаще всего используются для маскировки авторства, поэтому строить заключение, руководствуясь в основном сходством или различием характерных ошибок, также некорректно.

В условиях малого объема авторского материала и недостаточного количества релевантных признаков чаще всего предлагается увеличить объем текстов-образцов. Как отмечают авторы «Комплексной методики производства автороведческих экспертиз», при соблюдении всех требований и высокой информативности текстов объем образцов должен превышать объем исследуемого материала в 10–15 раз, в случае низкой информативности образцов этот коэффициент необходимо увеличить еще в 2–5 раз [1. С. 83]. Такой объем образцов составляет существенную трудность: во-первых, не во всех случаях есть возможность предоставить достаточный объем для исследования; во-вторых, анализ такого объема требует больших затрат времени и сил, что тоже не всегда представляется возможным. В связи с этим возникает необходимость поиска дополнительных признаков, способных подтвердить или опровергнуть полученный при помощи традиционных методов результат. Поскольку эти признаки не должны базироваться на лексике, возникает необходимость учета прагматических и коммуникативных составляющих текста. В качестве одной из них может выступать модель аргументации.

Аргументация в гуманитарных науках исследована достаточно основательно [4, 5], существует большое количество рекомендаций по построению аргументированной речи [6], однако вопрос о возможности использования моделей аргументации как средства идентификации личности до сих пор не ставился. И причиной этого является кажущаяся универсальность аргументации. Действительно, есть аргументация логическая, есть эмоциональная, некоторые исследователи выделяют еще этическую и другие, и никакой из этих видов не может помочь составить представление об особенностях языковой личности автора, поскольку подобные виды достаточно универсальны для тех или иных коммуникативных ситуаций и имеют определенные условия успешности. В контексте поиска признаков для идентификационной экспертизы нас будут интересовать более частные реализации аргументации, основанные на логических и синтаксических связях. Такие модели вырабатываются человеком индивидуально для каждой коммуникативной ситуации и, единожды удачно реализованные, закрепляются в сознании человека и регулярно используются в подобных случаях. Это связано с психологической и ментальной сложностью выработки подобных моделей и стремлением к экономии усилий на подобные действия.

Под моделью аргументации мы понимаем упорядоченную последовательность компонентов аргументации, в той или иной мере устойчиво повторяющуюся у одного и того же автора в сходных коммуникативных ситуациях.

Среди компонентов аргументации чаще всего встречаются следующие:

– вывод – конечный результат аргументации, то, ради чего она строится;

– условие реализации этого вывода – условия, необходимые для того, чтобы сделанный вывод был корректен с точки зрения логики; они подводят читателя к выводу, поясняют его;

– интерпретация – взгляд автора или другого лица, чья аргументация приводится в тексте, на ситуацию. В зависимости от места в структуре аргументативного высказывания интерпретироваться может вывод или условия его реализации. Интерпретация представляет собой результат интеллектуального моделирования действительности;

– уточнение – дополнительная информация, необязательная для аргументации, но расширяющая и поясняющая ее. Как правило, уточнение выделяется синтаксически (выносится в отдельное предложение, заключается в скобки, становится вставной конструкцией и т.п.);

– противопоставление – указание на противоречие имеющихся условий или других компонентов аргументации, часто подводящее к определенному выводу, демонстрирующее его очевидность и бесспорность.

Авторский стиль во многом определяется тем, из каких элементов он строит свое аргументативное высказывание, что включает в ядро аргументации и что относит к смысловой периферии. Именно эти особенности предлагается использовать для уточнения результата авторoведческого исследования, проведенного по традиционной методике.

Материалом для данной статьи послужили два текста отзывов на исковое заявление, два текста официального письма, один текст аналитической записки, выступающие в роли образцов письменной речи. В качестве спорного текста был использован предоставленный для авторoведческого исследования текст неустановленного авторства, относящийся к жанру заявления о привлечении к ответственности. Кроме того, для сравнительного анализа с целью удостовериться, что модели аргументации имеют различия у разных авторов, были привлечены тексты двух других авторов: два текста установленного авторства (далее Автор 2), выполненные в жанре обращения и жалобы, а также два текста другого установленного автора (далее Автор 3), выполненные в жанре претензии. Все исследуемые тексты относятся к юрисдикционной разновидности официально-делового стиля и являются процессуальными документами. Это определяет приблизительно равную степень формализованности и, как следствие, степень выраженности индивидуально-авторских признаков. Кроме того, близкой является и коммуникативная цель текстов, так как каждый из них, в силу жанровой специфики, содержит критику действия или мнения другого лица и стремление противопоставить им свою точку зрения, представить ее как правильную.

На исследование по установлению авторства был подан текст «Заявления о привлечении к ответственности». Особенность текста заключалась в том, что из 54 предложений 40 представляли собой цитаты из статей закона, авторский элемент в которых сводился к вводным выражениям «В соответствии со ст./с пунктом…» и «Согласно ст./пункту…». Таким образом, индивидуально-авторскими являлись лишь 14 предложений, среди которых 10 простых, три сложноподчиненных и одно сложное с разными типами связи.

На основе анализа четырех свободных образцов был выделен ряд индивидуально-авторских признаков, учитывающих синтаксические и лексические особенности, орфографические и пунктуационные ошибки, общую манеру изложения и степень следования официально-деловому стилю. В спорном тексте анализировались лишь те предложения, которые содержали достаточный объем авторского текста (14 предложений). По большинству пунктов (13 из 16) авторские характеристики спорного текста совпали с характеристиками текстов-образцов, однако объем индивидуально-авторского материала в спорном тексте был слишком мал, чтобы делать однозначные выводы по статистическим параметрам. Например, некорректно было бы говорить о преобладании в спорном тексте среди сложноподчиненных предложений придаточных изъяснительных, поскольку в данном тексте всего три сложноподчиненных, среди которых два с придаточным изъяснительным и одно с придаточным определительным. В таких условиях для подтверждения или опровержения результата необходимо было проанализировать коммуникативно-прагматические характеристики, встречающиеся в тексте. Жанровая специфика «Заявления о привлечении к ответственности» делает аргументацию главной коммуникативной стратегией текста, в образцах письменной речи она также играет существенную роль, поэтому для уточнения результата были проанализированы модели аргументации.

Анализ проводился в несколько этапов. На первом этапе были проанализированы модели аргументации в каждом из текстов-образцов отдельно. На втором этапе эти модели сравнивались и при наличии достаточных оснований объединялись. На третьем этапе исследовались модели аргументации, присутствующие в спорном тексте, затем они сравнивались с теми, которые были выделены как авторские на базе проанализированных текстов-образцов. И, наконец, на последней стадии для доказательства того, что данные модели не являются общеупотребительными для официально-делового стиля, проводилось сравнение установленных моделей с моделями, выделенными в текстах других авторов.

Прежде всего были проанализированы два отзыва на исковое заявление.

С содержательной стороны аргументация в обоих отзывах строится на отсылке к закону, однако это характерно для процессуальных документов в целом, поэтому не может рассматриваться как индивидуализирующий признак. С точки зрения логического оформления аргументов был выделен ряд моделей.

Для отзыва 1 характерны следующие две модели:

1. Перечисление отсутствующих необходимых условий и следующий из этого негативный вывод с усилением отрицания или без него (НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД). Например: «ООО не владеет указанной квартирой, не имеет возможности определять ее юридическую судьбу, а следовательно, не может быть ответчиком по данному делу», «На вторую очередь строительства у ООО не было ни земельного участка, ни проекта, прошедшего строительную экспертизу, ни разрешения на строительство, и эта очередь, соответственно, не строилась и не продавалась».

2. Негативный вывод, поясняемый перечислением отсутствующих необходимых условий (НЕ-ВЫВОД – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ). Например: «Это условие также не выполнено, ни ООО, ни истец денежные средства ответчику не передавали», «Между ООО и истцом изначально не мог быть заключен договор участия в долевом строительстве (ООО не обладало ни землей, ни прошедшим строительную экспертизу проектом, а также не имело разрешения на строительство)».

Обе модели имеют одинаковые компоненты, состоящие в одинаковых отношения (негативный вывод и отсутствие необходимых условий, что подтверждает его справедливость), при этом используется именно перечисление равноправных условий, а не одно ключевое и одно или несколько дополнительных. Следовательно, данные две модели можно объединить в одну, имеющую два варианта реализации.

Для отзыва 2 были выделены следующие микромодели:

1. Перечисление отсутствующих необходимых условий и следующий из этого негативный вывод. (НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД). Например: «Общество с ограниченной ответственностью в этих правоотношениях никакого участия не принимало и каких-либо обязательств в отношении истца на себя не брало… Таким образом, данные обязательства никаким образом не касаются Общества с ограниченной ответственностью). Стоит отметить, что, в отличие от текста отзыва 1, где все элементы расположены в рамках одного предложения, здесь между условиями и выводом находится еще три предложения, представляющие собой цитаты из законодательных актов, которые раскрывают сущность правоотношения сторон договора. Однако данные предложения, во-первых, не являются авторским текстом, а во-вторых, не нарушают логической связи между компонентами модели.

2. Противопоставление имеющегося условия отсутствующему и следующий из этого негативный вывод (УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД). Например: «В материалах дела имеются свидетельства того, что истец желал замены застройщика, но нет доказательств того, что ответчик принял на себя такие обязательства. Следовательно, между истцом и Обществом с ограниченной ответственностью никаких правовых отношений не возникло»).

Обе модели, как и в предыдущем случае, имеют общие компоненты (негативный вывод и перечисление нереализующихся условий), эти компоненты находятся в одинаковых отношениях (условия для подтверждения и усиления категоричности вывода), однако вторая модель помимо нереализованного условия имеет также условие реализованное (желал), которое противопоставлено первому как более слабое. В связи с этим представленные в данном тексте модели объединению не поддаются.

Анализ двух текстов отзывов на исковое заявление позволяет заключить, что для авторского стиля в рамках данного жанра характерны две модели аргументации: простое перечисление отсутствующих условий и негативный вывод (НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД) и противопоставление отсутствующего условия как более сильного имеющемуся более слабому для подтверждения негативного вывода (УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД), при этом первая модель может быть реализована в двух вариантах. Обе модели имеют сходные компоненты, находящиеся в сходных связях.

Для выхода за пределы жанра и поиска моделей, присущих авторскому стилю написания процессуальных документов, были проанализированы два официальных письма и одна аналитическая записка. В последнем тексте, возможно, в силу жанровой специфики, аргументация как речевая стратегия автором не использовалась.

Первое официальное письмо также оказалось бедным на аргументацию, однако в нем удалось обнаружить имплицитно выраженную аргументацию: «В связи с тем, что предполагаемое строительство прорабатывается исключительно в Ваших интересах и не имеет никакого отношения к ООО, прошу дать пояснения: на каком основании я (как участник этого ООО) должен нести расходы на проведение таких работ?» В данном предложении используется косвенный речевой акт отрицания, завуалированный речевым актом вопроса: «на каком основании я должен?» = «я не должен», следовательно, вторую часть предложения можно рассматривать как негативный вывод. Тогда данная модель приобретает уже знакомый нам по тексту второго отзыва вид: два противопоставленных друг другу условия, из которых одно реализованное, а другое нет, и следующий из них негативный вывод (УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД).

Во втором официальном письме встречается модель аргументации, выделенная в первом отзыве: «В очередной раз обращаю Ваше внимание на то, что Вы искусственно затягиваете процесс распределения имущества… Никаких мер по продаже ненужных уже активов не предпринято, персонал сокращен далеко не в полном объеме. Даже сокращение расходов по аренде офиса Вы затянули до июня…». Как и во втором отзыве, компоненты данной модели расположены не в одном и даже не в соседних предложениях, однако они логически связаны между собой. Кроме того, в данном тексте отрицание не всегда выражено прямо, в выводе и последнем условии оно заложено в семантике слова «затягивать», т.е. не делать вовремя. Опираясь на это, можно заключить, что модель аргументации в данном случае совпадает с уже известной нам по жанру отзыва на исковое заявление (НЕ-ВЫВОД – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ), отличаясь лишь наличием третьего нереализованного условия.

Исследование текстов официальных писем показало, что и в этом жанре для авторского стиля характерно использование модели перечисления отсутствующих условий для подтверждения и усиления категоричности негативного вывода, представленной в варианте предшествования вывода условиям. Особенность этой модели в данном случае заключается в том, что отрицание не всегда выражено прямо: в одном случае оно находится в косвенном речевом акте, а в другом заключено в семантике слова.

Обобщая полученные результаты, можно заключить, что для манеры аргументации автора текстов-образцов характерно использование двух моделей:

1. Перечисление отсутствующих условий для подтверждения и усиления категоричности негативного вывода (НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД). Данная модель представлена в двух вариантах: вывод предшествует условиям и условия предшествуют выводу.

2. Противопоставление двух условий, одно из которых не реализовано, и негативный вывод (УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД).

Первая модель, как видно из анализа, встречается чаще второй, что указывает на определенные авторские предпочтения. Особенностью авторского стиля также можно считать то, что обе модели построены на перечислении условий; противопоставление, присутствующее во второй модели, имеет некатегоричный оттенок и семантически близко к сопоставлению.

На следующем этапе необходимо провести анализ моделей аргументации, которые встречаются в спорном тексте. Основным смысловым способом аргументации в данном тексте явились цитаты из законодательных актов, причем не просто ссылки, а развернутые цитаты, составляющие большую часть текста (40 предложений из 54). В целом отсылка к закону – характерный для юрисдикционных текстов способ аргументации, однако столь объемное копирование при минимальном объеме авторского текста наводит на мысль о маскировке авторского стиля. Что же касается моделей аргументации, то в данном тексте есть только один абзац, содержащий авторскую аргументацию: «Таким образом, обращаем Ваше внимание, что Иванов И.И. занимается строительством объекта в границах данного земельного участка, не имея на то соответствующего разрешения, положительного заключения государственной историко-культурной экспертизы и заключения соответствующего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Можно сделать вывод, что данная стройка незаконна». Модель, которая выстраивается на основе данного отрывка, включает следующие элементы: перечисление не реализованных существенных условий и следующий из этого негативный вывод. Сравнивая данную модель с теми, которые были выделены в качестве маркеров авторского стиля в текстах-образцах, можно прийти к выводу, что она совпадает с первой моделью (НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД).

Таким образом, мы видим совпадение модели аргументации из спорного текста с наиболее употребляемой моделью из текстов образцов, однако для подтверждения уникальности данной модели необходимо сравнить ее с теми моделями, которые характерны для текстов заведомо других автора.

В качестве образцов текстов Автора 2 было рассмотрено два текста, содержащих жалобу на незаконные действия служителей правопорядка. Первый текст относился к жанру жалобы, а второй – к жанру обращения, однако семантически был также близок к жалобе. Исследование этих текстов показало следующее.

В тексте «жалобы» встретилась только одна модель, представленная в предложении: «Считаю, что во время допроса были нарушены мои права на защиту, так как мой адвокат не только не выполнил свои профессиональные обязанности, но и покрывал противозаконные действия следователя». В начале предложения расположен негативный вывод (с отрицанием, заложенным в семантику слова, «нарушены» = «не соблюдены»); он поясняется при помощи двух категорически противопоставленных друг другу условий, причем первое условие, являющееся обязательным для положительного вывода, не выполнено, а второе, являющееся запрещенным, выполнено (НЕ-ВЫВОД – УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ). Модель построена на жестком противопоставлении, взаимоисключении двух условий.

В тексте «обращения» несколько раз повторяется другая модель, заключающаяся в демонстрации абсурдности ситуации: сперва приводится ряд условий, явно указывающих на положительную характеристику автора, а затем условие, противоречащее первому и указывающее на негативные действия в адрес автора: «*…кандидат медицинских наук, эксперт высшей квалификационной категории, более 27 специализаций и переподготовок, стаж экспертной работы двадцать лет… Также экспертом по контролю в сфере медицинской и фармацевтической деятельности, ветеран войск специального назначения и спецслужб, имею множество наград и Орден “Доблесть России 3 степени”. И я привлекаюсь по ст. 234 ч. 3*»; «*Для того же ФСКН нами было выполнено перед данным событием около 40 экспертиз, причем по постановлениям руководителя ФСКН. На мой вопрос, для какой цели прибыли столько сотрудников, мне сообщили что “мы знаем про вас, что вы мастером спорта по единоборствам, ветеран спецназа, владеете оружием, – могли оказать сопротивление”, после чего начали разрушение моего служебного помещения, раскидывая судебные документы в разные стороны*».

Вывод в данной модели не эксплицирован, однако при таком жестком противопоставлении условий можно говорить о навязывании пресуппозиции [7. С. 191–200]. Таким образом, модель может быть представлена следующим образом: УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД. Как и в предыдущем тексте, в основу аргументации положено жесткое противопоставление и даже противоречие условий.

На основе анализа текстов «жалобы» и «обращения» можно заключить, что данный автор использует две модели аргументации: 1) негативный вывод, подтверждаемый тем, что не только не выполнено обязательное условие, но и выполнено запрещенное условие; 2) позитивный факт, противоречащий ему негативный факт – имплицитный вывод. Несмотря на различие моделей, у них есть общий элемент, позволяющий говорить об особенностях авторского стиля: в их основу положено категорическое противопоставление условий, указание на их несовместимость.

Тексты Автора 3 относились к жанру претензии.

В тексте первой претензии (далее Претензия 1) встретилось два случая аргументации, представляю-

щих две разные модели. Первая модель имеет вид УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ– НЕ-ВЫВОД и представлена в следующем высказывании: «*Согласно пункту 6.5 указанного СНиП минимальное противопожарное расстояние между строениями, расположенными на соседних земельных участках, равняется 6 (шести) метрам. Причем согласно п 6.7 СНиП минимальные расстояния до границы соседнего садового участка по санитарно-бытовым условиям должны быть не менее 3 (трех) метров от садового дома. Расстояние между дачным домом на участке № 5 и границей соседнего участка № 6 практически отсутствует. Несоблюдение норм СНиП привело к тому, что когда в Вашем дачном доме на участке № 5 произошло возгорание из-за неисправности проводки, пожар распространился на соседний участок и нанес ущерб моему имуществу*». Вторая модель имеет вид УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД и представлена в высказывании «*15 мая 2014 года на участке № 5 на прежнем месте остается дачный дом со значительными следами пожара (остался фундамент, металлические балки, остатки стен). Противопожарные и санитарно-бытовые расстояния по-прежнему не соблюдены, что создает опасность повторного распространения огня, создает неблагоприятную санитарную обстановку и нарушает действующее законодательство РФ, а также мои законные права и интересы*». Ключевым элементом моделей в Претензии 1 является уточнение, именно на нем делается акцент аргументации.

В тексте второй претензии (далее Претензия 2) встречаются похожие модели. В высказывании *«В соответствии со ст. 469 Гражданского кодекса РФ продавец обязан передать покупателю товар, качество которого соответствует договору купли-продажи. При отсутствии в договоре купли-продажи условий о качестве товара продавец обязан передать покупателю товар, пригодный для целей, для которых товар такого рода обычно используется. Однако товар не был поставлен в срок, оговоренный в договоре купли-продажи (до 30.05.2014 г.). После доставки части указанного выше товара 27.06.2014 г., выяснилось, что стеновые блоки имеют дефекты в виде сколов и трещин. Считаю, что данный товар не соответствует договору купли-продажи»* имеет место та же модель, что и в Претензии 1 (УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД).

Кроме того, встречается модель УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – НЕ-ВЫВОД, которая разворачивается на протяжении нескольких абзацев. Она может считаться вариантом второй модели, выделенной в тексте первой претензии (УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД), поскольку содержит те же элементы, находящиеся в тех же смысловых отношениях, меняется лишь то, какое из условий уточняется. Ключевым компонентом также является уточнение.

В третьей претензии встречается другая модель, которая повторяется несколько раз с небольшими вариациями. В общем виде эта модель может быть представлена следующим образом: НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД – УТОЧНЕНИЕ. Она встречается в следующем фрагменте текста: *«В случае неустранения Исполнителем указанных недостатков в течение 45 (сорока пяти) календарных дней с момента получения данной претензии Заказчик вправе отказаться от исполнения Договора согласно аб. 3 п. 1 ст. 29 Закона РФ "О Защите прав потребителей"*». Ее варианты встречаются в следующих отрывках: «*уплотнение москитной сетки неплотно прилегает по бокам створок, что не позволяет ей выполнять свои функции*» (модель НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД) и «Обращаем *Ваше внимание, что приемка работ Заказчиком произведена не была. Акт приемки работ не подписан, следовательно, Заказчик имеет право требовать безвозмездного устранения как явных, так и скрытых недостатков в разумный срок согласно п. 1 ст. 723 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также п. 1 ст. 29 Закона РФ "О защите прав потребителей"*» (модель НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – ВЫВОД- УТОЧНЕНИЕ). В тексте этой претензии уточнение также играет ключевую роль.

Таким образом, для текстов третьего автора характерны следующие модели, ядром которых является уточнение:

1. Противопоставление реализованного и нереализованного условий с уточнением одного из них и следующий из этого негативный вывод (УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД).

2. Перечисление реализованного и нереализованного условий с уточнением одного из них и негативный вывод.

3. Нереализованное условие (или несколько), негативный (или позитивный) вывод с уточнением (или без него) (НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД – УТОЧНЕНИЕ).

Сопоставление выявленных моделей позволяет заключить, что для текстов рассмотренных авторов характерны не только разные частные модели аргументации, но и разные основания для построения аргументов: для автора текстов-образцов и спорного текста характерно перечисление реализованных и / или нереализованных условий и эксплицированный негативный вывод, в то время как для автора «жалобы» и «обращения» характерно жесткое противопоставление позитивных (обязательных) и негативных (запрещенных) условий. Для текстов автора претензий специфическим компонентом является уточнение, которое повторяется во всех моделях аргументации этого автора.

Что же касается решения поставленной перед исследователем задачи, подтверждения или опровержения того, что спорный текст написан тем же автором, что и тексты-образцы, то проведенное исследование позволяет сделать вывод: модель аргументации, которая встречается в спорном тексте, совпадает с одной из моделей аргументации автора текстов-образцов. Также совпадают и основания модели – простое перечисление без уточнений или жестких противопоставлений (таблица). Данный вывод подтверждает результаты идентификационного исследования, проведенного традиционными методами.

Сопоставление моделей аргументации разных авторов

Автор 1	Автор 2	Автор 3	Спорный текст
НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД			НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД
УСЛОВИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД			
	НЕ-ВЫВОД – УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ		
	УСЛОВИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ		
		УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД	
		УСЛОВИЕ – УТОЧНЕНИЕ – НЕ-УСЛОВИЕ – НЕ-ВЫВОД	
		НЕ-УСЛОВИЕ –УТОЧНЕНИЕ – НЕ-ВЫВОД	

На основании проведенных исследований можно говорить о том, что модели аргументации, присущие автору, а также основания построения этих моделей могут использоваться в качестве дополнительного признака, позволяющего уточнить полученные традиционными методами результаты идентификационного автороведческого исследования текстов процессуальных документов. Однако, как показал анализ аналитической записки, это возможно только в тех текстах, в жанровой структуре которых заложена возможность использования речевой стратегии аргументации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Безрукова А.И., Огорелков И.В., Захаров М.П. Комплексная методика производства автороведческих экспертиз : метод. рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2006. 250 с.
2. Абрамкина Е.Е. Автороведческая экспертиза протокола допроса: основные особенности и методика анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 158–162.
3. Комаров А.Н. Язык и стиль судебных документов. Практические рекомендации по оформлению судебных актов. СПб. : КАДИС, 2002.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (Когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 46 с.
5. Кардович И.К., Коробова Е.В., Миронова Д.А. Аргументация как основополагающая категория дискурса // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 3 (59). С. 224–237.
6. Тульчинский Г.Л. Культура деловой и политической аргументации : учеб. пособие. СПб. : ЮТАС, 2010. 118 с.
7. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 октября 2017 г.

ARGUMENTATION MODELS IN PROCEDURAL INSTRUMENTS AUTHORSHIP EXAMINATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 5–11.
DOI: 10.17223/15617793/425/1

Elena E. Abramkina, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: abramkinaee@list.ru

Keywords: authorship examination; authorship attribution; authorship identification; argumentation model; less informative genre; procedural instruments.

The paper is devoted to the study of argumentation models to assert less informative genres authorship using possibility. The object of the research is argumentation models in procedural instruments. The aim of the paper is to test a hypothesis that different authors in similar communicative situations use different argumentation models and different combinations of these models. The article is addressed to researchers who work in the field of forensic linguistic and problems of official texts authorship examination. The text of the article includes an introduction, three parts and a conclusion. The introduction tells about the complexity of procedural instruments authorship examination and about the necessity of using complementary parameters for research validation. The complexity is firstly due to its attribution to the official style. It has strict requirements to the form and the content of procedural instruments. Another problem is legislative requirements to the structure and content of documents. The first part familiarizes readers with the concept of the argumentation model, its components and construction principles. It also tells about authorship examination using the argumentation models algorithm. The second part is devoted to argumentation models in texts-samples and in contentious text analysis. It is established that the main argumentation model is the same for texts-samples and contentious texts. A necessity to compare the findings with other authors' models is established. The last part of the paper is devoted to two other authors' texts analysis. Findings comparison allows concluding that different authors use different argumentation models in a similar communicative situation. In the conclusion, the author again speaks about the complexity of authorship examination of less informative texts and arrives at a conclusion that argumentation models and the bases for model construction can be used as supplementary features that specify results of procedural instruments authorship examination by classical methods. The paper is illustrated with a table which demonstrates three authors' argumentation models difference and the contentious text and the first author's models similarity. The article contains a list of references.

REFERENCES

1. Rubtsova, I.I. et al. (2006) *Kompleksnaya metodika proizvodstva avtorovedcheskikh ekspertiz: metod. rekomendatsii* [Comprehensive technique for the production of author's expert assessment: methodological recommendations]. Moscow: EKTs MVD Rossii.
2. Abramkina, E.E. (2017) The interview memo authorship examination: basic special aspects and the method of the analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 158–162. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/415/22
3. Komarov, A.N. (2002) *Yazyk i stil' sudebnykh dokumentov. Prakticheskie rekomendatsii po oformleniyu sudebnykh aktov* [Language and style of judicial documents. Practical recommendations on execution of judicial acts]. St. Petersburg: KADIS.
4. Baranov, A.N. (1990) *Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (Kognitivnyy podkhod)* [Linguistic theory of argumentation (Cognitive approach)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
5. Kardovich, I.K., Korobova, E.V. & Mironova, D.A. (2016) Argumentation as a basic discourse category. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Research of Social Problems*. 3 (59). pp. 224–237. (In Russian).
6. Tul'chinskiy, G.L. (2010) *Kul'tura delovoy i politicheskoy argumentatsii* [Culture of business and political argumentation]. St. Petersburg: YuTAS.
7. Baranov, A.N. (2007) *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic examination of the text: theory and practice]. Moscow: Flinta: Nauka.

Received: 25 October 2017

УДК 81'282.2, 81'42

С.В. Волошина, М.А. Толстова

КОНЦЕПТ «РАБОТА» В ЖЕНСКИХ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ РАССКАЗАХ СИБИРСКИХ СТАРОЖИЛОВ: КОНСТАНТЫ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-02043 «Культура русского народа в диалектном языке и тексте: константы и трансформация»).

Описывается трансформация представлений о работе в женских диалектных автобиографических рассказах, записанных с середины XX в. по настоящее время на территории Томской области. Концепт рассматривается как единица мышления, которая репрезентируется средствами языка. В содержании концепта выделяются понятийный, образный и ценностный слои, прослеживается трансформация представлений о работе в каждом из них, обусловленная влиянием социально-политических и экономических факторов.

Ключевые слова: концепт; дискурс; диалект; говоры; гендер; автобиографический рассказ; речевой жанр.

Одним из новых направлений в изучении русских говоров является когнитивно-дискурсивное. Оно возникло в диалектологии в конце XX – начале XXI в. вслед за его появлением и развитием в отечественной лингвистике. В рамках этого подхода интенсивно развиваются новые направления, такие как диалектная концептология, занимающаяся исследованием концептов народной речевой культуры, и диалектное жанроведение, объектом изучения которого являются речевые жанры диалектной коммуникации.

В данной работе анализируется когнитивная единица – концепт – в аспекте ее дискурсивного функционирования. Вслед за Е.С. Кубряковой – основателем когнитивно-дискурсивной парадигмы в отечественной лингвистике – мы считаем, что раздельное описание языковых явлений с позиции когнитивного подхода и позиции коммуникативного подхода носит условный характер, поскольку «в реальном функционировании языка – функции когниции и коммуникации не могут быть жестко противопоставлены друг другу» [1. С. 65–66].

Существуют разные взгляды исследователей на изучение концептосферы: одни относят методику исследования концептов к прерогативе когнитивного подхода [1], другие – лингвокультурологического направления, считая, что концепты – это константы определенной культуры, отражающие культурно-значи-мую информацию и систему мировидения [2]. Несмотря на различия в понимании концептов, в методах и приемах их исследования, общим является признание того, что концепт – основная единица сознания, и он репрезентируется средствами языка [3. С. 4]. То есть язык – одно из средств доступа к сознанию человека, его концептосфере, к содержанию и структуре концептов как единиц мышления [4. С. 7].

К настоящему моменту уже описаны разнообразные концепты диалектной культуры. Эти исследования выполнены на материале русских говоров Алтая [5], Среднего Приобья [6, 7], Среднего Прииртышья [8], Низовой Печоры [9, 10], могилевско-смоленского пограничья [11], русских говоров в целом [12, 13]. Среди них концепты «Картошка», «Корова», «Жизнь», «Смерть», «Прозвище», «Дом», «Женская одежда», «Снег», «Ум», «Душа», «Война», «Воля», «Истина», «Грех» и др. Концептосфера говоров Среднего Приобья изучается уже более 15 лет. Так, проанализированы концепты, функционирующие в говорах Среднего Приобья в целом [14], в речи диалектной языковой личности [6, 15], концепты, реализующиеся в речевых жанрах [16]. Это работы, посвященные описанию пространственных, этических и других концептов, отражающих элементы духовной и материальной культуры.

Как отмечает Л.Г. Гынгазова, «тот или иной тип культуры определяется набором культурных доминант – наиболее важных для данной лингвокультуры концептов, проявляющих себя на коммуникативно-деятельностном уровне» [15]. Такой доминантой и одной из констант русской культуры, одним из ее ключевых, базовых и представляющих исключительную важность в системе русского общества концептов исследователи называют концепт «Труд/Работа» [17–20]. Его репрезентацию исследовали на материале паремий русского языка [21], народных мемуаров [22], сборника сказок А.Н. Афанасьева [23], толковых и фразеологических словарей [24]. Концепт «Работа» исследовался в сопоставительном [20, 24], лингвокультурологическом [17, 25], социокультурном [19] и других аспектах.

Мы обратили внимание на функционирование концепта «Работа» в говорах Среднего Приобья. Материалом исследования выступают 80 женских автобиографических рассказов, записанных в период с 1961 по 2017 г. Информанты – женщины-диалектоносители, рожденные с 1870 по 1954 г.

Цель данной статьи – описать концепт «Работа», функционирующий в женских автобиографических рассказах, и выявить константы и изменения в его внутренней структуре.

Объектом исследования является речевой жанр автобиографического рассказа в его гендерно обусловленной форме; предметом – средства, репрезентирующие концепт «Работа», функционирующий в указанном речевом жанре, и его содержательная специфика, реализуемая в этих средствах.

Выбор женских рассказов для исследования обусловлен тем, что разграничение мужского и женского начал пронизывает все сферы народной культуры, в том числе и трудовые обязанности и представления о работе.

Изменения в общественной, политической жизни России XX в. оказали значительное влияние на женщину в целом. Революции, получение женщинами юридических прав, вовлечение их в общественную жизнь, коллективизация, колхозно-совхозное строи-

тельство, резкий скачок механизации ручного труда, военное время, переход к рыночной экономике и процесс урбанизации – эти и другие события, явления и процессы повлияли не только на основы общественного устройства российской деревни, но и на повседневную жизнь людей, их ценности, обыденные представления, нормы поведения и жизненные стратегии, которые непосредственно связаны с изменением гендерных ролей и трансформацией гендерных стереотипов. Столкновение социально-политических условий и традиций проявилось в особом распределении трудовых обязанностей мужчин и женщин и изменении представлений о работе, что не могло не найти своего отражения в языке. Как представляется, эти изменения можно проследить на примере концепта «Работа».

Исследуемый концепт – это жанрообразующий концепт для речевого жанра автобиографического рассказа [26], т.е. который участвует в создании данного речевого жанра, его структурировании. Мы считаем концепт «Работа» жанрообразующим на основании того, что он проявляется в любом исследуемом тексте речевого жанра автобиографического рассказа, поскольку труд – это основа жизнедеятельности крестьянской семьи, в которой работать начинают с раннего детства.

Автобиографический рассказ – информативный речевой жанр, представляющий собой устный рассказ диалектоносителя о своей жизни с момента рождения до момента общения с диалектологом. Это один из ядерных речевых жанров, возникающих в данной коммуникативной ситуации. Каждый информант сообщает о своей жизни, жизнь становится понятием, выстраивающим, структурирующим этот речевой жанр, поэтому мы относим концепт «Жизнь» к жанрообразующим для речевого жанра автобиографического рассказа. Поскольку неотъемлемой частью крестьянской жизни является труд, жизнь часто представляется в диалектной речи как понятие, синонимичное работе. Н.В. Орлова при исследовании этики простого человека по данным «народных мемуаров» также отмечает, что работа – «не просто одна из моральных ценностей, но важнейшая смысложизненная категория. В многочисленных смысловых и речевых вариациях демонстрируется взаимопроникновение концептов «Жить» и «Работать» [22. С. 189].

Концепт «Работа» как одна из констант речевого жанра автобиографического рассказа является константой традиционной народной культуры. Однако анализ нашего материала показал, что в его содержании отражены как устойчивые представления, так и трансформация некоторых из них, обусловленная различными факторами.

Анализ этих устойчивых и изменяющихся представлений о работе мы будем проводить в русле сложившейся в концептологии традиции – методики описания концептов путем выделения в них понятийного, образного и аксиологического слоев [27. С. 107]. Поскольку концепт – это единица сознания и он репрезентируется средствами языка, его вербализацию и изменения в содержательной стороне мы рассматриваем на разных языковых уровнях, прежде всего на лексическом. Из исследуемых текстов выбирались контексты с лексемами «работа» и «труд» и их дериватами. В выявленных контекстах анализировались сочетаемость обозначенных лексем, их системные связи (антонимические отношения), рассматривалась семантика этих единиц и высказываний в целом. То есть содержательная сторона концепта (в том числе динамика представлений о работе) моделировалась с использованием контекстуального анализа, мы рассматривали функционирование обозначенных единиц в контексте.

Обратимся к рассмотрению каждого из названных слоев в структуре концепта «Работа».

1. **Понятийный слой.** Концепт «Работа» номинирует лексические единицы **работа, труд, работать**, его диалектно-просторечный вариант **робить** *(Ой, вот только, знаю, ту войну шибко трудно было детей годовать. Маленьки все **робили**. Хлеб заростал*) и единицы, производные от этого глагола (например, **проработать**: *Нет, он уже десять дней **проработал**, десять дней **проработал**, там, хозяин говорит, хулиганил… и без разрешения там… лес это…*), **трудиться**, а также названия профессий и конкретных видов деятельности.

Глагол **работать** в автобиографических рассказах употребляется в следующих синтаксических структурах:

– **«работать на ...»:** *Она больна была, помирала прям на глазах, а доглядеть некому, все **на полях работали**; «В колхозе **на зерне я работала**, бригадиром была; А жена его в городе, э, нет, не в городе, в Кандинке, и тоже работы там нету, ну от это, мать детей от этих, аха, в Кандинке, там как**и**-то сады у них, вот, на этих садах. **На** этих **садах** она там **работала**; **На лошадях работали**. Сеяли руками*;

– **«работать в ...»: *В войну работала** на тракторе, сеяла, жала. Всяко бывало. Тогда комбайны были прицепные, это сейчас самоходные. Сами и ремонтировали трактора. Всю войну на тракторе. Тогда всего на колхоз было два трактора. Четыре женщины-трактористы – вся наша бригада»*;

– **«работать за...»** для обозначения должности, профессии: *Пятеро детей у меня. Пожилы уже все, на пенсии. Одна в редакции **работала**, старша-то, **за секлетаря**;* для обозначения вознаграждения: *Мы **за зерно работали**. Зерно дадут, не деньги, а зерно.*

Период, когда человек начинает трудовую деятельность или устраивается на новое рабочее место, обозначается с помощью следующих конструкций и лексических единиц:

1) «глагол прошедшего времени совершенного вида «**пойти (прийти, зачать, начать, стать) + работать** (или название конкретного вида деятельности) + (место работы)»: *Ой, маялись! Но а тут че, совхоз. **Пошла на ферму, дояркой работала.** Стали руки склеиваться. Видно, застудила. Техничкой пошла работать, и тогда доработала до пе`ньсий. Вот уже пятнадцать ей как…*

2) **«устроиться, пристроиться, поступить»**: *…Тогда ведь не как сейчас было: рыбы всякой пропасть была, и осетр водился, и стерлядь, и карась пудовенький был, добрый был завод, от я и пристроилась на него-то...; Тут я устроилась в военную столовую. Это там проработала.*

Для именования процесса и результата труда используются следующие лексические единицы и синтаксические конструкции:

– **ворочать** (Ворочать – ‘делать тяжелую работу’ [Среднеобский словарь]): *Нутро сорвала, **ворочала** как мерин. Мать не надо теперь дочерям...; Иногда так накрутитца, что руки опускаются, а приходит домой – тут надо **ворочать**;*

– **делать**: *...по людям ни ходим, ни просим, хотя уже старенькие, но все для себя своими руками **делаем**;*

– **мантулить**: *Так всю жизнь **мантулила**. На работу все пешком ходили, коров надоим и пешком домой идем...); **Мантулишь** день, а кашу-заваруху ребятишкам;*

– **трубить**: *Тогда не понимали, день ли ночь. **Трубили** цельными суткими;*

– **вкалывать**: *Вот мне было одиннадцать лет. И то **вкалывала**, работала уже; Ну, а че, вышли, че, грамоты нету никакой. **Вкалывала** как ишак. Когда война началась, двенадцать лет было. Все на мне, мама больна' была, все на мне стояло;*

– **пахать**: *Ешо далеко ей* [до пенсии], *надо много **пахать**;*

– **пластаться / пластать:** *Со'дют. Идохну'ть надо. Четыре дня, пять **пласта'лись**; Я говорю: «У-у! я бы в твоих годах, дак ешо… все бы **пласта'ла**, делала бы». А я говорю: «А мне нихто не скажет»;*

– **гнуть спину**: *Но колхоз мне помогал маленько, а так с утра до ночи **спину гнула**.*

Кроме перечисленных средств используются глаголы, обозначающие конкретный вид деятельности: **рыбачить, сеять, жать, пахать, боронить, убирать (хлеб), сторожить, таборить** (*Таборить – ‘складывать в кучу, штабель’* [Среднеобский словарь]), **доить, ходить за**... и т.д.: ***Пахала и боронила**, все делала. Я хошь мало, а захватила ту жись. Плугом **пахали**. В пристяжке, запрягешь лошадь и **боронишь** на ней; Когда в Речке жили, то я и кухаркой была, и коров **доила**, и тут в Баткате тоже **доила** и **за курями ходила**.* Среди таких номинаций видов деятельности встречаются традиционно женские занятия: **прясть, ткать**: *Тоды' не'когды было учиться. Пряли, ткали.*

Репрезентация концепта «Работа» в женских автобиографических рассказах осуществляется также с помощью номинаций работающих женщин. Номинации лиц по профессии в основном представлены существительными мужского рода, поскольку традиционно мужчина предстает носителем социального статуса: *Дочери инженерами работают. Люба – анженер-строитель, а муж ее – электроник, ничем он не занимается*. В данном примере отражается влияние экстралингвистических – общественно-политических – факторов на языковую систему. В отличие от традиционной для российского общества патриархальной системы, когда женскими считались лишь сферы, связанные с рождением и воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства, приготовлением пищи, в XX в. происходит выравнивание прав и возможностей мужчин и женщин в разных сферах, в том числе профессиональной. Соответственно, среди номинаций работающих женщин появляются названия профессий, которые изначально считались мужскими, и новых профессий, типично женских, не связанных с ведением домашнего хозяйства: **работница, тракторист / трактористка, вязальщица, вышивальщица, акушерка / кушерка, акушерочка / кушерочка, балерина / барелина, буфетчица, свинарка** и т.д.: *Четыре женщины-**трактористы** – вся наша бригада; Вот, вот, а дочь, это, сестра со… старшей **трактористкой** работала у нас.*

Перечисленные номинации работы и работающих женщин позволяют говорить о том, что ядерным элементом в понятийном слое концепта «Работа» является деятельность.

Работа в жизни крестьян занимает особое место, поскольку большая часть их жизни связана ней, это источник средств к существованию: *Я **всю жизнь работала и сейчас продолжаю работать**... Сейчас на пенсии я. **Всю жизнь – в сельском хозяйстве**.* Вследствие этого изменения, происходящие в мире, стране, селе, в той или иной сфере жизни человека, влияют на изменения в осуществлении разных видов деятельности. Это становится очевидным при рассмотрении некоторых факторов.

Так, одним из них является экологический: ухудшение экологии и введение запретов на вылов рыбы ценных пород, рыбалку и охоту в определенное время приводят к постепенному исчезновению этих видов деятельности: *Ну, есь щас рыба, но мало, мало. Вот раньше, я, даже вот, это, до войны, помню, была бригада рыболовецкая, ловили рыбу, помню. Щас – нет, щас, ну, некоторые, вот, ловят, там, как уж они уж ловят?*

Наблюдается влияние глобального события – Великой Отечественной войны: условия военного и послевоенного времени стирают границы типично «мужских» и типично «женских» видов деятельности: *Работала я до войны **дояркой**, потом стала **сеновозом, рыбаком,** потом **пояркой**: телят маленьких поила; В войну неводами рыбачили. В колхозе жили, работали, землю возили, дрова возили. **Я лес возила** с мужиками, **лес валила**. **Что у мужика лошадь, то и у меня лошадь была**. **Также с мужиками наравне работали.** Поэтому износилася скоро.*

Во время войны в целом изменился образ жизни людей, она стала событием, разделившим жизнь человека и страны на отрезки **до** и **после**. Соответственно, изменение уклада жизни сказалось и на изменениях в работе, что отражается и в женских, и в мужских автобиографических рассказах: *В войну не корчевали. Только лишь убрать бы хлеб. Все государству сдавали. Самим как придется; А потом я стал трактористом. Потом выучился машинистом. Машинистом работал. **Когда напарника-то забрали на фронт, мне пришлось быть и трактористом, и машинистом.** А потом на фронт через шесть месяцев; В войну и женщины пахали, и все. Сами косили, трудно было. Мужчины все ушли. Скота' держали. День и ночь трудились. За орехами ходили. Помирали раньше. Приедут, накормят маленьких; Убирали и руками, и машинами. И комбайнами, и руками, и всяко. И все шло для фронта. А себе ничего.*

В связи с механизацией труда (заменой ручного труда) происходит трансформация представлений о работе, которая репрезентируется конструкциями «**раньше, тогда / теперь, сейчас**»: *Сейчас жизнь хорошая, радуйся. Сейчас все часы на работе знают, а раньше их не знали, день и ночь работали...; Сейчас*

ручная работа вся отошла. Были колеса – таратайки – на них возили. Сейчас гильз – трактор, землю собирает и в тележку. Вилы как каракульки. Да каракульки – это я сама выдумала, счас так. Отошла мода своей силой все ворочать. Техника теперь такая; Таперь у нас совхоз. Посмотришь – жизней залюбуешься. Машины кругом, тракторы, комбайны, а раньше этого ничего не было. На работу едут наряднехоньки, веселые, а мы работали день и ночь, не до веселья. А заработки сейчас какие! А что раньше – двенадцать рублев. Ну хлеба еще дадут, а что это! А ну как год неурожайный да сухой? Тогда маешься, на картошке живешь... В приведенных примерах отмечается улучшение условий труда: его механизация повлияла на изменения графика работы, одежды работающих людей, их эмоционального состояния, привела к меньшим затратам физических сил. Вместе с влиянием технологического фактора здесь отмечается и влияние социально-политического. Подобные примеры демонстрируют сложное переплетение факторов трансформации внутри концепта «Работа». Так, образование совхозов также изменило представления о работе: появилась сельскохозяйственная техника, заработная плата. Ср. оплата труда в колхозах: *В колхозе мы работаем, **мы же не получали деньги**; А потом после войны одевать нам нечего, это, не на что. **Работали на трудодни, не на деньги**. Деньги вот только так. Если в город съездишь, ну, продашь че-нибудь, тогда только деньги будут; **В колхозе раньше же не платили**, раньше мы работали, **палочки получали**, трудовая книжка, **палочку напишут и все, а денег не давали**...*

Отмеченные факторы проявляются и в мужских автобиографических рассказах, однако в исследуемых текстах репрезентируется их влияние и на сугубо женские виды деятельности, физиологические состояния и процессы: ***Мы ни часы, мы ниче не знали**. О-о-о-й, с ночи, с свету до темна. **Ни выходных у нас, ни отпусны'х, ниче у нас не было**. **Я девчонок рожала, дак седня серу таскала, на завтра родила**. Одно ведро тянет пятнадцать килограмм, мы на коромысле. **На коромысле та'шшым тридцать килограмм, на завтра родила**.*

Отсутствие техники, выполнение работы ручным способом представляется в автобиографических рассказах как фактор, мешающий женщинам выполнять домашнюю, женскую работу и роль матери: *А дети были маленькие. Родился мальчик. А когда он у меня? **Тридцать первого мая, до самых этих работала. После родов месяц – и опять на работы**. С мыска` бегу в ясли. Вот тут поля были луговые. В садик, туда пешком бегали кормить детей матери кормящие. Так и растила их. И эта тоже летом родилась. Ну, сначала, правда, зимой садики не работали, их сначала не было, матери сидели дома. Потом, это, стали открывать. Я помню Витьку посажу, а Ольгу положу в ко`рабу, привезу в ясли. Ой, маялись!* В данном примере также переплетаются технологический, социальный факторы изменения представлений о работе. Социальная политика государства (открытие детских садов, предоставление отпуска по уходу за ребенком) повлияла на жизнь женщин, облегчила ее: *Сейчас ро'дят – год не работают, а раньше бывало: бросишь, идешь на покос, дома оставишь на произвол судьбы. Щас че: детсады да школы; Наши дети росли не так как сейчас. Муки больше видали. Всех снясут в дом, старуху назначают. А какой с нее уход. Сейчас за детьми ухаживают и плотят им. А мы на полях родили; Девки родят и в декрет. Такое пузо и идешь работать. Не возили тележку перед собой. Мы не могли сидеть, работать надо.*

Таким образом, понятийный слой концепта «Работа» представлен разнообразными номинациями, имеющими в своем значении общую сему – деятельность. На трансформацию представлений о работе повлияли политический, экологический, социальный факторы, которые проявляются в контекстах как по отдельности, так и в их сложном переплетении.

Понимание работы как деятельности, занимающей основную часть жизни человека, представляют одновременно понятийный и аксиологический, и образный слои концепта «Работа», что свидетельствует об условности выделения в структуре концепта тех или иных слоев.

2. **Образный слой концепта** «Работа» представлен разнообразными метафорами и сравнениями. Прежде всего работа осмысляется как важная составляющая часть жизни, как сама жизнь: ***Век работала** и всю жизнь положила; Я **всю жизнь работала** и щас продолжаю работать; Они* [дети]*, на нас глядя, и говорят (ну это, конечно, мои лично дети так не говорят), но вот такие же как и'хный возраст, они говорят: «А что вы видели – работали»; Мы как и станем им говорить, что мы **с утра до ночи работали, и ночами работали**. Если уборочная идет, значит, ночами работали; Так и **работали от темна до темна**. **От зари до зари**. И никогда не скажешь, что я не пойду, что я голодная, или холодная, или не в чем пойти, нечего одеть. Босиком ходили. Председатель, бывало, говорит: «Смажьте, девчонки, пятки смолой, чтоб не кололось». Так и ходили на жниве босиком. Так и бегали, кровь урезана на руках, и ниче не заработали. **Так живем**; Конечно, в городе мне лучше. Меньше работать, а тут **нужно всю жизнь пахать***.

Представление о работе, занимающей бóльшую часть жизни, актуализирует ее восприятие как живого существа. Это репрезентируется в метафорических словосочетаниях: *пошла работа, пошло дело*: *А потом меня отправили по приказу управляющего треста в подсобные хозяйства... А тут уж **пошла** такая **работа**...* Представленные контексты характерны и для мужских текстов.

Из метафорических наименований работы, которые встречаются в женских автобиографических рассказах, отметим глаголы **«вошкаться», «трубить», «ишачить»**: *Раньше жили – работали, **ишачили**, как лошади. Вот, как жили раньше.* В данном контексте выраженным оказывается и сравнение **«работали как лошади»**.

Из сравнительных оборотов, употребляемых в рассказах о работе, можно выделить сравнения с животными, чей труд традиционно использовался в сельском хозяйстве (лошадь, конь, мерин): *Приходют баржи, мы вручную крапивны мешки таскали. Работали как кони. Придет мука на барже, сгружали одни бабенки.* Вариантом этих конструкций является

сравнение **«работать как ишак», «вкалывать как ишак»:** *Ну, а че, вышли, че, грамоты нету никакой.* ***Вкалывала как ишак****. Когда война началась, двенадцать лет было. Все на мне, мама больна′ была, все на мне стояло.* Подобные номинации и конструкции эксплицируют представление о тяжелой, непосильной работе, которую выполняют животные: лошадь, ишак.

Обозначенные метафоры и сравнения характерны как для женских, так и для мужских текстов. Однако в исследуемых рассказах встречаются сравнения, отражающие смещение гендерной принадлежности, сопоставление женщин с мужчинами*: Работала на лесозаготовке. Лес* ***валила, возила, как мужик****.*

3. В **аксиологической составляющей концепта** работа представлена, прежде всего, как деятельность, ценностно обусловленная.

Работа – основа жизнедеятельности человека, его семьи, источник питания и благосостояния: *Мне в колхозе за хоро'шу работу дали пре'мю, пять килограмм колбасы, да кусок материи, рубашку из его сшила; У мамы, значит, было трое, я – самая старшая, дак мы, значит, работали в колхозе. День работам,* ***ночью идем сенокосим себе, ну как, для коровы****, потом ходим его там сушим, тоже ночами, вечерами хотя бы, хотя ночами-то не сохнет, но вот – день посушится сено, потом, это, начинаем вечером после работы: заезжаем на свой участочек, сено сушим, складываем; Я* ***работала в колхозе****, жнейка косит, а мы вяжем снопы.* ***Получали мало, хочется одеться, а ни на че не хватает****.*

Вместе с тем в большинстве текстов работа предстает как непосильный труд, отнимающий время, силы, здоровье: *Все делали вручную, никаких механики не было.* ***Работа была тяжелая****;* ***Работа была каторжная****... **Нутро-то у меня все сорвано**. К каждому дождю ойкаю...*

Трудолюбивые люди характеризуются диалектоносителями с помощью лексических единиц с положительной оценкой: **работяга, работящий, мастерица, труженик**: *...я пособляла им маленько и по дому помогала маме, сложа руки не сидел никто,* ***работящая*** *семья у нас была; И дети не скажешь, что плох**и**, все* ***труженики,*** *все трудются; Бывало косишь, поставят по одному человеку. Даже за время считали поесть. Ели на бягу. Уж мы то мучились.* ***Тружельники****.*

Работа является общественной ценностью, служит выстраиванию отношений в обществе. Неработающий человек традиционно осуждается и, соответственно, получает определенные номинации с негативной оценкой – **лодырь, лентяй, гультяй и т.п.**: *А я сама гультяев не люблю. Сама люблю работать.*

Труд является источником уважения, признания со стороны общества, выступает не только утилитарной, но и нравственной ценностью: *Проработала я больше двадцати восьми лет, санитаркой* ***получила медаль, много имею поощрений, благодарностей в книжке у меня записано****, и до сих пор еще работаю, щас я по силе еще возможностей работаю; А раньше* ***на курорты съездила****,* ***поощрили меня****, я хорошо работала. Никогда не было замечаний за мной, никогда; В работе, в нужде жили, без машин. Трудно было* [после] *войны. Муж за победу медаль получал. А* ***меня грамотой награждали****;* ***Как же не скучно без работы, как же****. Я не вижу уж таперика. Робили раньше, много робили, таперь-то мало робют.*

В приведенных контекстах представлены разнообразные поощрения за труд, однако отражается и неравное отношение к результатам труда мужчин и женщин. Женский труд не всегда вознаграждался: *Редко женщина получала премии, а я не отставала от мужа. К Октябрьской он пятьдесят рублей получил премию. Много хлеба высеял. А я двадцать пять получила. Я тоже пять месяцев я молотила, за ем. Ни день, нигде никакого выходного не давали. И хлеб вязала всю осень. Да. А теперь может это все и отража'тся.*

В аксиологическом слое концепта наблюдаются трансформации, возникающие под влиянием социально-экономических факторов. С одной стороны, нежелание работать, лень традиционно осуждается: *Все, все можно щас, все есть. Живи, не ленись, работай, а молодежь не хочет работать, не хочет. Я вот свою дак все время ругаю, у меня вот внучка уже скоро в детсад пойдет; Учутся до двадцати лет; по пятнадцать-шестнадцать лет учутся. А мы не знали, всякой ягоды наберешь. Не ходят в лес, ленятся. Раньше с детства нас приучали.* С другой стороны, появление детских садов, обязательного среднего образования повлекли за собой изменение отношения к детскому труду, вследствие этого образование, отдых для детей представляет бóльшую ценность: *Наш отец пашничал. В коммуну потом вошли. Мы пошли работать дитями.* ***Пущай, сейчас учатся****.*

Все указанные представления о работе как ценности и основе жизнедеятельности встречаются и в мужских автобиографических рассказах, однако в речи мужчин реже встречаются оценочные и эмоциональные высказывания. Мужские тексты отличаются детализацией при рассказе о работе: обозначением времени, места, характера деятельности, перечислением достижений в той или иной сфере [26].

Таким образом, «Работа / Труд» – концепт, структурирующий исследуемый речевой жанр: представление жизненного пути человека от рождения до момента создания автобиографического рассказа сопровождается сообщениями о работе. Сфера функционирования концепта и гендерные характеристики информантов оказывают влияние на специфику его репрезентации. При всей стабильности содержания концепт является динамической единицей, а ее анализ позволяет определить константы и трансформации народной культуры.

С одной стороны, в речи носителей диалекта основные представления о работе связаны с пониманием ее как деятельности, неотъемлемой части жизни крестьянина, источнике заработка и содержания семьи. Это одна из тематических доминант в женских автобиографических рассказах и критерий оценки жизни человека в целом. В большей степени константными являются также образный и ценностный компоненты концепта «Работа».

С другой стороны, в понятийном слое исследуемого концепта обозначены изменения представлений о работе, которые обусловлены экологическим, социальными, политическими, экономическими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. 208 с.
2. Гынгазова Л.Г. Концепт «Жизнь» и «Смерть» в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики : материалы Междунар. науч. конф. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 103–111.
3. Карасик В.И., Стернин И.А. Предисловие // Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 4–6.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку //Антология концептов. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–10.
5. Сорокина М.О. Концепт «Снег» и его лексическая экспликация в русских говорах Алтая // Филология и культура в межрегиональном пространстве : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. И.А. Воробьевой. 2013. С. 295–298.
6. Гынгазова Л.Г. О концепте «Воля» в индивидуальном сознании носителя традиционной речевой культуры // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, проф. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 220–230.
7. Демешкина Т.А. Способы описания концептов диалектной культуры // Картина мира: модели, методы, концепты : материалы Всерос. междисциплин. школы молодых ученых. Томск, 2002. С. 59–67.
8. Харламова М.А. Концепт «Ум» в говорах Среднего Прииртышья // Филологический ежегодник. Омск, 2005. С. 152–156.
9. Казакова Т.Н. Концепт «Прозвище» в русских говорах Низовой Печоры // Вестник Вятского государственного университета. 2012. Т. 2, № 3. С. 12–16.
10. Попова В.А. Концепт «Женская одежда» в русских говорах Низовой Печоры // Вестник Коми государственного педагогического института. 2011. № 9. С. 58–64.
11. Кожурина Т.А. Концепт «Человек говорящий» в говорах могилевско-смоленского пограничья // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : материалы Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Брянск, 2014. С. 328–332.
12. Чуракова В.Д. Концепт «Серое» в говорах русского языка (на материале «Словаря русских народных говоров») // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 201–204.
13. Иванцова Е.В. Концепт культура в словарях русских народных говоров // Вопросы лексикографии. 2016. № 1 (9). С. 5–21.
14. Калиткина Г.В. Диалектная концептуализация традиции / З.И. Резанова [и др.] // Картины русского мира. Метафорические образы традиционной культуры. М. : Ленанд, 2014. С. 15–54.
15. Гынгазова Л.Г. Ценностная картина мира диалектоносителя: к проблеме лакунарности // Лакунарность в языке, картине мира, словаре и тексте. Новосибирск, 2009. С. 115–122.
16. Волошина С.В. Концепт войны в речевом жанре биографического рассказа (на диалектном материале) // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии : материалы XI Филол. чтений им. проф. Р.Т. Гриб (1928–1995). 2006. Вып. 6. С. 112–117.
17. Токарев Г.В. Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2003. 48 с.
18. Басова Л.В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 19 с.
19. Гоннова Т.В. Социокультурные характеристики концепта «Труд» в русском языковом сознании : автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.
20. Норец Т.М. Когнитивный анализ концепта «Работа» (на материале французского и русского языков) // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 6-4 (50). С. 139–143.
21. Сагитова А.Ф., Бозташ Х. Репрезентация концепта «Работа» в паремиях русского языка // Социосфера. 2013. № 4-1. С. 79–85.
22. Орлова Н.В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск : Вариант-Омск, 2005. 266 с.
23. Крюков И.А. Смысловое наполнение концептов «дело», «работа», «служба» (на материале сказок А.Н. Афанасьева) // Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (12; 2007). Нижний Новгород, 2008. С. 84–87.
24. Хафизова О.И. Концепты «Любовь» и «Работа» в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Кемерово, 2011. 22 с.
25. Чернова О.Е. Труд // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 2. С. 322–340.
26. Волошина С.В. Речевой жанр автобиографического рассказа в диалектной коммуникации : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2008. 26 с.
27. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 ноября 2017 г.

THE CONCEPT “WORK” IN WOMEN’S AUTOBIOGRAPHICAL STORIES OF SIBERIAN OLD RESIDENTS: CONSTANTS AND TRANSFORMATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 12–18.
DOI: 10.17223/15617793/425/2
Svetlana V. Voloshina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru
Maria A. Tolstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Tolstova_11@mail.ru
Keywords: concept; discourse; dialect; dialects; gender; autobiographical story; speech genre.

The article is devoted to a cognitive-discursive study of the concept “work” in dialect communication. A concept is considered as a unit of thinking which is represented by means of language. The material is 80 women’s autobiographical stories, which were recorded from 1961 to 2017 on the territory of Siberian dialects distribution. The choice of women’s stories for the study is caused by the fact that the distinction between the male and the female permeates all spheres of culture, including work and ideas about work. In addition, changes in the public and political life of Russia in the 20th century had a significant influence on all spheres of women’s lives. The analysis of the material showed that the content of the concept reflects stable representations of work and the transformation of some of them. The conceptual, figurative and axiological layers of the concept “work” are considered in the article. The conceptual layer is represented by names of professions and working women and a variety of naming units with the main meaning “activity”. The factors influencing the transformation of ideas about work, which are manifested in the contexts separately and in a complex interrelation, are social, political, economic, environmental factors. For example, the conditions of military and post-war period blur the boundaries of typically “male” and “female” types of work: *A man had a horse, and I had a horse. We worked like men.* Conceptual, axiological and figurative layers of the concept “work” simultaneously represent understanding work as activities which occupy a major part of human life. The

figurative layer is represented by a variety of metaphors and comparisons, including comparisons reflecting the displacement of gender, a comparison of women with men: *I worked at a logging camp. I cut down trees, transported them like a man.* Work as an activity which has a value, as a basis of human life, family, a source of wealth, respect, as a social value is represented in the axiological component of the concept. Finally, work is a concept structuring the speech genre of the autobiographical story. The sphere of its functioning and gender characteristics of the informants influence the specificity of its representation. Despite the stability of the concept content the concept is a dynamic unit, and its analysis allows determining constants and transformation of folk culture. Constant ideas about work are reflected in the conceptual, figurative and axiological layers, and transformation is mainly represented in the conceptual layer. Changes in the perception of work are caused by environmental, social, political and economic factors.

REFERENCES

1. Kubryakova, E.S. (2012) Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [On the instructions of cognitive science and topical problems of cognitive linguistics]. In: *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In search of the essence of language: cognitive studies]. Moscow: Znak.
2. Gyngazova, L.G. (2003) [The concept "Life" and "Death" in the language of the dialect personality]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical problems of Russian studies]. Proceedings of the international conference. Is. 2. Part 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 103–111. (In Russian).
3. Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (2005) Predislovie [Foreword]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma.
4. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2005) Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku [The main features of the semantic-cognitive approach to language]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma.
5. Sorokina, M.O. (2013) [The concept "Snow" and its lexical explication in the Russian dialects of Altai]. *Filologiya i kul'tura v mezhregional'nom prostranstve* [Philology and culture in interregional space]. Proceedings of the 3rd international conference in memory of Prof. I.A. Vorob'eva. Barnaul: Altai State University. pp. 295–298. (In Russian).
6. Gyngazova, L.G. (2006) [On the concept "Will" in the individual consciousness of the bearer of traditional speech culture]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Topical problems of Russian studies]. Proceedings of the international conference. Is. 3. Tomsk: Tomsk State University. pp. 220–230. (In Russian).
7. Demeshkina, T.A. (2002) Sposoby opisaniya kontseptov dialektnoy kul'tury [Ways to describe the concepts of dialect culture]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartina mira: modeli, metody, kontsepty* [The image of the world: models, methods]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Kharlamova, M.A. (2005) Kontsept "Um" v govorakh Srednego Priirtysh'ya [Concept "Mind" in the dialects of the Middle Irtysh region]. In: *Filologicheskiy ezhegodnik* [Philological Yearbook]. pp. 152–156.
9. Kazakova, T.N. (2012) Kontsept "Prozvishche" v russkikh govorakh Nizovoy Pechory [The concept "Nickname" in the Russian dialects of the Lower Pechora]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2:3. pp. 12–16.
10. Popova, V.A. (2011) Kontsept "Zhenskaya odezhda" v russkikh govorakh Nizovoy Pechory [The concept "Women's Clothing" in the Russian dialects of the Lower Pechora]. *Vestnik Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 9. pp. 58–64.
11. Kozhurina, T.A. (2014) [The concept "person speaking" in the dialects of the Mogilev-Smolensk borderland]. *Rossiysko-belorussko-ukrainskoe pogranich'e: nauchnoe vzaimodeystvie v kontekste edinogo sotsiokul'turnogo prostranstva* [Russian-Belarusian-Ukrainian borderland: scientific interaction in the context of a single socio-cultural space] Proceedings of the international conerence. Novozybkov; Bryansk: Ladomir. pp. 328–332. (In Russian).
12. Churakova, V.D. (2016) [The concept "Gray" in the dialects of the Russian language (on the material of the "Dictionary of Russian folk dialects")]. *Yazykovaya politika i voprosy gumanitarnogo obrazovaniya* [Language Policy and Humanitarian Education]. Proceedings of the international conference. Penza: Penza State University. pp. 201–204. (In Russian).
13. Ivantsova, E.V. (2016) The concept "culture" in dictionaries of Russian folk dialects. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1 (9). pp. 5–21. (In Russian). DOI: 10.17223/22274200/9/1
14. Kalitkina, G.V. (2014) Dialektnaya kontseptualizatsiya traditsii [Dialect conceptualization of tradition]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartiny russkogo mira. Metaforicheskie obrazy traditsionnoy kul'tury* [Images of the Russian world. Metaphorical images of traditional culture]. Moscow: Lenand.
15. Gyngazova, L.G. (2009) Tsennostnaya kartina mira dialektonositelya: k probleme lakunarnosti [Axiological picture of the world of the dialect speaker: to the problem of lacunarity]. In: Steksova, T.I. (ed.) *Lakunarnost' v yazyke, kartine mira, slovare i tekste* [Lacunarity in language, world picture, dictionary and text]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
16. Voloshina, S.V. (2006) Kontsept voyny v rechevom zhanre biograficheskogo rasskaza (na dialektnom materiale) [The concept of war in the speech genre of the biographical story (on the dialect material)]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoy filologii* [Theoretical and applied aspects of modern philology]. Proceedings of the 12th philological readings n.a. Prof. R.T. Grib (1928–1995). Is. 6. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 112–117. (In Russian).
17. Tokarev, G.V. (2003) *Teoreticheskie problemy verbalizatsii kontsepta "Trud" v russkom yazyke* [Theoretical problems of verbalization of the concept "Labor" in the Russian language]. Abstract of Philology Dr. Diss. Volgograd.
18. Basova, L.V. (2004) *Kontsept TRUD v russkom yazyke (na materiale poslovits i pogovorok)* [The concept LABOR in the Russian language (based on proverbs and sayings)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tyumen.
19. Gonnova, T.V. (2003) *Sotsiokul'turnye kharakteristiki kontsepta "Trud" v russkom yazykovom soznanii* [Sociocultural characteristics of the concept "labor" in the Russian language consciousness]. Abstract of Philology Cand. Diss. Volgograd.
20. Norets, T.M. (2015) Semantic and cognitive analysis of the concept "work" (in French and Russian languages). *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii – Modern scientific researches and innovations*. 6-4 (50). pp. 139–143. (In Russian).
21. Sagitova, A.F. & Boztash, Kh. (2013) Reprezentatsiya kontsepta "Rabota" v paremiyakh russkogo yazyka [Representation of the concept "Work" in the paremiae of the Russian language]. *Sotsiosfera – Sociosphere*. 4-1. pp. 79–85.
22. Orlova, N.V. (2005) *Naivnaya etika: lingvisticheskie modeli (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Naive ethics: linguistic models (on the basis of the modern Russian language)]. Omsk: Variant-Omsk.
23. Kryukov, I.A. (2007) Smyslovoe napolnenie kontseptov "delo", "rabota", "sluzhba" (na materiale skazok A.N. Afanas'eva) [Semantic content of the concepts "business", "work", "service" (on the material of fairy tales of A.N. Afanasyev)]. *Nizhegorodskaya sessiya molodykh uchenykh. Gumanitarnye nauki*. 12. pp. 84–87.
24. Khafizova, O.I. (2011) *Kontsepty "Lyubov'" i "Rabota" v yazykovoy kartine mira (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov)* [Concepts "Love" and "Work" in the language picture of the world (on the material of Chinese and Russian languages)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kemerovo.
25. Chernova, O.E. (2005) Trud [Labor]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 2. Volgograd: Paradigma.
26. Voloshina, S.V. (2008) *Rechevoy zhanr avtobiograficheskogo rasskaza v dialektnoy kommunikatsii* [Speech genre of an autobiographical story in dialect communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
27. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.

Received: 12 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 19–25. DOI: 10.17223/15617793/425/3

УДК 81’42, 811.162.4

И. Дулебова, Л. Крюкова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСТОРИИ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАЦКИХ СМИ

Статья подготовлена в рамках проектов KEGA Vysokoškolská učebnica Ruské lingvoreálie (регистрационный номер 072UK-4/2015/) и VEGA Jazyk a konflikt. Vytváranie obrazu nepriateľa v súčasnom verejnom diskurze (регистрационный номер 1/0539/17).

Представлен анализ функциональной нагрузки русских прецедентных имен в словацком медиадискурсе. В фокусе внимания коннотативные значения исследуемых единиц, которые демонстрируют способ восприятия российской истории и культуры представителями словацкого лингвокультурного сообщества. Выявлена сравнительно высокая частотность имен в русской литературе и истории и сравнительно низкая – из области науки, спорта, культуры. Семантическая реинтерпретация проявляется в исторических и литературных прецедентных именах XX в., что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: прецедентные имена; лингвокультурное сообщество; русская литература; русская культура; российская история.

На современном этапе развития общества именно в медиапространстве находят свое отражение основные процессы категоризации и оценки современной действительности, различные варианты интерпретации политических и культурных явлений, формирование национального образа мира, восприятие иных лингвокультур и многое другое. Одной из принципиальных характеристик современных средств массовой информации является их интертекстуальность, что напрямую связано с особенностями современной постмодернистской парадигмы, характерной для актуальной коммуникативной ситуации [1. С. 36]. В реализации интертекстуальности важное место занимают различные прецедентные феномены (прецедентные ситуации, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания), которые рассматриваются как культурные знаки, вовлекаемые в лингвокультурологическую парадигму научного знания. Опираясь на определение прецедентных текстов, данное Ю.Н. Карауловым [2. С. 216], В.В. Красных отмечает, что к прецедентным относятся феномены, «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества <…>; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане <…>; обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества <…>» [3. С. 9].

Целью предлагаемого исследования является анализ функциональной нагрузки русского имени собственного в словацком медиадискурсе. В фокус внимания попадают русские прецедентные имена собственные (онимы), которые повсеместно используются сегодня в словацких СМИ «не только для обозначения конкретного человека или литературного персонажа (города, события и др.), но и в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, явлений, судеб» [4. С. 108].

Русские прецедентные имена анализируются как языковые единицы, репрезентирующие фрагменты национальной языковой картины мира, в их соотнесенности с современной рецепцией в словацких медиатекстах. Важной задачей исследования является выявление того, как именно сегодня в словацкой языковой картине мира интерпретируются данные имена (рассматриваемые как языковые средства проявления культурного кода) и к какой сфере-источнику (литературе, культуре, политике, истории) они принадлежат. Подробно остановимся на восприятии их семантики словацким лингвокультурным сообществом, а также на вариантах их медиальной интерпретации и реинтерпретации, систематизировав исследуемый материал по четырем основным категориям в зависимости от сферы-источника анализируемых прецедентных единиц:

– русская литература и устное народное творчество;

– политическая история России;

– русская наука и культура;

– российские топонимы.

Проследим за тем, как с помощью русских прецедентных имен происходит категоризация и оценка современной действительности, отраженная в словацкой национальной картине мира. Проанализируем лингвопрагматические особенности использования и восприятия русских прецедентных имен и опишем аксиологическую нагруженность их смысла в словацком медиадискурсе.

Гипотезой исследования является предположение, что особенности восприятия прецедентных русских имен собственных словацким лингвокультурным сообществом, их интерпретация и реинтерпретация в современном словацком медиадискурсе обусловлены, с одной стороны, историческим взаимодействием словацкой и русской культур, а с другой – различными изменениями социальной и политической парадигмы последних десятилетий.

Исследование проведено на материале «Национального корпуса словацкого языка» (публицистический подкорпус) [5], а также сайтов наиболее популярных общенациональных словацких газет («Tyždeň», «SME», «Pravda», «Nový čas», «Denník N», «Plus 7 dní», «Trend», «24hod.sk», «aktualne.sk», «webnoviny.sk», «Hospodárske noviny» и др.) за период 2004–2017 гг. с использованием методов семантического, контекстного и функционального анализа языковых единиц.

Анализ специфики использования прецедентных феноменов в словацких СМИ в зависимости от их политической ориентации (левой, правой, центристской), аудитории (целевой или массовой), их отношения к государственной власти (проправительственные и оппозиционные), по масштабу распространения информации (центральные и местные) и т.п. не входит в задачи данной статьи. Подобные исследования, проведенные ранее одним из авторов, показали, что наибольшее количество прецедентных феноменов (как универсально-прецедентных, так и национально-прецедентных) было зарегистрировано в центральных СМИ, предназначенных массовой аудитории, правого и центристского толка, оппозиционного направления [6. S. 52]. В предлагаемой статье словацкий медиадискурс рассматривается в качестве источника анализируемого материала, поскольку, как справедливо отмечает словацкий профессор-русист Й. Сипко, формирование национального образа мира в Словакии сегодня переместилось в медиапространство, которое в значительной мере определяет вектор движения трансформации ментальности народа и одновременно его восприятие иных лингвокультур. «Коренные социально-политические изменения в России и в странах ее бывших союзников привели к большим изменениям в системе коммуникации, в первую очередь, к свободе слова во всех СМИ <…> а все названные процессы отражаются в языковой системе» [7. С. 8].

Необходимо отметить, что внимание авторов статьи сосредоточено, в первую очередь, на коннотативных (метафорических) значениях прецедентных имен, так как именно они становятся отражением базисных исторических и культурных концептов, демонстрирующих способ восприятия российской истории и культуры представителями словацкого лингвокультурного сообщества. Речь пойдет о процессе прономинация (или антономазии), при котором имя нарицательное заменяется именем собственным, воплощающим в себе все качества группы и становящимся синонимом определенных событий, явлений и свойств.

Традиционно одним из основных источников прецедентных имен является художественная литература. Популярность русской литературы XIX–XX столетий в Словакии исторически довольно велика. Она не только регулярно переиздается, но является и составляющей обязательной школьной программы. Например, в 2010 г. в Словакии в результате общегосударственного культурно-образовательного проекта-конкурса «Моя любимая книга» по результатам общенародного голосования в первую сотню самых читаемых книг вошли «Преступление и наказание» (27), «Анна Каренина» (36), «Доктор Живаго» (50), «Мастер и Маргарита» (57), «Тихий Дон» (96) [8].

Приступая к исследованию, авторы столкнулись с проблемой выбора конкретных онимов из огромного количества прецедентных имен, соотносящихся с различными областями русской культуры, политики, истории, науки, спорта и т.п. «Точкой отсчета» для выявления релевантных единиц стали ранее проведенные наблюдения, касающиеся рецепции русских прецедентных имен у представителей современного молодого поколения словаков [9]. В группах первокурсников различных специальностей (не только русистов, но и будущих дипломатов, экономистов, программистов) в двух университетах Братиславы (Университет им. Коменского, Экономический университет в Братиславе) на протяжении шести лет проводился вступительный (анонимный) ассоциативный тест на словацком языке, в котором, наряду с другими, задавались понятия-стимулы: *русская культура, русская литература, русский автор, русский литературный герой / героиня, русская книга*. После обработки 478 тестов были получены следующие результаты: понятию-стимулу *русский автор* соответствуют слова-реакции: Л.Н. Толстой (192), Ф.М. Достоевский (186), А.П. Чехов (171), Н.В. Гоголь (132) и др. Возможно, это объясняется и частыми постановками произведений Н.В. Гоголя, А.П. Чехова и Ф.М. Достоевского на словацкой сцене. По нашим подсчетам [10], в 1995–2014 гг. в театрах Словакии было осуществлено 139 постановок по произведениям русских авторов (из них по А.П. Чехову – 35, по Н.В. Гоголю – 20, по Ф.М. Достоевскому – 17, по А.Н. Островскому – 12 и т.п.).

Реже в ассоциативных тестах встречаются имена Б.Л. Пастернака, В.В. Набокова, А.И. Солженицына и М.А. Булгакова; несмотря на то что набоковская Лолита является в Словакии прецедентным именем, роман «Мастер и Маргарита» только в XXI в. переиздавался трижды (2002, 2005, 2011 гг.), а произведения Б.Л. Пастернака и А.И. Солженицына включены в школьную программу.

По результатам теста наиболее «популярными» литературными героями являются Анна Каренина, Раскольников, Чичиков, Евгений Онегин и Остап Бендер. Необходимо отметить, что у некоторых студентов более, нежели с романом А.С. Пушкина, сильна «онегинская ассоциация» с П.И Чайковским. Среди ответов к понятию-стимулу *русская книга* чаще всего встречается «Анна Каренина», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Архипелаг Гулаг», «Чайка», «Доктор Живаго» и «Мастер и Маргарита» [9] (все произведения, кроме последнего, включены в школьную программу).

В анализируемый тест, кроме вышеописанных понятий-стимулов, также входили вопросы о российской культуре, истории, спорте, политике и науке [11. S. 36].

Помимо результатов теста при составлении «списка прецедентных русских имен» привлекались данные различных словацких интернет-ресурсов (сайты библиотек, издательств, научных сообществ и др.), а также многолетние наблюдения одного из авторов статьи [9–11 и др.]. Общий список имен, который был обработан в процессе исследования медиадискурса, включал 86 наименований. Основные сферы-источники: русская литература и устное народное творчество, политическая история России, русская наука и культура, российские топонимы. Стоит отметить, что ассоциативные тесты показали знание словаками российских имен сферы-источника спорт, но проведенный анализ не подтвердил их широкое использование в словацком медиапространстве в качестве прецедентных.

Д.Б. Гудков в исследовании, посвященном изучению прецедентных феноменов, пишет, что связанное

с прецедентным именем представление является эталонным, предлагает образцы предметов, фактов, поступков, событий, которые одобряются / осуждаются в том лингвокультурном сообществе, для которого это имя является прецедентным. Все указанные имена обладают высокой социальной значимостью и отражают систему ценностных ориентаций ЛКС [12].

1. Русская литература и устное народное творчество.

В анализируемых словацких СМИ наибольшая частотность наблюдается у прецедентных имен русского устного народного творчества, воплощенного в сказках, что, возможно, объясняется, популярностью российских (советских) детских сказочных кинофильмов и мультфильмов. Наиболее популярны Змей Горыныч / Drak Gorynič и Кощей Бессмертный / Nesmrteľný Koščej в коннотациях, полностью совпадающих с русскими, а также всевозможные варианты Иванушки-дурочка / Ivanko hlupáčik / hlúpy Jano и даже в качестве непереводимого, в словацкой транслитерации часто встречающегося Ivanuška-duračok, отнесенного, таким образом, в разряд безэквивалентной лексики. В качестве иронии над слишком умной (или умничающей) женщиной используется прецедентное имя Василиса Премудрая / Vasilisa Premudra, а символом простодушной удачливости выступает Емеля / Jemeľa.

Позитивные ассоциации связаны и с Колобком / Pampúšik, в переносном значении – умеющим укатиться от всех проблем (но встречаются и ассоциации с его округлыми формами). Особой же популярностью пользуются прецедентные имена Настеньки / Nastenka (синонима чистоты и наивности) и Марфуши / Marfuša (синонима грубости и неотесанной простоты) из сказки «Морозко» / «Mrázik», которая является для словаков традиционным долголетним атрибутом Рождественского вечера (обязательной к просмотру, как кинофильм «Ирония судьбы, или с легким паром!» в России).

Весьма часто словацкие СМИ обращаются и к имени героя Н. Носова Незнайка / Nevedko, которому сопутствуют легкий иронический оттенок болтуна, хвастуна и недалекого человека: *Politickej rétorike sa učili u Nevedka / Политической риторике учились у Незнайки.* Встречаются имена доктора Айболита / Doktor Jajbolíto (с коннотацией альтруизма, желания помочь) и старика Хоттабыча / Chottabyč (чаще в значении обещания или ожидания невыполнимых чудес).

Имя некогда положительного героя А. Гайдара Тимура (тимуровское движение / тимуровская помощь) сегодня в словацких СМИ встречается редко, но всегда с оттенком помощи непрошенной: *Timurovská snaha Kotlebovcov sa minula účinkom / Тимуровские попытки Котлебы не попали в цель.* То есть можно говорить о современной реинтерпретации положительных героев некогда популярной в Словакии литературы соцреализма. Это же относится и к герою обязательной (до 1989 г.) к прочтению книги Н.А. Островского «Как закалялась сталь» Павке Корчагину, который сегодня представлен, например, в ироничной прономинации *различные особы, закаляющие сталь / rôzni kalitelia ocele* (с семантикой неуместного и неуемного социального рвения и энтузиазма).

Одним из наиболее частотных в словацком медиадискурсе прецедентных имен является Остап Бендер / Ostap Bender, герой горячо любимого словаками всех поколений и до сегодняшнего дня часто переиздаваемого романа И. Ильфа, Е. Петрова «Двенадцать стульев». Имя Остапа Бендера в словацких СМИ используется в тех же самых значениях, что и в российских: *Reformy ponúkajú s ľahkosťou Ostapa Bendera / Реформы предлагают с легкостью Остапа Бендера.* Это попрежнему синоним оптимистического авантюризма и легкости в «обходе» жизненных препятствий. Весьма популярно у авторов медиатекстов и актуализированно в прецедентном выражении имя Дети лейтенанта Шмидта / Deti poručíka Šmidta, соотносимое в конкретных текстах с целыми группами мошенников (и поэтому иногда используемое как характеристика словацких политических партий их оппонентами): *Deti poručíka Šmidta nenechajú príležitosť zlepiť novu koalíciu / Дети лейтенанта Шмидта не упустят возможность слепить новую коалицию*. Прецедентное имя-топоним Нью-Васюки / New Vasiuky выступает синонимом фантасмагорических, неправдоподобных планов и проектов (не только в отношении топонимических объектов, но и в более абстрактном смысле), используется оно и в сокращенном варианте: *Jednoducho, Vasiuky na Slovensku! / Ну, просто Васюки в Словакии!*

Достаточно устойчивыми в словацком медиадискурсе являются имена литературных героев Н.В. Гоголя, отражающие представления об определенных человеческих качествах. Хлестаков (в одном из словацких переводов получивший говорящее имя Хвастаков) – по-прежнему символ безудержного вранья и бахвальства. Чичиков, и связанная с ним чичиковщина олицетворяют мошенничество, Плюшкин – скупость на грани безумия и т.д.

Популярными прецедентными именами в словацких медиатекстах традиционно являются Анна Каренина (с очень высокой частотностью, в значении роковой женщины, жертвы любви, реже – в значении падшей женщины): *S pocitom nešťastnej Kareninovej pred vlakom / С чувством несчастной Карениной перед поездом*, а также Евгений Онегин (в значении пресыщенного жизнью и лишнего человека): *Oneginove pohŕdanie všetkým a všetkými im nepomôže / Онегинское пренебрежение всем и вся им не поможет.* Известность и востребованность данных имен можно объяснить многочисленными экранизациями романа Л.Н. Толстого и популярностью в Словакии оперы П.И. Чайковского. Имя Обломова чрезвычайно знаменито в значении душевной и социальной апатии, лености и сибаритства: *Oblomov živý na večné časy / Обломов живой во все времена.*

Отдельных героев романов Ф.М. Достоевского в качестве имен нарицательных в словацких СМИ зафиксировать не удалось, но встретились собирательные образы карамазовщина / karamazovčina (безудержные страсти в сочетании с моральной безответственностью) и достоевщина / dostojevština (синоним гипертрофированных душевных терзаний, демонстративных страданий). Названия произведений русской классической литературы также зафиксированы в словацких медиатекстах, в первую очередь, это

«Мертвые души» / «Mŕtve duše» и «Горе от ума» / «Útrapy z rozumu» (в метафорическом значении, эквивалентном русскому пониманию).

2. Политическая история России.

В арсенале прецедентных имен, которые активно используются в современных словацких СМИ, значительное место занимает сфера-источник политическая история России. Имена известных в истории политических лидеров являются не только национально-прецедентными, но и универсально-прецедентными. «Имена политических лидеров, которые в силу их широкой известности легко воспринимаются адресатом, создают богатые возможности для апелляции к соответствующим личностным качествам, ситуациям, действиям, высказываниям и текстам» [13. С. 48].

В словацком медиадискурсе наиболее часто встречаются русские исторические имена И.В. Сталин и В.И. Ленин, аксиологическая характеристика которых связана с негативными коннотациями (авторитаризма, волюнтаризма, диктаторских наклонностей) и отрицательным словацким историческим опытом: *Kotleba, malý slovenský Stalin* / *Котлеба, малый словацкий Сталин; Stalinové diktátorské maniere / Сталинские диктаторские манеры* и др.

Среди других исторических прецедентных имен фигурируют Петр I, Екатерина II, Иван Грозный – для последнего характерна четко выраженная отрицательная коннотация, тогда как первые два имеют вариативную интерпретацию в зависимости от контекста: *Europeizujú ich s elánom Petra Veľkého / Европеизируют с энтузиазмом Петра Великого; Ako reformátor a tyran Peter Veľký / Как реформатор и тиран Петр Великий.*

Неоднозначным по вариативности коммуникативных смыслов является имя М.С. Горбачева, которое может символизировать как положительные перемены, так и неудачные реформаторские планы: *Sa skončia fiaskom ako Gorbačovová perestrojka / Окончатся фиаско подобно перестройке Горбачева.* Имя указанного политического деятеля почти столь же популярно в словацком медиадискурсе, как и имя В.В. Путина. Имя российского президента регулярно встречается в переносном, обобщающем отрицательном значении в словосочетаниях *putinove metódy / путинские методы; politika Putina / политика Путина; putinovské ambície / путинские амбиции*, но зафиксированы и положительные ассоциации *s priamočiarosťou Putina / с путинской прямолинейностью; s rozhodnosťou Putina / с путинской решительностью*. Встречаются и культурно-исторические сравнения: *Prichádza ruský Ivan Hrozný / Появляется новый русский Иван Грозный (о В.В. Путине); Putin ako Ilja Muromec 21.storočia / Путин как Илья Муромец 21-го столетия*.

К легендарным историческим русским именам в контексте словацкого медиадискурса относится имя Ивана Сусанина, которое ассоциируется не столько с патриотизмом, сколько с «запутыванием» определенной ситуации: *Talianske a španielske televízie sa správajú rovnako ako Ivan Susanin – do močiara vedú nie nepriateľov, ale svojich / Итальянское и испанское телевидение ведет себя, как Иван Сусанин – в болото ведут не врагов, но своих.*

Прецедентное имя Г.А. Потёмкина, возможно, навсегда останется в словацкой языковой картине мира в словосочетании *Potemkinove dediny / Потемкинские деревни.* Частотность употребления в словацких СМИ свидетельствует о его фразеологическом статусе (в значении показушничества и несуществующих свершений и заслуг). Исключительно негативные коннотации авантюризма, мистицизма и скрытого негативного влияния на важные исторические персоны в словацком медиадискурсе несет имя Г.Е. Распутина: *Preberá moc Trumpov Rasputin / Власть берет трамповский Распутин.* Символом талантливого полководца выступает М.И. Кутузов: *Ale Janko Slotovie je v jeho očiach minimálne maršal kutuzov / Ян Слота в его глазах минимально маршал Кутузов.* Ранее популярные имена полководцев А.В. Суворова и Г.К. Жукова в качестве прецедентных зафиксировать не удалось.

В ироническом контексте в современных словацких СМИ используется имя некогда положительного героя социалистического труда А.Г. Стаханова (как символа показательного, но не всегда уместного трудового рвения): *Novodobé stachanovci sa predviedli v plnej krase / Сегодняшние стахановцы проявили себя в полной красе; otroci stachanovských napadov / рабы стахановских идей.* Переосмыслено в словацком медиадискурсе и имя легендарного в советское время пионера-героя Павлика Морозова (вероятно, благодаря переводам на словацкий язык многочисленных разоблачительных российских статей, развенчивающих мифологию данного имени), которое выступает символом предательства, чаще наивного и бессмысленного.

Происходящая в современной России реинтерпретация многих исторических имен (П.А. Столыпина, Павла I, Ивана Грозного, А.А. Аракчеева и др.), согласно наблюдениям за исследуемым корпусом, еще не «захватила» словацкое информационное пространство, и представление о них остается преимущественно в рамках прежних стереотипов.

3. Русская наука и культура.

Несмотря на многолетние тесные культурные и научные связи России и Словакии, авторам статьи удалось зафиксировать лишь незначительное количество прецедентных имен данной сферы-источника. Объяснение этого факта в предлагаемой работе не является исследовательской задачей, но можно предположить, что причиной стала политическая переориентация Словакии после 1989 г.

Одним из самых популярных российских ученых в словацком медиадискурсе является И.В. Мичурин и связанное с его именем выражение *мичуринцы* (23 контекста из выявленных 26 имели иронический оттенок необдуманных преобразований, упорных попыток усовершенствовать что-либо, при этом в 11 случаях тематика никак не соотносилась с селекцией или биологией): *Mičurinci. Robert Fico chce ešte viac znenormálniť už beztak nenormálnu koalíciu / Мичуринцы. Роберт Фицо хочет сделать еще более ненормальной и без того ненормальную коалицию* (политическая сфера).

Имя знаменитого нобелевского лауреата И.П. Павлова встречается в словацких СМИ в метафорическом

контексте в словосочетании *собака Павлова* (синонимичное выражению «подопытный кролик» или характеризующие неосознанное, рефлекторное поведением кого-либо): *Slintá ako Pavlovov pes / Пускает слюни, как собака Павлова; S vytrvalosťou Pavlovovho psa / С постоянством собаки Павлова.* Имя известного во всем мире изобретателя М.Т. Калашникова используется в словацком медиадискурсе как нарицательное (название автомата) не только в военной сфере, но и в областях, никак с ней не связанных, ассоциируясь чаще всего со скоростью и бесперебойностью (речи, приводимых аргументов и т.д.): *Oponuje s rychlosťou samopalu Kalašnikova / Возражает со скоростью автомата Калашникова.*

Вопреки тому, что имя М.В. Ломоносова в Словакии довольно хорошо известно (в том числе и благодаря популярности МГУ), нарицательным (символом научной многогранности или открытий) оно не стало. В качестве прономинации это имя было зафиксировано только в одном спорном случае (относящемся к российской системе образования).

Из области русского балета (наиболее популярной в мире части русской культуры) прецедентным в словацких СМИ является лишь имя Майи Плисецкой (как символа балетного мастерства, а также в качестве метафоры легкости, грации, изящества и элегантности): *S grácіou labuti Pliseckej / С грацией лебедя Плисецкой; Vidieť snahu, ale žiadna Plisecká to nie je / Видно старание, но до Плисецкой еще далеко.* Часто упоминается название балета П.И. Чайковского *«Спящая красавица» / «Spiaca krásavica»* (в значении замедленности в действиях, а также гипертрофированной изнеженности и избалованности), реже *«Лебединое озеро» / «Labutie jazero».*

При описании громкого, мощного голоса авторы словацких медиатекстов иногда обращаются к имени Ф.И. Шаляпина: *Fanúšikovia prekričia aj Šaľapina / Болельщики перекричали и Шаляпина*, а в случае репрезентации сложных режиссерских исканий упоминается имя К.С. Станиславского (чаще с ироническим оттенком). Символом монументального киноискусства и социально ангажированного кино иногда выступает «Броненосец Потемкин» С.М. Эйзенштейна: *Agitácia ako v «Krížniku Potemkinovi» / Агитация как в «Броненосце Потемкине».* Синонимом патриотического пения в медиатекстах часто становится любимый в Словакии ансамбль им. А.В. Александрова / Alexandrovci, а названия популярных песен «Kalinka» / «Калинка» и «Kaťuša» / «Катюша» стали метонимией русского песенного искусства. Имя Катюша зафиксировано в словацких СМИ и как обобщенное название российского оружия (почти во всех случаях в негативном контексте).

4. Российские топонимы.

Среди российских топонимов наиболее популярной в словацком медиадискурсе является метонимия Кремль (в значении российское правительство): *Kremeľ vyjadril nádej, že Británia po brexite preskúma svoj vzťah k Rusku / Кремль выразил надежду, что Британия после брекзита переоценит свое отношение к России.* Топоним Москва повсеместно реализуется в том же переносном значении, часто олицетворяя собой в словацких СМИ не только российское правительство, но и всю Россию. Сибирь становится символом холода, тяжелых условий выживания, наказания, ссылки: *Zima ako na Sibíri, na Hornáde labute primrzli / Холод, как в Сибири, на Горнаде замерзли лебеди; Mlč, lebo skončíš na Sibíri / Молчи или попадешь в Сибирь.*

Лубя́нка / Lubianka встречается в словацких медиатекстах исключительно в переносном значении российских тайных служб (как в контексте историческом, так и современном), как синоним несправедливого преследования и гонений на невинных людей. Название бывшей системы исправительно-трудовых лагерей Гулаг / Gulag имеет высокую частотность упоминаний в словацких текстах не только в историческом, прямом контексте, но и в переносном, как место лишения свободы, синоним строжайшей дисциплины и бесчеловечного отношения к заключенным. В ряду подобных имен стоит отметить и прецедентное историческое название Крейсер «Аврора» / Krížnik «Aurora», используемое как символ начала неотвратимых революционных преобразований (по сравнению с Гулагом и Лубянкой репрезентируется значительно реже).

Прецедентное имя Эрмитаж / Ermitaž, которое может быть отнесено сразу к двум сферам-источникам (русская культура и российские топонимы), в словацком медиадискурсе используется в переносном значении архитектурного и интерьерного великолепия, иногда и с ироническим оттенком, намеком на излишества в убранстве, роскошь и чрезмерную декоративность, проявляя при этом главные признаки прецедентности имени – его широкую известность и распространенность метафорического использования без специального пояснения истоков метафоричности [14. С. 28].

Как уже было отмечено, в словацком медиапространстве не удалось выявить прецедентные имена сферы-источника спорт, кроме двух случаев иронического использования имени Марии Шараповой: *Híkaš ako Šarapovova / Кричишь, как Шарапова.* Попытки найти известные в Словакии имена российских хоккеистов (напр. В. Третьяка, В. Харламова, В. Фетисова), используемые в метафорическом значении, также не увенчались успехом.

Таким образом, проведенное исследование показало, что в словацких медиатекстах русские прецедентные имена являются востребованными и их основная часть сохраняет традиционную интерпретацию, сходную с интерпретацией в русской лингвокультуре. Сематическая реинтерпретация прецедентных имен проявляется, в первую очередь, в исторических и литературных онимах XX в., что обусловлено различными экстралингвистическими факторами (прежде всего историко-политическими).

В процессе анализа использования русских прецедентных имен была отмечена их дискурсивная нефиксированность, т.е. реализация не только в медиатекстах политической и исторической тематики, но и культурной, спортивной, социальной, бытовой и рекламной. Результаты исследования показали сравнительно высокую частотность использования имен русской литературы и истории и сравнительно низкое

использование имен из области науки, культуры и спорта. Соотношение источников прецедентности в медиадискурсе «свидетельствует о системе ценностей, которая формируется в современном обществе, так как прецедентный текст – это, прежде всего, лингвокультурный знак, который демонстрирует нравственные приоритеты говорящих» [15. С. 37].

Перенасыщенность словацкого медиатекста прецедентными феноменами связана с демократизацией жизни общества и свободой выбора языковых средств различными участниками коммуникации, отсутствием политической и языковой цензуры [16. S. 11], изменениями системы стилей словацкого языка, повышенной эмоциональностью современных медиатекстов, поиском выразительных языковых средств для привлечения внимания целевой аудитории [17. S. 58].

Анализ значительного корпуса русских прецедентных имен, используемых в современной словацкой прессе, позволяет глубже понять сущность прецедентности и специфику ее функционирования в словацких СМИ, но, главное, поскольку прецедентные единицы часто выступают в качестве социокультурных доминант современного языкового сознания, то их репрезентация и интерпретация в словацком медиапространстве свидетельствует об особенностях рецепции русской истории, политики, литературы и культуры современными представителями словацкого лингвокультурного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург : УрГПУ, 2007. 207 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация. 1997. № 2. С. 5–12.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
5. Slovensky narodny korpus. URL: http://korpus.juls.savba.sk
6. Stefancik R., Dulebová I. Jazyk a politika. Jazyk politiky v konfliktnej štruktúre spoločnosti. Bratislava : Ekonóm, 2017. 194 s.
7. Сипко Й. В поисках истинного смысла. FFPU v Prešove. Prešov, 2008. 445 с.
8. Moja naj kniha. URL: http://www.mojanajkniha.sk/naj-kniha/s81/naj-100-knih.html?page=1
9. Дулебова И. Рецепция русской литературы в словацкой аудитории в процессе преподавания РКИ // Вестник Российского культурного центра. Будапешт : РКЦ, 2014. С. 142–146.
10. Дулебова И. Русские авторы на словацкой сцене в начале 21-го века // 43-я Международная филологическая конференция : избранные труды. СПб. : СПбГУ, 2015. С. 117–127.
11. Dulebová I. Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka: interkultúrny a lingvodidaktický aspekt. Bratislava : Univerzita Komenského, 2015. 150 s.
12. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1999. URL: http://www.dissercat.com/content/pretsedentnye-fenomeny-v-yazykovom-soznanii-i-mezhkulturnoi-kommunikatsii#ixzz4hNHaZoA9
13. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ // Политическая лингвистика. 2008. Вып. 1 (24). С. 48–55. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-08.htm
14. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика дискурсивного анализа. Екатеринбург : УрГПУ, 2011. 276 с.
15. Фащанова С.В. Трансформация прецедентных текстов как прием языковой игры в радиодискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 350. С. 36–39.
16. Šušol et al. Informačna politika. Bratislava : Stimul, 2012. 138 s.
17. Stefancik R., Dulebová I. Teória sekuritizácie kodanskej školy z pohľadu diskurznej analýzy a politickej lingvistiky // Xlinguae. 2017. № 2. S. 51–62.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 октября 2017 г.

PRECEDENT NAMES OF THE RUSSIAN CULTURE AND HISTORY IN MODERN SLOVAK MEDIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 19–25.
DOI: 10.17223/15617793/425/3

Irina Dulebova, Comenius University in Bratislava (Bratislava, Slovakia). E-mail: irina.dulebova@uniba.sk
Larisa B. Kryukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Keywords: precedent names; linguocultural community; Russian literature; Russian culture; Russian history.

The article aims to analyze the functional load of Russian precedent names in the Slovak media discourse as linguistic units that represent fragments of the national language picture of the world, in their correlation with modern reception in the Slovak media. On the material of the National Corpus of the Slovak Language (journalistic subcorpus), as well as the sites of the most popular national Slovak newspapers (*Týždeň, SME, Pravda, Nový čas, Denník N, Plus 7 dní, Trend, 24hod.sk, aktualne.sk, webnoviny.sk, Hospodárske noviny*, etc.) for 2004–2017, variants of interpretation and reinterpretation of precedent names in the Slovak language picture of the world are identified; linguopragmatic features of their perception and use by the Slovak recipient are characterized; the axiological component of the semantics of Russian precedent names in the Slovak media discourse is described. The systematization of the material in the main part of the article is determined by the source of the analyzed precedent units: Russian literature and oral folk art, the political history of Russia, Russian science and culture, Russian toponyms. Methods of semantic, functional and contextual analysis are used. First of all, metaphorical meanings of precedent names are studied, as they reflect the basic historical and cultural concepts and demonstrate a way of perceiving Russian history and culture by representatives of the Slovak linguocultural community. In the process of pronomination, the common noun is replaced by a proper name which embodies all the qualities of the group and becomes a synonym to certain events, phenomena and properties. The study showed that the peculiarities of perception of precedent Russian names by the Slovak linguistic cultural community, their interpretation and reinterpretation in the modern Slovak media discourse are caused, on the one hand, by the historical interaction of the Slovak and Russian cultures and, on the other, by various changes in the social and political paradigm of the recent decades. It is established that historical and literary names of the 20th century are mostly subjected to semantic reinterpretation. The results of the study allow concluding that precedent names are not dis-

course-specific: they are used in texts on various topics (political, cultural, sports, social, everyday, advertising). Names from Russian literature and history are quite frequently used, while names from science, sport and culture are rare. Thus, the representation and interpretation of precedent units in the Slovak media space demonstrates the features of the reception of Russian history, politics, literature and culture by modern representatives of the Slovak linguocultural community.

REFERENCES

1. Nakhimova, E.A. (2007) *Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii* [Precedent names in mass communication]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
2. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Izd-vo LKI.
3. Krasnykh, V.V. (1997) Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy [The system of precedent phenomena in the context of modern research]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. 2. pp. 5–12.
4. Gudkov, D.B. (2003) *Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow: Gnozis.
5. Slovak National Corpus. [Online] Available from: http://korpus.juls.savba.sk. (In Slovak).
6. Stefancik, R. & Dulebová, I. (2017) *Jazyk a politika. Jazyk politiky v konfliktnej štruktúre spoločnosti* [Language and politics. The language of politics in the conflicting structure of society]. Bratislava: Ekonóm.
7. Sipko, Y. (2008) V poiskakh istinnogo smysla [In search of the true meaning]. Prešov: FFPU v Prešove.
8. Www.mojanajkniha.sk. (n.d.) *Moja naj kniha* [My best book]. [Online] Available from: http://www.mojanajkniha.sk/naj-kniha/s81/naj-100-knih.html?page=1.
9. Dulebova, I. (2014) Retseptsiya russkoy literatury v slovatskoy auditorii v protsesse prepodavaniya RKI [The reception of Russian literature in the Slovak audience in the process of teaching RFL]. *Vestnik Rossiyskogo kul'turnogo tsentra*. pp. 142–146.
10. Dulebova, I. (2015) [Russian authors on the Slovak scene at the beginning of the 21st century]. *43-ya Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya: izbrannye trudy* [43rd International Philological Conference: Selected Works]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 117–127. (In Russian).
11. Dulebová, I. (2015) *Precedentné fenomény súčasného ruského jazyka: interkultúrny a lingvodidaktický aspekt* [Precedent phenomena of contemporary Russian language: intercultural and linguodidactic aspect]. Bratislava: Univerzita Komenského.
12. Gudkov, D.B. (1999) *Pretsedentnye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow. [Online] Available from: http://www.dissercat.com/content/pretsedentnye-fenomeny-v-yazykovom-soznanii-i-mezhkulturnoi-kommunikatsii#ixzz4hNHaZoA9.
13. Nakhimova, E.A. (2008) Pretsedentnoe imya Kerenskiy v sovremennykh otechestvennykh SMI [The precedent name Kerensky in modern domestic media]. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1 (24). pp. 48–55. [Online] Available from: http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-08.htm.
14. Nakhimova, E.A. (2011) *Pretsedentnye onimy v sovremennoy rossiyskoy massovoy kommunikatsii: teoriya i metodika diskursivnogo analiza* [The precedent onyms in modern Russian mass communication: theory and methodology of discursive analysis]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
15. Fashchanova, S.V. (2011) Transformation of precedent texts as means of language game in radio discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univeriteta – Tomsk State University Journal*. 350. pp. 36–39. (In Russian).
16. Šušol, et al. (2012) *Informačna politika* [Information policy]. Bratislava: Stimul.
17. Stefancik, R. & Dulebová, I. (2017) Securitization theory of the Copenhagen school from the perspective of discourse analysis and political linguistics. *Xlinguae*. 2. pp. 51–62. (In Slovak).

Received: 25 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 26–31. DOI: 10.17223/15617793/425/4

УДК 811.161.1'42

Т.Г. Рабенко, Н.Б. Лебедева

РЕЧЕВОЙ ЖАНР В ПАРАДИГМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖАНРА «ЛИЧНЫЙ ДНЕВНИК»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Естественная письменная русская речь жителей Кузбасса» (№ 17-14-42001а-ОГОН).

Обосновывается положение о возможном рассмотрении речевого жанра в парадигме лингвистической вариантологии. Разрабатывается методология описания жанровой вариативности текста. Развивается идея возможного представления речевого жанра в виде оппозиции инвариант / вариант. Инвариант жанра представляется как определенная совокупность жанровых признаков, варьирующих в зависимости от коммуникативно-прагматических условий реализации жанровой формы и воплощающихся в виде варианта жанра.

Ключевые слова: вариативность; вариантология; инвариант; вариант; вариация; речевой жанр.

В данной статье обосновывается положение о возможном рассмотрении речевого жанра в системе координат лингвистической вариантологии. Представляется, что речевой жанр, подобно всем иным единицам языка, обладает свойством вариативности, обусловленным действием а) универсальных закономерностей языковой вариативности, обнаруживаемых на всех уровнях языковой системы и в сфере всех ее единиц, и б) специфических, обусловленных взаимодействием детерминантных признаков речевого жанра и его функциональной включенностью в ситуативно-коммуникативный, событийный и речевой контекст.

Осмысление феномена вариативности как выражения какой-либо языковой сущности в виде ее модификаций основывается на положении о соотношении *инварианта* – абстрактного обозначения одной и той же сущности в отвлечении от ее конкретных реализаций, и *варианта* – ее конкретной модификации, видоизменении одной и той же единицы, которая остается при всех изменениях самой собой (Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, М.Я. Гловинская, В.А. Плунгян, В.М. Солнцев, Н.С. Трубецкой, И.Б. Шатуновский, Р.О. Якобсон и др.). С актуализацией в лингвистике понятия вариативности через оппозицию инвариант / вариант получает дальнейшее развитие идея о позициях как неких условиях функционирования языковой единицы, определяющих реализацию ее варианта, условиях, при которых происходит актуализация / нейтрализация ее дифференциальных свойств [1, 2].

Значительные объяснительные возможности вариантологии позволяют включить в орбиту научного исследования новую для этой отрасли науки единицу – речевой жанр. Феномен жанровой вариативности еще не подвергался специальному лингвистическому исследованию в фундаментальном плане, между тем выдвижение принципов, критериев разграничения речевых жанров, объединения разных вариантов (и вариаций) в единый инвариант представляется особо значимым, поскольку имеет отношение к проблеме категоризации объектов [3. С. 55].

В нашем представлении, положение о вариативности как фундаментальном свойстве языка позволяет рассматривать жанровую вариативность в виде частного ее проявления. Подобное утверждение существенно расширяет область рассмотрения языковой вариативности за счет включения в зону научного исследования речевых жанров, что позволяет считать первичные и соотносимые с ними вторичные речевые жанры жанровыми модификациями, иначе – вариантами, некоего инварианта (Т.В. Руссинова, Т.И. Стексова).

Вопрос о жанровой вариативности и возможной экстраполяции ряда методологических положений вариантологии на область генристики включается в не менее сложную проблему природы речевого жанра: является ли речевой жанр единицей языка, речи или же находится на границе языка и речи[1]. Данная проблема обозначена в свое время М.М. Бахтиным [5], однако до сих пор не имеет однозначного решения в лингвистике (К.Ф. Седов, М.Ю. Федосюк, Т.В. Шмелева и др.). Резюмируя свое выступление в октябре 1950 г., содержащее самую раннюю по времени характеристику жанров, М.М. Бахтин отмечает, что жанр – непосредственно явление языковое. Жанры рождаются вместе с языком. Отрывать проблему жанра от проблемы языка нельзя [7. С. 141]. Суть данного положения ясна. Очевиден акцент на лингвистической стороне этой проблемы. Однако в более поздних записях М.М. Бахтина утверждается, что жанр – понятие из области высказывания, а не собственно языка: можно говорить о жанрах высказывания, но лишь о формах языка [6. С. 610]. Кроме того, поначалу в черновиках говорится просто о жанрах, но в итоговом тексте – о речевых жанрах. В представлении В.М. Алпатова, отсутствие в черновиках развернутой системы жанров, нечеткость формулировок объясняется, тем, что «мы имеем дело с новой концепцией, которая, как часто бывает, терминологически формулировалась нечетко» [Там же. С. 611].

В настоящем исследовании под речевым жанром понимаются устойчивый тематический, композиционный и стилистический типы текста[2] [8. С. 104], представленные комплексом жанрово-релевантных признаков, в число которых входят функционально-целевой и, как правило, материальные, иначе – субстанциональные, признаки (автор, адресат, диктумно-модусное содержание и др.) [3. С. 49].

При рассмотрении феномена жанровой вариативности мы исходим из следующих методологических положений.

1. Актуализируя положение Н.С. Трубецкого о существовании вариантно-инвариантных отношений в языковой системе [9] и мысль М.М. Бахтина о наличии оппозиции первичных / вторичных речевых жанров [5], мы рассматриваем речевые жанры в есте-

ственном письменном дискурсе как вторичные по отношению к жанрам устно-разговорной речи, но как первичные по отношению к жанрам художественного и виртуального дискурса. При этом речевой жанр естественно-письменного дискурса и его художественная и виртуальная актуализации представляются вариантами некоего инварианта – абстрактной сущности, которая при реализации жанра в той или иной коммуникативной сфере воплощается (актуализируется) в виде определенного набора признаков, детерминируемых коммуникативными условиями реализации.

Под инвариантом речевого жанра нами понимается абстрактная единица языка[3], совокупность жанрово-релевантных признаков, интегральных для речевых модификаций этой единицы, т.е. присущих каждой из ее модификаций, называемых вариантами речевого жанра. Последние составляют «группу, или класс, по отношению, к которым может быть выведен инвариант» [3. С. 32].

Разграничение вариантов и вариаций речевого жанра определяется варьированием его околоядерных (варианты) и периферийных (вариации) признаков [Там же. С. 61].

Под вариантами речевого жанра подразумеваются регулярно воспроизводимые модификации одного и того же речевого жанра. Это единицы речи, которые «при сохранении некоторых сущностных свойств» [10. С. 32]: тождестве иллокутивно-интенционального и тематического содержания, формально-композиционной структуры (данные, ядерные, признаки удерживают варианты в границах некоего жанра), различаются рядом коммуникативно-прагматических (околоядерных) признаков: сферой функционирования, как следствие, характером взаимодействия автора и адресата, ходом коммуникации (особенностями ее пространственной и временной организации) и, возможно, субстратом, к примеру, в случае рукописного и виртуального дневника. Электронный субстрат (компьютер, мобильный телефон) модифицирует традиционные жанры: так, рукописный и виртуальный дневники при наличии общих характеристик, в первую очередь целевой установки, – это разные варианты жанра, так как электронный носитель накладывает свои ограничения (а с другой стороны, и снимает некоторые ограничения) и специфицирует содержательные и прочие аспекты.

Для сетевого дневника, в отличие от дневника рукописного с характерной для него автокоммуникативностью, доминантным признаком становится альтерадресатность (интимные переживания становятся «достоянием пользователей всей мировой паутины» [12. С. 88]), поскольку параметры средства и канала коммуникации (гипертекстуальность, синхронность, мультимедийность и др.) непосредственно влияют на функционирующие в этой сфере жанры, определяя их специфику [13. С. 39]. По мысли Г.Н. Трофимовой, «речевые жанры в Интернете <…> ориентированы на более свободную и непосредственную коммуникативность» [14. С. 123].

Сетевой дневник как жанровый вариант дневника наследует многие признаки и функции дневника «классического»: прежде всего, свойственную дневнику особую форму воплощения информативно-оценочной интенции, которая проявляется в виде интимно представляемого описания личностно значимых событий, проникнутой ощущением значимости отдельной личности; установку на личностную сублимацию:

«Воскресенье, 18 января 2015

13:26 Приветствие

Я так давно не вела дневники… Всегда они были с определенной тематикой: то любовь, то похудение, то попытки таинственного творчества. В юности мы все хотим быть услышаны, поняты и в какой-то мере популярны. Но это проходит с годами, правда, не у всех.

Этот дневник мне хочется вести, в первую очередь, для себя самой. Пусть тут будет та же любовь, то же похудение и попытки творчества. Главное, что тут буду я <…> Это будет мой маленький мир»[4].

Однако наряду с собственно дневником, максимально приближающимся к классическому определению данного жанра, используемым автором только как средство фиксирования автобиографической памяти, в интернет-коммуникации появляются: а) «творческие» дневники, в которых авторы (самодеятельные / профессиональные) публикуют свои творения; б) афористические дневники как собрания сентенций хозяина; в) дневники-проекты: организованные тематически или построенные по некоему композиционному принципу; г) дневники, состоящие из картинок, фотографий или цитат; д) дневники, ближе стоящие к форумному общению, чем к ведению дневника [15. С. 73].

Возникает явление, когда в обыденном, наивном жанровом (точнее метажанровом) сознании сохраняется номинация жанра при существенном изменении самих жанровых признаков (см., к примеру, пункты в–е). Среди признаков, ассоциирующихся в обыденном сознании с дневником и позволяющих традиционно номинировать эти жанровые формы, установка автора на личную сублимацию, информативно-оценочная интенция, сопряженная, в частности, с отбором некоего вербального, визуального (афоризмов, картинок, фотографий) материала, отвечающего определенной тематике.

В итоге под одним и тем же жанровым обозначением («дневник»), по мнению М.Ю. Сидоровой, выступают разные по сути виды (жанры) интернет-коммуникации [15. С. 73]. Полагаем, что речь идет об омонимии жанровых номинаций: обозначении одним и тем же жанровым именем разных по своей природе жанров, совмещающих признаки разных жанровых образований (о жанровых контаминациях см.: [16. С. 638–639]). Одно из объяснений данного явления заключается в том, что «в Интернете границы между речевыми жанрами мягче и подвижнее, чем в реальной действительности», ибо здесь продолжается «становление жанров, изменение и развитие законов общения» [14. С. 124].

Под вариациями речевого жанра, в свою очередь, понимаются такие разновидности жанра, которые при сохранении инвариантных свойств жанра – тождестве иллокутивно-интенционального содержания (установке на исповедальность), типизированности формально-композиционной структуры текста (размещении материала в виде подневных записей), представленности в одной и той же сфере коммуникации – обнаруживают незначительные отличия, к примеру, касающиеся содержательного наполнения личного

дневника. Так, дневниковые записи девочки-подростка нередко включают сентиментальные стихотворения (в том числе и собственного сочинения), иллюстрированные романтическими картинками:

«6 декабря 2007 г

У меня вчера вообще чувство опустошения было. Я, прям, не знала, чё делать! Уснуть не могла, сердце болело и вот так вот! Лежала, лежала и стишок сочинила. Хоть и не в рифму, но, думаю, ты бы меня похвалил за такое творчество.

Пустота в душе,
Учащенный пульс.
Я тебя люблю,
Но уже не вернусь…
Нет желания спать,
Вновь открыты глаза.
В тишине ночной
Я увижу тебя…
Ярким лучиком стал
Ты сейчас для меня,
Но тебя отпущу…
И так будет всегда…

Дурацкий стих, а мне нравится! А это самое главное!!!»[5].

Периферийные признаки этой жанровой вариации (сентиментальные стихотворения, романтические картинки, рисунки и др.) сближают ее с другими жанрами естественно-письменной речевой деятельности – девичьим альбомом, анкетой, песенником. В итоге «текучесть, незавершенность норм внутрижанрового поведения» наивного автора позволяет выделить в жанровой системе жанроиды – «переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [17. С. 71; 18. С. 20 и т.д.].

Идея жанровой континуальности представляется принципиально важной для понимания онтологической природы жанра. При изучении речевых жанров исследователь не может и не должен стремиться «спрямлять» и жестко проводить границы между разными речевыми жанрами и вариантами (вариациями) одного и того же жанра. Создавая классификацию речевых жанров и описывая речевые жанры, исследователь должен «отдавать себе отчет и в том, что объект исследования – живая речь – это та гармония, которая не всегда может быть “проверена алгеброй”; иными словами: единицы классификации не всегда могут быть четко отделены на единых основаниях» [19. С. 15].

2. Функциональная вариативность речевого жанра задается факторами объективно-структурного характера как следствие объективных свойств самого языка и языкового знака и проявляется при функционировании жанровооформленного текста в определенных коммуникативно-прагматических условиях. Так, речевой жанр «личный дневник» включает следующие варианты: классический (рукописный) дневник; дневник выдающейся личности, изначально задуманный или позднее осмысленный как некое произведение, предполагающее публикацию (к примеру, дневники Л.Н. Толстого, М.М. Пришвина, К.С. Станиславского); интернет-дневник (иначе сетевой, виртуальный, on-line-дневник); дневник как часть художественного произведения (к примеру, глава «Журнал Печорина» в романе «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова) или повествовательная форма целого произведения (например, «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева).

3. Определяющим фактором жанровой адаптации в той или иной коммуникативной сфере является фактор адресата. Именно ориентация автора «на определенного адресата» [20. С. 358], характер взаимодействия автора и адресата определяет ход коммуникации, поскольку «адресат <…> вступает в коммуникацию <…> в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующем аспекту говорящего» [Там же]. Так, для рукописного дневника как автоадресатного жанра характерно совпадение продуцента и реципиента текста при передаче сообщения: человек пишет дневник, имея адресатом самого себя. Отсюда интимный характер дневниковых записей: «*Ведь тут я пишу только о себе и только для себя – так чего же мне стесняться?*» [21. С. 31].

Однако наряду с непосредственным адресатом – автором дневниковых записей – имеется еще косвенный адресат – потенциальный читатель (родные, друзья):

«25.09.98

Этот дневник я пишу не только для себя, но и для людей, которые может быть когда-нибудь его прочтут. Я буду бесконечно рада, если они подчерпнут очень много полезного из моей жизни, моих выводов, наблюдений, можно сказать моего опыта»[6].

Фигура косвенного адресата оказывается в определенном смысле «ключевой для жанра дневника» [22]: « <…> бессознательно, если он [автор дневника. – *Р.Т., Л.Н*] хочет потом сам читать собственный дневник, то не может не представить на своем месте другого, хотя бы на мгновение» [23. С. 291]. Из дневника М.К. Башкирцевой: *«Когда я умру, прочтут мою жизнь, которую я нахожу очень замечательной <…> это всегда интересно – жизнь женщины, записанная изо дня в день, без всякой рисовки, как будто бы никто в мире не должен был читать написанного, и в то же время со страстным желанием, чтобы оно было прочитано»* [24]. Такой момент автокоммуникации обнаруживается при создании всякого письменного текста: чтобы артикулировать свои мысли, автор представляет себя адресатом, который читает как бы незнакомый текст [25. С. 123–124].

Присутствие косвенного адресата «обыгрывается» и в художественной версии дневника. К примеру, в дневнике Печорина наряду с изначально присутствующим в дневниковых записях субъектом автоадресации (самого автора) появляется косвенный адресат – «вероятная» дама, на восприятие которой при возможном чтении его записей Печорин, безусловно, начинает ориентироваться при их написании: *«Что если когда-нибудь эти записки попадутся на глаза женщине?»* [26].

Потенциальная публичная ориентация рукописного дневника в полной мере реализуется в интернет-дневнике. В отличие от «классического» дневника, интернет-дневник – «текст полиадресный, принципиально ориентированный на множество читателей» [22]. Доминантное свойство интернет-дневника – установка на публичность, «публичная интимность» (М.А. Кронгауз), которая обусловлена не только тем, что «новые технологии дают возможность легко и

быстро поделиться своими мыслями и чувствами с неограниченным числом людей, но также и с тем, что эти технологии позволяют предъявить этому множеству людей свой текст как свидетельство своего индивидуального бытия» [27. С. 10]:

«22-03-2017 22:00

Подходит конец самого контрастного года в моей жизни. И удивительно что он привел меня сюда [онлайн-дневник. – *Р.Т., Л.Б.*], *хотя, есть целый ряд причин почему я сейчас это пишу.*

Хочется быть прочтенным, поэтому, привет всем»[7].

4. Речевой жанр как типовая разновидность письменной (и устной) речи представлен рядом признаков, доминантных и детерминантных. Первые конституируют основной жанрообразующий набор инвариантных компонентов и детерминируют остальные характеристики жанра в разных коммуникативных сферах [3. С. 56–57]. Доминантно-детерминантный подход, широко используемый в естественных науках и эффективно применяемый в лингвистике (Н.Д. Голев, Л.Г. Зубкова, Н.Б. Лебедева), органически близок методологии М.М. Бахтина, что проявляется, в частности, в его понимании обусловленности речевого жанра условиями и целями различных сфер человеческой деятельности. Если иметь в виду внешнюю и внутреннюю детерминированность [28. С. 10], то к внешней детерминации относится обусловленность жанра социальной средой. Внутренняя детерминированность обнаруживается в подчеркивании направленной зависимости признаков и элементов, причинно-следственных отношений между признаками и явлениями внутри объекта, внутри системы. Сходные мысли находим у В.В. Дементьева: «Именно диалогичность является определяющим признаком речевого жанра у М.М. Бахтина как единицы речевого общения и деятельности людей. Отсюда проистекают все другие признаки РЖ (целеполагание, завершенность, связь с определенной сферой общения и др.)» [29. С. 28].

Исследование феномена жанровой вариативности осуществляется путем определения набора признаков первичных жанров, к которым относим жанры естественно-письменной речи (набор признаков обозначен в коммуникативно-семиотической модели, разработанной Н.Б. Лебедевой [3. С. 60], далее прослеживается воплощение данных признаков жанра в иных коммуникативных сферах (в частности, художественной и виртуальной). С учетом прагматических условий реализации намечаются а) признаки доминантные (инвариантные), которые остаются неизменными при реализации жанра и обеспечивают идентификацию жанра в разных коммуникативных сферах; б) признаки, подвергшиеся модификации или трансформации при воплощении жанра в новой коммуникативной сфере. При этом под модификацией жанра понимается такое преобразование, которое не сопровождается изменением сущности (коммуникативной цели) жанра. В случае трансформации происходит изменение иллокутивно-интенционального содержания жанра и, соответственно, изменение самого жанра, возникает новый жанр, который может сохранять (наследовать) название первичного жанра[8]. В результате остается только формальный признак жанра – наименование – чуть ли не самая устойчивая (консервативная) его черта, в то время как существенные (ядерные) признаки жанра «выветриваются». О подобного рода явлении писал в свое время Ю.Н. Тынянов: «Мы склонны называть жанры по *второстепенным результативным признакам*». Так, названия «рассказ», «повесть», «роман» для «нас адекватны определению количества печатных листов», в то время как эти жанры ранее «определялись, как то явствует из самых названий, другими признаками, нежели у нас. <…> то, что называли одою в 20-е годы XIX века <…> называлось одою не по тем признакам, что во время Ломоносова» [32. С. 273–274] (о диахронической вариативности жанра см.: [16]).

Предполагаем, что проявление обозначенной Ю.Н. Тыняновым «склонности называть жанры по второстепенным результативным признакам» возможно проследить не только в историческом, но и синхронном, функциональном аспекте. Так, в общей тетради, выделенной изначально для ведения дневниковых записей (о чем может свидетельствовать надпись «*Дневник*», старательно выведенная рукой автора), описания ежедневных событий, впечатлений о пережитом по мере ведения дневника все более перемежаются с многочисленными стихотворениями собственного сочинения, и в итоге личный дневник уже становится своего рода поэтической тетрадью. Тексты дневниковых записей создаются наивным автором спонтанно, под напором возникающих ассоциаций. Наивный автор не выдерживает жанровой чистоты. Если научная классификация (и квалификация) жанра опирается на некие рациональные основания, то ненаучная, обыденная, – на малорасчлененное, смутное (инстинктивное) представление о жанре.

Таким образом, вариативность как универсальное свойство языковой системы в целом и ее единиц обнаруживается на всех уровнях системной организации языка. Основные положения классической системно-структурной вариантологии (об инварианте и его вариантах – речевых единицах, связанных отношениями тождества / различия, позициях как условиях актуализации / нейтрализации смысловых дифференциаций речевых единиц) как отражающие определенные межуровневые универсалии могут быть эффективно задействованы при исследовании вариативного функционирования речевого жанра. Исследование жанровой вариативности осуществляется с учетом существования антиномий «язык / речь», «дискретность / континуальность», «онтология / гносеология».

Феномен жанровой вариативности проявляется в языковой системе при ее речевой реализации и детерминирован объективно-языковыми свойствами (вариативность как субстанциональное свойство языковых единиц). В свете обозначенной теории речевой жанр представляется как совокупность вариантов и вариаций, выбор которых обусловлен коммуникативно-прагматическими условиями его реализации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наметившаяся проблема природы речевого жанра сопрягается с существованием дихотомии языка и речи, обоснованной Ф. де Соссюром [4]. Пытаясь разрешить проблему природы речевого жанра, М.М. Бахтин полемизирует с Ф. де Соссюром, указывая на полную «не-

определенность и недосказанность <…> по всем этим вопросам»: «Неопределенное слово “речь”, могущее обозначать и язык, и процесс речи, то есть говорение, и отдельное высказывание, и целый неопределенно длинный ряд таких высказываний, и определенный речевой жанр (“он произнес речь”), до сих пор не превращено лингвистами в строго ограниченный по значению и определенный (определимый) термин <…> Это объясняется почти полной неразработанностью проблемы высказывания и речевых жанров (а следовательно, и речевого общения)» [5; 6. С. 489–495, 545–570].

[2] В настоящем исследовании используется термин «речевой жанр» в силу его традиционности.

[3] Признание того, что «язык состоит из абстрактных единиц», возможно «в рамках понимания языка как “системы классификации”» [10. С. 35], как «орудия осуществления дискретности» [11. С. 42].

[4] http://asya8.diary.ru/

[5] Из архива Лаборатории естественной письменной русской речи КемГУ.

[6] Из архива Лаборатории естественной письменной русской речи КемГУ.

[7] http://www.journals.ru/journals_comments.php?id=4895852

[8] Предлагаемая модель исследования вариативности жанра очерчена в ряде предшествующих работ авторов, посвященных описанию вариативности речевых жанров в естественно-письменном и художественном дискурсах [30, 31].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт теории фонетических альтернаций // Избранные труды по общему языкознанию. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.
2. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 256 с.
3. Лебедева Н.Б. Теоретические основы исследования естественной письменной речи // Лебедева Н.Б., Зырянова Е.Г., Плаксина Н.Ю., Тюкаева Н.И. Жанры естественной письменной речи: Студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М. : КРАСАНД, 2011. С. 8–61.
4. де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / ред. Ш. Балли и А. Сеше. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С. 16–26.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
6. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 838 с.
7. Лаптун В.И. К биографии М.М. Бахтина // Бахтинский сборник. Саранск : Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2000. Вып. IV. С. 138–149.
8. Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–134.
9. Трубецкой Н.С. Основы филологии. М. : Аспект Пресс, 2000. 352 с.
10. Солнцев В.М. Вариантность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.
11. Звегинцев В.А.Теоретическая и прикладная лингвистика. М. : Просвещение, 1968. 336 с.
12. Лашкевич А.В. Личный дневник и жанры «дискурса персональности» в контексте межкультурной коммуникации. Ижевск : Удмурт. ун-т, 2014. 173 с.
13. Кочеткова М.О., Тураева И.В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 39–52.
14. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты). М. : Изд-во РУДН, 2008. 300 с.
15. Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: Русский язык. Межличностное общение. М. : 1989.ру, 2006. 193 с.
16. Лейдерман Н.Л. Теория жанра: Научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. 904 с.
17. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М. : Лабиринт, 2001. 304 с.
18. Лебедева Н.Б., Корюкина Е.А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанровый аспект. Кемерово : КемГУ, 2013. 179 с.
19. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М. : Лабиринт, 2004. 320 с.
20. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. 1981. Т. 40, № 4. Сер. Литературы и языка. С. 356–367.
21. Лосев А.Ф. «Мне было 19 лет…»: Дневники. Письма. Проза. М. : Русские словари, 1997. 352 с.
22. Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106. URL: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html (дата обращения: 01.09.2017).
23. Кобрин К.Р. Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 288–295.
24. Башкирцева М.К. Дневник. М. : Захаров, 2003. 688 с. URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/139775/1/Bashkirceva_-_Dnevnik.html
25. Успенский Б.А. Ego loquens. Язык и коммуникационное пространство. М. : РГГУ, 2007. 320 с.
26. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М.Ю. Соч. : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 2. С. 455–589.
27. Кронгауз М.А. Публичная интимность // Знамя. 2009. № 12. С. 162–167.
28. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. М. : Изд-во РУДН, 2002. 472 с.
29. Дементьев В.В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. С. 18–40.
30. Рабенко Т.Г., Лебедева Н.Б. К соотношению жанров художественного и естественного дискурсов: постановка проблемы (на материале жанра «письмо в редакцию») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1 (39). С. 50–61.
31. Рабенко Т.Г. Проблема речежанровой первичности / вторичности в контексте современной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 235–248.
32. Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции // Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. С. 270–281.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 8 октября 2017 г.

A SPEECH GENRE IN THE PARADIGM OF LINGUISTIC VARIANTOLOGY (BASED ON THE GENRE “PRIVATE DIARY”)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 26–31.
DOI: 10.17223/15617793/425/4

Tatiana G. Rabenko, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tat.rabenko@yandex.ru
Natalia B. Lebedeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: nlebedevab@yandex.ru

Keywords: variability; variantology; invariant; variant; variation; speech genre.

In this study, the example of the personal diary substantiates the possibility of the transfer of the main provisions of linguistic variantology to the field of genre studies. In connection with this perspective, a speech genre is described through the opposition “invariant / variant”. The invariant of a speech genre is represented by a set of genre-relevant features, integral to speech modifications (variants) of this unit. Variants of a speech genre are regularly reproduced modifications that preserve the similarity of the illo-

cutionary-intentional and thematic content, the formal composition and differ in communicative-pragmatic feautures: sphere of use, nature of the interaction of the author and the addressee, the discourse and, possibly, the substrate. The variable range of the studied genre the authors identified in the operation of a genre-shaped text in different communicative-pragmatic conditions includes the classic (handwritten) diary; the diary of an outstanding personality initially / later interpreted as a work to be published; the online diary; the diary as part of an artwork or a narrative form of an entire work. These versions of the genre are integrated by characteristics genre-forming (nuclear) for the given genre: the special form of expressing the informative-evaluative intention which manifests itself as intimately presented descriptions of personally significant events saturated with the sense of the significance of the individual. The determining factor of genre adaptation in this or that communicative sphere is the factor of the addressee. The handwritten diary with its self-addressing is characterized by a similar producer and recipient of the text to convey the message: the person is writing the diary for him-/herself, which results in the intimacy of diary entries. However, along with the direct addressee there is an indirect recipient, a potential reader the author imagines. The presence of an indirect addressee is "played upon" in the artistic versions of the diary, which, along with the original subject of self-addressing, has an indirect addressee, a "probable" lady whose possible reading Pechorin begins to focus upon when writing a diary. The potential public orientation of the handwritten diary is fully implemented in the online diary, which is characterized by the orientation to publicity. As a consequence of the special communicative-pragmatic conditions in the Internet communication, new genre appear ("creative" diary of amateur authors; aphoristic diaries as collections of sayings of the master; diaries-projects; diaries close to the forum dialogue). They preserve the genre category and the orientation of the author to personal sublimation, the informative and evaluative intention, but significantly change genre features, which leads to the transformation of the genre and the emergence of genroids or new genres.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
2. Panov, M.V. (1979) *Sovremennyy russkiy yazyk. Fonetika* [The modern Russian language. Phonetics]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Lebedeva, N.B. (2011) Teoreticheskie osnovy issledovaniya estestvennoy pis'mennoy rechi [Theoretical bases of research of natural written speech]. In: Lebedeva, N.B., Zyryanova, E.G., Plaksina, N.Yu. & Tyukaeva, N.I. *Zhanry estestvennoy pis'mennoy rechi: Studencheskoe graffiti, marginal'nye stranitsy tetradey, chastnaya zapiska* [Genres of natural written speech: Student graffiti, marginal pages of notebooks, private note]. Moscow: KRASAND.
4. de Saussure, F. (1999) *Kurs obshchey lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Translated from French. Yekaterinburg: Ural State University.
5. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobr. soch.* [Works]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 159–206.
6. Alpatov, V.M. (2005) *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
7. Laptun, V.I. (2000) K biografii M.M. Bakhtina [To the biography of M.M. Bakhtin]. In: *Bakhtinskiy sbornik* [Bakhtin's collection]. Is. 4. Saransk: Mordova State University. pp. 138–149.
8. Fedosyuk, M.Yu. (1997) Nereshennye voprosy teorii rechevykh zhanrov [Unresolved questions of the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5. pp. 102–134.
9. Trubetskoy, N.S. (2000) *Osnovy filologii* [Fundamentals of Philology]. Moscow: Aspekt Press.
10. Solntsev, V.M. (1984) Variantnost' kak obshchee svoystvo yazykovoy sistemy [Variability as a general property of the language system]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2. pp. 31–42.
11. Zvegintsev, V.A. (1968) *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Lashkevich, A.V. (2014) *Lichnyy dnevnik i zhanry "diskursa personal'nosti" v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Personal diary and genres of "discourse of personality" in the context of intercultural communication]. Izhevsk: Udmurt State University.
13. Kochetkova, M.O. & Turaeva, I.V. (2014) Development of the blog as a genre of the blogosphere discourse: the sociolinguistic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (27). pp. 39–52. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/27/4
14. Trofimova, G.N. (2008) *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii (funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: kontseptual'no-sushchnostnye dominanty)* [The language taste of the Internet era in Russia (the functioning of the Russian language on the Internet: conceptual-essential dominants)]. Moscow: PFUR.
15. Sidorova, M.Yu. (2006) *Internet-lingvistika: Russkiy yazyk. Mezhlichnostnoe obshchenie* [Internet linguistics: Russian language. Interpersonal communication]. Moscow: 1989.ru.
16. Leyderman, N.L. (2010) *Teoriya zhanra* [Theory of the genre]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
17. Gorelov, I.N. & Sedov, K.F. (2001) *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow: Labirint.
18. Lebedeva, N.B. & Koryukina, E.A. (2013) *Naivnyy avtor kak pis'menno-rechevaya lichnost': zhanrovyy aspekt* [The naive author as a writing and speech personality: a genre aspect]. Kemerovo: Kemerovo State University.
19. Sedov, K.F. (2004) *Diskurs i lichnost': evolyutsiya kommunikativnoy kompetentsii* [Discourse and personality: the evolution of communicative competence]. Moscow: Labirint.
20. Arutyunova, N.D. (1981) Faktor adresata [The addressee factor]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. Literatury i yazyka*. 40:4. pp. 356–367.
21. Losev, A.F. (1997) *"Mne bylo 19 let…": Dnevniki. Pis'ma. Proza* ["I was 19 years old . . .": Diaries. Letters. Prose]. Moscow: Russkie slovari.
22. Zaliznyak, A.A. (2010) Dnevnik: k opredeleniyu zhanra [Diary: to the definition of the genre]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 106. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html. (Accessed: 01.09.2017).
23. Kobrin, K.R. (2003) Pokhvala dnevniku [Praise to the Diary]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 61. pp. 288–295.
24. Bashkirtseva, M.K. (2003) *Dnevnik* [Diary]. Moscow: Zakharov. [Online] Available from: https://www.e-reading.club/chapter.php/139775/1/ Bashkirceva_-_Dnevnik.html.
25. Uspenskiy, B.A. (2007) *Ego loquens. Yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo* [Ego loquens. Language and communication space]. Moscow: RSUH.
26. Lermontov, M.Yu. (1990) *Soch.: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Pravda. pp. 455–589.
27. Krongauz, M.A. (2009) Publichnaya intimnost' [Public intimacy]. *Znamya*. 12. pp. 162–167.
28. Zubkova, L.G. (2002) *Obshchaya teoriya yazyka v razvitii* [General theory of language in development]. Moscow: PFUR.
29. Dement'ev, V.V. (2002) Kommunikativnaya genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsial'nogo vzaimodeystviya [Communicative genre studies: speech genres as a means of formalizing social interaction]. In: Gol'din, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Genres of speech]. Saratov: Kolledzh.
30. Rabenko, T.G. & Lebedeva, N.B. (2016) On the correlation of genres of natural and artistic discourses: setting the problem (in the genre "letter to the editor"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (39). pp. 50–61. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/39/5
31. Rabenko, T.G. (2017) Problem of primary / secondary speech genre in the context of modern linguistics. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 235–248. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/59/16
32. Tynyanov, Yu.N. (1977) O literaturnoy evolyutsii [On literary evolution]. In: Toddes, E.A., Chudakov, A.P. & Chudakova, M.O. (eds) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka.

Received: 08 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 32–49. DOI: 10.17223/15617793/425/5

УДК 821.161.1

С.К. Севастьянова

КОНЦЕПТ «БОЛЕЗНЬ» И КОНЦЕПЦИЯ БОЛЕЗНИ В СБОРНИКЕ «ВЕЛИКОЕ ЗЕРЦАЛО»

В русском сборнике «Великое Зерцало» выявлены особенности понимания и восприятия средневековым человеком феномена болезни. Рассматривая источник в русле историко-антропологического направления, автор приходит к выводу о том, что пути осмысления недуга в сборнике базируются на христианских мировоззренческих основаниях и трактуют его как признак греховности души, время для покаяния, Божий дар для осмысления жизни, спасение в смирении, что не противоречит древнерусской традиции понимания болезни. Автор характеризует лексико-семантическое поле феномена болезни и очерчивает круг категорий слов языка, при помощи которых в русском переводе «Великого Зерцала» описаны христианская этиология болезни и отношение человека к недугу.

Ключевые слова: «Великое Зерцало»; концепт и концепция; болезнь и грех; антропология болезни; жития святых; древнерусская литература.

Сборник религиозно-назидательных рассказов «Великое Зерцало» (далее «Зерцало») относится к числу самых известных, но наименее изученных памятников русской переводной литературы XVII в. Сюжеты, темы, мотивы и образы «Зерцала», в том числе о человеке и его бытии, значительно обогатили русскую культуру. Среди тем, освещающих важные стороны человеческой жизни, в «Великом Зерцале» выделяется тема *болезни*, которая пока не привлекала внимание исследователей.

По заключению Д.В. Михеля, в современной историографии болезнь изучается в трех направлениях: как проблема медицинская, естественная и социальная [1. С. 5–21]. Если первые две области исследований осваиваются прежде всего профессиональными врачами, то значительный вклад в развитие третьего направления вносят гуманитарии, чьи работы междисциплинарного, историко-антропологического характера рассматривают болезнь как неотъемлемую часть культурной традиции (Ю.Е. Арнаутова, К.А. Богданов, А.П. Бужилова, А.С. и С.Н. Малаховы, А.Н. Медведь, И.В. Силуянова и др.).

В работах по медицинской антропологии – особой отрасли знания, возникшей на стыке социальной, культурной и биологической антропологии, – обращается внимание на наличие в культурах общих и различных позиций в восприятии болезни, практиках лечения и определении причин недуга [2. С. 4]. Важнейшим источниковым материалом этого направления исследования феномена болезни служат нарративы разных типов и эпох, которые рассматриваются в историко-антропологическом аспекте. При таком подходе русский сборник «Великое Зерцало» как источник, имеющий через польское посредство в качестве прототипов средневековые сборники exempla («примеров»), представляет значительный интерес[1]. П.В. Владимиров, систематизировавший латинские источники польского «Wielkie zwierciadło przykładów» по краковскому изданию 1633 г., начало формирования сборника средневековых нравоучительных рассказов относит к эпохе Возрождения [3. Прил. 2]. В начале XVII в., когда появились польские издания памятника, с которых были сделаны переводы на русский язык, книга состояла уже из более тысячи новелл и была наполнена материалом апокрифическо-легендарной, житийной и светской литературы западноевропейского и восточно-византий-ского происхождения [4. С. 17–26]. Такой полижанровый состав свода, формировавшийся не одно столетие, позволяет выявить разнообразные сведения о болезни, ее видах, об отношении к ней в средневековом обществе и проследить их рефлексию в общественной и религиозной жизни древнерусского человека. Круг проблем антропологии болезни, отраженный в сборнике, ограничен рамками статьи, поэтому наше внимание привлекли лишь две из них – концепт «болезнь» и концепция болезни.

Понятие «концепт» относится к ключевым понятиям когнитивной лингвистики, которая «исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [5. С. 9]. Разнообразные аспекты и методы изучения концепта как части системы представлений человека о мире, способы репрезентации концептуальных смыслов определили многозначность и многомерность его смысловой сущности [6, 7]. По наблюдению Е.В. Дзюбы, в современной лингвоконцептологии выделяется несколько подходов исследования концептуальных структур: логический (Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Р.И. Павиленис и др.), лингвокультурологический (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, М.В. Пименова и другие представители Кемеровской школы концептуальных исследований, Н.С. Болотнова и другие представители Томской школы), когнитивный (А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и другие представители Воронежской когнитивно-семантической школы), когнитивно-дискур-сивный (А.Н. Баранов, В.З. Демьянов, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, А.П. Чудинов и др.), в рамках которых разрабатываются вопросы теории концепта, в том числе и его терминологическая номинация [8. С. 8–74, особ. 13–14]. В Кемеровской школе концептуальных исследований, чью позицию в определении концепта мы разделяем, эта категория понимается как «национальный ментальный образ, некая идея, которая имеет сложную структуру представления, реализуемую различными языковыми средствами. Концептуальное значение выражается в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц… В концепте заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [9. С. 9]. Это определение пред-

ставляет концепт сложным комплексом признаков, зафиксированных в языке, где, по мнению теоретиков лингвокультурологического направления современной концептологии, отражаются ментальные характеристики сознания [10, 11].

Для исследования концепта мы опираемся на методику Кемеровской школы, которая предполагает анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт; выявление синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта; описание способов категоризации концепта в языковой картине мира; определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы; исследование сценария [9. С. 18]. Материалом для изучения концепта «болезнь» служит текст перевода «Зерцала» с польского языка на русский. Как известно, ментальные представления о мире и человеческом бытии западноевропейского и русского человека выражаются в языке неодинаково [12]. По наблюдениям П.В. Владимирова и О.А. Державиной, которые сравнивали переводы «Зерцала», в лексике и стилистике русского текста отразились особенности древнерусского мировосприятия. Если в первом переводе по структуре и языку книга была особенно близка к польскому оригиналу, то в дальнейшем прослеживается тенденция к ее русификации: переводчиками уменьшено количество иноземных названий мест и лиц, или они заменены «сказочными определениями» без точной локализации, свойственными русской народной словесности [3. С. X]; текст освобожден от католических реалий; введены слова, разъясняющие и уточняющие смысл польского оригинала и приближающие содержание к явлениям русской жизни [4. С. 32–33, 44, 47].

Однако в христианском мировосприятии существуют категории, раскрывающие особенности этнического менталитета любой национальной культуры. К ключевым ментальным понятиям, обозначающим внутренний мир человека, относятся «душа», «сердце», «ум» и «разум» [13, 14]. К концептам, определяющим человеческое бытие, – «жизнь», «смерть», «Бог», «счастье», «здоровье», «дружба», «страх», «тоска», «любовь», «ненависть» [15, 16]. Среди последних феномен болезни как явления природы и реальный опыт человека занимает особое место, имея порой определяющее значение в человеческом бытии.

Слова *концепция* и *концепт*, составляя паронимическую пару, закреплены за понятиями разного содержания. По определению В.Л. Абушенко, «концепция – это умозрительная система, выражающая определенный способ представления, понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и презентирующая ведущую идею и / или конструктивный принцип, реализующие определенный замысел в той или иной теоретической знаниевой практике». «Концепция, – продолжает ученый, – исходит из установок на фиксацию предельных для какой-либо области значений (“фрагмента” действительности) и реализацию максимально широкого “мировидения” (на основе “отнесения” к ценностному основанию познания). В этом смысле концепция выражает или акт схватывания, понимания и постижения смыслов в ходе речевого обсуждения и конфликта интерпретаций, или их результат, представленный в многообразии концептов, не отлагающихся в однозначных и общезначимых формах понятий. Концепция имеет, как правило, ярко выраженное личностное начало, означена фигурой основателя (или основателей, которые не обязательно являются реальными персоналиями, так как в качестве таковых могут выступать мифические персонажи и культурные герои, трансцендентное божественное начало и так далее), единственно знающего (знающих) исходный замысел, выраженный в концепции» [17]. Сравнивая определения концепта и концепции, мы разводим эти понятия по содержанию и смысловой наполненности, которые позволяют нам охарактеризовать концепцию как «мировидение» конкретного социума, или национальное сознание, важной частью структуры которого является концепт как культурно значимое образование, выражающее посредством языка ментальные характеристики сознания.

Помогает раскрыть концепцию болезни и понимание недуга в средневековом обществе, нашедших отражение в сборнике «Великое Зерцало», содержание новелл, где упоминается о состоянии болеющего человека, зафиксировано наличие у него болезни, отмечены признаки физической и духовной немощи и предложены способы избавления от нее, объяснены причины заболевания и приведены примеры отношения к пораженному недугом человеку окружающих его людей. Направление трактовки болезни в историко-антропологическом аспекте, в рамках которого мы исследуем болезнь в «Зерцале», признается современными исследователями перспективным и чрезвычайно интересным [18. С. 19], в том числе и потому, что при таком подходе обнаруживается близость к актуализировавшемуся в отечественной историографии болезни направлению под названием «патография», уходящему корнями в западные методики клинической и социальной психиатрии, но в контексте гуманитарного «интердисциплинаризма» (термин К.А. Богданова) понимаемому как «любые повествования о болезнях» или как «релевантное обозначение любых дискурсивных репрезентаций болезни» [19. С. 8, 9]. Именно поэтому образцами исследования концепции болезни в сборнике «Великое Зерцало» служили нам 3 книги: первая – Ю.Е. Арнаутовой «Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века», где проблема антропологии болезни рассмотрена на материале Западной Европы, что чрезвычайно актуально для нас в связи с исследованием западно-европейского сборника [20]; вторая – А.Н. Медведя «Антропология болезни в Древней Руси (XI–XVII вв.). Очерки истории», в которой на широком нарративном материале древнерусских источников многие историко-медицинские проблемы, по словам автора, стали «если не более понятными, то несколько более объяснимыми» [18. С. 7]; третья – А.С. и С.Н. Малаховых «Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – нач. XVII в.)», где в русле историко-антропологического направления проведена реконструкция важнейших аспектов самосознания древнерусского человека, связанных с осмыслением болезни и организацией противостояния ей в быту и

повседневной жизни [21]. Мы следуем, всецело принимая, отдельным положениям этих авторов, и используем их выводы как базовые, привлекая для сравнения с нашим нарративом «чужой» источниковый материал. Влияние перечисленных исследований на нашу работу могло стать причиной отдельных совпадений содержательного характера, что доказывает признание нами взглядов авторов книг на изучение антропологии болезни и изложение ее концепции.

Цель статьи: учитывая лингвистическую репрезентацию феномена болезни, охарактеризовать понимание недуга в русском переводе «Зерцала».

Гипотеза исследования: концепция болезни, изложенная в сборнике «Великое Зерцало», базируется на христианском мировоззрении. Особенности понимания недуга, характерные для западноевропейской культуры, нашли отражение в языке перевода.

В соответствии с целью и гипотезой исследования статья особо структурирована. В разделе «Этиология и назначение болезни» на основе анализа содержания новелл о болезни излагается понимание недуга в средневековом обществе и выстраивается концепция болезни в сборнике «Великое Зерцало». Раздел «Лексико-семантическое поле феномена болезни» посвящен исследованию лингвистической составляющей концепта «болезнь» в соответствии с методикой Кемеровской школы концептуальных исследований. Следует заметить, что самым слабым звеном в применении данной методики в нашей работе является исследование сценария болезни. По словам А.А. Камаловой, концепт «болезнь» как сценарий состоит из нескольких сцен, и в каждой конкретной культуре существуют соответствующие средства экспликации концепта [22]. Мы исследуем текст русского перевода, в котором сценарий болезни представлен определенным кругом категорий слов русского языка, и не учитываем особенностей языка оригинала. Кроме того, в сборнике отсутствует, говоря современным научным языком, цельная картина болезни (как «внутренняя» – термин «внутренняя картина болезни» принадлежит ученому-медику Р.А. Лурии и характеризует субъективный мир больного, переживающего недуг, так и «внешняя» – болезнь глазами врача), следовательно, сценарий болезни ограничен лексикой и стилистикой перевода.

Этиология и назначение болезни. Болезни – важнейшая сторона человеческой жизни. В новеллах «Великого Зерцала» это положение проиллюстрировано последовательно и на разнообразных примерах, где болезнь наряду с «трудами» названа «бедами и печалями», «даже и самыя смерти», которые люди «мужественно и постоянно приемлют и претерпевают» (гл. 612, л. 439 об.). Ослабить болезнь и облегчить страдания можно при помощи веры; в одной из новелл перечислены примеры из библейской истории об этом: «Сотнича вера живая бысть, егда верова, яко раб единем словом Господним от болезни спасеся, о нем же почюдився Христос Господь, глаголаше к народом: “Аминь, глаголю вам, яко ни во Израили толикия веры обретох”. Кровоточивая истинно верова, яко // Христом Господем от кровотечения избавится токмо да прикоснется воскрилия риз Его. Похвалена есть хананейския жены вера, яже и здравие дщери своея от Христа Бога восприят» (гл. 635, л. 454–454 об.).

Понимание здоровья как признака души с чистой верой в Бога, а болезни – соответственно, как души греховной, пронизывает весь сборник. Наиболее ярко христианская этиология болезни выражена в лаконичном повествовании о связи греха и болезни: св. Фома исцелил больного; но, когда тот выздоровел, «начат помышляти на злое»; святой рассудил: «Явно есть, яко сие здравие несть полезно души его» и вымолил у Бога возвращение болезни (гл. 136, л. 129 об.–130). Источник такого понимания – в словах Иисуса Христа, исцелившего больного: «Се здрав бысть, ктому не съгрѣшаи, да не горе ти что будет» (Ин. 5: 14) [23. Л. 46][2].

Понимание болезни как **признака греховной души** реализуется в сборнике в многочисленных вариантах. Один из них – о связи между грехом и нездоровьем, духовным и физическим одновременно: некий человек, «иже во юных летех добре и свято живяше», внезапно заболел и стал жить, «зло ко злу прилагающи», не поняв, «яко сия вина бысть недуги и болезни телесныя и душевныя». Но когда он исповедался, «седм жаб скверных – се есть грехов, и седмь демонов изверже вон из себе. Дивная вещъ! // абие в мале времени или часе к первому здравию возвратися тако душевному, якоже и телесному» (гл. 606, л. 434 об.–435). Пресвитер из Англии, ведя распутный образ жизни, внезапно заболел; испугавшись смерти, постригся в монахи, но как только болезнь его оставила, он сбежал из монастыря и снова заболел: духовный отец укрепил «недужного», и тот, «причастившижеся Божественных тайн, умре» (гл. 60, л. 81–81 об.).

Грабитель по имени Дросард, напротив, отказывался признавать зависимость физического состояния человека от его образа жизни, за что и пострадал: на совет доктора «прежде врача душевнаго, си есть отца духовнаго... призвати, ибо грехи суть виной болезни» он, «отвративши лице свое, со гневом рече: “Аз тя врача, а не духовнаго отца или учителя желах приити и аз тыя обрящу”»; лекарство доктора не помогло, и «проклятая душа от диаволов бысть восхищенна и низведенна во ад» (гл. 587, л. 425–425 об.).

Греховная природа болезни и ее восприятие как **наказания** за грех базируются на христианском мировоззрении: «Что въпіеши о съкрушеніи своемъ, неисцѣлна есть болѣзнь твоя? Множества ради неправды твоея и твердыхъ ради грѣхъ твоихъ сътворихъ ти сїя вся» (Иер. 30: 15) [23. Л. 107]. Персональный грех болеющих людей провозглашается в «Зерцале» основной духовной причиной болезни. Наименования некоторых грехов вынесены в заголовки новелл (подчеркнуты нами): «Зависть исцеляется болезънию» (гл. 649); «Пресвятая Богородица человека злоречива от болезни изцели» (гл. 659); «Брат некий по падении блудном зело каяшеся; егда же бысть в болезни…» (гл. 42); «…большую мзду прият за постящагося» (гл. 134); «Болными гнушающийся человек в… болезни часто впадаше» (гл. 141); «Церковное стяжание насильствием отъемлющи от церкви… болезнию объят бысть» (гл. 278); «Несогласия и вражды не хотяше

оставити болезнию черною бысть наказан» (гл. 441). Божественному наказанию подвергаются азартные игроки (одного из них ангел ударил по щеке, и опухоль держалась несколько дней – гл. 52), поругатели святынь (ворвавшийся в христианский храм арианин ослеп – гл. 79; еретики, бросившие в огонь мощи св. Мартина, «до конца дважды поражены быша» – гл. 207) и священники, совершающие поступки, противоречащие христианскому благочестию: приступившие к священнодействиям без исповеди (иерей поражен «смрадною язвою» за то, что «во гресе нечистом дерзну литургисати и жертву Богу приносити» – гл. 161, л. 144 об.), чревоугодники (епископ, забравший у вдовы свинью и съевший мясо, «даже до смерти» «язву слыша в гортани своей» – гл. 454, л. 338). Примерами о наказании грешника болезнью были наполнены агиография [24] и поучения святых отцов – любимое чтение средневекового человека, поэтому при необходимости мы будем обращаться к этим источникам.

Особо выделяется в средневековой письменности и реализуется во множестве вариантов тема наказания Богом представителей светской власти, захватывающих церковное имущество, и мирян, распоряжающихся им (император Феодосий Младший из жития Симеона Столпника; царица Юстина и подосланный ею к св. Амвросию Медиоланскому убийца; крестьянин, рубивший лес на острове, где жил прп. Нил Столобенский; царь Валент из жития свт. Василия Великого и боярский сын Иван Лихарев из жития прп. Геннадия Костромского [24. Т. 1. С. 31; Т. 4. С. 221, 237; Т. 5. С. 46–49, 808]; вельможа Иван Шамской из жития прп. Евфросина Псковского [25. С. 216–217] и др.). Есть и в «Зерцале» сюжеты о «церковной ниве». Градоначальник присвоил церковную землю и тяжело заболел. Когда по его просьбе епископ вымолил у Бога выздоровление в обмен на возвращение земли, начальник не выполнил обещание и снова впал в недуг. Епископ отказался повторно молиться о его здравии даже при условии возвращения земли с лихвой, но чиновник настоял на своем, однако не успел епископ войти в церковь, как тот умер, «и тако нива возвратися церковная» (гл. 278, л. 226–226 об.). Герой другого повествования лжесвидетельствовал, чтобы присвоить себе лес, отданный церкви. Ночью ему явился святой, именем которого был назван храм, и откусил ему нос, «безъобразна сотвори его», чтобы все видящие его понимали, «яко за ложное свидетельство пострадал еси» (гл. 616, л. 443 об.).

Сюжеты о присвоении светской властью церковных земель и доходов с них во второй половине XVII в. в России звучали особенно актуально в связи с принятием нового свода законов – Соборного Уложения – и «делом» патриарха Никона. Уложение 1649 г., санкционировавшее создание Монастырского приказа, одной из функций которого, согласно 13-й главе кодекса, стало управление доходами с церковных вотчин, Никон называл книгой «недоброю», «проклятою» и «беззаконной» [26. С. 620, 174–204, 184–185]. В переписке с современниками и в книге «Возражение, или Разорение» нападки Никона на Уложение касались положений свода, ограничивавших самостоятельность Церкви и лишавших ее «легальной возможности увеличивать свои земельные владения» [27]. Алексей Михайлович представал в сочинениях Никона державным монархом, расхищающим церковное достояние и своими действиями оскорбляющим Бога.

Еще одно восприятие болезни в «Великом Зерцале» – **испытание**, укрепляющее дух. В новелле о монахе Феодоре, страдавшем от головной боли, изложено краткое назидание св. Пахомия, который на вопрос «яко болезнь кому или что иного без попущения Божия бывает?» поучал болящего: «И того ради в болезни пребуди, во смирении же терпение соблюди, аще ли Господь восхощет, подаст ти здравие, аще ли тя множае восхощет искусити, буди благодарен, яко же Иов совершенный, иже во многих бедах и напастех благодари Господа. И ты такожде и он за страдание твое вящее оставление восприимеши от Господа» (гл. 134, л. 129). Образ прав. Иова, ставшего с библейских времен эталоном смирения и терпения в испытаниях, посылаемых человеку Богом, является традиционным дидактическим примером для людей, не стойких в напастях. Герой другой новеллы тяжело заболел и потерял надежду на исцеление; ему явился Иов и наставлял: «Аз есмь Иов, его отец милосердия и Бог всякаго утешения посла ко утешению твоему, яко же в толиких болезнех быв терпелив тако и ты, и того ради будеши со мною и будеши жати, еже посеял еси» (гл. 77, л. 91). В средневековой письменности сравнение с прав. Иовом человека, находящегося в жизненных перипетиях, страданиях и болезнях, было общим местом (например, столпники Симеон и Алипий, прав. Филарет Милостивый, прпп. Никола Святоша, Синклитикия и Иоанн Кущник) [24. Т. 1. С. 26; Т. 2. С. 352; Т. 3. С. 731; Т. 4. С. 9–10; Т. 5. С. 190, 500], однако к самым ярким и впечатляющим примерам подобного отождествления в древнерусской словесности следует отнести именование летописцем «вторым Иовом» владимиро-волынского князя Владимира Васильковича, умирающего от тяжелейшего недуга. Описание «неизлечимой болезни» князя («Стала у него гнить нижняя губа… И отпало у него мясо от подбородка, и все нижние зубы выгнили, и нижняя челюсть перегнила… И отпало у него все мясо с подбородка, и челюсть перегнила, и была видна гортань»), мужественная и обдуманная встреча им своей кончины, содержание предпричастной молитвы – все это, по заключению В.В. Василика, осмыслившего данное историческое событие в междисциплинарном, культурологическом контексте, являет благодарение князя Богу за болезнь, «связанное с особым православным пониманием человеколюбия и доверием Божественной державе» [28]. По образу смерти, наступившей после четырех лет болезни, летописец приравнял волынского князя к благочестивым подвижникам: гроб с его телом простоял в незамурованной гробнице четыре месяца, и когда был вскрыт, тело князя оказалось «цело и бело, и благоухание исходило из гроба, запах, как от многоценных ароматов» [29. С. 324–349].

Восприятие болезни и особенно телесной боли как **состояния, полезного для души**, характерно для ряда повествований «Зерцала». Из одной новеллы узнаем о

потерявшем надежду на выздоровление человеке, который молил Бога даровать ему смерть; посланный Богом ангел предложил больному выбор: умереть быстро, но в течение трех дней пройти по мытарствам, или жить год в «обычной» болезни. Человек согласился на мытарства, но его душа не вынесла и дня испытаний и возвратилась, предпочтя «в тяжчайших болезнех терпети». Через год человек умер, проведя его в болезни, «и многим сия исповедаше, их же в покаянии сердца приведе» (гл. 129, л. 125). Два друга, о которых другой рассказ, – иерей пустынник Елеберт и епископ Лутеверт, хотели умереть в одно время и об этом горячо молились. Так и случилось, но Елеберту, чтобы «сравнятися во благодати своему другу и предстателю, яко во един час от тела изыде», «действием Божиим» было послано «наказание» в виде «должайшей» и «протяжной» болезни (гл. 569, л. 410 об.).

В ряде новелл недуг сопровождается болью, причиняемой больным самому себе. Прикованный к постели болезнью вор, вспоминая о своих грехах, изнурял плоть пытками и, приводя себя в особое экзальтированное состояние, «ангелов в помощъ призываше, да умилостивят о нем Господа»: «Лежащий же по всему телу мучение на ся полагаше тако, яко голени и колени, кости ног претираше о древо. И тако на долзе даже кожу, тело и жилы насильствием влечаше. И воду хладную зимою, яко ради пития тайно взимаше, на груди своя возливаше да от леднаго хлада мучится. Вскоре же по сем умирающи сицевым духом исполнен бысть, ибо яко Христос Господь из мытарей евангелиста избра, такожде и сего пророка сотвори» (гл. 582, л. 419). Подобные сюжеты, рисующие настрой человека к самоистязанию, раскрывали особенности западно-христианской экзегезы боли, понимаемой латинской церковью как вид аскезы, проявляющийся в духовной практике внешними эффектами. Описанная ситуация отчасти напоминает флагеллантство – течение «самоистязателей», теоретики которого объясняли апологию самобичевания подражанием Христу, а способы искупления грехов наказанием грешной плоти – поведением для обретения мученического венца [30]. Примеры самоистязания как причинение подвижником себе боли есть в житиях прп. Нифонта, еп. Кипрского, особо почитаемого в Восточной церкви святого, и свт. Иринарха Ростовского. В отличие от больного, истязавшего себя с явным самоуслаждением («сицевым духом исполнен бысть»), подвижники Нифонт и Иринарх, осознавая свое несовершенство, смиряли себя, избивая собственные тела палками: борясь со страстями, они прогоняли невидимых бесов, которые одолевали их [24. Т. 4. С. 621, 622; Т. 5. С. 411, 426].

Герои ряда новелл молят Бога дать им особенно тяжелые заболевания. Красивая и «верою прекраснейшая» женщина, чтобы не соблазнять окружающих, вымолила у Бога проказу. Священник, увидев ее изменившуюся внешность, заплакал; она же, смеясь, отвечала ему: «А понеже душа в темнице тела есть удержанно, веселитися подобает, егда видит, яко плоть уже увядает и к концу своему грядет, дабы к видению спасения своего возвратитися могла» (гл. 139, л. 131 об.–132). Другой прокаженный на вопрос встретивших его охотников «Како можеши веселитися, в сицевой будущи болезни?» демонстративно отвечал: «Между Господем и между мною ничто же определяет, токмо стена от блата. Сие есть тело мое, еже егда разсыплется, к Нему прииду. А понеже на всякий день вижу, яко разсыпается и устает плоть моя, веселюся и пою от радости» (гл. 142, л. 133 об.). С «веселым лицом», «тяжкою болезнию объят», умирающий монах встречал смерть: он не мог скрыть радость, когда сообщал духовному брату, что видит, как сам Господь грядет присутствовать при его кончине (гл. 581, л. 418 об.).

Тема тела – «покрова» души (прп. Иеремия Печерский) [24. Т. 2. С. 120] была хорошо знакома древнерусскому читателю. Прп. Николай Святоша на просьбы его врача Петра поберечь себя и не изнурять тело отвечал: «не должно щадить плоти, дабы она не вступала въ борьбу с духомъ и не возбуждала въ душѣ моей брани. Утомляемая же подвигомъ воздержанія, она смиряется, но не изнемогаетъ» [Там же. С. 352]. А прп. Иларион свою плоть называл ослом и даже угрожал ей: «Я укрощу тебя, осле: буду кормить не ячменемъ, а мякиной, уморю голодомъ и жаждой, обременю тяжелой ношей, чтобы ты больше помышлялъ о пищѣ, нежели о нечистотѣ» [Там же. Т. 2. С. 470–471]. Подобное отношение к болезни как средству очищения души соответствовало аскетической традиции: «Подобаетъ хотящимъ угодити Богу проити сквозѣ малыхъ скорбей. Како святые мученики ублажимъ за страданія, яже Бога ради претерпѣша, аще огневицы не можемъ стерпѣти? Рцы души своей скорбящей: не лучше ли тебѣ огневица паче геенны? Да не пренемогаемъ въ немощи… Да не ослабѣемъ…», – назидал прп. Варсонофий Великий [31. С. 136]. А прп. Геннадий Костромской, не долечив ногу Вологодского и Великопермского владыки Киприана, объяснил свой поступок так: «...теперь уже здоровъ отъ общей скорби тѣлесной, нога же твоя пусть напоминаетъ тебѣ о послѣднемъ часѣ и не исцѣлится до послѣдняго твоего издыханія» [24. Т. 5. С. 807–808]. В то же время приведенные сюжеты об отношении к тяжелому недугу героев новелл и святых подвижников показывают разницу в восприятии болезни в западной и восточной христианской традиции: святые отцы не испытывали тех эмоций – восторга, радости, неестественного возбуждения и смеха, которые демонстративно выражали прокаженные из «Зерцала»: они переживали недуг с глубочайшим смирением и душой «скорбящей», с терпением и стойкостью, подобным духовной выдержке первомучеников, и воспринимали болезнь как состояние, напоминающее о несовершенной человеческой природе.

В то же время грань между терпением ради Христа и мукой от боли была чрезвычайно тонка: лишь прочный духовный опыт мог отличить смирение от проявлений гордыни. Упомянутого ранее монаха Палемона братия уговаривала отказаться от поста, и на какое-то время, как читаем в новелле, он отступил от «усушения постом удов», но «необычныя брашна» повлекли за собой болезни, и он «ко прежнему житию возвратися» (гл. 132, л. 127, 127 об.). Другой старец болел тридцать дней, и ему стал прислуживать ангел; когда

же монахи попытались помочь отшельнику, он прогнал их (гл. 38, л. 58–58 об.). Святые отцы, обращаясь к собратиям монахам, назидали: «Если же кто отшельническую жизнь проводит в местах пустынных с двумя или тремя единонравными братиями, то каким бы недугам ни подвергался он, да предаст себя Единому Господу, Целителю всякой нашей болезни и немощи» [32. С. 35. № 53].

В «Великом Зерцале» есть немало рассказов о благом терпении физической боли, содержание которых раскрывает еще одно важное значение болезни в христианстве, понимаемой как **спасение в смирении**. Образец и объяснение такого поведения находятся в Новом Завете. Апостол Павел, приводя слова Иисуса Христа «Сила бо Моя в немощи съвершается», учил: «Тѣм же благоволю в немощех, в досаждениих, в бѣдах и в изгнаниих, в тѣснотах по Христѣ; егда бо немощьствую, тогда силен есмь» (2 Кор. 12: 9–10) [23. Л. 42 об.]. Умирающий от старости и болезней инок Алквирин «ни единаго врачевания хотяше прияти, но весь предадеся Господеви, понеже Той есть о всех нас имеет попечение» (гл. 127, л. 123). Монах Палемон вытерпел месяц тяжелейшего телесного недуга, объяснив братии отказ от услуг врача желанием приблизиться в своих страданиях к мученикам, которые терпели Христа ради (гл. 132, л. 127 об.). Образцы благого терпения в болезни содержали жития многих святых: прпп. Феофана, Даниила Столпника, Григория Декаполита, Никона Сухого Печерского, Синклитикии, Феодосия Великого, Иринарха Ростовского, Мара певца, Марона и Досифея, ученика прп. Дорофея, свт. Григория Богослова и др. [24. Т. 1. С. 651–652; Т. 3. С. 561; Т. 4. С. 309, 322, 324; Т. 5. С. 190, 332, 403, 412–413, 851, 854, 859; Т. 6. С. 289, 345–346) – эти примеры, сливаясь с новеллами «Зерцала», побуждали читателя, как писал автор Домостроя, подражать «житию и терпению... святых мужей», «по житию соревнуясь... со всеми христианами, богоугодно прожившими век», способствовали постижению «смысла сего в точности» [33. С. 37, 121].

Отношение к болезни как спасению в смирении характерно, по мнению А.С. Малаховой, и для древнерусского человека: больной в такой ситуации «приобретал амбивалентный статус отверженного и избранного одновременно» [34. С. 17]. Сюжеты из «Зерцала» учили читателя духовной осмотрительности и благоразумию при встрече с болезнью и показывали, как страдания во имя Христа могут обернуться ложными мучениями по собственной глупости или некрепости духа. Еп. Гиппонский Августин, понимая, что умирает, позволял входить в келью в определенные часы только двум людям – врачу и тому, кто приносил еду (гл. 571, л. 411 об.). Некий богатый человек, узнав, что его любимый воин при смерти, привел врачей и настойчиво просил умирающего, «аще что потребует... да известит» (гл. 699, л. 509 об.). Но нежеланием прибегнуть к помощи лекаря христианин мог погрешить: «Врача приглашать во время недугов ничто не препятствует. Бог провидел, что будет нужда во вречевательном искусстве, и благоволил, чтобы оно наконец составилось на основании опытов человеческих; для того наперед дал бытие и врачевствам в ряду творений. Впрочем, не на них до́лжно полагать надежду уврачевания, но на истинного нашего Врача и Спасителя Иисуса Христа», – учили святые отцы [32. С. 35]. В исповеди православного человека XIV–XVIII вв., несмотря на то что в ряде вопросников врач и волхв рассматривались как явления одного порядка, духовник интересовался у кающегося, прибегал ли он к врачебной помощи [35. С. 208, 221, 298, 317, 411, 416, 418–420, 426, 427, 431–433, 435, 450, 453, 460, 461, 502, 550 и др.]. Между тем врачи не всегда могли помочь, особенно тем, чья болезнь была напоминанием о грехе: «Егда Людвик, кроль немецкий, в Катоболне граде болезнию объят бысть // тако, яко ниже врачеве можаху что сотворити пользы, ибо отчаяхуся здравия его» (гл. 356, л. 282 об.–283); «Посем жена его начат зелне болети, ей же болезни никто же егда от врачей искусных не возможе исцелити» (гл. 434, л. 324 об.); Мария «будущи в толикой смертной болезни, // ея же от человек никто же можаше исцелити» (гл. 447, л. 332 об.–333); девица, пытавшаяся соблазнить еп. Викентия, «премногих заклинателей призываху и врачев привожаху, но ничесо же успеша» (гл. 691, л. 503 об.). Именно такие случаи имел в виду прп. Лука Елладский, когда учил: «Одинъ есть Врачь душъ и тѣлесъ, Который можетъ избавить насъ отъ смерти, – это создавшій насъ Богъ; грѣшный и смертный человѣкъ ничего не можетъ такого сдѣлать» [24. Т. 6. С. 152].

В то же время в «Зерцале» есть примеры о нераскаявшихся «отступниках», которые умирали без покаяния, не сожалея о содеянном, как, например, утративший веру в св. Варвару черноризец, который не захотел возвратиться в монастырь и, «яко конь боящеся стени», отверг монашеские ризы (гл. 84, л. 96 об.), или как некая «гневливая зело» женщина, которая даже на смертном одре не оставила своего настроения и отказалась от причастия: «она же уста своя затвори и лице к стене обрати, глаголющи: “…такожде Господь Бог отврати лице Свое от мене и никогда же на мя милостивно воззрит, ниже аз того весело могу зрети, но всеми гневливыми диаволы в пропасти проклята буду”» (гл. 479, л. 348 об.).

Есть в сборнике и ряд новелл, герои которых, потеряв надежду на выздоровление, становились преступниками: это упомянутый ранее черноризец, отказавшийся вернуться к иноческой жизни (гл. 84, л. 96 об.); прокаженный, «господин преизрядный по мирскому» и имевший до «неисцелныя» болезни красивую внешность, стал лихоимцем, «хваляшеся окаянный, яко отомстити болезнь телесную, и душу свою во гресех диаволу предаде… без покаяния умре и погребен бысть на поли» (гл. 139, л. 131–131 об.). Между тем такой поступок – пуститься во все тяжкие, чтобы «отомстити» болезни, – в сборнике скорее исключение, чем правило. Размышления о недуге приводят героев повествований к выводу о назначении болезни **«врачевать» грехи**: «И аще того убожество и болезнь велия мучаше, обаче во своей болезни всегда Господу благодарение воздаяше… И тако вероваше, яко казнь или болезнь приходящая, вменяше быти врачеством за грехи своя» (гл. 659, л. 470 об.). Подобные сюжеты соответствовали поучениям древних отцов: «Отче,

есть ли какая польза отъ болѣзни человѣку или нѣтъ?» – спрашивал св. Афанасий Великий у прп. Нифонта Кипрского. И тот отвечал: «Какъ золото, когда его жгутъ на огнѣ, отлагаетъ ржавчину, такъ и человѣкъ, болѣя, очищается отъ грѣховъ своихъ» [24. Т. 4. С. 636].

Судя по содержанию новелл, освобождались «отъ грѣховъ своихъ» не только страдающие от болезни, но и те, кто за ними ухаживал. Милосердие, проявленное к больным и нуждающимся в попечении, особо превозносится в сборнике и приравнивается к духовному подвигу: служение им, как сказано, по своей духовной значимости превосходит пост и покаяние (гл. 125, л. 121–121 об.). Иерею, приступившему к причастию после связи с женщиной, игумен советовал три года ухаживать за больными и каяться в грехе (гл. 167, л. 152). Богословский смысл служения больному объяснен в Евангелии: «Ходяще же проповѣдуите, глаголюще, яко приближися Царствїе Небесное; болящаа исцѣлите, прокаженыа очищаите, мертвыа воскрешаите, бѣсы изгоните; туне приасте, туне дадите» (Мф. 10: 7–8) и «И посла ихъ проповѣдати Царствїе Божїе и исцѣлити болящая», «Исходяще же прохожаху сквозѣ веси благовѣствующе и іисцѣляюще всюду» (Лк. 9: 2, 6); а опека страдающего человека свидетельствовала о служении самому Христу: «Възалкахъбося, и дасте Ми ясти; възжадахъся, и напоисте Мя; страненъ бѣхъ, и введосте Мене; нагъ, и одѣасте Мя; боленъ, и посѣтисте Мене; в темнице бѣхъ, и пріидосте къ Мнѣ» (Мф. 25: 35—36) [33. Л. 5 об.–6; 12; 14]. Так, монах Алквирин «не токмо им болезни исцелеваше, но и зело застарелыя язвы и гнусныя пестунствоваше и касашеся сих, яко самых Христовых» (гл. 127, л. 122); св. Макарий в 90-летнем возрасте совершил поход в Александрию за кусочком свежего пшеничного хлеба для больного монаха (гл. 121, л. 117 об.–118); св. Галикан «ноги нищим умываше, трапезу поставляет, воды на руце подает, болящим со усердием прилежит и прочая, сему подобная, творит» (гл. 122, л. 118); человек по имени Евлогий избрал для себя путь служения прокаженному, «не имеющаго ниже рук, ниже ног, точию язык имею//щаго свободен», привез его в свой дом и 15 лет терпел его капризы и оскорбления (гл. 124, л. 118 об.–121); Плацыя, жена царя Феодосия, «болницы посещаше, своима рукама болным служаше, горшки и прочия их сосуды сама измываше, варени их сама искушаше, ложицы подаяше, хлеб резаше, брашна приносяше, чашицы пития даяше // и прочия послужения им творяше» (гл. 128, л. 123 об.–124). Все эти примеры коррелировали с сюжетами из агиографии о помощи страдающему, сравнимой с врачебным долгом: «Почему ты не смилуешься надъ моей скорбною душею и не подашь мнѣ хотя малаго лѣкарства въ моей великой сердечной болѣзни? – спрашивал старей прп. Иоанна Дамаскина. – Если бы ты былъ врачь тѣлесный и случилась со мною какая-нибудь тѣлесная болѣзнь, и я просилъ бы тебя полѣчить меня, неужели бы, имѣя возможность врачевать, ты отвергъ бы меня, и я умеръ бы отъ той болѣзни? Не далъ ли бы ты отвѣта Богу за меня, потому что могъ мнѣ помочь и отказался?» [24. Т. 4. С. 110–111].

Описания внешнего вида больных, пораженных проказой, отличаются особым, детализированным натурализмом: их тела «более являшеся смрад и гноение, а нежели живое тело, ниже смрадом многим, его же язвы издаяху» (гл. 15, л. 47), «язв гнойных и струпов исполненнаго» (гл. 137, л. 130), «страшно болящаго и смердящаго, его же и прокаженнии между собою терпети не можаху» (гл. 140, л. 132), «зело свирепо уязвленнаго и струпливаго тако, яко даже тело от него падаше» (гл. 142, л. 133 об.), «ему же уже на многих местех от гноения тело от костей отпаде» (гл. 249, л. 203), а «лице все огнистыми проказами бысть прокаженно» (гл. 659, л. 470). Среди болезней, упомянутых в сборнике, проказа занимает одно из первых мест (гл. 15, 100, 124, 131, 137, 139 (прилог 18 и 19), 140–142, 243, 333, 339, 424, 659). Период особенного охвата Западной Европы этим тяжелым инфекционным заболеванием приходится на раннее Средневековье. Интерес к повествованиям о проказе объясняется, видимо, широким ареалом распространения в России этого заболевания, поразившего европейскую и азиатскую территории нашей страны довольно поздно, после XV–XVI вв., когда в Западной Европе эпидемия была практически побеждена [36. С. 255–279]. В «Зерцале» внешние проявления проказы и отношение окружающих к больным, пораженным этим недугом, служат индикатором чистоты души здорового человека и показателем крепости духа больного.

Особых похвал, к примеру, заслужил князь Либзой, не переставший любить жену, страдавшую от проказы: «...никако же не возгнушася, да не уязвитися от нея. И от смрада видения не отврати никогда лица своего, ибо более являшеся смрад и гноение, а нежели живое тело, ниже смрадом многим, его же язвы издаяху. И никогда же ей трапезы своея, ниже одра своего возбрани и возлежания с собою, понеже любовь супружеская страх уязвления и гнушателное зрение, и неблагоприемный смрад в бестрашие и во утешение премени, ибо по словеси Господню // единым телом с собою быти» (гл. 15, л. 47–47 об.). Наказан Богом брезгливый священник, который сделал в стене оконце для общения с прокаженными: «...половиною тела своего бысть прокажен. Есть сия, яже отвращашеся от них, прокаженных. Другая же половина, яже приклоняшеся к прокаженным, бысть здрава и невредима» (гл. 141, л. 133). Поражает сила духа инока, который, борясь с искушением оставить истекающего гноем старца, пил «омытие»: «Взят воды и омы оную язву смердящу, текущую гноем, и скры оную воду, и елико краты хождаше, пияше оную воду» (гл. 126, л. 121 об.).

Еще одно понимание болезни в сборнике – как Божественного **дара для исправления ошибок**. Юноши, приняв монашеский постриг, вскоре оставляют монастырь, возвращаются в мир, женятся и забывают об обете. Болезни, настигающие «отступников», трактуются как «милосердие» и «попущение» Бога: молодого человека, вера которого была слаба («помышление младое, яко лук напряженный, помале ослабе»), утащили «свирепии и гнуснии ефиопи», но апостол Петр отбил юношу ключами, и «в монастырь тече и прият монашеский образ со многим смирением» (гл. 480, л. 349–349 об.); другого беглеца лозами

посекли апостол Андрей и св. Григорий (гл. 53); пустынник вернулся к семье, но вскоре, «бесом томим», возвратился к братии (гл. 61, л. 82); монаха, который «начат в монашеских уставех ослабевати» и задумал побег, св. Дустан отхлестал веревкой (гл. 62); на инока, замыслившего оставить монастырь, некий старец в видении спустил злого пса (гл. 63); другого монаха при мысли о побеге начинал мучить бес (гл. 64); св. Иоанн Креститель, явившись в видении игумену, отговорил его от ухода из обители, но настоятель за мысль о побеге тяжело и долго болел (гл. 365).

Примеры об иноках-беглецах есть и в русской агиографии. Так, болезни мучают монахов, ушедших в мир, но они выздоравливают, вернувшись в обитель (например, в житиях прпп. Евфросина Псковского [25. С. 164–166] и Герасима Болдинского [37. С. 263]). Заболевают и те, кто забыл об обете постричься в монастырь, но исцеляются, приняв «образъ ангельский», как, например, инок Антоний из Болдинской обители [Там же. С. 253–255]. Обретают здравие и умудренные опытом монахи, однажды смалодушничав, как, например, страдавший болями в ногах игумен Алексий, бежавший в Адрианову пустынь в Пошехонье [24. Т. 5. С. 808].

Ряд примеров из «Зерцала» учит тому, что болезнь есть период для **осмысления жизни и покаяния**. Монах, который, по словам братии, был «зело нерадив», умирая от тяжелой болезни «в радости» и «безбояньстве», поучал иноков своему духовному опыту с «пользою велию»: не судить, «отпущать» и прощать (гл. 474, л. 346, 346 об.). У намурацынского князя Филиппа, напротив, недуг вызвал чувство раскаяния и побудил к обличению собственных поступков, к публичным обвинениям и упрекам себя: «Сей четырем игуменом обычей исповедатися часто, сие же творяше и с толиким слез пролитием, яко всех самех на слезы возбуждаше и на сем непрестанно вервь на вью свою полагаше и моляше отцев своих духовных, да влекут его на улицы, глаголюще: “Жих яко пес, тако да умру”» (гл. 546, л. 391). Авва Мутий вымолил для больного старца, боявшегося умереть без покаяния, три года жизни: «Егда же три лета преидоша, повеле ему ити на оное место, отнюду же взят его, уже не яко человека, но яко ангела, от человека сотвореннаго, Господеви отда его» (гл. 578, л. 417). В болезни т*е*ла, как учит агиография, одни подвижники ужесточали аскезу (блж. Исихий Хоривит и прп. Афанасий Печерский ушли в затвор, прпп. Нифонт Кипрский и Пард отшельник – в монастырь; а прп. Стефан Новосиятель и св. Тарасий, архиеп. Константинопольский, приняли схиму [24. Т. 2. С. 87; Т. 4. С. 43; 261; 434–435, 620–621; Т. 6. С. 439]), другие же, получив «время для покаянія», искренне исповедовались, как прп. Тит, пресвитер Печерский, который просил прощения у духовного брата Евагрия, и прп. Еразм Печерский, который поведал братии о себе, «ничего не утаивая и не стыдясь», а затем постригся в схиму [Там же. Т. 6. С. 485, 436–437]. Но ни один из святых не обличал себя в грехах демонстративно и показательно, чтобы, очистившись, стать ангелом, «от человека сотвореннаго», как это делали герои западных новелл.

С христианской концепцией болезни как наказания Божия тесно связана тема так называемого исхода недуга [38]. В сборнике представлены два пути развития сюжета болезни: летальная кончина и выздоровление. Приведенные ранее примеры, в которых смерть настигала отказывавшихся признавать свои грехи, строились по одной схеме: инок, «живяше житием зело неисправленным», наказан болезнью, от которой и скончался без покаяния, «яко человека положи себе во гроб, тело же его, яко честнаго и богатаго со многою славою мирскою погребено бысть» (гл. 549, л. 393 об.).

Ряд новелл учит: искреннее, подтвержденное глубокой верой осознание неправедности поступков, ставших причиной болезни, позволяет раскаявшемуся грешнику дожить до преклонных лет. Воин тяжело заболел, «и не бысть никоего же упования к животу». Как только он дал обет постричься в монахи, стал возвращаться к жизни: «и абие лице его начат пременятися, и бледость пременися в белость, синета же в красоту, на еже вси зрящии дивящеся. Хотяше же его благосердый Господь сим паче показати, яко для обещания иноческаго от смерти его избави, без поту и без кровипущения, противо природы тоя болезни, абие лучше ко здравию возвращашеся» (гл. 130, л. 125).

К особому способу выздоровления – быстрому, подобному чуду исцелению (ему немало места уделено в сборнике) – относятся **священнодействия**, направленные на изменение внутренней жизни человека. Одно из них – **крещение, или «возложение рук»**, что «не токмо душевному, но и телесному здравию полезно есть». Протогеник и Евлогий, проповедники христианства в городе Антиноуме, вылечили ребенка, крестив его, и призвали больных язычников принять крещение, чтобы избавиться от болезней (гл. 145, л. 136 об.). Илирий, еп. Пиитавенский, внезапно заболел и в течение трех дней скончался, не успев принять крещение, хотя был уже оглашен. Св. Мартин горячо молился о своем друге, «и той, от мертвых воставший, крещен бысть и многа лета пожив» (гл. 148, л. 137 об.).

Круг новелл связан с темой **причастия**; это таинство в одной из повестей именуется «пресвятой святыней», «источником всяких благ и врачеванием душевным» (гл. 155, л. 141). Пастырь Григорий наставлял свою духовную дочь Матыльду Кигитунскую: «Подобает нам, дщи возлюбленная, притекати к нему, предивному таинству, подобает нам зело желати сего предрагаго духовнаго врачевства» (гл. 156, л. 141 об.). Папа Инокентий принял искреннее покаяние женщины, вступившей в связь со своим сыном и родившей от него другого сына, «яко благо разсудный врачь аще и болящую совершенно и скоро уврачевати» (гл. 548, л. 393).

Исповедь, завершающаяся причастием, в новеллах «Зерцала» относится к наиболее действенным способам духовного врачевания. В одной из них рассказывается, что молодой отважный воин внезапно заболел, хотя ему была предсказана долгая и полная подвигов жизнь; как оказалось, в роли предсказательницы выступил диавол, принявший облик молящейся монахини. Когда брат воина уговорил покаяться, «повеле болящий призвати иерея, исповедася и расположи написавши вся своя стяжания. Божественных таинств причастися, и елеом освятися, и тако абие душу

предаде Господеви без сомнения, яко от сетей диавольских бысть свободен» (гл. 264, л. 215, 215 об.).

По сценарию выздоровления развиваются случаи обращения больных к **святыням**. Так, к болеющему трехлетнему сыну французского короля приложили величайшую христианскую святыню – частицу тернового венца с гвоздем, «и абие болезнь отбеже, и бысть здрав, яко же и прежде» (гл. 199, л. 175). Одна из новелл рассказывает о целительной силе веревок, предварительно обмотанных вокруг столпа, у которого бичевали Христа, и использовании их «на многия болезни» (гл. 202, л. 176 об.). Девица Мария, много лет страдавшая от тяжелой болезни, исцелилась, прикоснувшись к нерукотворному образу Спасителя (гл. 447, л. 334).

К способам духовного выздоровления, не одномоментным, но требующим определенного времени для укрепления веры, в ряде новелл отнесена искренняя **молитва**. Монах Еквикий-скопец, основатель многих монастырей, постоянно испытывал плотские искушения и, чтобы избавиться от них, «иска от Бога врачевания всегдашними молитвами» (гл. 153, л. 139 об.). Мужу, изменившему жене, была назначена епитимья, заключавшаяся в чтении по пять раз в час молитвы «Богородице Дево, радуйся»; по прошествии суток жене грешника было видение: «яко тамо, под оным древом, прииде некий врач и положи тебе пять цветов, зело преблаголепных, на язвы твоя, от еже здрав бысть» (гл. 214, л. 183). Благодарственная молитва Богу звучит и из уст бедной девушки, убежденной, «яко малое врачевство избавляет // от велия болезни, тако же за малая благодеяния благодарствие многих благ спадобляет человека» (гл. 325, л. 262–262 об.). Игумен одного из монастырей молился за душу прокаженного, ослабленную «злым духом», и ухаживал за больным до его выздоровления душой и телом (гл. 131, л. 126–126 об.).

Милостыня – еще один способ врачевания, длящийся во времени, она не только спасает душу, но и исцеляет плоть. Когда врачи не могли вылечить немецкого короля Людвига, он раздал богатые пожертвования «на различныя монастыри и болницы и… неначаянное здравие получи» (гл. 356, л. 283).

Большое число новелл посвящено теме **покаяния** грешников в болезни. Таинство покаяния носит в «Зерцале» именование «духовное врачевание». Богач и бедная вдова «во едино время болезнию одержими бяху. И видяще быти себе близ конца смерти, презвитера возваху, да посети богатаго и исповедает и причастит», ведь каждый, как учит новелла, «врачевания духовного потребует» (гл. 114, л. 112, 113). Из другого рассказа узнаем о некоем юноше, вступившем в физическую связь с иеромонахом, но получившем избавление от духовных мук и угрызений совести благодаря искреннему раскаянию и исповеди игумену – «премудрому врачу», перед которым «открыся язва греховная, и исцелена бысть» (гл. 168, л. 154). Судя по исповедным текстам русского Средневековья, иерею, приступавшему к исповеди в качестве исповедующегося, вменялось признаваться, способствовал ли он тому, чтобы больной обращался к доктору во вторую очередь, после духовника: «Чи приказуеш своим парохианом, когда кого посетит Бог болезнию, да ни первие призовет врачев или бабиих шептов, и продолжения ради времени да не умрет без исповеди и причастиа, но первее дасть извест тебе?» [35. С. 498].

В ряде новелл умирающему от болезни человеку чудесным образом дается возможность побывать в загробном мире, чтобы по возвращении не только самому исповедаться, но и призвать других к покаянию. В одной из них читаем: «Бысть един изрядный юноша аще бысть и мирская любящи, обаче Пресвятей Богородице не престаяше молитися. По сем же объят его болезнь, и от тоя умре. Егда же чрез многия часы лежаше мертв, паки оживе» (гл. 274, л. 222) – Богородица позволила душе юноши вернуться в тело, чтобы он смог покаяться в грехах. Есскил, еп. Дунский, в двадцатилетнем возрасте тяжело заболел и, будучи при смерти, в духе перенесен в объятое огнем место, откуда нашел выход через потайную дверь; в открывшейся комнате он увидел Богородицу, которая, услышав от него обещание покаяться, позволила вернуться к жизни, чтобы провести отведенное время в исповедании грехов и славлении Богоматери: «И тако по сем оставивъши епископство, бысть простый монах // и живяше благоугодно, благодаря Бога, и моляшеся о оставлении грехов своих. И тако поживши многое время, успе с миром» (гл. 328, л. 266–266 об.). Инокиня Анна, отданная насильно в монастырь, в 24 года тяжело заболела и «бысть бездушна чрез некое время». Когда она очнулась, то рассказала игумении о своем видении, в котором она созерцала муки еретиков. Перед смертью Анна наставляла сестер: «дабы были послушливы, и да ничто же бы разчитали без повеления матери и господи своея, и дабы лучши исправилися и каялися» (гл. 350, л. 280 об.).

Реализация в делах и поступках важнейших христианских **заповедей и главной из них – о любви**, способствует постепенному исцелению души от порока. В новелле о двух монахах, связанных духовной дружбой, повествуется о том, как один из них мучился от зависти к своему товарищу, но тот «видящи и язву сердца его хотя исцелити». Для этого он окружил брата «душевною любовию и послужением, к любви своей елико можаше преклоняше. Постелю ему мякку творяше, одежду его очищаше, такоже и сандалия. И еже что хотяше во свою ползу творяше и елико достояше служаше, и елико можаше с радостию творяше» (гл. 651, л. 464).

Подводя итог изложенному в данном разделе, можно заключить, что в «Великом Зерцале» направления в осмыслении болезни базируются на характерных для христианства мировоззренческих основаниях и трактуют ее как наказание Божье. Сборник пронизывает тема связи греха и здоровья, которая реализуется в многочисленных трактовках недуга, имеющих аналогии в агиографии и святоотеческих поучениях. Но в ряде рассказов о болезни прослеживаются особенности восприятия этого феномена, характерные для западной традиции, где нездоровье трактуется как одна из форм аскезы и описывается с элементами экзальтации и детализированной визуализации, при помощи чего демонстрируются и подчеркиваются духовные достоинства. В то же время способы исцеления и возможности врачевания болезней, изложенные

в новеллах «Зерцала», базируются на общехристианских основаниях, поэтому обнаруживают много общего с терапевтическими приемами, применяемыми в православной традиции [18. С. 177–195]. Следует заметить, что перечень индивидуальных грехов, наказываемых болезнью, чрезвычайно разнообразен в сборнике, поэтому «Зерцало», раскрывая перед русским читателем тему болезни, придает ей ярко выраженную дидактическую направленность.

Лексико-семантическое поле феномена болезни. Христианская этиология болезни нашла отражение и в лексике о нездоровье человека. Лексема *болезнь* была главной в системе древнерусского языка для обозначения плохого самочувствия человека [16. С. 101]. До XVII в. слово имело три значения: 1) болезнь, 2) скорбь, горе и 3) беспокойство, забота [39. Т. 1. С. 280]. Все они реализованы в сборнике. В своем первом и прямом значении *болезнь* употребляется наибольшее количество раз. Причины естественного нездоровья перечислены в одной из новелл при описании перипетий, которые выпали на долю индийского господина, желавшего узнать как можно больше о христианстве: «И тако отчасти с печали, отчасти же со утруждения путнаго, а к тому уже будущи во старости лет, впаде в болезни» (гл. 447, л. 332 об.). Обстоятельства, влияющие на изменение физического и духовного состояния человека, эксплицируются в сборнике определенным кругом категорий слов языка.

К самым крупным лексико-семантическим гнездам относятся слова с корневыми вершинами *врач-*, *бол'-*, *цел'-*, *язв-*. Наиболее употребительными являются слова с корнем *бол'-*: *болезнь* (178 раз), *болящий* (74), *болети* (25), *болезновати* и *больной* (по 17), *больница* (12). Периферию ядра парадигмы *болезнь* наполняют лексемы, при помощи которых описываются состояния больного, причины и виды болезни, способы избавления от нее. К сопутствующей и актуализирующей значение *болезнь* лексике относятся: *врач* (30), *врачевство* (9), *врачевание* (6); *исцелити(ся)* (56); *язва* (52), *уязвленный* (15) и *уязвити(ся)* (12); *недуг* и *вреды*, *лекаръства* и *синяты*, названия частей тела и внутренностей: *бок*, *глаз* (*око*), *голова* (*глава*), *жила*, *кожа*, *кровь*, *лицо*, *нога*, *нос*, *персты*, *ребро*, *рука*, *сердце*, *составы*, *стомах*, *тело*, *уста*, *утроба*, *чрево*, *шея* (*выя*). Обратившись к Словарям древнерусского [40; 41] и русского языка XI–XVII [39] и XVIII [42] веков, мы обнаружили, что в лексиконе переводов использована лишь часть всего многообразия слов, употреблявшихся в то время для обозначения состояния нездоровья. К словам с корнем *врач-* из «Великого Зерцала» словари добавляют еще 13 (врачебница, врачебный, врачевать и др.) [39. Т. 4. С. 125–127], а с корнем *бол'-* – еще около 30 (болезный, боль, больничный, больно, болячка; (за-, из-, по-, при-, раз-/роз-, с)болети(ся) и др.) [39. Т. 1. С. 279–289; Т. 5. С. 137; Т. 6. С. 100; Т. 15. С. 131; Т. 19. С. 98; Т. 21. С. 142; Т. 23. С. 77].

Для обозначения динамики и процессуальности действия в языке перевода «Зерцала» используются глаголы, передающие глубину, интенсивность и продолжительность болезни. Обычно человек «впадает» в болезнь (гл. 60, 129, 132, 133, 141, 185, 264, 272, 278, 282, 310, 350, 446, 474, 495, 566, 584, 586, 606, 611), ею «одержим» (гл. 46, 60, 183) и «содержим» (гл. 199), «бысть жегом» (гл. 569) и «объят» (гл. 38, 274, 531, 563, 573, 581, 582) «даже к смерти» (гл. 53, 274, 328, 479, 659); течение болезни, благодаря глаголам несовершенного вида настоящего времени, растянуто во времени: болезнь «приходит» и «низходит» (гл. 659), «мучит» (гл. 131, 659) и «примножашеся» (гл. 62), «распространяшеся» (гл. 130) и «умножашеся» (гл. 573, 581), «ничто же сокращашеся» (гл. 163). Редко встречаются глаголы совершенного вида, которые передают внезапность заболевания и исцеления: болезнь «возвратится» (гл. 136), «отбеже» (гл. 199), «порази» (гл. 576).

Лексика в переносном значении, употребляющаяся для передачи ощущений от боли, подчеркивает восприятие болезни как явления материального, как некой осязаемой субстанции. Так, инок, страдающий головными болями, пришел в храм в надежде получить облегчение; однако на службе лучше он себя не почувствовал. Когда он подошел к причастию, «и се абие от верху главы, яко велия часть от лба отторжеся, ея же чрез средину чела хотяше на землю упаде и гром в церкви сотвори. Той же брат видяше явьственно отторжения болезни, обаче никто же виде, чюдяшеся зело» (гл. 163, л. 147). По характеру ощущений, описанных здесь, близким представляется изложение «исхода» болезни в памятниках литературы Древней Руси: во время молитвы боярину Симеону показалось, что кожа отстала от тела, и, почувствовав облегчение, он сообразил, что таким образом из него вышел недуг [24. Т. 1. С. 554–555; Т. 3. С. 476–477]; когда прп. Никандр пустынник попросил больного показать «недуга своего болезнь», тот не смог: его рубашка прилипла к телу; после молитвы святого «недуг же его отпаде от тела и з срачицею вкупе, яко чешуя» [25. С. 532].

В других повествованиях болезнь представлена как видимые «вреды», «синяты» и «язвы». В одной из них «язвы и синяты» стали зримым свидетельством наказания грешника – святые высекли беглеца прутьями; братия, готовя его к погребению, «тело обнажиша, тако язвы и синяты видены были, яко истинными вещественными лозами тело его быть посечено» (гл. 53, л. 74 об.). Умирающего в болезни пресвитера мучили видения «огня негасимого», искра которого однажды обожгла его руку и «кожа и тело до самыя кости сожже»; след от ожога видели и монахи, раскопавшие гроб грешника (гл. 586, л. 424). Во время отказа лихоимца каяться монахи услышали звуки ударов по спине и увидели «синеты и язвы на теле его» (гл. 533, л. 383 об.). Духовный отец еп. Касиана был незримо избит, и «совлечеся одеяния своего и показа на теле своем язвы» (гл. 495, л. 358 об.–359). Такой способ визуализации наказания характерен для агиографии: человек, отказавшийся исполнять песнопения прп. Феодора Студита, после видения ему святого и иноков с жезлами обнаружил на теле синяки [24. Т. 3. С. 259–260]; с помощью «дубцов» ангелы прогнали «рыболовца и жену едину» от горы, получившей на Соловках название Секирной [43. С. 60].

В другой новелле «вреды и язвы» поразили внутренние органы человека, но после очищения их анге-

лом произошло выздоровление: «Егда же ему перстом показах, отверзе яко мечем оное место и иземши утробу, показа ми вреды и язвы. // Очистивши же их рукою своею и, паки во свое место положивши, затвори» (гл. 42, л. 62 об.–63). В «Великом Зерцале» для визуализации боли и материализации недуга часто используются приемы натурализма и физиологии. Бог поразил хулителя на Пресвятую Богородицу ударом грома: «Егда же ко омытию скверное его тело обнажиша, видеша зело велию язву, чрез нея сердце, утроба и вся составы видени быша» (гл. 103, л. 106 об.). Подробный натурализм характерен для мартириев с детальными описаниями пыток и казней христианских мучеников. Однако анатомо-физиологической проблематикой отличаются и другие типы агиографических текстов. В житии прп. Никандра Псковского описано тело человека, которое «покрыли черви, особенно же большая язва у него открылась на груди, такъ что можно было видѣть внутренности» [24. Т. 1. С. 491–492]. Физиологизм рассказа о видении свт. Димитрию Ростовскому мч. Ореста близок новеллам «Зерцала»: «...мученикъ открылъ свою грудь и показалъ въ лѣвомъ боку великую рану, проникающую до самыхъ внутренностей, и сказал: “Сіе мнѣ желѣзомъ прожжено”. Потомъ, открывъ правую руку до локтя, показалъ рану около самаго локтя, говоря: “Сіе мнѣ перерѣзано”. Въ сей ранѣ были видны перерѣзанные жилы…» и так далее с другими подробностями [Там же. Т. 3. С. 196–197].

Характеристики болезни, выраженные качественными прилагательными, указывают на степень ее проявления и продолжительность: «тяжкая» (гл. 77, 576) и «легкая» (гл. 242, 583), «тяжкие болезни смертные» (гл. 556), «великая» (гл. 350, 394, 659), «к смерти приближающая» (гл. 405), «даже до смерти» (гл. 53), «начата кончатися ко смерти» (гл. 199) или «смертная» (гл. 474), «зелная» (гл. 562), «должайшая» и «протяжная» (гл. 569), «страшная» и «казни» подобная (гл. 659). Краткие замечания о симптомах недуга на теле больного подчеркивают восприятие болезни как тяжелого, достойного искреннего сочувствия состояния, отражающегося прежде всего на внешности человека, меняющейся порой до неузнаваемости. Тело кузнеца «уже от многия болезни изше, яко кожи токмо единой едва остатися» (гл. 272, л. 220 об.); у женщины «язвы по лицу разсыпашася, очеса углубишася, уста искриви//шася, нос згорбися и искривися и конечно чюждее ея лице на ней показася» (гл. 246, л. 196–196 об.).

Восприятие болезни как Божественного наказания привело к ее отождествлению в сборнике с грехом. Из одной новеллы узнаем о воине, воспылавшем страстью к своей госпоже; поборов стыд, юноша признался ей в своих желаниях, но целомудренная девушка отвергла его, чем ввела в еще «большую болезнь». В контексте новеллы под болезнью подразумевается грех плотской страсти, соблазн; болезнь имеет здесь синонимы *велие* и *блудное разжение*, *искушение*, *великое растление* (гл. 24, л. 51). В другой повести метафорическое отождествление греха и болезни прослеживается еще определеннее. Инок, рассказывая о своем порочном поступке, – когда он, монахом, соблазнился красотой девицы и прожил с ней полгода, – заключил: «зачахом болезнь и родихом беззаконие» (гл. 42, л. 62–62 об.). Еще из одной новеллы узнаем, как после смерти воин каждую ночь лишает жизни свою любовницу, которая ради него убила мужа. Муки совести, рождаемые убийством, повторяющимся снова и снова, грешник называет *болезнью*: «И се ныне сие мучение терплю, яко на всякую нощ мною убиваема бывает, и аз сицевую болезнь терплю, егда ю убиваю» (гл. 210, л. 180 об.).

В большинстве случаев словом *болезнь* в сборнике обозначается физическое состояние человека, поэтому чаще всего при наименовании болезни и локализации боли употребляется эта лексема: болезнь сердечная, болезнь сердца, болезнь проказа, болезнь черная. Человек, «яко мертв» или находящийся при смерти, тоже называется больным: еп. Маврикий, «ко смерти начат болети» (гл. 518, л. 373); «от жалости бысть яко мертв на долъг час... и воста от тоя болезни» (гл. 535, л. 385); «сести при вратех некоего богатого, той же от жития отходит… и спешно к больному идоша» (гл. 697, л. 507 об.).

В Словаре русского языка XI–XVII веков у слова *болезнь* зафиксировано значение «боль». Примечательно, что в тексте перевода слово *боль* не встретилось ни разу. Телесный дискомфорт всегда обозначается словом *болезнь*, и такое словоупотребление отмечается в памятниках второй половины XVII в., т.е. современных переводу [39. Т. 1. С. 280]: «да изыдет душа без болезни тела» (гл. 43, л. 64); «тяжкия на ню болезни и му//чения паки падоша тако, яко ниже на одре двигнутися можаше» (гл. 447 (прилог 4), л. 333–333 об.); «биение и мучение, и всяка болезнь отъяся от него» (гл. 727, л. 542). Значения *боль* и *болезнь* можно различить по локализации боли, которая, как правило, ощущается в отдельных частях тела: «Посем болезнь начат в них низходити от стомаха даже до перъстов ножных. И тако страшная болезнь объят его, яко даже в клуб стисну» (гл. 659, л. 470); «много пострадах, болезни терпящи во утробе моей тако, яко на земли лежащи не возмогл единаго псалма проглаголати» (гл. 42, л. 62 об.); «Феодор монах тяжкую болезнь главную терпяше… болезни ослабу умолит у Господа» (гл. 134, л. 129); «аще болезнь и ничто же сокращашеся» (гл. 163, л. 146 об.); «конь восхити его за плеща... Той же за велию болезнь начат вопити» (гл. 394, л. 303); «удари вервию по бедрам святаго, на ней же бо черпало. Святый же от великия болезни умолча» (гл. 543, л. 389 об.). Значение «боль» подчеркивается в сочетании слова *болезнь* с глаголом *слышать*, которым обозначается восприятие неприятных физических ощущений: «Тогда во всем своем мучении, яко не слыша болезней, ибо душа ея висящи вся в венце» (гл. 11, л. 44); «есмь здрав и никоея же болезни слышу» (гл. 42, л. 62 об.); «То почто, брате, болезни телесныя не слышиши и смерти не боишися?» (гл. 127, л. 123); «яко не слышаше оныя болезни» (гл. 163, л. 147). Телесные страдания подчеркиваются глаголом *терпети*: «едва можаше // болезнь терпети» (гл. 133, л. 128–128 об.); «Тяжкия болезни терплю на теле моем» (гл. 137, л. 130). Глаголы, обозначающие действия эмоционального характера, указывают на

интенсивность боли: «На иже слова брат его возбужден сердечною болезнию» (гл. 264, л. 215); «Той же за велию болезнь начат вопити» (гл. 394, л. 303).

Слово *болезнь* имеет в сборнике два синонима – *немощь* и *недуг*, которые со времен старославянских переводов означали усиливающееся от немощи через недуг к болезни состояние [16. С. 99]. Они используются неоднократно. В этой цепочке близки по болевым ощущениям *болезнь* и *недуг*: в сборнике трижды они употреблены рядом как синонимы, но для обозначения разных стадий нездоровья: «И тако яко святых воскрилия прикоснуся, и всякия болезни и прочия недуги исцелевает» (гл. 322, л. 261); «По сем на конец жития прешедши, терпех различныя болезни и недуги» (гл. 350, л. 280); «даже милосердием Господним не вскоре познася, яко сия вина бысть недуги и болезни телесныя и душевныя» (гл. 606, л. 434 об.). Содержание новелл, в которых употреблено слово *недуг* в значении *болезнь*, обозначает состояние, наступившее, как правило, в наказание за грех. Молодой человек, реализуя давнее желание, стал монахом, «помале же времени бысть житием нерадив... Той же не в долзе // посем бысть в недузе и восхищен был в дусе» (гл. 535, л. 384 об.–385). Человек по имени Ардвин, напротив, пообещав уйти в монастырь, тянул с пострижением, «посем же обещавыйся впаде в недуг и исповедаяся грехов своих» (гл. 566, л. 407 об.). В новеллах подчеркивается, что недуг обычно ведет к смерти. Воин, поверивший предсказательнице судьбы, «впаде в недуг зело // тяжкий… близ смерти быти» (гл. 264, л. 214 об.–215). «Сестричищ», не исполнив предсмертного желания своего родственника продать его коня и доспехи и раздать деньги нищим, «впаде в зелный недуг и всем исповеда свою вину, им же бысть причастен» (гл. 310, л. 252 об.). Юноша, «зело блудный», «во едино время впаде в недуг зелный даже ко смерти» (гл. 611, л. 439). Казначей «монастырьския блага на своя потребы обращаше. Еже на долзе творяше, впаде в недуг даже ко смерти» (гл. 282, л. 229 об.).

Недуг длится во времени, переносится тяжело и мучительно. Монах, будучи больным с рождения, помогал нуждающимся, «по сем же впаде сам в недуг и пребысть в нем стражда двадесят лет, по сем умре» (гл. 185, л. 168). Игумен, прославившийся жестокостью «в начальстве», «много лет лежа в недузе» (гл. 365, л. 288 об.); юноша, покончив с добродетельной жизнью, «нача грехи на грехи прилагати», наказан головной болью, которая не давала ему покоя: «болезнь и недуг свирепеяся, и по всему познаваху, яко умрети имать, и приближается конец» (гл. 745, л. 559 об.). Слово *недуг* имеет такое же значение, что и лексема *болезнь*, когда используется как общее выражение нездоровья: «оный кузнец впаде в недуг» (гл. 272, л. 220 об.); «некий презвитер, иже за нужду зелнаго недуга своего в купели и в бани обыче измыватися» (гл. 493, л. 355 об.); князь Филипп «от далных стран прихождаху» к мощам мч. Алфана «ради исцеления от недух своих» (гл. 546, л. 391 об.); «преда его тяжчайшей скорби и лютому недугу» (гл. 669, л. 478); «впад… клирик в тяшкую и страшную болезнь, толик бо недуг его бе, иже уста и язык, зубы, яко ножем отверзая и отревая» (гл. 677, л. 491).

Прилагательные *больной* и *недужный* в сборнике синонимы, особенно в тех случаях, когда речь идет о больных-притворщиках. Монах Илья сказался больным («мнишися быти недужен»), когда его позвал к монастырским воротам ангел в образе странника (гл. 49, л. 69); а «недужный» грешник после видения монаха, обещавшего ему заступничество, «укрепися и благодари всеусердно» (гл. 60, л. 81 об.). Следует заметить, что сюжеты о недужных хитрецах не редкость в сборнике. Так, еретик, чтобы избежать смерти, притворился бесноватым, но его убил клирик, на самом деле одержимый бесом (гл. 349, л. 279). Монах Корол любил поесть и, чтобы иметь доступ на больничную кухню, прикинулся больным. Инок, обладавший духовным зрением, не раз видел, как за обжорой крался бес, который в конце концов склонил чревоугодника оставить монашество (гл. 459, л. 340–340 об.). Чтобы соблазнить еп. Викентия, блудница улеглась в постель, «якобы великим недугом и лютою скорбию одержима… показуя себе, яко последняя страждет» (гл. 691, л. 502 об.). Примеры о мнимых больных, ведомых грехом, в корне отличаются от поведения святых, которые прибегали к подобной «хитрости», чтобы не впасть в грех: так, выданная замуж вмц. Анастасия Узорешительница, притворилась неизлечимо больной и осталась непорочной [24. Т. 4. С. 596].

Слово *немощь* употребляется в «Зерцале» для обозначения еще более слабого по сравнению с недугом состояния. Это – усталость. Игумен, обладавший духовным зрением, видел, как ангелы, сопровождавшие монахов на службе, что-то записывали об одних и ничего не писали о других; о последних игумен рассудил: «не от немощи, но от самоволнаго хотения поддаются и пред Господем противу уставом законным явитися не боятся» (гл. 44, л. 65). Это – телесная слабость. Монах Алквирин «пребываше некрепок и дряхл // телом, обаче ни единаго врачевания хотяше прияти… яко добродетели душевныя в плотьских немощах совершаются» (гл. 127, л. 122 об.–123). Это – страдание. Некая женщина проявила милосердие к прокаженному: «Той же, егда стоняше и разслабление и немощ свою поведаше, желающи какова мяхко посланнаго одра» (гл. 339, л. 273). Эти же значения имеют и производные слова с корнем *немощ'-*: *немощный* (*немощнейший*), *немощствовать*, *немощствующий*: «Во едино время, егда святому Макарию брат некий виноградный грезн принесе святый от любви посла к немощнейшему брату. Немощный же, воздавши славу Богу, такожде благодарение за послужение оного брата и прият грезн» (гл. 411, л. 313 об.); увлекшись чтением книг, некий человек не смог познать духовной глубины прочитанного: «И не токмо от полезных, но и от нужных дел начат преставати и немощъствовати» (гл. 641, л. 457); игумен, за свои грехи терпящий посмертные муки, жаловался родственнику, показавшись ему в видении: «праведным судом Божиим в брегах сея воды стражду, горю, погрязаю, немощствую и, единым словом, погибох и паки на мучение возвращаюся» (гл. 8, л. 40 об.; см. также: гл. 85, л. 96 об.; 97; гл. 114, л. 112 об.; гл. 184,

л. 165 об.; гл. 577, л. 416). Слово *немощь* в значении «болезнь», судя по приведенным примерам, в сборнике слабовостребовано. Единственный раз лексема употреблена в составе названия болезни – *желтая немощь*, или желтуха («Закхей некий монах по многом посте впаде в недуг желтыя немощи, отлучен же от братии во свою келлию» – гл. 133, л. 128), которое зафиксировано как медицинский термин в трехязычном славяно-греко-латинском «Букваре» Ф.П. Поликарпова-Орлова, изданном в 1701 г. [44].

Отличаясь оттенками смысла от слов *недуг* и *болезнь*, лексема *немощь* употребляется в сборнике еще в одном значении: как бессилие личности. «Тако и человеческая немощь к воздержанию не была бы угодна, аще бы всегда во всем напряжении духа пребывающи, слабости своея времен пощадети не восхотела, ибо орел паче всех птиц горе вышше всех возлетает и в солнце ясно зрит, а обаче и той нуждею объятый не исходит, – поучал апостол Иоанн Богослов юношу, который не смог надолго удержать лук во взведенном состоянии, и продолжал: – Тако и человеческое естество, егда мало от трудов соотведется, частым прегражденiем к вещем небесным теплее обращается» (гл. 509, л. 366 об.). В таком персонифицированном значении слово *немощь* использовано в конце XVIII в. Г.Р. Державиным в оде «Успокоенное неверие» [41. Т. 14]: «Надежды вѣтвь въ рукѣ у ней: – / Ты, Вѣра? – миръ душѣ моей! / Ты мысли дерзкiя плѣнишь, / Сердцамъ незлобiе даришь, / Терпѣньемъ души укрѣпляешь, / На подвигъ немощь ободряешь; / Ты кроткимъ свѣтъ и красота, / Ты гордымъ мракъ и суета!» (цит. по: [45. С. 75]).

Можно заключить, что слова *болезнь*, *недуг* и *немощь* выступают в языке перевода «Великого Зерцала» и как синонимы, и как лексемы, обозначающие степень усиления нездоровья от немощи через недуг к болезни, и отражают особенности их словоупотребления в языковой системе русского средневекового человека. В ряде случаев слово *недуг* применяется как смягченный синоним слова *болезнь*, что характерно для древнейшего периода развития русского языка; а слово *немощь*, практически исчезнувшее из языкового обихода к XVII в. в значении болезни в наиболее сильной степени ее проявления, осталось в составе медицинского термина *желтая немощь* и получило развитие в переносном значении как слабость человеческого естества.

У слова *болезнь* в «Великом Зерцале» есть синоним *язва*: «свирепою язвою бысть наказан», «язвою неисцелною порази его Бог» (гл. 105, л. 107–107 об.), «язвою проказы попущена бысть» (гл. 139, л. 131 об.), «дабы еси исцелил язвы моя» (гл. 193, л. 172 об.); «язву проказы прият» (гл. 243, л. 197 об.), «сие же оный видящи и язву сердца его хотя исцелити» (гл. 651, л. 464). Как обозначение коллективного заболевания, эпидемии, мора слово *язва* хорошо известно по памятникам древнерусской словесности (*моровая язва*), но в приведенных примерах лексема *язва* – синоним болезни индивидуальной. Слово обозначает и заболевание души, грех: «язву соблазну расширяют и ко греху роптания приводят» (гл. 164, л. 148), «открыся язва греховная и исцелена бысть» (гл. 168, л. 154). Использование в качестве синонимов слова *болезнь* разных по этимологии и оттенкам смысла лексем, обозначающих степени и формы нездоровья, объясняет особое значение, которое средневековый человек придавал болезни, подчеркивает ее неразрывную связь с грехом.

Подытоживая содержание данного раздела, можно заключить, что лексико-семантическое поле, используемое в языке перевода, разнообразно и его содержание в целом соответствует языку, современному переводу; однако в лексике русского текста «Зерцала» отсутствуют слова со значением «болезнь», характерные для русского языка XI–XVII вв. и не вышедшие из словоупотребления ко времени перевода. Отличительная черта концепта «болезнь» как раз и состоит в очень точном лексическом наборе парадигмы «болезнь», который подчеркивает особенность восприятия недуга в православной традиции. К специфическим, восточно-христианским, чертам концепта «болезнь» можно отнести отсутствие в лексике перевода слова *боль*, которое, как правило, обозначая телесный дискомфорт, переводит понимание болезни из духовного переживания в состояние, осязаемое физически. В русском «Зерцале» во всех случаях, где по смыслу должно быть использовано слово *боль*, находится лексема *болезнь*, при помощи которой выражается характерное для православной традиции переживание телесного дискомфорта стойко и терпеливо, как духовный подвиг, игнорирующий выставление напоказ внешних проявлений недуга и исключающий публичную с элементами экзальтации похвалу своим состоянием, что характерно, судя по содержанию ряда новелл сборника, для западной трактовки болезни.

Еще одной специфической чертой концепта «болезнь» можно назвать использование избирательной лексики со значением длительности выздоровления при описании исхода болезни. В тех случаях, когда больной человек чудесным образом и практически мгновенно становится здоровым, применяются лексические производные от глагола *целить*: исцеление происходит во время миропомазания (гл. 90, л. 100), причастия (гл. 163, л. 147), исповеди (гл. 168, л. 154), прикосновения к святыне (гл. 322, л. 261; гл. 341, л. 274 об.; гл. 546, л. 391) – к этим примерам мы обращались в предыдущем разделе. Стремительность наступления положительного результата при исцелении подчеркивается употреблением слов со значением быстроты действия: «скорое исцеление» (гл. 14, л. 47) и «вскоре исцелевши» (гл. 63, л. 84). Для обозначения выздоровления, длящегося во времени, используются слова с корнем *врач-*: монах Палемон возвратился к прежним «врачевствам» – строгому посту, когда тяжело заболел от скоромной пищи (гл. 132, л. 127 об.), другой грешник получал «от Бога врачевание молитвами» (гл. 153, л. 139 об.), для избавления от землетрясения жители города использовали традиционный в их регионе способ «врачевства» – написанное на воротах каждого дома имя Иисуса Христа (гл. 373, л. 292). Эта же лексика востребована, как правило, для обозначения действий, направленных на лечение телесных недугов («пребываше некрепок и дряхл телом, обаче ни единаго врачевания хотяше

прияти» – гл. 127, л. 122 об.–123; «врачество» не помогало и другим больным, страдавшим от физических недугов – гл. 454, л. 338; гл. 606, л. 434 об.), для обозначения лекарств, используемых в терапии (врач вместо «врачевъства» продавал в бутылочках дождевую воду – гл. 667, л. 475). Разделение двух процессов – исцеления и врачевания, представления о которых в конце XVII в. в России связывались соответственно с верой и медициной, подчеркнуто в переводе, на наш взгляд, избирательным использованием лексики: со значением исцеления – для духовной, основанной на вере терапии, а врачевания – для лечения телесных недугов или заболеваний, требующих длительного по времени терапевтического процесса, а в отдельных случаях лекарственных средств.

Выводы. Концепция болезни в сборнике «Великое Зерцало» базируется на христианском понимании недуга как наказания Божия. Тема связи греха и нездоровья человека, отчетливо выраженная в большинстве новелл, реализуется в разнообразных трактовках болезни, где недуг назван результатом греха и порочности души, средством наказания и испытания, побудительным мотивом для искупления грехов и покаяния, Божьим даром для осмысления жизни, исправления ошибок и спасения в смирении, открывающим путь к святости. Значительная часть новелл своим содержанием о наказании грешника испытанием болезнью тесно связана с агиографией и святоотеческими поучениями, где теме зависимости физического и духовного состояния человека от его поступков уделялось особое внимание. Из многочисленных сюжетов о приводящих к болезни и даже к смерти индивидуальных пороках и грехах, вошедших в польское «Зерцало» – сборник, почти в два раза превосходящий русский текст по количеству новелл, внимание переводчиков привлекли такие, которые звучали в конце XVII в. особенно актуально и отражали реалии русской жизни того времени: о покушении представителей светской власти на церковное имущество, о морально-нравственном облике духовенства, о роли духовника в духовном и телесном оздоровлении человека, об отношении к больному, способах его исцеления, о терапевтической практике и диагностике болезни. Усиление интереса к последним сюжетам (например, новеллы о том, как через отверстие в теле умершего монахи рассматривали внутренние органы – гл. 103, а иноки, готовя тело к погребению, фиксировали на нем следы побоев – гл. 53, или рассказы с явной анатомо-физиологической составляющей, в одном из которых жена потребовала вскрытия тела ее внезапно умершего мужа для установления причины смерти – гл. 695, а в другом – ангел вскрыл больному плоть и «обработал» пораженные болезнью органы – гл. 42 и др.) обусловлено реформой медицинского дела в России, испытывавшей недостаток в профессиональных, дипломированных лекарях, и стремительным развитием в конце XVII в. отечественной медицины, которая, по мысли императора Петра I, проявлявшего к естественно-научным знаниям активный интерес, должна была в кратчайшие сроки достигнуть европейского уровня медицинской культуры [46]. В то же время в отдельных новеллах сборника прослеживаются особенности восприятия болезни, характерные для западной традиции.

Сюжеты о вскрытии тела и изучении внутренних органов, по-видимому, являются отражением зародившегося в Средние века в Европе анатомического направления в изучении сущности болезни (А. Везалий – ум. в 1564 г., У. Гарвей – ум. в 1657 г., М. Мальпиги – ум. в 1694 г.), которое впоследствии дало толчок развитию патологии и изучению связи болезней с анатомическими изменениями в органах (Д.Б. Морганьи – ум. в 1771 г.). С другой стороны, ряд новелл трактует болезнь как одну из форм аскезы и содержит описание болезненного состояния с элементами экзальтации и детальной визуализации, подчеркивающими духовные достоинства человека. Восприятие болезни как испытания телесной болью, причиняемой больным самому себе, наслаждение ею, самоистязание, публичная демонстрация внешних проявлений недуга, сопровождающаяся эмоциональной манифестацией, были чужды православному мировоззрению, опирающемуся на святоотеческую аскетическую традицию переживания боли с глубочайшим смирением и терпением, духовной выдержкой и стойкостью, принятием болезни как состояния, напоминающего о несовершенной человеческой природе. И в этом отношении сюжеты о больных, которые по крепости духа сравнивались в «Зерцале» с прав. Иовом, особенно соответствовали православной концепции болезни. Новеллы сборника, по наблюдениям А.С. и С.Н. Малаховых, обнаруживают много общего с книжной древнерусской традицией, в которой отразилась христианская этиологическая конструкция [21. С. 97]. В то же время для «Зерцала» не характерна «мифическая структура этиологической мифологемы» (термин Малаховых), пронизывающая представления о болезни человека Древней Руси; в западноевропейском сборнике объяснение недуга и его причин более рационально, практично и передано порой буквально и натуралистично.

Лексико-семантическое поле феномена болезни не характеризуется разнообразием в отличие от ядра парадигмы «болезнь», широкий спектр слов которого, обозначающих состояние нездоровья, зафиксирован словарями русского языка времени перевода «Зерцала». Языковое выражение концепции болезни в сборнике составляют простые слова, объединяющиеся в описательные или глагольные конструкции, при помощи которых передаются такие свойства болезни, как ее качество и протяженность во времени. Содержание концепта «болезнь» раскрывается при помощи глаголов и прилагательных, которые передают представление о болезни как о явлении, не свойственном природе человека, нарушающем покой и устоявшийся порядок бытия (экспликация лексикой в переносном значении), не просто нездоровом, но, как правило, тяжелом, с усилиями переносящемся человеком состоянии (качественные прилагательные и глаголы, характеризующие действия больного), имеющем двойственный исход.

Незначительное лексическое разнообразие концепта «болезнь» и использование слов со значением болезни довольно избирательно объясняется, на наш

взгляд, стремлением переводчиков передать особенности православной концепции болезни. Отсутствие в русском «Зерцале» слова *боль* и использование вместо него лексемы *болезнь* (во всех случаях), скорее всего, связано с апологией в ряде повествований телесной боли, не скрываемой героями новелл экзальтированности при переживании недуга, что не было свойственно восточно-христианской традиции. Ограничение круга синонимов слова *болезнь* традиционным для древнерусского языка набором лексем – *недуг* и *немощь* – и четкое употребление их в последовательности, обозначающей усиление состояния от немощи к болезни и для фиксации разных степеней недомогания (несмотря на практическое исчезновение слов *немощь* и *недуг* из лексикона русского человека XVII в. для обозначения наивысших степеней проявления болезни), показывало, какое особое значение придавалось болезни – самому тяжелому состоянию нездоровья, и подчеркивало неразрывную связь этого состояния с грехом. Наконец, лексическое разделение в сборнике терапевтической практики на процесс исцеления и врачевания отражает разное понимание болезни в России в конце XVII в.

Несмотря на отмеченные нами особенности русского перевода «Зерцала» в понимании болезни и лексическом выражении нездоровья, содержание концепта «болезнь» отражает христианскую этиологию недуга с такой интериоризацией, при которой видимые его проявления есть результат внутренней, духовной организации человека. Одна из заключительных новелл учит: «...аще вериши, иже силою врачевства и художеством врача может живот твой направитися, чесо ради веровати не хощеши, яко велие есть и дивное лекарство душам – покаяние, злых ошаяние и воздержание, ибо аще душа сими себе не обложит врачествы, то умирает: без сих убо ко здравию и благоденьствию, еже есть в животе грядущем, ни един кто приити может» (гл. 746, л. 560). Дидактическая направленность сборника «Великое Зерцало», ярко выразившаяся в репрезентации концепции болезни, обеспечила его популярность в русской культуре переходного периода, востребованность у читателя нового времени и влияние на русский литературный процесс.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Текст «Великого Зерцала» цитируется по ркп. ГИМ ОР. Синодальное собр. № 101, в которой объединены оба перевода (830 новелл). Ссылки на главы сборника и листы ркп. – в круглых скобках. Благодарю Е.Э. Худницкую, позволившую нам использовать в работе набранный ею текст Синодального списка, в настоящее время готовящийся к публикации группой исследователей из Института филологии СО РАН (Новосибирск).

[2] Цитаты из изданий XVI–XIX вв. воспроизводятся в орфографии оригиналов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михель Д.В. Болезнь и всемирная история : учеб. пособие. Саратов : Научная книга, 2009. 196 с.
2. Михель Д.В. Медицинская антропология: история развития дисциплины : учеб. пособие. Саратов : Техно-Декор, 2010. 84 с.
3. Владимиров В.П. «Великое Зерцало» (Из истории русской переводной литературы XVII века). М. : Издание Имп. ОИДР, 1884. 276 с.
4. Державина О.А. «Великое зерцало» и его судьба на русской почве. М. : Наука, 1965. 437 с.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж : Истоки, 2006. 226 с.
6. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла : сб. статей в честь академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М. : Азбуковник, 2007. С. 606–622.
7. Кошкина Е.Г. Понятие и сущность концепта как многомерного смыслового образования в коллективном сознании // Язык и коммуникация в контексте культуры : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред.: Л. Костикова, С. Лобанов. Рязань : Рязан. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина, 2009. С. 100–108.
8. Дзюба Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2011. 224 с.
9. Пименова М.В. Концепты внутреннего мира (русско-английские соответствия) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб. : СПбГУ, 2001. 38 с.
10. Пименова М.В. Реликты древнего сознания, сохраненные в языке // Образ мира в зеркале языка : сб. науч. статей / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. М. : Флинта, 2011. С. 173–179.
11. Колесов В.В. Ментальность как картина концептуального и лингвального миров // Образ мира в зеркале языка : сб. науч. статей / отв. ред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. М. : Флинта, 2014. С. 5–16. (Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1).
12. Колесов В.В. Русская ментальность на фоне западноевропейской // Образ мира в зеркале языка : сб. науч. статей / отв. соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. М. : Флинта, 2011. С. 5–16.
13. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека. Кемерово : Кузбассвузиздат ; Landau : Verlag Empirische Padagogik, 1999. 262 с.
14. Кондратьева О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа*, *сердце*, *ум*) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
15. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
16. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ ; Нестор-История, 2001–2011. Кн. 1: Мир человека. СПб. : Филол. фак-т СПбГУ, 2000. 326 с. (Сер. «Филология и культура»)
17. Абушенко В.Л. Концепция // Гуманитарная энциклопедия. Центр гуманитарных технологий, 2010–2017 (последняя редакция: 05.10.2017). URL: http://gtmarket.ru/concepts/6890 (дата обращения: 07.10.2017).
18. Медведь А.Н. Антропология болезни в Древней Руси (X–XVII вв.). Очерки истории. М. : Изд-во МБА, 2014. 232 с.
19. Богданов К.А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2017. 672 с. (Культурный код).
20. Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб. : Алетейя, 2004. 398 с. (Сер. «Библиотека средних веков»).
21. Малахова А.С., Малахов С.Н. Феномен болезни в сознании и повседневной жизни человека Древней Руси (XI – нач. XVII в.). Армавир : Дизайн-студия Б, 2014. 298 с.
22. Камалова А.А. Художественный текст как скрипт // Образ мира в зеркале языка : сб. научн. статей / отв. ред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. М. : Флинта, 2014. С. 91–97. Сер. «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 1.
23. Библия. Острог. 1581.
24. Святитель Димитрий Ростовский. Жития святых. М. : Феникс, 2007 (репринт изд. 1906 года). Т. 1–6. 683; 666; 829; 907; 979; 540 с.

25. Охотникова В.И. Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты : в 2 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2007. Т. 2. 772 с.
26. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М. : Индрик, 2007. 776 с.
27. Вершинская А.А., Маньков А.Г. Церковь и государство в России первой половины XVII в. // Вопросы научного атеизма. М., 1987. Вып. 25. С. 118–129.
28. Василик В.В. О болезни и смерти Владимиро-Волынского князя Владимира Васильковича. Некоторые медицинские, гомилетические и литургические наблюдения // Русин. 2015. № 1 (39). С. 51–68.
29. Галицко-Волынская летопись (Подготовка текста, перевод и комментарии О.П. Лихачевой) // БЛДР / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб. : Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с.
30. Панченко А.М. Летописный рассказ об Андрее Первозванном и флагеллантство // Исследования по древней и новой литературе. Л. : Наука, 1987. С. 172–177.
31. Преподобных отцов Варсонуфия Великого и Иоанна Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М. : Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни, 1852. 594 с.
32. Добротолюбие : в 5 т. 4-е изд. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. Т. 3. 448 с.
33. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова ; подгот. текстов В.В. Рождественской, В.В. Колесова и М.В. Пименовой. М. : Сов. Россия, 1990. 304 с.
34. Малахова А.С. Человек и болезнь в повседневной жизни Древней Руси (X – начало XVII в.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. 26 с.
35. Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследование и тексты. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 584 с.
36. Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни / Ин-т археологии РАН. М. : Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
37. Крушельницкая Е.В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб. : Наука, 1996. 368 с.
38. Троян С.В. Шкала исход болезни в характеристике концепта «болезнь» // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 3–2. С. 309–311. URL: http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=9724 (дата обращения: 20.03.2017).
39. Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975. Т. 1. 375 с.; 1976. Т. 3. 291 с.; 1978. Т. 5. 395 с.; 1979. Т. 6. 363 с.; 1989. Т. 15. 290 с.; 1994. Т. 19. 274 с.; 1995. Т. 21. 289 с.; 1996. Т. 23. 258 с.
40. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Издание ОРЯС Имп. АН, 1893. Т. 1. 771 с.; 1912. Т. 3 и доп. 996 с.
41. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) : в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М. : Русский язык, 1988. Т. 1. 526 с.
42. Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука, 1985. Т. 2. 249 с.; 1988. Т. 4. 258 с. СПб. : Наука, 2004. Т. 14. 280 с.
43. Жития Зосимы и Савватия Соловецких (Подготовка текста Р.П. Дмитриевой, перевод и комментарии О.В. Панченко) // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Понырко. СПб. : Наука, 2005. Т. 13: XVI век. 860 с.
44. Романов Н.А. Медицинские термины в «Букваре» 1701 года // Математическая морфология: электронный математический и медико-биологический журнал. 2001. Т. 3, № 4. С. 158–160. URL: http://www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-7-html/ROMANOV-2/romanov-2.html (дата обращения: 10.04.2017).
45. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб. : Издание Имп. АН, 1864. Т. I: Стихотворения 1770–1796 гг. 812 с.
46. Марчукова С.М. Медицина в зеркале истории. СПб. : Европейский Дом, 2003. 272 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 декабря 2017 г.

THE DISEASE CONCEPT AND DISEASE INTERPRETATION IN THE COLLECTION *THE GREAT MIRROR*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 32–49.
DOI: 10.17223/15617793/425/5

Svetlana K. Sevastyanova, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Rubtsovsk Industrial Institute (Branch) of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: sevask@mail.ru

Keywords: *The Great Mirror*; concept and conception; disease and sin; anthropology of disease; Lives of the Saints; Old Russian literature.

A collection of religious and didactic novels *The Great Mirror* is one of the most famous, but least studied compositions of Russian translated literature of the 17th century. The attention of the author was attracted by the theme of disease (illness), which has not been investigated until recently. The aim of the study is to characterize the understanding of *disease* in the Russian translation of *The Great Mirror* taking into consideration the linguistic representation of *disease* as a phenomenon. The author relied on the approach of the Kemerovo school of conceptual research in the definition of the *concept* and methodology of its study. Describing the term "conception" the author of the article relied on the definition of the conception given by the researcher V.L. Abushenko. The author separated these terms in their content and semantic completeness and described the conception as the "world view" of a particular society, or national consciousness, an important part of which is the concept as a culturally significant entity, expressing the mental characteristics of consciousness by means of language. The text of two translations of the collection of the late 17th century from Polish into Russian included in the manuscript of the State Historical Museum, Synodal Assembly No. 101 (830 novels) was the material for studying. The author made the following conclusions. The concept of disease in the *The Great Mirror* is based on the Christian understanding of disease as God's punishment. A significant part of the novels with the content about punishment of a sinner with disease as a test is closely related to hagiography and patristic teachings, where special attention was paid to the subject of the dependence of people's physical and spiritual condition on their actions. A number of novels interprets disease as one of the forms of asceticism and contains a description of a diseased state with elements of exaltation and detailed visualization, emphasizing the spiritual dignity of man. The novels of the collection have much in common with the Old Russian book tradition; however, in the West European collection the explanation of disease and its causes is more rational, practical and sometimes literally and naturalistically expressed. The lexical-semantic field of the disease phenomenon is not characterized by diversity, in contrast to the core of the "disease" paradigm, in which a wide range of words denotes the state of disease recorded by the dictionaries of the Russian language in the time of *The Great Mirror* translation. The content of the concept "disease" in the collection reflects the Christian etiology of the notion with interiorization when its visible manifestations are the result of the inner, spiritual organization of man. The didactic orientation of the book, vividly expressed in the representation of the concept of disease, ensured the popularity of *The Great Mirror* in the Russian culture of the transitional period, readers' demand in our time and its influence on the Russian literary process.

REFERENCES

1. Mikhel', D.V. (2009) *Bolezn' i vsemirnaya istoriya* [Disease and World History]. Saratov: Nauchnaya kniga.
2. Mikhel', D.V. (2010) *Meditsinskaya antropologiya: istoriya razvitiya distsipliny* [Medical anthropology: the history of the development of the discipline]. Saratov: Tekhno-Dekor.
3. Vladimirov, V.P. (1884) *"Velikoe Zertsalo" (Iz istorii russkoy perevodnoy literatury XVII veka)* ["The Great Mirror" (From the history of Russian translated literature of the 17th century)]. Moscow: Izdanie Imp. OIDR.
4. Derzhavina, O.A. (1965) *"Velikoe zertsalo" i ego sud'ba na russkoy pochve* ["The Great Mirror" and its fate on Russian soil]. Moscow: Nauka.
5. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2006) *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka* [Semantic-cognitive analysis of the language]. Voronezh: Istoki.
6. Dem'yankov, V.Z. (2007) Termin "kontsept" kak element terminologicheskoy kul'tury [The term "concept" as an element of terminological culture]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Yazyk kak materiya smysla: sbornik statey v chest' akademika N.Yu. Shvedovoy* [Language as a matter of meaning: a collection of articles in honor of Academician N.Yu. Shvedova]. Moscow: Azbukovnik.
7. Koshkina, E.G. (2009) [The concept and essence of the concept as a multidimensional semantic formation in the collective consciousness]. *Yazyk i kommunikatsiya v kontekste kul'tury* [Language and Communication in the Context of Culture]. Proceedings of the 4th international conference. Ryazan: Ryazan State Pedagogical University. pp. 100–108. (In Russian).
8. Dzyuba, E.V. (2011) *Kontsept "um" v russkoy lingvokul'ture* [The concept "mind" in Russian linguistic culture]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
9. Pimenova, M.V. (2001) *Kontsepty vnutrennego mira (russko-angliyskie sootvetstviya)* [Concepts of the inner world (Russian-English correspondence)]. Abstract of Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
10. Pimenova, M.V. (2011) Relikty drevnego soznaniya, sokhranennye v yazyke [Relics of ancient consciousness, preserved in language]. In: Kolesov, V.V., Pimenova, M.V. & Terkulov, V.I. (eds) *Obraz mira v zerkale yazyka* [The image of the world in the mirror of language]. Moscow: Flinta.
11. Kolesov, V.V. (2014) Mental'nost' kak kartina kontseptual'nogo i lingval'nogo mirov [Mentality as a picture of the conceptual and lingual worlds]. In: Kolesov, V.V., Pimenova, M.V. & Terkulov, V.I. (eds) *Obraz mira v zerkale yazyka* [The image of the world in the mirror of language]. Moscow: Flinta.
12. Kolesov, V.V. (2011) Russkaya mental'nost' na fone zapadnoevropeyskoy [Russian mentality against the backdrop of West European]. In: Kolesov, V.V., Pimenova, M.V. & Terkulov, V.I. (eds) *Obraz mira v zerkale yazyka* [The image of the world in the mirror of language]. Moscow: Flinta.
13. Pimenova, M.V. (1999) *Etnogermenevtika yazykovoy naivnoy kartiny vnutrennego mira cheloveka* [Ethno-hermeneutics of the language naive picture of the inner world of man]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat; Landau: Verlag Empirische Padagogik.
14. Kondrat'eva, O.N. (2004) *Kontsepty vnutrennego mira cheloveka v russkikh letopisyakh (na primere kontseptov dusha, serdtse, um)* [Concepts of the inner world of man in the Russian chronicles (on the example of the concepts of the soul, heart, mind)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yekaterinburg.
15. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma.
16. Kolesov, V.V. (2000) *Drevnyaya Rus': nasledie v slove: v 5 kn.* [Ancient Rus: legacy in the word: in 5 books]. Book 1. St. Petersburg: Philol. Faculty of St. Petersburg State University.
17. Abushenko, V.L. (2017) Kontseptsiya [Conception]. In: *Gumanitarnaya entsiklopediya* [Humanitarian Encyclopedia]. Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy. [Online] Available from: http://gtmarket.ru/concepts/6890. (Accessed: 07.10.2017).
18. Medved', A.N. (2014) *Antropologiya bolezni v Drevney Rusi (X–XVII vv.). Ocherki istorii* [Anthropology of the disease in Ancient Russia (10th–17th centuries.). Essays on history]. Moscow: Izd-vo MBA.
19. Bogdanov, K.A. (2017) *Vrachi, patsienty, chitateli: Patograficheskie teksty russkoy kul'tury* [Doctors, Patients, Readers: Pathographic texts of Russian culture]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
20. Arnautova, Yu.E. (2004) *Kolduny i svyatye: Antropologiya bolezni v srednie veka* [Sorcerers and Saints: The Anthropology of Disease in the Middle Ages]. St. Petersburg: Aleteyya.
21. Malakhova, A.S. & Malakhov, S.N. (2014) *Fenomen bolezni v soznanii i povsednevnoy zhizni cheloveka Drevney Rusi (XI – nach. XVII v.)* [Phenomenon of the disease in the consciousness and everyday life of man of Ancient Rus (11th – early 17th centuries)]. Armavir: Dizayn-studiya B.
22. Kamalova, A.A. (2014) Khudozhestvennyy tekst kak skript [Artistic text as script]. In: Kolesov, V.V., Pimenova, M.V. & Terkulov, V.I. (eds) *Obraz mira v zerkale yazyka* [The image of the world in the mirror of language]. Moscow: Flinta.
23. *The Bible.* (1581). Ostrog: Tip. K.Ostrozhskogo: Pech. Ivan Fedorov. (In Russian).
24. Prelate Demetrius of Rostov. (2007) *Zhitiya svyatykh* [Lives of the Saints]. Vols 1–6. Moscow: Feniks. (Reprinted from the 1906 edition).
25. Okhotnikova, V.I. (2007) *Pskovskaya agiografiya XIV–XVII vv.: Issledovaniya i teksty: v 2 t.* [Pskov hagiography of the 14th–17th centuries: Studies and texts: in 2 volumes]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
26. Sevast'yanova, S.K. (2007) *Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovanie i teksty* [Epistolary heritage of Patriarch Nikon. Correspondence with contemporaries: research and texts]. Moscow: Indrik.
27. Vershinskaya, A.A. & Man'kov, A.G. (1987) Tserkov' i gosudarstvo v Rossii pervoy poloviny XVII v. [Church and state in Russia in the first half of the 17th century]. *Voprosy nauchnogo ateizma*. 25. pp. 118–129.
28. Vasilik, V.V. (2015) About the illness and death of Vladimir Vasilkovich, Prince of Volhynia. Some medical, homiletic and liturgical observations. *Rusin*. 1 (39). pp. 51–68. DOI 10.17223/18572685/39/4
29. Likhacheva, O.P. (ed.) Galitsko-Volynskaya letopis' [Galicia-Volhynia chronicle]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Collection of Literature of Ancient Rus]. Vol. 5. St. Petersburg: Nauka.
30. Panchenko, A.M. (1987) Letopisnyy rasskaz ob Andree Pervozvannom i flagellantstvo [Chronicle of St. Andrew and flagellants]. In: *Issledovaniya po drevney i novoy literature* [Studies on ancient and new literature]. Leningrad: Nauka.
31. Reverend Fathers Barsanuphius and John. (1852) *Prepodobnykh ottsov Varsonufiya Velikogo i Ioanna Rukovodstvo k dukhovnoy zhizni v otvetakh na voprosheniya uchenikov* [Reverend Fathers Barsanuphius and John's Guide to the spiritual life in answering the questions of disciples]. Translated from Latin. Moscow: Izdanie Kozel'skoy Vvedenskoy Optinoy pustyni.
32. St. Nicodemus of the Holy Trinity, St. Macarius of Corinth. (2010) *Dobrotolyubie: v 5 t.* [Philokalia: in 5 vols]. 4th ed. Vol. 3. Translated from Greek by St Theophan the Recluse. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrya.
33. Kolesov, V.V. (ed.) (1990) *Domostroy*. Moscow: Sov. Rossiya. (In Russian).
34. Malakhova, A.S. (2011) *Chelovek i bolezn' v povsednevnoy zhizni Drevney Rusi (X – nachalo XVII v.)* [Man and disease in the daily life of Ancient Rus (10th – early 17th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Stavropol.
35. Korogodina, M.V. (2006) *Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: Issledovanie i teksty* [Confession in Russia in the 14th–19th centuries: Research and texts]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
36. Buzhilova, A.P. (2005) *Homo sapiens: Istoriya bolezni* [Homo sapiens: disease history]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
37. Krushel'nitskaya, E.V. (1996) *Avtobiografiya i zhitie v drevnerusskoy literature* [Autobiography and life in Old Russian literature]. St. Petersburg: Nauka.

38. Troyan, S.V. (2016) Shkala iskhod bolezni v kharakteristike kontsepta “bolezn’” [The scale of the outcome of the disease in the characteristics of the concept of “disease”]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental’nogo obrazovaniya*. 3–2. pp. 309–311. [Online] Available from: http://www.expeducation.ru/ru/article/view?id=9724. (Accessed: 20.03.2017).
39. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th–17th centuries]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
40. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya Slovarya drevnerusskogo yazyka po pis’mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian language by written monuments]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie ORYaS Imp. AN.
41. Avanesov, R.I. (ed.) (1988) *Slovar’ drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.): v 10 t.* [Dictionary of the Old Russian language (11th–14th centuries): in 10 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
42. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1985) *Slovar’ russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 2. Leningrad: Naukas.
43. Dmitrieva, R.P. (ed.) (2005) Zhitiya Zosimy i Savvatiya Solovetskikh [Lives of Zosima and Savvatiy of Solovki]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Collection of Literature of Ancient Rus]. Vol. 13. St. Petersburg: Nauka.
44. Romanov, N.A. (2001) Meditsinskie terminy v “Bukvare” 1701 goda [Medical terms in the ABC book of 1701]. *Matematicheskaya morfologiya*. 3:4. pp. 158–160. [Online] Available from: http://www.smolensk.ru/user/sgma/MMORPH/N-7-html/ROMANOV-2/romanov-2.html. (Accessed: 10.04.2017).
45. Derzhavin, G.R. (1864) *Sochineniya Derzhavina s ob”yasnitel’nymi primechaniyami Ya. Grota* [Works of Derzhavin with explanatory notes by J. Grot]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie Imp. AN.
46. Marchukova, S.M. (2003) *Meditsina v zerkale istorii* [Medicine in the mirror of history]. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom.

Received: 02 December 2017

УДК 811.134.2 + 811.361

О.С. Чеснокова, Ю.В. Фернандес Санчес

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ТЕЗАУРУС ИСПАНЦЕВ И БАСКОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Проводится лингвокультурологический анализ реализации испанских и баскских гастрономических реалий в юмористическом дискурсе. Находящееся в неразрывной многовековой связи с испанской культурной средой, малоизученное баскское лингвокультурное пространство реконструируется и интерпретируется через пищевой код. Анализ в испанских и баскских анекдотах гастрономических реалий осуществляется через призму региональной специфики и исторически обусловленных контактов языковых картин мира современных испанцев и басков.

Ключевые слова: гастрономический тезаурус; реалия; юмористический дискурс; анекдот; языковая картина мира; Испания; Страна Басков; эускера.

Введение. Современный этап развития цивилизации характеризуется растущей глобализацией, активным диалогом культур, проницаемостью границ и одновременно глокализацией. Поэтому современное филологическое знание немыслимо без обращения к междисциплинарному исследованию культурно значимых явлений, а современная лингводидактика и переводоведение убеждают, что недостаточное владение лингвокультурологической информацией препятствует не только успешной межкультурной коммуникации, но и значительно умаляет качество научной, преподавательской и переводческой деятельности.

Объект данной статьи – гастрономические реалии двух контактирующих этносов Испании – испанцев и басков, предмет анализа –лингвокультурологическая специфика реализации испанских и баскских гастрономических реалий в юмористическом дискурсе. Материалами статьи послужили испанские и баскские бытовые анекдоты, извлеченные методом сплошной выборки из сборников анекдотов, периодики, интернет-сайтов, а также образцы юмористического дискурса, полученные от носителей испанского (пиренейский национальный вариант) и баскского языков. Главными методами филологического анализа стали лингвокультурологический метод, ориентированный на «максимальную экспликацию процессов, которые происходят в сознании носителей языка» [1. С. 58], сопоставительные и компаративно-текстологические методики, позволяющие вывести на парадигматику и синтагматику гастрономических реалий типологически неродственных испанского языка и баскского языка-изолята (эускера), контакты которых на территории Испании имеют многовековую историю [2, 3], проявляются в культуре в широком антропологическом понимании этого термина и в такой сложной для интерпретации не носителями языка лингвокреативной деятельности исторически контактирующих баскского и испанского этносов, как юмористический дискурс. Как уже отмечалось, «национальная кухня, ее символика, метаязык и терминология играют важную роль в постижении и интерпретации культуры как системы, в которой сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, ведущие непрерывный диалог» [4. С. 103], что и будет рассмотрено на материале юмористического дискурса и языковой картины мира испанцев и басков.

Языковая картина мира как парадигма филологического знания. Одной из продуктивных стратегий для получения экстралингвистической информации является обращение к языковой картине мира (ЯКМ). Термин «языковая картина мира» был предложен Л. Вайсгербером для определения явления, синтезирующего субъективное «человеческое» и объективное «действительное» [5]. Развитие филологического знания привело к пониманию многослойной структуры ЯКМ, включающей такие аспекты, как когнитивный, языковой, культурологический, семиотический. Подчеркивая роль когнитивного компонента в структуре языковой картины мира, проф. Е.А. Красина определяет её как одновременно процесс и результат познания действительности [6. С. 40]. Наравне с когнитивной составляющей ЯКМ важнейшую роль играет её культурный компонент, при этом саму ЯКМ можно рассматривать как «один из семиотических кодов культуры, ею же обусловленный» [4. С. 29], что применительно к гастрономическим реалиям образует гастрономический тезаурус и пищевой код лингвокультуры. Разрабатывая эти положения, мы считаем, что ЯКМ может пониматься как «динамически развивающаяся совокупность знаний представителей того или иного этноса, зафиксированная в национальном языке в диахроническом и синхроническом аспектах его проявления и одновременно продиктованная этим языком» [7. С. 85]. Будучи обусловленной историческими, культурными, географическими и другими факторами эволюционного развития народа, языковая картина мира этнически уникальна, поскольку «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [8. С. 135].

Как известно, национальная специфика проявляется на всех уровнях языка, что особенно актуально для полинационального испанского языка и полиэтничной испанской нации. Однако именно лексико-семантические средства языка служат наиболее репрезентативным инструментом отражения ви́дения мира тем или иным этносом. Семантика языка «играет исключительно важную роль в овладении всем информационным богатством человечества» [9. С. 31].

Языковая картина мира складывается из различных фрагментов, которые целесообразно систематизировать по понятийному, когнитивному признаку. Таким объединяющим для гастрономического тезауруса когнитивным признаком являются понятие еды и её языковые традиционные, креативные и коммуникативные репрезентации.

Гастрономический тезаурус как составляющая языковой картины мира. Процесс принятия пищи – это не только базовая физиологическая потребность

человека, но и важнейший культурно-бытовой ритуал, указывающий на принадлежность индивидуума к той или иной этнической общности.

С учетом полинационального статуса испанского языка, являющегося государственным в более чем двадцати странах мира, и применительно к языковому многообразию Испании, национальная специфика гастрономических реалий и ее отражение в ЯКМ имеют сложные параметры конвергенции и дивергенции [10, 11], что особенно проявляется в диалоге культур, когда, по М.М. Бахтину, одна культура задает вопросы другой культуре и одновременно раскрывает собственные глубинные смыслы [12]. В качестве убедительного примера приведем рассуждение мартиникского писателя Э. Глиссана об очевидной значимости символического образа кукурузы для мексиканского лингвокультурного кода: «maize is not only a staple of their [Mexican farmers] diet but an object of veneration, the very heart of their culture, myths and religious practices» («Кукуруза является не только основным продуктом их [мексиканских фермеров] диеты, но и объектом поклонения, центром их культуры, мифов и религиозных практик» (здесь и далее перевод мой. – *Ю.Ф.С.*) [13. P. 3], что находит отражение в многочисленных речевых практиках мексиканцев, в эстетике художественного и юмористического дискурса в частности [14]. Исследование гастрономического тезауруса приобретает особую значимость применительно к современной языковой ситуации в Испании, где в рамках поликультуризма особо остро стоит вопрос национально-этнической идентичности и форм ее проявления. Определение и систематизация языковых и функционально-коммуни-кативных параметров гастрономических реалий полинационального испанского языка и полиэтничной Испании видится актуальной задачей современной иберо-романистики, романской филологии, сопоставительного и типологического языкознания.

Полиэтничность испанской нации и многообразие гастрономических реалий Испании. Испанская нация, культурное наследие которой представляет собой многоликий синтез, впитавший элементы иберийской, кельтской, финикийской, греческой, римской, германской, арабской, иудейской и христианских цивилизаций, полиэтнична. На сегодняшний день в Испании наряду с кастильским (испанским) языком, имеющим статус основного государственного языка, конституционно закреплены как сооффициальные *(cooficiales*) каталанский, галисийский и баскский (эускера) языки. Языковую палитру современной Испании представляют также валенсийский диалект каталанского языка, аранская, арагонская, астурийская (известная как бабле), леонская речь, андалузский диалект. Все упомянутые языки и диалекты отражают отличительные черты характера своих носителей, их обычаи, традиции, социальное поведение и в то же самое время оказывают влияние на особенности восприятия объективной действительности в определенном автономном сообществе. Учитывая эти свойства языковой ситуации современной Испании, мы считаем оправданным говорить о существовании региональных языковых картин мира (баскская языковая картина мира, каталанская языковая картина мира и др.), каждая из которых находится в подчинительной связи с называемой нами универсальной испанской языковой картиной мира, включающей в себя концепты, применимые ко всем жителям Испании независимо от их региональных настроений [7. С. 68].

Гастрономические реалии, в свою очередь, оказываются значимым источником сведений о национально-культурной специфике полиэтничной испанской нации. По мнению специалистов в области этнологии и культурологии, рельеф местности и кухня представляют собой «два наиболее распространенных проявления местной идентичности» [15. P. 177]. Национальная кухня помогает определить «психический склад нации, отражающийся в господствующих кулинарных вкусах и пищевых пристрастиях» [16. С. 9], а также понять особенности лингвокреативной деятельности. Приготовление и потребление пищи, – безусловно, базовая потребность человека, но вкусовые предпочтения и ритуалы приема пищи, базирующиеся на многовековом историческом, географическом и культурном багаже практик и традиций любого народа, заключают в себе специфическое мироощущение этноса. Особенности местных кулинарных предпочтений универсально отражаются в пословицах и поговорках, а также выступают активным источником метафоризации и предметным фоном юмористического дискурса.

Гастрономическая лексика получила в последнее время такие обозначения, как «кулинарная реалия», «гастрономическая реалия» или «глютоническая реалия» (по А.В. Оляничу) [17]. Напомним, что сам термин «реалия» был предложен в середине XX в. Л.Н. Соболевым, который акцентировал внимание лингвистов на «словах из национального быта, которых нет на других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [18. С. 290]. Развитие переводоведения дало импульс к определению сущности реалий и инструментария их реконструкции. Так, воронежские филологи А.А. Кретов и Н.А. Фененко (2013) разработали лингвистическую теорию реалии и ввели трехчастную систему терминов: 1. Реалия как предмет реальной действительности (натурфакт, артефакт) – R-реалия. 2. Реалия как идеальный эквивалент среды обитания социума (концепт) – C-реалия. 3. Реалия как средство номинации культурного концепта – L-реалия [19. С. 10]. Если в основе определения реалии рассматривать идею о том, что реалии – это «бытовые и специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а следовательно, и в языках других стран» [20. С. 281], то в поле зрения исследователя не попадает такое важное свойство современной цивилизации, как межкультурные связи, когда самобытные явления и предметы заимствуются из одного сообщества в другое под влиянием динамики развития межкультурных связей. Для нас принципиальной видится такая характеристика реалии, как отсутствие – на экзистенциальном или лексическом уровне – конкретного явления или предмета в другой культуре. Поэтому базовым для нас будет определение, данное Л.С. Бархударовым, когда реалии понимаются как «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [21. С. 95]. Это толкование

делает акцент на лексическом уровне языка, но и одновременно задает широкий диапазон применения термина «реалия», что отвечает задачам нашей статьи.

Под гастрономической реалией мы будем понимать языковые единицы с пищевой семантикой, которые обозначают предметы, явления и ситуации из концептосферы «Еда», свойственные конкретному языковому коллективу и отсутствующие в другой лингвокультурной среде, что не исключает их заимствования и переосмысления.

Гуманитарное знание убеждает, что в основе испанского интегративного пространства заложены региональные настроения. Как отмечает британский критик и писатель В.С. Притчетт, «испанский провинциализм составляет жизненную ось испанца, его страсть, что проявляется во всем. Его город не похож ни на какой другой. Он единственный» [22. P. 27]. По степени интенсивности регионалистских настроений, которые проявляются и в гастрономии, испанские социологи рассматривают следующие автономные сообщества: Андалусия, Кастилия, Каталония, Валенсия, Галисия, Мадрид, Страна Басков и как отдельную группу совокупность всех оставшихся автономных сообществ [23].

Баски как отдельный этнос в составе испанского государства отличаются от других народов Испании и Европы в целом как в антропологическом, так и в лингвистическом планах. Основная часть баскского народа проживает в Стране Басков – Автономном сообществе на севере Испании. Баски называют себя *euskaldunak* (буквально: «люди, разговаривающие на эускера»), а свою страну традиционно называют *Euskal Herria* («страна, где говорят на эускера»), термин, под которым подразумевается пространство, в котором баскская культура проявляется во всех ее аспектах» [24]. Благодаря гористому рельефу римляне смогли проникнуть только в провинцию Алава, что позволило баскам избежать полной романизации и сохранить национальную самобытность, хотя в лексическом фонде баскского языка очевидно романское влияние. Баскский язык (эускера) – самый убедительный признак культурной идентичности басков, «самое главное коллективное произведение баскского народа, в то время как баскский народ и его культура – самое главное детище эускера» [25. P. 198].

Испанцы в целом и баски как этнос с большой любовью относятся к своей национальной кухне, особенно почитая региональные кулинарные традиции.

Анализ речевых практик современных испанцев показывает, что среди наиболее значимых гастрономических реалий их языковой картины мира выделяются следующие: “paella” (паэлья – испанское национальное блюдо из риса, курицы, морепродуктов и других ингредиентов), “jamón” (хамон – сыровяленый свиной окорок), “tapas” (тапас – разновидность холодных и горячих закусок), “morcilla” (морсилья – кровяная колбаса), “chorizo” (чорисо – острая свиная колбаса), “sangría” (сангрия – напиток на основе вина), “tortilla española” (испанская тортилья – омлет с картофелем) и др. Для испанцев “tapas” – это не просто закуска, а целый гастрономический ритуал. Встречаясь с друзьями, испанцы предпочитают не оставаться в одном заведении, а ходить из бара в бар, дегустируя разнообразные закуски. Этот образ жизни, зафиксированный в глаголе “tapear”, располагает к более душевному общению: брать тапас с одной тарелки, обмениваться закусками позволяет растопить «коммуникативный лед». В целом кастильский регион славится питательными и полезными блюдами, которые традиционно помогали фермерам и пастухам выполнять энергозатратные работы. Кастильский гастрономический тезаурус включает в себя такие номинации, как “queso manchego” – овечий твердый сыр манчего, “pipirrana” – освежающий овощной салат, “migas ruleras” – хлебный мякиш в сочетании с оливковым маслом, чесноком, чорисо или хамоном, “duelos y quebrantos” – жареное яйцо, перемешанное с чорисо, хамоном и беконом, а также многочисленные разновидности жаркóго.

В Стране Басков существует настоящий культ еды. Если испанская народная мудрость гласит: “Donde comen dos, comen tres” («Еды двоих хватит и на троих»), то баски в шутку говорят: “Donde comen dos, comen dos” («Еды двоих хватит на двоих»), что говорит о языковом отражении национальных констант пищевой традиции – любви басков есть не только вкусно, но и обильно. Актер и сценарист Оскар Тероль Гойкочеа в юмористической форме так метко резюмировал баскский пищевой экзистенциализм: “¿Quiénes somos? ¿De dónde venimos? ¿Dónde vamos a comer?” [26. P. 72] («Кто мы? Откуда мы? Где мы будем есть?»). В подтверждение этой мысли можно привести наблюдения Тересы Барренчеа из эссе, посвященного баскской гастрономии: «Я не знаю другого такого места в мире, где бы кухня почиталась как искусство и была бы такой доминантой в национальном сознании, как в Стране Басков» [27. P. 2].

В Автономном сообществе Страна Басков существует множество “txoko” («чоко») – закрытых гастрономических обществ, где собираются компании друзей (“koadrillas”), чтобы вместе провести время за едой, пообщаться и попеть. В настоящее время баскская кухня славится особой изысканностью. Испанские закуски здесь превратились в настоящий гастрономический шедевр под названием “pintxo” («пинчо»), а процесс хождения по барам получил название “txikiteo” («чикитео») от “txikito” («чикито») – маленький стакан вина. Среди баскских деликатесных реалий следует упомянуть известное во всей Испании и обычно обозначаемое по-испански блюдо “bacalao a la vizcaína” – «треска по-бискайски»; “bacalao al Pil-Pil” – треска в желеобразном соусе из собственного сока; “txuleton a la brasa” – кусок отборной говядины на углях; “marmitako” – овощное рагу с тунцом; “goxua” – сладкий пудинговый десерт и др. Данные единицы с пищевой семантикой образуют гастрономические реалии, встроенные в парадигматику и синтагматику пищевого кода баскской лингвокультуры и ЯКМ современных басков.

Испанские и баскские гастрономические реалии в юмористическом дискурсе. Гастрономические реалии активны в юмористическом дискурсе, поскольку юмор является той естественной дискурсивной средой, в которой происходит креативное преображение, зачастую – искажение (через призму смеха) как глобальных мировых процессов, так и этноспецифичной действительности, включающей обычаи, тра-

диции, нравы народа и собственно кухню как неотъемлемый феномен мира повседневности.

Многие из упомянутых испанских и баскских гастрономических реалий, функционируя в юмористическом дискурсе, зачастую усложняют понимание «соли шутки» для «чужака», представителя другой лингвокультуры. Так, из серии популярных испанских (они получили распространение во всем испаноязычном мире) анекдотов о корриде (бое быков) можно также почерпнуть информацию и об особенностях испанской национальной кухни:

Un americano va de vacaciones a España. Un día en un restaurante hacen un sorteo y le toca el premio, que consiste en que puede degustar gratis la especialidad de la casa. Le traen dos grandes bolas de carne, que se come y le parecen deliciosas, y entonces pregunta qué son. Le dicen que son los huevos del toro que han matado en la corrida de esa tarde. El pobre hombre vomita, claro... Al día siguiente, decide gastarle una broma a sus compañeros de viaje, y les lleva a todos a este restaurante con la esperanza de que a alguno de ellos le toque el premio del sorteo. Pero – ¡cosas de la vida! – le vuelve a tocar a él. Como les ha dicho a todos sus amigos, que aquello estaba buenísimo, no puede rechazar el plato. En fin, el caso es que se vuelve a comer los testículos, y cuando al cabo de un rato pasa cerca un camarero, le pregunta: – Oiga, ¿por qué hoy los huevos del toro eran tan pequeños? – Es que no eran de toro; hoy han pillado al torero [28].

Приехал как-то американец отдохнуть в Испанию. Заходит он в ресторан, а тут везуха: ему достался главный приз лотереи заведения – бесплатная дегустация фирменного блюда. Ему принесли два больших мясных шарика, которые показались ему необычайно вкусными. В ответ на вопрос «что это за блюдо?», ему сказали: «яйца убитого на корриде быка». Беднягу, конечно, тут же и стошнило. На следующий день он решил подшутить над друзьями, которые отдыхали вместе с ним. Приводит он их в тот же ресторан в надежде на то, что кому-нибудь из них выпадет главный приз. Но, как часто и бывает в жизни, главный приз снова достался ему. Расхвалив блюдо перед друзьями, он просто не мог отказаться от него. Во время трапезы он спросил проходившего мимо официанта: – Почему бычьи яйца сегодня такие маленькие? – Вчера не повезло быку, а сегодня – тореадору.

Кульминацией данного анекдота, своего рода «эффектом обманутого ожидания», оказывается тождество гастрономических дефиниций “especialidad de la casa” «фирменное блюдо» – “huevos del toro” «бычьи яйца», что отражает национально-специфичный предметный мир испанской культуры и ее пищевой код. Анекдот свидетельствует, что национальные гастрономические и культурные доминанты могут вызвать шок у других народов. В Испании бычьи яйца – изысканное национальное лакомство. Для испанца съесть яйца быка поверженного в корриде – значит получить силу убитого животного. Иностранцу же это может показаться омерзительным. Подобное столкновение между «своим» и «*чужим* уставом» может создать трудности в общении, стать *причиной культурного шока при восприятии приведенного анекдота и его эстетической сущности.*

Анализ языкового материала показывает, что из гастрономических реалий в испанских анекдотах типичны лексемы “morcilla” – испанская кровяная колбаса, “chorizo” – пикантная (острая) свиная колбаса, “mortadela” – вареная колбаса из свиного фарша и сала, “magdalena” – кекс, названный женским именем, сухое печенье “María”, различные разновидности испанского вина и винных напитков (“Don Simón”, “Rioja”), “paella” – валенсийское по происхождению, но распространенное во всей Испании блюдо из риса с добавлением морепродуктов, овощей, курицы или колбасы.

Рассмотрим анекдот, где обыгрывается реалия “magdalena”. Достоверным предметным фоном данного анекдота является тот факт, что испанские дети любят на завтрак стакан теплого какао или молока, в которое они обмакивают кекс “magdalena”.

María, a ver, ¿qué hay hoy de desayunar? La mujer le trae una magdalena y un vaso de leche, el marido coge la magdalena, la moja en la leche y la estampa contra la pared. Pepe, ¿por qué has hecho eso? – Es que se estaba bebiendo mi leche [28].

– Мария, что у нас сегодня на завтрак? Жена приносит ему кекс «магдалена» и стакан молока. Муж берет кекс, обмакивает его в молоко, а затем бросает кекс об стенку. – Пепе, ты чего? – Да она же хотела выпить мое молоко.

«Эффект обманутого ожидания» данного текста состоит в парадоксальном поведении мужа, «неправильно» употребившего реалию «магдалена» (трансонимизацию женского имени Magdalena) и придавшего ей свойства человека. Этот пример относится к циклу испанских детских анекдотов, хотя его действующими лицами являются взрослые. Через гастрономическую реалию «магдалена» и ее заведомо ошибочный узус высмеивается инфантильное поведение взрослого мужчины, что показывает, в свою очередь, приобретение гастрономическими реалиями символизирующего значения в передаче межличностных отношений, стереотипов положительного и отрицательного поведения и их оценки.

Обратимся к примеру с другой частотной для повседневной речевой деятельности испанцев гастрономической реалией, именующей печенье “María” и так же мотивированной женским именем, одним из самых частотных в испанской ономастической традиции, так как оно является именем Богородицы.

– Hombre Manolo, cuánto tiempo sin verte. ¿Qué es de tu vida? – Pues nada, me casé, tuve dos hijas. – ¿Ah, sí? ¿Cómo se llaman? – Marbú y Fontaneda. ¿Y tú, qué tal? – Yo también me casé, y tengo una hija. – ¿Ah, sí? ¿Cómo se llama tu hija? – María. – ¡ Anda, como las galletas [28]!

– Маноло! Сколько лет, сколько зим! Что нового? – Вот женился, у меня две дочки. – Да? А как зовут? – Марбу и Фонтанеда. А как ты поживаешь? – Я тоже женился и у меня одна дочь. – А как зовут? – Мария. – Надо же! Прямо как печенье.

Названия традиционного испанского сухого печенья “María”, а также его известных торговых марок “Marbú” и “Fontaneda”, которые носителем иной культуры могут легко быть приняты за вышедшие из употребления испанские женские имена, семантически и

эстетически мотивирует комический эффект анекдота, снисходительно констатирующего ограниченный кругозор, претенциозность и одновременно эгоцентризм говорящего, у которого ассоциацией имени дочери его приятеля становится марка печенья, а не имя Богородицы, что аксиологически более приемлемо для католической Испании.

Испанская кухня знаменита паэльей, а гастрономическая реалия "paella" закономерно проецируется на юмористический дискурс. Обратимся к характерному примеру.

Le dice un niño a su madre: – Mamá, mamá, qué rica está la paella. Y su madre le contesta: – Pues repite, hijo. Y dice el hijo: – Mamá, mamá, qué rica está la paella [28].

Сын матери: – Мама, мама, какая же вкусная паэлья. А мать ему и отвечает: – Ну, тогда повтори сынок. А сын ей: – Мама, мама, какая же вкусная паэлья.

Данный анекдотический пример отличает не только реализация испанской гастрономической реалии "paella", отражающей испанский мир повседневности, но и труднопереводимая игра слов, препятствующая полноценному переводу анекдота на русский язык. Внимание слушателя намеренно привлекается к одному из значений полисемического глагола "repetir" «просить добавку», «повторить блюдо», что образует регулярную синтагматику реалии "paella" в повседневном речевом узусе испанцев. Прямое значение глагола "repetir" – «повторять», появляется только в конце анекдота. Именно здесь у глагола "repetir" и происходит неожиданная актуализация значения глагола речи, приводящая комический эффект в действие.

Помимо создания лингвокультурного фона и функции служить проводником в гастрономическую картину мира испанцев и их лингвокультурное пространство в целом анекдоты с гастрономическими реалиями раскрывают особенности национального характера испанцев. Проанализируем характерный пример из серии этнических анекдотов.

Erase una vez un francés, un inglés y un español que estaban presos e iban a ser fusilados. Antes de esto se les dijo que tenían derecho a un deseo y el francés dijo: – Yo querría, antes de morir, tener una noche de lujuria con Brigitte Bardot. – Concedido... A ver, el inglés. – Antes de ser fusilado al amanecer me gustaría pasar la noche con Samantha Fox. – Concedido. A ver tú, español. – Pues a mí me gustaría comerme una tortilla española. – Pero vamos a ver... ¿Cómo nos puedes pedir eso con todas las mujeres que hay? ¿Los españoles no sois gente de sangre caliente, fogosos? – Si, lo somos. Pero después... a quien se lo iba a contar? [29].

Речь пойдет о трех заключенных: французе, англичанине и испанце. Перед расстрелом им сказали, что у них есть право на желание. Француз заявил: – Я перед расстрелом хотел бы провести страстную ночь с Бриджит Бордо. – Будет выполнено. Что хочешь ты, англичанин? – Перед казнью на рассвете мне бы хотелось провести ночь с Самантой Фокс. – Будет сделано. А ты, испанец, что хочешь? – Мне бы хотелось съесть испанскую тортилью. – Как? На свете столько женщин, а ты просишь тортилью? Разве вы, испанцы, не горячий, страстный народ? – Да, мы такие. Ну а кому мне потом об этом рассказывать?

Как показывает данный анекдот, в повседневной жизни испанцам несвойственна чрезмерная эмоциональность. Их страстные переживания носят, скорее, пикообразный характер, темпераментные эмоции утихают вскоре после их появления. Более земные предпочтения часто одерживают верх над страстными поисками: в рассмотренном юмористическом примере испанец предпочитает вкусно поесть, нежели провести романтическую ночь с женщиной. В анекдоте также наблюдается и присущая испанцам хвастливость, истоки которой кроются в испанском тщеславии. Еще в XVII в. крупнейший представитель литературы барокко Бальтасар Грасиан писал в романе «Критикон»: «Тщеславие столкнулось с Испанией. Там и живет, и царствует наряду со своими союзниками: самооценкой, желанием командовать и никому не подчиняться, блистать, красоваться, хвалиться, говорить много и громко…» [30. С. 123]. Эта черта характера прошла проверку временем и свойственна современным испанцам, которые зачастую совершают поступки, чтобы похвастаться своими заслугами перед окружающими. Лингвокультурологически данный анекдот примечателен тем, что гастрономия и культура оказываются неразрывно связанными и образуют предметный и событийный фон лингвокреативной деятельности, выливающийся в анализ и самоанализ национальной идентичности и этнических стереотипов.

Неотъемлемый артефакт испанского мира повседневности – омлет-тортилья. Как гласит одна из легенд, своим происхождением картофельная тортилья "tortilla de patata" обязана баскскому генералу Томасу де Сумалакарреги, который предложил это быстрое в приготовлении и питательное блюдо для поднятия боевого духа армии карлистов (начало XIX в.). Употребление заимствованной у испанцев реалии "tortilla de patata" проникло в баскский юмористический дискурс:

Bi emakumeren artean: – Aizan, izugarria pasa zaidan… Senarra patata tortilla egiteko patata bila dendara bidali dinat eta kamioa pasatzen hasitakoan ez du ba kotxeak harrapatu… – Uuuuuu, galanta pasa zain. Eta, zer egin behar den orain? – Lagunak, ez zekinat, makarroiak jarri beharko dizkinat [31].

Из разговора двух подруг: – Со мной случилось нечто ужасное. Я послала мужа за картошкой, чтобы приготовить картофельную тортилью, и когда он обходил грузовик, его сбила машина… – Ужас какой! И что ты теперь будешь делать? – Не знаю, подруга, наверно, придется варить макароны.

В вышеприведенном примере обыгрывается типичный социальный стереотип баскской культуры, согласно которому, находясь в браке, многие жены недовольны своим мужем и пренебрегают им. В плане же языковых контактов встраивание испанской гастрономической реалии "tortilla de patata" в баскский анекдот свидетельствует о постоянном диалоге контактирующих испанской и баскской лингвокультур.

Несмотря на то что баски шутят чаще на испанском языке, нежели на эускера (в Стране Басков знают эускера около 37% населения, в то время как постоянно говорят на нем лишь 18–20% [2. С. 7]), в баскских анекдотах встречаются многочисленные реалии из этноспецифического баскского гастрономического тезауруса:

Entran dos bilbaínos a un bar de Madrid. – Ponnos dos txikitos. Una vez servidos, uno de ellos pone un billete de 50 euros en el mostrador. El barman le dice: – ¿No tiene usted otro billete? El de Bilbao pone otro billete de 50 euros y dice: – Un poquito caro tenéis aquí el vino, eh? [32. C. 154].

Два жителя из Бильбао заходят в бар в Мадриде. – Налей нам два стаканчика вина. Как только им подали спиртное, один из басков достает купюру в 50 евро и кладет ее на стойку. Бармен спрашивает: – Не будет ли у Вас другой купюры? – Баск из Бильбао достает еще одну купюру в 50 евро и говорит: – Дороговато у вас тут вино.

За гастрономической реалией "txikito" «маленький бокал вина» кроется целый ритуал хождения по барам "txikiteo". Баскам, как и многим испанцам, свойственно встречаться с друзьями в питейных заведениях, где они за оживленным разговором потребляют изысканные закуски под названием "pintxo", которые запивают небольшим бокалом вина "txikito" или стаканчиком пива "zurito". На первый взгляд, баскская закуска "pintxo" может показаться разновидностью испанских «тапас» ("tapas"). Однако между этими двумя гастрономическими реалиями важно отметить следующее различие. В Испании «тапас» – закуска, подаваемая в баре к пиву или вину. Как правило, они включены в стоимость напитка. В свою очередь, баскские «пинчос» не являются закуской к алкогольному напитку, а представляют собой самостоятельное блюдо, которое баски заказывают либо по утрам с кофе, либо на ужин. Отметим также, что испанский глагол "tapear" (встречаться с друзьями в баре в поисках душевного разговора за вином или пивом) сродни баскскому "txikiteo", что свидетельствует о функциональной эквивалентности этих гастрономических реалий. Однако "txikiteo" предполагает исключительно употребление вина в процессе хождения из бара в бар.

Помимо кулинарных доминант баскской языковой картины мира, в последнем анекдотическом примере, как и в следующем, обыгрывается такая черта характера басков, как стремление (часто – показное) жить на широкую ногу:

Un Bilbaino va a Madrid a pasar unos días. Y se sienta en la terraza de un restaurante a pedir que le den de cenar... El camarero que tenía un poco de manía a los de Bilbao, le empieza a tomar nota: ración de txipirones, ración de ostras, docena de carabineros, medio kilo de percebes, txuletón de kilo para dos, txakoli del bueno, postres variados, café, copa y puro Montecristo. Después de comérselo todo y no dejar ni las migas, le pasa la nota el camarero y después de revisarla (2.930 euros) el Bilbaíno, va y dice: – Oye, creo que te has equivocado con la nota. – ¿Pues? ¿Le parece cara la cena? – Que no me has cobrado el IVA ni el Montecristo. El camarero mosqueado entonces le pregunta: – Usted es de Bilbao, ¿no? – Sí, ¿por qué lo nota? – Porque ustedes son generosos y saben comer muy bien. – Sí, eso y es cierto. – Pero, ¿qué hay de lo otro? – Pues, este mes he estado seis veces con dos mujeres distintas. – ¡Vaya! Yo creía que ustedes, los de Bilbao, hacían el amor mucho más. Yo este mes he hecho doble y con cuatro mujeres distintas. – Ya, pero usted es camarero. Y yo soy el cura de Bilbao [33].

Приехал баск из Бильбао в Мадрид. Устроился поудобнее на террасе одного из местных ресторанчиков и просит принести ему ужин. Официант, который явно недолюбливает обитателей Бильбао, берет заказ: порцию кальмаров, порцию устриц, дюжину алых креветок, полкило морских трюфелей, килограммовый говяжий стейк на двоих, вино «Чаколи», несколько разных десертов, кофе, стаканчик вина и сигару «Монтекристо». Баск слопал все с удовольствием, не оставив ни единой крошки. Официант приносит ему счет на 2 930 евро, а баск ему и говорит: – Я думаю, что ты ошибся. – В чем дело? Вам кажется, что вышло слишком дорого? – Да ты же забыл приплюсовать НДС и посчитать сигару. Тогда разозленный официант спрашивает: – Вы из Бильбао, да? – Да. А с чего ты взял? – Ну, вы слывете такими щедрыми и знатоками хорошей кухни. А как у вас в другом плане? – В этом месяце я был с двумя разными женщинами шесть раз. – Всего-то? Я думал, что у вас, басков, с этим делом дела обстоят куда лучше. Я вот в этом месяце был с четырьмя разными женщинами целых двенадцать раз. – Ну, ты же официант, а я священник.

Данный анекдотический пример изобилует как уникальными баскскими, так и универсальными испанскими гастрономическими реалиями. К первой группе следует отнести "txipiron" – небольшой кальмар, "txuleta" – кусок отборной говядины, "txakoli" – традиционное, как правило, белое вино. Ко второй группе гастрономических реалий можно отнести морепродукты "percebes", "carabineros", "ostras", а также премиум-сигары "Montecristo", которые производятся на Кубе, но пользуются большой популярностью в Испании. В баскском языке испанскому «ch» соответствует «tx». Учреждение в 1918 г. Академии баскского языка Euskaltzaidia, результатом работы которой стало формирование литературного языка Euskara Batua, способствовало усилению борьбы за национальную идентичность и активному употреблению эускера. В настоящее время на «батуа» реализуются все виды коммуникации, чему способствует сеть ikastolas – школ, где преподавание ведется только на эускера. Поэтому известная «баскизация» написания общеиспанских слов неизбежна, тем более когда речь идет об исконно баскских культурных концептах. Отметим, что баскизация написания реалий "txipiron" и "txuleta", по сравнению с традиционной испанской орфографией "chipirón" и "chuleta" соответственно, свидетельствует о том, что уникальные баскские реалии обретают баскское написание после утверждения эускера-батуа. Примечательно, что, несмотря на то, что кусок отборной говядины можно отведать в любом уголке Испании, именно Страна Басков известна своими ресторанами «El Asador», где подают приготовленное по традиционному баскскому рецепту мясо с кровью "txuleta", что входит как уникальная баскская реалия в региональные речевые практики.

Для басков еда – своего рода «новая религия». «По мере опустошения церквей наполняются роскошные рестораны, возведенные до категории собора», – объясняет Оскар Тероль Гойкочеа [26. С. 72]. По мнению этого известного баскского сатирика, только баск может проехать четыреста, а то и больше километров

для того, чтобы поесть в определенном ресторане, только баск знает по имени шеф-повара и из какого сорта винограда сделано то или иное вино. Поэтому в анекдотах многочисленны мотивы шутки над любовью басков к еде, словесным каркасом которых выступают, как в предыдущем примере, гастрономические реалии и их концентрация.

Говоря об алкогольных напитках, из наиболее типичных реалий в баскском юмористическом дискурсе регулярно встречаются “sidra” – яблочный сидр и традиционное баскское вино “txakoli” (от баск. “etxakoa” – «изготовленный дома»). Приведем типичный пример:

Bi lagun txakoli batekin: – Aizu Iker, uste duzu zeruan izango dela frontoia? – Ez dakit Iñaki, nahi baduzu tratu bat egiten dugu, goira lehen joango denek, mezu bat bidaliko dio beste bati kontatzeko. – Tratu eginda, euskaldunon hitza!

Urte batzuk eta gero, Iñaki hiltzen da eta zerutik mezu bat bidaltzen dio Ikerri. Iker bi berri dauzkat: – Lehena guztatuko zaizu baina bigarrena ez hain bezala. Lehena da frontoi instalazio brutalak direla daude hemen. Bigarrena, zu jokatzen zara bihar arratsaldeko bostean [34].

Из разговора двух друзей за бокалом вина «Чаколи»: – Икер, как ты думаешь, а на небесах есть «фронтон»? – Понятия не имею, Иньяки. Давай договоримся, кто первый попадет на небеса и узнает, есть ли там «фронтон», сообщит об этом другому. – Идет, даю слово баска.

Через несколько лет умирает Иньяки и посылает сообщение Икеру: – Икер, у меня для тебя две новости: одна тебе понравится, а вторая – точно нет. Хорошая новость: здесь такой «фронтон», что закачаешься. А плохая: твоя очередь играть завтра в 5 вечера.

Помимо гастрономической реалии “txakoli”, создающее достоверный предметный фон баскского мира повседневности, в данном анекдоте реализуется в комическом контексте понятие из концептосферы «спорт» – “frontón”, именующее специальное сооружение для игры в баскский мяч “la pelota vasca”. Игроки бросают мяч в стену и отбивают ее рукой, битой или специальным приспособлением, напоминающим корзину, “cesta punta”. Сам же анекдот лингвистически показывает взаимное проникновение в этноспецифический текст приоритетов повседневной жизни басков – еды и спорта.

Количественные данные и их интерпретация. В процессе исследования были изучены 800 анекдотов, из которых 200 примеров отражают реализацию испанских гастрономических реалий и 100 текстов содержат культурно-маркированные баскские гастрономические единицы. Преобладание анекдотов с общеиспанскими реалиями обусловлено относительно недавним становлением баскского анекдота как отдельного жанра. Говоря о частотности реализации испанских гастрономических реалий, отметим, что наиболее употребительны следующие: “morcilla” – испанская кровяная колбаса (20 текстов), “chorizo” – пикантная (острая) свиная колбаса (30 текстов), “mortadela” – вареная колбаса из свиного фарша и сала (12 текстов), “magdalena” – кекс (8 текстов), сухое печенье “María” (7 текстов), традиционное блюдо из риса “paella” (18 текстов), различные марки испанского вина (25 текстов), картофельный омлет “tortilla de patata” (15 текстов). В баскских анекдотах оказалось частотным употребление следующих культурно-маркированных гастрономических единиц: баскское вино “txakoli” (13 текстов), жареный на углях кусок отборной говядины “txuleta” (8 текстов), яблочный сидр “sidra” (9 текстов), баскские закуски “pintxos” (11 текстов), маленький бокал вина “txikito” (7 текстов). Семантико-мотивационный анализ связи гастрономических реалий с другими реалиями испанской и баскской лингвокультур в различных видах текста и дискурса представляет перспективную тему отдельного исследования.

Заключение. Для данной статьи мы выбрали наиболее характерные примеры, чтобы обозначить константы испанской и баскской пищевых традиций, составляющие основу тенденций функционирования гастрономических реалий в испанском и баскском юмористическом дискурсе. Анекдот, реализующий испанские и баскские гастрономические реалии, проявляет себя как этноспецифический текст, в котором отражаются как уникальные пищевые коды испанской и баскской лингвокультур современной поликультурной Испании, так и их взаимное влияние, в частности заимствование и языковая адаптация. Среди единиц, транслирующих в юмористическом дискурсе собственно испанский пищевой императив, значимы реалии “tortilla de patata” – тортилья (испанский омлет с добавлением картофеля), “paella” паэлья (блюдо из риса), “magdalena” – кекс, “chorizo” – острая свиная колбаса. Главными национально-маркированными реалиями из баскского гастрономического тезауруса мы можем признать лексемы “txikito” – стаканчик вина, “pintxo” – закуска, “txuleta” – кусок отборной говядины, “txipiron” – кальмар, “txakoli” – вино. Больший репертуар испанских гастрономических реалий и их функционально-семантических вариаций (трансонимизация, метафоры), по сравнению с баскскими реалиями, оказывается следствием лишь становления баскского анекдота как жанра этноспецифического текста.

Анекдоты с гастрономическими реалиями не только фиксируют этноспецифичный предметный мир пищевых традиций, но и отображают облеченные в юмористическую форму размышления о национальной идентичности, этические оценки и рассуждения. Обращение к анекдоту позволило вывести значимые кулинарные реалии, формирующие часть испанской и баскской языковых картин мира, выявить аксиологические установки социума, вскрыть его традиционные модели поведения (как, например, хвастовство, стремление жить на широкую ногу басков, страстность и тщеславие испанцев), их отражение в юмористическом дискурсе, а также убедиться, что гастрономические реалии создают в юмористическом дискурсе достоверный этноспецифический фон соответствующей лингвокультуры и при этом комбинируются с её другими кодами и реалиями из других концептосфер (коррида, этнонимы, ономастикон, эмоции, семейная жизнь, спорт и др.)

Интерпретация испанских и баскских гастрономических реалий в юмористическом дискурсе убеждает, что успешное восприятие иностранной шутки

во многом зависит от экстралингвистической компетенции. Не располагая достаточными фоновыми знаниями, реципиент-интерпретатор может не понять глубинный смысл шутки, вызывающий смех у носителя языка, из чего следует деятельностное отношение к иноязычному юмористическому дискурсу. Думается, что в контексте 40-летия восстановления дипломатических отношений России и Испании познание лингвокультуры Испании через региональный гастрономический тезаурус и юмор вносит созидательный вклад в испанско-русский филологический и межкультурный диалог.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2016. 456 с.
2. Igartua I., Zabaltza X. Euskararen historia laburra. Breve historia de la lengua vasca. A Brief History of the Basque Language. San Sebastián : Etxepare Euskal Institutua, 2012. 83 p.
3. Chesnokova O., Talavera-Ibarra, Leonardo Pedro. El diálogo de lenguas y culturas en la toponimia vasca // Иберо-американские тетради. Вып. 2 (12) / гл. ред. А.А. Орлов ; отв. ред. М.В. Ларионова. М. : ИМИ МГИМО МИД России, 2016. С. 72–76.
4. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. М. : РУДН, 2006. 238 с.
5. Weisgerber L. Von den Kräften der deutschen Sprache. B 2: Von Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf : Schwann, 1954. 284 s.
6. Красина Е.А., Перфильева Н.В. Основы филологии: лингвистические парадигмы : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА: Наука, 2016. 408 с.
7. Фернандес Санчес Ю.В. Юмористический дискурс в испанской и баскской лингвокультурах: сопоставительный анализ : дис. ... канд. филол. наук. М. : РУДН, 2017. 173 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М. : Агентство «Файр», 1998. 349 с.
10. Чеснокова О.С. Колумбийская кухня глазами филолога // Латинская Америка. 2011. № 5. С. 87–96.
11. Чеснокова О.С. Мексиканская кухня: история, современность, языковая традиция // Латинская Америка. 2010. № 4. С. 86–98.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
13. Glissant E. Editorial // The UNESCO Courier. 1987. P. 3. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0007/000731/073178eo.pdf
14. Balutet N., Chesnokova O. *Como agua para chocolate* de Laura Esquivel: recepción crítica y traductológica // Revista do Curso de Letras da UNIABEU Nilópolis. 2013. Vol. 4, № 1. Jan.–Abr. P. 213–230.
15. Brulotte Ronda L., Di Giovine Michael A. Edible Identities: Food as Cultural Heritage. N.Y. : Routledge, 2016. 255 p.
16. Молчанова Г.Г. Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 9–19.
17. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации: семантико-семиотические характеристики // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: человек и его дискурс : сб. науч. тр. М., 2003. С. 167–201.
18. Соболев Л.Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. М. : Советский писатель, 1955. С. 270–290.
19. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7–13.
20. Соболев Л.Н. Пособие по переводу с русского языка на французский. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1952. 402 с.
21. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М. : ИМО, 1975. 240 с.
22. Pritchett V.S. El temperamento español. Barcelona : Gatopardo ediciones, 2015. 234 p.
23. Centro de Investigaciones Sociológicas. Identidades, actitudes y estereotipos en la España de las autonomías / Redacción: J.L. Sangrador García. Madrid : Rumagraf S.A., 1996. 201 p.
24. Фернандес Санчес Ю.В. Национально-культурная специфика баскской языковой картины мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 44–50.
25. Gastibeltsa A., Hartza I. Euskal Herria insólita: Una investigación patafísica de la cultura vasca para el siglo XXI. Donostia : Basandere Argitaletxea, 2004. 317 p.
26. Terol O. Todos nacemos vascos. Madrid : Penguin Random House Grupo Editorial España, 2005. 216 p.
27. Barrenetxea T. The Basque Table. Passionate Home Cooking from One of Europe's Great Regional Cuisine. Boston : Harvard Commons Press, 1998. 303 p.
28. Chistemania (электронный сборник анекдотов на испанском языке). URL: http://www.chistemania.com
29. El club de los chistes (электронный сборник анекдотов на испанском языке). URL: http://elclubdeloschistes.com/
30. Gracían B. El Criticon, Crisi XIII. Barcelona : Imprenta de María Angela Martí y Galí Viuda en la Plaza de San Jayme, 1757. 544 p.
31. Aiurri // Galarragatarrak: aita-semeak txiste kontalari eta kirolari. № 23.01.2015. URL: http://aiurri.eus/Amasa-Villabona/Albisteak/20150123/
32. Ondarra Tomás. De Bilbao ¡¡¡Ahivalahostia!!!. Bilbao : BAO Bilbao Ediciones, 2013. 175 p.
33. Chistes de vascos (электронный сборник анекдотов на испанском языке). URL: http://24flotilla.com
34. Txisteak (электронный сборник анекдотов на баскском языке). URL: http://blogak.eus/guzurtruk

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 февраля 2017 г.

SPANISH AND BASQUE GASTRONOMICAL THESAURUS THROUGH THE PRISM OF HUMOROUS DISCOURSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 50–58.
DOI: 10.17223/15617793/425/6

Olga S. Chesnokova, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru
Yulia V. Fernandez Sanchez, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: yulia.tarasenkova@yandex.ru

Keywords: gastronomical thesaurus; realia; humorous discourse; joke; linguistic world view; Spain; Basque Country; Euskera.

The article highlights a linguistic and cultural analysis of the Spanish and Basque gastronomic realia (culturally bound words) realization in humorous discourse. Being in an indissoluble centuries-old connection with the Spanish cultural environment, the poorly studied Basque linguocultural space is reconstructed and explained through the food code. The implementation of gastronomic realia in jokes is studied through the prism of regional specificity and historically conditioned contacts of the Spanish and Basque linguistic world views. The chosen line of the article is determined by the contemporary needs of philological scientific knowledge, which, within the framework of growing globalization, is inconceivable without resorting to an interdisciplinary study of culturally significant phenomena. Modern foreign languages teaching and translation studies demonstrate that deficient knowledge of linguocultural information not only impedes successful intercultural communication, but also greatly diminishes the quality of scientific, teaching and translation activities. One of the most efficient strategies for obtaining pragmatic or extra linguistic information is to appeal to

the linguistic world view, which is the key concept of anthropocentric research. Being conditioned by historical, cultural, geographical and other evolutionary factors, each linguistic world view is ethnically unique. The authors have chosen gastronomic fragments of the Spanish and Basque linguistic worldview as a direct subject of the study. The investigation strategy is determined by the fact that food intake is not only people's basic physiological need, but also one of the most important cultural everyday rituals that indicates the individual's belonging to a certain ethnic community. Gastronomic realia, defined by the authors as linguistic units denoting objects, phenomena and situations from the conceptosphere "food", which are peculiar to a specific language community and which are absent in other linguistic cultural environments, represent a significant source of information about the national and cultural specifics of the Spanish polyethnic nation. The study of the gastronomic thesaurus acquires special significance in relation to the modern language situation in Spain, where there is much tension around the issues of the national and ethnic identity and forms of its manifestation. While analyzing the representation of gastronomic realia in humorous discourse and reconstructing fragments of the Spanish linguistic culture environment, the authors find reasonable to single out the regional linguistic world view (for example, the Basque linguistic worldview, the Catalan linguistic worldview, etc.) that are closely related to the universal Spanish linguistic world view. The appeal to the Basque gastronomic thesaurus as part of the Basque linguistic worldview has been inspired by the insufficient study of this issue both in Russian and foreign philology.

REFERENCES

1. Kovshova, M.L. (2016) *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [Linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture]. 3rd ed. Moscow: LENAND.
2. Igartua, I. & Zabaltza, X. (2012) *Euskararen historia laburra. Breve historia de la lengua vasca* [A Brief History of the Basque Language]. San Sebastián: Etxepare Euskal Institutua.
3. Chesnokova, O. & Talavera-Ibarra, L.P. (2016) El diálogo de lenguas y culturas en la toponimia vasca [The dialogue of languages and cultures in Basque toponymy]. *Ibero-amerikanskie tetradi*. 2 (12). pp. 72–76.
4. Chesnokova, O.S. (2006) *Ispanskiy yazyk Meksiki: Yazykovaya kartina mira* [The Spanish language of Mexico: Language picture of the world]. Moscow: PFUR.
5. Weisgerber, L. (1954) *Von den Kräften der deutschen Sprache* [From the power of the German language]. Vol. 2. Düsseldorf: Schwann.
6. Krasina, E.A. & Perfil'eva, N.V. (2016) *Osnovy filologii: lingvisticheskie paradigmy* [Fundamentals of Philology: linguistic paradigms]. Moscow: FLINTA: Nauka.
7. Fernandes Sanches, Yu.V. (2017) *Yumoristicheskiy diskurs v ispanskoy i baskskoy lingvokul'turakh: sopostavitel'nyy analiz* [Humorous discourse in the Spanish and Basque linguocultures: comparative analysis]. Philology Cand. Diss. Moscow.
8. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
9. Mechkovskaya, N.B. (1998) *Yazyk i religiya* [Language and religion]. Moscow: Agentstvo "Fayr".
10. Chesnokova, O.S. (2011) Kolumbiyskaya kukhnya glazami filologa [Colombian cuisine in the eyes of a philologist]. *Latinskaya Amerika*. 5. pp. 87–96.
11. Chesnokova, O.S. (2010) Meksikanskaya kukhnya: istoriya, sovremennost', yazykovaya traditsiya [Mexican cuisine: history, modernity, language tradition]. *Latinskaya Amerika*. 4. pp. 86–98.
12. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
13. Glissant, E. (1987) Editorial. *The UNESCO Courier*. May. pp. 3. [Online] Available from: http://unesdoc.unesco.org/images/0007/000731/073178eo.pdf.
14. Balutet, N. & Chesnokova, O. Somo agua para chocolate de Laura Esquivel: recepción crítica y traductológica [We Drink Water for Chocolate by Laura Esquivel: critical reception and translation]. *Revista do Curso de Letras da UNIABEU Nilópolis*. 4:1 (Jan.–Abr). pp. 213–230.
15. Brulotte, R.L. & Di Giovine, M.A. (2016) *Edible Identities: Food as Cultural Heritage*. N.Y.: Routledge.
16. Molchanova, G.G. (2013) Traditsii gastiki kak otrazhenie natsional'noy i regional'noy identichnosti [Traditions of gastics as a reflection of national and regional identity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*. 2. pp. 9–19.
17. Olyanich, A.V. (2003) Gastronomicheskiy diskurs v sisteme massovoy kommunikatsii:semantiko-semioticheskie kharakteristiki [Gastronomic discourse in the system of mass communication: semantic-semiotic characteristics]. In: Sorokin, Yu.A. & Zheltukhina, M.R. (eds) *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: chelovek i ego diskurs* [Mass culture at the turn of the 21st century: people and their discourse]. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
18. Sobolev, L.N. (1955) O perevode obraza obrazom [On the translation of image by image]. In: Rossel's, Vl. (ed.) *Voprosy khudozhestvennogo perevoda* [Questions of literary translation]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
19. Kretov, A.A. & Fenenko, N.A. (2013) Lingvisticheskaya teoriya realii [Linguistic theory of reality]. *Vestnik VGU. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 1. pp. 7–13.
20. Sobolev, L.N. (1952) *Posobie po perevodu s russkogo yazyka na frantsuzskiy* [A guide to translating from Russian into French]. Moscow: Izd-vo lit. na inostr. yaz.
21. Barkhudarov, L.S. (1975) *Yazyk i perevod. Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda* [Language and translation. Questions of general and special theory of translation]. Moscow: IMO.
22. Pritchett, V.S. (2015) *El temperamento español* [The Spanish temperament]. Barcelona: Gatopardo ediciones.
23. Sangrador García, J.L. (ed.) (1996) *Identidades, actitudes y estereotipos en la España de las autonomías* [Identities, attitudes and stereotypes in the Spain of the autonomies]. Madrid: Rumagraf S.A.
24. Fernandes Sanches, Yu.V. (2016) Cultural and National Specifity of the Basque Language World Picture. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 3. pp. 44–50. (In Russian).
25. Gastibeltsa, A. & Hartza, I. (2004) *Euskal Herria insólita: Una investigación patafísica de la cultura vasca para el siglo XXI* [Euskal Herria Unusual: A pataphysical investigation of Basque culture in the 21st century]. Donostia: Basandere Argitaletxea.
26. Terol, O. (2005) *Todos nacemos vascos* [We are all born Basques]. Madrid: Penguin Random House Grupo Editorial España.
27. Barrenetxea, T. (1998) *The Basque Table. Passionate Home Cooking from One of Europe's Great Regional Cuisine*. Boston: Harvard Commons Press.
28. *Chistemania* (an electronic collection of jokes in Spanish). [Online] Available from: http://www.chistemania.com.
29. *El club de los chistes* (an electronic collection of jokes in Spanish). [Online] Available from: http://elclubdeloschistes.com/.
30. Gracían, B. (1757) *El Criticon, Crisi XIII* [The Criticon. Crisi XIII]. Barcelona: Imprenta de María Angela Martí y Galí Viuda en la Plaza de San Jayme.
31. Aiurri. (2015) Galarragatarrak: aita-semeak txiste kontalari eta kirolari [Galarraga: father-son storyteller and athlete]. *Aiurri*. 23 January. [Online] Available from: http://aiurri.eus/Amasa-Villabona/Albisteak/20150123/Galarragatarrak:_aita-semeak_txiste_kontalari_eta__kirolari.
32. Ondarra, T. (2013) *De Bilbao ¡¡¡Ahi va la hostia!!!* [From Bilbao there goes the host]. Bilbao: BAO Bilbao Ediciones.
33. *Chistes de vascos* (an electronic collection of jokes in Spanish). [Online] Available from: http://24flotilla.com.
34. *Txisteak* (an electronic collection of jokes in the Basque language). [Online] Available from: http://blogak.eus/guzurtruk.

Received: 12 February 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 59–65. DOI: 10.17223/15617793/425/7

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.17

В.А. Ачкасов

«ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Предпринята попытка дать ответы на вопросы: Почему русская крестьянская революция была возглавлена партией, ориентированной воинствующе западнически, враждебно настроенной против крестьянства как традиционалистской силы и ставящей цель свершения мировой социальной революции? Почему большевикам удалось осуществить политическую мобилизацию народов национальных окраин Российской империи?

Ключевые слова: крестьянская революция; национальное самоопределение; вопрос о земле; политическая мобилизация.

Со времен Баррингтона Мура-младшего в западной историографии (в отличие от историографии советской) устойчивым стало представление о том, что в России (как и в Китае) имела место не пролетарская, а крестьянская революция. Крестьянство, писал американский социолог, «под воздействием новых тягот и лишений, которым подвергал ее современным мир, обеспечило главную разрушительную силу революции, опрокинувшей старый порядок и вытолкнувшей эти страны в современную эпоху под властью коммунистических режимов, чьими жертвами в первую очередь стало крестьянство» [1. С. 13].

Русская революция в самом деле чрезвычайно парадоксальна. Являясь, по точной оценке С. Франка, «восстанием крестьян, победившей и до конца осуществленной всероссийской пугачевщиной» [2. С. 212], (т.е. мощным всплеском архаики), она была возглавлена небольшой дисциплинированной партией, ориентированной воинствующе западнически, враждебно настроенной против крестьянства как традиционалистской силы и ставящей цели свершения мировой социальной революции. Однако эта партия была неразрывно связана с российской интеллигентской политической традицией, более того, стала ее экстремальным выражением. Н.А. Бердяев писал в эмиграции, явно имея ввиду большевиков: «Русская революционная интеллигенция лишена была всякого национального чувства и национального сознания. Но в ней были характерно русские национальные свойства. Они истребляли Россию, но истребляли по-русски. Русский нигилизм был русским национальным явлением. Но он истреблял наше национальное бытие» [3. С. 90].

Известно, что крестьянские восстания, как правило, не имеют позитивной программы, альтернативного проекта будущего или, как писал К. Маркс, крестьяне не способны проводить свои классовые интересы самостоятельно. Поэтому большинство крестьянских протестных движений относятся к типу «направляемых политических движений» (Т. Шанин), когда «крестьянство может быть «использовано» (т.е. преднамеренно втянуто обманным путем в какое-то движение, чуждое его интересам), либо его могут «повести к достижению его собственных целей», однако само определение «целей» осуществляется по усмотрению лидеров, находящихся в качественно отличном от крестьян положении. Интересы и позиции крестьян – это лишь один из факторов, принимаемых в расчет» [4. С. 274]. Именно поэтому, как констатирует современный американский исследователь Э. Гулднер, «отчуждение крестьянства в нашу эпоху никогда не приводило к низвержению старого государственного аппарата и к принципиальному перераспределению собственности, если крестьянство не вступало в союз с интеллектуалами и не оказывалось под их политическим и культурным руководством» [5. С. 12].

Однако почему именно большевики, в конце концов, оказались лидерами этой крестьянской революции?

По справедливому замечанию Э. Каррер д`Анкос, после февраля 1917 г. в стране наблюдался, «с одной стороны, рост национального самосознания и желание народов, по крайней мере, в первое время построить отношения с Россией на новой основе, с другой – очевидная неспособность Временного правительства дать адекватный ответ на запросы масс» [6. С. 178]. Действительно, крестьяне в шинелях уже не могли принять лозунг «Война до победного конца!». Прав британский историк Орландо Фигес, утверждающий, что «основательней, чем что бы то ни было, летнее наступление (1917 г. – *В.А.*) повернуло солдат к большевикам, единственной партии, бескомпромиссно стоявшей за скорейший конец войны» [7. P. 409]. Народ, вооруженный российским имперским государством, стал величайшей угрозой для самого его существования. «Земельный вопрос, тлевший в мирное время, встал во весь рост в 1917 г., когда массы осознали, что война не может быть выиграна, – считает И.Г. Яковенко. – Обращение на барские и удельные земли было естественной в глазах сельского “мира” компенсацией в ситуации проигранной войны. Если власть не обрела новых земель, а забрала миллионы крестьянских жизней, царизм и его слуги (помещики) должны были расплатиться своими землями. Так русский крестьянин понимал справедливость» [8. С. 146]. Поэтому крестьяне, одетые в солдатские шинели, массово уходили по домам, делить землю.

В свою очередь, национальные движения, поднявшиеся на окраинах империи, не могли принять провозглашенную Временным правительством цель сохранения «единой и неделимой России». Правда, дискриминация инородцев была осуждена, а 22 марта 1917 г. был опубликован специальный акт об отмене

вероисповедных и национальных ограничений. Автономия Царства Польского и Великого княжества Финляндии восстановлена, а в июне Временное правительство передало часть властных прерогатив и Украинской Центральной Раде, «де факто» признав тем самым «национальный» принцип в качестве одной из основ территориального деления страны. Однако члены правительства готовы были признать права национальностей на территориальную автономию скорее теоретически, нежели способствовать их реализации на практике. Временное правительство скорее «было заинтересовано в реорганизации системы управления по кадетской схеме, делавшей упор на культурно-автономистские инициативы и областное, а не "национальное", самоуправление – это не только позволяло избежать формирования собственно наций со своими территориями и законодательными собраниями, но и не требовало значительных расходов» [9. С. 214]. Представители правого крыла меньшевиков и эсеров, позднее вошедших во Временное правительство, также придерживались «оборонческих» позиций и откладывали решение «национального вопроса» до созыва Учредительного собрания. В резолюции Первого Всероссийского съезда Советов меньшевики и эсеры, которые обладали большинством голосов, предлагали Временному правительству принять декларацию «О признании за всеми народами права самоопределения, вплоть до отделения, осуществляемого путем соглашения во всенародном Учредительном собрании». Таким образом, съезд высказался против попыток разрешения национальных вопросов до Учредительного собрания явочным порядком, путем обособления от России отдельных ее частей[1].

Однако всякая, даже малая уступка новой власти требованию, исходящему от национального движения одного народа, вызывала цепную реакцию аналогичных требований, что серьезно дестабилизировало обстановку в стране. И.Г. Яковенко назвал это «имперской ловушкой»[2]. Большевики воспользовались сложившейся ситуацией, объявив себя сторонниками немедленной реализации права наций на политическое самоопределение. Еще на Апрельской Всероссийской конференции РСДРП (б) делается заявление о полном равноправии всех наций и признается право на отделение Польши, Финляндии и Украины. А.Г. Авторханов, проследив эволюцию взглядов В.И. Ленина по вопросу национального самоопределения, выделяет в ней четыре этапа, справедливо отмечая, что переход к каждому новому этапу связан с радикализацией революционного процесса: 1-й этап – признание «права на самоопределение без его гарантий» (от II съезда РСДРП (1903) до Апрельской 1917 г. Всероссийской конференции партии); 2-й этап – самоопределение «с гарантией государственного отделения даже для Украины» (апрель–июнь 1917 г.); 3-й этап – выдвигается идея федерализации России, создания союза свободных республик (I съезд Советов, июнь 1917 г.); 4-й этап – захват власти, провозглашение РСФСР – начало «истории нового типа колониальной империи» [11. С. 29].

В целом следует признать, что центральная власть в Петрограде и чем дальше, тем больше, отставала от стремительного развертывания событий в стране вокруг решения «национального вопроса», особенно применительно к процессу национализации армии. «Желание "национализации" армии скоро стало навязчивой идеей почти всех скороспелых националистов, заслонив собой культурно-автономистсике планы», – констатирует В.П. Булдаков [12. С. 146].

В сентябре 1917 г. в Киеве на Конгресс народов России собрались 93 делегации. Они представляли практически все крупные этнические и национальные группы страны, за исключением поляков и финнов. «И хотя Конгресс выступил за создание в России демократической федеративной республики, было ясно, что национальные интересы берут верх. В национальных движениях быстро распространялись радикалистские настроения… Не случайно на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 года большинство нерусских жителей страны проголосовало за свои национальные партии» [13. С. 97, 99]. Не взяло на себя Временное правительство ответственность за решение вопроса о земле, ключевого для российского крестьянства.

Поэтому проблема социально-экономического и национально-государственного переустройства России стала прерогативой политических партий и движений, в первую очередь левого, радикального толка, в том числе и на национальных окраинах империи, поскольку их лозунги и программы в большей степени «резонировали» с противоречивыми устремлениями масс. А. Миллер отмечает, что «в 1916–1917 гг. и позднее появилась очень важная возможность у украинских левых партий "продавать" национальную программу вместе с социальной. То есть они говорят о земле и говорят, что вопрос о земле будет решен в украинском государстве. И это очень важно, так как возникают новые способы пропаганды украинской идеи через вызывающий очень большую отзывчивость у крестьян мотив земельного вопроса» [14. С. 212]. Поэтому в национальных движениях постепенно возобладали левонационалистические доктрины, связанные либо с народничеством, либо с марксизмом. При этом стоит напомнить, что в украинском национальном движении рубежа XIX–XX вв. в Российской империи вообще никто не говорил о политическом самоопределении, кроме радикалов (Д. Донцов и др.), которые рассматривались в самом движении как маргиналы. И только мировая война и революция поставили проблему «незалежности» на повестку дня. Отвечая на обвинения в украинском сепаратизме, редактор московского журнала «Украинская жизнь», социал-демократ Симон Петлюра в статье «Война и украинцы» (1916 г.) призывал украинцев защитить «общий дом» и уверял, что слухи об украинском сепаратизме не соответствуют действительности [15. С. 210–214]. Правда, уже весной 1917 г. группа украинских социал-демократов, в которую входили В. Винниченко, С. Петлюра, Н. Порш и др., стали обосновывать необходимость украинской автономии по-марксистски: автономия необходима для развития производительных сил края, а потому она является «неотложным делом украинского рабочего класса». Вместе с тем все более популярной становилась идея национализации армии.

Однако, как отмечают историки, до начала 1918 г. все переговоры с центральным правительством в Петербурге велись о большей или меньшей автономности в составе демократической федеративной России, но никак не о независимости [14. С. 214].

Поэтому только разгон большевиками Учредительного собрания в январе 1918 г. придал ускорение распаду имперского пространства. «К февралю (1918 г.) независимость провозгласили Финляндия, Эстония, Литва, Украина и Молдавская республика (Бессарабия), в марте – Белоруссия, в апреле Закавказская Федерация. В Туркестане, Казахстане, Башкирии, Северном Кавказе еще в конце 1917 года была провозглашена территориальная автономия» [13. С. 99]. На быстрый распад империи серьезным образом повлиял внешний фактор (германская оккупация, позднее – интервенция держав Антанты), как и начавшаяся Гражданская война. Таким образом, конец 1917 – первая половина 1918 г. были не временем «триумфального шествия советской власти», как писалось в советских учебниках «Истории КПСС», а скорее «триумфального шествия национал-сепаратизма».

Подводя некоторый итог революционным событиям 1917 г., историк В.П. Булдаков пишет: «Революционные массы не понимают “сложностей” переструктурирования системы, особенно если инициативы реформаторства исходят от культурно чуждых элит по заведомо запоздалым или чуждым низам сценариям. Зато радикалы охотно пользуются плодами неудач новых верхов. В таких условиях толпы легко находят своих “настоящих” вождей среди тех, кто нацелен на “углубление революции”. Для последних наступает поистине звездный час…» [9. С. 265].

Именно партия большевиков сумела осуществить синтез традиционных русских ценностей и социально-экономического модерна, воссоздав в результате новую модификацию Российской империи. «Наследник народнической традиции и ее ревизионист, Ленин предложил объединить “прогрессивный авангард” и “отсталое крестьянство” на пути к российской революции. Вести крестьянство в цивилизацию будущего – такова была радикально новая версия внутренней колонизации», – утверждает А. Эткинд [16. С. 322]. Только прагматизм лидеров партии и их убежденность в том, что Россия всего лишь первый плацдарм мировой пролетарской революции, могут объяснить те шаги большевиков, которые противоречили их программе, однако привели к массовой политической мобилизации крестьянства и «нацменов».

Речь идет не столько о «Декрете о мире», хотя и он был выражением чаяний миллионов «крестьян в шинелях», сколько о «Декрете о земле». При этом важно было не столько то, что декрет стал практической реализацией программного требования другой партии (социалистов-революционеров)[3], сколько то, что он осуществлял вековую мечту российского крестьянина – «черный передел», т.е. раздел общей земли между теми, кто на ней работает «по справедливости» – по едокам. Как представляется, именно этим можно объяснить нейтралитет большинства и даже активную поддержку частью крестьянства новой большевистской власти и даже политики «военного коммунизма» что, в свою очередь, обеспечило победу в Гражданской войне.

«Русские крестьяне с готовностью приняли большевистский лозунг непримиримой классовой борьбы не только потому, что хотели отобрать землю у помещиков, – писал евразиец П. Сувчинский, – немалую роль сыграло стремление освободиться от чуждого и непонятного народу культурного слоя» (цит. по: [17. С. 165]). Причем беднейшее российское крестьянство нередко хотело, прежде всего, завладеть помещичьими владениями представителей иной этнической принадлежности.

Примерно тоже писали о причинах политического успеха большевиков Н. Бердяев, Г. Федотов, С. Франк, позднее – Б. Мур-младший и др. Так, Б. Мур, в частности отмечал: «Среди крестьян у большевиков не было реальной опоры. Но, будучи единственной партией, лишенной каких-либо связей с существующим строем, они могли позволить себе временную уступку требованиям крестьян ради захвата власти. Они поступили так во время революции и после хаоса Гражданской войны. Впоследствии большевики решили заняться теми, кто привел их к власти, и загнали крестьян в коллективные хозяйства, чтобы сделать их основной базой и жертвой социалистической версии первоначального накопления капитала» [1. С. 431].

В то же время некорректно было бы говорить о крестьянах как главной движущей силе «национальных революций» на окраинах распавшейся империи. Россию в начале XX в., напоминает И.Г. Яковенко, «населял чисто средневековый народ, отвергавший секулярное сознание и неспособный к осознанию мира вне эсхатологической перспективы» [8. С. 153–154]. Поэтому скорее имело место использование крестьянских восстаний и бунтов «за хлеб и волю!» этнополитическими элитами в интересах национального самоопределения.

Можно назвать и ряд других обстоятельств, обеспечивших победу большевиков в Гражданской войне. Это и упование на быстрый крах власти Советов, и бездарная крестьянская политика или полное отсутствие таковой со стороны антибольшевистских сил[4]. Это и восприятие белых армий как антинародных, которые, как и красные, обратились к массовому террору поскольку они ассоциировались со старым поверженным политическим строем, здесь сохранялись порядки русской императорской армии, а поддержку они получали от стран Запада и др. Более того, парадоксальным образом большевики-интернационалисты были вынуждены выполнять в ходе Гражданской войны роль «защитников Отечества» (вспомним мобилизующий лозунг того времени «Социалистическое Отечество в опасности!»), поскольку их противниками были не только белые армии, но и союзные им войска интервентов (Германии, Великобритании, Франции, США и Японии) Кроме того, под вопрос ставилось само существование российского государства.

Теоретически «пролетарская» идентичность большевистского режима исключала возможность его национальной идентификации, так как пролетарский интернационализм исключает национализм. Однако

программа РСДРП(б) признавала право наций на самоопределение, вплоть до отделения и формирование самостоятельного национального государства. Уже первые документы нового Советского государства – Декрет о мире и Декларация прав народов России (15 ноября 1917 г.) – провозглашали: 1. Равенство и суверенность народов России. 2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. 4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [18. С. 20–21][5]. В свою очередь, тезис о федеративном устройстве Российской Советской Республики был официально провозглашен в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа», принятой III Всероссийским съездом Советов 25 января 1918 г. вместе с Постановлением «О федеральных учреждениях Российской республики» [Там же. С. 39–40]. В составе Совета народных комиссаров был образован Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), который возглавил И. Сталин. Наркомнацу ставились следующие задачи:

1) обеспечение мирного сожительства и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также и договорных дружественных советских республик;

2) содействие их материальному и духовному развитию применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния;

3) наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти [19].

Это, казалось бы, противоречило стратегическим целям партии. Но надо специально отметить, что большевики не считали политическое самоопределение наций самоцелью. Национализм, в их понимании, был ложной буржуазной идеологией, позволяющей правящим классам скрывать классовый раскол в обществе. Поддержка самоопределения была лишь средством, необходимым на первом этапе социалистической революции для того, чтобы снизить недоверие и враждебность рабочих и крестьян разных национальностей друг к другу и создать фундамент для их последующего интернационального объединения на классовой основе для успешной борьбы с буржуазным строем.

Большевики прагматически относились как к марксистской теории, так и к требованиям своей партийной программы. Использовав идею национального самоопределения для разрушения Российской империи, они, после захвата власти, не торопились признавать независимость и суверенитет возникших на национальных окраинах империи государств. Более того, они смотрели на этот процесс «суверенизации» как на заговор национальной буржуазии, стремящейся сохранить господство над своими трудящимися и изолировать их от революционного русского пролетариата. Поэтому, не колеблясь, они принимают решения о помощи «братьям по классу».

Так, когда в Финляндии социал-демократы попытались организовать вооруженное восстание в январе 1918 г. (кстати, уже после признания независимости этой страны правительством В.И. Ленина), они тотчас же получили поддержку Советской России. Уже 1 марта было подписано соглашение с Финляндской Социалистической Рабочей республикой, но «буржуазные националисты» призвали германские войска... и с социалистической Финляндией было покончено. Весьма сходно события развивались в Эстонии, Латвии, на Украине и в Белоруссии, где только наступление германских войск прервало «победное шествие советской власти».

Закавказье, отделенное от РСФСР Добровольческой белой армией, сохраняло независимость дольше, вплоть до поражения белого движения на юге России. Однако уже в феврале 1921 г. было покончено с последним независимым государством Закавказья – Грузинской республикой. В 1920 г. Красная армия оккупировала оба бывших российских протектората в Средней Азии – Хивинское ханство и Бухарский эмират.

Поэтому явной натяжкой было бы утверждение (которое ранее делали авторы «Смены вех», а ныне российские коммунисты и некоторые русские националисты), что большевики просто эксплуатировали лозунг «мировой революции» ради решения «имперской задачи» – восстановления распавшейся Российской государственности. С.М. Сергеев пишет сегодня, что: «синтез традиционных русских ценностей и социально-политико-экономического модерна сумела осуществить партия, считавшаяся предельным воплощением антинационального духа. Она создала и новую модификацию Российской империи, где в рамках наднациональной общеимперской идеологии “старшему брату” был дозволен строго ограниченный ими культурный (но не политический) национализм» [20]. Здесь, как представляется, ближе к истине были евразийцы, которые писали: «...хотя восстановление империи было результатом деятельности стоявших у власти коммунистов, выработку “основных форм политического бытия” следует приписать народной стихии, а не коммунистам, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями» [21. С. 399]. Отсюда и инверсионное восстановление имперского идеократического мироощущения, окончательно укоренившегося в «сталинский период» советской истории. Поэтому очень сомнительно, что мысли о воссоздании российской империи приходили на ум Ленину и его ближайшим соратникам. Они прилагали огромные усилия к захвату Закавказья, Украины, Финляндии или Белоруссии, оказывали помощь революциям в Венгрии и Германии, организовывали поход против «панской Польши» потому, что рассматривали эти и другие территории как части будущей всемирной социалистической республики.

Даже в последней ленинской работе «Лучше меньше, да лучше» (1923 г.) перед СССР ставится цель «продержаться вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах». В. Ленин неоднократно возвращается к мучительному для него вопросу: «Удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности, до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое

развитие к социализму?» [22. С. 397]. Таким образом, противоречит фактам утверждение о том, что Ленин, разработав «новую экономическую политику», отложил в «долгий ящик» или даже отказался от идеи мировой пролетарской революции и заменил её планом построения социализма в СССР. На самом деле Ленин считал НЭП лишь видоизменением методов борьбы за мировую революцию, «заслуга» же творческой доработки плана «строительства социализма в одной стране» принадлежит И. Сталину, однако осуществлять этот план на практике он стал только в конце 1920-х гг.[6]

Важно подчеркнуть, что значительная часть коренного населения национальных окраин была солидарна с фантастическими планами большевиков. Война Советской России на периферии былого Российского государства в то время не воспринималась как «война русских с нерусскими». «Большинством населения, несмотря на националистическую пропаганду местных правительств, она была пережита как война классовая, как война бедняков против богатеев, пролетариев – против владельцев имущества, тех, кто владел собственностью, с теми, кто желал обладать ею. Пафос интернационализма являлся не просто идеологическим лозунгом большевистских вождей, но действительным состоянием умов миллионов обитателей бескрайней бывшей Империи. Только приняв это утверждение, сможем мы объяснить победу большевиков в Российской революции, победу, которая не в малой степени ковалась этническими инородцами» [24. С. 138]. Признавал это и И. Сталин, который писал, что «Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи» [25. С. 47]. Как представляется, именно многонациональность России, пестрота ее этнического и культурного «ландшафта» обусловили то, что идеологией модернизации страны стал интернационалистский большевизм, а не национализм (как это было ранее в странах Западной Европы). Именно поэтому представляется сомнительным суждение о том, что «формирование наций из этносов, ранее не имевших даже общего этнического самоназвания»… было вовсе не «подарком» революции «ранее угнетенным» народам, а платой за поддержку, оказанную ими интернациональным строителям новой империи [9. С. 12].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов объяснял постфактум, почему его партия не реализовала программную цель – предоставления национальным меньшинствам территориальной автономии: «Кадетская партия, со времен самодержавия привыкшая себя чувствовать и мыслить как “государственная”, глубоко централистическая партия, не могла не бороться изо всех сил против всякого шага на пути к децентрализации России, производимой по национальному признаку. Для нее это было ослаблением государственного единства. [Эсерам] надо было выбирать: или союз с ищущими эмансипации “негосударственными” национальностями, и тогда разрыв с кадетской партией; или сохранение коалиции с кадетской партией, и тогда – отчуждение и вражда с украинцами, белорусами, национальностями Прибалтийского края, Кавказа, Башкирии, Туркестана и т.д. <…> Сохранение их коалиции в правительстве вело лишь к их взаимной нейтрализации, т.е. к параличу творческой деятельности правительства» [10. С. 354].

[2] «Имперская ловушка – безвыходная ситуация, в которую попадает политическая элита угасающей империи. С одной стороны, удержание приращенных территорий требует чрезмерных ресурсов, с другой – отпускание любой из таких территорий несет в себе опасность прецедента, ведущего к коллапсу» [8. С. 218]. Во второй половине 1980-х гг. в «имперскую ловушку» попала и правящая элита Советского Союза.

[3] Так, лидер эсеров утверждал, что «проект социализации земли» большевики, «доведя до абсурда, – повернули… в бессмертную заслугу самим себе» [10. С. 352].

[4] «Главный, более того, единственный вопрос, который глубоко волновал душу крестьянства, который заслонял собой все прочие явления и события, – вымученный, выстраданный веками: Вопрос о земле», – писал в «Очерках русской смуты» генерал А. Деникин, сам ничего не сделавший для решения этой проблемы. Сменивший его генерал Врангель пообещал крестьянам землю, но ему уже никто не верил.

[5] «Советская идеология уравнивала всех, и в этом заключалась одна из причин победы большевиков в гражданской войне», – пишет сегодня И.Г. Яковенко [8. С. 241].

[6] Л. Троцкий считал теорию социализма в отдельной стране, поднявшуюся на дрожжах реакции против Октября, единственной теорией, последовательно и до конца противостоящей его теории перманентной революции, и утверждал, что в данном случае имеет место искажение ленинского вывода о возможности победы социалистической революции и построения социализма в отдельно взятой стране, который был сделан Лениным еще до Октябрьской революции. После установления Советской власти, – продолжает Троцкий, – Ленин считал, что с точки зрения внутренних политических условий в нашей стране было все необходимое для построения социалистического общества. К важнейшим из них он относил союз пролетариата с крестьянством, взятие пролетариатом власти, переход в руки Советского государства всех крупных средств производства и др. [23. С. 287, 427]. Действительно, в 1923 г. Ленин писал следующее: «Нам… не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки» [22. С. 405].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира / пер. с англ под науч. ред. Н. Эдельмана. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 488 с.
2. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 207–226.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л. : Лениздат, 1991. 440 с.
4. Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире / сост. Т. Шанин ; под ред. А.В. Гордона. М. : Изд. группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 269–278.
5. Гулднер Э. Будущее интеллектуалов и восхождение Нового класса // Рубежи. 1997. № 4. С. 3–39.
6. Каррер д`Анкосс Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М. : РОССПЭН, 2010. 367 с.
7. Figes O. People`s Tragedy: A History of the Russian Revolution. London : Jonathan Cape, 1996. 923 p.
8. Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. 2-е изд. М. : Новый хронограф, 2008. 320 с.
9. Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М. : Новый хронограф, 2010. 1096 с.
10. Чернов В.М. 1917 год: народ и революция // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М. : Книга, 1991. С. 337–360.

11. Султыгов А.-Х. Большевизм и национальный вопрос // Вестник российской нации. 2017. № 2. С. 8–84.
12. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. 376 с.
13. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с.
14. Касьянов Г., Миллер А. Россия – Украина: Как пишется история. Диалоги. Лекции. Статьи. М .: РГГУ, 2011. 306 с.
15. Петлюра Симон – главный атаман. В плену несбыточных надежд / под ред. М. Поповича, В. Мироненко. М. ; СПб. : Летний сад, 2008. 479 с.
16. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
17. Люкс Л. К вопросу об истории идейного развития «первой» русской эмиграции // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 158–169.
18. Декреты Советской власти. М. : Политиздат, 1957. 640 с.
19. Чеботарева В.Г. Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики. 1917–1924 гг. М. : Обществ. Акад. наук рос. немцев, 2003. 852 с.
20. Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века. URL: http://www.portal-slovo.ru/history/39051.php?ELEMENT_ID=39051&PAGEN_1=2 (дата обращения: 10.06.2017).
21. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М. : Русская книга, 1992. 430 с.
22. Ленин В.И. «Лучше меньше да лучше» // Полн. собр. соч. М. : Изд-во полит. лит., 1970. Т. 45. 718 с.
23. Троцкий Л.Д. Что же такое перманентная революция? (Основные положения) // Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М. : Политиздат, 1991. С. 284–288.
24. Зубов А.Б. Плюрализм тоталитарности // Полис. 1993. № 6. С. 135–144.
25. Сталин И. Вопросы Ленинизма. 11-е изд. М. : Госполитиздат, 1952. 611 с.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 19 июля 2017 г.

THE “PROLETARIAN REVOLUTION” AND THE NATIONAL SELF-DETERMINATION OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN EMPIRE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 59–65.
DOI: 10.17223/15617793/425/7
Valeriy A. Achkasov, Saint Petersburg State Univwersity (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: val-achkasov@yandex.ru
Keywords: peasant revolution; national self-determination; land issue; political mobilization.

The key aim of the article is to answer two questions: (1) Why was the Russian peasant revolution headed by a party that oriented militantly to the West, hostile to the peasantry as a traditionalist force and aiming to accomplish the world proletarian revolution? (2) Why did the Bolsheviks manage to carry out political mobilization of the peoples of the national peripheries of the Russian Empire? In the interpretation of historical material, the author uses the methodology of social constructivism. As a result, the author comes to a conclusion that only the pragmatism of the leaders of the party, their conviction that Russia is only the first springboard of the world proletarian revolution, can explain the Bolshevik steps that contradicted their program, but led to mass political mobilization of the Russian peasantry and representatives of other peoples of Russia. Firstly, it is not so much about the Decree on Peace, although it was an expression of the aspirations of millions of “peasants in greatcoats”, but rather about the Decree on the Land. It was important that this document fulfilled the age-old dream of the Russian peasant – “black redistribution”, i.e. a fair division of the common land between those who work on it. It seems that this can explain the neutrality of the majority and even the active support of part of the peasantry of the new Bolshevik government and even of the “war communism” policy, which, in turn, ensured victory in the Civil War. Secondly, it is also important to emphasize that a significant part of the indigenous population of the national borderlands was in solidarity with the fantastic plans of the Bolsheviks. The Civil War on the periphery of the Russian Empire was not perceived as a “war of Russians with non-Russians”. By the majority of the population, despite the nationalist propaganda of local governments, it was perceived as a class war, like the war of the poor against the rich, the proletarians against property owners, property owners against those who wanted to own it. Moreover, the Bolsheviks, who used the idea of national self-determination to destroy the Russian Empire, after the seizure of power, did not hurry to recognize the independence and sovereignty of the states that emerged at the national periphery of the empire. They looked at this process of “sovereignization” as a conspiracy of the national bourgeoisie, striving to retain domination over its workers and to isolate them from the revolutionary Russian proletariat. It seems that Russia’s multinationality, the diversity of its ethnic and cultural “landscape” largely determined the fact that the ideology of social modernization of the country was internationalist Bolshevism, not nationalism, as it occurred earlier in Western Europe.

REFERENCES

1. Moore, Jr., B. (2016) *Sotsial’nye istoki diktatury i demokratii: Rol’ pomeshchika i krest’yanina v sozdanii sovremennogo mira* [Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World. Boston, MA: Beacon Press]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.
2. Frank, S.L. (1990) Iz razmyshleniy o russkoy revolyutsii [From Reflections on the Russian Revolution]. *Novyy mir*. 4. pp. 207–226.
3. Berdyaev, N.A. (1991) Filosofiya neravenstva: Pis’ma k nedrugam po sotsial’noy filosofii [Philosophy of Inequality: Letters to Foes on Social Philosophy]. In: Berdyaev, N.A. & Frank, S.L. *Russkoe zarubezh’e. Iz istorii sotsial’noy i pravovoy mysli* [Russian Abroad. From the history of social and legal thought]. Leningrad: Lenizdat.
4. Shanin, T. (1992) Krest’yanstvo kak politicheskiy faktor [Peasantry as a political factor]. In: Gordon, A.V. (ed.) *Velikiy neznakomets: krest’yane i fermery v sovremennom mire* [The great stranger: peasants and farmers in the modern world]. Moscow: Izd. gruppa “Progress” – “Progress-Akademiya”.
5. Guldner, E. (1997) Budushchee intellektualov i voskhozhdenie Novogo klassa [The Future of Intellectuals and the Ascent of the New Class]. *Rubezhi*. 4. pp. 3–39.
6. Carrère d’Encausse, H. (2010) *Evraziyskaya imperiya: Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney* [The Eurasian Empire: History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Translated from French. Moscow: ROSSPEN.
7. Figes, O. (1996) *People’s Tragedy: A History of the Russian Revolution*. London: Jonathan Cape.
8. Yakovenko. I.G. (2008) *Rossiyskoe gosudarstvo: natsional’nye interesy, granitsy, perspektivy* [The Russian state: national interests, borders, prospects]. 2nd ed. Moscow: Novyy khronograf.
9. Buldakov, V.P. (2010) *Khaos i etnos. Etnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.: usloviya vozniknoveniya, khronika, kommentariy, analiz* [Chaos and ethnos. Ethnic conflicts in Russia, 1917–1918: conditions of occurrence, chronicle, commentary, analysis]. Moscow: Novyy khronograf.

10. Chernov, V.M. (1991) 1917 god: narod i revolyutsiya [1917: people and revolution]. In: Iskhakov, S.M. (ed.) *Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoy revolyutsii 1917 g.* [The country is dying today. Memories of the February Revolution of 1917]. Moscow: Kniga.
11. Sultygov, A.-Kh. (2017) Bol'shevizm i natsional'nyy vopros [Bolshevism and the national question]. *Vestnik rossiyskoy natsii*. 2. pp. 8–84.
12. Buldakov, V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow: ROSSPEN.
13. Bordyugov, G.A. (2011) *"Voyny pamyati" na postsovetskom prostranstve* ["Memory Wars" in the post-Soviet space]. Moscow: AIRO-XXI.
14. Kas'yanov, G. & Miller, A. (2011) *Rossiya – Ukraina: Kak pishetsya istoriya. Dialogi. Lektsii. Stat'i* [Russia – Ukraine: How the story is written. Dialogues. Lectures. Articles]. Moscow: RSUH.
15. Popovich, M. & Mironenko, V. (eds) (2008). *Petlyura Simon – glavnyy ataman. V plenu nesbytochnykh nadezhd* [Petlyura Simon is the chief ataman. In the captivity of unrealistic hopes]. Moscow; St. Petersburg: Letniy sad.
16. Etkind, A. (2014) *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. 2nd ed. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
17. Lyuks, L. (1992) K voprosu ob istorii ideynogo razvitiya "pervoy" russkoy emigratsii [On the History of the Ideological Development of the "First" Russian Emigration]. *Voprosy filosofii.* 6. pp. 158–169.
18. Valk, S.N. et al. (eds) (1957) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet government].Moscow: Politizdat.
19. Chebotareva, V.G. (2003) *Narkomnats RSFSR: svet i teni natsional'noy politiki. 1917–1924 gg.* [The People's Commissariat of Nationalities of the RSFSR: the light and shadow of national policy. 1917–1924]. Moscow: Obshchestv. Akad. nauk ros. nemtsev.
20. Sergeev, S.M. (n.d.) *Russkiy natsionalizm i imperializm nachala XX veka* [Russian nationalism and imperialism of the early twentieth century]. [Online] Available from: http://www.portal-slovo.ru/history/39051.php?ELEMENT_ID=39051&PAGEN_1=2. (Accessed: 10.06.2017).
21. Isaev, I.A. (ed.). (1992) Evraziystvo. Opyt sistematicheskogo izlozheniya [Eurasianism. The experience of a systematic description]. In: *Puti Evrazii. Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii* [The Ways of Eurasia. Russian intelligentsia and the fate of Russia]. Moscow: Russkaya kniga.
22. Lenin, V.I. (1970) "Luchshe men'she da luchshe" ["Better less but better"]. In: *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. Vol. 45. Moscow: Izd-vo polit. lit.
23. Trotskiy, L.D. (1991) *K istorii russkoy revolyutsii* [To the history of the Russian revolution]. Moscow: Politizdat. pp. 284–288.
24. Zubov, A.B. (1993) Plyuralizm totalitarnosti [Pluralism of totalitarianism]. *Polis*. 6. pp. 135–144.
25. Stalin, I. (1952) *Voprosy Leninizma* [Questions of Leninism]. 11th ed. Moscow: Gospolitizdat.

Received: 19 July 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 66–73. DOI: 10.17223/15617793/425/8

УДК 316.23

С.А. Батуренко

РАЗВИТИЕ ФЕМИНИСТСКИХ ИДЕЙ В РАМКАХ НЕОКАНТИАНСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ XIX – НАЧАЛА XX в.: Л.И. ПЕТРАЖИЦКИЙ, В.М. ХВОСТОВ

Рассматриваются развитие феминистских идей в работах представителей неокантианского направления русской социологии XIX – начала XX в. Льва Иосифовича Петражицкого и Вениамина Михайловича Хвостова. Проблема положения женщин вызывала живой интерес у представителей самых разных направлений социологической науки в России. Одним из наиболее актуальных вопросов и одновременно наименее изученным является рассмотрение перспективы зарождения феминистских идей в рамках неокантианского направления русской социологии. В числе методов данного исследования используются наиболее традиционные для истории социологии: метод интерпретации и реконструкции теорий, основных идей и направлений на основе анализа первоисточников.

Ключевые слова: феминистская социология; женский вопрос; русская социология; неравенство полов; социальное положение женщины; Л.И. Петражицкий; В.М. Хвостов.

Интерес к «женскому вопросу» и феминизм как политическое и социальное движение, берущее начало еще в конце XVIII в. в Европе, имеют долгую историю. По мнению некоторых специалистов, началом этого явления следует считать более ранний период времени, а именно XIV в., время возникновения «спора о женщинах» в работе французского поэта, писательницы и историка Кристины Пизанской «Книги о граде женском» (1405 г.). Феминистская социология как современное направление появляется во второй половине XX в. Являясь новой междисциплинарной областью социологического знания, она активно развивается, однако ее предметная область в настоящее время остается дискуссионной. В зарубежной научной литературе сложилось представление (убеждение), что в социологии первые работы, посвященные истории женских движений, в том числе и истории российского движения, принадлежат западным ученым. Вместе с тем многие современные дискуссии этого направления получили развитие и в отечественной социологии. В советской период, после успехов марксистского феминизма, в отечественной социологии такой научный интерес развивался слабо, что можно объяснить преобладанием марксистско-ленинской идеологии, в соответствии с которой освобождение женщин связывалось с неизбежной сменой капиталистического строя социалистическим. Таким образом, до 90-х гг. XX в. «женский вопрос» не являлся в строгом смысле серьезной научной проблемой. Принято считать, что только с 90-х гг. в отечественной социологии наблюдается обращение ученых к этой теме. Однако следует отметить, что проблема положения женщин вызывала живой интерес у представителей самых разных направлений социологической науки в России еще в период ее становления в XIX – начале XX в.: позитивистского, неопозитивистского, субъективной социологии, генетической, неокантианской, марксистской, географического направления.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что осмысление женского вопроса в России началось значительно раньше, а именно еще в первой половине XIX в., о чем свидетельствует огромное количество книг и статей по данной проблематике. «Женский вопрос» выражен в контексте русской культуры, он широко раскрывается в русской литературе в работах известных писателей, поэтов, публицистов, философов. В историю развития феминистских идей в России вошли имена таких авторов, как А.И. Герцен, Л.Н. Толстой, Н.Г. Чернышеский и др. Известного в середине XIX в. литературного критика М.Л. Михайлова называют автором первого манифеста русского феминизма [1]. Также можно отдельно говорить и о русских философах данного периода, разрабатывающих проблему женского равноправия в своих трудах и во многом определивших общее направление развития отечественной социологии.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание на проблему развития феминистских идей в работах первых русских социологов самых разных направлений и социологических школ. Среди этих ученых можно назвать имена таких, как Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876) – представитель географического направления в социологии [2–5], Сергей Николаевич Южаков (1849–1910) – представитель субъективной социологии [6, 7], Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – основатель генетической социологии [8–10], Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) [11, 12] и Владимир Ильич Ленин (1870–1924) [13, 14] – представители марксистского направления, Питирим Александрович Сорокин (1889–1968) – представитель неопозитивистской социологии [15]. Среди представителей неокантианского направления, уделявших внимание данной проблеме, известны имена таких ученых, как Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931) [16, 17], Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) [18–21]. В данной статье нам бы хотелось остановиться на проблеме неравенства между полами и женской эмансипации, разработанной в рамках неокантианского направления русской социологии двумя известными ее представителями – Л.И. Петражицким и В.М. Хвостовым.

Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931) считается основателем русской школы психологии права и такой отрасли современной социологии, как социология права. Он является одним из известных социологов неокантианского направления и ученых-правоведов. Л.И. Петражицкий окончил юридический факультет Университета Св. Владимира в Киеве, после чего продолжил образование в Германии, где познакомился с набиравшей популярность молодой психологической наукой. Затем он достаточно быстро, в

34 года, становится профессором Петербургского университета и возглавляет кафедру энциклопедии и философии права, а в 38 лет был избран деканом юридического факультета. Л.И. Петражицкий являлся научным руководителем студенческого кружка, в состав которого входили будущие известные социологи Г. Гурвич, П. Сорокин, Н. Кондратьев и др. Также с 1918 г. ученый был профессором и руководителем кафедры Варшавского университета. Кроме того, Л.И. Петражицкий известен и как политический деятель – депутат I Государственной Думы. «В Государственной Думе Петражицкий стал видным деятелем конституционно-демократической фракции: один из ведущих экспертов и ораторов фракции по земскому вопросу, член комиссий – по проверке прав членов Думы, по составлению Наказа, о неприкосновенности личности, аграрной, редакционной, по гражданскому равенству. За его подписью на рассмотрение Думы поступили законопроекты “О гражданском равенстве” и “О собраниях”» [22. С. 25].

Из воспоминаний учеников профессора Л.И. Петражицкого известно, что его лекции пользовались большим успехом не только у студентов первого курса, но и у студентов старших курсов юридического факультета, а также студентов других факультетов. Огромное количество посторонних слушателей посещали его лекции, пользуясь тем, что вход в университет в 1905–1907 гг. был свободным. Л.И. Петражицкий был одним из авторов «Выборгского воззвания», опубликованного группой членов Государственной Думы, в результате чего еще он больше оказался в центре внимания и приобрел значительный авторитет среди своих студентов. В период до Октябрьской революции и лекции, и печатные научные труды ученого пользовались большим успехом. После революции Л.И. Петражицкий уехал в Польшу для работы в Варшавском университете, отчетливо понимая, что его психологическая школа права стала реакционной и не могла иметь основы для существования в Советском Союзе.

Деятельность ученого во многих областях науки трудно переоценить. Его идеи прочно вошли в современные учебники по праву, психологии, социологии. Социологические идеи содержатся в разных работах автора, таких как «Очерки теории права» (1900), «Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология» (1905), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1909–1910), «Акционерная компания» (1898), «Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов» (1911), «О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях» (1904) и др. Основными проблемами, разрабатываемыми автором, являлись проблемы философии права, отношений права и нравственности и роли эмоций в правовом поведении человека. Теоретической основой его исследований явился синтез позитивизма и идеализма.

Широко известен его огромный вклад в развитие теории права, вместе с тем содержание теории, которую сам ученый называл психологической теорией права, выходит за границы и психологии, и права. Петражицкий пополнил науку новыми категориями, междисциплинарными связями, оригинальными подходами к исследованию таких явлений, как нравственный идеал, взаимодействия нравственности и права. Ученый открыл ранее не изученные проблемы в поле новой науки, какой была социология на рубеже XIX–XX вв.

Вместе с тем одна из областей деятельности и разработки идей великого ученого нечасто находит внимание современных социологов – это проблема женской эмансипации. Две работы автора напрямую посвящены данному вопросу: «О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г. Пг., 1915», позже преобразованная в работе «О пользе политических прав женщин» (1907) [16, 17].

6 июня 1906 г. на заседании I Государственной Думы профессор Л.И. Петражицкий выступил с речью о женском равноправии. Первая Государственная Дума стремилась проводить изменения эволюционно, мирными средствами, вместе с тем, известно, что вопрос о равноправии женщин не находил согласия со стороны оппозиционных партий. Каждая из партий рассматривала отдельные вопросы, касающиеся права женщин на образование, гражданского или избирательного права. Учитывая тот факт, что о полном равноправии вопрос не ставился, программа Л.И. Петражицкого была слишком передовой и смелой, при этом только приближающая российское общество идеалу равенства.

Русское женское взаимно благотворительное общество подало ученому петицию, послужившую поводом для данного выступления. Опираясь на этот документ, Петражицкий назвал главные требования членов общества, подписавших петицию. Основными положениями, выносимыми на рассмотрение Думы, были требования устранения бесправного положения в среде крестьян восточной России, равенства в области наследственного и публичного права, права на образование, право избирать и быть избранными и право на занятие государственных должностей.

Л.И. Петражицкий в своем выступлении в Государственной Думе отмечал, что даже при условии установления законного равенства женщин в управлении, государственной службе, народном представительстве, это не обязательно или даже вовсе не будет означать достижения полного равенства между мужчинами и женщинами по причине господства предрассудков и эгоистических интересов. Называя свои требования скромными и умеренными, ученый выступает за устранение устоявшейся традиции как одного из факторов неравенства, являющегося формально юридическим препятствием на пути осуществления равенства и справедливости.

На *первое место* Л.И. Петражицкий ставит устранение гражданского неравенства, особенно в области наследственного права для женщин, обращая при этом также внимание слушателей на сложности положения крестьянства по данному вопросу. Ученый приводит доказательства неравенства, установившегося в данной области права: «...дочь при наследовании вместе с сыновьями после отца или матери получает только 1/14 недвижимого и 1/8 движимого имущества, а в боковых линиях женщины, при наличности мужчин, например, сестры при братьях и т.д., ничего не получают. Эти законы находятся в таком про-

тиворечии с современною правовою совестью, что порядочный человек не станет пользоваться ими, что порядочный сын не захочет получить в четырнадцать раз более, чем его сестра» [16. С. 7]. Особое внимание Петражицкий обращает на необходимость изменения сложного положения женщин среди крестьянства восточной части России, где господствовали установки примитивного родового быта и общинного строя, предлагая при этом действовать осторожно, без внезапной и насильственной ломки прежнего порядка.

Вторая часть, составляющая требования, касается публичного права, предполагающая открытие доступа женщин к образованию, в том числе высшему университетскому, и к занятию государственных должностей. В данных сферах, по мнению ученого, искусственно создавалось безвыходное и крайне бедственное положение. Петражицкий утверждал, что «существующие помехи для достижения женщинами образования, препятствия для достижения исполнения высших, более тонких, требующих образования функций и для образованных женщин ведут не только к не использованию, то есть к растрате большей части народных сил, способностей и талантов, но и к тому, что женщины наименее зажиточных и просвещенных классов встречают в области своего, более скромного труда конкуренцию со стороны тех женщин, которые могли и должны были бы исполнять иные общественные функции» [Там же. С. 10]. Ученый называет сложившуюся ситуацию серьезным социальным бедствием и подчеркивает, что она создается искусственно.

Третьим пунктом, названным социологом более важным и одновременно наиболее радикальным, является требование о предоставлении женщинам избирательных прав. Петражицкий с уверенностью ссылается на Джона Стюарта Милля, утверждавшего свою точку зрения о необходимости предоставления женщинам избирательных прав еще в середине XIX в. Русский социолог идет дальше убеждений Милля, высказывая свое мнение о необходимости и желательности занятия женщинами политикой. Он пишет: «Я нахожу, что желательно, чтобы женщины занимались политикой, и чем больше они будут ей заниматься, тем лучше для государства, общества и прогресса, – говорил Петражицкий. – Заниматься политикой – значит заботиться об общем благе; интересоваться политикой – значит интересоваться не шкурными своими интересами, эгоистичными, а интересами общего блага» [Там же. С. 11–12].

Л.И. Петражицкий выступал за развитие «высшей человеческой этики», которая опиралась бы не на интерес к себе, а на интерес к ближнему своему и общему благу. Ученый предлагал продвигать вперед культуру путем воспитания в духе общественности. Под культурой он понимает не обладание знаниями, а выработку особого народного характера со склонностью людей к заботе об общем благе, общих интересах. Только создание такой культуры рассматривается автором в качестве основы для будущих преобразований общества с целью осуществления «великого идеала человеческого братства, и свободной работы всех на пользу общую. Это путь для осуществления социального идеала» [Там же. С. 13]. Женский вопрос интересовал Петражицкого именно с позиций собственного представления о социальном идеале: «Предоставление женщинам политических прав и возложение на них политических обязанностей и ответственности – это могучее средство насаждения общественности в высоком смысле слова, высшей психики и культуры, это средство заставить людей оставить эгоистическую узость интересов и поднять их на более высокую ступень общественной точки зрения – радения об общем благе» [16. С. 14]. Ученый полагал, что наиболее важным является интерес женщин общественными делами, поскольку они также смогут передать этот интерес своим детям, которые впитают в себя общественную культуру и смогут быть полезными для блага всего общества.

Следует отметить, что профессор Л.И. Петражицкий был одним из первых ученых, не только изучающих проблему женского равноправия в российском обществе, но и активно предлагающий ее практическое решение на государственном уровне. Идеи ученого были передовыми для своего времени, а потому их решение не могло быть простым и немедленным. В Думе не успели рассмотреть предложенный проект закона о равноправии для женщин. Требования, представленные на заседании Государственной Думы в 1906 г., были воплощены позже на другой теоретической основе (марксистской), в 1917 г. Временным правительством, и юридически закреплены в первой советской Конституции 1918 г.

Неокантианство в русской социологии, представителем которого был Л.И. Петражицкий, позволило увидеть принципиальное отличие социального познания, состоявшее в уникальности и неповторимости изучаемого объекта. Главной задачей неокантианской методологии был поиск адекватных средств, позволяющих сделать индивидуальное доступным пониманию. Одной из ведущих тем социальных исследований становятся проблема обновления правовых отношений и правовая личность. Ученые-правоведы начала XX в., разделяющие идеи неокантианства, приходили к единому мнению в своем отношении к праву как к процессу творческого созидания. «Женский вопрос» был большой составной частью общей проблемы – неудовлетворительного состояния правосознания в обществе, и являлся одной из главных причин кризисных явлений. С точки зрения русских правоведов и социологов неверное представление роли правовых норм в общественной жизни являлось результатом неадекватного представления о праве как социальном институте. Ученые подчеркивали, что право – единственная дисциплинирующая социальная система, на основе которой возможно достижение социального порядка.

Другим известным русским социологом, разрабатывающим проблему женского равноправия, был Вениамин Михайлович Хвостов (1868–1920) – известный русский историк и правовед, социолог неокантианского направления. Он является автором работ по теории права, теории исторического процесса, по женскому вопросу, вопросам духовной культуры, этики, методологии социального познания. Область научных интересов В.М. Хвостова была обширной:

общая теория права, римское право, методология истории, психология, политика, этика, закономерности общественной жизни, теория и метод в социологии. Большое значение ученый придавал необходимости соединения эмпирических и теоретических разработок и сам принимал активное участие в конкретных социологических исследованиях, которые проводились Институтом социальной психологии, созданным в 1910 г.

После Февральской революции В.М. Хвостов преподавал на Высших женских курсах и Высших женских юридических курсах в Народном университете А.Л. Шанявского, читал лекции по женскому вопросу и проблемам эмансипации, выражая свои либеральные взгляды. Русский социолог являлся непримиримым критиком позитивистских направлений в науке, к которым причислял и марксизм. Критическое отношение к позитивизму и марксизму было характерно и для первых представителей феминистской теории в социологии на западе, что объединяет их с русскими социологами неокантианского направления. Для В.М. Хвостова социология была одной из наук «о духе», поскольку, по его мнению, социальный мир состоит из психических взаимодействий. Общество и личность, по убеждению социолога, следует рассматривать в их жизненном единстве, где решающую роль играет духовное.

Особый интерес для социолога представляла проблема эмансипации женщин, описанная преимущественно в работах: «Женщина накануне новой эпохи» (1906) [18], «О равноправии женщин» (1911) [19], «Женщина и человеческое достоинство» (1914) [20] и «Женщина в обновленной культуре» (1917) [21]. В данных работах социолог обосновал законность эмансипации женщин, выступая при этом против морали «двойных стандартов». Рассматривая личность как социокультурное образование, ученый утверждал, что общество и культура формируют даже такую физиологическую характеристику человека, как пол. Будучи последовательным идеалистом, соответствующим образом он трактовал различные материальные стороны и условия общественной жизни, все, что сам называл «телом общества»: географическую территорию и ресурсы, половые и расовые особенности человека, материальную культуру и технику. В.М. Хвостов являлся одним из прогрессивных мыслителей своего времени, отмечавших необходимость изменения социальной несправедливости, связанной с положением женщин в обществе. Ученый начинает исследование данной проблемы с анализа исторических причин подчиненного положения женщин.

В.М. Хвостов считал, что в общественных науках в целом «женскому вопросу» отводится недостаточно внимания при обсуждении современного положения вещей. «Что касается меня, то я считаю вопрос о равноправии женщин одним из самых важных социальных вопросов нашего времени, даже важнейшим, стоящим наряду с вопросом о положении рабочих классов» [19. С. 3]. Более того Хвостов пишет: «...все другие вопросы, выдвигаемые современностью, стоят в более или менее непосредственной зависимости от разрешения женского вопроса» [21. С. 16].

Ученый исходит из рассмотрения объективных причин подчиненного положения женщин, вытекающих, по его мнению, из самой «природы вещей». Сочетание определенных социально-экономических условий предопределяло существующее положение. Однако поводом к пересмотру служат изменение данных условий, обстоятельств, социальных причин и формирование новых отношений. Хвостов анализирует две основные причины, повлиявшие на становление подчиненного положения женщин. Первая прчина – это экономическая система и соответствующие ей социальные отношения, в которых главное значение имели физическая сила и храбрость. Две основных составляющих социальной жизни указывают на этот факт: физический характер труда и война с необходимой функцией защиты. Женщина оказывалась в подчиненном положении, как более слабая по природе, вынужденная уступить мужчине. Но в начале XX в. условия изменились в связи с развитием промышленности, техники, усовершенствованием способов решения конфликтов без войн, улучшением возможности доступного для всех передвижения. Все это способствовало большему влиянию общественного мнения. Хвостов подчеркивает выдвижение на первый план духовного фактора, складывающегося под влиянием силы мысли и убеждения, и более сплоченного общественного мнения. Общая тенденция развития предстает как утрата значения физической силы и преобладания силы духовной, а вместе с тем исчезает и один из устоев длительного подчиненного положения женщин.

Второй социальной причиной, по мнению В.М. Хвостова, стали существующие политические условия. Население, состоящее из «подданных», а не из «граждан», не являлось активным участником в политических вопросах, в большей степени это касалось женщин, которым отводилась роль воспитателя таких «подданных», выполняющих свою функцию в пределах дома. Изменение политического режима неравенства и несвободы на режим конституционный, бессословный способствовало разрушению еще одного основания подчиненного положения женщин. Русский социолог подчеркивал особое несправедливое положение женщин по сравнению с мужчинами в обществе, несоответствующее ее достоинству как человеческой личности. Речь при этом шла не только о женщинах в России, но и в мире в целом. К такому выводу ученый приходит на основании анализа политической и гражданской правовой сферы различных стран. Отсутствие полного равноправия между мужчинами и женщинами затемняется внушаемыми женщинам убеждениями об их опосредованном влиянии на политическую жизнь через обаяние и интриги, что в реальности не всегда соответствует действительности и противоречит их человеческому достоинству. По мнению ученого, состояние политического и гражданского права в известной степени отстает от изменившейся социальной реальности, оставаясь под влиянием пережитков старого времени, что сказывается на общественном положении женщин и является слишком заметной несправедливостью.

Отдельного внимания заслуживает такой вопрос, как положение женщин в сфере труда и образования.

В начале XX в. эта проблема привлекала внимание наиболее прогрессивных мыслителей не только неокантианского направления, отмечающих гендерное неравенство в этой сфере. В.М. Хвостов писал о меньшем, в сравнении с мужчинами, количестве профессий, открытых для женщин, а также о неравенстве вознаграждения в сфере труда. Анализируя ситуацию, сложившуюся в системе образования в различных странах, русский ученый замечает преимущественное положение мужчин, поддерживаемое правительствами государств. В качестве примера профессий, имеющих ограничения для женщин, рассматриваются юридические (нотариусы, адвокаты), журналистские (редакторы), медицинские [19. С. 48]. Вместе с тем складывается противоречивая ситуация, поскольку государства выстраивают одинаковую политику по отношению к обязанностям мужчин и женщин, например, в системе налогообложения и уголовной ответственности.

Являясь большим специалистом в области права, Хвостов отмечает и особый взгляд законодателей на женщину, приводя в пример различие в отношении и высказываниях о женщинах-бродягах, а также двойную мораль и двойные стандарты в области супружеских отношений (измены, убийства супругов) [Там же. С. 50]. Ученый подчеркивает, что выступает за признание женщин полноправными гражданками, уничтожение несправедливых законодательных норм, а не за устранение всех возможных различий между полами и установление полной идентичности между мужчинами и женщинами. Автор убежден в том, что «свободная женщина будет ценить достоинства, присущие специально женской психике, ведя в то же время упорную борьбу с женскими недостатками. Она не будет отказываться от своего пола, но, напротив, будет настаивать на признании своей самобытности и на движении к ней» [21. С. 31].

Следует рассмотреть трактовку ученым «женского характера» и вообще половых ролей и отличий, тщательно разработанную в его трудах. В.М. Хвостов признает, что на протяжении веков в политической и культурной сфере общественной жизни преобладал мужчина, при этом деятельность женщины не выходила за пределы семейной, бытовой, родовой сферы. Вместе с тем всегда наблюдалось заметное желание женщин изменить существующее положение вещей. Уже в начале XX в. такие действия оценивались двояко. С одной стороны, были те, кто выступал за сохранение господства мужчин, считая эмансипацию противоестественным явлением, действие которого обречено на неудачу, поскольку реализация этого действия, как утверждалось, предполагает снижение качества культурного развития. С другой стороны, выступали активные сторонники равноправия, подчеркивающие отсутствие важного социологического значения анатомического и физиологического различия полов. Представители этой точки зрения в качестве причин отмечали исключительно исторические условия, способствующие преобладанию грубой силы и права сильного в общественных отношениях, прогнозируя в будущем завоевание женщинами полного равноправия.

По мнению В.М. Хвостова, обе эти точки зрения не являются верными и даже приемлемыми направлениями для размышлений. Ученый утверждал, что для социологической науки, изучающей общественную жизнь, главными являются не анатомические и физиологические отличия индивидов, а базирующиеся на них различия психические и духовные. Именно различия духовные и психические представляются основной причиной неодинаковой роли полов в исторической жизни. Специфические социальные роли складываются на основе формирования психического характера женщины, связанного с функцией деторождения и воспитания детей. Данные процессы постоянно воспроизводятся и свидетельствуют о том, что и в будущем психический характер и роль женщины не могут быть и не будут идентичными характеру и роли мужчины.

Отмечая огромную зависимость и подчиненное положение женщины в общественной жизни: ограничение в правах на наследство, сложности в получении образования, отсутствие политических прав и другие, – женщина, утверждает В.М. Хвостов, внесла огромный вклад в появление и распространение культуры, значение которого очевидно. Признается, что именно женщина впервые занялась земледелием, изобрела кулинарию и гончарное дело, в первобытный период была врачом и воспитателем детей. Ученый предполагал, что в будущем объем женских ролей в общественной, политической и культурной жизни расширится, усматривая в этом объективную тенденцию. Внося в культурное развитие всех областей женское, усилится значение женского элемента, что в свою очередь преобразует культуру, бывшую по преимуществу мужской, и превратит ее в культуру общечеловеческую. Социолог был убежден в том, что феминизация культуры означает ее новое обогащение.

Одним из центральных понятий в области данной проблемы у социолога является категория «женский характер». Под характером вообще он понимает совокупность индивидуальных психических особенностей, которые базируются на общебиологической основе и определяют жизнь данного человека. В работе «Женщина и человеческое достоинство», за которой последовал ряд других работ, например «Женщина в обновленной культуре», автор пишет о поляризации женского и мужского характера. Описывая мужской характер, В.М. Хвостов замечает, что мужчина в человеческом роде является преимущественно представителем сознательного логического мышления, в то время как женщину отличает импульсивное, эмоционально-чувственное начало, основанное часто на мнимом подсознательном фундаменте, фантазиях и даже мистических суевериях [21]. Автор подчеркивает при этом единство человеческой психики, тождественность действия законов психической деятельности у женщин и мужчин, поясняя, что речь идет о выявленных статистических тенденциях и предрасположенностях. Особое внимание ученый обращает на необходимость учета этих тенденций социологами, поскольку не представляется возможным раскрыть социальную жизнь во всей ее полноте, без сочетания абстрактного мышления и чувственно-эмоциональ-

ного. «Наша современная культура, созданная по преимуществу руками мужчин, несомненно, грешит чрезмерной абстрактностью и рассудочностью. Мы создаем абстрактные схемы и планы, мы пишем абстрактные законы, и увлекаясь этой деятельностью, часто не замечаем реальной жизни с ее особенностями, которые отказываются вложиться без остатка в сухие схемы интеллекта, которая мучается и страдает в наложенных на нее тисках абстрактных построений. Упоенные часто только кажущейся мощью интеллекта, мы слишком мало считаемся с голосом чувства, и в конце концов сооружаем культурное здание, по внешности ослепляющее своим великолепием, но на самом деле холодное и неприютное для человеческой души, жаждущей любви и сострадания. Наступивший на наших глазах и разрешившийся мировой войной кризис культуры сам по себе достаточно подтверждает и иллюстрирует все эти мысли» [21. С. 23–24]. Активное участие женщин в общественно-культурной работе внесет заметные коррективы и будет способствовать качественному улучшению социальной жизни в целом. В законах, например, несмотря на их суть как общих правил, предполагающих известную схематизацию жизни, увеличится элемент гибкости, дающей возможность при их применении в большей степени считаться с конкретными свойствами отдельных отношений.

Таким образом, основной вывод заключается в том, что главной детерминантой общественной жизни являются не анатомические, физиологические отличия и не историческое положение индивидов, а характер, в том понимании, которое предлагает русский социолог. Благодаря разработкам В.М. Хвостова, был поставлен и ряд вопросов, требующих дальнейших логических размышлений и научных наблюдений. Если для «женского характера» свойственны определенные наблюдаемые черты, такие как высокая эмоциональность, склонность к фантазиям, суевериям, преобладание подсознательной сферы и тому подобное, то возникает ряд вопросов. Например, насколько основные составляющие «женского характера» являются специфическими только для женщин, вопрос о возможности их изменения во времени, о проявлениях этих качеств в различных культурах и народах, об их внеисторичности и возможности трансформаций под влиянием различных условий и т.д.

Следует отметить, что социологическая мысль того периода не была единой в точке зрения при оценке этих свойств, высказывая сомнение в возможности четкого разделения некоторых психических качеств в соответствии с полом, что ставило под сомнение научность таких категорий, как «женский характер», «душа женщины». Вопрос о психологических и социальных особенностях между мужчинами и женщинами становится одним из актуальных как в психологии, так и в социологии. Тем не менее в начале XX в. научные данные в этой области были недостаточными и во многом противоречивыми. Возникали определенные сложности даже в изучении и интерпретации установленных наукой фактов, например о большей агрессивности мужчин, по сравнению с женщинами, поскольку требовался учет социально-исторических факторов, таких, например, как неравенство в разделении труда между полами в разных обществах и эпохах, накладывающее отпечаток на психические особенности полов и на образ их жизни.

В.М. Хвостов, изучая еще одну область данной проблемы, криминальную статистику, приходит к выводу о сравнительно более низкой преступности среди женщин, чем среди мужчин. Также ученый замечает более высокий уровень женской преступности в промышленных странах, чем в слаборазвитых, и в городах по сравнению с деревней. Опираясь на свои наблюдения, В.М. Хвостов приходит к выводу о возможном повышении уровня женской преступности, обусловленным выходом женщин за жесткие рамки семейной жизни в другие широкие сферы общественной жизни. Приведенные наблюдения и выводы ставят под вопрос историчность и социальность «женского характера» и некоторые внеисторические утверждения в концепции русского социолога.

Одним из важнейших прогнозов ученого было предположение о наступающей «феминизации культуры». Хвостов писал: «Женское влияние в культуре скажется неизменно шире и всесторонне и это поведет к большему выявлению в содержании культуры принципа любви, без которого никакая культура не имеет нравственной ценности» [21. С. 27]. Также ученый ставит вопрос и о возможности кардинального изменения женщины в связи с радикальной переменой в условиях жизни и деятельности. Тенденции изменения описываются автором как положительные, что связано с предоставлением женщинам большей свободы, имеющей облагораживающее воздействие. При этом социолог подчеркивает неизменность сути женской природы как существа эмоционального.

Прогнозы ученого, сделанные сто лет назад, частично оправдались, однако в настоящее время происходят процессы, которые трудно было предвидеть в начале прошлого столетия. Речь идет не только об изменении принципов разделения труда с учетом пола, носящим в настоящее время более гибкий характер, или отношений в семье, характеризующихся большим равноправием. Также заметное значение приобрела проблема трансформации норм поведения и культурных стереотипов, особенностей и последствий процессов маскулинизации женщин и феминизации мужчин.

В 90-е гг. XIX в. в русской социологии активно начинает развиваться неокантианское направление. В качестве предпосылок распространения этого научного направления можно говорить, во-первых, об общественных изменениях, начавшихся еще в середине века, во-вторых, об изменениях научного знания и философской мысли. Социология оказалась перед необходимостью разработки новой методологии социального познания. Решение возникающих проблем происходило через пересмотр средств, предлагаемых позитивизмом и классическим идеализмом. Натуралистические теории общества подвергаются критике, как и прежние представления об эволюции и прогрессе. Главной задачей для ученых-социологов становится преодоление кризиса культуры и науки. Кризису позитивистской методологии в социологии в значи-

тельной степени способствовало развитие исторической науки во второй половине XIX в. Одной из проблем, требующих решения в рамках социологии, становится проблема смысла истории. Широкий спектр вопросов складывается в сфере правовой деятельности и правовых отношений. Особенно актуальной областью социальных исследований в России становятся отношения между правом и нравственностью и связанная с этим разработка ряда фундаментальных категорий: природа права как социального института, обеспечивающего свободу индивида, автономия личности.

Ученые историки и юристы неокантианского направления (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий, А.С. Лаппо-Данилевсткий, В.М. Хвостов) обращаются к изучению естественного права как форме выражения базовых универсальных условий существования человека [22–25]. Под влиянием этих прогрессивных мыслителей происходит изменение взгляда на социальную реальность, которую они определяют как процесс психического взаимодействия индивидов. Категория общественного идеала наполняется новым смыслом и рассматривается в качестве абсолютного нравственного образования, существующего вне зависимости от исторических и социальных обстоятельств. Неокантианское направление в социологии, ведущая роль в котором принадлежала ученым правоведам и историкам, привело к переориентации социальной мысли в целом и позволило открыть новые возможности для развития научного познания и преобразования общественных отношений. Одной из важнейших проблем этих общественных отношений и являлась проблема положения женщин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории). М. : РИК Русанова, 1998. 408 с.
2. Щапов А.П. Влияние общественного миросозерцания на социальное положение женщины в России. Сочинения : в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 55–104.
3. Щапов А.П. Значение народной женщины в антропологическом и социальном развитии русской народности. Сочинения : в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 31–55.
4. Щапов А.П. Миросозерцание, мысль, труд и женщина в истории русского общества. Сочинения : в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1908. Т. 3. С. 431–605.
5. Щапов А.П. Положение женщины в России по до-петровскому воззрению. Сочинения : в 3 т. СПб. : Издание М.В. Пирожкова, 1906. Т. 2. С. 105–154.
6. Южаков С.Н. Социологические этюды. М. : Астрель, 2008. 1056 с.
7. Южаков С.Н. Женщина-избирательница: (К вопросу о реформе русского избирательного права). М. : Л.О. Крумбюгель и Н.Н. Худяков, 1906. 16 с.
8. Ковалевский М.М. Высшее женское образование // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 416–425.
9. Ковалевский М. Можно ли закрывать женщинам доступ в университеты? // Союз женщин. 1908. № 7-8. С. 10–15.
10. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 156 с.
11. Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М., 1974. 416 с.
12. Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. СПб. : Знание, 1909. 432 с.
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 42: Международный день работниц. С. 369. URL: http://uaio.ru/vil/42.htm (дата обращения: 13.06.2017).
14. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г. / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин о женском вопросе. М. : Политиздат, 1978. С. 97–103.
15. Сорокин П.А. Система социологии. М. : Астрель, 2008. 1003 с.
16. Петражицкий Л.И. О женском равноправии. Речь, произнесенная в Государственной Думе 6 июня 1906 г. Пг., 1915. 20 с.
17. Петражицкий Л.И. О пользе политических прав женщин. СПб., 1907. 16 с.
18. Хвостов В.М. Женщина накануне новой эпохи (Два этюда по женскому вопросу). М., 1906.
19. Хвостов В.М. О равноправии женщин. М., 1911.
20. Хвостов В.М. Женщина и человеческое достоинство: Исторические судьбы женщины. Природа женщины. Женский вопрос. М., 1914. 510 с.
21. Хвостов В.М. Женщина в обновленной культуре. М., 1917.
22. Анисимов О.В. Правоведы Петербургского университета в Государственной Думе Российской империи: исторический очерк. СПб. : ЛЕМА, 2016. 53 с.
23. Голосенко И.А. Субъективно-нормативная концепция П.И. Новгородцева и В.М. Хвостова // Социологическая мысль в России. Л., 1978. 448 с.
24. Кареев Н.И. Русские юристы-социологи: В.М. Хвостов // Кареев В.М. Основы русской социологии. СПб. : Лимбах, 1996. 368 с.
25. Козловский В.В., Голосенко И.А. История русской социологии XIX–XX вв. М. : Онега, 1995.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 8 ноября 2017 г.

DEVELOPMENT OF FEMINISTIC IDEAS WITHIN THE NEO-KANTIAN DIRECTION OF THE RUSSIAN SOCIOLOGY OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES: LEV PETRAZHITSKY, VENIAMIN KHVOSTOV

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 66–73.
DOI: 10.17223/15617793/425/8

Svetlana A. Baturenko, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: level_s@rambler.ru

Keywords: feministic sociology; women's issue; Russian sociology; gender inequality; social status of the woman; Lev Petrazhitsky; Veniamin Khvostov.

Based on the analysis of primary sources, the article discusses the study of the "women's issue" in the works of well-known lawyers, representatives of the Neo-Kantian direction of the Russian sociology of the 19th – early 20th centuries Lev Petrazhitsky (1867–1931) and Veniamin Khvostov. The "women's issue" as a complex of social problems, especially actively developed in the framework of feministic sociology, is an object of research in the modern western and domestic scientific thought. Now the subject area of feminist sociology is being developed, discussed and criticized. It is thought that this issue first arises in the Western Europe-

an social thought. In this article the author pays attention to the fact that the problem of women's position attracted keen interest of representatives of the most different directions of sociological science in Russia during its formation. The statement of the problem of inequality, overcoming of women's dependence, women's provision with rights in Russia differs from that in the West. The differences are caused by the historical and social development of society, formation of a system of law and religious consciousness. One of the most pressing and the least studied issues is consideration of the prospects of the birth of feminist ideas within Neo-Kantianism schools of Russian sociology. The author comes to a conclusion that the Neo-Kantian direction in sociology, the leading role in which belonged to academic lawyers and historians, led to a reorientation of the social thought in general and helped to open new opportunities for the development of scientific knowledge and transformation of social relations. One of the most important problems of these public relations was the problem of women's position. Petrazhitsky and Khvostov raise a number of important issues in the development of the problem, the possibility of a radical change in women in connection with a change in the conditions of life and activities in particular. Under the influence of progressive thinkers Petrazhitsky and Khvostov the view on social reality in general changes.

REFERENCES

1. Ayvazova, S.G. (1998) *Russkie zhenshchiny v labirinte ravnopraviya (Ocherki politicheskoy teorii i istorii)* [Russian women in the labyrinth of equality (Essays on political theory and history)]. Moscow: RIK Rusanova.
2. Shchapov, A.P. (1906) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova. pp. 55–104.
3. Shchapov, A.P. (1906) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova. pp. 31–55.
4. Shchapov, A.P. (1908) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova. pp. 431–605.
5. Shchapov, A.P. (1906) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Izdanie M.V. Pirozhkova. pp. 105–154.
6. Yuzhakov, S.N. (2008) *Sotsiologicheskie etyudy* [Sociological studies]. Moscow: Astrel'.
7. Yuzhakov, S.N. (1906) *Zhenshchina-izbiratel'nitsa: (K voprosu o reforme russkogo izbiratel'nogo prava)* [Woman-Voter: (On the issue of the reform of the Russian electoral law)]. Moscow: L.O. Krumbyugel' i N.N. Khudyakov.
8. Kovalevskiy, M.M. (1911) Vysshee zhenskoe obrazovanie [Higher education for women]. *Vestnik Evropy*. 6. pp. 416–425.
9. Kovalevskiy, M. (1908) Mozhno li zakryvat' zhenshchinam dostup v universitety? [Can universities be barred for women?]. *Soyuz zhenshchin*. 7–8. pp. 10–15.
10. Kovalevskiy, M.M. (2014) *Ocherk proiskhozhdeniya i razvitiya sem'i i sobstvennosti* [Essay on the origin and development of the family and property]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
11. Kollontai, A.M. (1974) *Iz moey zhizni i raboty* [From my life and work]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
12. Kollontai, A.M. (1909) *Sotsial'nye osnovy zhenskogo voprosa* [Social foundations of the women's issue]. St. Petersburg: Znanie.
13. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 42. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. [Online] Available from: http://uaio.ru/vil/42.htm. (Accessed: 13.06.2017).
14. Lenin, V.I. (1978) O zadachakh zhenskogo rabochego dvizheniya v Sovetskoy respublike. Rech' na IV Moskovskoy obshchegorodskoy bespartiynoy konferentsii rabotnits 23 sentyabrya 1919 g. [On the tasks of the women's labor movement in the Soviet Republic. Speech at the Fourth Moscow Citywide Non-party Conference of Working Women September 23, 1919]. In: Marx, K., Engels, F. & Lenin, V.I. *O zhenskom voprose* [On the women's issue]. Moscow: Politizdat.
15. Sorokin, P.A. (2008) *Sistema sotsiologii* [The system of sociology]. Moscow: Astrel'.
16. Petrazhitskiy, L.I. (1915) *O zhenskom ravnopravii. Rech', proiznesennaya v Gosudarstvennoy Dume 6 iyunya 1906 g.* [On women's equality. Speech delivered in the State Duma on June 6, 1906]. Petrograd: Tipografiya M. Merkusheva.
17. Petrazhitskiy, L.I. (1907) *O pol'ze politicheskikh prav zhenshchin* [On the benefits of women's political rights]. St. Petersburg: tipografiya B.M. Vol'fa.
18. Khvostov, V.M. (1905) *Zhenshchina nakanune novoy epokhi (Dva etyuda po zhenskomu voprosu)* [A woman on the eve of a new era (Two sketches on a woman's issue)]. Moscow: P.D. Putilova.
19. Khvostov, V.M. (1911) *O ravnopravii zhenshchin* [On the equality of women]. Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko.
20. Khvostov, V.M. (1914) *Zhenshchina i chelovecheskoe dostoinstvo: Istoricheskie sud'by zhenshchiny. Priroda zhenshchiny. Zhenskiy vopros* [Woman and human dignity: The historical fate of a woman. The nature of women. The woman's issue]. Moscow: Izdanie G.A. Lemana i B.D. Pletneva.
21. Khvostov, V.M. (1917) *Zhenshchina v obnovlennoy kul'ture* [A woman in an updated culture]. Moscow: Izd-vo prepodavateley Mosk. un-ta.
22. Anisimov, O.V. (2016) *Pravovedy Peterburgskogo universiteta v Gosudarstvennoy Dume Rossiyskoy imperii: istoricheskiy ocherk* [Lawyers of St. Petersburg University in the State Duma of the Russian Empire: a historical essay]. St. Petersburg: LEMA.
23. Golosenko, I.A. (1978) Sub"ektivno-normativnaya kontseptsiya P.I. Novgorodtseva i V.M. Khvostova [Subjective-normative concept of P.I. Novgorodtsev and V.M. Khvostov]. In: Chagin, B.A. (ed.) *Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii* [Sociological thought in Russia]. Leningrad: Nauka.
24. Kareev, N.I. (1996) Russkie yuristy-sotsiologi: V.M. Khvostov [.Russian lawyers-sociologists: V.M. Khvostov]. In: Kareev, V.M. *Osnovy russkoy sotsiologii* [Fundamentals of Russian sociology]. St. Petersburg: Limbakh.
25. Kozlovskiy, V.V. & Golosenko, I.A. (1995) *Istoriya russkoy sotsiologii XIX–XX vv.* [The history of Russian sociology of the 19th–20th centuries]. Moscow: Onega.

Received: 08 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 74–77. DOI: 10.17223/15617793/425/9

УДК 04.41.31

В.И. Зиновьева, Н.И. Наумова

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАЗАХСТАНА

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки образовательных организаций по проекту «Теоретико-методологические основы и междисциплинарные подходы в формировании этносоциального инклюзивного образовательного пространства вуза» (№ 28.8279.2017/8.9).

Освещается современный этап подготовки кадров социальных работников в вузах столицы Казахстана Астане, в частности в Евразийском национальном университете. Рассматриваются особенности построения образовательных модулей. Акцентируется внимание на организации проектирования и исследовательском подходе в обучении студентов, связи с практической социальной работой, запросами работодателей, что является важным показателем институционализации социальной работы.

Ключевые слова: кадры социальных работников; российско-казахстанские связи; обмен опытом; инклюзия; сотрудничество студентов.

Современный Казахстан – это динамично развивающаяся территория, включающая также и быстро изменяющееся образовательное пространство. Именно Казахстан предложил и воплощает в жизнь принципы евроазиатской государственной политики. В последние два с лишним десятилетия появилось немало специальностей и дисциплин в вузовском образовании, которые были востребованы экономической интеграцией со странами СНГ и ближайшими соседями, а также потребностями преодоления отставания от мирового уровня, среди которых менеджмент, социальная работа, защита информации и т.д. Укрепление российско-казахстанских связей в контексте формирования евразийского экономического пространства требует усиления сотрудничества также в гуманитарной области. В сентябре 2016 г. в Евразийском национальном университете был проведен научно-методологический семинар по теме «Формирование социальной устойчивости личности студентов и актуальные направления развития социальной работы в Казахстане и России», а после его завершения – круглый стол по теме «Перспективы развития подготовки социальных работников в Республике Казахстан и Российской Федерации» в Университете экономики, финансов и внешней торговли (г. Астана).

Оба мероприятия были организованы кафедрами социологии и социальной работы вузов Казахстана и кафедрой истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). В методологическом семинаре участвовали преподаватели и студенты, в ходе заседаний были заслушаны доклады и сообщения, состоялся обмен опытом по актуальным вопросам преподавания дисциплин, связи с практикой, групповом проектном обучении студентов, сопровождении в учебном процессе студентов с инвалидностью, была проведена ролевая игра студентов России и Казахстана по вопросам профессиограммы социальной работы.

Социальная работа относится к тем профессиям, цель которых состоит в смягчении внутренних противоречий в обществе, достижении согласия и благополучия. В постсоветский период возник устойчивый интерес молодежи к гуманитарному знанию, социальным наукам, что отражает потребность изменений в более позитивном направлении межличностного общения и межличностного взаимодействия в различных общественных институтах: семье, сфере деловых отношений, здравоохранении, досуге и пр. Во странах СНГ начались институционализация социальной работы и подготовка кадров социальных работников.

В исследовательской литературе активно обсуждается тема образовательного пространства как многоплановая, в том числе с точки зрения открытости образовательного процесса, и, как сферы образовательных услуг, которые делают доступными каналы образовательной информации, включая обмен опытом [1]. Вопросы профессионализации в социальной работе, обучении лиц с ограниченными возможностями также в настоящее время привлекают постоянное внимание специалистов, устроителей семинаров, конференций и т.п. [2, 3]. Идеология инклюзии, сформулированная в 60-е гг. XX в. в Швеции и Великобритании, стала популярной в России после ратификации Конвенции ООН о правах инвалидов в 2012 г. Принципы инклюзии о преодолении дискриминации и равноправии лиц с ограниченными возможностями посредством создания безбарьерной архитектурной среды нашли отражение в Постановлении Правительства Российской Федерации от 1.12.2015 г. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 гг. Реализация этой Программы позволит обучаться не только в средней школе, но и в вузах молодым людям, имеющим различные нозологии в соответствии со своими способностями [4]. В настоящее время в высших учебных заведениях России утверждаются планы мероприятий по обеспечению доступности образовательной среды и образовательного процесса для инвалидов. В ТУСУРе сопровождение лиц с ограниченными возможностями осуществляется с 2010 г. с образованием в структуре вуза самодеятельной организации студентов и преподавателей кафедры истории и социальной работы – Центра сопровождения студентов с инвалидностью (ЦеССИ).

В России прием на специальность «социальная работа» был открыт в 90-е гг. XX в., в Казахстане несколько позже, в 2000-е гг., в 20 университетах, в том

числе в столице страны – Астане – в трех вузах: Назарбаев Университете, Евразийском национальном университете (ЕНУ) и в Казахском университете экономики, финансов и международной торговли (на коммерческой основе). Назарбаев Университет – элитное учебное заведение, в котором обучение ведется на английском языке, оно имеет тесные связи с ведущими университетами США и Великобритании. В Евразийском национальном университете с 2004 г. на факультете социальных наук была организована кафедра социологии и социальной работы и начался прием в соответствии с двухуровневой системой образования – на бакалавриат и в магистратуру (по социологии). В университете действует система кредитов, ежегодных практик, налажен обмен с зарубежными специалистами, магистранты имеют право на зарубежные командировки сроком до 10 дней, в основном в университеты России.

Подготовка бакалавров социальной работы включает 8 модулей, из которых ведущим является модуль теории и практики социальной работы (27 кредитов). Изучение данного курса рассчитано на то, что студент будет способен применять понятия и категории профессиональной социальной работы на трех языках, освоит современные теории, концепции, принципы социальной работы, социальные технологии с тем, чтобы применять их в конкретной работе со случаем, в других формах и различных сферах жизнедеятельности. Кроме того, в рамках этого модуля обучающийся получит знания и сформирует основные подходы профилактики личной профессиональной деформации и эмоционального выгорания. По содержанию к этому направлению близок модуль «Психология социальной работы» (21 кредит), так как преподаваемые дисциплины создают у студентов представление о теориях, объясняющих поведение клиента, дополняют знания, полученные при изучении предыдущего модуля, учат студентов дифференцировать социальную работу с клиентами с учетом национально-культурного аспекта, индивидуально-психологических характеристик при проведении социального обслуживания, консультационной, посреднической, профилактической деятельности. Одной из целей этих модулей является формирование у бакалавров коммуникативных навыков, включая вербальные и невербальные средства, умение вести деловые переговоры, дискутировать по вопросам организации социальной работы.

Далее, по степени важности, выделяется модуль проектирования и исследований в социальной работе (24 кредита). Значимость этого направления трудно переоценить с точки зрения формирования у студентов подходов в исследовательской деятельности и применения ее результатов в практической социальной работе. В вузовском обучении чаще всего применяется субъектно-ориентированный (тезаурусный) подход, описанный В. Луковым, так как он позволяет разработать и осуществить небольшой проект в конкретные сроки, «воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению» [5. С. 37]. Метод социального проектирования, с точки зрения акмеологии, развивает как способность работать в команде, так и, что более важно, умение видеть, формулировать проблему и понимать логику ее поэтапного решения. Этот метод может быть реализован практически при изучении следующего модуля «Социальная работа с группами социального риска», который имеет две образовательные траектории: «социальная работа с семьей и детьми» и «социальная работа с взрослыми группами социального риска». Студенты, объединяясь в команды, смогут совместно координировать работу по структурированию проблем, проведению исследований, разработке алгоритмов, модели или интервенции в решении типичных трудностей социальной работы с клиентами.

Дисциплины модуля «Управление социальным обеспечением и социальной работой» (23 кредита) нацелены на овладение способностями организовывать разного рода воздействие (координация, корреляция и пр.) в работе с клиентом для упорядочения или изменения той социальной ситуации, в которой он находится. Менеджмент требует также координации усилий специалистов различных областей, создание многопрофильных групп (группы специалистов различного профиля, психологи, медики, социальные работники и т.п., которые совместно оказывают помощь клиенту) для решения задач в интересах преодоления трудностей клиента и развития благосостояния общества в целом. В рамках этого модуля студенты знакомятся с принципами управления персоналом социальных служб и подразделений учреждений социальной сферы, дополняют свои знания в области мобилизации личностных ресурсов, супервизии и профессионализации.

Таким образом, подготовка студентов специальности «социальная работа», осуществляемая как переход от одного модуля к другому в ходе бакалавриата, – это приобретение базовых знаний и одновременно решение прикладных задач по приобретению практических навыков социальной работы. Необходимым элементом этой подготовки является запрос потенциальных работодателей. Университет стремится учитывать это не только при подготовке социальных работников, но и сохраняя связи с выпускниками.

Важнейшей сферой, затрагивающей интересы всех людей, является здравоохранение. В последнее время острым стал вопрос сопровождения больного в связи и после проведенного медицинского лечения. Поскольку медицинские работники не обязаны отслеживать его психологическую реакцию на препараты или побочные реакции, если это не угрожает жизни, то человек остается один на один со своей болезнью и может утратить равновесие. А. Меттери отмечает, что существует противоречие между областью социальной работы и медициной, когда доктор выносит окончательное решение, а социальный работник обязан оказывать клиенту поддержку в повседневной жизни. [6. P. 258]. Социальный работник в этом случае становится посредником между врачом и пациентом, а также психологом и наставником. Так, например, на базе поликлиники г. Астаны в 2000 г. был создан Учебно-практический центр семейной медицины «Демеу» с новым профилем услуг, семейными врача-

ми и семейными медсестрами. Цель этого Центра – поддержка семьи в органах здравоохранения со стороны социальных работников. Здесь работают, в том числе, выпускники ЕНУ. Он обслуживает 15 участков, курирует 2 школы, 2 детских сада и, кроме медицинских кабинетов, имеет отделение профилактики и социально-психологическую службу по развитию человеческих ресурсов, молодежный центр здоровья и т.п. Социально-психологическая служба пользуется популярностью у населения, в кабинете психолога специалисты снимают страх у больных в специфических ситуациях. При кабинете есть отдельная комната, где можно поговорить с родителями отдельно от детей, если этого требует ситуация. Служба осуществляет в обязательном порядке патронаж семей, в которых есть дети до 5 лет, особенно тех, кто имеет неблагоприятные жилищные условия.

Ведущими формами работы в «Демеу» являются тренинги, которые проводятся с семьями, школы подготовки родителей по профилактике детского травматизма, по обмену опытом, есть кабинеты экстренной медицинской помощи, арт-терапии, формируются многопрофильные группы. Беседа является активной формой интервенции социального работника, в ходе которой происходит выявление острых вопросов, а затем социальная служба занимается поиском путей их решения. Особое место занимает кабинет супервизии во главе с опытным социальным работником. Здесь разбираются сложные случаи: отказ от ребенка, отрицательное отношения к врачу со стороны пациента и пр.

Специалисты социально-психологической службы участвуют в конкурсах проектов. В настоящее время под руководством социальных работников реализуются два проекта: «Я выбираю доброжелательность» и «7 миллиардов добрых дел». Оба проекта осуществляются с привлечением волонтеров, направлены на развитие взаимосвязей между семьями, различными социальными институтами, клиентами и реализуются на территории всех 15 участков. Таким образом, фактически создан новый тип медико-социального учреждения, сочетающий близкие функции и отвечающий в комплексе интересам социального обслуживания населения.

Тесный контакт с работодателями характерен для подготовки социальных работников в Казахском университете экономики, финансов и международной торговли. Основной формой такого сотрудничества являются совместные заседания в форме круглого стола представителей вуза во главе с ректором С.А. Аблыманаковым и руководителей, директоров различных социальных служб г. Астаны. Таким образом устанавливается обратная связь с тем, чтобы учесть запросы практики на студенческой скамье. Особое внимание в Казахстане уделяется воспитанию детей, сохранению национальных традиций уважения старших и преемственности семейного уклада. Вуз сотрудничает с институтами по делам семьи, в том числе занимающимися сопровождением детей с особыми потребностями, с Детским психоневрологическим медико-социальным учреждением, Корпоративным фондом «University medical center», Центром социального обслуживания населения акимата г. Астана. Реабилитация детей с ограниченными возможностями осуществляется с учетом опыта работы по месту жительства. Профессорско-преподавательский состав развивает связи с Медико-социальным учреждением для пожилых и инвалидов акимата г. Астаны с целью подготовки кадров социальных работников для этой социальной группы. Актуальной темой, общей для всех образовательных заведений, является трудоустройство выпускников и, в связи с этим, поддерживаются постоянные контакты с городскими Центром занятости акимата г. Астана и Управлением занятости труда и социальной защиты г. Астана по вопросам трудоустройства выпускников. Постоянные связи с работодателями позволяют учесть при подготовке социальных работников те детали, которые трудно предусмотреть в теоретических курсах.

Таким образом, образовательное пространство в Казахстане характеризуется, как и в России, расширением образовательных услуг, развитием профессии «социальная работа», которая является формой социальной политики, служит реализации потенциальных способностей личности в области решения проблем, защите их прав, социальной справедливости и социальной безопасности. На современном этапе требуется внедрение принципов инклюзии в вузах и создания равноправных условий для обучения лиц с инвалидностью, включения их в последующем в общественную жизнедеятельность. Обмен опытом с российскими вузами, которые приступили к реализации инклюзивного подхода, является полезным для университетов Казахстана, точно так же, как и складывающаяся там практика подготовки социальных работников с целью их профессионализации в органах здравоохранения и работы с целевыми группами для подготовки кадров социальных работников в российских вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова Н.Н. Выбор профессии и образования студентами вуза в современных условиях // Сотис. 2009. № 3. С. 21–30.
2. Никитин В.А. Состояние и проблемы научной разработки истории социальной политики и социальной работы // Вопросы социальной истории. 2012. № 2. С. 5–11.
3. Профессиональная ориентация инвалидов и лиц с ОВЗ в системе многоуровнего образования: организационные и методические аспекты : материалы Всерос. конф. (Москва, 18 ноября 2016 г.) / сост. В.Д. Байрамов, Н.А. Ореховская. М. : МГГЭУ, 2016. 847 с.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 1.12.2015 г. «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Доступная среда» на 2011–2020 гг.». URL: http://base.garant.ru/71265834/
5. Луков В.А. Социальное проектирование : учеб. пособие. 7-е изд. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та ; Флинта, 2007. 240 с.
6. Metteri A. Researching difficult situations in social work. Morality and Politics in Expert Work // Reconstructing Social Work Research: Finnish Methodological Adptations. Jyväskylä : SoPhi, University of Jyväskylä, 2010. P. 242–273.

Статья представлена научной редакцией «Социология и педагогика» 11 декабря 2017 г.

DEVELOPMENT OF THE SPECIALTY "SOCIAL WORK" IN THE EDUCATIONAL SYSTEM OF KAZAKHSTAN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 74–77.
DOI: 10.17223/15617793/425/9

Valentina I. Zinovieva, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vizanefertity@eandex.ru
Natalia I. Naumova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tomnin@yandex.ru

Keywords: professional social workers; Russian-Kazakh relations; sharing experiences; inclusion; students' collaboration.

The authors show the current stage of staff training in social work in the post-Soviet space, in particular, in Kazakhstan, in the context of comparison with how this task is being accomplished in Russia. The aim of the article is the consideration of institutionalization as a stage in the formation of professional social work, identification of approaches in the training of social workers in Kazakhstan and Russia. The main issues of higher education in this specialty were discussed at meetings of the scientific and methodological seminar which took place in September 2016 at the Eurasian National University on the topic "Formation of social stability of students' personality and topical development trends in social work in Kazakhstan and Russia" and at a round table on the topic "Prospects of the development of social workers' training in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation" at the University of Economy, Finance and Foreign Trade (Astana, Kazakhstan). The meeting was attended by a delegation of teachers and students of the Department of History and Social Work of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. Based on a comparative analysis of participants' speeches, differences and common positions were revealed. Thus, in Kazakhstan the formation of the specialty "Social Work" is influenced by the Western model. The educational process of the Eurasian National University includes elements of the Bologna system, loans, construction of educational modules, defence of doctoral theses for a PhD degree. In addition, creating social services on the basis of district polyclinics (Center for Family Medicine "Demeu") is in progress. This direction is relevant in modern social work, but in Russia it is given insufficient attention. The Russian model of institutionalizing social work pay more attention to traditions of charity, the experience of the social welfare system of the Soviet period, combining it with innovative approaches based on the application of group project training in the university, implementation of the principles of inclusion, creation of barrier-free educational environment accessible for people with disabilities. In the domestic system of training of social workers, more attention is also paid to the organization of new forms of research work of students. The general problem of university education in Kazakhstan and in Russia is the topic of employment of graduates, creation of stable university links with employers. For this, the University of Economy, Finance and Foreign Trade (Astana) organizes round tables with representatives of social services in order to take into account the needs of social work practices in the educational process at the university. The authors think that both Russia and Kazakhstan are mastering the world experience of social work, searching for optimal forms of university training of specialists and developing institutionalization.

REFERENCES

1. Volkova, N.N. (2009) Vybor professii i obrazovaniya studentami vuza v sovremennykh usloviyakh [Choice of a profession and education of higher school students in modern conditions]. *Sotis*. 3. pp. 21–30.
2. Nikitin, V.A. (2012) Sostoyanie i problemy nauchnoy razrabotki istorii sotsial'noy politiki i sotsial'noy raboty [State and problems of scientific development of the history of social policy and social work]. *Voprosy sotsial'noy istorii.* 2. pp. 5–11.
3. Bayramov, V.D. & Orekhovskaya, N.A. (eds) (2016). *Professional'naya orientatsiya invalidov i lits s OVZ v sisteme mnogourovnego obrazovaniya: organizatsionnye i metodicheskie aspekty* [Professional orientation of disabled people and persons with health limitations in the system of multi-level education: organizational and methodological aspects]. Proceedings of the all-Russian conference. Moscow. 18 November 2016. Moscow: MGGEU.
4. Garant.ru. (2015) *Decree of the Government of the Russian Federation of 1 December 2015. On approval of the state program of the Russian Federation "Accessible Environment for 2011–2020".* [Online] Available from: http://base.garant.ru/71265834/. (In Russian).
5. Lukov, V.A. (2007) *Sotsial'noe proektirovanie* [Social design]. 7th ed. Moscow: Moscow University for the Humanitites ; Flinta.
6. Metteri, A. (2010) Researching difficult situations in social work. Morality and Politics in Expert Work. In: *Reconstructing Social Work Research: Finnish Methodological Adaptations*. Jyväskylä: SoPhi, University of Jyväskylä.

Received: 11 December 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 78–84. DOI: 10.17223/15617793/425/10

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930.85

Д.А. Аникин, О.В. Головашина

ТРАВМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20149).

Разбираются концепции травм и рассматриваются методологические основания применения понятия «травма» в исследованиях. Психологическая трактовка акцентирует внимание на носителях травмы, социологическая – ориентирована на изучение механизмов репрезентации травматического прошлого и медиастратегий его передачи. Также разрабатывается типология культурных травм, которую можно использовать для изучения динамики исторической памяти в условиях социальных изменений.

Ключевые слова: историческая память; травма; репрезентация; историческая справедливость; травматический дискурс; коммерциализация прошлого.

Травма: постановка вопроса. Расширение и углубление проблематики «memory studies» приводит к пересечению анализа исторической памяти с другими направлениями гуманитарных исследований, сформировавшимися во второй половине XX в. Одним из таких направлений является изучение культурных травм, активно развивающееся в зарубежной, прежде всего американской, гуманитарной науке. При этом, как и в любом институализирующемся дискурсе, в исследованиях травм встречается категориальная неопределенность или чрезмерная метафоричность, что, с одной стороны, делает работы исследователей доступными даже для непрофессиональных читателей, но с другой – затрудняет научную концептуализацию предмета исследования. Вместе с тем, возникнув в конкретном социокультурном контексте, понятие «травма» достаточно быстро продемонстрировало свою универсальность и способность концептуально выразить суть явлений, которые территориально и хронологически удалены друг от друга. Несмотря на то, что часть работ основоположников этой проблематики уже переведена на русский язык, ощущается недостаток исследований, предлагающих упорядоченную классификацию и методологический анализ существующих подходов [1. С. 11–22].

Социкультурным контекстом для постановки вопроса о травмах стали психологические последствия тех войн и конфликтов, в которых принимали участие американские военные в XX в., прежде всего война в Корее и война во Вьетнаме. Так называемый «вьетнамский синдром» вызвал к жизни потребность в осмыслении травмирующих воспоминаний и поиске способов борьбы с ними. Поэтому вполне закономерно, что основным профессиональным сообществом, заинтересованным в практическом и теоретическом изучении данного вопроса, стали американские психиатры. Первоначальной целью их деятельности являлась медикализация «вьетнамского синдрома», что подразумевало его включение в классификацию психических заболеваний. Но в процессе дальнейшего изучения военного опыта выяснилось, что диагностированные симптомы имеют более универсальную природу и присущи также людям, пережившим немецкие концлагеря, представителям различных меньшинств, подвергавшихся дискриминации по демографическим, этническим или религиозным признакам. Расширение сферы исследования привело к появлению в 1978 г. в профессиональном психолого-медицинском дискурсе термина «посттравматическое стрессовое расстройство» [2]. С этого момента можно отсчитывать родословную нового направления, которое не только продолжило углубленное изучение все новых травматических событий и порождаемых ими психологических последствий, но и обратилось к поиску методологических оснований. Прежде всего в центре внимания исследователей оказался вопрос о психологических механизмах травмирования, а также о влиянии социокультурного контекста на формирование и репрезентацию травм. Подобная амбивалентность привела к разделению исследований памяти на два направления, которые можно условно назвать психологическим и социологическим.

Психология versus социология. Каждое вновь возникающее направление в первую очередь озадачивается проблемой поиска предшественников. В сфере изучения травм таковым является австрийский психолог З. Фрейд, который столкнулся с подобными психологическими явлениями при обследовании бывших участников Первой мировой войны. Он напрямую увязывает возникновение подобных травм с нарушением нормальных мнемонических механизмов, т.е. травма становится проявлением, пусть и деструктивным, работы памяти.

Важным достижением Фрейда, которое впоследствии активно использовалось исследователями травм, является выяснение того, что подлинным источником травмы оказывается не само событие, а воспоминание о нем. Из этого можно сделать логический вывод, что проблема заключается не в том событии, очевидцем или участником которого был человек, а в его неспособности отнести это событие к прошлому, перестать заново «проигрывать» происходившее некогда. С точки зрения психоанализа травма и заключается в неспособности провести границу

между актуальным состоянием индивида и его прошлыми состояниями. По сути, человек, страдающий травматическим синдромом, оказывается неспособным отпустить свое прошлое, которое продолжает навязчиво воспроизводиться в его подсознании, заставляя носителя раздваиваться между объективными условиями его существования и той картиной реальности, которая конструируется психикой.

Психологическую трактовку травмы в той или иной степени разделяет целый ряд исследователей, например американский историк и культуролог Кэти Карут. Она считает, что травма не может быть отнесена в чистом виде ни к прошлому, ни к настоящему, она представляет собой способ связи, посредством которого прошлое продолжает существовать. Существенное внимание уделяется американской исследовательницей возможности репрезентации травмы, причем в качестве способов репрезентации она выделяет *нарратив* и *голос* [3. P. 3]. Нарратив безличен и призван стереть следы прошлого, в то время как голос непрерывно напоминает о произошедшем, причем не только о самом травмирующем событии, но и невозможности существования после этого события. Далеко не всегда человек способен выразить свои ощущения от произошедшего в виде связного текста, поэтому голос травмы может проявлять себя в художественных образах, снах или навязчивых действиях. Нетрудно заметить, что Карут абсолютизирует объективность возникновения травм, а также потребность в озвучивании травматических переживаний, что вполне соответствует психоаналитическому пониманию избавления от психической зависимости.

Другой американский исследователь, Д. ЛаКапра, считает, что травмы нуждаются не столько в самом акте высказывания, сколько в *проработке*. «Невостребованный опыт» (в терминологии К. Карут) или «возвышенный опыт» (в терминологии Ф. Анкерсмита) – это понятия, по его мнению, основанные на презумпции невозможности передачи индивидуального опыта, но такая невозможность привела бы к исчезновению человеческой цивилизации. Поэтому стоит обратить внимание не на способность травмирующего субъекта к объективному изложению собственного опыта, а на возможность преодолеть последствия травмы путем постепенного ослабления и устранения повторяющихся воспоминаний. Проработка – это процесс рационализации прошлого, который способствует детравматизации события, она ограничивает повторяемость прошлого, осуществляя переход от меланхолии к трауру [4. P. 13–14].

Социологическая трактовка исследования культурных травм представлена тремя основными представителями – П. Штомпкой, Д. Александером и Р. Айерманом, каждый из которых внес существенный вклад в понимание того, каким образом травма выступает не только психологическим механизмом, но и социальным конструктом. Общей предпосылкой этого направления является признание того, что наиболее существенным фактором возникновения травматических воспоминаний является социальная среда, в которой находится человек. Травма возникает не столько в силу подспудно осуществляющейся работы бессознательного, сколько из-за того, что социокультурный контекст активизирует деятельность психики, запуская механизм травматизации. Для объяснения этого процесса необходимо определить характерные черты как самой травмы, так и тех условий, при которые резко повышается шанс на ее возникновение.

П. Штомпка выделил следующие признаки, которые свойственны каждому травмирующему событию:

1) неожиданность и быстрота происходящих изменений;

2) тотальность и кардинальный характер изменений;

3) экзогенность, восприятие произошедшего события как не зависящего от воли и желания самого индивида;

4) негативный характер события [5].

Под такой набор признаков подпадают не только войны, но и другие социальные катаклизмы, например политические перевороты, распады государств, резкие изменения в социальной и экономической жизни. Таким образом, возникновение культурных травм рассматривается как закономерное следствие протекающих в обществе процессов, а неспособность человека абстрагироваться от собственного прошлого становится естественной реакцией на трансформацию социальной среды.

Д. Александер в своей концепции травмы отталкивается от функционализма Э. Дюркгейма, поэтому пытается прояснить, прежде всего, какую роль играет травма в жизни сообщества. «Культурная травма имеет место, когда члены некоего сообщества чувствуют, что их заставили пережить какое-либо ужасающее событие, которое оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [6. С. 255]. Даже в этом определении звучит ключевое отличие социологической модели травмы от психологической – люди лишь *чувствуют*, что в прошлом имело место травматическое событие. Иначе говоря, травма возникает не в момент самого события, а в процессе его репрезентации, точнее – в самом разрыве между событием и репрезентацией, а фундаментальным основанием возникновения травмы является наличие коллективной идентичности, угрозу которой человек способен осознавать. В этом смысле каждая коллективная травма – в значительной степени социальный конструкт, порожденный основной социальной потребностью человека – потребностью в солидарности. Общая историческая травма способствует сплочению сообщества. Например, Холокост активизировал процесс формирования израильской идентичности, а признание коллективной ответственности за существование нацистского режима стало мощным фактором поддержания германской идентичности в 60-е гг. XX в.

У Александера акцент в изучении травмы плавно смещается с самого травмирующего события на его репрезентацию. Любая репрезентация включает в себя необходимый набор элементов: носители травмы, публичная аудитория, конкретная ситуация, которая воспринимается как травматическая. Разумеется,

только наличие данных элементов еще не создает коллективную травму, но без хотя бы одного из них процесс конструирования травмы будет невозможен.

Р. Айерман уточняет мысль Александера, проводя различие между дискурсом и нарративом. Дискурс представляет собой безличное описание травматического события (например, параграф в учебнике истории), в то время как нарратив – это эмоционально насыщенное описание, которое свойственно обладателю травмы, и именно сходство аффективной реакции позволяет представителям сообщества получить дополнительное подтверждение своей коллективной идентичности [7]. Поэтому травму он обозначает как «процесс, цель которого – восстановить или перенастроить коллективную идентичность с помощью коллективного представления; это залатает прореху в ткани общества; травматическая прореха вынуждает "рассказывать новые основания", заново интерпретировать прошлое, чтобы примириться с потребностями настоящего и будущего» [8. С. 46].

Особенностью исторической травмы, по Айерману, является то, что она может долгое время пребывать в латентном состоянии, дожидаясь совпадения необходимых условий для подходящей репрезентации. Историческим примером подобной «затяжной» травмы он считает рабство в США, которое сохраняет потенциальную конфликтогенность даже в условиях современного американского общества. Он подчеркивает, что под рабством он понимает не сам социальный институт, существовавший на протяжении нескольких столетий, а сохраняющееся в коллективном сознании потенциально травматичное воспоминание [8. С. 47].

Интересный аспект в таком контексте приобретает проблема миграции. Мигрант является потенциальным носителем культурной травмы, потому обладает определенным социальным опытом, не соответствующим той ситуации, в которой он в данный момент находится. Разумеется, само по себе это несоответствие не способно запустить психологический механизм травматизации, но при наличии дополнительных факторов (например, экономической нестабильности или несоответствия ценностных ожиданий) произойдет актуализация травматического опыта. Опасность заключается в том, что совпадение условий может привести к возникновению новых «сообществ памяти», для которых травмирующее событие (инцидент – в терминологии Р. Айермана) будет наделено сакральными характеристиками, а любое сомнение в истинности данного события будет вызывать неадекватную реакцию.

Динамика и структура травмы. Стоит отметить, что разница психологической и социологической трактовки заключается не только в том, какой набор факторов приобретает превалирующее значение, но и в понимании субъекта травмы.

С точки зрения сторонников психологизации, субъектом травмы является «свидетель», непосредственный участник или очевидец произошедших событий. Коллективный характер травмы в этом случае возникает за счет того, что имевший место инцидент является общим прошлым для отдельного сообщества или разных категорий населения. Поэтому одним из основных вопросов психологического анализа травмы является вопрос о возможности репрезентации такого опыта (как это сформулировал Т. Адорно, «можно ли продолжать писать стихи после Освенцима?»). Именно в репрезентации и рационализации такого опыта видится основная стратегия детравматизации. Человек, который оказался способен выразить личные трагические воспоминания в знаковой форме, проводит границу, разделяющую прошлое и настоящее. А это, в свою очередь, позволяет воспринимать травматический опыт не как постоянно переживаемое, а как пережитое однажды в прошлом. А. Эткинд выражает суть подобного перехода с помощью категорий «горе» и «скорбь» [9. С. 24–41]. Горе заключается в вечном повторении пережитого, когда человек не готов помнить именно потому, что помнить не о чем, поскольку прошлое остается настоящим. Скорбь же заключается в отстранении пережитой трагедии, когда память возвращается, знаменуя прекращение травматического синдрома. «С помощью магии, культуры или анализа скорбящий создает маркеры различия, которые помогают варьировать серийные репрезентации прошлого» [Там же. С. 37]. Во многом эта точка зрения развивает идеи М. Джея, который делает в своих работах акцент на темпоральном разрыве между событием и травмой, что и позволяет проявиться работе скорби [10. P. 13–14]. Скорбь в данном случае должна пониматься уже не как чисто психологическая, а скорее как социально-психологическая категория, поскольку подразумевает определенное единство коллективной реакции на прошедшее событие.

Представители социологической трактовки травмы делают акцент на том, что травма может быть свойственна не только очевидцу, но и представителю следующего поколения, поэтому в центре их внимания находятся механизмы коммуникации, позволяющие обеспечить передачу не только знания о травме, но и самого психологического ощущения. Другим, не менее важным вопросом становится выявление оснований самой потребности в наличии травмы, что опять-таки требует анализа социальной обстановки.

Тем не менее и в случае психологической, и в случае социологической трактовки используется одинаковый термин «травма», что приводит к некоторой терминологической путанице. Поэтому вполне закономерным было бы разведение двух взаимосвязанных, но все-таки различных понятий – коллективной травмы и культурной травмы.

Коллективная травма – это комплекс психологических ощущений, возникающий у очевидцев или участников определенного трагического события и являющийся общим, но при этом в полной мере не передаваемым опытом не просто выживания, но и последующего переживания данной ситуации.

Культурная травма – это нарратив, вписывающий произошедшее событие в совокупность образов, значимых для коллективной идентичности определенного сообщества. Культурная травма возникает не в результате личного участия, а посредством включенности в социальные практики передачи сакрализованного канона культурной памяти, включающего в себя

элементы как героического, так и трагического прошлого. В этом смысле она более формализована, способна к передаче последующим поколениям, а также предполагает определенный диапазон интерпретаций при условии, что они не будут посягать на основные элементы мифологизированной картины прошлого. Поэтому, говоря о динамике травмы, следует отличать логику переживания травматического прошлого в индивидуальном сознании и социальные механизмы, позволяющие обеспечить передачу травматического опыта последующим поколениям или иным социальным общностям. С социальной точки зрения травма не является единичным событием, она представляет собой определенную последовательность действий, разворачивающуюся на протяжении многих лет, специфическую форму социальной практики, поэтому корректнее говорить не о травме, а о травматизации как процессе.

П. Штпомка выделяет следующие фазы травматизации:

1) наличие культурной среды, способствующей возникновению травмы;

2) травматический инцидент;

3) поиск подходящих репрезентаций и создание травматического дискурса;

4) распространение травматических симптомов на то сообщество, которому они адресованы;

5) посттравматическая адаптация (институализация дискурса);

6) детравматизация – постепенное затухание симптомов травмы либо появление новой травмы, которая переключает внимание сообщества [5. С. 8].

Из данной периодизации очевидно, что основную часть процесса травматизации составляет формирование, а затем распространение определенного дискурса, позволяющего не просто проинформировать о наличии травматического события, но и выявить непосредственную взаимосвязь между ним и коллективной идентичностью.

В таком дискурсе сочетаются когнитивный и этический аспекты – истина сопрягается с исторической справедливостью. Мы ощущаем потребность помнить о произошедшем, потому что память является залогом недопустимости повторения травмирующего события впоследствии, а также задает сетку моральных координат, центрирующих не столько личное, сколько социальную ориентацию человека. Травматический дискурс, по сути, устанавливает дополнительный и едва ли не самый важный критерий социального различения – готовность признать / не признать наличие исторического события в необходимой интерпретации. Для этого дискурс должен обладать следующими структурными компонентами:

1. Он должен объяснить природу боли, т.е. содержать достаточно логичные и не требующие дополнительных доказательств утверждения о том ущербе, который произошедшее событие причиняет сообществу. В частности, выстроить корреляцию между трагическими событиями, произошедшими с конкретными индивидами, и потенциальным значением, которое эти события несут для остальных представителей сообщества.

2. Он должен сформировать образ жертвы, в качестве которой может выступать как конкретное сообщество, так и человечество в целом. Травмирующее событие может являться таковым только тогда, когда подразумевается его определенная направленность, в противном случае оно относится к миру природных происшествий, а не социальных событий.

3. Поскольку травматический дискурс всегда транслируется на определенную аудиторию, то он должен увязывать события, произошедшие с конкретным сообществом, с более широким социальным контекстом. В идеальном варианте подобного дискурса каждый получатель должен почувствовать сопричастность к потенциальным жертвам трагического события.

4. Наконец, он должен определиться с кандидатурой виновника и определить степень ответственности – индивидуальной или коллективной. В самом деле, являются ли виновниками установления нацистского режима Гитлер и его ближайшие приближенные или все, кто голосовал в 1933 г. за его избрание? Д. Александер, приводящий этот пример, не зря обращается к современной германской истории, которая продемонстрировала уникальный пример травматического дискурса – публичное признание национальной ответственности за Холокост и использование данной травмы в целях переконструирования коллективной идентичности [11].

При этом травматический дискурс должен обладать определенной символической пластичностью, которая обеспечивает ему возможность освоения и использования в различных институциональных средах. Д. Александер намечает несколько основных уровней институализации культурной травмы [6. С. 285–288]. В *религиозной сфере* присвоение травмы осуществляется посредством вписывания произошедшего события в дискурс трансцендентного (по принципу «кара за грехи» или «испытание»). В *эстетической сфере* травма институализируется при помощи новых жанров и форм выражения, которые позволяют создать эффект присутствия или сопричастия репрезентируемым событиям. В *юридической сфере* возникает возможность распределения вины и ответственности между причастными к травматическому событию либо урегулирования материального и морального ущерба (в том случае, если виновники недоступны либо правосудие осуществляется спустя большой промежуток времени). В *научной сфере* специфика институализации травматического дискурса заключается в пересмотре существовавших когнитивных конвенций, формировании новой категории обязательных и переструктрировании областей гуманитарного (прежде всего, исторического) знания. *Медиасфера* стремится вписать травматический дискурс в логику собственного функционирования, что добавляет ему драматичности и эмоциональности, но при этом подчиняет закономерностям конкурентной борьбы за потребителя. Наконец, в *политической сфере*, как правило, культурные травмы становятся предметом прагматического интереса со стороны властвующих элит, которые могут ввести процесс травматизации в определенное русло и способствовать его постепенному ослаблению, а могут искусственно под-

держивать его с помощью выведения локальных коммеморативных практик на официальный уровень.

Травмы и медиа. Поскольку само понятие культурной травмы предполагает, что ее субъектами являются не очевидцы или участники самого травмирующего события, а их потомки или представители последующих поколений, то важным вопросом становится возможность медиа выступать в качестве способа репрезентации травмы, а также оценка последствий медиализации. В этом вопросе сходятся различные научные дискурсы – не только дискурс памяти и дискурс травмы, но и дискурс медиа, что позволяет создать отдельное междисциплинарное поле исследований.

В центре внимания указанных дискурсов находится вопрос о том, каким образом представители последующих поколений могут отождествлять культурные травмы с собственными воспоминаниями, порождая феномен, который профессор Колумбийского университета Марианна Хирш называет «постпамять». Постпамять устанавливает неразрывную связь между событиями далекого или не очень далекого прошлого с настоящим, центрируясь вокруг определенных сообществ, причем медиа играют здесь ключевую роль. Например, просмотр фильма о Холокосте способен привести не просто к осознанию имевшего место катастрофического события, а к соотнесению себя и своего сообщества с показанными событиями, осуществлению ментального переноса исторической памяти через поколения. «Постпамять, представляя собой поле, объединяющее внутри- и межпоколенческую трансмиссию травматического опыта, характеризует посткатастрофические или посттрансформативные общества» [12]. Естественно, что возникновение постпамяти напрямую увязывается с потребностями сообщества в поддержании собственной идентичности, поэтому ее существенным элементом становятся культурные травмы, которые обозначают хрупкость границ сообщества, определяют потенциальные угрозы и одновременно демонстрируют стратегии преодоления этих угроз.

В этом смысле роль медиа рассматривается в первую очередь в качестве способа дать голос травмированному сообществу, донести до заинтересованной аудитории подробности травмирующего события и тем самым перевести травму в состояние общественной скорби. Как считают современные исследователи, «репрезентация травмы в данном случае может осуществляться посредством “работы скорби”, т.е. путем привыкания к реальности травмы при ее припоминании в “диагностических” дозах, или же методами “нарративного фетишизма” (термин Эрика Сантнера), работающими на уничтожение следов травматического события и развенчание самой потребности в скорби путем симуляции состояния целостности культуры» [13. С. 57]. Из этого следует, что сама суть медиа заключается в том, чтобы максимально соотнести акт репрезентации с самим историческим событием (в оптимальном варианте – подменить событие репрезентацией), что порождает дополнительную убедительность и эмоциональную насыщенность. Но эти характеристики являются двоякими. С одной стороны, они способны донести информацию о тех травматических событиях, которые в противном случае остались бы неизвестными потомкам, а с другой – они активно участвуют в создании самого травматического дискурса, выступая в качестве средства активизации травмы.

Ведущую роль при этом приобретает фигура свидетеля, который необходим «как фигура переводчика, как условие возникновения репрезентации, позволяющей как минимум указать на след, возможность возвращения вытесненного воспоминания» [13. С. 67]. Но здесь как раз существенным оказывается различие коллективной и культурной травмы, поскольку в случае коллективной травмы можно вести речь о свидетельском показании, которое формирует новые формы репрезентации и одновременно указывает на разрывы в предшествующей системе репрезентаций. В случае же культурной травмы функции свидетеля лишь приписываются автору репрезентации, не обладающему личным опытом проживания и переживания данного события. И здесь можно ставить вопрос о мотивации автора и том, какими социальными потребностями определяется конструируемый им травматический дискурс.

Белорусский исследователь Алексей Браточкин возвращается к идее Д. ЛаКапра о различении стратегий репрезентации травмы – разыгрывания и проработки [15]. Медиа в большей степени ориентированы на поддержание интереса аудитории, поэтому они чаще прибегают к разыгрыванию травм, что обеспечивает стабильный зрительский и пользовательский интерес. Вместе с тем не стоит рассматривать медиа в качестве исключительно способа трансляции заранее заданных смыслов, потому что их потенциал в выработке и активизации стратегий детравматизации намного больше. Поэтому роль медиа в репрезентации исторической травмы можно выразить в виде нескольких бинарных оппозиций:

1. Участие средств массовой информации в разыгрывании травмы – объяснение причин травмы и представление стороннего взгляда на ситуацию.

2. Выражение определенной политики идентичности – анализ опасности политики идентичности вообще и конкретных ее проявлений в форме исторических травм в частности.

3. Излишняя драматизация и придание эмоционального значения травмирующим событиям – перевод травматического дискурса во взвешенное и спокойное состояние.

4. Сосредоточенность на травме и подчеркивание ее исключительности – рассмотрение конкретного события в более широком историческом, политическом и культурном контексте.

Существенным признаком современного общества является то обстоятельство, что медиа не функционируют как автономный институт, а становятся точкой пересечения различных экономических и политических стратегий. Американский исследователь Марита Стёркен вписывает специфику медиализации травмы в более широкий дискурс опошления (trivialization) прошлого в условиях общества потребления. На примере медиарепрезентации событий недавнего амери-

канского прошлого – пыток в тюрьмах Абу-Грейб и Гуантанамо – она исследует способы превращения потенциально травматического события в китч, продукт, который может быть продан широкой зрительской аудитории. Например, элементом туристической индустрии становятся сувениры или открытки с видами этих тюрем, что незаметно переключает акцент с происходивших там событий на само понятие «памятное место» и потребность фиксации своего пребывания (реального или виртуального) в нем [14. P. 7]. В этом смысле современное общество демонстрирует устойчивый «треугольник», вершинами которого являются травмы, средства массовой информации и индустрия производства/потребления.

Таким образом, в изучении культурных травм прослеживается две основных традиции: психологическая и социологическая. В рамках первой традиции, восходящей к З. Фрейду, под травмой понимаются ранее пережитые впечатления, которые не рефлексируются самим индивидом, но продолжают влиять на оценку им окружающей реальности и выбор стратегии поведения. Субъекты травмы – непосредственные участники или свидетели травмирующего события. В рамках второй традиции происходит переориентирование внимания на механизмы формирования травматического дискурса, который позволяет перенести травму на последующие поколения. Особое значение в данном процессе приобретают медиа, которые, с одной стороны, становятся «голосом» травмированных сообществ, способствуя смягчению трагического прошлого, а с другой – представляют неотъемлемый элемент практики травматизации. Разработанная Д. Александером, Р. Айерманом и П. Штомпкой структура культурной травмы позволяет по-новому исследовать динамику поведения локальных сообществ, понять механизмы символического конструирования прошлого и способов его присвоения.

Для исторической науки «memory studies» становятся новым способом изучения прошлого через призму репрезентаций и коллективно транслируемого опыта. Но необходимо понимать, что передача исторической памяти представляет собой сложный механизм, включающий сразу несколько процессов – не только закрепление в памяти значимого исторического события, но и селекцию всей совокупности образов, циркулирующих в обществе, а также целенаправленное или непреднамеренное забвение тех образов, которые утратили свою актуальность. В этом смысле понятие «травма» позволяет по-новому представить процесс трансформации коллективных воспоминаний, выявляет конфликтогенную природу памяти и способствует выработке консенсуса между различными сообществами по поводу прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М. : Флинта, 2017. 184 с.
2. Кобылин И.И., Николаи Ф.В. Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // История и историческая память. 2014. № 9. С. 90–103.
3. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History. Baltimore, 1996. 154 p.
4. LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. Cornell University Press, 1996. 248 p.
5. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
6. Александер Д. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М. : Праксис, 2013. 640 с.
7. Айерман Р. Политическое убийство и культурная травма. URL: http://urokiistorii.ru/memory/conf/51726 (дата обращения: 11.08.2017).
8. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 42–54.
9. Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
10. Jay M. Refractions of Violence. Routledge, 2003. 225 p.
11. Аникин Д.А. Борьба за воспоминания: «критическая теория» коллективной памяти // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4. С. 5–8.
12. Хирш М. Память и контрпамять будущего. URL: http://urokiistorii.ru/node/53865 (дата обращения: 11.08.2017).
13. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 54–70.
14. Sturken M. Comfort, irony, and trivialization: the mediation of torture // International Journal of Cultural Studies. 2001. № 1. P. 1–18.
15. Браточкин А. Культурная травма и медиа. URL: http://gefter.ru/archive/15301 (дата обращения: 11.08.2017).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 7 сентября 2017 г.

TRAUMA TO CULTURAL MEMORY: CONCEPTUAL ANALYSIS AND METHODOLOGICAL BASES OF RESEARCH

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 78–84.
DOI: 10.17223/15617793/425/10

Daniil A. Anikin, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: dandee@list.ru
Oksana V. Golovashina, Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Keywords: historical memory; trauma; representation and historical justice; traumatic discourse; commercialization of past.

This paper analyzes the category “trauma” in the contemporary “memory studies”. The authors pay attention to the ambiguity and excessive metaphoricity that make the scientific research conceptualization difficult and propose their own classification and some methodological techniques that can be used in further studies. The authors analyzed the works of the predecessors and divided them into two areas: psychological and sociological. The works of the representatives of the first group (C. Caruth, D. LaCapra) are based on psychoanalytic interpretation. From their point of view, the source of the trauma is previously experienced impressions that continue to influence the assessment of the surrounding reality and the choice of the behavior strategy. The subject of the trauma in this case is a participant or a witness, and representation and rationalization of their experience is the main strategy of detraumatization. Supporters of the sociological interpretations (P. Sztompka, J.C. Alexander, R. Eyerman) consider the social environment to be the most significant factor in the emergence of traumatic memories. So, they pay attention to the mechanisms of communication that allow the transmission of knowledge about trauma and psychological sensations. To avoid terminological confusion, the authors

propose to use the term “collective trauma” when talking about the experience of the traumatic situation by witnesses (psychological direction), and “cultural trauma” when it comes to the narrative that puts the event into the set of images relevant for the collective identity of a particular community (social direction). The trauma in this case is not a single event but a sequence of actions unfolding for many years, a specific form of social practice. Therefore, the authors propose not to speak about the trauma, but about traumatization as a process. There are several areas of institutionalization of cultural trauma. In this work, the authors analyzed the mass media, in particular, the abilities of the media to act as a channel of representation and a consequence of medialization. In case of cultural trauma there are main social needs that determine the design of traumatic discourse. It is important that the media in this context act as the point of intersection of various economic and political strategies. This increases the relevance of the study of cultural trauma in the discourse of the consumer society.

REFERENCES

1. Nikolai, F.V. (2017) *Polemika o travme i pamyati v amerikanskikh issledovaniyakh kul’tury* [Controversy about trauma and memory in American culture studies]. Moscow: Flinta.
2. Kobylin, I.I. & Nikolai, F.V. (2014) The redefining of the borders of community: cultural memory, trauma, biopolitics. *Istoriya i istoricheskaya pamyat’*. 9. pp. 90–103. (In Russian).
3. Caruth, C. (1996) *Unclaimed Experience: Trauma, Narrative and History.* Baltimore: Johns Hopkins University Press.
4. LaCapra, D. (1996) *Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma*. Cornell University Press.
5. Sztompka, P. (2007) Sotsial’noe izmenenie kak travma [Social change as a trauma]. Translated from English. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 6–16.
6. Alexander, J. (2013) *Smysly sotsial’noy zhizni: kul’tursotsiologiya* [The meanings of social life: a cultural sociology]. Translated from English. Moscow: Praksis.
7. Ayerman, R. (2013) *Politicheskoe ubiystvo i kul’turnaya travma* [Political Murder and Cultural Trauma]. Translated from English. [Online] Available from: http:// http://urokiistorii.ru/article/51726. (Accessed: 11.08.2017).
8. Ayerman, R. (2016) Kul’turnaya travma i kollektivnaya pamyat’ [Cultural trauma and collective memory]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5. pp. 42–54.
9. *Etkind*, A. (2016) *Krivoe gore. Pamyat’ o nepogrebennykh* [The *Wry* Grief. *Memory of the unburied*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Jay, M. (2003) *Refractions of Violence*. New York: Routledge.
11. Anikin, D.A. (2016) Fight for memoirs: “the critical theory” of collective memory. *Sovremennye issledovaniya sotsial’nykh problem – Modern Research of Social Problems*. 4. pp. 5–8. (In Russian).
12. Hirsch, M. (2017) *Pamyat’ i kontrpamyat’ budushchego* [Memory and counter-memory of the future]. [Online] Available from: http://urokiistorii.ru/article/53875. (Accessed: 11.08.2017).
13. Moroz, O. & Suverina, E. (2014) Trauma studies: istoriya, reprezentatsiya, svidetel’ [Trauma studies: history, representation, witness]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer* 1. pp. 54–70.
14. Sturken, M. (2001) Comfort, irony, and trivialization: the mediation of torture. *International Journal of Cultural Studies*. 1. pp. 1–18. DOI: 10.1177/1367877911403250
15. Bratochkin, A. (2015) *Kul’turnaya travma i media* [Cultural trauma and the media]. [Online] Available from: http://gefter.ru/archive/15301. (Accessed: 11.08.2017).

Received: 07 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 85–90. DOI: 10.17223/15617793/425/11

УДК 371.6(063)

С.В. Каменев

ОБРАЗОВАНИЕ В ЦИФРОВОМ МИРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Рассматриваются наиболее значимые социально-культурные последствия активного проникновения информационно-коммуникационных технологий в практику отечественного образования. Предпринята попытка социально-философского осмысления места и роли цифровых технологий в современной культуре. Получает обоснование тезис о вытеснении «книжной культуры» культурой цифровой. Обсуждаются значимые для образовательной практики последствия качественной трансформации основных способов хранения и передачи информации, обусловленные развитием информационных технологий.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; стратегия образования; книжная культура; цифровая культура; масс-медиа; Интернет; компьютерные игры; виртуальная реальность; идентичность.

Интенсивная диффузия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в повседневную жизнь наших соотечественников началась не более четверти века назад. Тем более впечатляющими представляются сегодня масштабы укоренения цифровых девайсов и технологий во всех сферах человеческой деятельности: от науки и производства до быта и общения. Еще недавно кажущиеся экзотическим тюнингом внушительные коробки мобильных телефонов, серые громады мониторов и системных блоков очень быстро превратились в миниатюрные пластинки смартфонов и раскладушки ноутбуков на любой вкус и кошелек. И без них сегодня не мыслят свою жизнь десятки миллионов наших сограждан, непоправимо превратившихся в юзеров.

Неприметное воцарение компьютерной эры спровоцировало начало глубоких трансформаций культурного пространства, которые встречают весьма неоднозначную оценку разных представителей просвещенного сообщества: от восторженного оптимизма до жесткого неприятия [1]. В педагогических кругах поляризация взглядов и оценок особенно острая. С одной стороны, функционирование системы образования непосредственно связано с хранением, обработкой и передачей знаний, что объективно ориентирует педагогов на приветственное отношение к совершенствованию форм и способов работы с информацией. С другой, органический консерватизм образовательных институций, нацеленных, прежде всего, на преемственное взращивание будущего на основе прошлого опыта, оберегает учителя от безоглядного следования новомодным веяниям, вынуждает следовать надежному и испытанному, осторожно принимая новое. Раскол в отношении к информатизации образовательного пространства усугубляется очень разной «чувствительностью» предметных областей преподавания к этому процессу: математика и естествознание «оцифровываются» охотнее и эффективнее, нежели гуманитарные дисциплины. Кроме того, скоротечность культурной экспансии ИКТ оказывается естественной и органичной для немногочисленного молодого поколения педагогов, но неожиданной и подчас болезненной для многоопытного возрастного большинства.

Сегодня активно обсуждаются теоретические и прикладные аспекты использования ИКТ в педагогической практике. Предлагается широкий спектр решений: от разработки частных вспомогательных методик вплоть до экстремистских доктрин «образования в кармане» [2]. Думается, что рассмотрение цифровых технологий как некоего *дополнения* к традиционным формам учения явно недостаточно. По-видимому, современное человечество стоит на пороге кардинального преобразования фундаментальных оснований бытия человека в культуре. Исчерпанность потенциала индустриальной цивилизации беспощадно обнаружилась в последней четверти двадцатого столетия в «усталой культуре» постмодерна [3], в недрах которой созрели и проросли побеги новой активной, наступательной цифровой цивилизации. Она беспрецедентно сближает в едином пространстве африканское захолустье и лондонские предместья, Запад и Восток, Север и Юг. Очаровывая магией экрана, рушит вековые устои книжной культуры; стирает всегда такую досадную грань между желаемым и реальным. Она, наконец, ломает национальные традиции и религиозные табу, делая интимными собеседниками воина ислама и московскую студентку. Симптомы глубинных изменений человеческого естества (в его неразрывном симбиозе с цифровыми технологиями) заставляют исследователей всерьез обсуждать проблему становления нового антропологического типа, очень точно поименованного «eHOMO» [4]. Очевидно, что гуманитарные аспекты и мировоззренческие перспективы указанных обстоятельств нуждаются в разностороннем и непредвзятом осмыслении.

Первоначально попытаемся определить место и роль цифровых девайсов и технологий в современном культурном пространстве. В 70-е гг. прошлого столетия становление информационного общества с энтузиазмом ассоциировалось с окончательным торжеством человеческого духа. Вычислительные устройства с момента их создания были призваны помочь человеку безошибочно считать и быстро думать, немного позже – эффективно сохранять, применять и наращивать знания, управлять растущими потоками информации. Рутина интеллектуального труда поручалась «умным» машинам, а человеческий дух, казалось, высвобождался для свободного творчества и созидания.

Похожие иллюзии европейское человечество питало на заре индустриальной эры. Именно техника должна была защитить человека от слепой прихоти стихий и поставить природу на службу человеку. Однако, подчинив природу, человек взрастил нового

господина. Техногенная цивилизация стала развиваться по своей логике, столь же безразличной к людским чаяниям и устремлениям. Индустриальная машина перемолачивала человеческие индивидуальности, низводила их до утилитарно полезных технических или социальных функций. Впрочем, о тягостном рабстве человека-винтика в индустриальную эпоху сказано и написано немало.

На заре информационной эры мечталось, что многократно умножающие силу человеческого разума устройства откроют перспективы настоящей свободы, помогут каждому стать хозяином своего будущего. Оказалось, однако, что демоны информационной цивилизации немногим лучше монстров индустриальной машины. Девайсы и гаджеты быстро и безжалостно поработили людской род, превратив поколения своих ровесников в бездумных юзеров, неотрывно привязанных к экранам. Так же когда-то человек потерял индивидуальность и свободу в техногенном мире, став механической деталью, «винтиком» машинной цивилизации. Теперь контроль оказывается утраченным над, казалось, всегда индивидуальным, сугубо интимным пространством внутреннего мира человека. Детально рассчитанная маркетологами, талантливо сконструированная программистами, изощренно упакованная PR-менеджерами и рекламщиками духовная сфера современной социальной жизни навязывает нашему современнику незамысловатые пути утоления «духовного голода». Пространство индивидуальной мечты подменяется обобществленной компьютерной виртуальностью, а «роскошь человеческого общения» (Экзюпери) редуцируется к имитационным практикам предельно упрощенного и поверхностного взаимодействия ников и аватаров в социальных сетях.

На этом фоне даже простое привлечение молодых поколений к ученичеству оказывается непростой задачей. В недавние времена процесс усвоения знаний непременно требовал от учащегося приложения определенных внутренних сил: напряжение внимания к объяснениям педагога, усилие осмысления книжного текста… Цифровые технологии, облекая информацию в аудиовизуальные формы, многократно облегчают ее освоение. Свойственное человеческой природе любопытство сегодня может быть удовлетворено легко и почти без усилий. Ценой этого оказываются утрата навыков вменяемого учения, устойчивое укоренение практики пассивного созерцания, схематизм и поверхностность восприятия и понимания. Кроме того, интенсивность влияния и широта охвата, как правило, анонимной цифровой среды размывают пространство внутренней сосредоточенности индивида и, вопреки широкой пропаганде интерактивных форм обучения, объективно способствуют формированию, в терминологии Славоя Жижека, «интерпассивности» [5. С. 5–57].

Любопытно, что мрачная картина тотального порабощения человечества глобальной цифровой имитацией, полтора десятилетия назад впечатляюще представленная в серии фильмов «Матрица», вызвала у широкой зрительской массы не более чем созерцательный интерес к хитросплетениям сюжета и удовлетворенность изощренными спецэффектами, не особенно потревожив реалистичностью обрисованных перспектив. Такая реакция массового зрителя позволяет констатировать еще одно существенное мировоззренческое следствие «оцифровки» жизненной реальности современного человека. Таковым оказывается смешение реальной и виртуальной реальности.

Начало этому смешению было положено в эпоху активного утверждения масс-медийных технологий: телевизионная картинка стала привычной заменой реальной жизни огромному большинству представителей последних двух-трех поколений. Однако в сравнении с традиционными медиа цифровые технологии открывают невиданные возможности имитаций. Атрибутом повседневного наряда каждого второго сегодня являются миниатюрные наушники, музыкальным шумом заглушающие живые голоса окружающего мира. Оцифровка телевидения по существу обеспечила ему зановорождение на экранах планшетов и смартфонов, многократно усилив его манипулятивную эффективность: в любой момент каждый может отвернуться от всегда непростой жизни и окунуться в искрящую юморком безмятежность популярного молодежного канала.

Индустрия компьютерных игр сформировала многомиллионную армию геймеров, зачастую невозвратимо проваливающихся в «зазеркалье» сфабрикованного мира: небывалого, но такого манящего и послушного. «Стратегии» делают тебя мудрым и дальновидным полководцем или градоначальником, дарят ощущение могущества и сладость власти. «Симуляции» превращают в супергонщика или пилота, позволяют вкусить радость побед на виртуальных полях сражений или спортивных аренах. «Стрелялки» брызжут адреналином и добавляют острых ощущений. Почувствовать себя полновластным автором и распорядителем своей, пусть и выдуманной, судьбы позволяют RPG (ролевые игры). Возвращение к реальности здесь часто оказывается досадным и тягостным и нередко сопровождается неосознанным переносом «заэкранного» опыта в повседневность жизни. Тогда и без того зыбкие контуры «настоящего» становятся почти неразличимыми.

Интернет, гостеприимно распахнувший безграничное пространство коммуникации, обеспечил быстрое становление новых форм межиндивидуального взаимодействия. Сегодня постоянным местом виртуального обитания сотен миллионов являются социальные сети, где складываются специфические нормы, этика, язык. Строго говоря, в сетевых сообществах состоят не сами люди, а их цифровые двойники, облик которых сознательно или не очень конструируется под влиянием множества факторов. Особенно усердны в мифологизации своего сетевого образа молодые люди, испытывающие потребность в активном социальном самоутверждении. Думается, что подобная личностная многомерность, субъектная неопределенность сегодня постепенно становятся социальной нормой.

До недавнего времени атрибутом индивидуального становления считалось собирание субъектом своего целостного завершенного образа: выработка определенной жизненной позиции, устойчивой системы мировоззренческих ориентиров и ценностей. Ситуа-

ция постмодерна, повлекшая «смерть субъекта» [6], способствовала выработке существенно новых способов бытия человека в культуре: растворенность в ситуации, ускользание, переход [7. С. 89–102; 8. С. 426–427]. Есть основания полагать, что симулятивные практики сегодня перестают быть разновидностью социальной патологии и становятся органической частью цифровой цивилизации. Кажущиеся старшим шизофреническими неопределенность и многоуровневость устремлений, мыслей и поступков молодых, последним представляются естественными и безболезненными. И девочка в наушниках, и геймер, и «сетевик» вполне могут быть добросовестными учениками и отзывчивыми людьми. Поэтому при выработке действенных образовательных стратегий стоит принимать во внимание не только изменчивость и многомерность окружающей действительности, но и реальную полифонию внутреннего мира нашего взрослеющего современника. Продолжая музыкальные аналогии, заметим только, что педагогу все же стоит позаботиться о предотвращении превращения этой полифонии в какофонию.

Еще одним неоднозначным последствием масштабной оцифровки культурного пространства оказывается утверждение новых форм социального расслоения. В традиционном противопоставлении элиты и масс за последними всегда оставалось некое частное пространство духовного самоопределения, прораставшее мечтами и надеждами. Эволюция общества потребления наряду с сохранением прежних элит (экономических, политических, религиозных) в цифровую эпоху привела к складыванию специфического сообщества криэйтеров – творцов-разработчиков программ и баз данных, а по существу – производителей духовной пищи. Не преувеличивая степень самостоятельности этой новоиспеченной элиты, скажем, что именно в ее руках оказываются рычаги манипуляции и формирования внутреннего мира огромного большинства людей. Религиозные пастыри, философы, люди искусства – прежние властители умов и душ – в цифровом мире им не соперники. Неумолимая логика развития духовной сферы современного цивилизованного общества уже сегодня обнаруживает реальную угрозу формирования пассивной, инертной массы людей, подсаженных на срежессированные и легко управляемые формы духовного потребления, лишающие и способности и желания оставаться хозяином самого себя и собственной жизни. Очевидно, что выпуск новых девайсов, производство новых игр, мобильных приложений, программ, по существу, предупреждает спрос, определяет направление и содержательность духовных вожделений массового потребителя.

Стремительное развитие ИКТ обусловливает качественную трансформацию основных способов производства, хранения и передачи информации. В сфере образования эти процессы оказываются особенно заметными и порой болезненными. Преподавание многих учебных предметов, ориентированных на запоминание, начитанность, внимательную сосредоточенность, переживает серьезный кризис. Место книги как «лучшего подарка» занял смартфон нового поколения. Учителя бьют тревогу: нынешнее поколение учащихся в своем большинстве не хотят и не умеют осмысленно читать [9, 10]. Думается, что сегодня пора всерьез говорить о закате «книжной культуры», провоцирующим глубинные изменения духовного пространства цивилизации. Представим некоторые аспекты этих изменений.

«Рыться в книгах!» – это некогда широко известное замечание К. Маркса в ответ на вопрос о любимом занятии сегодня может вызвать лишь сочувственное недоумение рядового пользователя Интернета. Книга безнадежно проигрывает цифровым устройствам по критерию доступности информации. Почти утратили свое значение еще недавно актуальные умения: отыскать в книжных магазинах нужный учебник, работать в библиотечных каталогах, найти материал, перелистывая страницы. Современные цифровые поисковые системы способны почти мгновенно обеспечить доступ к огромным массивам информации. При этом качественно меняется стратегия обретения знания. Если раньше обладание искомой книжкой позволяло доверчиво окунуться в текст, переживая радость приобщения к истине, то теперь разнообразие виртуальных источников провоцирует возникновение ситуации скользящего сознания, блуждающего в лабиринтах множества подходов и точек зрения. И для ее разрешения требуются существенно иные умения.

Сегодня даже завзятые интеллектуалы-книжники, вынужденные много времени проводить за компьютером, констатируют непоправимые изменения существа и форм своей работы в информационном пространстве. Так, Никлас Карр, осмысливая опыт своих коллег и собственный, констатирует затруднительность освоения больших массивов текста, признается в неодолимой тяге к использованию предельно сублимированных словесных конструкций, в склонности к смысловым микшированиям и «перепрыгиваниям», являющихся почти неизбежным следствием «перелистывания» виртуальных страничек различных сайтов и блогов. Если прежде автор ощущал себя «дайвером в море слов», то себя нынешнего он сравнивает с «парнем, несущемся на гидроцикле по поверхности» этого моря [11].

Вытеснение книги экраном, безусловно, многократно расширяет возможности представления и передачи информации. В образовательных практиках совсем недавней «докомпьютерной эпохи» эта проблема решалась посредством внедрения в учебный процесс технических средств обучения, производством обучающих телерадиопередач, программ и даже специализированных каналов вещания. При этом статическая или динамическая картинка всегда была вспомогательным средством, а «господство книги» оставалось непоколебимым, подкрепляясь выпуском многомиллионных тиражей научно-популярных журналов и просветительских брошюр.

Современные интернет- и медийные технологии, по-видимому, способны создать «критическую массу» информационных продуктов, давление которых вытесняет на периферию культурного пространства традиционную «книжность». Духовный мир молодых поколений сегодня выстраивается на основе все более явного преобладания аудиовизуальных форм потреб-

ления информации. Такое переключение может повлечь глубинные ментальные сдвиги.

В контексте многовековых мировоззренческих ориентиров Запада книжное ученичество было нацелено на обеспечение внятного структурирования внутреннего мира учащегося, формирование упорядоченной связности и последовательности мыслительных операций. Умение слышать и говорить складывалось в дисциплинарно организованном пространстве языка, в большей или меньшей степени тяготеющего к ясности, определенности, завершенности. Преодоление одиозной линейности письменных текстов обеспечивалось здесь эксплуатацией символического потенциала слова, что требовало от ученика выработки особой способности и умения смыслового раскодирования символа, его перевода в целостный образ.

Цифровая картинка, замещающая слово, обладает не только неизмеримо большей информационной емкостью и интенсивностью воздействия, но и передает (копирует) полифоническую многомерность реальности, затрудняющую ее внятное осмысление. Следствием этого становятся поверхностный характер и ситуативность формирующегося представления. Так, изучение истории на основе художественных и документальных фильмов способно оставить мощный эмоциональный след в сознании учащегося, но вряд ли обеспечит формирование способности различать связный смысловой ряд исторических событий. Равно как и знакомство с экранизациями литературных шедевров не откроет дорогу к таинствам мастерства художников слова. В последнем случае от ученика даже не потребуется личного усилия по расшифровке символики текста: экранная презентация все сделает за него.

Есть, однако, и другой взгляд на свойственные традиционной европейской книжности механизмы возделывания индивидуальной субъектности. Так, в 80-х гг. прошлого столетия Ж. Делез в критическом ракурсе писал о склонности западной культуры к апокалиптичности, отмечая ее неизбывное стремление к смысловой завершенности, констатирующей исчерпанности, претендующей на обнаружение (обнажение) истины. Соответственно этим ориентирам строились представления об исполненности каждой отдельной личности, её устойчивой индивидуальной самодостаточности: «Есть целая социальная система, которую можно назвать системой белой стены – черной дыры. Мы всегда приколоты к стене господствующих значений, мы всегда вдавлены в дыру собственной субъективности, в черную дыру своего Я, которое нам дороже всего. На этой стене записаны все объективные детерминанты, которые нас фиксируют, обрамляют, идентифицируют и делают узнаваемыми; в этой дыре мы квартируем, вместе с нашим сознанием, с нашими чувствами, нашими страстями…» [7. С. 89]. Сформулированная тогда признанным классиком постмодернизма идея ускользания, «детерриториализации», схватывающая, по его мнению, «подлинно человеческое», сегодня находит почти научное развитие в концепции технобиоэволюции [12]. До недавнего времени технический прогресс обеспечивал многократное усиление возможностей Homo sapiens по освоению и преобразованию внешнего жизненного пространства с опорой на изначально данную «человеческую природу». Теперь же цифровая революция открыла перспективу вторжения во внутренний мир человека, сделала возможным коррекцию (в пределе – совершенствование) его «природы» посредством «протезирования» способностей восприятия, мыслительных функций, памяти… В контексте такого подхода модель распределенного сознания вовсе не выглядит угрожающей, о чем давно и убедительно говорит и пишет Т.В. Черниговская [13].

Современные образовательные практики в свете обрисованных перспектив неизбежно трансформируются. В спектре ожидаемых изменений выделим следующее. Во взаимодействии с учеником, как адресатом педагогического воздействия, существенно меняется роль и профессиональные установки педагога. Неизбежная до недавнего времени прескриптивная модальность педагогики обязывала учителя к осуществлению миссии «прогрессора» (термин братьев Стругацких), занятого непосредственным возделыванием духовного мира своего подопечного. Сегодня «вождистские» притязания педагога оказываются нейтрализованными, во-первых, неустранимым влиянием разнообразных активных (а нередко, навязчивых) информационных источников и, во-вторых, высокой степенью изменчивости социальной реальности и непредсказуемостью сценариев будущего. Единственно продуктивной и актуальной здесь представляется роль учителя, способного обеспечить управление информационными потоками, выстроить убедительную и соблазнительную знаниевую среду в образовательном пространстве, в том числе используя коммуникационные, симулятивные, презентационные и другие возможности информационных технологий. Приоритетность проективных и управленческих функций превращает педагога в менеджера, занятого конструированием и организацией учебно-позна-вательной среды. Причем желательным и продуктивным в условиях рынка и конкуренции видится преобразование системы образования в целом в соответствие с идеологией «когнитивного менеджмента» [14. С. 49].

Вторым примечательным обстоятельством, обусловленным активным утверждением цифровой культуры, оказывается ускорение процессов становления «префигуративных» (в терминологии М. Мид) форм преемственных отношений между поколениями, существо которых определяется тем, что настоящее перестает предсказуемо вырастать из прошлого и «…у молодых людей возникла общность опыта, того опыта, которого не было и не будет у старших» [15. С. 361]. До недавнего времени утверждение о готовности педагога постоянно учиться у своих учеников оставалось не более чем риторической декларацией. Теперь же доктрина опережающего развития образования насущно предполагает сознательную выработку учителем способности перенимать и осваивать компетенции аборигенов цифрового мира. Заметим здесь, что уровень требований к представителям учительской профессии не только многократно возрастает, но и существенно меняется. «Хранителей» начинают теснить «проектировщики-модераторы»: интеллекту-

альная открытость, социальная пластичность, психологическая гибкость становятся атрибутами педагогического профессионализма, способными обеспечить налаживание эффективного коммуникативного тандема в образовательной среде.

В конечном счете, итогом становится смещение акцентов в реализации современной стратегии образования: функция преемственного тиражирования прошлого опыта перестает быть приоритетной, в то время как нетривиальных решений требует необычная задача «введения в свободу», состоящая в приучении учащегося к самодеятельности и творчеству, выработке способности думать и действовать самостоятельно. Думается, что только эта способность может обеспечить современному человеку пространство личной свободы и уберечь от многочисленных недугов духовного порабощения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Песков Д. Заглядывая за горизонт. URL: http://eurasiancenter.ru/eduexperts/20150224/1003924406.html (дата обращения: 06.11.2017).
2. Образование в кармане. URL: http://eurasiancenter.ru/eduperspectives/20150310/1004010739.html (дата обращения: 06.11.2017).
3. Каменев С.В. Усталая культура // Дефиниции культуры. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. Вып. 5. С. 201–208.
4. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 3–17.
5. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб. : Алетейя, 2005. 156 с.
6. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.
7. Делез Ж. О превосходстве англо-американской литературы // Логос. 1999. № 2. С. 89–111.
8. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб. : РХГИ, 2004. 520 с.
9. Чиндилова О.В. Обучение вдумчивому чтению // Начальная школа: плюс–минус. 2001. № 5. С. 61–64.
10. Хабинок К. Современный человек утрачивает способность читать романы. URL: http://write-read.ru/news/1614 (дата обращения: 06.11.2017).
11. Carr, Nicholas 2008: Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains. URL: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868 (дата обращения: 06.11.2017).
12. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС – революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12–21.
13. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М. : Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
14. Сыров В.Н., Агафонова Е.В. Когнитивный менеджмент в структуре образования и науки: философско-методологические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 370. С. 46–51.
15. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М. : Наука, 1988. 429 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 13 ноября 2017 г.

EDUCATION IN THE DIGITALIZED WORLD: OPPORTUNITIES AND PROSPECTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 85–90.
DOI: 10.17223/15617793/425/11

Sergei V. Kamenev, Maritime State University named after Admiral G.I. Nevelskoy (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: kabra61@gmail.com

Keywords: information and communication technologies; educational strategy; book culture; digital culture; mass media; Internet; computer games; virtual reality; identity.

The article focuses on some of the most crucial social and cultural consequences of information and communication technologies as an increasingly important element of educational practices in Russia. Digital technologies and their role in the contemporary culture are analyzed from a sociological and philosophical perspective. Designed to give the human mind more freedom, “smart” devices and gadgets have moved beyond their functional limits. Today, they are one of the factors to form the mindset of younger generations. The article focuses on how key elements of educational practices have been changing under the influence of digitalization. The following aspects of these changes are analyzed: replacement of traditional text-based communication with multidimensional audio and video media; wide-spread mechanisms of knowledge acquisition at a superficial introductory level only; passive and speculative strategies of learning; simulative and theoretical self-development practices, commonly accepted and associated with non-differentiating between the real and the virtual worlds. The article is concerned with the consequences of the qualitative transformation of the major ways of data production, storage and transfer due to the rapid growth of information technologies. In the field of education, these processes are especially easy to notice and, sometimes, difficult to deal with. Teaching subjects that require concentration, extensive reading and memorizing is a challenge now. The article claims that the digital culture has superseded the traditional “book culture” as a result of the “digitalizing” of an individual’s mental world. Linear printed texts have been increasingly replaced with multidimensional digital images. As a result, traditional forms of self-identification are becoming irrelevant. An individual can have a wide range of identities. It is known that computer technologies open a real possibility of making adjustments to the “human nature” by means of “digital replacement” of sensations and mental functions. In these circumstances, the teacher is forced to assume the role of Manager, constructing educational environment and managing the flow of information, at the same time, improving their ability to continuously learn from their students. The article gives reasons as to why it is necessary to shift educational strategies from the successive reproduction of cultural patterns to a new goal “introduction to freedom” which means teaching learners to think independently and act under the conditions of diversity and uncertainty.

REFERENCES

1. Peskov, D. (2015) *Zaglyadyvaya za gorizont* [Looking beyond the horizon]. [Online] Available from: http://eurasiancenter.ru/eduexperts/20150224/1003924406.html. (Accessed: 06.11.2017).
2. Eurasiancenter.ru. (2015) *Obrazovanie v karmane* [Education in the pocket]. [Online] Available from: http://eurasiancenter.ru/eduperspectives/20150310/1004010739.html. (Accessed: 06.11.2017).

3. Kamenev, S.V. (2001) Ustalaya kul'tura [Tired culture]. In: *Definitsii kul'tury* [Definitions of culture]. Is. 5. Tomsk: Tomsk State University. pp. 201–208.
4. Narin'yani, A.S. (2008) Mezhdu evolyutsiey i sverkhvysokimi tekhnologiyami: novyy chelovek blizhayshego budushchego [Between evolution and superhigh technologies: a new person of the near future]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 3–17.
5. Zizek, S. (2005) *Interpassivnost'. Zhelanie: vlechenie. Mul'tikul'turalizm* [Interpassiveness. Desire: attraction. Multiculturalism]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya.
6. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikov. Moscow: Progress.
7. Deleuze, J. (1999) O prevoskhodstve anglo-amerikanskoy literatury [On the superiority of Anglo-American literature].Translated from French. *Logos*. 2. pp. 89–111.
8. Ogurtsov, A.P. & Platonov, V.V. (2004) *Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. XX vek* [Images of education. Western philosophy of education. The 20th century]. St. Petersburg: RKhGI.
9. Chindilova, O.V. (2011) Obuchenie vdumchivomu chteniyu [Teaching thoughtful reading]. *Nachal'naya shkola: plyus–minus*. 5. pp. 61–64.
10. Khabinok, K. (2014) *Sovremennyy chelovek utrachivaet sposobnost' chitat' romany* [Modern man loses the ability to read novels]. [Online] Available from: http://write-read.ru/news/1614. (Accessed: 06.11.2017).
11. Carr, N. (2008) *2008: Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains*. [Online] Available from: http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868. (Accessed: 06.11.2017).
12. Alekseeva, I.Yu., Arshinov, V.I. & Chekletsov, V.V. (2013) "Tekhnolyudi" protiv "postlyudey": NBIKS – revolyutsiya i budushchee cheloveka ["Techno-people" versus "posthumans": NBICS – revolution and the future of man]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 12–21.
13. Chernigovskaya, T.V. (2013) *Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie* [The Cheshire smile of Schrodinger's cat: language and consciousness]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Syrov, V.N. & Agafonova, E.V. (2013) Cognitive management in the structure of education and science: philosophical and methodological aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 370. pp. 46–51. (In Russian).
15. Mead, M. (1988) *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya* [Culture and the world of childhood. Selected works]. Translated from English. Moscow: Nauka.

Received: 13 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 91–99. DOI: 10.17223/15617793/425/12

УДК 930:01, 930:02

А.А. Линченко, А.Г. Иванов

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С МИФАМИ О СТАЛИНЕ?

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

Предпринят анализ противоречий и перспектив демифологизации «сталинского мифа» в современной российской исторической культуре. «Сталинский миф» рассматривается в контексте трансформации мифологии героического. Авторы исследуют демифологизацию как социальный процесс, выделяя ее различные стратегии. Делается вывод, что демифологизация «сталинского мифа» возможна через выявление подлинного места в исторической культуре элементов мифологического («нейтрализация» мифа).

Ключевые слова: современный миф; Сталин; демифологизация; мифологема; «нейтрализация» мифа; миф о герое; историческая культура; стратегии демифологизации.

В конце июня 2017 г. в Московском государственном юридическом университете им. О.Е. Кутафина была установлена мемориальная доска, посвященная выступлению в стенах этого учебного заведения советского вождя Иосифа Сталина. Событие сопровождалось скандалом, имело большой общественный резонанс и в очередной раз раскололо российское общество. Вместе с тем неутихающие споры вокруг личности И.В. Сталина и его эпохи подчеркивают, что сталинская эпоха, равно как и мифы о ней, продолжает оставаться важной частью настоящего. Более того, социологические опросы последних лет явно свидетельствуют о росте популярности советского вождя [1], использовании его образа в политической борьбе [2], медиасреде [3] и даже религиозной жизни [4]. Было бы однозначным в этой связи занимать как явно апологетическую, так и явно критическую позицию по отношению к И.В. Сталину и его эпохе. Представляется, что и первая, и вторая точки зрения испытывают на себе определенное влияние мифов о Сталине, которые могут выступать как в форме апологетических мифов, так и в различных формах контр-мифов. Какие стратегии демифологизации образов Сталина возможны в современных условиях? Насколько они могут быть эффективными? Каким образом вообще можно сегодня интерпретировать понятие «демифологизация»? Ответы на эти вопросы, на наш взгляд, могут быть получены, прежде всего, в рамках социально-философского анализа проблемы.

Сразу отметим, что необходимо отличать мифологические нарративы об Иосифе Сталине от сталинского панегирического нарратива. А.М. Прилуцкий подчеркивает в этой связи следующее: «Сталинский панегирический нарратив еще не является “сталинским мифом” – для того, чтобы им стать, он должен обрести сюжетность. Поэтому к дискурсам “сталинского мифа” не относятся рассуждения о святости Сталина, его прозорливости, поскольку они не содержат элементов событийной сюжетности, ограничиваясь констатацией» [4. С. 88]. Вслед за отечественным исследователем мы будем рассматривать мифологические нарративы об Иосифе Сталине в контексте повествований о событиях, в которых раскрываются сакрально маркированные качества Сталина, утверждается влияние их на современность. Подобные нарративы вне зависимости от модальности и исторической достоверности позволили исследователям выявлять особенности мифологизации образов вождя сегодня [Там же. С. 88].

Изучение проблем демифологизации образов Сталина предполагает наличие ряда трудностей, преодоление которых представляется достаточно сложным. Во-первых, сама демифологизация является крайне противоречивым понятием и, как правило, нередко оборачивается ремифологизацией. Например, согласно В.Н. Топорову, мифопоэтическое начало вообще необходимо рассматривать в качестве составной части как ремифологизации (создание узнаваемых образов действительности), так и демифологизации (разрушение стереотипов традиционного мышления) [5. С. 5]. Во-вторых, сталинский миф представляет собой один из вариантов мифа о герое, который не только не исчерпал своих возможностей в наши дни, но и может осуществлять как конструктивные, так и деструктивные функции в обществе. В-третьих, положительные и негативные оценки Сталина не могут избежать отсылок к его эпохе (индустриализация, коллективизация, массовые репрессии, победа в Великой Отечественной войне), однозначная и полная демифологизация которой представляется сомнительной. В-четвертых, события полувековой давности еще живы в коммуникативной памяти поколений (по терминологии Я. Ассмана), а значит, бытование мифов о Сталине в различных мемориальных культурах (А. Ассман) вряд ли может быть существенно поколеблено и тем более преодолено.

Однако насколько данные трудности исследования могут являться основанием для скептической точки зрения? Если встать на позицию сторонников мифологических оснований современной науки (К. Хюбнер, П. Фейерабенд, А.Ф. Лосев) и рассматривать науку как проявление мифологии, продуцирующей новые мифы, то возникает вопрос к такой предельно широкой трактовке мифологии. Ведь если понятие рассматривается логически как ни с чем не соотносимое и ничему не противостоящее, то оно вообще рискует утратить свое содержание [6. С. 70]. Вместе с тем неприемлемым является и противопоставление науки и мифологии как принципиально разных мировоззренческих систем. Подобная антиномичность зачастую означает, что проблема может быть неверно сформулирована. В этой связи авторы стоят ближе к

оптимистической точке зрения относительно возможностей демифологизации в современной культуре, что, однако, требует от нас уточнения смысла понятий «миф» и «демифологизация».

Понятия «социальный миф», «мифологема», «демифологизация»

Всякий, кто берется изучать современную мифологию, вынужден отталкиваться от определенной трактовки мифа. В этой связи в нашем исследовании мы будем руководствоваться теоретической моделью мифа, представленной в работах Р. Барта, которая по праву считается одной из основополагающих в деле изучения современной социальной мифологии.

В своей книге «Мифологии» Ролан Барт отмечал, что «…миф представляет собой коммуникативную систему, некоторое сообщение. Отсюда явствует, что это не может быть ни вещь, ни понятие или идея: это форма, способ обозначения… миф ничего не скрывает и ничего не демонстрирует – он деформирует; его тактика – не правда и не ложь, а отклонение» [7. С. 263]. По мысли Р. Барта, мифология как слово, как форма представляет собой особое явление: «Миф – система двойная; он как бы вездесущ – где кончается смысл, там сразу начинается миф. <…> Миф… имеет ценностную природу, он не подчиняется критерию истины, поэтому ничто не мешает ему бесконечно действовать по принципу алиби; если означающее двулико, то у него всегда имеется некая другая сторона; смысл всякий раз присутствует для того, чтобы через него предстала форма, форма всякий раз присутствует для того, чтобы через нее отстранился смысл» [Там же. С. 281–282]. Более того, для Р. Барта миф – это вторичная семиологическая система. То, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной системе оказывается всего лишь означающим.

Ролан Барт дает нам несколько важнейших характеристик современного мифа. Во-первых, современный миф – это разрозненное, изолированное слово. Современные мифы не складываются в единую «фабульную» систему, подобную архаической мифологии: «Современный миф дискретен: он высказывается уже не в виде оформленных больших рассказов, а лишь в виде “дискурса”…» [8. С. 474]. Во-вторых, то, что миф оформляется сегодня как дискурс, а не только как повествование, показывает, что современные мифы служат не разрешению, не изживанию противоречий, а их «натурализации», «обезвреживанию» и оправданию. В-третьих, поскольку миф как вторичная семиологическая система надстраивается над привычными нам понятиями и образами культуры, то в современной культурной ситуации критика мифа в своей основе сближается с мифотворчеством, ремифологизацией. В-четвертых, сила мифологии сегодня состоит в том, что она буквально «пропитывает» всю социальную действительность. В своей универсальности она встает непреодолимой преградой между человеком и миром, между сознанием и реальностью.

Коммуникативное содержание мифа означает, прежде всего, то, что он является социальным процессом, «…в котором участвуют не только мифотворцы, но и их аудитория. Он нацеливает на изучение как политических, так и семантических условий, при которых мифологическая конструкция может стать “линзой”, определяющей восприятие реальности» [9. С. 14]. Еще один смысл коммуникативной сущности мифа состоит в том, что «современный человек воспринимает миф как повествование, совокупность фантастически изображающих действительность идей. Однако это не жанр словесности, а определенное представление о мире, которое часто предстает перед нами как способ повествования или приобретает характер специфических представлений… как определенная форма мировоззрения, влекущая за собой определенный тип деятельности» [10. С. 39–40]. Это означает, что миф всегда является социальным. Оказываясь глубоко вплетенным в общественные отношения и общественную деятельность, он, по меткому выражению М.К. Мамардашвили, есть «машина культуры».

К. Леви-Строс полагал, что «миф всегда имел многослойную структуру… никогда невозможно его понять только на одном уровне, его необходимо рассматривать на разных уровнях» [11. С. 68]. В структуре современного социального мифа можно выделить два уровня: «архаический» и «конъюнктурный». «Архаический» уровень содержит устойчивые архетипические образы, мифологемы, ритуалы, выработанные коллективно, «конъюнктурный» – результаты рациональной целенаправленной деятельности отдельных мифотворцев. Тесно связано с вышеуказанными уровнями и выделение в мифе интерналистских (имманентных) и экстерналистских (привнесенных) составляющих: если первые преимущественно являются результатами мифологизирующей деятельности и тесно связаны с «архаическим» уровнем, то вторые представляют собой скорее продукт продуманной рациональной мифотворческой деятельности и соотносятся уже с «конъюнктурным» уровнем.

Принято считать, что любой миф является совокупностью разного рода мифологем, выступающих в определенном смысле структурными единицами мифа. По мысли Ю.М. Лотмана, мифологемой является то, что следует за словами «миф о…». То есть это слово или словосочетание, которое может выступать в тексте как имя собственное: «Мифологемы – коллективные и индивидуальные – являются именами собственными либо выступают в функции имен собственных. Говорить… о содержании имен собственных или, тем более, пытаться разложить это содержание на компоненты было бы бессмысленно. Однако каждое слово, а мифологема – особенно, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего / слушающего включено в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте» [12. С. 222]. Однако, как и миф, мифологема заключает в себе известную двойствен-

ность: отсылает к фундаментальным образам, архетипам и одновременно представляет собой определенный логически измеряемый, возможно даже искусственно созданный конструкт. Набор и иерархия мифологем могут существенно варьировать в рамках какого-либо варианта социальной мифологии. Термин «мифологема» часто используют сторонники психоаналитической интерпретации смысла мифа. Так, известный юнгианский аналитик Д. Холлис следующим образом определяет мифологему: «Мифологема – это мифическая идея или мотив. Несколько мифологем, соединенных в единое повествование, создают миф» [13. С. 10]. И далее: «“Мифологема” – это отдельный фундаментальный элемент или мотив любого мифа. Мотивы вознесения или погружения являются мифологемами. Странствие героя воплощает две мифологемы: героя и странствия, каждая из которых имеет свое характерное происхождение и свое отдельное значение, и вместе с тем, взаимодействуя синергетически, они увеличивают масштабность друг друга» [Там же. С. 16].

Сталинский миф в контексте мифологии героического

Нам представляется, что наиболее устойчивые, «вековые» мифологемы складывались вокруг фигуры героя. Еще Д. Кэмпбелл в своей знаменитой работе «Тысячеликий герой» [14] обращался к фигуре героя, усматривая в событиях, сопутствующих истории героя, некий «мономиф». Рассматривая миф о герое, в нем следует выделить множество мифологем, важнейшей из которых является мифологема путешествия героя. Далее, представляя путешествие героя, тот же Д. Кэмпбелл разработал соответствующую схему путешествия, включающую ряд этапов. Можно сказать, что искусство интерпретации, «препарирования» мифа предполагает учет очень многих факторов – от мельчайших внутренних структурных компонентов мифа в виде, например этапов путешествия героя в соответствующих мифологеме и мифе, до предельно широко контекста, охватывающего различные формы бытования мифа.

Так, миф о герое может содержать в себе множество разнообразных мифологем: путешествие героя, борьба героя и т.д. В конечном счете содержание мифа характеризуется наличием определенного количества мифологем, но также и тем, как эти мифологемы связаны между собой, как они взаимодействуют друг с другом. При этом, рассматривая современные мифы, следует выделять в мифе как мифологемы, сложившиеся в процессе становления и развития мифа (они связаны с архетипами, с «архаическим» уровнем), так и искусственно привнесенные в тот или иной миф с целью воздействия на массовое сознание.

Особое место героический миф занимает в российской культуре. В научных исследованиях отмечается, что в российском общественном сознании миф о герое имеет ряд поправок, среди которых показательна следующая: «Герой – это всегда лидер протеста против бездушной государственной машины, которую он ради общего блага призван победить и подчинить своей воле» [15. С. 98]. Последнее, как ни парадоксально, всегда относилось в русской культуре не только к известным разбойникам (Ермак) и предводителям крестьянских восстаний (Степан Разин, Емельян Пугачев), но и к представителям верховной власти. Если огромная безликая масса чиновников на местах в традиционной русской народной культуре воспринималась как нечто «злое», «инородное», то «великий князь», «царь», «император» в России – это всегда «Божий помазанник», не желающий зла своему народу и не знающий про воровство и несправедливость его чиновников.

Второй, не менее важной чертой сохранения какого-либо героического мифа или его элементов в России всегда является противостояние героя внешним силам, угрожающим стране и ее народу. Для того чтобы убедиться в данной особенности, достаточно взглянуть на содержание героического эпоса, хорошо проанализированного в работах А.С. Орлова и В.Я. Проппа [16]. Конечно, доминирование военной тематики было свойственно и европейскому героическому эпосу, но данная особенность российского героического мифа сохраняла свои черты и в XVIII, и в XIX, и даже в XX столетии.

Третья важная особенность героического мифа в России, сохраняющая свое значение в настоящем, – это бескорыстие и нестяжательство героя. Подвиг героя в русской культуре представляет собой, прежде всего, военный подвиг или подвиг на поприще служению Богу, народу, церкви, бедным и угнетенным людям. Показательно, что традиционным героем русского эпоса или сказки является либо крестьянин, либо монах, либо воин.

Ярким примером мифа о герое, позволяющим увидеть специфику развертывания социального мифа в современной российской действительности, является миф о И.В. Сталине. Мифология образов Иосифа Сталина и ее нарративы в современной России соответствуют всем трем основополагающим особенностям героического мифа в русской культуре. Несмотря на то, что сама бюрократическая машина СССР была связана с непосредственной деятельностью Сталина, образ Иосифа Сталина в исторической памяти россиян ассоциируется в меньшей степени с репрессиями и в большей степени с борьбой с инакомыслием. Так, согласно опросам Фонда общественного мнения, доля россиян, отрицательно относящихся к репрессиям сталинского времени, сократилась за последние 10 лет почти вдвое, в то время как количество респондентов, одобряющих репрессии и рассматривающих их как элемент наведения порядка, выросло на ту же величину [17]. В оценках простых россиян сталинские репрессии все больше ассоциируются с наведением порядка в стране. Миф о «сильной руке» в данном случае закрывает непривлекательные стороны участия Сталина в организации репрессий, перенося вину за них на безликих исполнителей. В результате мы получаем несколько взаимосвязанных мифологем: «Сталин – сильная личность и строгий, но справедливый правитель», «Сталин – прагматик», «Сталин – эффективный менеджер» [3].

Мифология образов Иосифа Сталина соответствует и второй важнейшей особенности российского героического мифа. Важнейшим эпизодом эпохи прав-

ления И.В. Сталина является победа СССР в войне с Германией, освобождение Восточной Европы от нацизма и создание мировой системы социализма. Абсолютное большинство респондентов в современной России связывают имя Сталина именно с победой в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [18. С. 94]. Это проявляется в таких мифологемах, как «Сталин – защитник народа», «Сталин – избавитель и защитник России». В этой связи важны выводы общероссийского конкурса «Имя России», прошедшего в 2008 г. В ходе всероссийского голосования были выявлены три наиболее значимых для России имени. Первое место занял Александр Невский, второе – Иосиф Сталин, третье – Петр Столыпин [19].

Наконец, особенно интересно соответствие мифологии Иосифа Сталина третьей особенности героического мифа в России. Достаточно распространенной личной характеристикой Сталина является его нестяжательство. Речь идет о широко известной легенде о наличии у Сталина к моменту его смерти в личной собственности только нескольких пар обуви, шинели, нескольких трубок и небольшой суммы денег в его сейфе. В данном случае речь идет о таких мифологемах, как «Сталин – святой», «Сталин – бессребряник» [4].

«Демифологизация»: от научной критики к экспертизе исторической культуры

Понятие «демифологизация» представляется крайне сложным и требует уточнения. Связано это в первую очередь со сложностью самого понятия «миф» и его важной ролью в культуре и, в частности, в современном научном познании [20]. С другой стороны, само понятие «миф» может быть использовано «как инструмент “демифологизации”: называя что-либо “мифом”, мы сообщаем о своей осведомленности об “искусственном”, “придуманном” характере обсуждаемой конструкции и пытаемся воспрепятствовать ее превращению в “устойчивую истину”» [9. С. 15]. История европейской культуры хранит множество сюжетов, которые могут быть обозначены как «демифологизация» [21]. Речь идет о рождении античной философии как переходе «от мифа к логосу», критическом использовании античной философии в средневековом богословии, критике средневековой культуры в эпоху Возрождения и, конечно, о секуляризации общественной и духовной жизни в Новое время.

Таким образом, мы можем говорить о наличии как минимум двух аспектов в интерпретации данного понятия. Содержательный аспект связан с выявлением самой сущности демифологизации. Как видится, она может лишь в относительной степени быть соотнесена с такими понятиями, как «дискредитация» / «разоблачение», «критика», «десакрализация», «деидеологизация», и в определенном смысле с «детравматизацией». Формальный аспект связан с той сферой культуры (философия, религия, литература, искусство, наука), в рамках которой происходит процесс демифологизации. Именно особенности сферы культуры задают цели демифологизации, специфику ее субъекта, ее методы и ожидаемые результаты. Вне всяких сомнений, лидирующие позиции в рамках процессов демифологизации в Европе с эпохи Нового времени начали занимать представители научной среды. Это продолжает определять наиболее распространенные способы интерпретации понятия «демифологизация». Е.Б. Ивушкина отмечает, что между структурами мифологического сознания и научного знания наличествует радикальное различие в когнитивности. Она подчеркивает: «О семантической нерелевантности мифологических структур свидетельствует вопиющая нелепость большинства из них, ничем не ограниченная произвольность мифологических построений. Объяснительная сила мифологических структур неизбежно приводит к противоречию со здравым смыслом, наличным опытом и правилами логики. Рациональное познание и его высшая ступень – наука – принципиально расходятся по критериям теоретической валидности (обеспечиваемой то ли логическими, то ли экспериментальными средствами) и семантической релевантности с мифологическим сознанием. Объяснительные потенции мифологии и науки опираются на разные основания» [22. С. 12]. И еще одно высказывание: «Демифологизация культуры – это отход от некритичного и безоглядного трансцендирования в мир образов семантически нерелевантного сознания. Достижения науки и распространение научных, эмпирически обоснованных знаний приводят к отказу массового сознания от объяснительных схем (парадигм), признаваемых несомненными лишь в силу их общепризнанности, опирающейся на пророческое провозвестие, и повсеместную инкультурацию» [Там же. С. 13].

Более мягкую позицию занимал Р. Барт, который, разрабатывая методы дешифровки различных агрессивных мифов, отмечал, что бесполезно бороться с мифом, отказываться от него. Вместе с тем освобождение от мифа, по мнению французского философа, может быть достигнуто на пути его объяснения, аналитического разрушения его знаков: «Подвергнуть миф объяснению – вот единственный для интеллектуала эффективный способ борьбы с ним» [8. С. 111]. Впрочем, тот же Р. Барт предложил нам и иную стратегию демифологизации: «Возможно, лучшее оружие против мифа – в свою очередь мифологизировать его, создавать искусственный миф: такой реконструированный миф как раз и оказался бы истинной мифологией. Если миф – похититель языка, то почему бы не похитить сам миф?» [7. С. 296]. Однако будет ли это научная демифологизация? Сам Р. Барт просто не стал бы ставить вопрос в такой плоскости. Язык для него – это форма, которая не может быть реалистической или ирреалистической, она может быть мифической или нет. Наконец, она может быть контрмифической. Он стремится показать именно роль литературы в создании этого «искусственного мифа».

Итак, наиболее продуктивной формой демифологизации на сегодняшний день признается научная критика, понятая как обнаружение несостоятельности мифологических конструкций в объяснении того или иного природного или социального явления. С этой точки зрения демифологизация оказывается, прежде всего, рационализацией дискурса Важнейшим инструментом в данном случае оказывается рационали-

зированный нарратив. При этом, несмотря на то что эмпирические исследования мифов современности связаны, как правило, с анализом вербальных текстов, вопрос о повествовательной форме мифа продолжает оставаться дискуссионным. Тот же Р. Барт отмечал, что «носителем мифического слова способно служить все – не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама. Миф не определяется ни своим предметом, ни своим материалом, так как любой материал можно произвольно наделить значением» [7. С. 266]. В этой связи попытки преодоления мифа или его критики могут быть продуктивными для одной сферы культуры, но не оказать должного влияния на проявления этого же мифа в других ее сферах. Изгнанный, например, из религии миф может возрождаться в литературе, политике или искусстве. «Поразительная живучесть мифа состоит не только в его неисчерпаемости, несводимости к выделяемым частям, но и в способности приспосабливаться к радикальным изменениям в обществе и культуре. В свою очередь, и отделившиеся от мифа научные теории продолжают черпать из своего прародителя энергию, интенциональность, аттрактивность, интуиции и даже предрассудки» [20. С. 50].

Однако способна ли наука как одна из сфер культуры противостоять мифологии? Вне всяких сомнений, она занимает решающее место в процессе демифологизации, однако, как уже неоднократно отмечалось, не может охватить собой все пространство культуры. Поэтому популярное сегодня определение демифологизации как обнаружения несостоятельности мифологических конструкций в объяснении того или иного природного или социального явления посредством научной критики может быть расширено. Представляется, что эпистемологические критерии демифологизации могут быть расширены до социокультурных критериев.

В этой связи особое значение для нас приобретают выводы культурно-исторической теории (Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев), деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, В.А. Лекторский, В.С. Швырев), философской концептуализации культуры в работах Э.В. Ильенкова. Важнейший лейтмотив культурно-исторической теории и деятельностного подхода – опосредование человека создаваемой им же материальной и духовной культурой, самоизменение субъекта деятельности в процессе его взаимодействия с объектом. Нам уже приходилось писать о том, что выводы отечественных исследователей могут быть продуктивно использованы в контексте нового для философии и теории истории понятия «историческая культура», которое, по мысли Й. Рюзена, позволяет выявить глубокую взаимосвязь научно-теоретического исторического сознания и повседневных практик обращения с прошлым. Й. Рюзен определяет историческую культуру как «всю полноту дискурсов, в которых общество понимает себя самого и свое будущее, интерпретируя прошлое» [23. S. 3]. Она представляет собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности, и, конечно, научный дискурс о прошлом [24. S. 238]. Историческая культура охватывает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни. Необходимость перехода к концепту «исторической культуры», по мысли Й. Рюзена, связана с тем, что опыт времени переживается и интерпретируется в различных культурах по-разному.

Подход Э.В. Ильенкова и его последователей позволяет нам видеть в исторической культуре не просто посредника, но активную среду, которая осуществляет взаимодействие между различными формами исторической памяти и исторического сознания. Задача исторической науки в таком случае стремится к тому, чтобы сама историческая культура могла выступать субъектом своей демифологизации. А это предполагает высокий уровень рефлексивности исторического сознания как в отношении автобиографической, семейной, групповой, коллективной исторической памяти, так и в отношении религиозной исторической памяти, знаний о прошлом, воплощенных в правовых, моральных, эстетических представлениях. Демифологизация также оказывается не прямым устранением элементов мифологического из исторической культуры («преодоление» мифа), а обнаружением их подлинного места в ней («нейтрализация» мифа), что, в свою очередь, открывает возможности их включения в рациональный контекст исторической культуры, позволяет сделать их частью общественной рациональной деятельности. Демифологизация оказывается, таким образом, преодолением разрывов между различными сферами исторической культуры, стратегией согласования различных знаний о прошлом, представленных в мифологии, религии, повседневной жизни людей, и, конечно, научных исторических знаний. В отношении интересующей нас темы это означает рассмотрение процесса демифологизации исторической культуры как движения от демифологизации отдельных мифов к демифологизации самих социокультурных контекстов влияния мифологии.

Сталинский миф как предмет демифологизации

Ключевая проблема всех попыток демифологизации образов Сталина в нашей стране начиная с XX съезда КПСС состояла в односторонней критике отдельных мифологем сталинского мифа или отдельных элементов его мифологизированного образа. Речь шла о «культе личности», личной ответственности Сталина за политические репрессии, его «демонической природе» и т.п. Можно выделить литературно-публицистическое, политическое, художественное и научное измерения процесса демифологизации образов советского вождя. В последние годы появляются интересные попытки применения методологии Р. Барта в отношении сталинского мифа в литературе [25]. Активизация научного дискурса о сталинизме, как известно, приходится на годы перестройки и 90-е гг. XX в. Однако в последние годы интенсивность исследований эпохи сталинизма не уступает предшествующему периоду. Так, например, в издательстве «РОССПЭН» только с 2008 по 2016 г. вышло 159 книг в серии «История сталинизма», представляющих собой исследования отдельных сторон советского об-

щества в период 30–50-х гг. прошлого века. Вместе с тем популярность вождя в массовом историческом сознании и политической риторике не только не падает, но, начиная с 2000-х гг., уверенно растет [2]. По-видимому, демифологизация образов Сталина – это проблема не только совершенствования научных знаний, но и трансформации российской исторической культуры в целом.

На первый взгляд, все представляется достаточно очевидным. Демифологизация станет возможной тогда, когда сформируется новая историческая культура, носителем которой будет являться новое поколение россиян. В данном случае нельзя не вспомнить о явлении «временного отстояния» как важнейшего элемента формирования действенно-исторического сознания, описанного Х.Г. Гадамером. В отношении «временного отстояния» он отмечал следующее: «Оно позволяет не только отмереть предрассудкам, имеющим партикулярную природу, но и проявиться в своем качестве тем, которые направляют истинное понимание» [26. С. 353]. И немецкий опыт «преодоления прошлого» в 60–90-е гг. XX в. показывает нам такую возможность. Новое поколение приносит с собой новые ценности и десакрализирует старые, позволяя отдельным мифам или мифологемам стать предметом общественной рефлексии. Однако, как показывает современная общественная практика, даже отдаленное прошлое может стать объектом ремифологизации, возрождаясь в совершенно неожиданных формах [27–30].

Помимо «временного отстояния» как важного условия демифологизации, по-видимому, необходимо вести речь и о трансформации самой исторической культуры, не дожидаясь «отдаленного будущего». Однако выделение исторической культуры как абстрактного субъекта демифологизации является только первым шагом и требует конкретизации. Как видится, речь должна идти о наиболее общих стратегиях демифологизации. В данном случае мы могли бы пойти по пути выделения отдельных элементов демифологизации (десакрализация, дискредитация, критика, деидеологизация). Однако выбор стратегии демифологизации в таком случае сведется к простому перечислению встречавшихся в истории опытов демифологизации отдельных мифов о Сталине.

Точка зрения Й. Рюзена, равно как и сторонников культурно-исторической теории, а также деятельностного подхода лежит в определении наиболее общих стратегий, взятых со стороны культуры как целого. Другими словами, если миф глубоко укоренен в самой культуре, ее представлениях, формах деятельности, системе убеждений, почему бы нам не развернуть демифологизацию также в рамках всей культуры (культуры воспроизводства мифа). Это представляется трудновыполнимым вследствие хотя бы причин политического характера (демифологизация культуры возможна только при активном участии действующих политиков), но в противном случае отыскание подлинного места мифа в культуре, а значит, и его «нейтрализация» вряд ли будут успешными вообще. Демифологизация должна стать частью общественной деятельности и общественной рефлексии; и это касается политической, экономической, а также духовной жизни общества.

Рассматривая вслед за Й. Рюзеном историческую культуру как «историческое сознание, схваченное в действии», мы могли бы структурировать ее культуру в рамках основополагающих форм отношения к действительности, выделенных С.Л. Рубинштейном: познавательного, ценностного (созерцательного) и практического. Именно в рамках этих предельно общих форм отношения к действительности, сопоставимых с формами деятельности человека, и предстоит нам выделить ключевые стратегии демифологизации «сталинского мифа» в современной российской исторической культуре.

Первая стратегия представляет собой демифологизацию в рамках познавательной сферы исторической культуры. В данном случае мы имеем дело с уже привычным нам формированием научных исторических знаний об эпохе сталинизма, связанных с профессиональными исследованиями, открытием архивов, публикацией источников и публичными дискуссиями с участием представителей научного сообщества. В данном случае важнейшими элементами демифологизации оказываются научная критика, деидеологизация исторических знаний и дискредитация отдельных мифологем или мифологизированных знаний. То есть мифы о Сталине переводятся из пространства культурной памяти в пространство рефлексии в отношении прошлого.

Вторая стратегия представляет собой демифологизацию «сталинского мифа» на ценностном уровне. Здесь имеется в виду роль мифов как одного из важных элементов исторической идентичности, формирующих ценностные ориентации в настоящем. В данном случае демифологизация «сталинского мифа» будет состоять в выделении ценностей сталинской мифологии из ценностей повседневной жизни, ценностного пространства литературы и искусства, ценностей политической сферы. Речь идет о том, что некоторые ценности «сталинской мифологии» продолжают оказывать косвенное воздействие на характер принятия политических решений, повседневные формы деятельности людей, некоторые направления литературы и искусства. Другими словами, ценности «сталинского мифа» продолжают выступать своеобразным архетипом порождения ценностей и оценок. Как видится, прямое преодоление таких ценностей вряд ли будет эффективным. Однако эффективным могло бы быть отыскание места этих ценностей в сравнении с другими, альтернативными ценностями исторической культуры. В подобном случае мы могли бы говорить не о «преодолении» элементов сталинской мифологии, а о «нейтрализации» положительных и отрицательных мифов о Сталине. «Нейтрализация» мифов при этом означает их «историзацию», которая современными исследователями (Й. Рюзен, В.Н. Сыров) интерпретируется в контексте понятия «исторический опыт». «Подойти к прошлому как опыту означает представить его не как сумму успехов или неудач, а как столкновение целей и задач, поставленных историческими акторами, с непредвиденными ими обстоятельствами и, соответственно, с неопределен-

ным финалом... Так видеть прошлое возможно только тогда, когда стабильность настоящего поставлена под вопрос, а будущее мыслится неопределенным и многовариантным. Собственно говоря, это и есть ситуация разрыва. Идея альтернативности подразумевает, что среди возможных вариантов может повториться и прошлое, а значит, осмысление его как опыта приобретает значение и культурную ценность» [31. С. 190]. Заметим, что демифологизация в ценностной сфере может быть связана с деятельностью различных акторов: научного сообщества, представителей литературы, публицистики, художественной сферы.

Наконец, третья стратегия демифологизации представляет собой практический контекст. Речь идет об изменении самих практик воспоминания, в которых явно или косвенно могут содержаться отдельные элементы «сталинской мифологии» или отдельные мифологемы, связанные с его именем. Это может проявляться в изменении отношения к воздвигаемым И.В. Сталину монументам, памятным табличкам, памятникам его эпохи, использовании архитектурных сооружений и, конечно, повседневных практик его времени (например, отношение к человеку в различных государственных и силовых структурах). В данном случае важно отделить мифологическое отношение к Сталину от других коммеморациий (например, связанных с Великой Отечественной войной). Как видится, сталинизм и его мифология не охватывают всю сложность и многогранность повседневной и духовной жизни советского общества в период 30–50-х гг. XX в.

В завершение статьи отметим, что самый широкий и универсальный подход к историческому сознанию был определен В. Дильтеем, который утверждал, что в историческом сознании жизнь постигает жизнь. В историческом познании сама жизнь оказывается сориентирована на осознание самой себя. Подобное осознание, однако, предполагает, что мы не только остаемся «в плену» у нашего прошлого, воспроизводя его образы действительности, ценностные ориентиры, оживляя его в практиках общественной жизни. Скорее, наоборот, историческое сознание должно стать источником отыскания подлинного места прошлого в современной жизни и источником «нейтрализации» его мифов. Мифы о Сталине, ставшие частью российской исторической культуры, вряд ли будут окончательно преодолены в ближайшей исторической перспективе, что, однако, не мешает их осознанию, выявлению их конструктивных и деструктивных сторон для российской исторической идентичности, включению в рациональный контекст общественной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Римский В.Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 97–105.
2. Линченко А.А., Иванов А.Г. «Живите тыщу лет, товарищ Сталин…»: трансформация мифологии образов И.В. Сталина в современной российской исторической памяти // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. С. 116–135.
3. Линченко А.А. Мифология образов Иосифа Сталина в нарративах современного российского кино и телевизионной публицистики // Философия и методология истории : сб. статей VII Всеросс. конф. Коломна : ГСГИ, 2016. С. 152–162.
4. Прилуцкий А.М. «Сталинский миф» в религиозном и пararелигиозном дискурсах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2. С. 87–95.
5. Топоров В.Н. Миф. Символ. Ритуал. Образ: исследования в области мифопоэтического : избранное. М. : Прогресс – Культура, 1995. 624 с.
6. Сыров В.Н. В чем заключается специфика мифа? // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1, № 4. С. 70–77.
7. Барт Р. Мифологии : пер. с фр. М. : Академ. проект, 2014. 352 с.
8. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М., 1994.
9. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. кол.: О.Ю. Малинова (гл. ред.) и др. Вып. 3: Политические функции мифов. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 5–24.
10. Тощенко Ж.Т. Время мифов и пути их преодоления // Социологические исследования. 2006. № 1. С. 37–44.
11. Беседа с Клодом Леви-Стросом Константина фон Барлевена и Галы Наумовой : пер. с фр. // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 66–79.
12. Лотман Ю.М. Литература и мифы // Мифы народов мира : энциклопедия. М. : Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 220–226.
13. Холлис Д. Мифологемы: воплощения невидимого мира : пер. с англ. М. : Класс, 2010. 184 с.
14. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой : пер. с англ. Москва : Рефл-Бук ; Киев : Ваклер, 1997. 384 с.
15. Орлов С.Б, Чернышков Д.В. Мифологема «Сталин». Образ вождя как системообразующий фактор российского общественного сознания // Свободная мысль. 2011. № 12. С. 95–102.
16. Орлов А.С., Пропп В.Я. Героическая тема в русском фольклоре / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2015. 864 с.
17. ФОМ-медиа. 30 октября 2012 г. «Память о жертвах массовых репрессий». URL: http://fom.ru/proshloe/10675
18. Гудков Л. Память о войне и массовая идентичность россиян // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 83–103.
19. URL: http://www.nameofrussia.ru/
20. Петрунин Ю.Ю. Lapis philosophorum, artificial intelligence и perpetuum mobile: эволюция взаимоотношений мифа и науки // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 42–51.
21. Глазкова Т.А. Роль «демифологизации» в истории культуры // Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2008. № 10. С. 126–133.
22. Ивушкина Е.Б. Роль науки в демифологизации общественного сознания : автореф. дис. … д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2004. 39 с.
23. Rüsen J. Geschichte im Kulturprozess. Cologne : Böhlau Verlag, 2002. 268 s.
24. Rüsen J. Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Cologne, Weimar and Vienna : Böhlau, 1994. 264 s.
25. Харитонова З.Г. Разрушение сталинского мифа в цикле новелл Ю. Буйды «Прусская невеста» // Вестник ТГГПУ. 2011. № 2 (24). С. 242–245.
26. Гадамер Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики : пер. с нем. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
27. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М. : Новое литературное обозрение, 2015. Т. 1. 536 с.
28. Шнирельман В.А. Арийский миф в современном мире. М. : Новое литературное обозрение, 2015. Т. 2. 440 с.
29. Шнирельман В.А. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 696 с.

30. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М. : Академкнига, 2003. 592 с.
31. Сыров В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1 (21). С. 183–190.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 29 октября 2017 г.

WHAT SHOULD WE DO WITH THE MYTHS ABOUT STALIN?

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 91–99.
DOI: 10.17223/15617793/425/12

Andrey A. Linchenko, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru
Andrey G. Ivanov, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk Branch; Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: agivanov2@yandex.ru

Keywords: contemporary myth; Stalin; demythologization; mythologeme; "neutralization" of myth; myth of hero; historical culture; strategies of demythologization.

The article analyzes the contradictions and prospects of demythologization of the "Stalin myth" in the contemporary Russian historical culture. The article makes a theoretical analysis of the concepts "myth", "mythologeme", "demythologization". The "Stalin myth" is considered in the article in the context of the transformation of the mythology of the heroic in the contemporary Russian culture. It is concluded that the mythological images of Stalin in the public consciousness correspond to the fundamental characteristics of the mythology of the hero in Russian culture. The authors distinguish the content and formal aspects of demythologization, they consider it not only as a result, but also as a social process. Demythologization is considered in relation to such concepts as "remythologization", "discrediting", "exposing", "criticism", "desacralization", "de-ideologization" and "de-traumatization." On the basis of the cultural historical theory of activity, as well as the theory of historical culture of J. Rüsen, cognitive, value and practical strategies of demythologization of the "Stalin myth" are distinguished in the modern Russian historical culture. The author substantiates a conclusion that the effective demythologization of the "Stalin myth" is possible only in the context of the transformation of the epistemological criteria for obtaining and verifying scientific historical knowledge in socio-cultural criteria that allow us not only to remove the mythological elements from historical culture ("overcoming" the myth) but rather to identify their true place in it ("neutralization" of the myth), to open the possibilities for their inclusion in the rational context of historical culture, to make them part of the public rational reflection and action. Demythologization is a movement from scientific criticism of myth to the examination of historical culture in general, where not only representatives of the scientific community, but also literature, the cultural community, the media environment begin to play the role of expert cultures. The article concludes that such an interpretation will make it possible to make a step from the demythologization of certain myths about Stalin to the demythologization of the socio-cultural contexts of the influence of Stalin's mythology.

REFERENCES

1. Rimskiy, V.L. (2011) Mify o Staline i kul'te lichnosti v soznanii rossiyskikh grazhdan i elity [Myths about Stalin and the cult of personality in the minds of Russian citizens and the elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 1. pp. 97–105.
2. Linchenko, A.A. & Ivanov, A.G. (2017) "Zhivite tyshchu let, tovarishch Stalin…": transformatsiya mifologii obrazov I.V. Stalina v sovremennoy rossiyskoy istoricheskoy pamyati ["Live a thousand years, Comrade Stalin . . .": the transformation of the mythology of images of I.V. Stalin in modern Russian historical memory]. *Dialog so vremenem – Dialogue with time*. 59. pp. 116–135.
3. Linchenko, A.A. (2016) [Mythology of the images of Joseph Stalin in the narratives of contemporary Russian cinema and television journalism]. *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Proceedings of the 7th all-Russian conference. Kolomna: GSGI. pp. 152–162. (In Russian).
4. Prilutskiy, A.M. (2016) The Stalin Myth in the Religious and Para- Religious Discourses. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2. pp. 87–95. (In Russian).
5. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Simvol. Ritual. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: izbrannoe* [Myth. Symbol. Ritual. Image: research in the field of the mythopoetic: selected works]. Moscow: Progress – Kul'tura.
6. Syrov, V.N. (2011) V chem zaklyuchaetsya spetsifika mifa? [What is the specificity of the myth?]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*. 1:4. pp. 70–77.
7. Barthes, R. (2014) *Mifologii* [Mythologies]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Akademicheskiy proekt.
8. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French by G.K. Kosikov. Moscow: Progress.
9. Malinova, O.Yu. (2015) Mif kak kategoriya simvolicheskoy politiki [Myth as a category of symbolic politics]. In: Malinova, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Is. 3. Moscow: INION RAS.
10. Toshchenko, Zh.T. (2006) Vremya mifov i puti ikh preodoleniya [The time of myths and ways to overcome them]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 37–44.
11. von Barleven, C. & Naumova, G. (2009) Beseda s Klodom Levi-Strosom Konstantina fon Barlevena i Galy Naumovoy [Conversation with Claude Levi-Strauss Constantine von Barleven and Gala Naumova]. Translated from French. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 66–79.
12. Lotman, Yu.M. (1980) Literatura i mify [Literature and Myths]. In: Tokarev, S.A. (ed.). *Mify narodov mira: entsiklopediya* [Myths of the Nations of the World: Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
13. Hollis, J. (2010) *Mifologemy: voploshcheniya nevidimogo mira* [Mythologems: incarnations of the Invisible World]. Translated from English by V. Mershavka. Moscow: Klass.
14. Campbell, J. (1997) *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English by A. P. Khomik. Moscow: Refl-Buk; Kiev: Vakler.
15. Orlov, S.B. & Chernyshkov, D.V. (2011) Mifologema "Stalin". Obraz vozhdya kak sistemoobrazuyushchiy faktor rossiyskogo obshchestvennogo soznaniya [Mythologem "Stalin". The image of the leader as a system-forming factor of the Russian public consciousness]. *Svobodnaya mysl'*. 12. pp. 95–102.
16. Orlov, A.S. & Propp, V.Ya. (2015) *Geroicheskaya tema v russkom fol'klore* [The heroic theme in Russian folklore]. Moscow: In-t russkoy tsivilizatsii.
17. FOM-media. (2012) *Pamyat' o zhertvakh massovykh repressiy* [Memory of the victims of mass repression]. 30 October [Online] Available from: http://fom.ru/proshloe/10675.

18. Gudkov, L. (2005) Pamyat' o voyne i massovaya identichnost' rossiyan [Memory of the war and the mass identity of the Russians]. In: Gabovich, M. (ed.) *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [The memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
19. Imya Rossiya. (2008) *The rating*. [Online] Available from: http://www.nameofrussia.ru/. (In Russian).
20. Petrunin, Yu.Yu. (2017) *Lapis Philosophorum, Artificial Intelligence* and *Perpetuum Mobile:* the *Evolution* of Mutual Relations of Myth and Science. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 42–51. (In Russian).
21. Glazkova, T.A. (2008) Rol' "demifologizatsii" v istorii kul'tury [The role of "demythologization" in the history of culture]. *Vestnik RGGU. Ser. Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie – RSUH Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. 10. pp. 126–133.
22. Ivushkina, E.B. (2004) *Rol' nauki v demifologizatsii obshchestvennogo soznaniya* [The role of science in the demythologization of social consciousness]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Rostov-on-Don.
23. Rüsen, J. (2002) *Geschichte im Kulturprozess* [History in the Cultural Process]. Cologne: Böhlau Verlag.
24. Rüsen, J. (1994) *Historische Orientierung; Über die Arbeit des Geschichtsbewusstseins, sich in der Zeit zurechtzufinden* [Historical Orientation; on the work of historical consciousness to find out in time]. Cologne, Weimar and Vienna: Böhlau.
25. Kharitonova Z.G. Razrushenie stalinskogo mifa v tsikle novell Yu. Buydy "Prusskaya nevesta" // Vestnik TGGPU. 2011. № 2 (24). pp. 242–245.
26. Gadamer, H.G. (1988) *Istina i metod: osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and method: the foundations of philosophical hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
27. Shnirel'man, V.A. (2015) *Ariyskiy mif v sovremennom mire* [The Aryan myth in the modern world]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
28. Shnirel'man, V.A. (2015) *Ariyskiy mif v sovremennom mire* [The Aryan myth in the modern world]. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
29. Shnirel'man, V.A. (2006) *Byt' alanami. Intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being the Alans. Intellectuals and politics in the North Caucasus in the 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
30. Shnirel'man, V.A. (2003) *Voyny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [The wars of memory: myths, identity and politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga.
31. Syrov, V.N. (2013) What historical consciousness do we need: on the methodology of approach and practice of use. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (21). pp. 183–190. (In Russian).

Received: 29 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 100–104. DOI: 10.17223/15617793/425/13

УДК 141

В.И. Миллер

МЕТАФИЗИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

Исследована проблема значимости концепции естественного права в социально-философской теории и практики. Предпринят анализ правовых теорий, определяющих природу и ценность естественного права. Утверждается, что становление концепции естественного права неразрывно связано с западноевропейской гуманистической традицией. Выдвигается тезис о том, что гуманизм как принцип положен в основание становления концепции естественного права.

Ключевые слова: метафизика права; концепция естественного права; гуманизм; права человека.

С развитием философского знания право стало обретать онтологическую и метафизическую обоснованность. Область научного исследования, в которой право интерпретировано через призму трансцендентных первооснов сущего и трансцендентальных априорных единиц нематериального опыта, получила название метафизики права. Это философское постижение оснований правовой системы возникло в Германии в эпоху Просвещения. Начиная с Гуго Гроция и заканчивая Джоном Локком, а также первые системы немецкого идеализма были метафизикой естественного права, которые отстаивали идеологию гуманистических прав человека, моральную и утилитарную автономию личности, гуманистическую суть права. Постулат права усматривался в справедливости, реальность права – в справедливом порядке. Тем самым право укоренялось в морали, а философские размышления о праве – в этике. Подобная этическая универсализация права сопровождалась его натурализацией, поскольку именно в устойчивой природе человека усматривались исток и тайна права, а законы природы были тождественны законам разума, на которых базировались право и мораль. Естественное право мыслилось как выведение правовых норм из определенных принципов, которые соответствовали природной сути вещей и не подлежали пересмотру.

Истоки естественного права обнаруживались в мифологических памятниках древнейших цивилизаций в виде свода правил и традиций обычного права. Одной из особенностей права того времени была неотрефлексированность, выражающаяся в том, что человек анализировал и оценивал свои поступки через призму существовавших религиозных и моральных нормативов. И.А. Покровский писал о том, что этическое чувство возникает даже на обыденном уровне применения права, выражающееся в оценке: «правильно» или «неправильно». «На почве этого элементарного этического чувства постепенно развивается философская рефлексия, которая уже в античном мире приводит к зарождению идеи так называемого естественного права. Праву действующему и положительному, которое считается продуктом произвольного человеческого установления, противополагается естественное, jus naturale, представляющееся отражением абсолютного разума или правящей миром божественной сущности» [1. С. 61]. В этом смысле средневековая схоластическая догматика права ставила иные вопросы и позиционировала иные ценности. Так, вся земная жизнь человека обесценивалась перед ожиданием момента обретения вечного загробного существования.

В эпоху Нового времени антропоцентрическая установка Возрождения была переосмыслена и практически ориентирована на разрешение проблемы гуманистических прав человека, что находит отражение в естественно-правовых доктринах того времени. Если в эпоху итальянского Возрождения подчеркивалась безграничность творческой природы человека, то в сочинениях французских просветителей права на обретение и сохранение жизни, свободу в высказываниях, мнениях и оценках, наличие и защиту собственности, сохранения чести и достоинства, все это возводилось в ранг абсолютных ценностей. Данная ситуация свидетельствовала о том, что принцип гуманизма Ренессанса, заключавшийся в постановке вопроса о достоинстве человека, был перенесен из области философии в сферу права, когда все свободы характеризовались изначальными и безусловными принадлежностями индивида. Более того, наблюдался процесс дистанциирования всего комплекса прав от верховной власти государства, подчеркивалась их первичность по отношению к ней, и даже вводилось ограничение, которое выражалось в том, что государство не имело права посягательства на них. Значение данного подхода в философской и правовой мысли Просвещения заключалось в том, что состоялось формирование гуманистического направления в философском правовом пространстве, которое подчеркивало ценность гуманности в сущности человеческого бытия. Категория естественного права обрела значимый статус мировоззренческой идеи в философско-политической мысли, она подчеркнула связь права с реалиями самой жизни, поэтому гуманистические взгляды стали важным элементом философских трактовок права.

Идея о ценности феномена «естественное право» не была тождественна действующему законодательству, поэтому проблема гуманизации права оставалась открытой. Но процесс углубления юридического содержания права того времени сопровождался включением ряда нравственно-этических оснований, что позволило данной концепции права стать одной из значимых парадигм философско-правового мышления, формировать гуманистически ориентированное правосознание, которое подчеркивало, что нормы естественного права имеют универсальный характер и адресованы всем правоспособным субъектам. Философами-просветителями нормы права толковались как производные элементы естественного миропорядка и

природы человека, рассматриваемой в качестве микрокосма, позволяя людям связывать индивидуальное существование с всеобщими первоначалами бытия.

Обращение к идеям о ценности и необходимости естественного права и рационального юридического мировоззрения началось с работ Гуго Гроция. В содержании работы «О праве войны и мира» он предложил новый подход, критически переосмысливающий теологический, в рамках которого правовые нормы соотносились с божественной волей. Он обосновал концепцию права естественного и положительного, которое опирается на предписания человеческого разума, способного отчетливо различать справедливость от несправедливости, благо от зла. Как согласующееся с природой вещей, естественное право направлено на благо функционирования любого государства [2. С. 6–7].

Особое внимание Гроций уделял способам доказательства необходимости реализации естественного права, его соответствия как требованиям разумности, так и складывающимся потребностям человеческого общежития. Другое, апостериорное, обусловлено тем, что в своем основании обнаруживает наличие элементов естественного права у всех цивилизованных народов.

Философ отмечал, что наряду с естественно-правовыми нормами господствует волеустановленное право, которое представлено гражданскими законами. В них заключена идея существования тех обязательств, которые были приняты людьми добровольно с целью обеспечения всеобщей безопасности. Данное волеустановленное право осуществляет себя в той мере, в какой способно опираться на универсальные основания естественного права, оно выступает как благо и выгода для всех людей, живущих в одном государстве и подчиняющихся его законам [Там же. С. 10–11].

Таким образом, проблема оценки правовой реальности в философской традиции Нового времени была обусловлена разделением права на естественное и позитивное. Это свидетельствовало, с одной стороны, о сложности содержательных характеристик феномена права как некоей целостности, с другой – их расхождение подчеркивало, что в рамках положительного права возможны ситуации нивелирования прав человека. Данное разграничение ориентировало мыслителей того времени на открытие первоначал права в общественной практике, особой природе человеческого существования. Обращаясь к термину «право», отметим, что право ориентирует индивида на обоснованное и определенное поведение, то, которое регламентируется обществом. Тем самым право выступает как утвержденное и осуществляемое в жизненной практике достаточное и признанное основание. В более широком смысле о праве можно говорить как о характеристике определенного поведения и поступков человека, о возможности его свободной самореализации. Отечественный исследователь С.С. Алексеев отмечал в этой связи, что подобное толкование права, отождествляющее его с категорией свободы, находится в одной плоскости с характеристиками самой философии, призванной дать объяснение, обоснование всему сущему [3. С. 412].

Отметим данную проблему, которая с течением времени получит следующее обоснование: философское знание направлено на целостное изучение феномена «право», в то время как само право предписывает границы должного и необходимого. С.С. Алексеев считал, что сложность начинается именно там, где формулируется широкое толкование права, что позволяет не только включить в поле зрения весь спектр бытия, но и обнаружить единство и противодействие двух позиций: прогрессивного и регрессивного толкований дальнейшего развития мира. Именно широкое понимание дефиниции «право», начиная с Античности и до настоящего времени, стало причиной того, что естественное поведение, соответствующее биологической природе человека, стало называться термином «право» [4. С. 6].

Естественное право явилось исходным компонентом целостного и критического исследования природы права, этот тезис может быть объяснен следующим образом: обоснование права, характеризующегося как естественное, актуальное наряду с действующим положительным правом, привело к тому, что основы права стали выявляться из природы реальной жизни. При этом, как отмечали С. Алексеев и И. Покровский, естественное право как методологическая категория стало иметь принципиальное значение, так как обогатило науку того времени социологическими, математическими и другими методами, характеризующими целостный подход к изучению феномена «право». В этом смысле естественное право было направлено на философское осмысление правового пространства, и это основное, что характеризует достоинство данного подхода к оценке многообразия правовых явлений, сводилось к следующему: обнаружить сущностные основания права, выходящие за пределы юридической практики, границы социально-культурного контекста той или иной эпохи.

Важнейшая установка естественного права была ориентирована на то, что в правовом пространстве обнаруживались не только комплекс правовых норм, получивший отражение в законах позитивного права, но и требования, порожденные самой жизнью, особыми условиями взаимодействия людей, например право первенства. Так, в категории естественного права обнаруживается взаимообусловленность права и явлений общественной жизни, например политического и экономического развития. Мы согласны с позицией ряда авторов, которые полагают, что естественное и позитивное право обнаружили ценность не в процессе построения абстрактных умозрительных конструкций, а в обосновании нового содержания права, которое отражало бы реальные жизненные процессы.

Как справедливо полагал С.С. Алексеев, реальное и явное понимание философского основания права может быть найдено тогда, когда будет применен естественно-правовой подход не только в качестве методологического принципа, но и в качестве онтологического основания. При этом естественные запросы еще не являются правовыми нормами. Прообразами юридических норм выступают требования и правила, совокупность которых характеризует содержание естественного права. «Миссия позитивного права заключается как раз в том, чтобы воплотить в самой

своей “плоти” органике требования, которые выражены в естественном праве, в прирожденных правах человека» [4. С. 133].

Сформированные естественной средой нормы и правила воспринимались сквозь призму правосознания как некие культурные коды, принимающие правовой облик и юридическое оформление уже в качестве норм позитивного права. И.А. Покровский писал об одной существенной особенности, заключенной в том, что естественное право не может выполнять функции, закрепленные за позитивным правом, например контролировать и давать оценку поступкам людей как основополагающего «критерия юридической правомерности или неправомерности этого поведения, в противном случае ни о законности, ни о верховенстве права в обществе не может быть и речи» [1. С. 57]. Но это не может служить основанием для критики естественного права в качестве общественного регулятора. Те критерии и оценки, которые основаны на повседневных условиях жизни людей, выступают как важнейшая идея позитивного права, его предосновы. Отметим то обстоятельство, что процесс актуализации аксиологического подхода в юридической практике напрямую связан с формированием установок естественного права. Если под содержанием последнего понимать иерархию ценностей «настоящего» права, являющегося образцом и идеалом позитивного права, то естественное характеризуется как важнейшая ценность.

В.С. Нерсесянц полагал, что в содержание понятия «естественное право», наряду с важнейшими правовыми свойствами, «включаются и различные моральные (религиозные, нравственные) характеристики. В результате такого смешения права и морали (религии и т.д.) естественное право предстает как симбиоз различных социальных норм… как некий ценностно-содержательный, нравственно-правовой (или – морально-правовой, религиозно-правовой) комплекс, с позиций которого выносится то или иное (как правило негативное) ценностное суждение о позитивном праве и позитивном законодателе (государственной власти)» [5. С. 48–49]. В данном подходе центральное место занимает этическая позиция, рассматривающая естественное право как выражение справедливости и равенства, которому в идеале должно быть тождественно позитивное право, отраженное в законах государства.

После падения наполеоновской империи в центре внимания юристов и философов права оказываются позитивное право, его кодификация, правовое и внеправовое действия, право как социальная институция, имеющая свою историю. Основная посылка философии позитивного права – автономия правового порядка относительно других сфер социальной жизни. Этот поворот к позитивному праву впервые осуществил Гегель. Десятилетие спустя философия права стала общепризнанным полем философского исследования правовых норм и правовой реальности в Германии (Ф.Й. Шталь, А. Лассон), Франции (Э. Лермине), Ж. Удо, В. Белин), Италии (А. Розмини). Весь XIX в. прошел по знаменем позитивного права. Надо отметить, что имелись различия в трактовке гражданского общества, которые существовали между сторонниками «естественного права» и «позитивного права». Если первые исходили из отождествления «гражданского общества» и политического государства, то вторые подчиняли «гражданское общество» как сферу права, регулирующего экономику, собственность, трудовые отношения.

На рубеже XVIII–XIX вв. происходит размежевание двух систем права – франко-германского нормативного права и англо-американского права прецедента. Это не только две различные судебные системы, но и два способа трактовки правовых норм. Да и понимание «гражданского общества» в этих правовых системах принципиально различно: в праве прецедента акцент делается на правах человека, а в нормативных системах – на приоритете закона, субъектом которого выступает государство.

В начале XX в. становятся явными протестные настроения против метафизики естественного права и позитивного. Не без влияния позитивизма формируется убеждение в том, что юриспруденция нуждается не в философии права, а в общей теории права. Такова позиция Л. Петражицкого и Г. Кельзена, и в наши дни такого рода позиция является популярной. Например, Ф. Эвальд полагал, что всякая система права субъективна и релятивна, поскольку формируется в определенной ситуации, выражает ее и не может мыслиться универсально. Общая теория права должна быть критичной относительно нормативных практических отношений и историчной, фиксируя ситуационную определенность права.

В исторической школе права (Г. Гуго, К.Ф. Савиньи, Г.Ф. Пухта) вообще отрицалось существование естественного права, по их оценкам, оно индивидуально, отражает национальные черты; кроме этого, оно изменяется от одной эпохи к другой. Эти положения дают известное объяснение позитивного права, но не выделяют определяющее, что приводит к пониманию его сущности. Это главное удалось найти И. Канту, развивавшему положения естественного права в формулировку категорического императива: поступай так, чтобы твоя свобода не ограничивала свободу других людей [6. С. 313–314].

Интерпретация естественного права в современной науке специфична. Это во многом обусловлено тем, что в сравнении с эпохой антифеодальных преобразований оформлялся новый взгляд на человека как субъекта и носителя естественных прав. В их перечень стали включать не только неотъемлемые права личности, но и социально-экономические, а также политические. Кроме того, естественное право в этих концептуальных построениях не рассматривалось как совокупность данностей, не подлежащих изменениям. (Р. Штаммлер вводит понятие «естественное право с изменяющимся содержанием»). Метафизический способ толкования пространства права опирался на содержание с ноуменальным, вечным и абсолютным содержанием социально-правовых феноменов, а предметом метафизического познания стали целостность трансцендентной сверхреальности, внутри которой правовая реальность пребывает как один из ее частных модусов. Опираясь на основоположения о Боге, душе и ее бессмертии, которые не могут быть

верифицируемыми, метафизический метод выступил как главное средство обоснования концепции естественного права, в ценностных установках которого человечество обнаруживало способ приобщения к абсолютным гармоничным установкам бытия. В их свете правопорядок есть малое отражение безграничности вечного, а нормы и ценности права отражают как мир метафизического абсолютного долженствования, так и мир сущего.

В начале XX в. такой подход получил название «возрожденное естественное право», в рамках которого неотомисты Ж. Маритен и В. Катрайн обращались к толкованию естественного закона Фомы Аквинского. Согласно концепции неотомистов, Бог выступает как обладатель абсолютной власти над всеми людьми, а естественный закон есть установленный божественным разумом императив о праве и долге. Так, приобщение человеком к сфере естественного права есть выражение сопричастности к божественной истине. Подчеркивая значение закона, неотомисты полагали, что естественное право раскрывается по мере приближения человека к Богу.

Так, неотомистами была положена собственная классификация прав человека:

– фундаментальные права личности являются естественными, так как обнаруживаются в самой природе человека;

– политические права регламентируются законом, однако подвержены влиянию со стороны естественного права и формируют некое единство;

– социальные права определяют качество и уровень жизни граждан.

Согласно концепции Ж. Маритена, христианский гуманизм Средневековья создал предпосылки для всестороннего развития личности, но к XX столетию, когда торжествует «бездуховная цивилизация», Бог «окончательно умер» [7. С. 42–43]. Возможность реформирования общества он связывал с принципами религиозного «интегрального гуманизма». Маритен возлагал надежду на обновление общественной жизни путем утверждения ценностей христианского персонализма, общего блага, плюрализма. Хотя он и выступил задолго до II Ватиканского собора против идей интегризма, им утверждалась необходимость активной деятельности католической церкви по распространению вечных духовных ценностей.

В настоящее время значительное место занимает позиция интегрирования естественного и позитивного права. Так, М.Н. Марченко заявлял о том, что процесс единства должен складываться как путь постепенного наполнения положительного права принципами естественного [8. С. 30]. О.В. Мартышин полагал, «что теория естественного права вполне совместима с анализом системы позитивного права, если верно определить ее место, если рассматривать как идеал. Неразрешимые проблемы возникают тогда, когда естественное право понимается не как идеал, а буквально, т.е. выдается за действующее право. Это создает путаницу» [9. С. 64]. Е.А. Бородин уточнял, что при этом «естественно-правовая концепция не дает определения существа права, а лишь требует от законодателя его сохранения» [10. С. 67].

Таким образом, проблема определения сущности права, роли и значения концепции естественного права остаются открытыми, поэтому выявление онтологического основания данных феноменов посредством гуманизма является актуальным. При этом гуманизм означает совершенствование человеческой природы и воплощение в жизнь идеальных ценностей, и в качестве такового есть сама по себе высшая и самодовлеющая цель человеческой жизни и деятельности. Будучи парадигмой подлинной человечности, гуманизм образует устойчивую связь между конкретными людьми и между поколениями. Несомненно, что за всеми внешними проявлениями, всем тем, чем руководствуется человек в своих правовых действиях, стоят гуманистические ценности и идеалы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2009. 351 с.
2. Гуго Гроций. О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956. М. : Ладомир, 1994. 868 с.
3. Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юрид. лит., 1981. Т. 1. 361 с.
4. Алексеев С.С. Теория права. М. : БЕГ, 1995. 320 с.
5. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М. : Норма: ИНФРА-М, 2012. 560 с.
6. Кант И. Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. I. 544 с.
7. Маритен Ж. Философ в мире. М. : Высш. шк., 1994. 192 с.
8. Марченко М.Н. Основные концепции права и государства в современной России (круглый стол) // Государство и право. 2003. № 5. С. 28–32.
9. Мартышин О.В. Метафизические концепции права // Государство и право. 2006. № 2. С. 64–71.
10. Бородин Е.А. Теория «живого права» в системе современного российского правопонимания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 64–70.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 17 ноября 2017 г.

METAPHYSICAL UNDERSTANDING OF THE DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF NATURAL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 100–104.
DOI: 10.17223/15617793/425/13

Veronica I. Miller, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: econom_law@surgpu.ru

Keywords: metaphysics of law; concept of natural law; humanism; human rights.

The article is devoted to the study of the problem of the significance of the concept of natural law in social-philosophical theories and practices. The formation of the concept of natural law is inextricably linked to the Western humanistic tradition. In the era of the New Time, the anthropocentric orientation of the Renaissance was reinterpreted and practically oriented to solve problems of humanistic human rights, which is reflected in the natural law doctrines of the time. The situation testified to the fact that the principle of

humanism of the Renaissance, which consisted in raising the question of human dignity, moved from the field of philosophy to the field of law. In the Enlightenment, the category of natural law gained a significant status of a philosophical idea in the philosophical and political thought. It stressed the connection of law with the realities of life itself; therefore, humanistic views became an important element of philosophical interpretations of law. At the same time, the idea of the value of the "natural law" phenomenon was not identical to current law; therefore, the problem of the humanization of law remained open. The problem of legal reality assessment in the philosophy of the New Time was due to the division of law into natural and positive. The entire 19th century was under the banner of positive law. The historical school of law denied the existence of natural law, they estimated it individually as the existence of a culture. In the early twentieth century, there were attempts to revive natural law. According to the concept of Neo-Thomists, God is the possessor of absolute power over all people, and natural law is the imperative of law and duty established by the divine mind. Thus, the communion of man to the sphere of natural law was expressed in belonging to the divine truth. Currently, a significant place is occupied by the position of integration of natural law into positive one. Humanism means improving human nature and bringing ideal values to life and, as such, it is the supreme and self-sufficient purpose of human life and activities. As a paradigm of true humanity, humanism forms a stable bond between individuals and between generations. There is no doubt that behind all the outward manifestations, everything that guides people in their legal actions, there are humanistic values and ideals. Thus, the problem of determining the nature of law, the role and importance of the concept of natural law remains open; therefore, to identify the ontological foundations of these phenomena by means of humanism is relevant.

REFERENCES

1. Pokrovskiy, I.A. (2009) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow: Statut.
2. Hugo Grotius. (1994) *O prave voyny i mira* [The rights of war and peace]. Translated from Latin. Reprint of the 1956 edition. Moscow: Ladomir.
3. Alekseev, S.S. (1981) *Obshchaya teoriya prava: v 2 t.* [The general theory of law: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
4. Alekseev, S.S. (1995) *Teoriya prava* [The theory of law]. Moscow: BEG.
5. Nersesyants, V.S. (2012) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [The general theory of law and the state]. Moscow: Norma: INFRA-M.
6. Kant, I. (1965) *Sochineniya: v 6 t.* [Works: in 6 vols]. Translated from German. Vol. 4. Part 1. Moscow: Mysl'.
7. Maritain, J. (1994) *Filosof v mire* [Philosopher in the world]. Translated from French. Moscow: Vyssh. shk.
8. Marchenko, M.N. (2003) Osnovnye kontseptsii prava i gosudarstva v sovremennoy Rossii (kruglyy stol) [The main concepts of law and state in modern Russia (round table)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 5. pp. 28–32.
9. Martyshin, O.V. (2006) Metafizicheskie kontseptsii prava [Metaphysical concepts of law]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 64–71.
10. Borodin, E.A. (2014) The "living law" theory in the system of contemporary Russian understanding of law. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki.* 2. pp. 64–70. (In Russian).

Received: 17 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 105–111. DOI: 10.17223/15617793/425/14

УДК 165

И.В. Черникова

ПРОЦЕДУРА ИНТЕРПРЕТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Анализируется специфика процедуры интерпретации в естествознании, а также ее формы и границы применимости? Выделены факторы, обусловившие если не «замену законодательного разума интерпретативным», то его распространение в современной науке о природе. Это утверждение конструктивистских схем познания; актуализация исследований социальной структуры науки; обращение науки к объектам нового типа – сложным саморазвивающимся системам. Показано, что на современном этапе развития науки происходит конвергенция естественно-научного и социально-гуманитарного знания.
Ключевые слова: познание; восприятие; объяснение; интерпретация; эволюционная теория познания; конструктивизм; объективность.

Проблема, которая будет анализироваться в данной статье: в чем специфика процедуры интерпретации в естествознании, каковы ее формы и границы применимости? Анализируя данные вопросы, будем учитывать, прежде всего, историчность научного знания. В отечественной философии науки трансформация парадигм научной рациональности представлена в концепции В.С. Степина (классическая, неклассическая, постнеклассическая). Развитие науки, изменение форм научной рациональности привели к изменению традиционного противопоставления наук о природе, нацеленных на объяснение законов природы, и наук о культуре, в которых понимание достигаемо через наиболее полную интерпретацию. Можно выделить ряд факторов, обусловивших если не «замену законодательного разума интерпретативным», то его распространение в современной науке о природе.

Это, во-первых, утверждение конструктивистских схем познания, во-вторых, актуализация исследований социальной структуры науки: «Социологи и философы пришли к общему пониманию науки как интерпретационной деятельности, в ходе которой природа физического мира социально конструируется» [1. С. 167]. В-третьих, предметом современного естествознания стали объекты нового типа – сложные саморазвивающиеся системы, так называемые человекоразмерные объекты. В итоге роль интерпретации как метода познания в науках о природе возросла. Актуализирована проблема: способна ли современная наука формулировать фундаментальные законы природы или на современном этапе развития науки ее притязания на выявление фундаментальных законов весьма ограничены, и в естествознании законам противостоит интерпретация, а объяснению – описание? [2–4].

Прежде всего, заметим, что интерпретация имеет фундаментальный характер и присутствует на всех уровнях познавательной деятельности. Однако в классической парадигме научности виды интерпретации в социально-гуманитарных и естественных науках весьма различны. На современном этапе развития научного знания происходит конвергенция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Вопрос в том, есть ли специфика в трактовке интерпретации в современной постнеклассической науке, когнитивной практикой которой является эволюционная теория познания, какие новые смысловые контексты интерпретации возникают в эволюционной теории познания, объектом которой являются «человекоразмерные» сложные системы?

Процедура интерпретации как форма познания сложилась задолго до обсуждения в философской герменевтике в философии XX в. В Античности процедура интерпретации использовалась неоплатониками для выявления смыслов и значений аллегорий. В Средние века интерпретация становится основным методом толкования текстов Священного Писания. В Новое время формируется философское осмысление процедур интерпретации и понимания, которое принимает различные формы: интерпретация как истолкование исторических текстов у Ф. Шлейермахера; В. Дильтей дополняет процедуру интерпретации такими психологическими аспектами, как вчувствование, эмпатия. Но наиболее полное раскрытие проблема интерпретации получила в феноменологии Э. Гуссерля и в связи с лингвистическим поворотом в философии, когда была поставлена проблема интерпретации как способа бытия, которое существует, понимая (Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер). Для философской герменевтики характерно не сводить интерпретацию только к методу работы с текстами, но распространять ее на проблемы человеческого бытия, поскольку интерпретация составляет фундаментальную основу не только мышления, но и любой коммуникативной деятельности и взаимопонимания между людьми.

Феноменологическая герменевтика получила развитие в философии П. Рикера. По определению Рикёра, «интерпретация – это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении» [5. С. 51]. Среди современных отечественных философов, анализирующих философские и эпистемологические смыслы интерпретации, следует выделить Л.А. Микешину, которая анализировала процедуру интерпретации в контексте различных когнитивных практик, поставив задачу следующим образом: «Философское рассмотрение интерпретации предполагает выявление онтологических предпосылок этого феномена, понимание природы интерпретации в различных философских концепциях и научных дисциплинах, а также собственно эпистемологический ее анализ» [6. С. 305].

Однако в работах всех вышеупомянутых авторов проблема интерпретации рассматривается прежде всего в контексте социально-гуманитарного знания. Полагаю, что в значительной мере это объясняется традицией, восходящей к неокантианцам В. Виндель-

банду и Г. Риккерту, классифицировать многообразие научного знания по методу. Номотетическому методу естествознания Виндельбанд противопоставляет идеографический метод истории, направленный на изображение единичного и особенного. Осуществляя классификацию наук по их методам, Риккерт противопоставляет генерализирующему методу естествознания индивидуализирующий метод истории. Естествоиспытателя как ученого, отмечал Риккерт, никогда не интересует отдельный случай сам по себе, во всей его неповторимости, – он стремится к обобщающему описанию природы, устанавливающему законы. Историк же пользуется индивидуализирующим методом, но оценку фактов он производит не исходя из субъективных предпочтений, а из их культурной значимости [7. С. 75]. Выявление культурных ценностей, по Риккерту, составляет главное содержание идеографических наук – наук о культуре.

Рассмотрим, каковы предпосылки процедуры интерпретации в естествознании, принципом научного мировоззрения которого является реализм, не отождествляющий реальное с феноменально данным. Прежде всего, следует учитывать саму природу научного знания, тот факт, что наука – это система высказываний. Ученый всегда имеет дело со знаниями, существующими как текстовая реальность. Наука имеет дело не с вещами, а с моделями, высказываниями. М. Томпсон отмечал, что науку можно рассматривать как некую форму языка, сконструированную человеком. Наука есть сплетение слов, представлений, математических расчетов, формул, теорий. Вот почему возможна и нужна философия науки. Ибо сразу после проведения изысканий и опытов, их результаты оцениваются, обретая свое место внутри этого вечно меняющегося сплетения высказываний. Философия способна напомнить ученым, что факты всегда содержат элемент интерпретации [8. С. 58]. Итак, в науке, в том числе и в естествознании, имеют место научные высказывания, которые также можно интерпретировать.

На языковой аспект применения интерпретации в науке обращает внимание и В.С. Степин, отмечая, что одна и та же ситуация может получить различные описания в зависимости от того, с помощью каких понятий мы ее интерпретируем. На чувственно воспринимаемый материал мы можем налагать разные эмпирические схемы, которые и задают получаемое описание этого материала. «Эмпирические объекты, – пишет он, – хотя и сопоставляются с реальными предметами опыта, не тождественны последним. Они суть абстракции, существующие только в идеальном плане, как смысл знаков эмпирического языка науки» [9. С. 144]. Итак, факты науки суть высказывания, требующие определенной обработки и толкования информации нашим разумом. Этот аспект условно обозначим как языковой, и он характеризует научное познание в целом.

Далее обратим внимание на разницу в трактовках познания в различных когнитивных практиках или, в применении к научному познанию, в различных эпистемологических схемах. В эпистеме античности познание трактуется как приобщение к Логосу – мировому Закону через созерцание, умозрение. В познании субъект копирует объект, знание как результат познания, является информационной копией объекта. В средневековой культуре формируется новая когнитивная практика – герменевтическая. Здесь разум получает основания в особой человеческой деятельности, кредо которой выражено Августином: «Верь, чтобы понимать». Познание становится истолкованием, знание в герменевтической модели есть интерпретация. Научное мышление, сформировавшееся в эпоху Нового времени и являющееся важнейшей ценностью современной культуры, в отличие от мышления Античности возникало и развивалось в рамках репрезентативной модели познания. Познание как представление – это изменение вектора мышления: не от объекта к субъекту, а от субъекта к объекту. В этом состояла суть коперниканского переворота в гносеологии, совершенного И. Кантом. В репрезентативной модели знание становится представлением. Субъектом познания становится не просто мыслящий индивид – эмпирический субъект. Формируется понятие гносеологического субъекта (Дж. Локк, Ф. Бэкон, Р. Декарт). У Канта он трактуется как трансцендентальный субъект, у Маркса – как общество.

Новая эпистемологическая схема, получившая название деятельностно-практической эпистемологии, сформировалась на основе диалектико-материалистической трактовки познания. В ней познание трактуется не как простое отражение типа фотографирования, копирования субъектом объекта, а как более сложный процесс. Этот процесс есть своего рода челночное движение – от субъекта к объекту и обратно, в ходе которого первоначальная теоретическая модель проецируется на объективную реальность, сопоставляется с ней, преобразуется и вновь проецируется. Так осуществляется «доводка» теоретической модели. Здесь сохраняется репрезентативная модель знания, знание как представление, но представление, которое не только субъективно конструируется, но постоянно в проективной практической деятельности проверяется и подправляется.

В современном естествознании актуализированы такие эпистемологические схемы, как и эволюционная эпистемология (эволюционная теория познания, в терминологии Г. Фолмера). В эволюционной теории познания современная наука, ориентированная на изучение саморазвивающихся объектов, таких сложных природных комплексов, включающих человека, как биосфера и ноосфера, вынуждена включать во внутринаучный контекст то, что раньше стремилась элиминировать – человека. В познании такого рода объектов, называемых «человекоразмерными», позиции внешнего наблюдателя не существует. Ранее такая гносеологическая ситуация характеризовала только гуманитарное знание.

Познавательная ситуация второй половины XX в. характеризуется стиранием грани между естественнонаучным и гуманитарным знанием. Эпистемологическая ситуация, возникшая в связи с изучением человекоразмерных объектов, получила дальнейшее развитие в контексте холистического мировидения, в котором человек не часть, а микрокосм. Центральной в холистическом мировидении является идея целост-

ности мира и человека, включенности человека в саму ткань природных процессов. Наряду с еще сохраняющейся дисциплинарной организацией знания, идет активное формирование междисциплинарного знания, в котором науки объединяются для решения конкретной проблемы. Это новое знание является содружеством естественнонаучного и гуманитарного подходов, местом, где устанавливается новое отношение человека к природе – отношение диалога.

Для нового этапа развития науки характерно снятие субъектно-объектного дуализма, в результате уходит со сцены науки «абсолютный наблюдатель», занимающий позицию внешнего наблюдателя. Необходимой предпосылкой эпохи диалога становится отказ от субъектно-объектного дуализма в познании, когда субъект и объект принимаются в их равной ипостаси. Гуманизация знания, отмечаемая в современном естествознании, не означает отказа от объективности, но указывает на новое понимание объективности, природа как бы проговаривает себя через человека.

Постнеклассическая наука, ядром которой является эволюционно-синергетическая парадигма, характеризуется также экологизацией мышления, разрушающей миф о всесилии науки. Формируется такой способ объяснения мира, где истина конструируется, а не предстает как слепок объекта. Происходит переход от статического, структурно ориентированного мышления к мышлению динамическому, ориентированному на процесс. Синергетика – одна из тех междисциплинарных областей, где происходит формирование нового эпистемологического горизонта. Онтология синергетики – это онтология целостного мира, синергетика перебрасывает мостик от неживого к живому, выявляет универсализм процессов самоорганизации. Такому подходу соответствует концепция наблюдаемости и восприятия, где не проводится жесткого различия на наблюдателя и внешний физический мир.

Когнитивной практикой наиболее адекватной в познании реальности, формирующейся в рамках эволюционно-синергетической парадигмы современного естествознания, является эволюционная эпистемология или эволюционная теория познания. Эволюционная эпистемология определяется как «теория познания, которая исходит из трактовки человека как продукта биологической и социальной эволюции» [10. С. 413]. Основоположником этого направления считают философа Д. Кэмпбелла, который и ввел термин «эволюционная эпистемология», и австрийского биолога К. Лоренца, нобелевского лауреата по медицине и физиологии за 1973 г. Фундаментальное значение для эволюционной теории приобрели его работы «Кантовское учение об априорном в свете современной биологии» и «Оборотная сторона зеркала». Исходным моментом исследований является сформулированное еще И. Кантом положение об априорных формах рассудка. Согласно априоризму разум отнюдь не «чистая доска», человек подходит к явлениям с определенными формами созерцания и мышления, с помощью которых упорядочивает явления.

Откуда происходят априорные формы? К исследованию этой гносеологической проблемы обращается эволюционная теория познания. «Априори базируется на центральной нервной системе, которая столь же реальна, как и вещи внешнего мира, чью феноменальную форму оно (априори) задает для нас» [11. С. 19].

По мнению Лоренца, понимая познание как естественно-исторический процесс, мы вписываем когнитивный опыт в эволюционный процесс. Тогда когнитивные структуры априорные для индивида оказываются апостериорными для вида. Суть эволюционной эпистемологии он выразил следующим образом: наши познавательные способности есть достижение врожденного аппарата отражения мира, который был развит в ходе родовой истории человека и дает возможность фактического приближения к внесубъективной реальности.

Предметом эволюционной эпистемологии является эволюция когнитивных структур, механизмы роста знания, познание, понимаемое как функция развития, функция жизни. В таком контексте эволюционная эпистемология предстает одновременно «биологизацией эпистемологии» и «эпистемологизацией биологии», новой междисциплинарной коммуникацией науки и философии.

Существенный импульс дальнейшего развития направление получило в более поздних работах У. Матураны и Ф. Варелы. Поставив своей целью познание познания «без какой-либо независимой от нас системы отсчета», авторы подтвердили один из основных тезисов эволюционной эпистемологии: жизнь, в аспекте ее конститутивной сущности, есть познавательный процесс, а познание есть конструирование новых структурных сопряжений, корреляций [12. С. 147]. Становление нового направления было связано с ориентацией на исследование реального познавательного процесса средствами эволюционного естествознания, прежде всего биологии. Целью эволюционной эпистемологии являются исследование биологических предпосылок познания и объяснение его особенностей на основе современных эволюционных воззрений. Эволюционная эпистемология, в отличие от классической эпистемологии, стремившейся (умозрительно) создать идеальную модель познания, обратилась к исследованию реальных процессов познания.

Всякая теория познания имеет в качестве основания систему онтологических представлений. Эволюционная эпистемология также опирается на важнейшие для нее философские предпосылки. Представим их в формулировке Г. Фоллмера. Важнейший постулат обозначается термином «гипотетический реализм», согласно которому имеется реальный мир, независимый от восприятия и сознания. Постулат структурности – реальный мир структурирован, между всеми областями действительности существует связь и сами упорядочивающие принципы реальны и объективны. Постулат взаимодействия – наши чувственные органы аффицируются реальным миром. Постулат объективности – научные высказывания должны быть объективными в смысле соответствия с действительностью.

Все вышесказанное характеризует эволюционную эпистемологию как практику познания, адекватную конструктивистским концепциям познания. К феномену познания нельзя подходить, будто во внешнем мире существуют факты или объекты, которые мы

постигаем и храним в голове. В эволюционной эпистемологии познание рассматривается не как представление мира в готовом виде, а как непрерывное сотворение мира через процесс самой жизни. Эволюционная эпистемология описывает познание как процесс конструирования, но вопрос в том, кто конструирует и по каким законам? Известно, что формы конструктивизма весьма разнообразны. Например, сторонники социального конструктивизма трактуют знание как функцию лингвистических конвенций, утвердившихся в культурных традициях и стандартах научного дискурса. Но это лишь одна сторона медали.

Вторая сторона раскрывается в эволюционной эпистемологии и на основе онтологии, построенной на идеях глобального эволюционизма, системности [13. С. 35–50]. В этом ракурсе коммуникативный уровень взаимодействий понимается не как фундаментальный, а как эволюционно обусловленный. Познание трактуется как «проживание», совместная деятельность. Эволюционный конструктивизм основывается на установке реализма, исходит из того, что мышление не открывает объекты и не создает их, а скорее конструирует, извлекает из реальности то, что соотносимо с его деятельностью. Конструктивистская концепция познания строится на основе идей самоорганизации и историзма.

Один из ее основоположников эволюционной эпистемологии К. Поппер критикует традиционную созерцательную модель познания, в которой познание предстает как отражение, копирование субъектом объекта. Эту теорию он называл бадейной: чувственные данные как бы вливаются в «бадью-человека» через семь «отверстий – органы чувств», в бадье они связываются, классифицируются и формируются в теории. Отмечая, что первым с критикой традиционной (созерцательной) модели познания выступил Кант, К. Поппер так характеризовал процесс познания: «Мы не ждем пассивно повторений, которые внушают или навязывают нам регулярности, а сами активно пытаемся налагать регулярности на мир. Мы пытаемся обнаружить в вещах сходные черты и интерпретировать их на основе законов, изобретенных нами» [14. С. 95]. Как видим, в эволюционной эпистемологии познание – это конструирование, но не на основе субъективных предпочтений, а регулируемое ограничениями, процесса жизнедеятельности и адаптации. Отсюда понятно возрастание роли процедуры интерпретации, что фиксирует не только К. Поппер.

Г. Фолмер, наиболее глубоко проанализировавший философские основания эволюционной теории познания, отмечал, что познание действительности есть адекватная (внутренняя) реконструкция и идентификация внешних объектов. Базовым этапом познания вообще и научного в частности является восприятие, которое есть не что иное, как результат интерпретации. «Всякое восприятие является уже интерпретацией чувственных данных» [15]. По Фолмеру, в процессе восприятия реальные объекты проецируются посредством света, звуковых волн, химических веществ, теплового излучения или гравитационных полей на наши органы чувств. В процессе познания мы пытаемся реконструировать объекты, исходя из их проекций. Поскольку всякая проекция связана с потерей информации, в процессе реконструкции эта информация должна быть, по крайней мере частично, восстановлена. Эта реконструкция является интерпретацией.

Теория зрительного восприятия была предложена американским психологом Дж. Гибсоном. В теории Дж. Гибсона, которую он назвал экологическим подходом, восприятие – это не процесс внутри субъекта, а способ действия субъекта в мире. В проективно-конструктивной теории познания предполагалось наложение на мир объектов результатов конструктивной, теоретической деятельности сознания. Согласно Гибсону, имеет место прямое извлечение информации о реальности, которую он называет не физическим миром, а окружающим миром. «Видеть окружающий мир – значит, извлекать информацию из объемлющего светового строя. Регистрируется, запечатлевается и сохраняется информация, а не чувственные данные» [16. С. 375]. Дж. Гибсон подчеркивает, что извлечение информации есть не дискретный акт, а процесс – «поток, аналогичный потоку сознания», причем непрерывный процесс восприятия предполагает и восприятие самого себя. Извлечение информации, в том числе и визуальной, оказывается скорее психологическим процессом, чем физиологическим. В этом случае познание подобно свободному коммуникативному процессу, в котором порождаются устойчивые смысловые структуры. При этом свобода предстает как самоорганизующиеся отношения всех участников процесса: человека, его ценностей с тем, что вне человека. В системе «Человек – Природа» такого рода отношения определяются сегодня как коэволюция.

Таким образом, эволюционная эпистемология представляет эпистемологическую схему, в которой познание понимается как целостный физиологически-ментальный процесс. Эволюционная эпистемология дает ответ на проблему, поставленную Кантом, – откуда приходят априорные формы познания. Ядро кантовского априоризма в том, что человек подходит к явлениям с определенными формами созерцания и мышления, с помощью которых упорядочивает эти явления. В эволюционной эпистемологии разум в процессе приобретения знаний следует определенному заранее заданному шаблону мышления (pattern). Идея, как отмечают сторонники эволюционной эпистемологии, заключается в том, что существует изоморфизм форм между концептуальной сетью науки и концептуальным порядком разума, т.е. концептуальное развитие науки идет параллельно концептуальному развитию разума. При этом разум не остается пассивным, но и не отрывается от онтологической основы, он взаимодействует с этой сетью и преобразует ее. Итак, второй аспект применения интерпретации в естествознании обусловлен ролью восприятия – фундаментального акта познания, который трактуется в эволюционной теории познания как интерпретация чувственных данных. Назовем этот аспект гносеологическим.

Перейдем к рассмотрению третьего аспекта использования процедуры интерпретации в постнеклассической науке и возрастания ее роли при исследовании сложных саморазвивающихся систем. Назовем его конструктивистским. Выше уже отмечалось, что

эволюционная эпистемология описывает познание как процесс конструирования. Процессы восприятия, интерпретации, хранения, воспроизводства информации оказались в центре внимания конструктивизма. Известно несколько различных видов конструктивизма: радикальный конструктивизм, эпистемологический конструктивизм, социальный конструктивизм, феноменологический конструктивизм. Автором был введен термин «эволюционнный конструктивизм» [17, 18]. В контексте эволюционного конструктивизма субъект не копирует объект, а вступает с ним в разного рода отношения: деятельностно-практические, моделирования, отношения коммуникативного действия. Происходит возврат к знанию – представлению, но представление здесь служит выражением и субъекта, и объективного мира, являясь продуктом их отношений. Здесь можно говорить о познании как интерпретации, но интерпретации, которая приобретает весьма специфическую форму. Она перестает носить исключительно субъективный характер. Познание понимается как циклический самореферентный процесс взаимодействия субъекта, объекта и коммуникативной среды. Яркую метафору конструктивистского истолкования познания предложил Хайнц фон Ферстер – «процесс познания есть танец человека с миром» [19. С. 143].

С целью исследования поставленной проблемы – специфики процедуры интерпретации в эволюционном естествознании, уместно обратиться к интерпретационному конструктивизму. Методология интерпретационного конструктивизма разработана Х. Ленком. «Нет независимого от интерпретации подхода к миру, ни в области познания, ни в сфере деятельности, ни где-либо еще. Мир конституируется и структурируется согласно нашим человеческим потребностям, способностям и возможностям – и это относится как к органическим познавательным возможностям, так и к понятийным формам, выраженным средствами языка. Мир лишь в той степени доступен пониманию, в какой он структурируется, оформляется с помощью выработанных человеком или преднайденных в нас интерпретационных схем» [20]. Х. Ленк отмечает, что все, что мы можем воспринять и осмыслить как познающие и деятельные существа, зависит от различного рода интерпретаций. Человек зависим от интерпретации в актах мышления, познания, поведения, в ситуации структурирования, конституирования, тем более, это относится к оценке.

В основе методологии интерпретационистского подхода, согласно Х. Ленку, лежат так называемые схемные интерпретации как базовые процедуры познания. Продуктивность применения понятия схемы для установления связи между чувственным восприятием, с одной стороны, и понятийным схватыванием (пониманием) – с другой, обосновал И. Кант. Но если Кант применяет понятие схемы к предметам опыта, данным в созерцании, то, согласно Ленку, в качестве схемы можно, прежде всего, рассматривать все возможные формы структурирования или структурные образования репрезентативного характера, которые «извне» замещаются знаками, а «изнутри» – представлениями и активизацией образов.

Существование схем и схемообразования получило объяснение в когнитивной психологии У. Найсера и развивается сегодня в когнитивной науке. Образ восприятия всегда обнаруживает себя как определенная конструкция, интеграция, он не является просто отражением действительности или внешних сигналов, как они есть сами по себе. В результате исследований в когнитивной науке стало понятно, что формирование понятий для описания предметного мира или его понимания есть в принципе тот же самый процесс, что и их применение. Конституирование схем и реконструирование, равно как реактивирование определенных схем, которые мы уже конституировали, происходит тем же самым способом и на той же самой основе. В схемном интерпретировании познание и деятельность переходят друг в друга.

Итак, все познание и деятельность несут на себе печать схемной интерпретации и структурируются при ее посредстве. Схемное интерпретирование, как отмечает Х. Ленк, необходимо в любом акте восприятия, понимания, мышления, поведения, вообще деятельности. Интерпретирование в этом смысле является объединительным, собирательным знаком для многообразных способов, формирующих образы, представления, репродуктивных актов деятельности, и прежде всего символического изображения и репрезентации, которые определяются и осуществляются сознательно действующим субъектом.

Четвертый и более специфичный, обусловливающий применение процедуры интерпретации в постнеклассической науке, – это нелинейность изучаемых процессов и саморазвитие как характеристика сложных систем – объектов постнеклассической науки. Для объяснения нелинейности и самоорганизации приходится вводить дополнительные параметры порядка и интерпретировать факты с учетом новой сложности. Назовем этот аспект применения процедуры интерпретации эволюционным. Возможны ли законы эволюции природы или возможны только интерпретации? И можно ли тогда говорить об объективности как ценности современного естествознания? Каковы критерии адекватности подобной интерпретации?

И. Пригожин, анализируя особенности современной науки, открывшей необратимость и самоорганизацию в природе, отмечает, что «нам надлежит пересмотреть формулировку законов физики в соответствии с тем открытым эволюционирующим миром, в котором живет человечество» [21. С. 96]. Он характеризует современную науку как новый диалог человека с природой. На вопрос «Что делает этот диалог возможным», он отвечает: «Мир, обратимый во времени, был бы миром непознаваемым. Познание предполагает, что мир воздействует на нас и наши приборы, что существует взаимодействие между познающим и познаваемым и что это взаимодействие создает различие между прошлым и будущим. Становление – неотъемлемый, sinequa non, атрибут науки и самого познания» [Там же. С. 131]. Как видим, и в физике познание становится диалогичным, а интерпретация в физике приобретает эволюционную размерность.

Интерпретация как метод социально-гуманитарного познания характеризуется не только как логико-методологическая процедура, но и как процедура, имеющая онтологические основания: такие характеристики объекта, как смыслополагание и целе-

устремленность. На онтологические аспекты интерпретации внимание обращали Ф. Ницше, для которого человек «полагает перспективу», Э. Гуссерль, отмечавший, что «между сознанием и реальностью поистине зияет пропасть смысла» [22. С. 251–252], Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Э. Кассирер, называвший интерпретацию формами чеканки бытия.

Картина реальности, формируемая в эволюционно-синергетической парадигме, характеризуется как сеть взаимосвязей, включающая человека. «Человекоразмерные» объекты постнеклассической науки – это нелинейные саморазвивающиеся системы, в функционировании которых выявлены и «имманентная случайность» (И.Р. Пригожин), и «ненаправленная направленность», и способность к самоорганизации, и нелинейность. Мы не будем здесь обсуждать, можно ли эти характеристики функционирования уподобить спонтанности, целеустремленности. Однако нельзя не согласиться, что онтология нелинейного мира – это не онтология механицизма. Особое значение приобретают ценностные параметры, характеризующие бытие сложных саморазвивающихся систем.

А.Л. Никифоров, сравнивая процедуру интерпретации в естественных и гуманитарных науках, отмечал, что естествознание и история имеют дело с принципиально разными объектами. Поведение людей, в отличие от поведения природных объектов, неразрывно связано с ненаблюдаемыми психическими состояниями, и описание этого поведения необходимо включает в себя цели, стремления, желания действующих людей. «Описание поведения людей включает в себя не одну, а две интерпретации, – именно это коренным образом отличает естественнонаучное описание от описания в гуманитарных науках. Если в естествознании интерпретация представляет собой наложение терминов естественного и научного языка на чувственное восприятие, то в гуманитарных науках на эту – первичную – интерпретацию налагается еще одна – вторичная – интерпретация намерений действующих субъектов» [23].

На наш взгляд, на современном этапе развития науки уже невозможно столь жесткое разграничение в методах естественных и методах гуманитарных наук. Напротив, обсуждается существование изоморфизма в естественнонаучном и социально-гуманитарном знании. Намеченные контуры анализа эволюционного аспекта интерпретации в контексте системно-эволюционного подхода современной науки далеко не завершены. Однако вышесказанное позволяет заключить, что на современном этапе развития науки происходит конвергенция естественнонаучного и социально-гуманитарного знания. Методы, характерные для социогуманитарных наук – интерпретация, диалогичность, индивидуализирующий метод исторического познания, трансформируясь и обретая специфику, находят применение в науках о природе. Методы, характерные для социогуманитарных наук – интерпретация, диалог, индивидуализирующий метод исторического познания, трансформируясь и обретая специфику, находят применение в науках о природе.

Выделены и проанализированы четыре аспекта, обусловливающих применение процедуры интерпретации в современном естествознании: языковой, гносеологический, конструктивистский, эволюционный. Языковой аспект обусловлен природой научного знания, в котором факты науки суть высказывания, требующие определенной обработки и толкования информации нашим разумом. Гносеологический аспект применения интерпретации в естествознании обусловлен ролью восприятия – фундаментального акта познания, который трактуется в эволюционной теории познания как интерпретация чувственных данных. Конструктивистский аспект обусловлен тем, что в постнеклассической науке процесс познания приобретает конструктивистское истолкование, представленное, в частности, в интерпретационном конструктивизме Х. Ленка. Эволюционный аспект применения процедуры интерпретации обусловлен обращением современной науки к исследованию нелинейности, самоорганизации, эволюции в рамках парадигмы сложности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малкей М. Наука и социология знания. М. : Прогресс, 1983. 253 с.
2. Будущее фундаментальной науки: концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы. М. : URRS, 2011. 288 с.
3. Дэвидсон Д. Истина и интерпретация. М. : Праксис, 2003. 448 с.
4. Джон Хорган. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. СПб. : Амфора, 2001. 479 с.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Академический Проект, 2008. 695с.
6. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. М. : Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 413 с.
8. Томпсон М. Философия науки. М. : Файер-Пресс, 2003. 304 с.
9. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
10. Campbell D.T. Evolutionary epistemology // The philosophy of Carl Popper. Le Selle (III.) : Open court, 1974. 459 p.
11. Лоренц К. Кантовская концепция a priori // Эволюция. Язык. Познание. М. : Языки русской культуры, 2000. 272 с.
12. Матурана У. Варела Ф. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
13. Черникова И.В. Постнеклассическая наука и философия процесса. Томск : НТЛ, 2007. 252 с.
14. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики. М. : Эдиториал УРРС, 2000. 464 с.
15. Герхард Фоллмер. Эволюция и проекция. Начала современной теории познания. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4707 (дата обращения: 11.10.2017).
16. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М., 1988.
17. Chernikova I.V. Chernikova D.V. Evolutionary Epistemology as a Cognitive Practice of Postnonclassical Science. URL: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801020 (дата обращения: 30.09.2017).
18. Черникова И.В., Черникова Д.В. Эволюционный конструктивизм: к вопросу о познании познания // VI Международная конференция о когнитивной науке : тез. докл. Калининград, 2014. 752 с.
19. Князева Е.Н. Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. М. : ИФ РАН, 2006. Вып. 12. С. 133–154.
20. Ленк Х. Схемные интерпретации и интерпретационный конструкционизм. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000058/ (дата обращения: 30.09.2017).

21. Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2000. 208 с.
22. Гуссерль Э. Избранные работы. М. : Территория будущего, 2005. 464 с.
23. Никифоров А.Л. Интерпретация в естественных и гуманитарных науках. URL: http://iphras.ru/uplfile/socep/nikiphorof.pdf (дата обращения: 30.09.2017).

Статья представлена научной редакцией «Философия» 21 октября 2017 г.

INTERPRETATION PROCEDURE IN THE CONTEMPORARY NATURAL SCIENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 105–111.
DOI: 10.17223/15617793/425/14

Irina V. Chernikova, Tomsk State University; Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernic@mail.tsu.ru

Keywords: cognition; explication; interpretation; evolutionary theory of cognition; constructivism; objectivity.

The paper focuses on the problem of the specific character of interpretation procedure in natural science, its forms and limits for application. A range of factors is determined which conditioned expansion if not "replacement of the constituent mind by interpretative" in the contemporary natural science. First, it is affirmation of the constructivist schemes of cognition. Second, it is an update of the research of the science social structure. Third, a new type of objects – complex self-developing systems, the so called "human-dimension" objects – became a subject for cognition in the contemporary natural science. Philosophers fix a change of norms for reality cognition, which is reflected in the non-fundamentalist interpretation of knowledge, in relativization and humanization of cognition. The subject of cognition is interpreted as a cultural and historical product of communications rather than as the proximately given. As a result, the role of interpretation as a method of cognition in natural science has considerably increased. Is the contemporary science able to formulate the fundamental laws of nature, or are the attempts of the contemporary science to reveal the fundamental laws of nature significantly limited? Does interpretation confront the laws, does description confront explication? It is highlighted that at the current stage of science development we witness the convergence of natural science, humanities and social science. The methods representative for humanities and social sciences (interpretation, dialogue, individualizing method of historical cognition) being transformed and finding specificity are applied in natural science. Four aspects conditioning application of the interpretation procedure in the contemporary natural science: linguistic, gnosiological, constructivist and evolutionary, are revealed and analyzed. The linguistic aspect is conditioned by the nature of scientific knowledge where scientific facts are statements requiring certain processing and interpretation by our mind. The gnosiological aspect of interpretation procedure in natural science is conditioned by the role of perception, a fundamental act of cognition rendered as interpretation of sensual data in the evolutionary cognition theory. The constructivist aspect is conditioned by the fact that in postnonclassical science the process of cognition acquires a constructivist explanation, represented inter alia in the interpretational constructivism of Hans Lenk. The evolutionary aspect of interpretation procedure is determined by the contemporary science appeal to research of nonlinearity, self-organization and evolution within the complexity paradigm.

REFERENCES

1. Malkey, M. (1983) *Nauka i sotsiologiya znaniya* [Science and the sociology of knowledge]. Moscow: Progress.
2. Krushanov, A.A. & Mamchur, E.A. (eds) (2011) *Budushchee fundamental'noy nauki: kontseptual'nye, filosofskie i sotsial'nye aspekty problem* [The future of fundamental science: the conceptual, philosophical and social aspects of the problem]. Moscow: URRS.
3. Davidson, D. (2003) *Istina i interpretatsiya* [Inquiries into truth and interpretation]. Translated from English. Moscow: Praksis.
4. Horgan, J. (2001) *Konets nauki. Vzglyad na ogranichennost' znaniya na zakate Veka Nauki* [The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age]. Translated from English. St. Petersburg: Amfora.
5. Ricouer, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Translated from English. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
6. Mikeshina, L.A. (2002) *Filosofiya poznaniya. Polemicheskie glavy* [Philosophy of cognition. Polemic chapters]. Moscow: Progress-Traditsiya.
7. Rickert, H. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science about nature and science about culture]. Translated from French. Moscow: Respublika.
8. Thompson, M. (2003) *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Translated from English. Moscow: Fayer-Press.
9. Stepin, V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Campbell, D.T. (1974) Evolutionary epistemology. In: Schilpp, A. (ed.) *The philosophy of Carl Popper. Le Selle (III.)*. Open court.
11. Lorenz, K. (2000) Kantovskaya kontseptsiya a priori [Kant's Doctrine of the A Priori]. Translated from English. In: Merkulov, I.P. (ed.) *Evolyutsiya. Yazyk. Poznanie* [Evolution. Language. Cognition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
12. Maturana, H.R. & Varela, F.J. (2001) *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
13. Chernikova, I.V. (2007) *Postneklassicheskaya nauka i filosofiya protsessa* [Postnonclassical science and the philosophy of the process]. Tomsk: NTL.
14. Lakhuti, D.G., Sadovskiy, V.N. & Finn, V.K. (2000). *Evolyutsionnaya epistemologiya i logika sotsial'nykh nauk. Karl Popper i ego kritiki* [Evolutionary epistemology and the logic of social sciences. Karl Popper and his critics]. Moscow: Editorial URRS.
15. Vollmer, G. (2010) *Evolyutsiya i proektsiya. Nachala sovremennoy teorii poznaniya* [Evolution and projection. The beginning of the modern theory of knowledge]. Translated from German. [Online] Available from: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/4707.
16. Gibson, J.J. (1988) *Ekologicheskiy podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The ecological approach to visual perception]. Translated from English. Moscow: Progress.
17. Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2016) *Evolutionary Epistemology as a Cognitive Practice of Postnonclassical Science.* [Online] Available from: http://dx.doi.org/10.1051/shsconf/20162801020. (Accessed: 30.09.2017).
18. Chernikova, I.V. & Chernikova, D.V. (2014) [Evolutionary constructivism: on cognition of cognition]. *Proceedings of the 6th international conference on cognitive science*. Kaliningrad: [s.n.]. (In Russian).
19. Knyazeva, E.N. (2006) Epistemologicheskiy konstruktivizm [Epistemological Constructivism]. *Filosofiya nauki – Philosophy of Sciences*. 12. pp. 133–154.
20. Lenk, H. (n.d.) *Skhemnye interpretatsii i interpretatsionnyy konstruktsionizm* [Schematic Interpretations and Interpretational Constructionism]. Translated from English. [Online] Available from: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000058/. (Accessed: 30.09.2017).
21. Prigozhin, I. (2000) *Konets opredelennosti. Vremya, khaos i novye zakony prirody* [End of certainty. Time, chaos and new laws of nature]. Izhevsk: Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika.
22. Husserl, E. (2005) *Izbrannye raboty* [Selected works]. Translated from German. Moscow: Territoriya budushchego.
23. Nikiforov, A.L. (n.d.) *Interpretatsiya v estestvennykh i gumanitarnykh naukakh* [. Interpretation in natural and humanitarian sciences]. [Online] Available from: http://iphras.ru/uplfile/socep/nikiphorof.pdf. (Accessed: 30.09.2017).

Received: 21 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 112–123. DOI: 10.17223/15617793/425/15

ИСТОРИЯ

УДК 902/904

А.П. Бородовский, З. Самашев, Б.А. Сиражева

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С ПРИЗНАКАМИ ПЕРВИЧНОЙ РАЗДЕЛКИ РОГОВОГО СЫРЬЯ НА ЮГО-ЗАПАДЕ АЛТАЯ

Аналитическая часть исследования выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Анализируются материалы кургана 13, некрополя Каракаба I на Алтае, в которых содержится значительное количество рогов марала со следами разделки, что является первым прецедентом таких археологических комплексов. Захоронение с комплексом рогового сырья позволяет рассматривать это погребение как одно из эталонных для средневекового косторезного дела, характерного для древнетюркской культурной среды не только Центральной Азии, но и юга Западной Сибири. Традиция использования рога в охотничьем и военном быту тюркских народов Саяно-Алтая была широко распространена к концу I тыс. н.э. вплоть до Восточной Европы.

Ключевые слова: Алтай; заготовка косторезного сырья; древнетюркское время; специализация производства.

Введение. Некрополь Каракаба I расположен на территории Катонкарагайского района Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан. Археологический памятник является разновременным (рис. 1). Восточная цепочка курганов сформировалась в эпоху раннего железа, а западная относится к эпохе Средневековья (VII–VIII вв. н.э.) [1–3]. Курган 13 Каракабы I (рис. 2) имел размер наземного сооружения 9,5×9,8 м и высоту до 0,70–0,80 м. На глубине 0,20 м внутри подпрямоугольной в плане ограды первоначального сооружения выявлено могильное пятно в форме латинской буквы «L». Оно было образовано от расположенного по линии ЗВ контура входной ямы и примыкающей к ней с северной стороны овальновытянутой полосы. Функция дополнительной поперечной ямы, частично прорезающей восточный конец входного колодца, не вполне ясна. На ее дне лежали левая задняя нога лошади в сочленении, на разных глубинах зафиксированы кости овцы, лошади, древесина, рога марала и роговые изделия (рис. 3). Общий комплект роговых заготовок, отражающих первичную разделку марального рога из древнетюркского захоронения кургана 13 Каракабы I, состоит из 17 предметов, включающих две роговых кирки (рис. 4, *9*). На дне входного колодца лежали кости лошади в анатомическом порядке, отсутствовала та самая задняя левая нога (рис. 3, *3*), которая находилась в сочленении на 10–12 см выше в другой яме. На глубине 2,57 м в южной части входного колодца выявлена подбойная яма, где лежал скелет взрослого человека в анатомическом порядке. Голова умершего покоилась на каменной «подушке». В состав сопроводительного инвентаря входили две серьги, железный наконечник, остатки кожаного сосуда, железный нож, серебряный наконечник ремня с фрагментом кожи, кости животных и куски древесины. К потенциальным косторезным инструментам из погребения кургана 13 Каракабы I мог относиться железный черешковый нож. Он имеет длину лезвия 10 см и ширину до 1 см (рис. 5). Такой длинный и массивный нож вполне соответствует параметрам орудия, необходимого для первичной разделки рогового сырья и его грубой последующей обработки.

Основная часть. Рога со следами разделки из кургана 13 Каракабы I отличают достаточно значительные размеры. Величина, форма и симметричность рогов, кроме благоприятных условий жизни животного, зависят от места обитания особи относительно границ ареала в регионе. По наблюдениям Г.Г. Собанского, к периферии ареала размеры рогов уменьшаются, а к центру увеличиваются. На территории Алтая рога наибольших размеров происходят из малоснежных районов в бассейне рек Сумальта, Кадрин, Башкаус, Чебдар, Шавла, Аргут. В эту зону входит и долина р. Кара-Каба. На ее территории обитают разнообразные копытные (маралы, косули, лоси), обладающие цельнороговым сырьем. В речной долине располагались зимовки пастухов, перегоняющих скот из Зайсанских пустынь. Следует подчеркнуть, что изображение оленя с достаточно развитыми и разветвленными рогами встречено среди материалов торефтики кургана 9 Каракабы I [4. С. 385. Рис. 196, *1*] (рис. 6). Следует отметить, что близкое изображение оленя с разветвлёнными рогами на предметах торефтики известно также в степном Алтае у с. Плотниково в Верхнем Приобье у г. Камень-на-Оби [5. С. 16. Рис. 6, *2–4*] (рис. 7).

Размеры рогов из погребения и ритуального комплекса кургана 13 Каракабы I, а также характер первичной разделки сближают их с аналогичным роговым сырьем на современной зимней пастушеской стоянки на плато Укок [6. С. 84. Рис. 57]. Такое сходство не случайно, поскольку заготовка и переработка рогового сырья на Алтае ведутся на территории нескольких зон, включая ресурсные и производственные. Для первых зон, расположенных в высокогорье, характерно наличие естественного значительного потенциала рогового материала, связанного с интенсивностью обитания цельнорогих животных (косуль, маралов, лосей) в данном ареале. Добыча рогового материала на этих территориях осуществляется в ходе присваивающей хозяйственной деятельности, включая охоту и собирательство. Различие происхождения рогового материала отражается на морфологическом и трассологическом уровнях. Рога, добытые в ходе собирательства, располагают

хорошо сформированной розеткой, естественно отделившейся от костей черепа (рис. 8, *1*). Сбрасывание рогов маралами происходит начиная с февраля и весной.

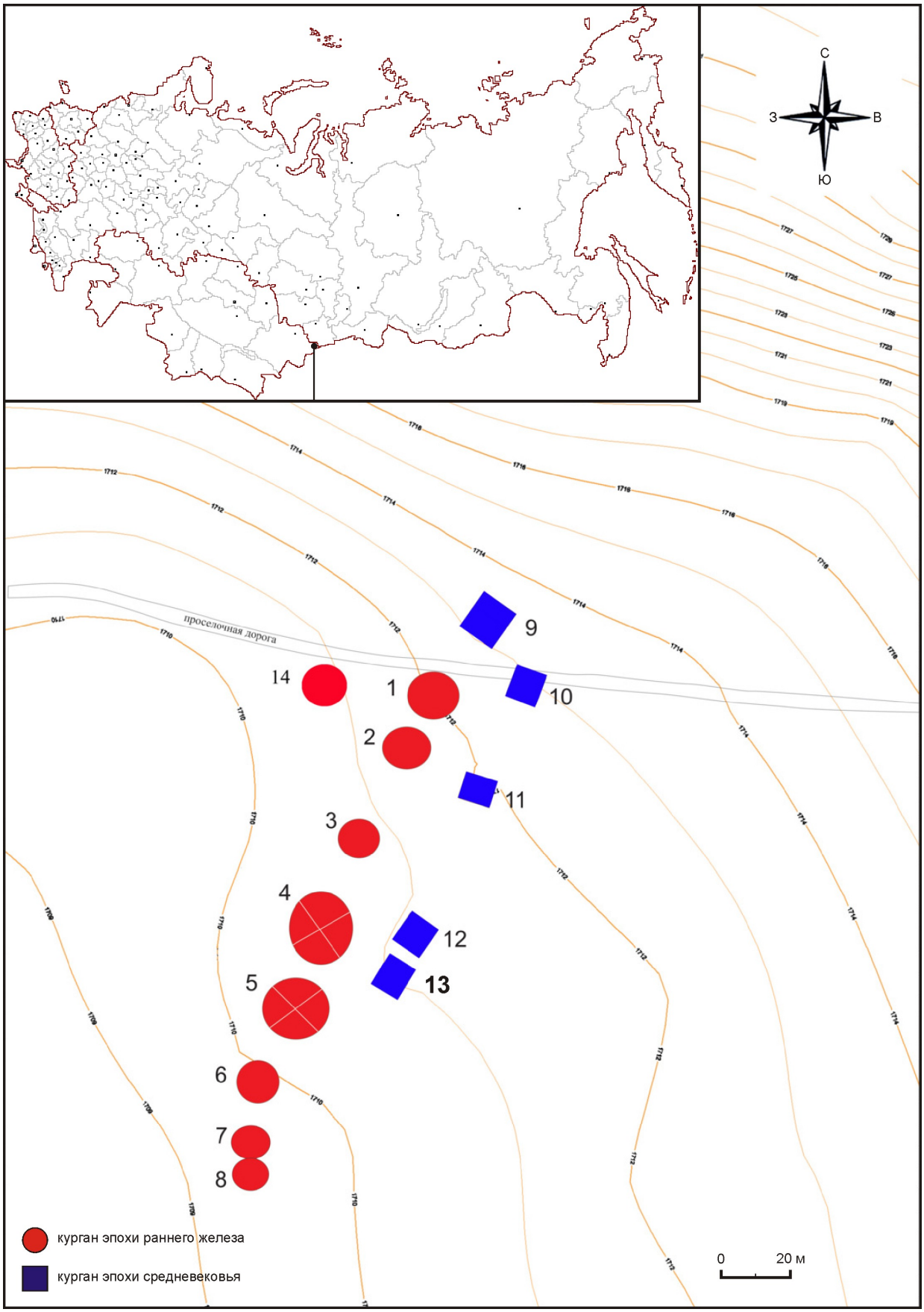

Рис. 1. Планиграфия курганной группы Каракаба I

Рис. 2. Курган 13 Каракабы I. *1* – каменная конструкция кургана; *2* – подбойное погребение с конем

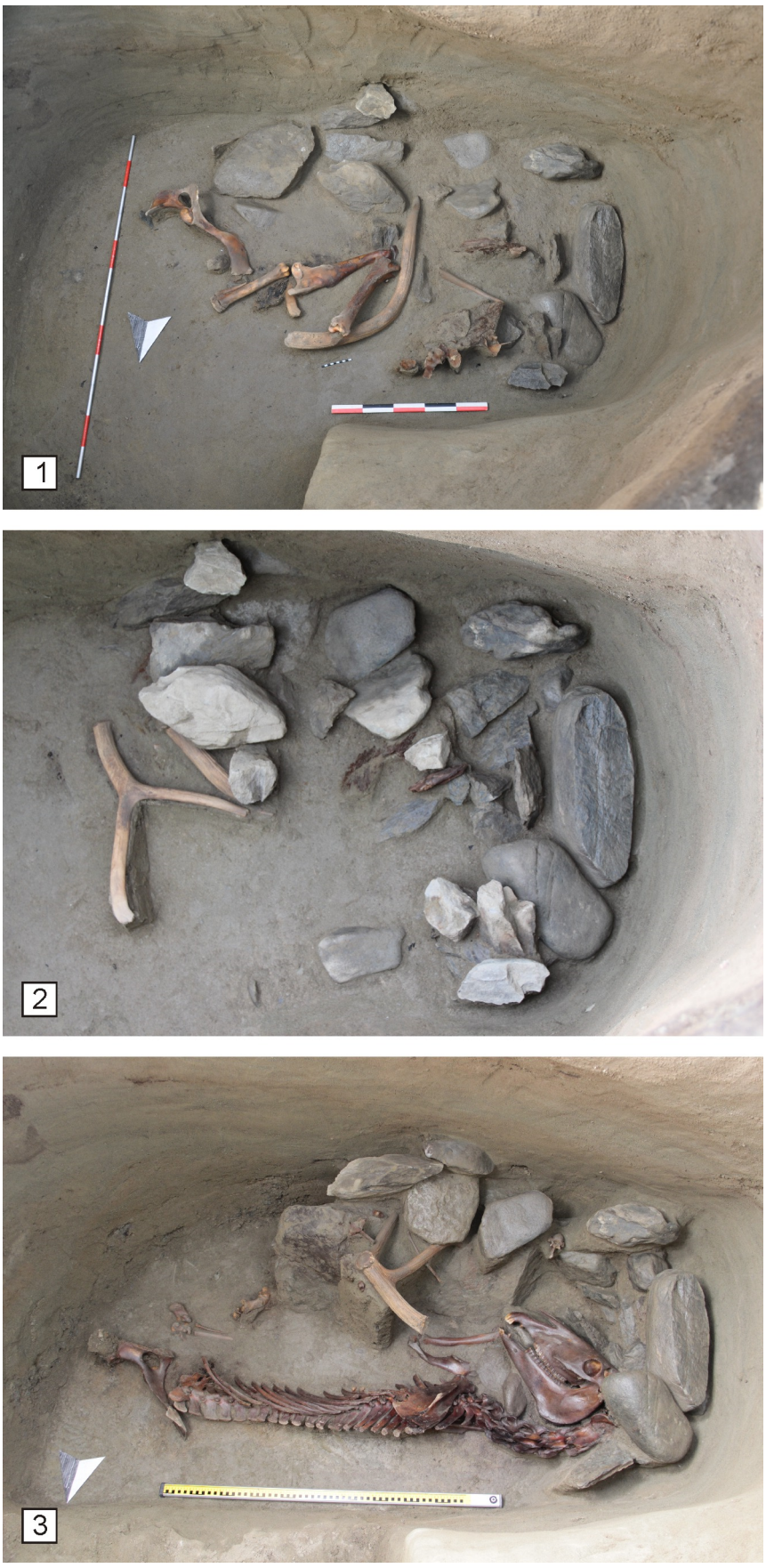

Рис. 3. Части рассеченных рогов в заполнении сопроводительного конского захоронения:
1 – роговое разветвление; *2* – длинный роговой отросток; *3* – основание сброшенного рога

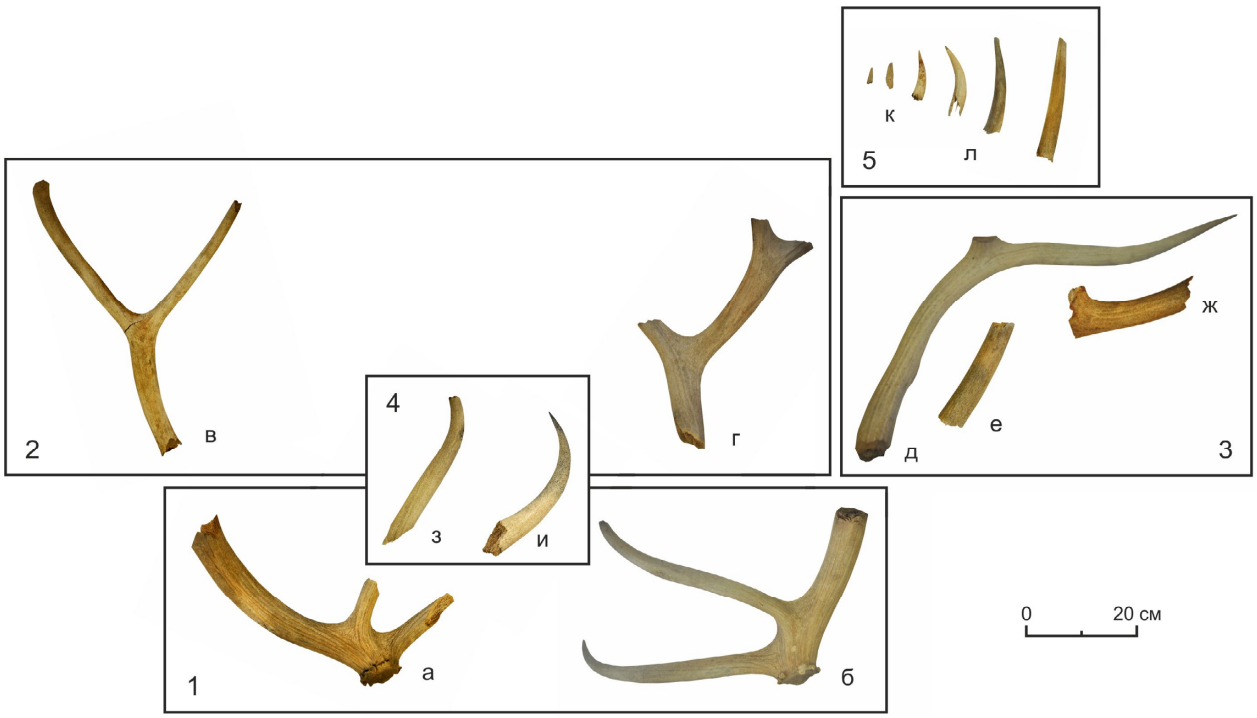

Рис. 4. Раскрой рогового сырья. *1* – отсечение роговых отростков и нижней части ветви у сброшенных рогов (*а* – участок с отделенными роговыми отростками и перерубленной ветвью; *б* – участок с отсеченной роговой ветвью); *2* – отсечение верхней части роговой ветви и роговых отростков (*в* – верхняя часть роговой ветви с разветвлением и отсеченными окончаниями роговых отростков; *г* – верхняя часть роговой ветви с частично сохранившимся разветвлением и отсеченными роговыми отростками); *3* – разделка роговой ветви (*д* – роговая ветвь с одним из отсеченных отростков разветвления; *е* – участок ствола роговой ветви; *ж* – фрагмент рогового ствола у разветвления); *4* – нижние, надглазничные роговые отростки (*з, и*); *5* – верхние роговые отростки и их окончания (*к* – окончания роговых отростков; *л* – роговые отростки)

Рис. 5. Железный нож

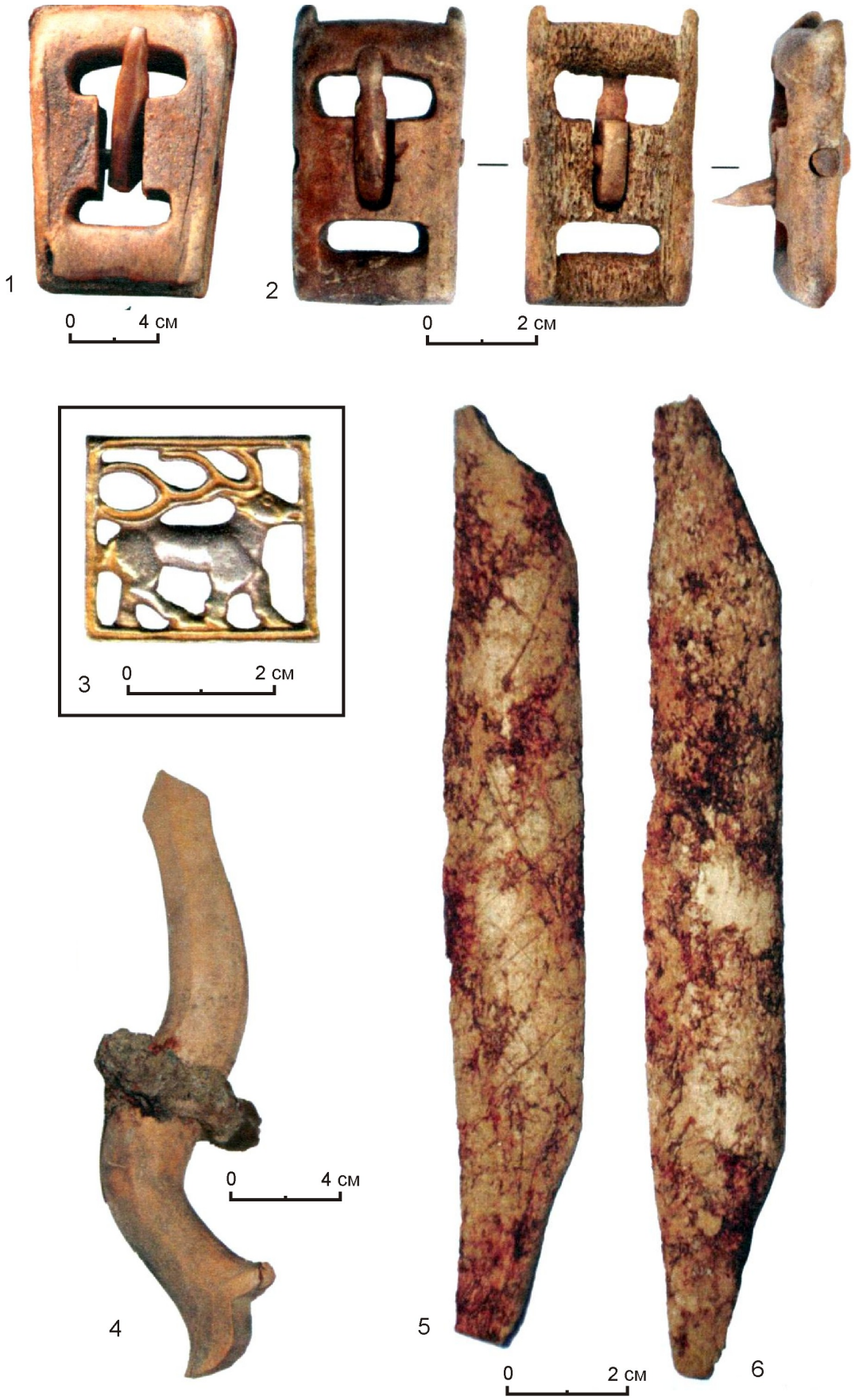

Рис. 6. Роговые изделия и изображения рогов марала из Каракабы I, II. *1, 2* – подпружные пряжки, изготовленные из одинарной пластины рогового ствола (*1* – курган 12, Каракаба I; *2* – курган 5, Каракаба II); *3* – серебряная пластина с позолотой с изображением ветвистых рогов марала (курган 9, Каракаба I); *4* – роговой псалий с окончанием в виде «рыбьего хвоста» (курган 12, Каракаба I); *5* – роговые накладки лука (курган 5, Каракаба II)

Рис. 7. Аналогии торефтики Каракабы I с изображением марала с ветвистыми рогами.
1, 2 – Плотниково, бронза с позолотой (Верхняя Обь, окрестности г. Камень-на-Оби)

Большинство животных расстается с ними в первой половине марта – начале апреля. После неблагоприятных сезонов и болезни животных сбрасывание рогов может затягиваться до конца апреля или начала мая [7. С. 107; 8. С. 50–52; 9. С. 150]. Таким образом, наиболее результативные сборы рогового сырья, учитывая наличие растительности, возможны весной и осенью. В зависимости от времени роговое сырье будет существенно отличаться. Сброшенный рог, в сравнении с окостеневшим рогом на голове животного, отличается завершением всех жизненных процессов в его ткани. Вследствие этого отмечаются максимальное уплотнение рогового вещества, потеря естественных пластификаторов и постепенное увеличение сухости материала. Все это не может не отражаться на его сохранности, что на примере сброшенных рогов из кургана 13 Каракабы I проявляется в их ломкости (рис. 8, *2*). В свою очередь, длительное нахождение сброшенного рога на грунте подвергает его значительной «контрастности» во впитывании и потере естественной влаги, а также постепенной минерализации и возможному воздействию грызунов. В целом все эти естественные воздействия приводят на трассологическом уровне к более коротким зарубкам при разделке рогового сырья (рис. 8, *5, 6*).

Среди рогов со следами первичной разделки из кургана 13 Каракабы 1 представлены три основания рогов с розетками (включая роговую кирку), окончательно сформировавшиеся после их сбрасывания копытными животными (рис. 4, *1, а, б*; рис. 9). Два из этих оснований рогов являются парными. Определение принадлежности целого комплекта рогов к одной особи пока затруднительно, особенно если учесть неодновременность потери каждого из рогов в естественных условиях и их последующих сборах для заготовки косторезного сырья.

На парных роговых основаниях из кургана 13 Каракабы I (рис. 4, *1, а, б*) последовательно удалены длинные надглазничные отростки (рис. 4, *4, з, и*) и верхняя часть роговых ветвей. Эта часть заготовки в дальнейшем могла быть представлена как разветвлениями (рис. 4, *2, в, г*), так их более глубокой переработкой на отдельные участки рогового ствола (рис. 4, *3, е, ж*) и отсечения роговых отростков (рис. 4, *5, к, л*). Подчеркнём, что для отсеченных роговых отростков (по материалам Каракабы I) характерно значительное разнообразие размеров. Это связано как с естественными размерами таких заготовок, так и зональностью их расположения от основания (рис. 4, *4, з, и*) до окончания рогов (рис. 4, *5, к, л*). Сама процедура разделки рогового сырья осуществлялась при помощи рубящего надсечения до внутреннего губчатого вещества ветвей (рис. 8, *3, 4*) и отростков (рис. 8, *5, 6*) с последующим переламыванием частей заготовок.

Комплект первичной разделки рогов марала из кургана 13 Каракабы I обладает всем потенциалом наиболее распространенных косторезных заготовок, характерных для древнетюркской культурной среды.

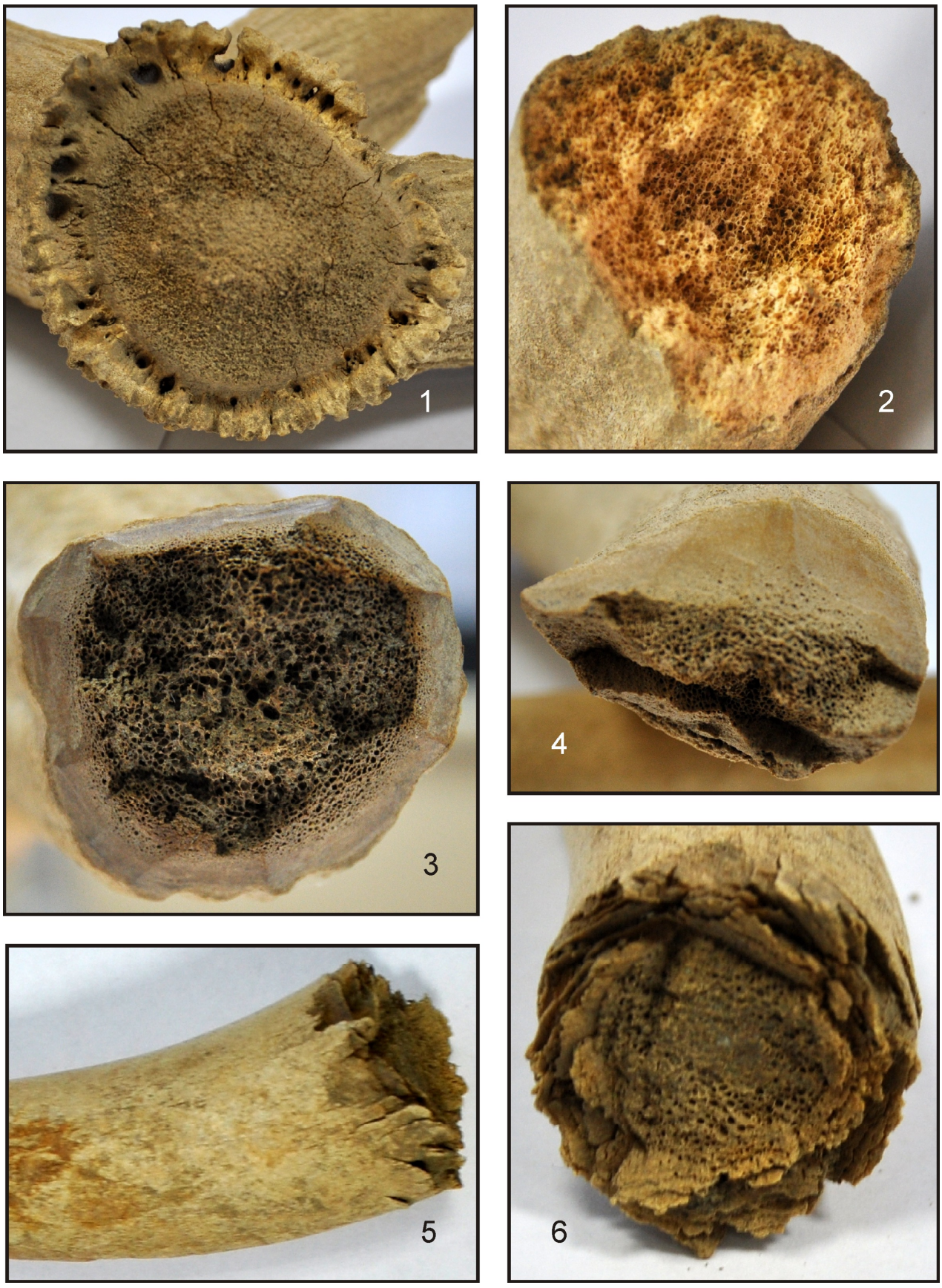

Рис. 8. Происхождение сырья и следы обработки рога: *1* – розетка сброшенного рога;
2 – переламывание роговой ветви; *3* – перерубание роговой ветви; *4–6* – рубящее отсечение роговых отростков

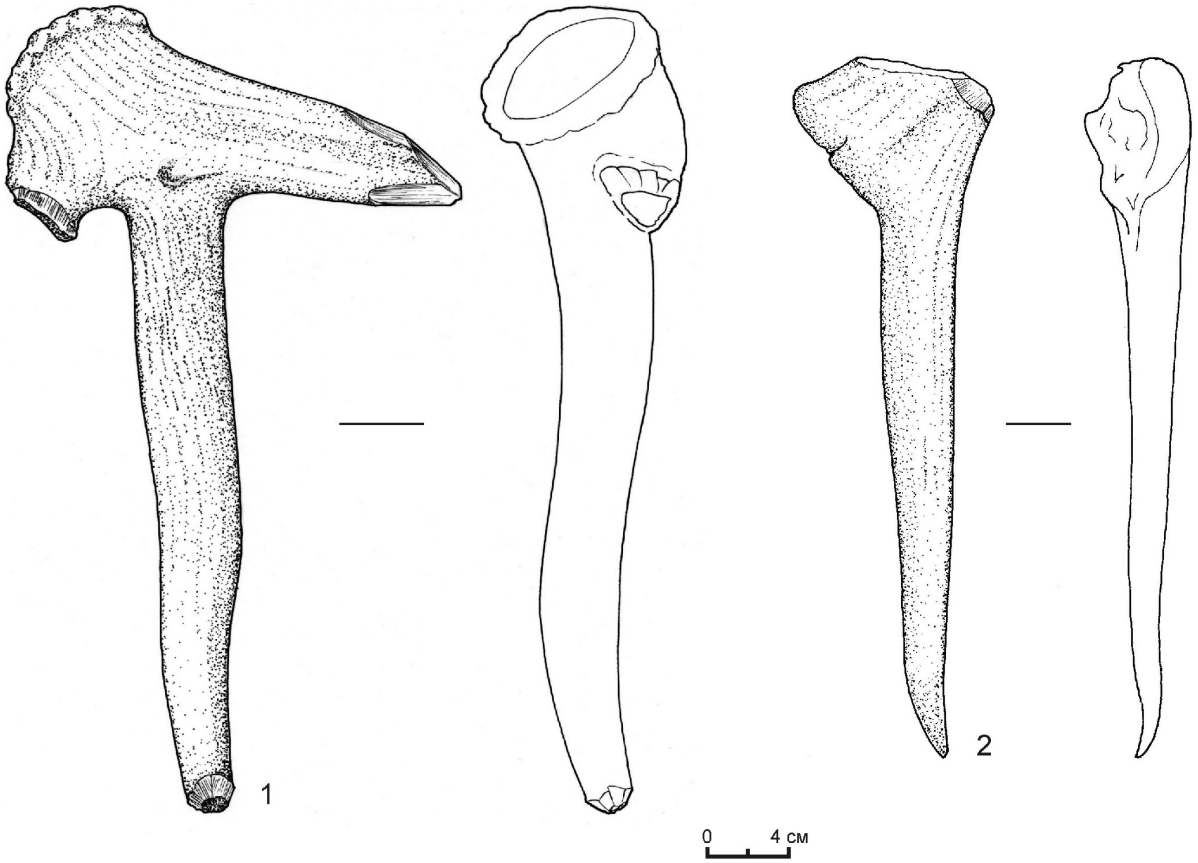

Рис. 9. Роговые землеройные инструменты: *1* – кирка из сброшенного рога марала с отсеченным надглазничным (ледовым) отростком и основной роговой ветвью; *2* – инструмент из рогового отростка и фрагмента ветви рога

Особое внимание следует обратить на розетки сброшенных рогов, которые являются одной из заготовок для производства роговых древнетюркских пряжек. Территориальный анализ распространения изделий из таких специфических заготовок позволяет констатировать их достаточно широкое распространение от лесостепного Обь-Иртышского междуречья до Саяно-Алтайской горной страны, включая Алтай, Туву и Хакасию [10. С. 210. Табл. 49, *2–5*; 11. С. 134. Рис. 38, *12, 13, 15, 19*]. Исходя из наличия этих пряжек, очевидно, что среди косторезного рогового сырья эпохи Средневековья на территории Южной Сибири и сопредельных регионах сброшенный рог и его собирательство имели важное значение как сырьевой ресурс косторезного дела и способ присваивающей хозяйственной деятельности. Другие разделочные части рогов из Каракабы I (отростки, разветвления, части ствола) также являлись наиболее распространёнными заготовками для производства различных резных роговых предметов древнетюркского времени. В качестве одного из примеров следует привести длинные надглазничные роговые отростки (рис. 4, *4, з, и*), одинарные роговые пластины из которых использовались для изготовления накладок на лук (рис. 6, *5*). Другой ценной заготовкой является ветвь рога с отсеченным одним роговым отростком у разветвления (рис. 4, *3, д*). Именно из такой части рога после продольного расчленения ее на две одинарные роговые пластины и удаления избыточных по размерам краев заготовок получались седельные накладки из Кудырге, Боротала и целого ряда других древнетюркских памятников Горного Алтая. Более короткие роговые отростки (рис. 4, *5, л*) являлись заготовками для производства кочедыков.

Оценивая «производственный потенциал» захоронения кургана 13 Каракабы I со следами предварительной разделки рогового сырья, необходимо осмыслить его территориальное и производственное своеобразие. Подчеркнем, что для предметного комплекса археологических памятников, расположенных в ресурсных зонах, характерно наличие первичной «не глубокой» переработки рогового сырья, проявляющейся в разделении его на основные анатомические части строения цельного рога (отростки, разветвления, ствол). Кроме того, в материалах таких памятников отсутствуют результаты разделки рога на пластины и готовые изделия. Именно эти качества характерны уже для основных производственных зон в межгорных котловинах среднегорья, для археологических комплексов которых уже несвойственна детальная представленность первичной разделки рогового сырья. Начиная с эпохи раннего железа исключением для этих территорий являются ритуальные комплексы, связанные с рогами [12. С. 195. Рис. 57] и землеройными орудиями из них в погребениях. В качестве примеров можно привести Второй Пазырыкский и курган 11 Берельского некрополя на Алтае. Во втором Пазырыкском кургане на землеройном орудии был оставлен надглазничный отросток, у которого было удалено окончание [13. Табл. XXII/2]. В кургане 11 Берельского некрополя при изготовлении аналогичного орудия был отсечен надглазничный отросток, но оставлен распо-

ложенный над ним другой отросток рога [6. С. 87. Рис. 62]. Особое внимание на этом предмете следует обратить на следы незавершенной попытки отсечения роговой розетки [6. С. 87. Рис. 63, *1*].

Такая заготовка получает широкое распространение в эпоху раннего железа для изготовления украшений и пряжек [14. С. 16. Рис. 4, *1–7*]. Другим вариантом раскроя рога при изготовлении землеройных инструментов является отсечение мощного рогового отростка. Роговая кирка из кургана 11 Берельского некрополя отделена от роговой ветви и имеет приострение на участке окончания рогового отростка [6. С. 87. Рис. 64].

Роговая кирка из кургана 13 Каракабы I эпохи Средневековья изготовлена из левого сброшенного рога, у которого отсечен надглазничный отросток. В качестве рукояти использован второй надглазничный отросток, а рабочий край мотыги сформирован из основного ствола рога, у которого отсечен отросток (рис. 9, *1*). Своеобразие разделки рога на роговой мотыге из кургана 13 Каракабы I эпохи раннего Средневековья в сравнении с аналогичными предметами раннего железа можно свести к меньшей тщательности и глубине разделки. Такие особенности связаны с тем, что в эпоху Средневековья в отличие от эпохи палеометалла роговые землеройные изделия уже давно являлись архаичными инструментами, не отражающими основных технологических инноваций в косторезном производстве. В свою очередь, использование рогового сырья не потеряло своего прежнего значения в эпоху Средневековья и даже приобрело, по мнению некоторых исследователей, особую роль [15, 16]. Основу этого культурно-исторического явления составила традиция активного использования рога в охотничьем и военном быту тюркских народов Саяно-Алтая, широко распространившиеся к концу I тыс. н.э. вплоть до Восточной Европы [16. С. 10]. На территории юга Западной Сибири эта тенденция достаточно отчетливо представлена в сопроводительном материале погребальных памятников кимаков [17. С. 114–118; 18. С. 167] к особой горной группе которых, возможно, относится и курганная группа Каракаба I [4. С. 409].

Заключение. Анализ косторезного производства древнетюркского времени Алтая представлен пока немногочисленными публикациями [19, 20], в которых, как правило, не раскрываются вопросы особенностей технологии этого промысла и формирования его сырьевой базы. В этой связи выявленный З. Самашевым в древнетюркском погребении с подбоем кургана 13 Каракабы I комплект рогов марала со следами их первичной разделки имеет крайне важное значение: впервые эти материалы позволяют охарактеризовать одну из начальных стадий косторезного производства (сбор сырья, его первичную разделку и транспортировку). Важно также подчеркнуть, что расположение рогов со следами разделки в погребальных комплексах Алтая эпохи металла выявлено всего лишь в нескольких случаях. В эпоху раннего железа в долине р. Чуя известно несколько случаев погребальных комплексов с конем (Ала-Гаил-3, курганы 1, 11), в составе которых представлены рога со следами разделки [21. С. 220. Рис. 25, *3, 4*; С. 225. Рис. 30, *1, 2*]. Для древнетюркской эпохи до обнаружения в кургане 13 некрополя Каракабы I комплекта рогов со следами первичной разделки такие захоронения пока были не известны.

Сам факт выявления погребения со следами косторезной специализации древнетюркской эпохи в долине р. Кара-Каба имеет достаточно важное значение. С одной стороны, это один из первых случаев обнаружения таких средневековых погребальных комплексов на Алтае. С другой стороны, проявление косторезной специализации достаточно типично для погребальной обрядности эпохи металла, несмотря на проблемность ее однозначной интерпретации как с производственной, так и социальной точек зрения [22]. Учитывая аморфность и более поздние сроки оформления специализации косторезного дела в сравнении с другими производствами, ритуально-погребальный комплекс кургана 13 Каракабы I все-таки следует рассматривать для древнетюркской эпохи как один из первых случаев фиксации целенаправленной заготовки рогового сырья и его первичной разделки. Наличие значительной части рогов со следами разделки в составе сопроводительного инвентаря захоронения коня в кургане 13 Каракабы I также достаточно любопытно. Среди древнетюркских погребений на территории Алтая известно уже несколько одиночных конских захоронений (Чобурак 1, курган 2; Бике III, курган 12), сопроводительный инвентарь которых явно связан с его символической транспортировкой [11. С. 333. Табл. 151; 23]. Не исключено, что помещение рогов со следами разделки в непосредственной близости от лошади в погребении кургана 13 Каракабы I также символизировало их транспортировку. В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что именно такой способ перевоза собранного рогового сырья характерен для зоны алтайского высокогорья вплоть до настоящего времени [10. С. 210. Табл. 49, *6*]. В целом захоронение с конем в кургане 13 Каракабы I можно рассматривать в контексте сбора, заготовки, транспортировки и первичной разделки рогового сырья на Алтае, связанного с развитым косторезным производством эпохи Средневековья. Широкие территориальные аналогии предметов косторезного производства курганных групп Каракабы I, II (подпружные пряжки, накладки на лук, роговые изогнутые псалии с окончанием в виде «рыбьего хвоста», торефтика с изображением маралов) представлены на различных территориях Алтая (Сростки), Восточного Казахстана (Кызыл-Ту), Барабинской лесостепи (Чулым-2) и Верхней Оби (Плотниково) (см. рис. 6, 7) [5. С. 16. Рис. 6, *2–4*; 18. С. 12. Рис. 5, *5*]. В этой связи показательно, что кимакская этнокультурная атрибуция средневековых захоронений Каракабинского некрополя [4. С. 409] соотносится с синхронными погребальными комплексами лесостепного Обь-Иртышского междуречья. Исходя из этого, захоронение из кургана 13 Каракабы I с комплектом рогового сырья со следами первичной разделки (см. рис. 4) позволяет рассматривать данный погребальный комплекс как один из эталонных для средневекового косторезного дела не только Центральной Азии, но и юга Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Самашев З., Чотбаев А.Е., Жалмаганбетов Ж.М., Хасенова Б.М., Киясбек Г., Ахметов М.Г. Исследование древнетюркских памятников на Каракабе // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 163–166.
2. Самашев З. Культура ранних тюрков Казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба) // Восхождение к вершинам археологии. Сборник материалов научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы, 2014. С. 669–690.
3. Самашев З.С. Новые памятники средневековых кочевников Казахского Алтая // Алтай в кругу евразийских древностей : тез. докл. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 43–44.
4. Самашев З.С. Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 379–409.
5. Очерки истории Камня-на-Оби. Камень-на-Оби, 1996. 100 с.
6. Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. 180 с.
7. Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. Новосибирск : Наука, 1988. 157 с.
8. Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. Новосибирск : Наука, 1992. 256 с.
9. Русская охота. Энциклопедия. М. : Изд-во БСЭ, 2002. 344 с.
10. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.
11. Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. 340 с.
12. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М. : Наука, 1980. 256 с.
13. Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1948. 90 с.
14. Бородовский А.П. Методика исследования древнего косторезного производства. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2008. 102 с.
15. MakGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The technology of Skeletal Material Sinse Roman Period. London ; Sidney, 1985. 243 p.
16. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX–XII века. СПб. : Алетея, 2001. 254 с.
17. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 175 с.
18. Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. Новосибирск : Наука, 1988. 174 с.
19. Овчинникова Б. Б. Косторезное искусство древних тюрков Саяно-Алтая // Степи Евразии в Древности и Средневековье (к 100-летию М.П. Грязнова). СПб., 2002. Кн. II. С. 267–270.
20. Кубарев Г.В. Орнаментальные мотивы в косторезном искусстве древних тюрок Южной Сибири и Центральной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 40–45.
21. Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.
22. Бородовский А.П. Проблемы реконструкции специализации производств по обработке органических материалов на Юге Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 18–23.
23. Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. С. 75–82.

Статья представлена научной редакцией «История» 21 ноября 2017 г.

OLD TURKIC GRAVES WITH SIGNS OF PRIMARY RAW HORN PROCESSING IN THE SOUTH-WEST OF THE ALTAI

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 112–123.
DOI: 10.17223/15617793/425/15

Andrei P. Borodovsky, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: altaicenter2011@gmail.com
Zaynolla Samashev, Kazakh Research Institute of Culture (Astana, Kazakhstan). E-mail: kaz.madeniet@gmail.com
Bulbul A. Sirazheva, Kazakh Research Institute of Culture (Astana, Kazakhstan). E-mail: bulbul81@mail.ru
Keywords: Altai; procurement of bone-carving raw material; Old Turkic times; production specialization.

This publication aims to introduce into the scientific use the Old Turkic grave with a horse which was first discovered in Gorny Altai and whose auxiliary inventory included the results of collection, transportation and cutting of elk horns as bone-carving raw material. The conducted research agenda is related to identifying the attributes of the initial stage of bone-carving production in the medieval Central Asia, which is reflected in the burial complex materials. Horn processing in the Old Turkic epoch in the Altai is regarded as one of the most vivid phenomena of the tangible culture of the medieval Eurasian nomads. It is from this mountainous region possessing the entire variety of raw materials that different products closely related to the Old Turkic cultural tradition were distributed. Nevertheless, actually until recently no archeological complexes of that time were known with any materials related to the initial bone-carving stages. The research methodology is based on the material approach with the use of morphological analysis of the resource composition and trasological study of the processing traces. The resource basis for the research is represented by Burial Mound 13, Karakaba I, located on the territory of Katonkaragay District, East Kazakhstan Region, the Republic of Kazakhstan. In the course of the conducted research, the authors drew the following conclusions. First, the set of the initial elk horns cutting from the Old Turkic Burial Mound 13, Karakaba I, possesses the entire potential of the most widely spread bone-cutting raw parts which are typical of the Old Turkic cultural environment. Second, the geographical analysis of occurrence of products based on such specific raw parts testifies to their quite extensive use from the forest-steppe region between the Ob and the Irtysh, to the Sayan-Altai mountainous valley, including the Altai, Tuva and Khakassia. Third, the mere grave of the necropolis of Karakaba I is referred to rather old graves of the Old Turkic epoch in kerfs, and is obviously related to the traditions of furnishing the auxiliary inventory connected with transportation. The manifestation of the latter feature at the level of burial rituals is likely to have had a sacral and symbolic meaning. Such wide territorial analogies of the bone-carving objects from the burial mound groups of Karakaba I and II that can be found on various territories of the Altai (Srostki), East Kazakhstan Region (Kyzyl-Tu), the Baraba forest-steppe (Chulym-2), and the Upper Ob region (Plotnikovo) along with the set of horn raw materials bearing the traces of initial cutting allow considering this burial complex as one of the sample ones for the medieval bone-carving industry in Central Asia and the southern part of Western Siberia.

REFERENCES

1. Samashev, Z. et al. (2013) Issledovanie drevnetyurkskikh pamyatnikov na Karakabe [The study of ancient Turkic monuments in Karakaba]. *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana*. II. pp. 163–166.
2. Samashev, Z. (2014) [The culture of the early Turks of the Kazakh Altai (based on the materials of the necropolis of Karakaba)]. *Voskhozhdenie k vershinam arkheologii* [Ascent to the heights of archeology]. Proceedings of the conference "Ancient and medieval states on the territory of Kazakhstan", dedicated to the 90th anniversary of the birth of K.A. Akishev. Almaty: Institut arkheologii im. A.Kh.Margulana. pp. 669–690. (In Russian).
3. Samashev, Z.S. (2016) Novye pamyatniki srednevekovykh kochevnikov Kazakhskogo Altaya [New monuments of medieval nomads of the Kazakh Altai]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey: tez. dokl.* [The Altai in the circle of Eurasian antiquities: abstracts]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
4. Samashev, Z.S. (2016) Pamyatniki srednevekovykh kochevnikov verkhoviy r. Karakaba v Kazakhskom Altae [Monuments of medieval nomads of the upper reaches of the Karakaba River in the Kazakh Altai]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Altay v krugu evraziyskikh drevnostey* [The Altai in the circle of Eurasian antiquities]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
5. Startsev, A.V. (ed.) (1996) *Ocherki istorii Kamnya-na-Obi* [Essays on the history of Kamen-na-Obi]. Kamen-na-Obi: Altay-koks.
6. Borodovskiy, A.P. (2007) *Drevniy reznoy rog Yuzhnoy Sibiri* [Ancient carved horn of Southern Siberia]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN.
7. Sobanskiy, G.G. (1988) *Promyslovye zveri Gornogo Altaya* [Trade animals of the Altai Mountains]. Novosibirsk: Nauka.
8. Sobanskiy, G.G. (1992) *Kopytnye Gornogo Altaya* [The ungulates of the Altai Mountains]. Novosibirsk: Nauka.
9. Bedel', V.V. et al. (eds) (2002) *Russkaya okhota. Entsiklopediya* [Russian hunting. Encyclopedia]. Moscow: Izd-vo BSE.
10. Borodovskiy, A.P. (1997) *Drevnee kostoreznoe delo yuga Zapadnoy Sibiri. (vtoraya polovina II tys. do n.e. – pervaya polovina I tys. n.e.)* [Ancient bone carving in the south of Western Siberia. (the second half of the II millennium BC – the first half of the 1st millennium AD)]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
11. Kubarev, G.V. (2005) *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov* [Culture of the ancient Turks of Altai. Based on materials of funerary monuments]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
12. Grach, A.D. (1980) *Drevnie kochevniki v tsentre Azii* [Ancient nomads in the center of Asia]. Moscow: Nauka.
13. Rudenko, S.I. (1948) *Vtoroy Pazyrykskiy kurgan* [The second Pazyryk mound]. Leningrad: Gos. Ermitazh.
14. Borodovskiy, A.P. (2008) *Metodika issledovaniya drevnego kostoreznogo proizvodstva* [A technique for studying ancient bone-cutting production]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
15. MakGregor, A. (1985) *Bone, Antler, Ivory and Horn. The technology of Skeletal Materials Since the Roman Period*. London; Sidney: Croom Helm.
16. Flerova, V.E. (2001) *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII veka* [Carved bone of the south-east of Europe of the 9th–12th centuries]. St. Petersburg: Aleteya.
17. Savinov, D.G. (1984) *Narody Yuzhnoy Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu* [Peoples of Southern Siberia in the ancient Turkic era]. Leningrad: Leningrad State University.
18. Molodin, V.I. et al. (1988) *Baraba v tyurkskoe vremya* [Baraba during the Turkic period]. Novosibirsk: Nauka.
19. Ovchinnikova, B.B. (2002) Kostoreznoe iskusstvo drevnikh tyurkov Sayano-Altaya [Bone carving art of the ancient Turks of the Sayano-Altai]. In: Piotrovskiy, Yu.Yu. (ed.) *Stepi Evrazii v Drevnosti i Srednevekov'e (k 100-letiyu M.P. Gryaznova)* [Steppes of Eurasia in the Antiquity and the Middle Ages (to the 100th anniversary of M.P. Gryaznov)]. Book 2. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh.
20. Kubarev, G.V. (2012) Ornamental'nye motivy v kostoreznom iskusstve drevnikh tyurok Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii [Ornamental motifs in the carving of ancient Turks of Southern Siberia and Central Asia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia*. 2. pp. 40–45.
21. Kubarev, V.D. & Shul'ga, P.I. (2007) *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (Chui and Ursula burial mounds)]. Barnaul: Altai State University.
22. Borodovskiy, A.P. (2013) Issues related to reconstruction of specialization of organic materials processing industries in the south part of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (23). pp. 18–23. (In Russian).
23. Borodovskiy, A.P. (1994) Issledovanie odnogo iz pogrebal'no-pominal'nykh kompleksov drevnetyurkskogo vremeni na sredney Katuni [Study of one of the funeral-memorial complexes of the ancient Turkic time in the Middle Katun]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archeology of Gorny Altai]. Barnaul: Altai State University.

Received: 21 November 2017

УДК 94(574:47)04:342.514

Ж.А. Ермекбай

ХАН ЖАНГИР: ВЕРНОПОДДАННЫЙ РОССИИ И РЕФОРМАТОР СТЕПИ

На примере правления хана Внутренней (Букеевской) орды Жангира рассматривается политика Российской империи по управлению вновь присоединяемыми территориями. Букеевская орда казахов, находящаяся между Уралом и Волгой, была этнотерриториальным субъектом Российской империи под контролем Оренбургской пограничной комиссии и Министерства государственных имуществ. В ней была сохранена система самоуправления, характерная для казахского общества того времени. Жангир хан провел ряд преобразований в области торговли, образования, культуры, внутреннего управления, которые адаптировали казахов к жизни в рамках империи.

Ключевые слова: Жангир хан; Внутренняя орда; Министерство государственных имуществ; Казанский университет; ханская ставка.

Время от времени на страницах российской и казахстанской печати поднимаются вопросы, связанные с дискуссией о вхождении казахских земель в состав Российской империи, о колониальной политике и толковании термина «колониализм». В российской историографии преобладают имперские суждения, а в казахстанской рассматривают вхождение казахских земель в империю как потерю национального суверенитета. Научный подход к интерпретации событий прошлого требует, прежде всего, обращения к конкретным источникам.

Они свидетельствуют, что царские власти в освоении степных просторов учитывали национальные особенности, привычки и образ жизни казахов, в частности, в проведении колонизационной политики особое внимание придавали привлечению степной аристократии в управление краем. В этом колонизация казахских земель отличалась от классической колониальной политики Великобритании, Франции и других европейских стран.

В частности, это можно проследить на примере правления хана Жангира в первой половине XIX столетия в Букеевской (Внутренней) орде. Напомним читателю, что Букеевская орда (или Внутренняя орда) – это было вассальное казахское ханство, образованное в составе Российской империи в 1801 г. в междуречье Урала и Волги на территории Астраханской, Саратовской губерний и Оренбургского края. Административно Внутренняя орда входила в Астраханскую губернию, но в то же время была в подчинении Оренбургского генерал-губернатора.

Хан Жангир (1801–1845) был последним ханом Внутренней орды. С его именем связаны преобразования, проведенные им за время правления с 1824 по 1845 г. Жангир был сыном хана Букея от второй жены Атан-ханым. Первый хан Внутренней орды Букей (1812–1815) перед кончиной устно завещал правление ханства сыну Жангиру.

До совершеннолетия обязанности по управлению ханством временно выполнял родной брат Букея султан Шигай. Царская администрация не препятствовала восхождению на ханский престол молодого наследника, император Александр I утвердил указ от 22 июня 1823 г., где было написано: «…мы, великий государь... силою нашей императорской грамоты подтверждаем Джангыра, Букейханова сына, ханом над киргиз-кайсаками, коими управлял отец его; повелеваем всем нашим подданным в сем достоинстве его признавать и пристойное во всяких случаях отдавать ему почтение» [1. С. 234]. Торжественный ритуал восхождения на ханский престол был осуществлен в Уральске 26 июня 1824 г. в присутствии высших чиновников Оренбургской администрации, что свидетельствовало о благоприятном отношении российской власти к национальным традициям казахов.

Исторический сюжет о Внутренней, или Букеевской, орде и в целом о деятельности Жангир хана достаточно изучен. Российская историография XIX в. уделила много внимания истории образования Букеевской орды, его родоплеменной структуре, численности кочевого населения, внутреннему устройству, торговле, образованию и культурной жизни степняков. Ряд печатных трудов непосредственно касался реформаторских преобразований хана Жангира. Публикации русских ориенталистов, офицеров и чиновников царской администрации, таких как А.Е. Алекторов [2], И.А. Бирюков, И.Ф. Бларамберг [3], Ф.А. Бюлер [4], К. Гебель [5], М.И. Иванин [6], И.С. Иванов [7], И. Казанцев [8], М.Я. Киттары [9], А.И. Левшин [10], П.И. Медведский [11], Л. Мейер [12], П.И. Небольсин [13], Сабанщиков [14], Н.В. Ханыков [15], Я.Н. Ханыков [16], А.Н. Харузин [17], К.Л. Фукс [18] и других не потеряли своей научной значимости и в настоящее время.

Советская историография также представлена интересными трудами А.Ф. Рязанова [19], М.П. Вяткина [20], В.Ф. Шахматова [21], С.З. Зиманова [22], В.Я. Басина [23], которые касаются многих вопросов истории возникновения Внутренней орды, социально-экономической и культурной жизни казахов.

За последние два десятилетия вышло в печать немало научно-публицистических статей и книг, освещающих историю Букеевского ханства, особенно деятельность хана Жангира. Среди них можно отметить работы Ж.К. Касымбаева [24], А.Ю. Быкова [25], Г.К. Мукатаева [26], И.В. Ерофеевой [27], Б. Аспандиарова [28], Р.Ю. Почекаева [29, 30], Н.А. Ермухановой [31]. Однако трудно не согласиться с мнением авторитетного знатока казахской истории И.В. Ерофеевой, которая справедливо заметила, что до сих пор в казахстанской историографии нет фундаментальных работ по истории Внутренней орды, в которых были бы освещены в комплексе вопросы ее исторического прошлого, вклад казахов-кочевников этого региона в развитие материальной и духовной культуры казахского населения [27. С. 20].

Что касается описания личности Жангир хана, то по словам И.В. Ерофеевой, «<…> политический портрет хана Джангира представлен в их трудах исключительно в ярких радужных красках и не лишен известного налета идеализации» [27. С. 16]. С этим можно согласиться, но Жангир действительно был достаточно образованным и воспитанным для своего времени. Он получил начальное образование у домашнего муллы-учителя, а затем по воле отца воспитывался и учился в доме астраханского гражданского губернатора С.С. Андреева, где прошли его детские и юношеские годы. Знал восточные и европейские языки, по свидетельству русских чиновников, «усвоил себе весьма много из европейской цивилизации». Как известно, Жангир хан являлся наиболее активным сторонником «просвещенного» образа жизни.

Новации Жангир хана коснулись разных сторон жизнедеятельности казахов Внутренней орды. Ему удалось добиться от царской администрации относительных преференций в решении вопросов внутреннего управления, внедрить делопроизводство, ханское судопроизводство, провести хозяйственные преобразования, улучшить торговую деятельность в орде, учредить почтовое сообщение, открыть аптеку, школу, мечеть, оружейную комнату, ввести архивную службу.

Жангир хан со своей семьей жил в доме и приложил много усилий для перевода подвластных ему в орде казахов к оседлости. Переходу к оседлости во Внутренней орде способствовала передача земель в частную собственность. Все эти нововведения были впервые апробованы в степи и впоследствии зачтены в заслугу Жангир хану, о чем лестно отзывались его современники в лице И. Казанцева, А. Терещенко, Н. Троицкого, М.Я. Киттары, А. Евреинова, И.С. Иванова и др.

С помощью своих преобразований ему удалось создать управленческий аппарат, в котором ханский совет, канцелярия, совет биев, институт есаулов, депутатская группа способствовали централизации и бюрократизации его власти над подданными. В структуре управления ханством он учредил должность главного духовного лица ахуна (ходжа), который пропагандировал в степи религиозные знания и следил за развитием духовного образования и светских знаний в ханстве, увеличил количество духовных служителей, построил мусульманские школы и медресе.

Во Внутренней орде хан усовершенствовал государственную налоговую политику для тотального обложения налогом всего населения орды. Жангир хан ввел два вида налога, первый – зякет, когда с каждых 40 голов скота брали одну, и второй – согым на содержание ханской ставки, где каждые 15 хозяйств платили одну корову или 40 рублей деньгами. Неплательщики строго наказывались плетьми и должны были платить зякет в тройном размере.

Еще при жизни Жангир хана в печати появились работы, где описывались его реформаторские преобразования. Так, профессор Казанского университета К. Фукс, касаясь налоговой политики во Внутренней орде в 1826 г., писал: «Подать, ежегодно платимая киргизами, неотяготительна. Из всех домашних животных они доставляют ему сотовую часть, которая сохраняет у них арабское название зякет. В прошедшем году собрал он таким образом до 40.000 овец. Для стола его употребляется значительное количество мяса» [32. С. 18]. Доктор медицины Н. Троицкий касаясь налоговой системы, введенной ханом, отметил «Зекет, есть принадлежность ханского достоинства. Назначение его заключается в доставлении хану народом средств к поддержанию его с семейством <…> и устройству всего полезного по урегулированию его для блага народа <…> Сугум ханский есть принадлежность ханского достоинства и состоит в сборе скота натурою ежегодно по назначению до 500 голов крупного скота на зарез в пищу для пособия хану в средствах к содержанию приезжающих в ставку его киргизов; скот этот не превышает стоимости 15 000 руб. асс.» [33. С. 83–84].

В свою очередь, вышестоящие царские органы в лице Министерства государственных имуществ России, которому подчинялась Внутренняя орда, следили за сбором налогов с починенной ей территории. 2 августа 1844 г. секретарь Министерства государственных имуществ камер-юнкер Львов запрашивал Оренбургскую пограничную комиссию о количестве зякета и других налогов, не совершались ли незаконные сборы и какие были приняты меры к их устранению [34. Л. 2].

При Жангир хане упорядочилось развитие торговли. В целях развития торговли он организовывал в ханской ставке ярмарки. Ярмарки проходили на территории Внутренней орды дважды в год – весной с 15 апреля по 15 мая и осенью с 15 сентября по 15 октября. На них собирались торговцы со всех сопредельных территорий, граничащих с Внутренней ордой. А. Евреинов в своей работе «Внутренняя, или Букеевская Киргиз-Казачья Орда» так описывал деятельность ярмарки: «<…> больше всего продается скота, главные закупатели которого: гуртовщики Московской, Тамбовской, Саратовской, частью Симбирской, Пензенской и Казанской губерний, казаки Уральского войска и немцы – колонисты Саратовской губернии. <…> киргизы здесь же закупают <…> хлеб, выделанные кожи, сафьяны, шелковые и бумажные произведения, бархаты, позументы, парчу, бухарские и хивинские халаты, меха, сукна, холст, бяз, выбойку, крашенину, сахар, чай, железные изделия, унины или палки для кибиток и некоторые горянские товары. Эти предметы привозят сюда астраханские армяне, казанские татары, русские фабриканты и купцы разных губерний, в год на сумму от 400 до 450.000 рублей серебром, а продают на 260.000 и более» [35. С. 53].

Однако ярмарочная торговля во многом зависела от экологической ситуации, в которой оказывался скот казахов Внутренней орды. По сведениям ответственного работника Министерства государственных имуществ, «ценность скота на ярмарках устанавливается сообразно зимнему продовольствию и сбережению скота. Если зима была благоприятна и скота погибло мало, то скот бывает очень дешев. В 1841 году в весеннюю ярмарку в Ставке хана, по причине значительной потери скота в зиму 1840–1841 гг. скот был

довольно дорог. Лошади лучше продавались от 250 р. 350 за пару и более. Бараны от 10 за 14 р., а верблюды от 100 до 130 р. за штуку [36. Л. 8].

Конечно, отдельные суровые зимы с обильными снегами наносили урон казахскому скотоводству, однако многочисленный скот Букеевской орды обеспечивал внутренние потребности ряда губерний России, а промышленные и фабричные изделия из европейской части империи находили желанный спрос у местного населения.

Внедрение новой системы управления и другие преобразования осуществлялись по воле Жангир хана при одобрении со стороны царской администрации. Усиление ханской власти над подданными Внутренней орды вкупе с реформами в области управления, налогообложения, активизации исламизации казахов не могли не коснуться социального положения степняков. Во Внутренней орде в связи с продажей земли в частную собственность близким лицам ханского окружения и запретом перекочевки на правобережье Урала и Волги урезались пастбища, что приводило к нехватке корма и воды для скота. Хан по своему усмотрению стал отдавать общественные земли во владения частным лицам. Вначале он раздавал земли в награду за службу, а затем начал распродавать за деньги по особым актам. Такая аграрная политика хана резко обострила социальные отношения, в орде распространились отработки, земля стала превращаться в объект торговли. Треть населения Букеевской орды оказалась совершенно без земли и многие были вынуждены арендовать ее у соседей, в близлежащих русских губерниях, что не могло не вызвать протеста со стороны казахского населения орды.

Вместе с тем Жангир был по долгу службы проводником колониальной политики царизма в казахском крае. Он неукоснительно соблюдал запрет заселения казахами территорий вдоль берегов Волги и Урала и побережья Каспийского моря, что вызывало неодобрение со стороны соплеменников, которым было запрещено пасти скот и ловить рыбу близ этих рек, что и привело к восстанию под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова в 1836–1838 гг. Это восстание по сути было протестом со стороны казахов против колонизационной политики царизма, и главная проблема заключалась в отчуждении земель у казахов, что сокращало пастбища для скота как основу казахского хозяйства. Жангир хан активно боролся с восставшими с помощью царских штыков.

До наших дней дошли материалы, свидетельствующие о его деятельности по развитию образования среди своих соплеменников. В 1841 г. по инициативе хана Жангира была открыта первая светская школа, где казахские дети учились основам грамотности и имели возможность в дальнейшем продолжить образование в России, в частности, молодых казахов хан отправлял учиться в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Царский чиновник И.С. Иванов в своей работе отметил, что хану удалось добиться вакансий для обучения казахских юношей в лесном институте путей сообщений и в училище гражданских инженеров, а для получения высшего образования молодые люди предварительно имели возможность учиться в губернских гимназиях или в Казанском университете [37. С. 47–48].

19 марта 1842 г. Жангир хан в письме к министру государственных имуществ графу П.Д. Киселеву сообщал: «Имея в виду… Высочайшее соизволение на принятие молодых людей из киргиз Внутренней орды в высшие учебные заведения с тем чтобы они предварительно были приготовлены в губернских гимназиях я… счел нужным учредить в ставке моего училища для обучения… воспитанников и учеников чтению и письму на арабском, персидском и татарском языках… грамматике, началам математики и географии… В настоящее время в училище обучается 30 учеников, и они разделены на два класса» [38. Л. 5–6]. Затраты на содержание школы хан взял на себя. До самой смерти, т.е. до 1845 г., Жангир хан содержал школу за счет своих доходов, сам экзаменовал обучавшихся. Отметим, что четыре сына Жангир хана обучались в Пажеском императорском корпусе. В 1839 г. министр государственных имуществ граф П.Д. Киселев в письме Жангир хану писал: «Государь император, изъявив Всемилостивейшее соизволение на удовлетворение просьбы хана, высочайше повелел мне объяснится лично… относительно назначения корпуса, в которых дети хана могут быть определены» [39. Л. 32].

Для казахов главным богатством был скот, численность которого во многом зависела от состояния погоды, наличия пастбищ, воды и болезней. Поэтому Жангир хан понимал необходимость иметь в орде специального ветеринарного врача. В 1839 г. в одном из писем министру государственных имуществ он обратился с просьбой: «Я решился покорнейше просить <…> назначить для подвластной мне Орды, хотя одного скотоврача <…> Василия Ульяшенко, который желает переехать в Орду и остаться там <…> Я с моей стороны готов дать Ульяшенко квартиру в одном из домов, построенных в Ханской моей ставке <…> и некоторую прибавку к получаемому им от казны жалованью, смотря по искусству и усердию его к своей должности» [40. Л. 1–2]. В этом же письме Жангир хан просил направить во Внутреннюю орду повивальную бабку Марию Гаевскую, «которая просит перевести ея в Орду для продолжения занятия своего. Она представила о себе достаточные рекомендации. При всей крепости здоровья жен наших киргизов, весьма часто бывают случаи, в которых помощь хотя несколько искустной бабки необходима» [Там же]. Просьба хана была удовлетворена, и во Внутреннюю орду по указу императора Николая I были направлены ветеринарный врач и повивальная бабка с установленным жалованьем и квартирами для проживания.

Жангир хан также пригласил в орду лечащего врача и ввел в практику прививки от инфекционных болезней. По сведению И.С. Иванова, «начало оспопрививания во Внутренней орде относится к 1826 г. Для обучения этому делу хан отправил в Оренбург киргиза Сарлыбая Джаныбекова, который и обучался там под личным наблюдением штаб-доктора отдельного оренбургского корпуса» [37. С. 54–55]. Его усилиями во Внутренней Орде появились также больница и аптека.

Деятельность хана привлекала внимание современников, в частности Жангира как просвещенного

деятеля ценили профессор Казанского университета ботаник Карл Клаус, энциклопедист Александр Гумбольт, химик А. Бергман, профессор Тартуского университета К.Ф. Гебель, друг А.С. Пушкина С.А. Раевский, этнограф Г. Карелин. С Жангиром были знакомы лингвист и составитель «Толкового словаря» В.И. Даль, государственный деятель Н. Мусин-Пушкин, ученый-путешественник Е. Ковалевский, известные востоковеды В. Григорьев и П. Небольсин, братья-географы Я.В. и Н.В. Ханыковы, этнограф А. Харузин.

В частности, в 1826 г. хан Жангир на обратном пути из Москвы, куда он был приглашен на коронацию царя Николая I, прибыл в Казань, где посетил местный университет. Профессор университета Карл Фукс отметил в своей статье «Пребывание в Казани киргизского хана Джеан-Гира», что Жангир, осматривая Казанский университет, с удовольствием рассматривал многие арабские и татарские манускрипты, собрания арабских и татарских монет, красиво писаные алкораны и печатные. В зоологическом кабинете хан рассматривал чучела птиц и искал кречета, с которым казахи любят охотиться, ему объяснили назначение глобуса. В разговоре с К. Фуксом Жангир высказывал пожелание, чтобы оба его сына, когда подрастут, воспитывались в Казанском университете [32. С. 8–9].

Жангир хан поддерживал связи с Императорским Казанским университетом. Он имел личные контакты с ректорами Казанского университета К.Ф. Фуксом и Н.И. Лобачевским, состоял в переписке с ними, был меценатом вуза, очень многое сделал, чтобы казахская молодежь могла там обучаться. В одной из поездок в Казанский университет он обратился к известному ученому-востоковеду профессору Казем-Беку с просьбой оказать помощь в издании своей рукописи «Мюхтесерюль-викгает» («Сокращенное законоведение»), которая была удовлетворена.

В 1839 и 1844 г. во время пребывания в Казани он подарил библиотеке университета шесть ценных древних рукописей на арабском, персидском и тюркском языках, пополнив фонд библиотеки восточного факультета. Незадолго до своей смерти Жангир отправил в дар университетской библиотеке три редких рукописных сочинения на персидском языке. Учитывая весомый вклад казахского хана в пополнение фондов научной библиотеки университета редкими восточными рукописями и в собирание материалов, касающихся материальной и духовной культуры казахов, профессора Императорского Казанского университета в 1844 г. избрали Жангир хана почетным членом своего университета. Отметим, что 12 марта 2013 г. в Казанском федеральном университете состоялось торжественное открытие мемориальной доски одному из меценатов Казанского университета – Жангир хану.

Жангир хан одним из первых в Казахском крае стал собирать музейные коллекции из предметов быта и истории культуры казахского народа. У него были ценные коллекции воинских доспехов мастеров-оружейников и подаренные российскими императорами казахским ханам сабли. Им был записан ряд эпических народных произведений казахов, представляющих художественный и научный интерес.

К числу первых казахских культурных инноваций, созданных как подражание европейской музейной традиции, следует отнести «Оружейную комнату» хана Жангира. Идея организации собственного музея, по свидетельствам современников, возникла у хана во время посещения Петербурга и осмотра музеев столицы в 1827 г. Жангир хан разослал своей чингизидской родне специальные письма с просьбой передать ему редкие вещи, в особенности оружие, представляющие семейно-династическую и историческую ценность. У самого Жангир хана имелось немало семейных реликвий, доставшихся ему от отца – хана Букея, ставших основой музейной коллекции, которая впоследствии постоянно пополнялась за счет как добровольных пожертвований со стороны ханской родни, так и целенаправленного сбора. Это музейное собрание с самого начала служило для демонстрации богатства, славы и воинской доблести казахской правящей элиты. Исключительное значение «Оружейной комнаты» для истории музейного дела Казахстана состоит в том, что оно было первым подлинно национальным музейным собранием, созданным Жангир ханом.

Раритетность и уникальность коллекции вызывала восхищение всех посетителей ханской ставки. Современник Жангир хана Л. Терещенко, который был лично с ним знаком и бывал в Орде, после его смерти писал: «Собирая вещи почему-либо редкие или изящные, он любил собирать оружие, которые помещаются в особой комнате, называемой оружейной, и состоят большей частью из восточных пистолетов, ружей, саблей, шашек, ятаганов, топориков, булав, кольчуг, щитов и шишаков, крытых серебряной, золотой чернью и украшенных дорогими каменьями. Иные с арабской надписью, иные с куфическую. В числе саблей суть дарственные роду его от царственного нашего дома, а именно: от императриц Анны, Елизаветы, Екатерины II, императоров Павла и Александра Благословленного. Здесь также хранится клинок сабли, похожий более на шашку, которая жалована царем Михаилом Федоровичем, неизвестно кому из ханов» [41. С. 171–172].

В Центральном государственном музее Республики Казахстан в одном из фондов есть «Краткая ведомость имущества, принадлежащая наследникам умершего хана Внутренней киргизской орды генерал-майора Джангира Букеева», составленная чиновниками Оренбургской пограничной комиссией. В ней приведена стоимость коллекции музея: огнестрельное и холодное оружие – 6 415 руб. 75 коп. серебром, «вещи, составляющие принадлежность охоты и наездничества, как-то: колчаны, панцири, кольчуги, кушаки, уздечки и другие сбруи» – 1 600 руб. серебром. Сюда не входили сабли и оружие, пожалованные русскими царями казахским ханам и батырам. Основанием для этой ведомости послужила опись движимого и недвижимого имущества хана, привезенная коллежским советником Бикмаевым и майором Ерофеевым из Орды [42. Л. 1].

Музей с самого начала носил публичный характер и был важным элементом культурной жизни ханской ставки, и, конечно, его в обязательном порядке посещали гости хана и приезжие путешественники. Несколько раз в году он открывался для визитов учени-

ков местной казахской школы. Можно со всей уверенностью утверждать, что приведенное выше описание «Оружейной комнаты» является свидетельством существования первого казахского музея.

Жизнь и деятельность одного из известных казахских ханов, который оставил след в политической, экономической, социальной и культурной жизни степняков, остаются актуальными в истории Казахстана. Это был человек своего времени, верно служивший империи и за это получавший награды; несомненно, он был на хорошем счету у царской администрации. Император Николай I с уважением относился к своему наместнику и по достоинству ценил его службу и преданность империи. Жангир хан был награжден медалью на Андреевской ленте, алмазными знаками ордена Святой Анны первой степени, произведен в звание генерал-майора русской армии.

Как глава подчиненной ему локальной внутренней этнотерритории он воплощал здесь преобразования в социально-экономической области и другие новации для соплеменников, тем самым приобщив их к цивилизации, которая модернизировала их быт, обычаи и традиции. Осуществление таких нововведений не прошло незаметно как тогда, так и в последующее время. Как отмечено в одной статье, «в силу разных обстоятельств, молодому хану пришлось выполнять функцию культуртрегера <…>» [31. С. 84].

Хан Жангир, конечно, был честолюбивым правителем и целенаправленно стремился к усилению своей власти среди казахов путем расширения ханских полномочий и централизации системы управления во Внутренней орде и при этом ориентировался на хорошо известную ему модель российского самодержавного правления. В свою очередь, царская власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь Букеевской орды и даже поддерживала нововведения Жангир хана с расчетом включения местного казахского населения в цивилизационный процесс Российской империи.

Находясь на должности наместника российского императора, реализуя в жизнь колониальную политику царской администрации и при том укрепляя свои позиции, хан Жангир навлек на себя протест местного населения, который вылился в восстание под руководством И. Тайманова и М. Утемисова о чем выше было упомянуто. Все это говорит о нем как о верном проводнике политики царской власти в степи, и в то же время он остался в памяти как реформатор, проведший в жизнь мероприятия, нашедшие у казахов в целом положительный отклик.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. : сб. документов и материалов / сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 1120 с.
2. Алекторов А.Е. Внутренняя Букеевская орда // Оренбургский листок. 1887. № 22.
3. Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) орды и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства // Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1848. Ч. 3.
4. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. 1846. Т. 47–49, № 7. С. 1–28; № 8. С. 59–125; № 10. С. 58–94; № 11. С. 1–44.
5. Гебель К. Обзор путешествия в степи Южной России в 1834 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. Ч. 6, № 6.
6. Иванин М.И. Внутренняя, или Букеевская, киргизская орда // Эпоха. 1864. № 12.
7. Иванов И.С. Внутренняя Киргизская орда. Приложение к памятной книжке Астраханской губернии на 1891 год. Астрахань, 1892.
8. Казанцев И. О внутренних или букеевских киргизах // Санкт-Петербургские ведомости. 1838. № 1.
9. Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней Киргизской орды // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Ч. 28.
10. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. 1–3. СПб., 1832. 2-е изд. Алматы, 1996.
11. Медведский П.И. Внутренняя Киргизская орда в хозяйственно-статистическом отношении // Журнал Министерства внутренних дел. 1862. № 7.
12. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России Оренбургского ведомства, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10 : Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
13. Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852.
14. Сабанщиков. Рын-пески // Заволжский муравей. Казань. 1832. Ч. 2, № 12.
15. Ханыков Н.В. О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малой ордами // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. № 10.
16. Ханыков Я.Н. Очерк состояния Внутренней киргизской орды в 1841 г. // Записки РГО. 1847. Кн. 2.
17. Харузин А.Н. Степные очерки. Киргизская Букеевская орда. Страничка из записной книжки. М., 1888.
18. Фукс К.Л. Учтивость киргизского хана // Заволжский муравей. Казань, 1832. Ч. 2, № 13.
19. Рязанов А.Ф. 40 лет борьбы за национальную независимость казахского народа (1797−1838) // Труды общества изучения Казахстана. Кзыл-Орда, 1926. Т. VII, вып. 2
20. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941.
21. Шахматов В.Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.
22. Зиманов С.З. К вопросу о прогрессивной роли присоединения Казахстана к России: По материалам Внутренней орды // Труды КазГУ. Сер. Юрид. 1956. Т. 2. С. 63–77.
23. Басин В.Я. Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата, 1971.
24. Касымбаев Ж.К. Государственные деятели казахских ханств XVIII – первой половины XIX вв. Жангир Хан (1801–1845 гг.). Алматы : Наш мир, 2001. Т. 4.
25. Быков А.Ю. Административно-территориальные реформы в Букеевской орде (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2001. С. 414–420.
26. Мукатаев Г.К. Хан Жангир. Великий преобразователь степи. К 200-летию образования Внутренней Букеевской орды и 200-летию со дня рождения хана Жангира Букеева. СПб., 2001.
27. Ерофеева И.В. Внутренняя, или Букеевская, Орда в первой половине XIX в.: История и историография // История Букеевского ханства. 1801–1852 гг. : сб. документов и материалов / сост. Б.Т. Жанаев, В.А. Иночкин, С.Х. Сагнаева. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. С. 3–23.
28. Аспандиаров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация. Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2007.
29. Почекаев Р.Ю. Между Санкт-Петербургом, Оренбургом и Астраханью: отношения Букеевского ханства с центральными и пограничными властями Российской империи // Формирование эффективной системы управления и самоуправления на Южном Урале в XVIII–XX вв. : сб. науч. трудов / отв. ред. Г.Э. Емалетдинова. Уфа ; Стерлитамак : Стерлитамак. филиал БашГУ, 2014. С. 73–87.

30. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии XVIII – начало XX в. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
31. Ермуханова Н.А. Хан Букеевской Орды Джангир – человек нижневолжского фронтира // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 1. С. 80–89.
32. Фукс К. Пребывание в Казани киргизского хана Джеан-Гира // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Кн. 4. Алматы : Издательство Өлке, 2001.
33. Троицкий Н. Взгляд на Внутреннюю Киргизскую Орду // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Алматы : Өлке, 2001. Кн. 3.
34. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 386.
35. Евреинов А. Внутренняя, или Букеевская Киргиз-Казачья Орда // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Алматы : Өлке, 2001. Кн. 4.
36. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 82-1841. Д. 1.
37. Иванов И.С. Джангер, хан Внутренней Киргизской орды // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Алматы : Өлке, 2001. Кн. 2.
38. РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1842. Д. 3.
39. РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1839. Д. 1.
40. РГИА. Ф. 1291. Орп. 82-1839. Д. 2.
41. Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя Киргиз-Кайсацкая Орда // Букеевской Орде 200 лет. Издание из 6 книг. Кн. 4. Алматы : Өлке, 2001.
42. ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2336.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 апреля 2017 г.

ZHANGIR KHAN: A LOYAL SUBJECT OF RUSSIA AND STEPPE REFORMER

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 124–130.
DOI: 10.17223/15617793/425/16

Zharas A. Ermekbay, Kazakhstan Branch of Lomonosov Moscow State University (Astana, Kazakhstan). E-mail: ermekjaras@mail.ru

Keywords: Zhangir Khan; Internal Horde; Ministry of State Property; Kazan University; Khan's residence.

The paper presents the activity of Zhangir Khan in the period from 1824 to 1845 in the Bukeev Horde or the Internal Horde situated between the Volga and the Ural rivers. The last Khan of the Internal Horde was a son of Bukey Khan and his second wife Atan-Khanym, and fell heir to his father according to his nuncupative will. We know about the life and activities of Zhangir Khan from the papers of Professor K. Fuks, Doctor of Medicine M.Ya. Kittara, official I.S. Ivanov and many other Russian pre-revolutionary authors. A number of papers devoted to the Internal Horde and Zhangir Khan were written during the Soviet period, and this theme is still urgent nowadays. One may find important archive materials devoted to the Bukeev Horde in the holdings of the Central Governmental Archive of the Republic of Kazakhstan in Almaty and the Russian State Historical Archive in Saint Petersburg. During his reign over the Internal Horde, Zhangir Khan managed to revive the traditional national structures such as the Khan's council, the council of Biys, the Yesaul institution, and to restore Khan's jurisdiction. He established a registry, records management, a postal service, opened a pharmacy, a school, a madrasah and a fair in his residence. Zhangir Khan attached particular importance to education. He opened a college for Kazakh young men in the Khan's residence and achieved education vacancies for Kazakh young people in Russian educational institutions. He was interested in issues of medical services for the population of the Horde; in particular, he engaged a doctor and a nurse-midwife, organized immunization, opened a pharmacy and invited a veterinarian for work. To develop trade, he opened a fair in the Khan's residence that worked annually in spring and autumn where Kazakhs could sell livestock and buy necessary goods such as tea, sugar, textiles, iron products, etc. The Khan's attention was drawn to the spread of Islam among his compatriots. In order to implement that he established the post of Akhun, who was the main clergyman, to promote religious knowledge and control over the development of spiritual education and secular knowledge in the Khanate. He opened an arms room, where rare types of cold and fire arms were collected. Zhangir Khan was an aspiring ruler who strove to strengthen his power among the Kazakhs by expanding the Khan's powers and centralizing the management system in the Internal Horde. At the same time he was guided by the model of the Russian autocratic rule, well-known to him. The Tsar administration treated the Khan favorably, encouraged his innovations, rewarded and commissioned him to the rank of Major General of the Russian Army for his faithful service. In general, the colonization policy of the Russian administration in relation to the national borderlands did not prevent the existence of a vassal and simultaneously an autonomous subject such as the Internal Horde within the empire.

REFERENCES

1. Zhanaev, B.T., Inochkin, V.A. & Sagnaeva, S.Kh. (2002) *Istoriya Bukeevskogo khanstva. 1801–1852 gg.: sb. dokumentov i materialov* [History of the Bukeev Khanate. 1801–1852: documents and materials]. Almaty: Dayk-Press.
2. Alektorov, A.E. (1887) Vnutrennyaya Bukeevskaya orda [The Internal Bukeev Horde]. *Orenburgskiy listok*. 22.
3. Blaramberg, I.F. (1848) Voenno-statisticheskoe obozrenie zemli kirgiz-kaysakov Vnutrenney (Bukeevskoy) ordy i Zaural'skoy (Maloy) ordy Orenburgskogo vedomstva [Military statistical survey of the land of the Kirghiz-Kaisaks of the Internal (Bukeev) Horde and the Trans-Ural (Minor) Horde of the Orenburg department]. In: *Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiyskoy imperii* [Military Statistical Overview of the Russian Empire]. Part 3. St. Petersburg: Tip. Dep. Gen. Shtaba.
4. Byuler, F.A. (1846) Kochuyushchie i osedlo zhivushchie v Astrakhanskoy gubernii inorodtsy [Nomadic and sedentary foreigners living in Astrakhan Province]. *Otechestvennye zapiski*. 47–49:7. pp. 1–28.
5. Gebel', K. (1835) Obzor puteshestviya v stepi Yuzhnoy Rossii v 1834 godu [An overview of the trip to the steppes of Southern Russia in 1834]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 6:6.
6. Ivanin, M.I. (1864) Vnutrennyaya, ili Bukeevskaya, kirgizskaya orda [The Internal, or Bukeev, Kirghiz Horde]. *Epokha*. 12.
7. Ivanov, I.S. (1892) *Vnutrennyaya Kirgizskaya orda. Prilozhenie k pamyatnoy knizhke Astrakhanskoy gubernii na 1891 god* [The Internal Kyrgyz Horde. The appendix to the memorable book of Astrakhan Province for 1891]. Astrakhan: Tip. Gubernskogo pravleniya.
8. Kazantsev, I. (1838) O vnutrennikh ili bukeevskikh kirgizakh [On the Internal or Bukeyev Kirghiz]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti.* 1.
9. Kittary, M.Ya. (1848 Stavka khana Vnutrenney Kirgizskoy ordy [The residence of the Khan of the Internal Kyrgyz Horde]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del.* 28.
10. Levshin, A.I. (1996) *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey* [Description of Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, Hordes and steppes]. Parts 1–3. 2nd ed. Almaty: Sanat.

11. Medvedskiy, P.I. (1862) Vnutrennyaya Kirgizskaya orda v khozyaystvenno-statisticheskom otnoshenii [Internal Kirghiz Hordes in the economic and statistical aspects]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 7.
12. Meyer, L. (1865) Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [The Kirghiz steppe of the Orenburg department]. In: Meyer, L. (ed.) *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii Orenburgskogo vedomstva, sobrannye ofitserami General'nogo shtab*a [Materials for geography and statistics of Russia of the Orenburg department, collected by the officers of the General Staff]. Vol. 10. St. Petersburg: Tip. E. Veymara i F. Persona.
13. Nebol'sin, P.I. (1852) *Ocherki Volzhskogo nizov'ya* [Sketches of the Volga lower reaches]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva Vnutrennikh Del.
14. Sabanshchikov. (1832) Ryn-peski [Ryn sands]. *Zavolzhskiy muravey*. 2:12.
15. Khanykov, N.V. (1844) O naselenii kirgizskikh stepey, zanimaemykh Vnutrenney i Maloy ordami [On the population of the Kirghiz steppes occupied by the Internal and Lesser Hordes]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 10.
16. Khanykov, Ya.N. (1847) Ocherk sostoyaniya Vnutrenney kirgizskoy ordy v 1841 g. [Essay on the state of the Internal Kirghiz Horde in 1841]. *Zapiski RGO*. 2.
17. Kharuzin, A.N. (1888) *Stepnye ocherki. Kirgizskaya Bukeevskaya orda. Stranichka iz zapisnoy knizhki* [Steppe sketches. The Kyrgyz Bukeev Horde. Page from the notebook]. Moscow: Tip. A. A. Levensona.
18. Fuks, K.L. (1832) Uchtivost' kirgizskogo khana [Courtesy of the Kirghiz Khan]. *Zavolzhskiy muravey*. 2:13.
19. Ryazanov, A.F. (1926) 40 let bor'by za natsional'nuyu nezavisimost' kazakhskogo naroda (1797−1838) [40 years of struggle for the national independence of the Kazakh people (1797–1838)]. *Trudy obshchestva izucheniya Kazakhstana*. VII:2
20. Vyatkin, M.P. (1941) *Ocherki po istorii Kazakhskoy SSR* [Essays on the history of the Kazakh SSR]. Leningrad: Gospolitizdat.
21. Shakhmatov, V.F. (1946) *Vnutrennyaya Orda i vosstanie Isataya Taymanova* [The Internal Horde and the revolt of Isatay Taimanov]. Alma-Ata: Izd. i tip. Izd-va Akad. nauk Kazakh. SSR.
22. Zimanov, S.Z. (1956) K voprosu o progressivnoy roli prisoedineniya Kazakhstana k Rossii: Po materialam Vnutrenney ordy [On the Progressive Role of Kazakhstan's Accession to Russia: Based on the Materials of the Internal Horde]. *Trudy KazGU. Ser. Yurid*. 2. pp. 63–77.
23. Basin, V.Ya. (1971) *Rossiya i Kazakhskie khanstva v XVI–XVIII vv. (Kazakhstan v sisteme vneshney politiki Rossiyskoy imperii)* [Russia and the Kazakh Khanates in the 16th–18th centuries (Kazakhstan in the foreign policy of the Russian Empire)]. Alma-Ata: Nauka.
24. Kasymbaev, Zh.K. (2001) *Gosudarstvennye deyateli kazakhskikh khanstv XVIII – pervoy poloviny XIX vv. Zhangir Khan (1801–1845 gg.)* [State figures of the Kazakh khanates of the 18th – first half of the 19th centuries. Zhangir Khan (1801–1845)]. Vol. 4. Almaty: Nash mir.
25. Bykov, A.Yu. (2001) Administrativno-territorial'nye reformy v Bukeevskoy orde (pervaya polovina XIX v.) [Administrative-territorial reforms in the Bukeev Horde (first half of the 19th century)]. In: Kiryushin, Yu.F. & Skubnevskiy, V.A.(eds) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical issues of the history of Siberia]. Barnaul: Altai State University.
26. Mukataev, G.K. (2001) *Khan Zhangir. Velikiy preobrazovatel' stepi. K 200-letiyu obrazovaniya Vnutrenney Bukeevskoy ordy i 200-letiyu so dnya rozhdeniya khana Zhangira Bukeeva* [Zhangir Khan. The Great transformer of the steppe. To the 200th anniversary of the formation of the Internal Bukeev Horde and the 200th anniversary of the birth of Khan Zhangir Bukeev]. St. Petersburg: Izdatel'stvo M.V. Irkhinoy.
27. Erofeeva, I.V. (2002) Vnutrennyaya, ili Bukeevskaya, Orda v pervoy polovine XIX v.: Istoriya i istoriografiya [The Internal, or Bukeev, Horde in the first half of the 19th century: History and historiography]. In: Zhanaev, B.T., Inochkin, V.A. & Sagnaeva, S.Kh. *Istoriya Bukeevskogo khanstva. 1801–1852 gg.: sb. dokumentov i materialov* [History of the Bukeev Khanate. 1801–1852: documents and materials]. Almaty: Dayk-Press.
28. Aspandiarov, B. (2007) *Obrazovanie Bukeevskoy ordy i ee likvidatsiya* [Formation of the Bukeyev Horde and its liquidation]. Almaty: Қазақ entsiklopediyasy.
29. Pochekaev, R.Yu. (2014) Mezhdu Sankt-Peterburgom, Orenburgom i Astrakhan'yu: otnosheniya Bukeevskogo khanstva s tsentral'nymi i pogranichnymi vlastyami Rossiyskoy imperii [Between St. Petersburg, Orenburg and Astrakhan: the relations of Bukeyevsky Khanate with the central and border authorities of the Russian Empire]. In: Emaletdinova, G.E. (ed.) *Formirovanie effektivnoy sistemy upravleniya i samoupravleniya na Yuzhnom Urale v XVIII–XX vv.* [Forming an effective system of governance and self-government in the Southern Urals in the 18th–20th centuries]. Ufa; Sterlitamak: Sterlitamak. Bashkir State University Branch.
30. Pochekaev, R.Yu. (2017) *Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii XVIII – nachalo XX v.* [Governors and khans. Personality factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia in the 18th – early 20th centuries]. Moscow: HSE.
31. Ermukhanova, N.A. (2016) Khan Bukeevskoy Ordy Dzhangir – chelovek nizhnevolzhskogo frontira [The Bukeev Horde Khan Zhangir – a man of the Lower Volga Frontier]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 1. pp. 80–89.
32. Fuks, K. (2001) Prebyvanie v Kazani kirgizskogo khana Dzhean-Gira [A Stay in Kazan of the Kirghiz Khan Jahangir]. In: Kul'kenov, M. (ed.) *Bukeevskoy Orde 200 let. Izdanie iz 6 knig* [The Bukeev Horde is 200 years old. In 6 books]. Book 4. Almaty: Izdatel'stvo Өlke.
33. Troitskiy, N. (2001) Vzglyad na Vnutrennyuyu Kirgizskuyu Ordu [A Look at the Internal Kyrgyz Horde]. In: Kul'kenov, M. (ed.) *Bukeevskoy Orde 200 let. Izdanie iz 6 knig* [The Bukeev Horde is 200 years old. In 6 books]. Book 3. Almaty: Izdatel'stvo Өlke.
34. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 4. List 1. File 386.
35. Evreinov, A. (2001) Vnutrennyaya, ili Bukeevskaya Kirgiz-Kazach'ya Orda [The Internal, or Bukeev Kirghiz-Cossack Horde]. In: Kul'kenov, M. (ed.) *Bukeevskoy Orde 200 let. Izdanie iz 6 knig* [The Bukeev Horde is 200 years old. In 6 books]. Book 4. Almaty: Izdatel'stvo Өlke.
36. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82-1841. File 1. (In Russian).
37. Ivanov, I.S. (2001) Dzhanger, khan Vnutrenney Kirgizskoy ordy [Zhangir, the Khan of the Internal Kirghiz Horde]. In: Kul'kenov, M. (ed.) *Bukeevskoy Orde 200 let. Izdanie iz 6 knig* [The Bukeev Horde is 200 years old. In 6 books]. Book 2. Almaty: Izdatel'stvo Өlke.
38. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82-1842. File 3. (In Russian).
39. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. List 82-1839. File 1. (In Russian).
40. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1291. Orp. 82-1839. File 2. (In Russian).
41. Tereshchenko, A. (2001) Sledy Desht-Kipchaka i Vnutrennyaya Kirgiz-Kaysatskaya Orda [Traces of Desht-Kipchak and the Internal Kirghiz-Kaisak Horde]. In: Kul'kenov, M. (ed.) *Bukeevskoy Orde 200 let. Izdanie iz 6 knig* [The Bukeev Horde is 200 years old. In 6 books]. Book 4. Almaty: Izdatel'stvo Өlke.
42. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 4. List 1. File 2336.

Received: 07 April 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 131–139. DOI: 10.17223/15617793/425/17

УДК 330.8 JEL B290

В.В. Запарий

ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИКИ «ФОРДИЗМА» КАК ИНСТРУМЕНТ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ В УРАЛЬСКОЙ ТАНКОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-32-01081/16).

Рассматривается комплекс социально-экономических трансформаций в танковой промышленности Урала периода Великой Отечественной войны в результате внедрения здесь базовых элементов концепции «фордизма». Исследован процесс проникновения в СССР этих идей еще в 1920–1930-е гг. на волне советско-американского экономического сотрудничества и торговли, а также значение технологий поточно-конвейерного производства в процессе модернизации экономики региона. Показано, каким образом концепция «фордизма», адаптированная к реалиям Советской России, позволила обеспечить необходимое качество управления военной промышленностью региона, на примере танкового производства.

Ключевые слова: танковая промышленность; «фордизм»; поточно-конвейерное производство; Великая Отечественная война; антикризисное управление; Урал.

Деятельность знаменитого американского изобретателя и бизнесмена Г. Форда оставила значительный след в истории науки и техники. Его идеи не только определили актуальное на протяжении XX в. развитие массового производства товаров, но и привели к кардинальным изменениям в практике управления персоналом, а также в самой философии менеджмента.

В социологии и истории управленческой мысли его взгляды на основные принципы производства и социального взаимодействия рабочих и капитала известны под названием «фордизм». Данная модель нашла глубокое осмысление в западной социологии в условиях трансформации индустриального сектора уже во второй половине XX в., когда заговорили уже о «постфордизме» [1. P. 32–58; 2–4].

Как экономико-философская концепция и практика менеджмента «фордизм» является логическим продолжением развития идей так называемой «классической школы» управления и тесно связан с концепцией Ф.У. Тейлора и ряда его последователей. Идеи Форда вобрали в себя методы «научного управления», сформулированные его предшественниками (Ф.У. Тейлор, Г. Ганнт) для условий маломеханизированного и ручного производства, адаптировав их к нуждам крупносерийного машинного производства. Движение именно в этом направлении способствовало не только успеху компании Форда, но и развитию нового качества в материальной культуре – общества массового потребления.

В историографии существует значительное количество работ о «фордизме», правда, в основном это зарубежные публикации [5. P. 517–555; 6. P. 531–550; 7]. Отечественные авторы уделяют этому явлению недостаточно внимания, что позволяет говорить о том, что в России тема еще недостаточно изучена. В советский период основной интерес к «фордизму» проявляли инженеры и технологи, пропагандировавшие его в личном порядке. Наиболее известным распространителем идей Г. Форда в Советской России 1920–1930-х гг. был Н.С. Лавров, известный деятель движения НОТ (научной организации труда). Будучи лектором по научной организации труда в Ленинграде, он в своих выступлениях и печатных работах подчеркивал исключительную важность и необходимость внедрения системы Форда в ведущих отраслях социалистической экономики [8].

В современной отечественной историографии наиболее подробно вопросы социально-производственной философии Генри Форда отражены в книге Б.М. Шпотова «Генри Форд: жизнь и бизнес» [9] и ряде менее крупных публикаций [10, 11]. В них автор не только справедливо оценивает сильные и прогрессивные стороны системы «фордизма», но и говорит о стратегических прочетах самого Г. Форда, допущенных им как единоличным руководителем компании в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Система «фордизма» состояла из нескольких уровней. Ее фундаментом являлось массовое поточно-конвейерное производство на основе специализированных и максимально автоматизированных станков и унифицированного оборудования. Станки располагались группами в потоке с расчетом на достижение оптимальной логистики и экономии пространства. Вся продукция, ее отдельные детали и их элементы были максимально стандартизированы, упрощены и в конечном итоге взаимозаменяемы. Так, сам Форд в течение почти 14 лет выпускал только одну модель автомобилей «Т», которая не имела ничего лишнего в отделке и была максимально простой с точки зрения конструкции и технологии производства [9. С. 88–89]. Наконец, «фордизм» предполагал особую кадровую политику и жесткую систему социального патернализма в отношениях рабочего и предпринимателя. Кадровая политика Форда заключалась в найме на работу массы неквалифицированных людей, часто из среды иммигрантов и деклассированных элементов, которые становились рабочими-операторами, умевшими выполнять только одну производственную операцию, максимально автоматизированную и оптимизированную [Там же. С. 80–81]. Таких рабочих можно было легко подготовить в течение недели или чуть более.

Г.Форд изначально установил высокие расценки за труд (до начала 1920-х гг. самые высокие в автомобильной промышленности США), чтобы стимулировать высокое потребление его рабочих, считая это залогом успешного и бескризисного ведения дела [Там же. С. 134–135]. Заводская администрация навязывала рабочим необходимость иметь счет в банке,

денежные сбережения, пропагандировала приобретение ими автомобилей Форда. Некоторые рабочие покупали в кредит индивидуальные дома либо иную жилплощадь. За успешный труд работник имел право получать проценты с прибыли компании. По личному решению Г. Форда на деньги компании были построены больницы для рабочих, где они, находясь на постельном режиме, могли выполнять мелкие сборочные операции, оплачивая таким образом свое пребывание в заведении. Существовали школы трудового обучения для их детей. Он брал на работу и лиц с ограниченными возможностями. По личному настоянию основателя в среде персонала компании «Форд Мотор» пропагандировались трезвость, бережливость, семейные ценности и прочие добродетели в духе протестантской этики.

Тем не менее предприниматель был исключительно агрессивно настроен в отношении профсоюзов, блокировал их создание на своих предприятиях и жестоко карал любые случаи неподчинения рабочих администрации. За такие выступления людей обычно немедленно увольняли. Только в начале 1930-х гг. стареющий основатель империи «Форд» пошел на уступки профсоюзам. Несмотря на свои позитивные социальные особенности и передовые технологии массового производства, система Г. Форда, как и доктрина Ф.У. Тейлора в свое время, была неоднозначно оценена современниками. Учитывая широкое распространение «фордизма» в американской промышленности, в его адрес раздавались критические замечания как со стороны консерваторов, так и со стороны носителей прогрессивных на тот момент социалистических взглядов.

Сразу после своего появления концепция управления, созданная Г. Фордом, начала быстро распространяться в США и экономически развитых странах Европы и Азии, что привело к вытеснению большинства кустарных и мануфактурных предприятий крупными промышленными гигантами с высокой концентрацией производства.

Начавшийся после Октябрьской революции 1917 г. большевистский социальный эксперимент по построению государства, основанного на диктатуре пролетариата, требовал коренного переустройства не только социальных, но и производственных отношений, сложившихся в России к этому времени. Старый индустриальный сектор, унаследованный от Российской Империи, пройдя горнило Первой мировой, Гражданской войн и «военного коммунизма», несмотря на политику стабилизации, к началу 1920-х гг. пребывал в состоянии упадка, сохраняя общее технико-технологическое отставание от ведущих экономик мира [12]. В таких условиях новой власти требовались свежие идеи, что и предопределило популярность научной организации труда в Советской России. В это же время начинает пробивать себе дорогу «фордизм», в первую очередь в среде инженеров и руководителей производства. В порядке личной инициативы в 1920-е гг. в СССР начинается пропаганда идей Г.Форда.

Неоднозначно и противоречиво были приняты «фордизм» и его опыт в СССР. В 1920–1930-е гг. к «фордизму» относились с осторожностью, учитывая, что это буржуазная теория, а сам Г. Форд – известный и крупный капиталист. Тем не менее Г. Форд оказался одним из первых влиятельных бизнесменов США и Европы, кто начал деловые отношения с Советской Россией. Так, в 1925 г. он продает России несколько партий своих тракторов «Фордзон». Уже в 1929 г. «Форд Мотор» подписывает контракт с советским правительством об оказании технической помощи и проведении консультаций при строительстве Горьковского автозавода. Была закуплена технологическая документация, ряд инженерно-технических работников из СССР прошли обучение в США. В г. Горький прибыла группа американских специалистов-наладчиков. СССР обязался купить у Форда и несколько тысяч автомобилей [9. С. 349–350].

В течение второй половины 1920-х гг. в СССР издаются книги о Г. Форде, его труды, система «фордизма» активно обсуждается в заинтересованных кругах (среди руководства промышленностью, преподавателей технических учебных заведений, инженерных кадров) на фоне развития собственной советской школы НОТ и ряда подобных концепций. С другой стороны, советская публицистика подчеркивала перегибы политики Форда в отношении профсоюзов, классовый характер его концепции и т.д. Таким образом, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. опыт «фордизма», а точнее, его важнейшие технологические элементы активно распространялись и внедрялись в советской промышленности, там, где это способствовало повышению качества управления производством. Здесь имел место чисто прагматический подход.

Напомним, что индустриализация СССР в годы первых пятилеток происходила за счет активного заимствования на Западе передовых технологий производства и готовых конструкторских решений. Уже к 1927 г. экспорт США в СССР вырос более чем вдвое по сравнению с довоенным уровнем, в начале 1930-х гг. он составил пятую часть всего советского импорта. Соединенные Штаты заняли второе место после Германии в торговле с Советским Союзом, а в отдельные годы даже лидировали [13. С. 46–59]. В США закупались не только станки и оборудование, но и военные технологии. В частности, СССР приобрел у изобретателя Дж. Мейнфорда Кристи права на выпуск по лицензии колесно-гусеничных танков, впоследствии ставших, после необходимых доработок, одними из самых массовых танков Красной Армии перед Великой Отечественной войной. Лозунг «Учиться у американцев!» стал активно распространяться после принятия в 1925 г. постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О привлечении иностранных техников и обучении наших техников за границей». Тогда же в СССР начали массово приезжать американские специалисты, а советские инженеры и рабочие проходили стажировку за рубежом [Там же. С. 46–59]. Работы Г. Форда рекомендовались руководителям трестов и предприятий. В этих условиях общий информационно-идеологический фон 1920–1930-х гг. способствовал формированию в среде руководителей производства советской промышленности взглядов, согласующихся с основными идеями системы Г. Форда, а закупленные за границей оборудование и технологии потенци-

ально могли обеспечить развитие массового крупносерийного производства как в военном, так и в гражданском секторе машиностроения.

Еще современникам индустриализации в СССР было понятно, что такие серьезные усилия и капиталовложения были направлены в первую очередь на создание современной и независимой военной промышленности. Однако в 1930-е гг. на большинстве советских предприятий, занятых военным производством, господствовала в основном мелкосерийная сборка.

При этом продукция танковой и авиационной промышленности СССР в предвоенный период была достаточно низкого качества, что часто сводило на нет достоинства конструкции. Так, исследователь военной экономики С.М. Симонов пишет в своей работе, что «к 1938 г. образцы бронетанковой техники, серийно выпускавшиеся в СССР в 1929–1935 гг., практически выработали свой ресурс. Их состояние, по оценке специалистов, “было ужасным”. Большей частью они просто валялись на территориях воинских частей с неисправными двигателями, трансмиссией и т.д., а большинство было к тому же разоружено. Запчасти отсутствовали, и ремонт производился только путем разукомплектования одних танков для восстановления других» [12].

Ведущие отрасли военной промышленности СССР в течение первой и второй пятилеток с большими сложностями осваивали заимствованные на Западе технологии, однако к началу Великой Отечественной войны этот процесс не был до конца завершен. В танковой промышленности производство боевых машин было децентрализовано и построено на взаимной кооперации целого ряда предприятий нескольких отдельных ведомств и наркоматов [14].

Созданные в конце 1930-х гг. прототипы будущих танков Т-34 и КВ производились на основе все тех же принципов организации труда, что были характерны для их предшественников: малыми сериями и без строгого учета требований эффективности и качества. Такая же ситуация сложилась в авиационной промышленности [12]. К началу 1940-х гг. потребовалось изменить базовые подходы к организации и управлению производством. Для этого в СССР уже имелись значительная промышленная база и широкое распространение идей «фордизма».

С началом Великой Отечественной войны, эвакуацией и перемещением на Восток страны ведущих предприятий танковой промышленности СССР встал вопрос о новых принципах организации антикризисного управления в отрасли. Потеря территории, кадров, оборудования и сырья в обстановке высокой степени неопределенности поставили перед руководством страны и танковой промышленности задачу обеспечения максимальной производительности труда при значительно более ограниченных ресурсах, чем в довоенный период.

В целом сохранявшаяся с периода индустриализации 1930-х гг. стратегия экстенсивного развития танкового производства не могла быть реализована в полном объеме в связи с утратой экономического и кадрового потенциала традиционных центров танкостроения, а также ограниченными возможностями менее развитых в промышленном отношении внутренних регионов, куда они были в конечном итоге эвакуированы. Выход был найден в интенсификации производства путем его концентрации в максимально подходящих для этого местах, упрощении и стандартизации технологии и номенклатуры военной продукции, а также дальнейшей централизации всей системы государственного управления.

Первыми шагами государства в деле преобразования отрасли становятся эвакуация танковой промышленности во внутренние регионы страны и создание в сентябре 1941 г. Наркомата танковой промышленности СССР (НКТП). Наркомат сосредоточил в себе научно-технический, кадровый и производственный потенциал ведущих отраслей машиностроения, до войны производивших танки на основе взаимной кооперации [16. Л. 19.]. Он стал надежным проводником в жизнь идей «узкого руководства» во главе с И.В. Сталиным от имени высшего органа чрезвычайной власти в стране – Государственного комитета обороны (ГКО).

Следующим шагом стало коренное изменение технологии производства танков. Потери уникального промышленного оборудования и станков удалось в основном восполнить за счет ресурсов местных предприятий Урала, частично путем передачи из других отраслей, покупки через программу «ленд-лиза». Основной бедой отрасли стал высокий уровень потерь производственного персонала. Эвакуировали обычно дирекцию, ведущих инженерно-технических работников (ИТР), наиболее квалифицированных рабочих, документы и ценнейшее оборудование. Основная масса рабочих, имевших соответствующий опыт, осталась на оккупированной территории[1]. Особенно это касалось электросварщиков. В силу преобладавшей до войны технологии ручной сварки, для крупносерийного производства танков таких специалистов требовалось много и они должны были обладать очень хорошей профессиональной подготовкой. Острая нехватка квалифицированных сварщиков в бронекорпусном производстве уральских заводов стимулировала разработку и активное внедрение здесь установок автоматической сварки брони.

Кадры, заменившие потерянных специалистов, обладали различным уровнем производственной квалификации, но не имели опыта танкового производства. Отметим, что большинство довоенных конструкций танков (включая самые новые Т-34 и КВ) и их важнейших агрегатов было рассчитано на сборку рабочими-универсалами в условиях доминирования стендовой сборки с невысокой степенью поточности и механизации. Это сделало невозможным выпуск танков на основе прежних технологий в сколько-либо значительном количестве. Было практически потеряно прежнее металлургическое и бронекорпусное производство. Изменению подверглись процессы выплавки, проката, отливки, раскроя, резки и термообработки брони. Большинство отлаженных связей по взаимной кооперации оказалось разорвано.

Кроме того, значительные потери бронетехники Красной Армией в боях лета–осени 1941 г. требова-

лось немедленно пополнить. Единственно верный в тех условиях выход был найден руководством отрасли в переходе к массовому выпуску танков на основе поточно-конвейерной системы, или, как тогда говорили, «автотракторной технологии». В ходе ее комплексного внедрения на ведущих уральских предприятиях (завод № 183, Кировский завод, УЗТМ) сложилась своеобразная социально-технологическая модель управления и организации производства, обладавшая существенным сходством с системой «фордизма».

Наиболее ярко система поточно-конвейерного производства танков на Урале в период Великой Отечественной войны была представлена на двух крупнейших предприятиях региона: УТЗ № 183 (Уральский танковый завод им. Сталина) и Кировском заводе в г. Челябинске, широко известном под неофициальным названием «Танкоград». УТЗ № 183 создавался за счет слияния мощностей ХПЗ (Харьковского паровозостроительного завода) № 183 им. Коминтерна и ряда смежных эвакуированных мощностей с УВЗ (Уралвагонзавод) в г. Нижний Тагил. С опорой на довоенный опыт использования элементов механизации на месте главного вагоносборочного конвейера УВЗ (не без известных проблем) в Нижнем Тагиле к весне 1942 г. удалось запустить поточно-конвейерную сборку танка Т-34 [17. Л. 168–172].

В Челябинске еще с середины 1940 г. велась подготовка серийного выпуска танка КВ, но к началу войны она так и не была завершена. Это произошло в связи с недочетами в управлении предприятием и вследствие сложности, несовершенства самой конструкции танка, изначально не приспособленной к требованиям поточной сборки. Сказалось и отсутствие на ЧТЗ опыта работы с бронетанковой техникой. После эвакуации в конце 1941 г. в Челябинск мощностей Кировского завода и ряда смежных производств ситуацию удалось постепенно улучшить. Здесь сформировался один из крупнейших центров танкового производства в СССР.

В производственно-технологическом плане объединенный Танкоград состоял, условно говоря, из кадров, оборудования и цехов Челябинского тракторного завода (ЧТЗ), кадров и оборудования Кировского завода, а также моторного завода № 75. Из вышеперечисленных только ЧТЗ имел развитую «автотракторную» технологию с преобладанием малоквалифицированных рабочих-операторов. В традициях производства завода № 75 и в особенности Кировского завода преобладали нормы универсального малосерийного машиностроения, обеспеченные кадрами рабочих-универсалов. Именно эта нестыковка (на фоне прочих технических нюансов) не позволяла до начала 1942 г. запустить в Челябинске более или менее массовое (по меркам военного времени) производство танков КВ [18. Л. 21–31].

Отметим, что до лета 1943 г. в управлении Кировским заводом существовало функциональное разделение управления танковым и дизель-моторным производством. То есть были отдельные должности «главного инженера по танковому производству» и «главного инженера по моторному производству» [19. Л. 2–9]. Слабым местом было опытное производство, которое с трудом обеспечивало отработку опытных образцов и тормозило процесс технического совершенствования довольно слабой с технической точки зрения конструкции танка КВ.

Выполнение возложенной на Кировский завод летом 1943 г. программы производства Т-34 стало предпосылкой к последующим качественным изменениям всей заводской технологии. Только после масштабной реорганизации управления в 1944 г. в Челябинске впервые в мире удалось развернуть поточно-конвейерное производство тяжелых танков ИС-2.

Если рассматривать технологическую подсистему, то именно здесь элементы политики «фордизма» в советской танковой промышленности оказались лучше всего видны. На примере Кировского завода в Челябинске можно проиллюстрировать комплекс работ, проведенных в 1944–1945 гг. для оптимизации процесса изготовления тяжелого танка ИС-2 и САУ на его базе.

Для достижения ритмичной работы танкового производства в условиях все возрастающей программы выпуска и использования рабочих кадров низкой квалификации была переработана технология во всех механических цехах. Создавалось максимальное число поточных линий по изготовлению наиболее трудоемких деталей и там, где наблюдался высокий процент производственного брака. Широко внедрялись высокопроизводительные приемы механической обработки, ранее выполнявшиеся на универсальном оборудовании: многорезцовое резанье на токарных полуавтоматах взамен универсальных токарных станков, сверлильные работы взамен расточных и токарных, беспрерывный процесс фрезерования и шлифовки, протяжки, холодной штамповки, суперфиниша[2] и хонингования[3], термообработка бронедеталей токами высокой частоты (ТВЧ) взамен термических пламенных печей, автоматизация производственных процессов обработки и контроля [20. Л. 3].

Повсеместное внедрение специализированных приспособлений и инструментов давало возможность с максимальным эффектом использовать малоквалифицированный труд женщин и подростков. Проведенная перестройка технологии позволила заводу в установленные сроки без остановки действующего производства и снижения программы организовать ритмичный выпуск деталей и узлов для танков, самих танков в жестком соответствии с заданным темпом работы сборочного конвейера. В июле 1944 г. Кировский завод достиг проектной мощности и систематически начал выполнять правительственную программу, за что на протяжении 19 месяцев удостаивался Переходящего Знамени ГКО. Так, выпуск танков ИС обслуживала 51 поточная линия, в то время как сборку КВ немногим ранее – только 7 линий [Там же. Л. 5].

В основу реконструкции механических цехов Кировского завода (танковых и моторных) была положена организация комплексных участков замкнутого типа. Они формировались по узловому принципу с учетом группировки деталей, подобных по своим геометрическим формам и имеющих сходный технологический процесс. Планировка оборудования по принципу комплексных участков была проведена в

цехах и на отдельных участках, где применение поточных линий оказалось нерентабельным в силу малосерийности деталей и краткости технологического цикла их изготовления [20. Л. 8].

Однако и при групповой планировке оборудования в основу было положено создание определенного направления всего потока деталей. Для оптимизации работы наладчиков и предоставления рабочим возможности многостаночного обслуживания требовалось, с одной стороны, групповое расположение станков, а с другой стороны, была необходимость компоновки оборудования согласно требованиям технологического процесса. Видимое противоречие между групповым расположением станков и последовательностью операций технологического процесса удалось преодолеть путем расположения станков по групповому признаку, а групп станков – в соответствии с последовательностью технологического процесса.

В течение 1944 г. на Кировском заводе в результате проведенной перепланировки оборудования в танковых и моторных цехах было модернизировано и вновь организовано 152 поточных линии, из них в танковых цехах – 51 линия, в моторных – 88, а в цехе тракторных деталей – 13 линий. За это время была собрана информация относительно 102 из 152 действующих линий (нормы заделов заготовок, пропускная способность, заданный и достигнутый ритм), выданы аттестаты.

Таким образом, за 1944 г. количество поточных линий в танковых цехах возросло с 29 до 51, или на 75%, в моторных с 53 до 88, или на 66%. За второе полугодие 1944 г. пропускная способность отдельных линий возросла на 25–30%, а по ряду элементов ходовой части – до 40% [11. Л. 44]. С технологической точки зрения советские инженеры внедряли в танковое производство Кировского завода классические методы поточно-конвейерной сборки, впервые использованные Г. Фордом на его заводе в Хайленд-Парке (Детройт) в 1913 г. Несмотря на явное отличие в характере танкового и автомобильного производства, основные принципы оказались схожи.

Следующим немаловажным фактом, о котором мы уже упоминали, является качество рабочей силы, ее квалификация. Форд мотор компани стала первой машиностроительной фирмой в США и в мире, сделавшей сознательную ставку на привлечение малоквалифицированной рабочей силы. Это было обусловлено не только личными идеями Г. Форда, но и характером производства. Запустив поточное производство с использованием специального оборудования, Форд заменил высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих абсолютно бесправными и умеющими выполнять только одну функцию, так называемыми «операторами». Несмотря на высокие для того времени ставки за один рабочий день (5 долларов) работодатель мог легко с ними расстаться, объявив локаут, увольняя неугодных или не справляющихся с заданием рабочих, не видя в них никакой ценности.

Система Форда позволяла обходиться трудом тех, кто мог за несколько дней обучиться той или иной операции на конвейере. Отсутствие у таких рабочих возможности бороться за свои права обеспечивалось не только собственной службой безопасности в компании и силовым подавлением, но и их низкой ценностью для прочих игроков на рынке труда. Правда, стоит отметить, что в целях содержания в порядке всего комплекса оборудования и обеспечения работоспособности специализированных станков у Форда были и квалифицированные рабочие и наладчики, но их количество было значительно меньше, чем тех, кто трудился на главном конвейере [15].

Восстановление танкового производства за счет слияния эвакуированных мощностей с ведущими машиностроительными предприятиями тыловых регионов и трудовая мобилизация, казалось бы, способствовали стабилизации кадрового потенциала отрасли. Однако трудмобилизованные зачастую вообще не были связаны с работой в машиностроении либо имели весьма ограниченную квалификацию, недостаточную для производства танков. К примеру, рабочие тракторного производства ЧТЗ, изначально подготовленные как «операторы» в рамках «автотракторной технологии», оказались неспособны сразу и с должным качеством обеспечивать сборку КВ, основанную на универсальном принципе, как и не могли качественно собирать танковые дизели, оказавшиеся на порядок более сложными, чем тракторные. Это привело квысокому уровню брака при сборке дизелей и топливной аппаратуры к ним [21, Л. 1061–1062].

В таких условиях руководству НКТП пришлось полностью изменить технологию производства основных моделей танков с учетом требований поточно-конвейерной сборки руками малоквалифицированных кадров. Конструкция боевых машин максимально упрощалась, часто в ущерб эксплуатационным характеристикам, а технологические процессы изменялись в сторону переделки универсальных станков в специальные и т.д.

Материально-бытовое положение кадров танковой промышленности в условиях эвакуации, дезорганизации экономики, дефицита продовольствия, ограничения рынка потребительских товаров и законов венного времени заметно ухудшилось. 26 декабря 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий в военной промышленности за самовольный уход с предприятий»[4]. Он предполагал считать всех рабочих и служащих предприятий трудмобилизованными на время военных действий (при этом у мобилизованных должны были изыматься паспорта).

Значительное число мобилизованных на танковое производство людей оказались не готовы работать, как это требовалось в военное время. Имели место массовые случаи бегства с предприятий. Они, естественно, пресекались с большим или меньшим успехом[5]. Массовое движение рабочей силы мешало повышению общего уровня квалификации кадров танковой промышленности. В такой ситуации совершенно обычным явлением стало, особенно в 1942 г., нарушение графиков отгрузки как готовой продукции, так и поставок смежникам. Эту проблему видело и высшее руководство страны, но в условиях ресурсных ограничений и тяжелой ситуации на фронте не видело

других возможных стратегий поведения. Поэтому политика трудовой мобилизации и принудительного пополнения заводов кадрами продолжалась вплоть до конца войны. Стабилизация наступила только к концу 1943 г., когда на большинстве предприятий танковой промышленности СССР и Урала завершился переход к поточно-конвейерной системе производства бронетехники, а значительная часть постоянного состава рабочих кадров получила соответствующий опыт и квалификацию.

Была изменена и система контроля качества, вместо универсальных мерительных приспособлений повсеместно вводились специализированные контрольные приборы для каждой конкретной операции, время работы с которыми заметно сократилось, был введен поэтапный контроль качества изделий после каждой операции [22. Л. 34].

Помимо прочих своих составляющих, классическая система «фордизма» предполагает активное вмешательство в жизнь рабочих, даже за пределами производства. Г. Форд считал, что каждый человек должен стремиться соблюдать правила морали и общественного поведения; за это такой работник получал дополнительное денежные выплаты. Но это только при условии полного и безоговорочного подчинения администрации. Созданные для детей рабочих своих заводов школы, больницы, специальные магазины, отпускавшие товары по специальным ценам, – все это стало частью единой разветвленной сети патернализма, на вершине которой, фигурально выражаясь, «восседал» сам основатель Форд мотор компани. Этот патернализм, правда, не исчерпывает содержания всей системы Форда целиком. Тем не менее основным инструментом контроля стал созданный в начале 1914 г. так называемый социологический отдел (Sociological Department) [9. С. 139]. В своей работе отдел совмещал функции организации социологических обследований, социальной профилактики и отдела кадров.

В советской промышленности существовала более сложная модель патернализма, усиленная централизацией с помощью партийно-государственных органонов и практикой управления на основе безрыночной административно-командной системы. Тем не менее завод не только был для советских рабочих местом осуществления трудовой деятельности, но и полностью обеспечивал их культурно-бытовые потребности. На балансе завода находились жилые дома, коммунальная инфраструктура, учреждения образования и здравоохранения, система магазинов и столовых, а также подсобные хозяйства. Содержание и управление их деятельностью лежало на плечах соответствующих служб каждого отдельного предприятия. Созданные в начале 1942 г. на заводах НКТП хозрасчетные организации снабжения и строительства, такие как отделы рабочего снабжения (ОРСы) и управления капитального строительства (УКСы), позволили минимально обеспечивать жизненные потребности закрепленного за заводом населения.

Приказами наркомата во исполнение постановлений ГКО и решений ВЦСПС на предприятиях танковой промышленности проводились мероприятия по повышению производительности труда и внедрению стахановских методов производства и многостаночного обслуживания. Для повышения материальной заинтересованности в труде были введены сдельная оплата труда («сдельщина»), единовременные денежные премии и премии в натуральном виде. Здесь стоит отметить, что в компании Форда не допускали сдельной оплаты, поскольку считали, что это превратится в гонку за деньгами и приведет к расстройству слаженного порядка на конвейере [9. С. 138].

Во время войны «сдельщина» применялась для дополнительного стимулирования выработки на так называемых «узких местах» производства, которых в чрезвычайных условиях работы танковой промышленности трудно было избежать [23. Л. 124]. В условиях соответствующей идеологической работы партийных организаций на заводах эти меры позволили сплотить квалифицированное ядро кадрового состава танковых заводов Урала и СССР.

Таким образом, в советской танковой промышленности периода Великой Отечественной войны были реализованы базовые принципы «фордизма» как эффективный инструмент антикризисного управления. Данная политика так не называлась официально, но в характере базовых принципов полностью в них укладывалась. Обусловлено это, по-видимому, широким распространением в умах советской инженерно-технической элиты идей Ф.У. Тейлора, Г. Форда, а также отечественной школы НОТ. Советская танковая промышленность после завершения эвакуации оказалась в ситуации тотального дефицита энергии, специального оборудования и квалифицированных рабочих кадров. Все это усиливалось разрывом кооперационных связей со смежниками, перегрузками в работе транспортной системы. В этих обстоятельствах партийно-государственное руководство, используя все преимущества командной экономики, берет курс на реконструкцию танковой промышленности согласно базовым принципам «фордизма». В первую очередь было принято решение отказаться от большого разнообразия моделей и типов бронетехники и сосредоточиться (с весны–лета 1942 г.) на выпуске наиболее востребованных на фронте средних и тяжелых танков Т-34 и КВ. Однако продолжать производить эти машины по довоенной технологии в новых условиях оказалось невозможным. Далее потребовалось решить целый комплекс конструктивных и технологических недоработок, серьезно снижавших боевой потенциал этих машин. Как в свое время Г. Форд добился успеха, сосредоточившись на выпуске только одной модели «Т», непрерывно совершенствуя технологию и качество, так и советские руководители танковой промышленности сделали аналогичный выбор.

Заметим, что в танковой промышленности СССР и Урала периода Великой Отечественной войны, выстроенной на принципах «фордизма», получилось в итоге так называемое «негибкое массовое производство» (Inflexible mass production), а именно так и характеризует Б.М. Шпотов систему фордовского конвейера [9. С. 90]. То есть с учетом существовавшего тогда уровня развития техники оказалось невозможным быстро менять выпуск значительно отличающей-

ся друг от друга продукции, выпускаемой на поточно-конвейерной основе. В таком случае требовалась остановка конвейера и переналадка оборудования. Советские танки выпускались в условиях негибкого поточного производства, в силу этого их конструкцию невозможно было значительно менять в краткосрочной перспективе без резкого падения количества продукции[6]. На это руководство страны в тех условиях не могло пойти.

Повсеместное внедрение средств транспортной механизации и организация поточных линий на основе специализированного оборудования позволили максимально использовать подавляющее количество неквалифицированного или малоквалифицированного кадрового состава танковых заводов. Автоматизации подверглись не только расточные, сверлильные и зуборезные операции, но и сварка брони, а конвейерный способ производства бронекорпусов был реализован впервые в мире. Параллельно шло совершенствование конструкций Т-34 и КВ. В результате этого длительного процесса (около 3 лет) танку Т-34 удалось избавиться от большинства критичных недостатков в конструкции, а непригодный для поточно-конвейерного производства танк КВ сошел с дистанции, уступив место своим «потомкам» – машинам серии ИС. Их вооружение и бронирование позволяли практически на равных противостоять тяжелым машинам Вермахта, таким как T-V, T-VI. Более того, танки ИС были изначально разработаны под сборку в условиях потока.

Социально-идеологическая составляющая работы танковой промышленности также несет отчетливые следы идей Г. Форда. Система корпоративного патернализма Форда в ее базовых принципах схожа с советской моделью государственного патернализма. Соответствующая политика заводских партийных организаций, пропаганда официальной политики государства, призывы героически работать на благо Победы усиливались мерами материального поощрения наиболее активных сторонников власти. Именно в лице своего завода рабочие видели заботу государства, предоставлявшего дополнительные продуктовые и промтоварные пайки, улучшавшего жилищные и материальные условия (пусть медленно и не для всех сразу, пусть и не высокого качества) отличившихся в труде. Завод, ритм его работы, подчиненные ему элементы социально-бытовой инфраструктуры становились основным содержанием жизни большей части рабочих, демонстрировавших лояльность системе.

Основные элементы политики «фордизма» применительно к социалистической экономике СССР периода Великой Отечественной войны были направлены на достижение предельной концентрации ограниченных ресурсов военной экономики страны. Благодаря этой политике руководству государства и НКТП удалось относительно успешно использовать имевшиеся в наличии ограниченные кадровые ресурсы, станочный парк, научно-технический потенциал танковой промышленности и смежных отраслей для достижения высокой производительности труда. Комплексное применение методов поточно-конвейерного производства, внедрение новейших достижений науки и техники, а также политика государственного патернализма позволили в целом решить большинство задач, поставленных руководством страны перед танковой промышленностью Урала и СССР.

Опыт внедрения базовых элементов «фордизма» в 1940-е гг. помог решить основные технико-технологические задачи, которые не удалось решить в довоенный период. Произошло значительное сокращение доли ручного труда, замененного автоматизированными и полуавтоматизированными агрегатами, что в условиях низкоквалифицированной рабочей силы к началу 1950-х гг. позволило заметно повысить качество продукции. Полностью переработанные технологические процессы и логистика внутри предприятий позволили достичь значительной экономии дефицитной энергии и ресурсов. Однако данная «мобилизационная» парадигма, показав свою эффективность в чрезвычайных ситуациях, оказалась непригодной в послевоенных условиях ослабления финансирования, оттока капитала и кадров в атомную промышленность. Построенные на принципах «негибкого» массового производства, согласно идеям Г. Форда, танковые гиганты Урала оказались на рубеже 1940–1950-х гг. перед целым комплексом новых вызовов и проблем.

Несмотря на впечатляющие результаты своей работы, танковая промышленность, возникшая на Урале в годы Великой Отечественной войны и получившая здесь развитие в чрезвычайных условиях, оказалась малоэффективной в мирное время. Проблема модернизации советской промышленности (в том числе и танковой) решалась на протяжении почти 20 лет, в период 1930–1950-х гг. Такое длительное время связано как с преобладанием в СССР экстенсивного подхода в развитии экономики, применением командных и чрезвычайных методов управления, так и с неорганическим характером возникновения целых отраслей народного хозяйства. Многие отрасли осовремененного и высокотехнологичного машиностроения (к которым можно отнести и танкостроение) возникли в СССР по историческим меркам почти «одномоментно» (по меркам Европейских стран и США), без подготовки соответствующего качества кадровой и научной базы. Это и обусловило длительный и болезненный для государства и общества процесс достижения качественной однородности во всех элементах системы. Особенно это касается рабочей силы.

На наш взгляд, исторический опыт использования идей «фордизма» в советской танковой промышленности показывает, несмотря на все указанные выше проблемы и противоречия, успешный пример промышленной модернизации в России. Широкое внедрение принципов массового стандартизированного машинного производства позволило стране выстоять в тяжелейшей борьбе с военным и промышленным потенциалом одного из сильнейших государств Европы и мира – Германии.

В настоящее время вопросы экономической и технической модернизации оборонной и гражданской промышленности в России приобретают все более важное значение, а условия военно-политической конкуренции с ведущими мировыми державами требуют ускорения процессов формирования нового промышленного уклада, называемого «постиндустри-

альным». Для этого отечественной промышленности в обозримой перспективе потребуется постоянно увеличивать удельную долю автоматизированного и роботизированного оборудования и станков, интегрированных в специальные информационно-аналити-ческие сети, не допуская отставания в области промышленных «аддитивных технологий». Это означает, что российской машиностроительной и танковой промышленности необходимо соответствовать современным требованиям экономической эффективности, конкурентоспособности, избежав тех ошибок и перегибов, которые существовали в командной экономике СССР.

Тем не менее, как и во времена индустриализации и в более ранние исторические периоды, отечественная оборонная промышленность в значительной степени остается зависимой от поставок сложного производственного оборудования и технологий с Запада. В современных условиях глобального информационного пространства и вовлечения страны в международные проекты экономической интеграции, на наш взгляд, начали складываться предпосылки для преодоления традиционного (периферийного, догоняющего по отношению к западному миру) характера российской модернизации. Изучение исторического опыта заимствования и творческого осмысления продуктовых, процессных и управленческих инноваций (включая концепцию «фордизма») может способствовать повышению эффективности промышленной политики страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так, например, из общего количества подлежащих эвакуации квалифицированных работников (12 140 чел.) в Нижний Тагил из Харькова было эвакуировано: рабочих – 2 859 чел., ИТР – 1 456, служащих – 119, и учащихся ФЗО – 800 чел. Всего – 5 234 (43%). См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8752. Оп. 4. Д. 40. Л. 2.

[2] Суперфиниширование – вид тонкой отделочной обработки поверхности заготовок колеблющимися брусками из микропорошковых и абразивных материалов (карбид кремния или электрокорунд). Метод позволяет добиться 14-го класса чистоты поверхности.

[3] Хонингование – отделка поверхностей заготовок специальным инструментом (хоном), снабженным мелкозернистыми абразивными брусками. Хон вращается и совершает одновременно возвратно-поступательные осевые движения. Применяется главным образом для обработки цилиндрических сквозных отверстий, позволяет получать поверхности 11-го класса чистоты.

[4] Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm (дата обращения: 16.11.2016).

[5] Из 3 618 дел о самовольном уходе с завода, переданных ЧКЗ в прокуратуру с 1 января по 23 октября 1942 г., было осуждено лишь 894 чел. (24,7%) из них очно – 281 (7,8%) и 613 заочно (16,9%). См.: РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 575. Л. 12.

[6] Имеется в виду невозможность, к примеру, оперативно изменить конструкцию подвески у танка Т-34 с пружинной на торсионную, улучшить геометрию корпуса, создать более совершенную КПП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jessop R. Regulation perspectives on Fordism and post-Fordism. 3 ed. Cheltenham : Elgar, 2001. Vol. 3. P. 32–58.
2. Shiomi H., Wada K. Fordism Transformed: the development of production methods in the automobile industry. Oxford University Press, 1996. P. 28–48.
3. Post-Fordism: A Reader / ed. by Ash Amin. Wiley-Blackwell, 1994.
4. Bonefeld W., Holloway J. Post-Fordism & social form. London : MacMillan, 1991. 218 p.
5. Williams K., Haslam C., Williams J. Ford versus “Fordism”: the beginning of mass production? // Work, Employment & Society. 1992. Vol. 6, № 4. P. 517–555.
6. Cohen Y. The Soviet Fordson. Between the politics of Stalin and the philosophy of Ford, 1924–1932 // Ford: The European History... Vol. 2. P. 531–550.
7. Sutton A. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945. Stanford, 1971. 401 p.
8. Лавров Н.С. Основы организации труда и производства. Л. : Изд-во Ленингр. губпрофсовета, 1926. 222 с.
9. Шпотов Б.М. Генри Форд: жизнь и бизнес. М. : КДУ, 2005. 384 с.
10. Шпотов Б.М. Американский бизнес и Советский Союз, 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 320 с.
11. Шпотов Б.М. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929–1931 гг. // Экономическая история : ежегодник. 2002. М. : РОССПЭН, 2003. С. 191–232.
12. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М. : РОССПЭН, 1996. 336 с.
13. Супоницкая И.М. Американизация советской России в 1920–1930-е гг. // Вопросы истории. 2013. № 9. С. 46–59.
14. Запарий В.В. Танковая промышленность Урала в 1940-е годы. Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2015. 219 с.
15. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М. : АСТ, 2013. 270 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 19.
17. Музей УВЗ, рукопись «История танкостроения на УТЗ № 183 им. Сталина. Т. 2. Кн. 1: Танковая промышленность».
18. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. Р-792. Оп. 1. Д. 36. Л. 21–31.
19. РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 2–9.
20. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8752. Оп. 7. Д. 121. Л. 3.
21. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 36. Л. 1061–1062.
22. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 360. Л. 34.
23. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 17. Л. 124.
24. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 40. Л. 2.
25. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 575. Л. 12.

Статья представлена научной редакцией «История» 5 декабря 2017 г.

ELEMENTS OF “FORDISM” POLICY AS A TOOL OF ANTICRISIS MANAGEMENT IN THE URALS TANK INDUSTRY IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 131–139.
DOI: 10.17223/15617793/425/17

Vasiliy V. Zapariy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: pantera.zap@gmail.com
Keywords: tank industry; "Fordism"; thread-conveyor production; Great Patriotic War; crisis management; Ural history.

The article covers the complex of social-economic transformations in the tank industry of the Urals in the period of the Great Patriotic War resulted from the implementation of the basic elements of the "Fordism" concept. The author analyses how these ideas penetrated into the USSR during the 1920s–1930s on the wave of Soviet-American economic cooperation and trade. The research stresses the significance of assembly line production in the region's economy modernization. The work reveals how, by adopting "Fordism", soviet authorities sought to mend the quality of management in the region's military industry. The author analysed examples of implementing specific technical, technological and social principles in the Ural tank industry which were typical of "Fordism". The author shows the relative effectiveness of introducing "Fordism". Nevertheless, Henry Ford's model was never fully implemented in the soviet reality, because it was considered a "bourgeois theory", not acceptable for the socialist economy. The system of non-flexible mass production created in the tank industry of the Urals and the USSR in the period of the Great Patriotic War turned out to be the most effective management method with the shortage of qualified personnel and lack of special equipment, raw materials and energy. It has been proved that the accelerated establishment and development of the tank industry in the Urals in 1941–1945 contributed to the solution of complex tasks of how to provide the necessary quality of military products. The introduction of the basic elements of "Fordism" into the socialist production was due to the significant amount of equipment manufactured in the United States and acquired by the USSR in the first "five-year period" to upgrade the fleet of industrial equipment. The system of no-flexible mass production, borrowed in the West, enabled the Soviet machine building industry to produce the necessary amount of modern military equipment, taking into account the limitations of the available industrial potential, mainly the relatively low-skilled staff. Experience in the implementation of the "Fordism" elements in the tank industry of the Urals in the period of the Great Patriotic War obviously demonstrates the need to accelerate transformation to a new "post-industrial" formation nowadays in order to maintain the leading positions of the region in the arms and high-technology machine building market. The analysis of historical experience demonstrates that despite a sufficient historical interval which has passed since the time of "Fordism" implementation, Russian military industry is still strongly dependent on equipment, technology and management concepts from the industrially developed Western countries.

REFERENCES

1. Jessop, R. (2001) *Regulation perspectives on Fordism and post-Fordism*. 3 ed. Vol. 3. Cheltenham: Elgar. pp. 32–58.
2. Shiomi, H. & Wada, K. (1996) *Fordism Transformed: the development of production methods in the automobile industry*. Oxford: Oxford University Press. pp. 28–48.
3. Amin, A. (ed.) (1994) *Post-Fordism: A Reader*. Wiley-Blackwell.
4. Bonefeld, W. & Holloway, J. (1991) *Post-Fordism & social form*. London: MacMillan.
5. Williams, K., Haslam, C. & Williams, J. (1992) Ford versus "Fordism": the beginning of mass production? *Work, Employment & Society*. 6:4. pp. 517–555.
6. Cohen, Y. (2003) The Soviet Fordson. Between the politics of Stalin and the philosophy of Ford, 1924–1932. In: Bonin, H., Yannick L. & Tolliday, S. (eds) *Ford, 1903–2003: The European History*. Vol. 2. Paris: PLAGE. pp. 531–550.
7. Sutton, A. (1971) *Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945*. Stanford: Stanford University Press.
8. Lavrov, N.S. (1926) *Osnovy organizatsii truda i proizvodstva* [The fundamentals of the organization of labor and production]. Leningrad: Izd-vo Leningr. gubprofsoveta.
9. Shpotov, B.M. (2005) *Genri Ford: zhizn' i biznes* [Henry Ford: life and business]. Moscow: KDU.
10. Shpotov, B.M. (2013) *Amerikanskiy biznes i Sovetskiy Soyuz, 1920–1930-e gody: labirinty ekonomicheskogo sotrudnichestva* [American business and the Soviet Union, the 1920s–1930s: labyrinths of economic cooperation]. Moscow: LIBROKOM.
11. Shpotov, B.M. (2003) Biznesmeny i byurokraty: amerikanskaya tekhnicheskaya pomoshch' v stroitel'stve Nizhegorodskogo avtozavoda, 1929–1931 gg. [Businessmen and bureaucrats: American technical assistance in the construction of the Nizhny Novgorod Automobile Plant, 1929–1931]. In: Borodkin, L.I. (ed.) *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik. 2002* [Economic History: a yearbook. 2002]. Moscow: ROSSPEN, 2003. pp. 191–232.
12. Simonov, N.S. (1996) *Voenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gg.* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s]. Moscow: ROSSPEN.
13. Suponitskaya, I.M. (2013) Amerikanizatsiya sovetskoy Rossii v 1920–1930-e gg. [Americanization of Soviet Russia in the 1920s–1930s]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 46–59.
14. Zapariy, V.V. (2015) *Tankovaya promyshlennost' Urala v 1940-e gody* [The tank industry of the Urals in the 1940s]. Yekaterinburg: UMTs-UPI.
15. Ford, H. (2013) *Moya zhizn', moi dostizheniya* [My life, my achievements]. Moscow: AST.
16. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 3. File 1042. Page 19. (In Russian).
17. Ural Carriage-Building Plant Museum Complex. Manuscript: *Istoriya tankostroeniya na UTZ № 183 im. Stalina* [History of tank construction at the Ural Tank Plant 183 n.a. Stalin]. Vol. 2. Book 1: Tankovaya promyshlennost' [Tank Industry].
18. United State Archive of Chelyabinsk Oblast. Fund R-792. List 1. File 36. Pages 21–31. (In Russian).
19. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 644. List 1. File 129. Pages 2–9. (In Russian).
20. Russian State Archive of the Economiy (RGAE). Fund 8752. List 7. File 121. Page 3. (In Russian).
21. State Archive of Sverdlovsk Oblast (GASO). Fund R-262. List 1. File 36. Pages 1061–1062. (In Russian).
22. Russian State Archive of the Economiy (RGAE). Fund 8752. List 4. File 360. Page 34. (In Russian).
23. Russian State Archive of the Economiy (RGAE). Fund 8752. List 4. File 17. Page 124. (In Russian).
24. Russian State Archive of the Economiy (RGAE). Fund 8752. List 4. File 40. Page 2. (In Russian).
25. Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 82. List 2. File 575. Page 12. (In Russian).

Received: 05 December 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 140–146. DOI: 10.17223/15617793/425/18

УДК 2-9

В.В. Печатнов

«…ОТ РУССКОГО КОРНЯ»: ПУТИ АМЕРИКАНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Дается исторический обзор развития русской православной миссии в США, начиная с Аляскинского периода и до наших дней. Этот процесс прослеживается на идейном и институциональном уровнях. Рассматриваются эволюция идейных представлений о назначении и характере этой миссии и отражение этих представлений в практике церковной деятельности основных православных юрисдикций США – Православной церкви в Америке, РПЦ Московского Патриархата и Русской православной церкви заграницей.

Ключевые слова: Русская православная миссия в Америке; американское православие; Православная церковь в Америке; Русская православная церковь; Русская православная церковь заграницей.

Аляскинский период. Русская православная миссия в Северной Америке – неотъемлемая часть истории Вселенского православия, российской и американской истории, а также их современного состояния. Эта история изобилует яркими личностями, напряженными духовными исканиями, драматическими, а подчас и трагическими поворотами. Само ее начало представляло собой эпопею подвижничества, мужества и служения. Прошло почти два с четвертью века с тех пор, как восемь монахов Валаамского и Коневецкого монастырей во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым) после десятимесячного пути достигли берегов Аляски в Кадьяке и начали на этой необустроенной суровой земле свое служение по духовному окормлению маленькой русской колонии и обращению в православие туземного населения. В борьбе с природой, произволом местных властей и невежеством туземцев они постепенно создавали очаг православия, являя собой пример истинно христианских добродетелей и подвижничества в самом широком смысле слова. Некоторые заплатили за это своей жизнью: например, архимандрит Иоасаф с иеромонахом Макарием и иеродиаконом Стефаном, утонувшие при возвращении на Аляску, или иеромонах Ювеналий, принявший мученическую смерть от рук язычников за проповеди против полигамии. (Стефан и Ювеналий были родными братьями, служившими в миру армейскими офицерами.)

Особая роль здесь принадлежит святому Герману (Попову) – монаху, выходцу из скромной купеческой семьи, основавшему на островке Еловом обитель «Новый Валаам», где он – последний из восьмерых первоначальных подвижников – жил отшельником до самой смерти в 1837 г.: крестил алеутов, исцелял больных, воспитывал сирот. Алеутские индейцы почитали Германа святым еще при жизни, а в 1970 г. он был канонизирован как преподобный Герман Аляскинский, став первым американским святым в православном календаре.

Ему наследовал святитель Иннокентий (Вениаминов) – человек редких дарований и удивительной судьбы. Пастырь, миссионер, ученый-этнограф (ставший впоследствии членом Российской академии наук и Британского королевского общества), он начал первый перевод Священного Писания на языки жителей Аляски, создал первую приходскую школу в д. Уналашка и основал кафедральный собор Св. Михаила в столице русской Аляски г. Ситке (Новоархангельске). В 1840 г., овдовев, он принял монашество и вскоре стал епископом Камчатским, Курильским и Алеутским. Святитель был страстным проповедником, глубоко вникавшим в жизнь своей новой паствы: «Чтобы вернее и более быть полезным своим прихожанам, – наставлял он одного из своих младших сподвижников, – ты должен в непродолжительном времени узнать язык их… Старайся узнавать обстоятельно веру, обряды, обычаи, наклонности, характер и весь быт твоих прихожан» [1. С. 18]. На утлом каяке, собачьих упряжках и верхом Иннокентий не раз объездил всю свою огромную епархию – проповедовал, крестил и обучал туземцев полезным ремеслам. Не случайно его прозвали Апостолом Аляски. В 1852 г. к его епархии была присоединена Якутская область Восточной Сибири с резиденцией в Якутске, а впоследствии – и Амурская область.

Ко времени продажи Аляски Соединенным Штатам в 1867 г. в ней насчитывалось свыше 12 тыс. православных туземцев, 9 приходов, 32 церкви и часовни, а также 17 школ и 3 приюта [2. С. 10]. По Договору о продаже Аляски Русская православная церковь (РПЦ) сохранила свою собственность на Аляске, равно как и право продолжать деятельность [3]. Согласно решению Святейшего Синода Аляскинская епархия ежегодно получала 1% от вырученной за продажу Аляски суммы (72 тыс. долл.), что стало основой ее финансовой поддержки. Однако местные американские власти плохо соблюдали положения договора 1867 г. о статусе православной церкви, а в Аляску хлынул поток протестантских миссионеров. Не удивительно, что большая часть русских священников вместе с русским населением вскоре покинула ее.

Но свт. Иннокентий, ставший к тому времени первоиерархом РПЦ в качестве митрополита Московского и Коломенского, не оставлял попечительство над этим наследием, ратуя за продолжение ее духовной миссии на северо-американском континенте в новых условиях. Ведь теперь она направлялась не на языческое население русской колонии, а на иноверных граждан большого иностранного государства. «…Я вижу в этом обстоятельстве (продаже Аляски. – *Авт.*) один из путей Провидения, которым наше Православие может проникнуть в Соединенные Штаты», – писал он Обер-прокурору Святейшего Синода графу Д.А. Толстому в декабре 1867 г. В этом письме он рекомендовал сохранить американское викариатство и перенести его резиденцию в Сан-Франциско (глав-

ный перевалочный пункт на пути в Аляску), а также постепенно переходить на английский язык в литургии, обучении в семинариях и управлении самой епархией, прозорливо предвидя, что рано или поздно русский язык в американском православии заменится английским. Святитель также предлагал разрешить епископату «рукополагать в священнослужители к нашим церквам из американских подданных, которые примут Православие со всеми его учреждениями и обычаями» [4. С. 139–140]. В этом документе, по сути, было намечено направление дальнейшего развития православной миссии в Америке, ибо отныне она могла сохраниться и расширяться только путем укоренения среди основного населения страны, утверждаясь на новой американской почве. Святитель Иннокентий через 200 лет после своей кончины был причислен к лику святых РПЦ. Что касается Аляски как таковой, то она и по сей день остается самой православной частью Америки. Так, например, там находятся все семь графств США, в которых православные составляют преобладающую группу верующих [5].

От аляскинской миссии – к соборной поместной церкви. Постепенно центр миссионерской работы епархии Алеутских островов и Аляски стал перемещаться вглубь американского континента, куда начинали прибывать православные эмигранты из Старого Света. В конце 1860-х гг. там возникают первые православные приходы – греческий в Новом Орлеане и два русских (в Нью-Йорке и Сан-Франциско). Епископская кафедра официально переносится в Сан-Франциско в 1881 г. при епископе Несторе. В миру барон Николай фон Засс, он происходил из известного рода прибалтийских немецких дворян, давших немало храбрых военных на службе русских царей. Сам Николай окончил военно-морское училище и до пострижения в монахи служил на кораблях русского флота, а после этого продолжал плавать на них уже в качестве судового священника, в том числе и к берегам Америки. В 1863 г. он провел около года в качестве священника на фрегате «Ослябя», прибывшего в Нью-Йорк в составе русской эскадры под командованием адмирала Лесовского. В 1878 г. был хиротонисан в епископы Алеутских островов и Аляски. Преосвященный Нестор был всесторонне образованным человеком, знал несколько иностранных языков, изучал традиции коренных жителей и сделал первый перевод Священного Писания на эскимосский язык. Погиб при невыясненных обстоятельствах во время очередного путешествия на Аляску в 1882 г.

Преемником Нестора стал архиепископ Владимир (Соколовский-Автономов) – талантливый музыкант, который первым популяризировал православные песнопения на английском языке. При нем начался массовый приток в Православную церковь униатов, эмигрировавших в Америку из Австро-Венгрии – галичан, карпатороссов, русинов, буковинцев. Они селились в основном в горнодобывающих районах Пенсильвании, Миннесоты и Нью-Джерси. Отвергнутые американскими католиками, униатские приходы Миннесоты во главе с протоиереем Алексием Товтом обратились к епископу Владимиру с прошением принять их в Русскую православную церковь. За ним последовало и большинство других униатских приходов. С 1890 г. началась огромная иммиграция в США из Южной, Восточной и Центральной Европы, в которой было много православных – болгары, румыны, албанцы, греки, сербы, черногорцы и др. За исключением греков, сохранивших в большинстве своем приверженность Константинопольскому патриарху, они присоединялись к Русской Церкви в Америке, паства которой в результате становилась все более многонациональной. Вот, например, национальный состав прихода собора Св. Александра Невского в Питтсбурге в 1895 г.: сербов – 603, русинов – 476, галичан – 162, арабов – 150, русских – 118, греков – 29. Литургия в этом храме велась на церковнославянском, греческом, сербском и арабском языках [2. С. 16].

В 1898 г. Русскую Церковь в Америке возглавил епископ Тихон (Белавин), будущий Патриарх Московский и Всея Руси, которому тогда едва исполнилось 33 года. С учетом растущего ареала своего влияния епархия была переименована Святейшим Синодом в епархию Алеутских островов и Северной Америки. При Тихоне продолжался быстрый рост православия на американском континенте. В 1905 г., согласно отчету епископа Тихона, в епархии насчитывалось 72 церкви и 83 молитвенных дома, 80 приходских школ с 2 тыс. учащихся, 79 братств, 8 детских приютов, количество прихожан превышало 55 тыс. чел. [6. С. 144]. В 1905 г. кафедра епархиального архиерея была переведена из Сан-Франциско в Нью-Йорк – поближе к районам, заселенным новыми православными. В епархии было образовано два новых викариатства – на Аляске и в Бруклине, в котором большинство прихожан составляли православные арабы и другие жители Восточного побережья. При владыке Тихоне была открыта первая духовная семинария в Миннеаполисе, где занятия и службы велись на русском и английском языках, а также Свято-Тихоновский монастырь в Пенсильвании. Резко увеличилось количество периодических изданий и других православных публикаций. За большие заслуги на поприще духовного образования владыка Тихон был удостоен звания почетного гражданина США.

Озирая сделанное в прощальном обращении к клиру перед возвращением в Россию, архиепископ Тихон сказал: «Всего каких-нибудь 12–15 лет тому назад у нас, кроме далекой Аляски, не было почти ни одной церкви здесь, не было священников; православных людей насчитывалось всего несколько десятков и много что сотен, да и те жили разбросано, вдали друг от друга. А теперь? “Преславная днесь видеша во стране сей”. Появляются храмы наши не только в больших городах, но и в малых местах. Сонм духовенства, верующих – десятки тысяч, и не только давних православных, а обратившихся из унии; заводятся школы, возникают братства. Даже сторонние люди признают успех православия здесь…» [Там же. С. 145].

Архиепископ Тихон прилагал большие усилия для упрочения канонического единства Русской Церкви в Америке при сохранении национальных особенностей ее составных частей, а также для привлечения мирян к участию в приходских и епархиальных делах. По его инициативе в 1907 г. состоялся первый Всеамери-

канский церковный собор с участием представителей приходов. Владыка Тихон обратился к нему с предложением серьезных реформ, нацеленных на повышение автономии и самостоятельности Русской Церкви в Америке, мотивируя это многонациональным характером и другими особенностями епархии: «Дело в том, – писал он, – что в состав ее входят не только разные народности, но и разные Православные Церкви, которые при единстве в вере имеют каждая свои особенности в каноническом строе, в богослужебном чине, в приходской жизни; особенности эти дороги для них и вполне терпимы с общей православной точки зрения. Посему мы не считаем себя вправе посягать на национальный характер здешних Церквей – напротив, стараемся сохранить таковой за ними, предоставляя им возможность быть непосредственно подчиненными начальникам их же национальности (сирийские, сербские и греческие приходы и избрание для них епископов). В своей области каждый из них самостоятелен, но дела, общие для всей Американской Церкви, решаются соборно под председательством русского архиепископа. Жизнь в Новом Свете по сравнению со Старым имеет свои особенности, с которыми приходится считаться и здешней церкви, а посему этой последней должна быть предоставлена большая автономия (автокефальность), чем другим русским метрополиям» [7. С. 71]. Архиепископ предлагал даже преобразовать Северо-Американскую епархию в Экзархат, в который могли бы войти Нью-Йоркская архиепископия (с подчинением ей Русской церкви в континентальных США и Канаде), Аляскинская епископия (обнимающая церкви православных жителей Аляски) и три национальных епископии – сирийская (Бруклинская), сербская (Чикагская) и греческая. Идеи свт. Тихона далеко опережали свое время, а его благородное видение национального разнообразия в лоне единой соборной Православной Церкви будет вскоре разрушено беспощадными историческими событиями.

От раскола до автокефалии. К 1917 г. Северо-Американская епархия РПЦ охватывала всю территорию континентальных США, Канады и Аляски, имела 4 викариатства (Аляскинское, Бруклинское, Питтсбургское и Канадское), 272 прихода, 242 священнослужителя и около 300 тыс. прихожан. Кроме того, в нее входили Сиро-арабская миссия (32 церкви и до 30 тыс. прихожан), Албанская миссия (3 церкви и до 30 тыс. прихожан) и Сербская миссия (36 церквей и до 15 тыс. прихожан). Согласно описи религиозных организаций 1916 г., «Восточное Православие» было самой быстро растущей христианской конфессией в США [2. С. 18].

Революция в России и последовавшие за ней потрясения прервали этот органический рост и привели к глубокому кризису РПЦ в Америке. Связи с матерью-церковью были разорваны, финансовая помощь из России прекратилась. К тому же епархия оказалась обезглавленной, поскольку ее последний первоиерарх, архиепископ Евдоким (Мещерский), не смог вернуться в Америку со Всероссийского поместного собора 1917–1918 гг. В условиях ослабления епархии и общего подъема национализма после Первой мировой войны различные поместные церкви стали назначать своих епископов и создавать в Соединенных Штатах собственные епархии. Это привело к раздроблению РПЦ в США на самостоятельные национальные юрисдикции: три русские, две арабские, и также сербская, румынская, албанская, украинская и карпаторусская. В последующие годы их количество еще более возросло. В результате сложилась неканоническая ситуация, когда на территории одного города появилось несколько православных епископов и приходов, принадлежащих разным юрисдикциям. Это порождало междоусобицу среди духовенства, сеяло сомнения мирян в универсальности православной веры.

Ситуация внутри РПЦ в Америке несколько упорядочилась, когда в 1922 г. свт. патриарх Тихон назначил ее главой митрополита Платона (Рождественского) – опытного архиерея, уже возглавлявшего американскую епархию в 1907–1914 гг. Ссылаясь на указ Патриарха Тихона от 1920 г. о предоставлении епархиям РПЦ большей самостоятельности до упорядочения церковной жизни, Всеамериканский собор 1924 г. в Детройте объявил Русскую православную епархию в Америке «самоуправляющеюся Церковью» и преобразовал ее в автономный митрополичий округ (Митрополию), которым управляли выборный митрополит, собор епископов и митрополичий совет из представителей духовенства и мирян. Это положение должно было действовать до созыва нового Всероссийского поместного собора и было направлено на то, чтобы оградить американскую православную церковь от воздействия разрушительных событий в России.

Однако дальнейшая жизнь Митрополии была нарушена церковным расколом, который развивался сразу с двух сторон. Свое влияние в Америке пытался утвердить Московский патриархат, в том числе с помощью так называемой живой церкви, оспаривавшей права Митрополии на православные храмы и приходы. С другой стороны, в начале 1920-х гг. на основе монархически настроенной белой эмиграции в Сремских Карловцах (Сербия) образовался Синод Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), не принимавшей ни политически нейтральной Митрополии, ни тем более лойяльной к советской власти Московской патриархии. РПЦЗ сохраняла непоколебимую верность царской России и неукоснительно следовала русскому церковному укладу. После безуспешных попыток примирения отношения между РПЦЗ и РПЦ Московского Патриархата были полностью разорваны в 1934 г. [6. С. 253].

Незадолго до этого, в 1933 г., произошел разрыв между Московской патриархией и Митрополией после того, как местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергий наложил запрет на митрополита Платона, заявившего, что никаких политических контактов с советским режимом, «пропитанным атеистическими принципами», иметь не желает. Сергий назначил архиепископом Алеутским и Северо-Американским владыку Вениамина (Федченкова) в качестве Экзарха Московской Патриархии, однако большая часть епархии осталась с митрополитом Платоном, отказавшимся подчиниться данному решению. Это решение, судя по всему, было принято под нажимом

советских властей, поскольку Сергий послал Платону частное письмо, в котором просил его не покидать Америку.

Зарубежный Синод, объявив о своей автономности, порвал отношения с Митрополией в 1927 г. и назначил епископом в Америке викария Платона Аполлинария, создав тем самым еще одну православную церковную организацию в Америке. Поначалу за Аполлинарием пошло немного приходов, но их количество резко возросло после Второй мировой войны с прибытием в Америку большой массы новых эмигрантов из СССР и Восточной Европы – так называемых перемещенных лиц. Этот процесс ускорился после того, как в 1946 г. Зарубежный Синод перебрался из Югославии в Нью-Йорк. В том же году на Всеамериканском соборе в Кливленде Митрополия объявила об окончательном разрыве с РПЦЗ. В итоге на американской территории образовалось сразу три «конкурирующие» русские православные юрисдикции – РПЦ Московского Патриархата, Митрополии и РПЦЗ, что, естественно, распыляло силы русской церкви в США. К расколу американского православия на национально-этнической почве прибавился политико-идеологический раскол внутри самой русской церкви. На преодоление последнего ушли долгие годы.

Дальнейшее развитие церковных связей Митрополии шло по двум направлениям: работа по восстановлению отношений с матерью-церковью и налаживание взаимодействия с этническими православными церквами в Америке. На первом из них долгое время не удавалось достичь продвижения ввиду неприемлемости для Митрополии требований Москвы – дать ей право назначать американского митрополита и отказаться от так называемой антисоветской деятельности.

Однако на втором направлении это взаимодействие постепенно налаживалось, особенно при митрополите Леонтии (Туркевиче), который прибыл в Америку молодым священником еще при митрополите Тихоне в 1906 г. и был назначен им первым ректором православной семинарии в Миннеаполисе. Следуя заветам Тихона, владыка Леонтий сочетал верность русской православной традиции с приверженностью идее целостности многонационального американского православия. «Это не будет повторением римокатоличества, – говорил он о дальнейшем развитии Русской Православной миссии в Америке, – так как принцип вселенскости будет выражаться гораздо шире по объему – будет допускаться в лоно единой церкви каждый язык и каждое племя без лишения его национальных особенностей» [1. С. 62]. При Леонтии стали проводиться регулярные межцерковные конференции по вопросам духовного образования, встречи и совместные праздничные богослужения священников разных православных юрисдикций, создаваться совместные молодежные и благотворительные организации. В 1950 г. Митрополия вступила в Национальный Совет церквей, а в 1954 г. – во Всемирный Совет церквей (ВСЦ), что давало ей возможность неформального общения с представителями многих православных церквей. В начале 1960-х гг. состоялись первые за долгие годы контакты Митрополии с представителями РПЦ, в том числе визит председателя Отдела внешних церковных сношений епископа Никодима (Ротова) к митрополиту Леонтию. В 1960 г. была образована и ныне действующая основная общецерковная организация «Постоянная конференция канонических православных епископов в Америке» (SCOBA) – консультативный орган, который координирует действия своих членов в благотворительной, миссионерской и образовательной областях.

Еще одним благотворным явлением при митрополите Леонтии стал прилив новых интеллектуальных сил из западно-европейского русского зарубежья. Целая плеяда выдающихся ученых – протоиерей Г. Флоровский, профессора Н.А. Арсеньев, А.А. Боголепов, а также выпускники Свято-Сергиевского богословского института в Париже о. И. Мейендорф, о. А. Шмеман и профессор С.С. Верховской, стала по выражению историка Русской церкви в Америке протоиерея Д. Григорьева, «мозговым трестом» Митрополии на протяжении целого поколения [1. С. 59]. С 1950 по 1992 г. отцы Георгий Флоровский, Александр Шмеман и Иоанн Мейендорф один за другим последовательно занимали пост ректора Свято-Владимирской духовной академии. В те же годы в США по приглашению Митрополии и РПЦЗ прибыло много других одаренных священников и ученых из Центральной и Восточной Европы, ставшей пристанищем атеистических режимов советского типа. Все это немало способствовало подъему духовного и просветительского уровня американского православия.

После кончины митрополита Леонтия в 1965 г. его преемником стал архиепископ Ириней (Бекиш) – последний американский иерарх российского происхождения. При нем на площадке ВСЦ (куда в 1961 г. вступила и РПЦ) начались переговоры представителей Митрополии (архиепископа Киприана, отцов И. Мейендорфа, А. Шмемана и др.) с епископом Никодимом, которые проходили в три этапа и закончились подписанием 31 марта 1970 г. митрополитами Никодимом и Иринеем соглашения о предоставлении Митрополии автокефалии со стороны РПЦ. Соглашение стало возможным в результате отказа РПЦ от своих прежних требований, что, как показывают новейшие исследования, было связано с возросшей активностью Вселенского (Константинопольского) престола по присоединению Митрополии к своей юрисдикции в США [8]. По этому соглашению РПЦ признавала независимость «Православной Церкви в Америке» (как она стала теперь называться), ее исключительную юрисдикцию и права в Северной Америке, кроме тех приходов Московской Патриархии, которые не захотят присоединиться к Православной церкви в Америке (ПЦА) и Свято-Николаевского собора в Нью-Йорке как представительства РПЦ в Америке [9]. Тем самым было, наконец, восстановлено долгожданное молитвенное и евхаристическое общение американского православия с матерью-церковью при сохранении полной самостоятельности и самобытности ее американской дочери. «Американское православие есть… но жить и возрастать оно может только от русского корня» [1. С. 65], слова А. Шмемана как нельзя лучше передают происхождение и дух этого единения.

Московская патриархия обосновывала свое право на предоставление автокефалии тем, что именно рус-

ская церковь принесла в Америку православие и создала там первую епархию, но автокефальный статус ПЦА не был признан РПЦЗ и многими поместными православными церквами. Это не помешало его руководству придерживаться завета митрополита Тихона о своем развитии в независимости и единении с другими православными церквями. «Если некоторые Автокефальные Церкви предпочтут сохранять свои юрисдикции на Американском континенте под своим непосредственным контролем, – говорилось в обращении собора епископов ПЦА к верующим после получения автокефалии, – Автокефальная Церковь в Америке будет всегда готова к полному сотрудничеству, молитвенному общению и христианской работе с ними в ожидании того дня, когда необходимость полного единства станет очевидной для всех…» [7. С. 276–277]. Несколько православных церквей откликнулись на этот призыв: в 1971–1976 гг. к ПЦА присоединилась Албанская и Болгарская епархия в США, около 20 тыс. прихожан Мексиканской национальной старокатолической Церкви и ряд приходов Московского Патриархата.

Православная церковь в Америке сегодня. Развитие ПЦА в конце XX – начале XXI в. происходило в условиях глубоких социальных перемен, охвативших Соединенные Штаты. Демографические сдвиги, меняющийся расово-этнический облик страны, растущая секуляризация, трансформация традиционной американской культуры и образа жизни – все это вынуждало церковь приспосабливать свою деятельность к новой обстановке. ПЦА сталкивалась и с дополнительными трудностями, вызванными ослаблением притока православных иммигрантов и размыванием русского присутствия в священнической и приходской среде по мере смены поколений. К тому же атмосфера холодной войны с ее антисоветской и антирусской пропагандой не способствовала популярности связанной с Россией православной церкви.

В ответ ПЦА усилила свою миссионерскую работу среди американского населения, сделав главный упор на обращение в православие коренных американцев. Процесс превращения «церкви диаспоры» в американскую православную церковь, начавшийся еще ранее, с обретением автокефальности получил большое ускорение. Это выражалось в росте численности англоязычных приходов (с 50 в 1970 до 90 в 1990 гг.), окончательном переходе на английский язык в системе духовного образования и церковной администрации, некоторыми изменениями в богослужении с целью сделать его более привычным для американцев (распространение практики регулярных проповедей, библейских чтений, упрощенных песнопений, сидения во время службы и др.), росте влияния приходских советов и роли в них самих прихожан.

ПЦА немало преуспела в этой своего рода миссионерской «американизации». Социологические исследования православных церквей в Америке показывают, что ПЦА наряду с Антиохийской митрополией и Карпаторосской епархией является наименее этнически ориентированной церковью, в которой преимущественно славянская культурная ориентация сочетается с американской идентичностью [6]. В ней также больше новообращенных из других (не православных) христианских конфессий. Среди клира эта доля достигает 59% при том, что 90% его состава родились в США или в Канаде (по сравнению соответственно с 14 и 75% в случае Греческой православной церкви в Америке) [10]. Расширилась и география присутствия ПЦА на северо-американском континенте. В настоящее время она состоит из 14 епархий, насчитывает почти 700 приходов в США, Канаде и Мексике и управляется Священным Синодом во главе с митрополитом Тихоном (Молардом), нареченным в честь своего святого русского предшественника. В США также остается около 50 приходов РПЦ и 140 приходов РПЦЗ.

Русская православная церковь заграницей сделала другой выбор: в отличие от ПЦА она осталась верна строгим каноническим традициям и иерархическому укладу, рассматривая себя в качестве «последнего оплота» неповрежденного православия во все более секулярном и либеральном американском обществе [11]. Крах богоборческого советского строя и возрождение Русской православной церкви в России сделали возможным следующий важный шаг в преодолении трагического раскола внутри русского православия – воссоединение РПЦ с РПЦЗ. Последняя выдвинула ряд условий для начала межцерковного диалога: осуждение декларации о лояльности советской власти (подписанной митрополитом Сергием в 1927 г.), канонизация российских «новомучеников», включая царя Николая II и членов его семьи, отказ от участия в экуменическом движении и др. Большая часть этих требований со временем была удовлетворена [12. С. 47]. В мае 2007 г., после нескольких лет переговоров, Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II и предстоятель РПЦЗ митрополит Лавр подписали «Акт о каноническом общении», согласно которому РПЦЗ «пребывает неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви» [13]. А в 2009–2011 гг. было восстановлено евхаристическое общение РПЦЗ и ПЦА, отмеченное первой совместной литургией и сотрудничеством в духовном образовании [14].

Тем самым выросшие из одного русского корня обе ветви русского православия в Америке не только пошли навстречу друг другу, но и обрели молитвенное и евхаристическое единство с матерью-церковью. Каждая из них вносит свой вклад в обогащение православия: РПЦЗ – «верность типикону, уставу, литургическим традициям», а ПЦА – поиск церковной традиции, «которая была бы истинно православной и истинно американской» [15]. Полное единение американского православия в обозримом будущем вряд ли осуществимо, но главное состоит в том, что происходит взаимное обогащение составляющих его потоков, что «в результате соединения, – по словам Святейшего Патриарха Кирилла, – мы все становимся более сильными и способными достойно нести свое служение, каждый на месте, на которое Господь его поставил» [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Д., прот. От Древнего Валаама до Нового Света. Православная миссия в Северной Америке. М., 2007. 114 с.
2. Stokoe M., Kishkovsky L. Orthodox Christians in North America. Wayne, NJ : Orthodox Christian Publications Center, 1995. 65 p.
3. Договор_о_ продаже_Аляски. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_ продаже_Аляски (дата обращения: 30.09.2017).
4. Письма Иннокентия, Митрополита Московского и Коломенского. Собр. И.В. Барсуковым : в 3 кн. СПб. : Синодальная типография, 1901. Кн. 3.
5. Krindatch A. Fast Questions and Fast Answers about US Orthodox Churches. URL: https://assemblyofbisops.org/assets/files/docs/re-search (дата обращения: 30.09.2017).
6. Попов А.В. Русское православное зарубежье: история и источники. М. : ИПВА, 2005. 619 с.
7. Orthodox America, 1794–1976. Development of the Orthodox Church in America. Gen. editor C. Tarasar. Syosset, NY, 1975. 351 p.
8. Кострюков А. Дарование автокефалии Православной Церкви Америки в свете новых документов церковных архивов. 28.09.2016. URL: https://bogoslov.ru/text/print/5067273.html (дата обращения: 30.09.2017).
9. Agreement on the Autocephaly for the Orthodox Church in America. URL: https: //oca.org/history-archives/autocephaly-agreement (дата обращения: 30.09.2017).
10. Krindatch A. Usage of English language, Ethnic Identity and Ethnic Culture in American Orthodox Christian Churches. URL: https://assemblyofbishops.org./assets/files/docs/research/3%20Usage%20Of/20 English%20Language%20Ethnic%20Identity.pdf (дата обращения: 30.09.2017).
11. Анашкин Д. Церковный консерватизм в современном обществе. URL: http://www.rocorstudies.org/2013/12/31/tserkovny-j-konservatizm-v-sovremennom-obshhestve/#comments (дата обращения: 30.09.2017).
12. Красиков А. Русское православие на родине и в Америке: диалог цивилизаций? // Российско-американские отношения в условиях глобализации. М., 2005. 317 с.
13. Акт о каноническом общении. URL: https://patriarchia.ru/db/text/155920.html (дата обращения: 30.09.2017).
14. URL: https://orthodoxwiki.org/ROCOR_and_OCA (дата обращения: 30.09.2017).
15. Из интервью ведущего знатока православия на Западе проф. Р. Тафта 30.10.2013. URL: https://bogoslov.ru/text/3590491.html (дата обращения: 30.09.2017).
16. Интервью Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла 07.10.2015. URL:https:// www.rocorstudies.org/2016/11/21/v-rezultate soedineniamy-vse-stanovimsya-bolee-silnymi.html (дата обращения: 30.09.2017).

Статья представлена научной редакцией «История» 9 октября 2017 г.

“. . . FROM A RUSSIAN ROOT”: WAYS OF AMERICAN ORTHODOXY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 140–146.
DOI: 10.17223/15617793/425/18

Valentin V. Pechatnov, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow, Russian Federation). E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Keywords: Russian Orthodox Mission in America; Eastern Orthodoxy in America; Orthodox Church in America; Russian Orthodox Church; Russian Orthodox Church Outside Russia.

The article contains a historical survey of the development of the Russian Orthodox mission in America from its Alaskan period to our days. This process is being analyzed on both conceptual and institutional levels: the evolution of ideas about the nature and purpose of this mission and their reflection in the Russian Orthodox Church activities. It is demonstrated that already by the end of Alaskan period the mission leaders (first of all bishop St. Innokenty) began to realize that it was necessary for the Russian Orthodox Church to take root in the indigenous American soil, and mapped out the main directions of this adaptation. The actual transformation of a diaspora church into a native American one took place in the late 19th – early 20th centuries when the Russian Church in America became truly multinational and multiethnic while preserving its canonical unity and subordination to the Mother-Church in Moscow. This model of national diversity within a single Orthodox Church was articulated by Archbishop Tikhon, who was first to advocate a greater autonomy for the North-American diocese up to granting it an autocephaly status. It was anticipated that the Russian-supported missionary diocese would gradually evolve into a self-supported American Orthodox church which would be united while culturally and linguistically pluralistic. But the Revolution of 1917 and subsequent upheavals in Russia interrupted this organic development and brought the Russian Orthodox Church face to face with the problem of self-preservation in the new inhospitable environment. The decline of the North-American diocese, now left alone, coupled with the surge of nationalistic feelings after World War I led to the breakup of American Orthodoxy into separate ethnic jurisdictions. This split was accompanied by a political / ideological schism within the Russian Orthodox Church itself, which by the mid-1930s was divided into three competing jurisdictions – that of the Moscow Patriarchate, the North American Metropolia that distanced itself from the Soviet regime and the strongly anti-Soviet Russian Orthodox Church Outside Russia (ROCOR). The article then traces the main turning points in their relations in the second half of the 20th – early 21st centuries: the granting of autocephaly to the Orthodox Church in America (OCA, 1970), establishment of canonical unity between the Moscow Patriarchate and ROCOR (2007), and the resumption of eucharistic communion between OCA and ROCOR. The author’s final conclusion is that both branches of Russian Orthodoxy in America, each making its own contribution to the Orthodox tradition, have moved toward each other while achieving liturgical and eucharistic unity with the Mother-Church.

REFERENCES

1. Grigor’ev, D. (2007) *Ot Drevnego Valaama do Novogo Sveta. Pravoslavnaya missiya v Severnoy Amerike* [From Ancient Balaam to the New World. Orthodox mission in North America]. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy gumanitarnyy universitet.
2. Stokoe, M. & Kishkovsky, L. (1995) *Orthodox Christians in North America.* Wayne, NJ: Orthodox Christian Publications Center.
3. Wikisource. (1867) *Dogovor o prodazhe Alyaski* [Alaska Purchase]. [Online] Available from: https://ru.wikisource.org/wiki/Dogovor_o_prodazhe_Alyaski. (Accessed: 30.09.2017).
4. Barsukov, I.V. (ed.) (1901) *Pis’ma Innokentiya, Mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo* [Letters of Innokenty, Metropolitan of Moscow and Kolomna]. In 3 books. Book 3. St. Petersburg: Sinodal’naya tipografiya.
5. Krindatch, A. (2017) *Fast Questions and Fast Answers about US Orthodox Churches*. [Online] Available from: http://www.assemblyofbishops.org/news/research. (Accessed: 30.09.2017).

6. Popov, A.V. (2005) *Russkoe pravoslavnoe zarubezh'e: istoriya i istochniki* [Russian Orthodox foreign countries: history and sources]. Moscow: IPVA.
7. Tarasar, C. (ed.) (1975) *Orthodox America, 1794–1976. Development of the Orthodox Church in America*. Syosset, NY: The Orthodox Church in America, Dept. of History and Archives.
8. Kostryukov, A. (2016) *Darovanie avtokefalii Pravoslavnoy Tserkvi Ameriki v svete novykh dokumentov tserkovnykh arkhivov* [The gift of autocephaly of the Orthodox Church of America in the light of new documents of church archives]. 28 September. [Online] Available from: https://bogoslov.ru/text/print/5067273.html. (Accessed: 30.09.2017).
9. Oca.org. (1970) *Agreement on the Autocephaly for the Orthodox Church in America*. [Online] Available from: https://oca.org/history-archives/autocephaly-agreement. (Accessed: 30.09.2017).
10. Krindatch, A. (2013) *Usage of English language, Ethnic Identity and Ethnic Culture in American Orthodox Christian Churches*. [Online] Available from: http://assemblyofbishops.org/assets/files/docs/research/3.%20Usage%20Of%20English%20Language%20Ethnic%20Identity.pdf. (Accessed: 30.09.2017). DOI: 10.17223/15617793/408/18
11. Anashkin, D. (2013) *Tserkovnyy konservatizm v sovremennom obshchestve* [Church conservatism in modern society]. [Online] Available from: http://www.rocorstudies.org/2013/12/31/tserkovny-j-konservatizm-v-sovremennom-obshhestve/#comments. (Accessed: 30.09.2017).
12. Krasikov, A. (2005) Russkoe pravoslavie na rodine i v Amerike: dialog tsivilizatsiy? [Russian Orthodoxy in the Motherland and in America: Dialogue of Civilizations?]. In: Alekseeva, E. (ed.) *Rossiysko-amerikanskie otnosheniya v usloviyakh globalizatsii* [Russian-American relations in the context of globalization]. Moscow: J. Kennan Institute.
13. Patriarchia.ru. (n.d.) *Akt o kanonicheskom obshchenii* [Act on canonical communication]. [Online] Available from: https://patriarchia.ru/db/text/155920.html. (Accessed: 30.09.2017).
14. Orthodoxwiki.org. (n.d.) *ROCOR and OCA*.[Online] Available from: https://orthodoxwiki.org/ROCOR_and_OCA. (Accessed: 30.09.2017).
15. Bogoslov.ru. (2013) *Iz interv'yu vedushchego znatoka pravoslaviya na Zapade prof. R. Tafta* [From an interview with the leading expert in Orthodoxy in the West, Prof. R. Taft]. Translated from English. 30 October. [Online] Available from: https://bogoslov.ru/text/3590491.html. (Accessed: 30.09.2017).
16. Rocorstudies.org. (2016) *Interv'yu Patriarkha Moskovskogo i Vseya Rusi Kirilla 07.10.2015* [Interview with the Patriarch of Moscow and All Russia Kirill of 07.10.2015]. [Online] Available from: https://www.rocorstudies.org/2016/11/21/v-rezultatesoedinenia-my-vse-stanovimsya-bolee-silnymi.html. (Accessed: 30.09.2017).

Received: 09 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 147–154. DOI: 10.17223/15617793/425/19

УДК 94: 001 (571.1/.5)

В.В. Расколец, А.Н. Сорокин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА ИНСТИТУТА ИССЛЕДОВАНИЯ СИБИРИ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ГЕОДЕЗИИ, ГЕОФИЗИКИ И ГИДРОЛОГИИ СИБИРСКОГО КРАЯ (ИЮЛЬ 1919 г. – ИЮНЬ 1920 г.)

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук по проекту МК-5402.2016.6 «"Человек университетский": феномен научно-педагогического сообщества Сибири в конце XIX – начале XXI вв.», гранта РГНФ, проект № 15-33-01331 «Общественные формы организации науки в Сибири в 1941-1991 гг.: значение и роль в социокультурной и экономической модернизации советского общества».

На основе широкого круга источников, документальных публикаций и научной литературы исследуется деятельность географического отдела Института исследования Сибири. Анализируется состояние научных сил сибирского региона. Формулируется вывод о вкладе ИИС в изучение геодезии, геофизики и гидрологии.

Ключевые слова: Институт исследования Сибири; Томск; гидрология; геодезия; геофизика; Б.П. Вейнберг; В.Б. Шостакович.

Среди множества сюжетов истории науки и высшего образования Сибири в годы Гражданской войны тема Института исследования Сибири (ИИС) является, пожалуй, одной из наиболее актуальных. Действительно, ИИС был не только воплощением давних идей областников о сильной в экономическом и культурном плане Сибири. Институт стал своеобразным проектом сибирской научной общественности, призванным ответить на исторические вызовы, брошенные временем: превращение Сибири из «края ссыльных и уголовников» в экономическую опору новой России. Одним из заслуживающих внимания сюжетов истории ИИС является деятельность географического отдела в летние периоды 1920–1921 гг.[1] Исследование этой проблемы поможет выяснить, каким образом на практике решались задачи, поставленные учеными ранее в ходе работы съезда по организации Института исследования Сибири, а также в организационный период становления института (т.е. в январе–июле 1919 г.).

Об историографии ИИС в общих чертах уже было сказано в упомянутой статье. Обратим внимание, что за исключением небольших работ В.И. Слуцкого об изучении метеорологии при ИИС и статей общего характера, написанных коллективом томских исследователей под руководством профессора С.Ф. Фоминых, деятельности географического отдела не посвящалось специальных исследований [1–4].

Целью данной работы является анализ деятельности географического отдела ИИС в летние периоды 1920–1921 гг. В контексте данного исследования автор попытается дать оценку вкладу географического отдела в развитие геодезии, геофизики и гидрологии сибирского края.

Перед тем как начать повествование о деятельности географического отдела, следует коротко остановиться на его составе. В 1919 г. состав отдела формировался достаточно медленно, это во многом было обусловлено тем, что ИИС только начинал свою работу и притом в тяжелых экономических условиях. 8 декабря 1919 г. отдел, включающий на тот момент согласно Положению 15 человек, был пополнен Б.П. Вейнбергом, С.И. Шубиным (старший специалист) и В.М. Кудрявцевой (младший ассистент). По мере того как ИИС становился на ноги, рос и его кадровый аппарат. В январе 1920 г. в состав географического отдела были включены К.Г. Тюменцев, И.М. Бахурин (вычислитель) и А.И. Прибытков (младший ассистент). Еще месяц спустя в отдел были избраны бывший ректор Пермского университета К.Д. Покровский, В.В. Теплых (вычислитель), а в конце апреля специалистом по сейсмографии утвержден И.И. Сикора. Тогда же бывший ассистент обсерватории Казанского университета А.Н. Нефедьев был избран в качестве старшего специалиста. Обязанности председателя отдела вплоть до июня 1920 г. исполнял В.И. Бауман, а после его отъезда – П.К. Соболевский.

Работу отдела можно условно разделить на теоретическую, практическую (экспедиционную), научно-педагогическую и научно-организационную.

Теоретическая работа была представлена статьями и докладами его сотрудников, часть из которых издавалась в специальном периодическом издании – «Известиях Института исследования Сибири». Это позволяло ученым как географического, так и других отделов публиковать обширные научные труды в условиях острого дефицита бумаги и загруженности томских типографий. В конце октября 1919 г. к печати в «Известиях Института исследования Сибири» были подготовлены рукописи Б.П. Вейнберга, В.Д. Дудецкого, С.И. Шубина и М.А. Великанова. В первом выпуске «Известий», выпущенном в 1920 г., вышли работы Б.П. Вейнберга, П.К. Соболевского, С.И. Шубина и М.А. Великанова [5]. Перу последнего принадлежат также работы «Распределение скоростей по вертикали», а также «Кузнецко-Уральский водный путь и приспособление его для перевозки массовых грузов», написанные в то же время. Будучи начальником партии по исследованию р. Томи, М.А. Великанов занимался топографическими (съемка русла реки и поймы), геологическими (бурение в местах намеченных сооружений, изучение грунта дна и берегов) и гидрометрическими (наблюдения и измерения горизонтов воды, измерения расходов воды скорости течения) работами, уделяя осо-

бое внимание зависимости между количеством атмосферных осадков и стоком реки. Главной задачей М.А. Великанова было приведение р. Томи в судоходное состояние, в связи с чем на повестку дня им был поставлен вопрос о возможности ее шлюзования [6. Д. 60. Л. 16; Д. 26; Л. 30, 30 об.].

В 5-й выпуск «Известий ИИС» вошли такие работы Б.П. Вейнберга, как «Нормальное распределение земного магнетизма в Сибири на 1910 г.», очерки картографических работ Обско-Тазовской экспедиции, написанные вместе с его сыном К.Б. Вейнбергом, а также «Предварительные результаты магнитных определений в Обско-Тазовской экспедиции» [7]. Последние две работы особенно важны, ибо они имели прямое отношение к Тазовской экспедиции, организованной Институтом в 1920 г., о которой речь пойдет ниже.

В марте 1920 г. к печати была подготовлена работа Я.И. Николина «Особенности противопожарных водопроводов в применении к Сибири». После долгих проволочек статья Я.И. Николина была сокращена до 10 листов и принята к публикации под названием «Составление проектов противопожарных водопроводов в практике городов Сибири» [8. С. 69]. Ввиду своей специфики она вышла в трудах не географического, а промышленно-технического отдела в виде нескольких частей.

В практическую деятельность отдела входил целый ряд мероприятий. Одним из них стала организация службы времени при геодезической лаборатории Томского технологического института (ТТИ), учреждение которой представлялось актуальным в связи с намеченным переходом к зональному времени. 12 ноября 1919 г. одновременно с помощью 14 хронометров было начато сравнение времени с точностью наблюдений до 1/100 с. В.Д. Дудецкий предложил «оповестить заинтересованные учреждения о том, что они смогут получать от географического отдела института точное время и могут сдавать хронометры для проверки» [6. Д. 26. Л. 119]. Позднее для регулярного информирования было решено организовать дежурство у телефона по вторникам, четвергам и субботам с 11 до 1 часа дня. Состав службы времени из трех вычислительниц (С.Э. Дегептеш, Н.Ю. Мариенгоф и А.В. Лилеева) оформился к лету 1920 г.

Однако правительству А.В. Колчака так и не удалось решить вопрос о переходе Сибири на зональное время. Между тем в Советской России соответствующее постановление было издано 8 февраля 1919 г. В соответствии с ним Томск отныне должен был находиться в 6-й временной зоне к востоку от Гринвича.

Уже на следующий день, 10 февраля, Б.П. Вейнберг сделал представление в географический отдел, которое подписали В.Д. Дудецкий, И.Д. Андросов, П.К. Соболевский, Я.И. Николин и В.И. Бауман. Суть его заключалась в содействии введению в Сибири зонального времени путем подготовки населения к этой реформе. В качестве предпринимаемых мер предлагалось снабжение жителей картами и листовками с разъяснениями сути реформы и списками населенных пунктов, лежащих вблизи демаркационных временных зон. После этого планировалось установить точное минутное время для всех временных зон. Для удобства запоминания временным зонам предполагалось дать названия: алтайская, байкальская, забайкальская, приморская и т.д. [6. Д. 26. Л. 25 об.].

Однако томские правительственные учреждения проигнорировали это постановление. Дважды 16 февраля и 26 апреля 1920 г. отдел обращался к ним по вопросу о введении зонального времени, но, судя по всему, безуспешно. Спустя почти 4 года в газете «Красное знамя» была опубликована статья Б.П. Вейнберга о необходимости перехода Томска в 6-ю, или алтайскую, зону времени. Стоит отметить, что в этой же публикации он указал на необходимость воссоздания когда-то существовавшей в Томске службы времени [9. 30 сент.].

Важным для географического отдела стала забота о содержании геодинамической станции в Томске, единственной уцелевшей станции подобного рода в мире. 9 октября 1919 г. М.А. Великанов доложил на заседании о неудовлетворительной работе наблюдательницы станции М.И. Горт-де-Гротт. В связи с этим было предложено собрать совещание для ознакомления ее с принципами работы геодинамической станции, особенно в плане обработки полученных данных и способов исправления поврежденных приборов. Помимо этого, ученые ходатайствовали о выделении средств на поддержание работы станции: осушку, вентиляцию, фотографическую бумагу и прочее, в размере 500 руб. в месяц.

Члены отдела широко обсуждали создание между Екатеринбургом и Иркутском постоянной вариационной магнитной станции, которая стала бы «отправным местом для магнитных наблюдений Западной Сибири». Однако отдел пошел еще дальше, планируя выделение метеорологической сети для Томской и Алтайской губерний, оснащение ее новыми станциями и инвентарем. На эти цели планировалось отпустить около 170 тыс. руб. на оборудование и еще 230 тыс. руб. ежегодно на поддержание работы [6. Д. 38 Л. 68]. Для более обстоятельного изучения климата, гидрологии и сельского хозяйства планировалось пополнить существовавшую в то время метеорологическую сеть дождемерными станциями.

Географическим отделом были приняты меры к организации работы сейсмической станции при ТТИ, а также содействию развития климатологии путем сбора накопленных материалов в этой области и обеспечения их публикации, в частности работ Г.К. Тюменцева и сводок Екатеринбургской и Иркутской метеорологических обсерваторий [8. С. 48, 54]. Кроме того, отделом планировались создание вычислительного бюро по переводу географических координат в систему Зольднера–Гауса (работа велась П.К. Соболевским и В.И. Бауманом), финансирование деятельности частных лиц и организаций, а также организация архива.

Большой интерес представляет практическая деятельность в первый период его существования самостоятельного отдела гидрологии. В смете на 1919 г. предполагалась организация 5 подотделов: морских вод, речных и озерных вод, почвенных и грунтовых вод, гидрометрического, а также подотдела белого угля. Каждый из них собирал материалы по произве-

денным исследованиям в рамках своей тематики, занимался сбором, составлением и размножением картографических и других материалов. Планировалась организация трех партий по «изысканиям белого угля»: двух в район Алтая и одной в район р. Ангары, требующих в совокупности 237 тыс. руб. (при общем бюджете отдела в 415 тыс. руб.). Был намечен созыв I Сибирского съезда по гидрологии и водному хозяйству с последующей публикацией его трудов и др. [6. Д. 38. Л. 70, 71, 71 об.]. На 1920 г. уже подотдел гидрологии запланировал организацию еще трех экспедиций по белому углю рекогносцировочного характера, смета которых составила 2 200 тыс. руб. Работа этих экспедиций была чрезвычайно важна, ибо позволяла вплотную заняться «составлением подробной карты водной мощности Сибири» и, как следствие, плана развития ее промышленности [6. Д. 66. Л. 78].

Одним из наиболее важных мероприятий гидрологического отдела было создание гидрологической лаборатории, проект которой разрабатывался М.А. Великановым. На 1920 г. предполагалась постройка наиболее важной ее части – тарировочного бассейна для определения показаний скорости течения стока воды в реке. Это требовало еще 2 550 тыс. руб. ассигнований [6. Д. 65. Л. 6, 6 об.].

В свою очередь, отдел геофизики на 1920 г. наметил устройство базиса для поверки медных проволок, лабораторий для эталонирования радиоактивных приборов, организацию сети наблюдений гроз и других метеорологических явлений, подготовительные работы по устройству лабораторий по экспериментальной метеорологии и т.д. Наконец, геодезический отдел намеревался в 1920 г. заняться сравнением различных способов измерения горизонтальных углов, «устройством контрольных базисов для компарирования проволок прибора Иедерина, мерных лент и т.п., их измерением и точной нивелировкой г. Томска» [6. Д. 66. Д. 76 об.].

Большое значение в деле изучения Сибири придавалось организации научных экспедиций и командировок, и здесь географическому отделу принадлежало бесспорное лидерство среди всех остальных отделов. Одной из самых крупных экспедиций ИИС была комплексная экспедиция лета–осени 1919 г., направленная на гидрографическое и естественно-историческое обследование Северного морского пути, Оби и Тазовской губы. Мы не будем подробно останавливаться на этом сюжете, тем более что он уже получил обстоятельное рассмотрение в другой статье [10]. Отметим лишь, что в результате экспедиции Д.Ф. Котельникова было построено 11 знаков, 10 из которых – вдоль Обской губы. На всех новых знаках, кроме знака на м. Львова, были поставлены фонари Далена. «Близ мыса Ямсала поставлено было 18 вех, у мели Опасной – 4 вехи (2 нордовых, одна остовая и одна зюдовая), около мыса Поюта – 5 вестовых, около мыса Каменного – 1 вестовая, около мыса Котельникова – 1 остовая и около мыса Таран – 1 остовая» [6. Д. 7. Л. 49 об.]. Колебания глубин на баре были зафиксированы в пределах от 5 до 9 футов в условиях лета.

Экспедиции В.В. Сапожникова удалось уточнить данные, касающиеся о. Находка, о. Эснермансале и о. Ягодный, расположенных на южном конце Тазовской губы. Вывод ученого об этих островах был неожиданным: «На самом деле, – писал Сапожников, – островов этих не существует, а упомянутые выше названия нужно прилагать к мысам» [11. С. 168]. В свою очередь, С.И. Шубин по пути до Самарово выполнил определение горизонтальной составляющей в 6 местах, а по пути в Обдорск – еще в 5 пунктах [6. Д. 41. Л. 3–4]. Во время пребывания в Обской губе С.И. Шубин определил элементы земного магнетизма, а также принял участие в астрономических и метеорологических наблюдениях. В Томск он вернулся только 15 сентября, продолжая выполнять по пути метеорологические наблюдения.

На лето 1920 г. географический отдел запланировал целый ряд важных по своему характеру экспедиций.

22 марта было заслушано заявление профессора Томского университета К.Д. Покровского об организации экспедиции на Южный Алтай «с целью определения силы тяжести». Помимо самого К.Д. Покровского, в составе экспедиции должен был находиться преподаватель астрономии университета, будущий академик АН СССР Г.А. Шайн, а также один магнитолог. Экспедиция продолжительностью в три месяца намечалась по маршруту Томск–Семипалатинск–Усть-Каменогорск–оз. Марна-Куль–Зайсан–Томск. Однако для успешного проведения данной экспедиции нужны были маятники Штукера с принадлежностями. За ними обратились к заведующему магнитной станцией в д. Зуе В.К. Абольду и начальнику омского топографического отдела Н.Д. Павлову [Там же. Д. 60. Л. 96 об.]. Последний ответил отказом, ссылаясь отчасти на то, что некоторые из запрашиваемых инструментов «им не найдены», отчасти боясь, что назад предоставленное он не получит [Там же. Д. 69. Л. 37–37 об.].

12 мая 1920 г. Б.П. Вейнберг в письме А.И. Прибыткову, указав на серьезную нехватку исследовательских приборов для экспедиций географического отдела, просил «лично убедить Н.Д. [Павлова] передать профессору К.Д. Покровскому просимые им инструменты».

В тот же день Б.П. Вейнберг отправил письмо председателю Комитета северного пути с просьбой о предоставлении во временное пользование астрономических инструментов (анероида, гипсобарометра, ртутного барометра и др.). Не останавливаясь на этом, Б.П. Вейнберг также обратился к Н.Д. Павлову с просьбой о выдаче карт и приборов для «астрономической части Обско-Тазовской экспедиции», которой предстояло работать по заданию Обской гидрографической партии Северного ледовитого океана. «Отсутствие этих приборов, – настаивал Б.П. Вейнберг, – поставит все четыре экспедиции, отправляющиеся текущим летом в низовья Оби, в весьма затруднительное положение» [Там же. Д. 69. Л. 134].

Что касается В.К. Абольда, то к нему в Иркутск был командирован профессор Томского университета Н.И. Порфирьев, который должен был одолжить у него маятники Штюкрата, а также диномометрон, хронометрон, гальваническую батарею и др. [Там же. Д. 69. Л. 129]. Другой задачей Н.И. Порфирьева была

выверка магнитных приборов в Иркутской обсерватории. Для аналогичных целей в Екатеринбургскую обсерваторию был направлен практикант географического отдела Н.Н. Карамышев. Оттуда он должен был доставить приборы через Тобольск и Самарово прямиком в Обдорск [6. Д. 69. Л. 144].

Наиболее амбициозной экспедицией ИИС лета 1920 г. должна была стать комплексная Тазовская экспедиция. «О научном и научно-практическом значении даже рекогносцировочного обследования Тазовского полуострова вряд ли нужно распространяться, – писал председателю комитета Северного морского пути Б.П. Вейнберг. – Достаточно указать на то, что там... не бывали не только ученые, но даже сколько-нибудь образованные люди. Между тем с предстоящим оживлением Обской и Тазовской губ является государственно необходимым делом хотя бы рекогносцировочное обследование полуострова, их разделяющего, как со стороны геодезии, так и по отношению к фауне, флоре и населению» [Там же. Д. 69. Л. 120].

Целью экспедиции ставилось исследование Обской и Тазовской губы «с физико-географической стороны (в связи с выяснением условий мореплавания, а также возможности непрерывного водного сообщения между рекой Тазом и нижнем течении Енисея), с ботанической (в связи с вопросом о восстановлении оленьих пастбищ), с зоологической (в связи с выяснением возможности использования рыбных богатств края), со статистико-экономической (в связи с тем же вопросом и условиями быта инородцев) и с этнографически–археологической (также в связи с инородческим вопросом)» [Там же. Д. 65. Л. 2 об.; 8. С. 266]. Всего в экспедицию отправился 21 участник [6. Д. 69. Л. 256].

В ходе подготовки экспедиций географический отдел столкнулся со значительными трудностями. О нехватке измерительных приборов и инструментов уже говорилось выше. Но, помимо этого, были трудности с получением продовольствия и экспедиционного снаряжения. В течение нескольких месяцев ИИС обращался в самые различные инстанции Томска и других сибирских городов с ходатайствами о выдаче продовольствия и снаряжения участникам экспедиции.

Однако местные органы советской власти неохотно шли навстречу пожеланиям института. Отчасти это диктовалось экономическими трудностями. В условиях Гражданской войны и хозяйственной разрухи члены экспедиции требовали достаточно большое количество продовольствия, снаряжения и денег, которых на тот момент просто не было. Другой причиной были политические соображения. Придя к власти в Сибири, большевики с большим недоверием относились к тем, кто не так давно находился на службе у белогвардейцев.

Сам Б.П. Вейнберг 6 марта 1920 г. был вызван в Томскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, где был допрошен по обвинению в произнесении контрреволюционных речей в Сибирской областной думе. Не без доли везения Б.П. Вейнбергу было разрешено присоединиться к Тазовской экспедиции на правах ее заведующего [6. Д. 69. Л. 189, 191]. Примерно в то же время в Обдорске был арестован Иванцов («вероятно как земский деятель»), который должен был заказать оленьи нарты для экспедиции.

Негативное отношение советской власти отразилось в прессе того времени. 4 июня 1920 г. в газете «Знамя революции» была помещена заметка с критикой экспедиций, запланированных томскими учеными [12. 4 июня]. Аббревиатура «ИИС» там не фигурировала, однако и так становилось ясно, против кого, преимущественно направлялся этот удар.

В свою очередь ученые «парировали» аргументы, изложенные в газете. 4 июня 1920 г. Б.П. Вейнберг направил в редакцию «Знамени революции» письмо, в котором писал: «Можно не соглашаться с некоторыми частностями указаний автора, зачастую прибегающего к таким преувеличениям, как указания, что по полярным нормам “полагается, например, масла сливочного чуть ли не по пять фунтов на едока в день”, тогда как на самом деле “полярная норма” есть 1 ¼ фунта масла на едока в неделю, т.е. немного более 5 фунтов в месяц…» [6. Д. 60. Л. 322].

Отношение советской власти ярко иллюстрирует и история с финансированием Тазовской экспедиции. По приблизительным меркам она требовала около 3 млн 375 тыс. руб., которых у ИИС не было. 1 июня 1920 г. Б.П. Вейнберг обратился в Коллегию по управлению высшими учебными заведениями г. Томска с просьбой о выдаче к полученному авансу в 250 тыс. руб. дополнительного ассигнования в 300 тыс. руб. 26 июля он же, находясь в экспедиции, был вынужден отправить в Томск срочную телеграмму о необходимости немедленного перевода в Обдорск 200 тыс. руб., а также провизии и снаряжения [Там же. Д. 69. Л. 294]. Наконец уже в августе ИИС направил в Коллегию второе прошение, где, ссылаясь на отсутствие ответа с ее стороны, повторил запрос Б.П. Вейнберга.

Несмотря на все препятствия, экспедиция, хотя и с опозданием, состоялась. Помочь исследователям ИИС добраться до Тазовской губы вызвалось Томское отделение Центрсоюза, выразившее готовность предоставить для этих нужд пароход «Мария» (видимо, тот самый пароход, зафрахтованный экспедицией В.В. Сапожникова летом 1919 г.). Взамен Центрсоюз запрашивал материалы, касающиеся фарватера и глубин Обской губы. ИИС охотно пошел им навстречу, предоставив во временное пользование три карты: «Южная часть Обской губы», «Бухта Находка в Обской губе», а также «Обская губа и Енисейский залив» [Там же. Д. 69. Л. 89, 250–250 об.].

Согласно плану Тазовская экспедиция должна была отправиться с первым пароходным рейсом в Обдорск, где по прибытию планировалось установить временную магнитную станцию, организовать ее работу, а также работу водомерной станции. Важной задачей представлялось установление связи между метеорологической станцией в Обдорске и временными метеорологическими и водомерными станциями, намечавшимся в бухте Находка, в устье р. Ныды, на мысе Круглом и в устье Таза. Из Обдорска исследователи должны были двинуться в разных направлениях. В устье Хаманельской Оби планировалось отправить бывшего военного аэрометеоролога Зикеева, в устье Ныды – В.А. Семенцова, в бухту Находка – Н.Д. Чеснокова.

Остальная часть экспедиции должна была отправиться в устье р. Таз по мере освобождения ее ото

льда. На мысе Трехбугорном «для конца навигации и для метеорологических и водомерных наблюдений» с двумя практикантами должен был остаться Пиглер. На плечи Б.П. Вейнберга, К.Б. Вейнберга и Н.Н. Карамышева должно было лечь устройство временной метеорологической и водомерной станций в нижнем течении Оби и Обской губы. При благоприятном стечении обстоятельств часть экспедиции, находившаяся в Тазовской губе, должна была проникнуть по Тазу в систему Енисея в верховьях р. Момчишной, делая попутно определения географических координат. Особенно важным было определение положения о. Находка, положение которого различалось на разных картах по широте с разницей в 2 градуса [6. Д. 69. Л. 120].

Вместе с тем предполагалось найти желающего остаться в устье Таза на весь год для производства круглогодичных наблюдений. Вскоре в качестве добровольца на эту работу вместе со своей супругой вызвался военнопленный Г.А. Франт. Помимо наблюдений, в его задачи также входил сбор данных об обитателях, пушном промысле, путях сообщения и т.д. ИИС ходатайствовал перед Томскими губпродком и упродкомом о снабжении супругов Франт провиантом, по крайней мере на 10 месяцев, по нормам Обской гидрографической партии [Там же. Д. 69. Л. 140, 245, 295; Д. 26. Л. 80]. Однако Г.А. Франт и его жена так и не смогли отправиться в экспедицию. Их задачи выполняли зоолог С.И. Орлов и этнограф Е.Н. Зальмунина [Там же. Д. 69. Л. 301].

В итоге программа ИИС в области геофизики на территории Обской губы сузились до наблюдений на 4 метеорологических и водомерных постах (по два на каждом берегу). Даже кратковременные наблюдения здесь, согласно записям Б.П. Вейнберга, могли дать ценную информацию для навигации, такую как зависимость уровня воды в разных частях губы в зависимости от силы и продолжительности ветра и др. [Там же. Д. 69. Л. 120].

Астрономические и топографические работы экспедиции должны были вестись в тесном контакте с работами других экспедиций гидрографического характера: партии по обследованию Нижней Оби (руководитель А.И. Янчевский), гидрографической экспедиции Северного ледовитого океана (руководитель капитан А.И. Осипов), а также экспедиции начальника изысканий по устройству портов в устьях Енисея и Оби (руководитель инженер А.М. Вихман) [8. С. 267].

Итогом работы Тазовской экспедиции стало составление карты Обской и Тазовской губ, главным образом западного побережья Тазовского полуострова от мыса Ныдского до мыса Круглого. Успешно были проведены магнитные наблюдения в районе Нижней Оби, южной части Обской губы, собран богатый ботанический и зоологический материал [13. С. 38–40].

Помимо уже указанных, географическим отделом планировалась организация еще 7 экспедиций. Для сравнения методов измерения горизонтальных углов в Кузнецкий каменноугольный бассейн на 2 месяца должен был отправиться А.И. Прибытков. По маршруту Томск–Кузнецк, р. Кондома и р. Мрас-Су–Бийск для магнитных наблюдений командировался В.Д. Дудецкий. С.В. Шубин должен был организовать подробную магнитную съемку вокруг Томска в радиусе 150–200 верст. Профессора Омского сельскохозяйственного института В.С. Титов и Г.С. Ландсберг в качестве магнитологов должны были участвовать в составе комплексной 3-месячной экспедиции по маршруту Омск–Тобольск–Самарово [8. С. 268–269]. Преподаватель физики Томского университета Е.А. Воронина и ассистентка В.М. Кудрявцева запланировали осмотр метеорологических станций по маршруту Томск–НовоНиколаевск–Барнаул–Семипалатинск–Усть-Камено-горск–Змеиногорск–Бийск. В район р. Абакан и Минусинского уезда с обязанностями гидролога-магнитолога на 3,5 месяца отправлялся младший ассистент физико-математического факультета Томского университета А.К. Иванов.

Для физико-географического исследования южных склонов Алтая на 4 месяца отправлялась экспедиция в составе братьев Б.В. и М.В. Троновых, Н.А. и В.А. Плотниковых, а также Ф.И. Монахова. Участники планировали организацию метеорологических наблюдений, наблюдений земного магнетизма, исследование горных ледников и т.д. Для этого им были необходимы анероиды, термометры, гипсометр, теодолит, а также другие специальные приборы и снаряжение (фотографический аппарат, оружие и др.), которые они просили у ИИС. Бюджет экспедиции оценивался примерно в 193 тыс. руб. [6. Д. 69. Л. 1, 19; Д. 26. Л. 53, 54, 54 об.].

Отдел также командировал своих представителей для работы в составе экспедиций, организуемых другими отделами. Так в Омскую экспедицию, целью которой были почвенно-ботанические исследования Омского и Калачинского уездов, была отправлена для магнитной съемки этих местностей вычислитель Е.И. Козырева. В Ново-Николаевскую экспедицию была прикомандирована вычислитель отдела Фейрабенд для организации «подробной магнитной съемки этого уезда». Одного магнитолога планировалось отправить в экспедицию по изучению орнитофауны Алтая к востоку от Чуйского тракта.

Некоторые из экспедиций так и не удалось осуществить. Так, В. Сементовским было предпринято обследование озер Зауралья, которое, однако, было прервано практически сразу в связи с наступлением Красной Армии. Командировка И.Д. Андросова в Иркутск и на Дальний Восток также не состоялась по причине призыва его на службу по санитарно-эвакуационному делу. Неясным осталась судьба большой комплексной экспедиции в Урянхайский край, в которой географический отдел планировал выполнение магнитных определений Усинского края, Урянхая и северо-западной Монголии.

Научно-педагогическая деятельность ученых была представлена чтением публичных и специальных лекций, а также докладов. Уже 9 октября 1919 г. с готовностью выступить со своими работами заявили Б.П. Вейнберг (Сводка определений магнитных склонений Сибири, Магнитные исследования вообще и в Сибири в частности), М.А. Великанов (Об исследованиях р. Томи, О задачах гидрологического отдела, Проект гидрологической лаборатории), Я.И. Николин (Обзор материалов по исследованию грунтовых и

почвенных вод в Сибири), В.Д. Дудецкий (Солнечный режим г. Томска, Состояние сейсмической станции в Томске). В конце октября к ним добавились доклады П.К. Соболевского (Методы определения географических координат в северных широтах) и В.И. Баумана (Геометрические основания определения залежей магнитных руд, О задачах отдела геодезии Института исследования Сибири) [8. С. 49].

Отдел также участвовал в работе курсов по подготовке исследователей природы. В частности, подотдел геофизики предложил цикл лекций и занятий по практической метеорологии и земному магнетизму, который должны были вести Б.П. Вейнберг, В.Д. Дудецкий и С.И. Шубин [6. Д. 66. Л. 15]. Были также разработаны программы в области гидрологии и геодезии, причем члены отдела приняли решение делегировать в комитет по организации курсов В.И. Баумана, во многом потому, что принятые программы показались им разработанными недостаточно либо просто неверно.

Наконец, имела место научно-организационная деятельность членов отдела. В первую очередь стоит упомянуть подготовку еще геодезическим отделом съезда деятелей геодезии и картографии на осень 1919 г., которая выразилась «в разработке и рассылке программ съезда, в созыве специальных совещаний из представителей различных учреждений города Томска для обсуждения тем докладов и в поручении отдельным лицам представить доклады на определенные темы» [8. С. 70]. Однако сам съезд ввиду «обстоятельств текущего момента» состояться не смог.

В августе и сентябре 1919 г. в Омск был командирован П.К. Соболевский. В ходе этой поездки им был решен ряд важных организационных проблем. Во-первых, ему удалось созвать межведомственную комиссию для рассмотрения вопросов об объединении съемочных и геодезических работ. Последняя приступила к детальному рассмотрению инструкций по производству триангуляций, нивелирования и съемок, причем обозначился контакт между комиссией в Омске и будущим географическим отделом, что было шагом на пути объединения геодезических работ. Во-вторых, П.К. Соболевскому удалось получить согласие Н.Д. Павлова на разработку им вопроса по нивелированию Сибири как с научной, так и с технической точки зрения. Наконец, были установлены контакты с местными учреждениями в Омске [Там же. С. 71–72].

Далее отдел планировал принять участие в привлечении к своей работе ученых-беженцев с Поволжья и Урала, в частности инженера К.Г. Трубина, который представил на рассмотрение географического отдела свою рукопись «Река Иртыш». По отзыву М.А. Великанова, материалы Г.К. Трубина представляли собой «соединение элементов троякого рода: гидрологических, этнографических и навигационных». Первые могли быть напечатаны после соответствующей обработки в «Известиях института». Обработка была поручена самому автору рукописи с вознаграждением в 1,5 тыс. руб. [6. Д. 66. Л. 33, 33 об.]. В дальнейшем, после смерти К.Г. Трубина, географический отдел постановил выкупить эту работу у его семьи за 150 тыс. руб. Следует сказать, что деньги на приобретение этой рукописи ИИС так и не были найдены, и она была возвращена вдове К.Г. Трубина вместе с отзывом М.А. Великанова [4. С. 196].

16 февраля 1920 г. во время очередного заседания географического отдела С.С. Неуструев выступил с докладом о необходимости организовать при географическом отделе подотдел страноведения. Б.П. Вейнберг выдвинул встречное предложение: создать особую комиссию по районированию Сибири. В результате обсуждения было решено организовать Комиссию для объединения географических работ и составления карты естественных районов Сибири, куда вошли бы представители географического отдела, а также Всероссийского и Сибирского геологических комитетов [8. С. 61].

Важной стороной деятельности отдела было установление связей с другими учреждениями. 10 ноября 1919 г. был утвержден список организаций, сотрудничавших с географическим отделом и имеющих право делегировать своих представителей в его совет. В него вошли Томский и Иркутский университеты, Екатеринбургская обсерватория, Главный военно-топографический отдел, Главное переселенческое управление, Всероссийский геологический комитет, Дирекция маяков и лоций Северного морского пути и др. Отдел контактировал с Академией наук, Урало-Сибирским геологическим комитетом, Енисейским губсовнархозом и прочими организациями [Там же. С. 69–70].

Наконец, отдел принял участие в рассмотрении инструкций, объединяющих основные и съемочные работы переселенческого управления, отдела земельных улучшений и лесного отдела [14. С. 15].

Подводя итоги нашей обширной работы можно заключить, что деятельность географического отдела знаменовала собой новый этап в изучении геофизики, геодезии и гидрологии Сибири. Ученые географического отдела на практике продемонстрировали приверженность заложенным в основу Института исследования Сибири принципам комплексности и координированности исследований. Это проявилось, с одной стороны, в широком сотрудничестве географического отдела с другими научными и общественными организациями. С другой стороны, отдел с готовностью принимал участие в работе комплексных экспедиций (Обь-Тазовской лета 1919 г. и Тазовской лета 1920 г.) и прикреплял в то же время своих сотрудников к работам экспедиций других отделов.

Даже в условиях хозяйственной разрухи и политической нестабильности отделу, благодаря солидному кадровому потенциалу, удалось внести существенный вклад в дело изучения Сибири. Особенно значимы были успехи ученых географического отдела в области экспедиционной деятельности. Гидрографические, топографические и магнитно-метеорологические исследования Обской и Тазовской губ имели огромное значение в ходе развернувшегося процесса освоения сибирского Севера. В то же время претензия авторов данной статьи на выявление вклада географического отдела в развитие геодезии, геофизики и гидрологии сибирского края выглядит слишком амбициозной. Очевидно, что для решения этой задачи необходимо провести исследование истории развития советской науки в области географии, по крайней мере в первые

годы ее существования. Комплексное исследование этой темы, впрочем, потребует отдельной работы.

1 июля 1920 г. постановлением Сибревкома ИИС был закрыт. На несколько десятилетий угасла идея создания «Сибирской академии наук». Однако это не означало, что Сибирь осталась только местом ссылки уголовников и политических заключенных. Наоборот, она стала «гигантом», на плечах которого Россия смогла возродиться. Скромная же деятельность ИИС и, в частности, географического отдела стала «мостом» между старой и новой Россией, ведь множество идей, заложенных учеными ИИС, были реализованы советской властью.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Об организации географического отдела в составе ИИС в ближайшее время выйдет статья. Примерные выходные данные: Расколец В.В. Организация географического отдела в составе Института исследования Сибири (октябрь 1917 – июль 1919 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов Международной молодежной научной конференции. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2017.

ЛИТЕРАТУРА

1. Слуцкий В.И. Институт исследования Сибири в Томске (1919–1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2003. Приложение № 3 (IV). С. 220–224.
2. Слуцкий В.И. Колчаковская академия наук // Персона. 2004. № 1. С. 50–54.
3. Слуцкий В.И. История метеорологии в Томском университете : учеб. пособие / под ред. В.А. Лойши. Томск, 1998. 112 с.
4. Журналы заседаний Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
5. Известия Института исследования Сибири. Томск, 1920. № 1. Труды географического отдела. № 1. 89 с.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-26 (Институт исследования Сибири). Оп. 1.
7. Известия Института исследования Сибири. Томск, 1920. № 5. Труды географического отдела. № 2. 22 с.
8. Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 358 с.
9. Красное знамя. Томск, 1923.
10. Расколец В.В. Экспедиции Д.Ф. Котельникова и В.В. Сапожникова в Обскую губу (1919 г.) // Вестник Томского университета. 2016. № 408. С. 117–124.
11. Сапожников В.В., Никитина Е.В. Нижняя Обь и Обская губа в 1919 г. // Известия Русского географического общества. М. ; Пг., 1923. Т. 55. С. 125–180.
12. Знамя революции. Томск, 1920.
13. Лаппо Д.Д. Работы по изучению нижнего течения р. Оби и Обской губы за трехлетие 1919–1921 гг. // Географический вестник. Петроград, 1922. Т. 1, вып. 2–3. С. 38–40.
14. Некрылов С.А., Фоминых С.В., Грибовский М.В. и др. Отделы, Средне-сибирское отделение и комиссии Института исследования Сибири (1919–1921 гг.) // Журналы заседаний отделов, Средне-Сибирского отделения и комиссий Института исследования Сибири (1919–1920 гг.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. С. 5–41.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 октября 2017 г.

ACTIVITIES OF THE GEOGRAPHICAL DEPARTMENT OF THE RESEARCH INSTITUTE OF SIBERIA AND ITS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF GEODESY, GEOPHYSICS AND HYDROLOGY IN THE SIBERIAN REGION (JULY 1919 – JUNE 1920)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 147–154.
DOI: 10.17223/15617793/425/19

Viktor V. Raskolets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: predator-101@mail.ru
Alexander N. Sorokin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: soranhist@yandex.ru

Keywords: Research Institute of Siberia; Tomsk; hydrology; geodesy; geophysics; B.P. Weinberg; V.B. Shostakovich.

In the article, based on a wide range of sources, documentary publications and scientific literature, the activities of the Geographical Department of the Research Institute of Siberia are investigated. The aim of the article is to analyze the activities of the Geographical Department of the Research Institute of Siberia during the summers of 1920–1921. It is noted that the activities of the Geographical Department were of a varied nature. The theoretical work of the Department was presented in articles and reports of its participants, some of which were printed in a special periodical, *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri* [The Bulletin of the Research Institute of Siberia]. This allowed scientists from the Geographical and other departments to publish extensive scientific works in the conditions of an acute shortage of paper and congestion of Tomsk printing houses. At the end of October 1919, the manuscripts by B.P. Weinberg, V.D. Dudetskiy, S.I. Shubin and M.A. Velikanov were prepared for publication in *Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri*. The practical activities of the Department are analyzed. Here it is worth highlighting the organization of the time service at the Geodesic Laboratory of the Tomsk Technological Institute (TTI), the maintenance of the work of the geodynamic station in Tomsk, the organization of the seismic station at the TTI, the promotion of climatology, the collection of accumulated materials in this field and the provision of their publication, e.g., works by G.K. Tyumentsev and reports of the Yekaterinburg and Irkutsk meteorological observatories, etc. Great importance in the study of Siberia was given to the organization of scientific expeditions and missions in which the Geographical Department owned an indisputable leadership among all other departments. The most important expeditions were the comprehensive Ob-Tazovskaya expedition of the summer of 1919 and the complex Tazovskaya expedition of the summer of 1920, in which the Geographical Department took an active part. The scientific and pedagogical activities of the scientists of the Geographical Department, such as reading public and special lectures and reports, participation in the work of courses on the preparation of nature researchers, are also covered in this article. It is concluded that the activities of the Geographical Department marked a new stage in the study of geophysics, geodesy and hydrology in Siberia. This was manifested, on the one hand, in the broad cooperation of the Geographical Department with other scientific and public organizations. On the other hand, the Department readily

participated in the work of complex expeditions (the Ob-Tazovskaya in summer of 1919 and the Tazovskaya in summer of 1920), at the same time sending its employees to expeditions of other departments.

REFERENCES

1. Slutskiy, V.I. (2003) Institut issledovaniya Sibiri v Tomske (1919–1920 gg.) [Research Institute of Siberia in Tomsk (1919–1920)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. Supplement 3(IV). pp. 220–224.
2. Slutskiy, V.I. (2004) Kolchakovskaya akademiya nauk [Kolchak Academy of Sciences]. *Persona*. 1. pp. 50–54.
3. Slutskiy, V.I. (1998) *Istoriya meteorologii v Tomskom universitete* [The history of meteorology in Tomsk University]. Tomsk: Izd-vo Tom. TsNTI.
4. Fominykh, S.F. (ed.) (2008) *Zhurnaly zasedaniy Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Journals of meetings of the Research Institute of Siberia (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri. (1920) 1. *Trudy geograficheskogo otdela*. 1.
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-26 (*Institut issledovaniya Sibiri* [Research Institute of Siberia]). List 1.
7. Izvestiya Instituta issledovaniya Sibiri. (1920) 5. *Trudy geograficheskogo otdela*. 2.
8. Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.)* [Journals of meetings of the departments, the Central Siberian branch and the commissions of the Research Institute of Siberia (1919–1921)]. Tomsk: Tomsk State University.
9. *Krasnoe znamya*. (1923).
10. Raskolets, V.V. (2016) Expeditions of D. Kotelnikov and V. Sapozhnikov in the Ob Bay (1919). *Vestnik Tomskogo gos. universiteta – Tomsk State University Journal*. 408. pp. 117–124. (In Russian).
11. Sapozhnikov, V.V. & Nikitina, E.V. (1923) Nizhnyaya Ob" i Obskaya guba v 1919 g. [The Lower Ob and the Ob Bay in 1919]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 55. pp. 125–180.
12. *Znamya revolyutsii*. (1920).
13. Lappo, D.D. (1922) Raboty po izucheniyu nizhnego techeniya r. Obi i Obskoy guby za trekhletie 1919–1921 gg. [Work on the lower reaches of the river. Ob and the Ob Bay in 1919–1921]. *Geograficheskiy vestnik*. 1:2–3. pp. 38–40.
14. Nekrylov, S.A. et al. (2014) Otdely, Sredne-sibirskoe otdelenie i komissii Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.) [Departments, the Central Siberian branch and the commissions of the Research Institute of Siberia (1919–1921)]. In: Fominykh, S.F. (ed.) (2014) *Zhurnaly zasedaniy otdelov, Sredne-Sibirskogo otdeleniya i komissiy Instituta issledovaniya Sibiri (1919–1921 gg.)* [Journals of meetings of the departments, the Central Siberian branch and the commissions of the Research Institute of Siberia (1919–1921)]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 18 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 155–162. DOI: 10.17223/15617793/425/20

УДК 94(47).08(035.3)

В.А. Саблин

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БАЛАНС КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В 1917 – СЕРЕДИНЕ 1920-х гг.

Рассматриваются проблемы развития крестьянского двора на Европейском Севере России, вызванные аграрной революцией 1917–1921 гг.: анализируются использование рабочего времени, производительность труда, уровень благосостояния крестьянской семьи; выявлены закономерности эволюции двора в зависимости от площади посева, обеспеченности рабочими руками, средствами производства, структуры доходной части бюджета; показана динамика производственного процесса в хозяйствах разного типа.

Ключевые слова: аграрная революция; нэп; крестьянское хозяйство; доходность; эффективность производства; эволюция сельского хозяйства.

Аграрная революция 1917–1918 гг. привела к кардинальному изменению аграрного строя страны, который отныне базировался на мелком крестьянском дворе, в сельскохозяйственном производстве которого соединялись первичная добыча сырья, его начальная переработка, а зачастую и изготовление конечного продукта. При этом значительная часть продукции сельского хозяйства потреблялась непосредственно в самом хозяйстве.

Современная историография развития сельского хозяйства страны, как правило, не касается механизмов функционирования крестьянской парцеллы; анализ эффективности сельскохозяйственного производства в период революции и первых лет нэпа ограничивается валовыми показателями. Между тем исследование эволюции хозяйственной инфраструктуры крестьянского двора позволяет понять специфику восстановительных процессов в сельском хозяйстве страны и дать ответ на вопрос, насколько аграрная политика учитывала эти изменения.

Главная цель хозяйственных усилий крестьянской семьи состояла в получении возможно большего дохода и извлечении прибыли. Если крестьянин в конечном счете думал только о потреблении, подчеркивал Л. Н. Литошенко, то «его ближайшей и конкретной целью будет всегда получение максимального дохода, создание продукта, имеющего максимальную рыночную ценность» [1. С. 24]. В строго научном смысле доходность крестьянского производства понимается как чистый доход, получаемый путем вычитания из валового дохода (совокупности всех поступлений в крестьянское хозяйство) всех текущих материальных расходов (в натуральном и денежном выражении) по ведению хозяйства. Полученная разница формировала свободный фонд крестьянского хозяйства, шедший на оплату труда семьи и ее содержание, на накопление средств производства, сбережения и уплату налогов.

Следует оговориться, что при таком подходе к определению дохода двора не учитывают, например, расходы на амортизацию капитала и на оплату труда членов своей семьи, поэтому правильней говорить (по А.Н. Челинцеву) об условно-чистом доходе двора. В то же время для крестьянина условно-чистый доход являлся ничем иным, как реально существовавшим фондом материальных ценностей, находившихся в его руках. Иными словами, для крестьянина величина этого фонда была уже не условным, а действительным частно-хозяйственным эффектом его производственной деятельности, который он с полным основанием мог называть своим чистым доходом. В большинстве своем его основой служили сельское хозяйство, доходы от промыслов и отхода, от эксплуатации леса, охоты и рыболовства и, наконец, от разного рода случайных поступлений, вроде продажи инвентаря, займов и т.п.

Из сказанного становится понятным, что организационно-производственный анализ крестьянского хозяйства вызывает большие трудности, так как для определения условно-чистого дохода крестьянского двора требуются детальные сведения обо всех отраслях хозяйственной деятельности крестьянина, изменениях производительности, взаимоотношениях основных элементов хозяйства, получить которые с наибольшей полнотой исследователь может только опираясь на результаты бюджетных описаний, дополняя их в случае необходимости массовым статистическим материалом.

Сделав эти необходимые оговорки, перейдем к анализу организации и хозяйственного баланса крестьянского двора на Европейском Севере в 1917–начале 1920-х гг.

В очерченных хронологических границах, вне сомнения, особое место занимает период аграрного переворота 1917–1921 гг., отличавшийся значительным сокращением сельскохозяйственного производства, ухудшением демографических и социально-экономических параметров крестьянского двора, падением его доходности. Бюджетные обследования в тот период охватили весьма незначительное число дворов и представляют для анализа весьма ограниченный набор элементов крестьянского хозяйства. На Европейском Севере в разработку попали бюджеты 26 крестьянских хозяйств Северо-Двинской губернии, составленные осенью 1921 г. [2. С. 324–325].

Сначала рассмотрим размер чистой выручки от сельского хозяйства как наиболее важную статью чистого дохода крестьянского хозяйства. Она формировалась из условно-чистых доходов полеводства, животноводства, луговодства и огородничества. Общая сумма этих доходов составляла в хозяйстве 440,98 руб.

Обратившись к относительным показателям чистой доходности сельского хозяйства двора, выделим показатель доходности в расчете на единицу сельско-

хозяйственной площади и определим тем самым, как оплачивалось использование десятины пахотной и сенокосной земли. Производительность десятины сельскохозяйственной площади составляла 232,09 руб. (в том числе 42,61 руб. стоили продовольственные хлеба, 62,84 руб. – кормовые хлеба, 10,54 руб. – картофель, 9,5 руб. – масляные культуры, 11,96 руб. – усадебные продукты и др.) [2. С. 329] и по всем параметрам была необычайно высокой. Понятно, что сверхдоходность десятины земли вызывалась в условиях хозяйственной разрухи внешними по отношению ко двору факторами, в первую очередь необычайно высокими потребностями в хлебе и продуктах питания.

Оплата труда в сельском хозяйстве губернии составляла 146, 99 руб. в год.

На втором месте после сельского хозяйства в структуре чистой выручки двора находился доход от лесного хозяйства, на третьем – доход от промыслов. В совокупности они составляли лишь 74,42 руб. (14,44% условно чистого дохода). Весь чистый доход двора равнялся 515,40 руб. Единица рабочей силы оплачивалась в размере 171,80 руб. Душевой доход составлял 84,49 руб.

Повышенные показатели основных элементов крестьянского бюджета 1920/21 г. несложно объяснить экстремальной обстановкой военного времени, необычайной дороговизной жизни. Вряд ли они представляли типичный пример хозяйственного баланса крестьянского двора. Напротив, аграрная революция упразднила типологические различия крестьянского хозяйства, сделала его наиболее однородным за всю историю. Глобальная нивелировка социально-экономической структуры деревни, происходившая на основе натурального, по существу, присваивающего хозяйства приводила к своеобразной самоизоляции аграрной сферы [3. С. 148–167]. На всем обширном пространстве Европейского Севера утвердился организационный тип потребительского сельскохозяйственного двора.

Восстановление экономического баланса крестьянского двора и возврат к интегральным основам производства начались на Севере в 1922/23 г. и завершились к 1926/27 г. Стартовые условия этого процесса можно уяснить, обратившись к материалам крестьянских бюджетов 1922/23 г., захвативших всю территорию Европейского Севера и давших фундаментальное описание 193 крестьянских хозяйств [4. С. 90–91].

Общая сумма сельскохозяйственного дохода по расчету на одно хозяйство была значительно ниже показателей Северо-Двинской губернии 1920/21 г. и колебалась в весьма широких пределах: от 85,9 руб. в Коми-Зырянской АО (самый низкий доход не только на Европейском Севере, но и в целом по СССР [4. С. 54, 90–91]), до 268,0 руб. в Карелии.

Большим разнообразием отличалась география производительности 1 дес. сельскохозяйственной площади. Минимальный доход в 6,9 руб. имели крестьянские дворы в Карелии, максимальный – в 27,2 руб. – дворы Архангельской губернии. В хозяйствах остальных административных образований доходность 1 дес. колебалась в пределах 11,6–16,5 руб. Важно подчеркнуть, что при общей крайне низкой доходности, не превышающей 30 руб. с 1 дес. в регионе, крестьянские хозяйства Карелии и Северо-Двинской губернии составляли группу с минимальными доходами.

Обозначившиеся особенности в территориальном размещении доходности с единицы площади находят объяснение в пестроте урожайности хлебов в бюджетном году, неодинаковой репрезентативности хозяйств, попавших в разработку, последствиях неурожая, в той или иной степени имевшего место по всему Северу, результатах финской интервенции в Карелию в 1922 г. и др.

Подразумевая, что все эти факторы в той или иной степени наличествовали в бюджетном году, остается предположить, что разная доходность 1 дес. площади могла быть обусловлена разной производительностью земли, либо разной площадью землепользования, либо неодинаковым количеством труда, прилагаемого к земле. Учитывая, что рабочий и семейный состав исследованных дворов был примерно одинаков (с некоторым превышением средних показателей в Архангельской губернии и Карелии), равно как и доход от сельского хозяйства (за исключением Карелии, что, на наш взгляд, объясняется некорректной выборкой дворов для анализа), приходим к выводу, что главной причиной расхождения в подесятинном доходе являлась разница в производительности труда в отдельных районах Европейского Севера: при более низкой землеобеспеченности доходность оказывалась выше.

Так, в Карелии при минимальном доходе с 1 дес. в 6,9 руб. средняя сельскохозяйственная площадь на одно хозяйство составляла 38,8 дес., в Северо-Двинской губернии при доходе в 11,6 руб. – 10,9 дес., напротив, в Коми при доходе в 11,6 руб. сельскохозяйственная площадь на одно хозяйство равнялась 5,2 дес., в Архангельской губернии при доходе в 27,2 руб. – 4,5 дес.

Посмотрим, каковы были размеры сельского дохода по расчету на рабочую силу и как распределялся по территории уровень оплаты труда в сельском хозяйстве. Максимальную оплату труда (около 60 руб.) показывают бюджеты Карелии и Вологодской губернии, минимальную – Коми-Зырянской АО (25,3 руб.) Между этими пределами располагались хозяйства Архангельской и Северо-Двинской губерний, однако с меньшими колебаниями, чем при группировке по доходу на единицу площади.

На втором месте после сельского хозяйства в ряду источников дохода крестьянского двора стоял доход от промыслов. В Архангельской губернии он даже превышал сельскохозяйственный доход. Повышенной доходностью от промыслов отличались также крестьянские дворы Карелии и Коми-Зырянской АО. В остальных регионах его размер колебался в пределах 30–50 руб. В абсолютных значениях наименее низкий промысловый доход имели хозяйства двух земледельческих губерний – Северо-Двинской и Вологодской.

Такое распределение промысловых доходов свидетельствует об их разной экономической природе. Часть из них получалась за счет кустарного производства, другая представляла собой промысловые заработки в городской промышленности и чужом сельском хозяйстве. Небольшой, но существенный по сво-

ему социальному значению вес имела группа промысловых доходов от владения торгово-промышленными заведениями.

На третьем месте в чистом доходе крестьянской семьи (за исключением Карелии) стояли доходы от лесного хозяйства. Наибольший доход от леса (21,3% от условно-чистого дохода) получали крестьянские дворы Архангельской губернии.

Как бы ни были разнообразны причины, определявшие состав крестьянского дохода в разных районах Севера, в большинстве случаев одни доходы дополняли другие, и картина распределения общей производительности единицы труда получала более однородный характер, чем география отдельных источников дохода. Архангельская и Вологодская губернии имели повышенную оплату рабочей силы в пределах 85,0–86,3 руб., Коми-Зырянская АО и Северо-Двинская губерния – 49,2–57,6 руб.

Правда, доход по расчету на рабочую силу еще не давал правильного представления об уровне благосостояния крестьянской семьи. При равной оплате труда семья могла быть богаче или беднее в зависимости от числа нетрудоспособных едоков, кормящихся за счет работников. В любом случае обремененность работников едоками была не таким мощным фактором, чтобы кардинально изменить картину доходности дворов разных регионов. По распределению условно-чистого дохода на душу населения двора, как и в случае распределения дохода на единицу труда, выделялись Архангельская и Вологодская губернии (чуть более 50,0 руб. на душу). Коми-Зырянская АО и Северо-Двинская губерния отличались пониженной доходностью – несколько выше 30,0 руб. на душу.

Как видим, средние показатели при их общей однородности подчеркивали нищенскую сумму реального дохода крестьянства Европейского Севера, но все же скрывали разнообразие внутренних экономических условий и возможностей крестьянского хозяйства в 1922/23 г. Чтобы обнаружить это многообразие, необходимо дополнить анализ организационных форм социально-экономическими группировками статистического материала.

Перейдем к анализу доходности крестьянского двора, положив в основу группировочного признака один из натуральных элементов хозяйства – размер посевной площади. Следует оговориться, что в данном случае посевная группировка не заменяет группировку по доходу, а используется лишь как фактор распределения дворов по их размерам. По отношению к основной отрасли крестьянского хозяйства – сельскому хозяйству, посевная площадь является главным и до известной степени кумулятивным признаком. Ее размеры не совпадали с размерами землепользования, но при этом зависели и от площади земли, находившейся в пользовании двора, и от количества рабочего и продуктивного скота, и от размеров семьи, и от числа работников, и от наличия «мертвого» инвентаря. В силу этой технико-экономической зависимости посевная площадь значительно зависела от объема средств производства, которыми располагало хозяйство. В то же время, являясь в известном смысле уже не предпосылкой, а результатом хозяйственной деятельности, посевная площадь при известном урожае могла бы сблизиться с размерами валового дохода хозяйства и, следовательно, могла считаться основой группировки не только по объему средств производства, но и по величине дохода крестьянского хозяйства.

Распределив дворы по этому показателю (основываясь на материалах бюджетных обследований крестьянских хозяйств за 1922/23 г. и 1923/24 г.), можно попытаться дать ответы на вопросы о различиях этих дворов, натуральных характеристиках основных элементов хозяйства и их взаимоотношениях (земля, скот, рабочая сила), хозяйственных результатах производственной деятельности разного типа дворов и на этой основе судить об общей направленности их развития [5. С. 186–187].

В 1922/23 г. крестьянская семья в среднем по региону состояла из 5,55 душ при 3,20 работниках, засевала 2,14 дес. земли при площади землепользования в 14,52 дес. Стоимость всех средств производства оценивалась в 559,79 золотых руб. В 1923/24 г. произошли определенные подвижки в сторону увеличения основных элементов крестьянского двора. Состав семьи увеличился до 5,57 душ при 3,26 работниках. Площадь посева составляла 2,52 дес., а средний размер землепользования на двор равнялся 16,04 дес. Капиталы семьи увеличились до 613,41 руб. Некоторый рост основных элементов двора в течение двух бюджетных лет, вне сомнения, отражал успехи восстановительного периода.

Сопоставление показателей двух лет приводит к однозначному выводу о том, что размеры всех элементов производства увеличивались по мере роста посевной площади. Чем крупнее было хозяйство, тем более людная семья его вела, тем большим запасом рабочей силы, скота и земли оно располагало. Стоит подчеркнуть, что средняя площадь посева увеличилась от низшей посевной группы к высшей в 1922/23 г. примерно в 6,6 раза, в 1923/24 г. – в 7,6 раза. Ни один из факторов производства не изменялся так значительно. Например, площадь землепользования имела увеличение в 3,2–4,4 раза. Данное обстоятельство позволяет предположить, что, с одной стороны, разница в посевной площади, видимо, возмещалась другими угодьями, а с другой – что пахотная земля в разных посевных группах далеко не в одинаковых пропорциях использовалась под посевы.

Что касается средств производства, то их общая стоимость, включая постройки, «мертвый» инвентарь, скот и запасы, возрастала по посевным группам еще медленнее, чем земля, примерно в 1,9–2,6 раза. Наиболее важный в производственном отношении вид средств производства, скот, также изменялся в иных пропорциях, чем посевная площадь – примерно в 3,2–3,3 раза.

Рост крестьянской семьи и ее рабочего состава по мере возрастания посевных групп был наименее заметным. Размер семьи высшей группы превосходил низшую в 1922/23 г. в 2 раза, в 1923/24 г. – в 2,4 раза, количество работников – соответственно в 1,7 и 2,2 раза.

Вывод об увеличении основных элементов крестьянского хозяйства за два бюджетных года, на пер-

вый взгляд, не находил подтверждения в материалах бюджетов 1922/23 г. (67 бюджетов) и 1923/24 г. (281 бюджет), относившихся к Вологодской губернии [6. С. 350–352].

За два года в губернии несколько увеличился состав крестьянской семьи (с 5,2 до 5,3 душ при неизменном количестве работников). Все остальные характеристики двора значительно отличались от средних региональных показателей. Тем не менее в главном вологодские бюджеты достаточно показательны. Производственные параметры крестьянского хозяйства губернии возрастали по мере укрупнения хозяйств. Посевная площадь в крупносеющих дворах превышала показатели низшей посевной группы в 1922/23 г. в 7,2 раза, в 1923/24 г. – в 6,6 раза. Соотношение площади пашни и посева в 1923/24 г. выявляет тот факт, что в мелких дворах I посевной группы (до 2 дес. посева) она равнялась – 45,9%, в наиболее крупных – 59,7%, что не может не свидетельствовать о более рациональной системе полеводства этих дворов [Там же. С. 350–351].

Дополнительно отметим, что сам размер пашни при уравнительной системе землепользования был, естественно, выше в крупных дворах, но следует подчеркнуть, что в отношении к количеству всей удобной земли процент повышения от группы к группе был не столь заметен. Между тем площадь под выгоном и кустарником в хозяйствах высших групп достигала 46,9% всей удобной земли, что свидетельствовало о наличии значительного запасного фонда для увеличения культурных земель [Там же. С. 81].

Размер капиталов по мере роста посевных групп по всему региону значительно отставал от роста посевных площадей. В 1922/23 г. в высших группах хозяйств он превышал показатели низших групп всего лишь в 2,2 раза, в 1923/24 г. – в 3,3 раза. Объем средств, материализованных в скоте, возрастал в 3,0–2,9 раза. На соотношение капиталов в скоте влияло не только количество скота в хозяйстве, но и различия его стоимости в разных районах. Так, в Вологодской губернии стоимость 1 головы скота в переводе на крупный равнялась в Вологодском уезде 41,94 руб., в Грязовецком – 41,28 руб., в Каргопольском – 35,87 руб., в Кадниковском – 33,56 руб., в Тотемском – 32,27 руб., в Вельском – 27,37 руб. [Там же. С. 86].

Приведенные отклонения от строгого параллелизма изменений факторов производства свидетельствовали о том, что с ростом размеров хозяйства (по посевной площади) менялись организационные формы и возможности крестьянского хозяйства. Пропорции земли, рабочей силы и средств производства (капиталов) в хозяйствах разных посевных групп также отличались [5. С. 189–191].

В 1922/23 г. посевная площадь в расчете на одного работника увеличивалась от низших групп к высшим примерно в 3,9 раза, в расчете на 1 члена семьи – в 3,2 раза. В 1923/24 г. – соответственно в 3,5 и 3,3 раза. Несложно заметить, что темпы этого прироста, были гораздо ниже, чем в расчете на 1 хозяйство (в 6,6–7,6 раза). По всей видимости, это происходило потому, что рост посева в хозяйстве был связан с ростом, хотя и в меньшей степени, семьи и ее рабочих сил. Тем не менее можно проследить определенную зависимость между размерами семьи и посева, что дает основание для выводов о сохранении уравнительных тенденций в землеобеспечении крестьян на начальной стадии нэпа.

Соотношение едоков и работников в семье равнялось в 1922/23 г. 1,73 (на 1 работника приходилось 1,73 едока), в 1923/24 г. снизилось до 1,71. В любом случае можно подчеркнуть несколько неопределенную и слабо выраженную тенденцию к возрастанию числа едоков по отношению к работникам в хозяйствах более высоких посевных групп. Отсюда несложно прийти к выводу о том, что крестьянская семья увеличивала свои посевы и в абсолютных, и в относительных цифрах независимо от числа нетрудоспособных членов.

Сельскохозяйственная площадь и размер землепользования в большей степени были связаны с числом работников в семье и увеличивались по мере роста числа работников в довольно правильной и последовательной пропорции. Так в 1922/23 г. на 1 работника в малопосевной группе дворов (до 2,0 дес.) приходилось 2,68 дес. сельскохозяйственной площади, в высшей посевной группе – 6,58 дес., т.е. произошло увеличение в 2,5 раза, в 1923/24 г. – в 2,8 раза.

Ту же самую закономерность выявляют и показатели расхода рабочего времени на 1 дес. сельскохозяйственной площади. Понятно, что в высших по посеву группах размер землепользования и сельскохозяйственной площади в расчете на единицу рабочей силы был больше, но при этом в 1922/23 г. количество рабочих дней на 1 дес. сельскохозяйственной площади сокращалось со 109,11 дней в малопосевных дворах до 44,14 дней в крупнопосевных (сокращение в 2,5 раза). В 1923/24 г. при общем снижении числа рабочих дней на десятину посева в крайних группах дворов этот разрыв еще более увеличился, примерно в 2,7 раза.

Служило ли данное обстоятельство свидетельством возрастания обеспеченности землей высших посевных групп? Поскольку даже самые крупные дворы почти не пользовались наемной рабочей силой и скорее имели избыток своей собственной, сокращение рабочего времени на десятину площади в крупносеющих хозяйствах являлось подтверждением другой тенденции – уменьшения обремененности излишней рабочей силой в высших посевных группах, и наоборот, переобремененности рабочей силой низших и средних посевных групп.

Иная картина выявляется при рассмотрении роли средств производства в хозяйствах разного размера. Чем крупнее было хозяйство, тем большая сумма средств производства приходилась на единицу рабочей силы. В среднем по району на работника в 1922/23 г. приходилось 174,86 руб., в 1923/24 г. – 188,4 руб. капитала. В 1922/23 г. возрастание по мере укрупнения двора происходило относительно равномерно (с «прогибом» в средних посевных группах). Разница между полярными посевными группами была крайне велика и составляла 101,52 руб. На основе данных 67 бюджетов, относившихся к Вологодской губернии, можно говорить о линейности этого увеличения.

Здесь на единицу рабочей силы крестьянского хозяйства I посевной группы (до 2 дес.) приходилось 221,8 руб. капитала, II (от 2,1 до 4,0 дес.) – 244,5 руб., III (от 4,1 до 6,0 дес.) – 245,0 руб., IV (от 6,1 до 8,0 дес.) – 274,4 руб. [4. С. 106].

Правда, в 1923/24 г. отмеченная градация уже была абсолютно иной. Хозяйства I и IV групп дворов по уровню фондовооруженности труда сравнялись (163,48 и 163,94 руб.). Объем капиталов на 1 работника в хозяйстве V (свыше 8,1 дес.) посевной группы оказался наименьшим по региону (140,22 руб.). Следует оговориться, что в разработку вошло одно хозяйство данной посевной группы, возможно, недостаточно типичное по хозяйственным характеристикам. В лучшем положении находились дворы III посевной группы (262,16 руб. капиталов на 1 работника).

Соотношение между средствами производства, включая скот, и землей (в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади) уменьшалось от низших посевных групп к высшим в 1922/23 г. с 68,82 руб. до 43,39 руб., в 1923/24 г. – с 58,82 руб. до 17,73 руб. Причины такого явления надо искать во внутреннем строе крестьянского двора. По-видимому, при крайне незначительных размерах северного хозяйства минимальные затраты на средства производства, технически неизбежные во дворах любого типа (недробимый комплекс затрат из минимума хозяйственных и жилых построек, лошади или коровы, телеги или сохи), образовывали в совокупности довольно значительную сумму, способную без увеличения обслужить и большую, и меньшую посевную площадь.

В оба бюджетных года статистика зафиксировала в маломощных дворах по сравнению с остальными дворами наибольшую стоимость скота в расчете на единицу сельскохозяйственной площади (12,65 руб. в 1922/23 г. и 13,09 руб. в 1923/24 г.). В Вологодской губернии, например, во дворах с посевом до 2,0 дес. данная стоимость определялась в 69,5 руб., а в высшей группе – 41,7 руб. (больше чем в 1,7 раза) в 1923/24 г. – соответственно 20,63 и 14,49 руб. (больше чем в 1,4 раза) [Там же. С. 106; 6. С. 195].

Объяснение этому надо искать не в факторах интенсивности скотоводства, а, скорее, в их перегруженности рабочим скотом, который, как правило, использовался мелкими дворами преимущественно за пределами своего сельского хозяйства (на промыслах и извозе).

Проведя анализ статических элементов крестьянского двора на Европейском Севере, мы приходим к выводу, что в первый период нэпа укрупнение хозяйства сопровождалось увеличением земельной площади, обслуживаемой одним и тем же запасом рабочих сил и средств производства, приходившихся на одного работника.

От статики факторов производства перейдем к анализу динамики производственного процесса. Важнейшим условием хозяйственной деятельности двора являлось рациональное использование бюджета рабочего времени крестьянской семьи. Расход рабочего времени на свое сельское хозяйство составлял около трети годового запаса в среднем по региону, при этом величина расхода, в том числе и на полеводство, последовательно увеличивалась от низших посевных групп к более высоким. Напротив, затраты времени вне своего хозяйства имели обратную тенденцию. При этом чем крупнее было хозяйство, тем полнее использовалась рабочая сила в своем сельскохозяйственном производстве, и наоборот. В среднем каждый работник в крестьянском хозяйстве около 4 месяцев в году тратил на сельскохозяйственные занятия и около месяца – на занятия вне двора.

Зная о том, что в крестьянском хозяйстве далеко не полностью использовался годовой запас рабочего времени, а также не всегда в полной мере использовались рабочий скот и инвентарь, перейдем к рассмотрению тех его ресурсов, которые непосредственно участвовали в производственном процессе [5. С. 194–195].

Количество рабочей силы (трудоинтенсивность) по отношению к земле подчинялась определенной закономерности. По мере роста хозяйств затраты рабочей силы на десятину земли и посева значительно понижались. Наиболее заметно эта тенденция проявлялась в отношении посевов. В 1922/23 г. малопосевные дворы затрачивали на 1 дес. посева 197,12 дней, в то время как крупные дворы – 84,12 дней (меньше в 2,3 раза). В 1923/24 г. – меньше в 2,1 раза. Налицо явная экономия рабочей силы в крупных дворах.

Общие затраты рабочего времени на работу в своем сельском хозяйстве за два бюджетных года увеличились с 307,54 до 351,16 дней в году. Однако это увеличение не касалось мелкопосевных дворов, в них расходы рабочего времени, наоборот, сократились. По всей видимости, это следует связать с постепенной переориентацией данного типа дворов на иной вид деятельности, связанной с работой вне земледельческой сферы.

Материальные расходы в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади показывали менее закономерное движение по посевным группам, чем затраты рабочей силы. Более того, в 1922/23 г. в среднем по региону материальные затраты полярных групп были примерно одинаковы – около 16,0 руб. на 1 дес. площади. Наиболее низкие хозяйственные затраты (11,75 руб.) наблюдались во дворах с посевом от 2,1 до 4,0 дес. В 1923/24 г. материальные расходы на 1 дес. сельскохозяйственной площади сокращались по мере роста посевных групп со значительно большей последовательностью. Во дворах первой посевной группы расходовалось 16,15 руб., в то время как в пятой – лишь 8,62 руб. на 1 дес. сельскохозяйственной площади. В хозяйствах высшей посевной группы Вологодской губернии в 1923/24 г. материальные затраты составляли 22,47 руб. на 1 дес., низшей – 27,0 руб. В Северо-Двинской губернии разница в текущих хозяйственных расходах между полярными группами дворов составляла 2,42 руб. [7. С. 28; 6. С. 95] в пользу маломощных дворов. Причины этому явлению надо искать во внутреннем строе крестьянского производства. Относительно высокие материальные затраты в мелких дворах, на наш взгляд, имели первоосновой, с одной стороны, неполное использование максимально необходимых хозяйственных затрат, с другой стороны, стремление мелких хозяйств, испытывавших в большей степени земельное

утеснение вследствие недостатка пашни, увеличить свой сельскохозяйственный доход посредством увеличения хозяйственных затрат.

Что касается соотношения между текущими расходами и запасом рабочей силы, то сумма материальных затрат в расчете на рабочую силу имела правильную тенденцию к увеличению по мере укрупнения двора (с 42,43 до 107,54 руб. в 1922/23 г. и с 40,10 до 68,11 руб. в 1923/23 г.), составляя по региону в целом 47,90–46,26 руб. на единицу рабочей силы. Абсолютная сумма материальных текущих затрат возрастала быстрее, чем запас рабочей силы, и в крупном хозяйстве, таким образом, рабочая сила оказывалась лучше вооруженной не только основным, но и оборотным капиталом.

Сопоставим темпы роста затрат рабочего времени и материальных расходов в среднем на двор, исключив из подсчета по отмеченным выше обстоятельствам группу малосеющих дворов за два года. Так, затраты рабочего времени на хозяйство во второй посевной группе увеличились в 1,1 раза, а материальные расходы – в 1,04 раза, в третьей посевной группе соответственно в 1,2 и 0,9 раза, в четвертой – в 1,1 и 0,6 раза. Несложно убедиться, что во всех отмеченных посевных группах рост затрат рабочего времени на свое сельское хозяйство в течение двух бюджетных лет опережал по темпам материальные расходы семьи. Это дает основание говорить о высокой трудоемкости сельскохозяйственного производства (трудоинтенсивности и одновременной капиталоинтенсивности, по определению Д.И. Деларова) [8. С. 28–36].

Перейдем к анализу общих результатов сельскохозяйственного производства, каковыми в данном случае являлась сумма валовой продукции на 1 дес. сельскохозяйственной площади, включавшей, кроме сбора продуктов полеводства, еще и продукты животноводства, прирост и приплод скота, продукты луговодства, огородничества и пчеловодства. Вывод, который следует из рассмотрения показателей валовой продукции, сводится к тому, что по мере роста посевных групп продуктивность десятины земли повышалась. В 1922/23 г. продуктивность десятины сельскохозяйственной площади в хозяйствах низшей посевной группы составляла 30,52 руб. высшей – 35,23 руб., в среднем по региону – 26,56 руб.

В 1923/24 г. отмеченная закономерность, на первый взгляд, не проявлялась столь явно. Так, продуктивность десятины сельскохозяйственной площади в хозяйствах низшей посевной группы равнялась 28,90 руб. высшей – значительно меньше – 20,32 руб., составляя в среднем по региону 27,01 руб. Но кажущееся противоречие устраняется, если учесть размер материальных затрат этой посевной группы на 1 дес. сельскохозяйственной площади, составлявший в 1923/24 г. всего лишь 8,62 руб. Иными словами, производительность 1 дес. земли довольно точно следовала за изменениями материальных расходов на обработку. Чем больше крестьянин вкладывал оборотного капитала на 1 дес. площади, тем большую выручку она давала.

Что касается оплаты рабочей силы, то доля валовой продукции, приходившейся на единицу рабочей силы, поднималась в высших посевных группах по сравнению с низшими в 1922/23 г. примерно в 2,8 раза (231,94 против 81,66 руб.), в 1923/24 г. – в 2,2 раза (160,60 против 71,73 руб.). Если сопоставить размеры материальных затрат и валовой продукции, то мы получим довольно интересный срез организации крестьянского производства. Общий размер текущих материальных затрат (семена, корм скоту, содержание инвентаря и заработная плата) в среднем на хозяйство региона сократился за два года со 153,36 до 149,62 руб. за счет малопосевных дворов и крупных хозяйств. В относительных показателях их объем составлял в 1922/23 г. 50,5% от валового дохода сельского хозяйства двора, в 1923/24 г. – 53,2%.

В Вологодской губернии в первом бюджетном году доля материальных расходов равнялась в среднем 50,2%, понижаясь с 52,2% в мелких дворах до 46,6% в крупных, во втором году производство удорожалось и удельный вес материальных издержек равнялся 58,9% от валовой продукции (колебания от максимальных 63,6% в малопосевных дворах до минимальных 50,7% – в крупных) [4. С. 112–113; 6. С. 95]. Если рассматривать валовую продукцию крайних групп дворов за оба года, то мы увидим, что в 1922/23 году в губернии она соотносилась как 1,0 : 4,3, в то время, как соотношение хозяйственных расходов выглядело как 1,0 : 3,8. В Северо-Двинской губернии в 1923/24 г. (по генерализованным данным 79 бюджетов) в среднем по всем хозяйствам издержки сельскохозяйственного производства выражались в сумме 131,91 руб. в золотом исчислении. В хозяйствах, засевавших свыше 2,0 дес., затраты в расчете на 1 хозяйство были на 72,8% больше, чем в среднем хозяйстве низшей посевной группы (до 1 дес. посева). Валовая продукция этих дворов превышала показатель низшей группы на 85,3% [7. С. 27].

Это обстоятельство говорило о несколько большей результативности издержек сельскохозяйственного производства в хозяйствах, обеспеченных посевами, а следовательно, и о лучшей производительности земледельческого труда.

Материальные расходы в расчете на 1 дес. сельскохозяйственной площади составляли по региону в 1922/23 г. около 50,5% валовой продукции (52,0% в низшей посевной группе, 48,9% – в группе с посевом от 2,1 до 4,0 дес., 53,3% – в группе с посевом от 4,1 до 6,0 дес. и 46,4% в наивысшей посевной группе). Годом позже данный показатель по региону увеличился преимущественно за счет дворов низших посевных групп, составляя 53,2% (55,9% в первой посевной группе, 52,7% – в группе с посевом от 2,1 до 4,0 дес., 48,2% – в группе с посевом от 4,1 до 6,0 дес., 46,7% – в четвертой посевной группе и 42,4% – в наивысшей посевной группе). В расчете на единицу рабочей силы соотношение материальных затрат и валовой продукции за оба бюджетных года исчислялось примерно одинаково: 50–53%.

Таким образом, имевшая место значительная устойчивость доли материальных затрат к валовой сельскохозяйственной продукции (расхода и дохода) на 1 дес. сельскохозяйственной площади в разных типах дворов служит важным основанием для выводов о том, что в

1922/23 г. различная выгодность хозяйств разных размеров зависела не столько от разной степени искусства организации производства, сколько от объективных различий в обеспеченности и пропорциях факторов производства. Зная, что в направлении высших посевных групп происходило сокращение капиталов, в первую очередь капиталов, заключенных в скоте (по расчету на 1 дес. сельскохозяйственной площади), и учитывая выводы о большей результативности хозяйственных издержек в крупносеющих дворах, начиная с 1923/24 г., можно вести речь о некоторых организационных преимуществах крупных хозяйств по сравнению с мелкими. Между тем на протяжении всех 1920-х гг. именно среднее, мелкое и мельчайшее крестьянские хозяйства составляли основу аграрного производства на Европейском Севере, которого, как мы убедились, почти не коснулись факторы интенсификации. Хозяйства данных типов являлись, по терминологии 1920-х гг., трудоинтенсивными и капиталоинтенсивными.

Вполне естественно, что уже к середине 1920-х гг. выделились географические районы, к примеру Вологодский, Грязовецкий, Холмогорский и Пудожский уезды, в которых крестьянское хозяйство отличалось своей производительностью, лучшими организационными формами, рациональным использованием труда и капитала. Повсеместно наблюдался процесс разрушения потребительско-натурального типа хозяйства, базировавшегося на принципиально новых организационных основах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литошенко Л.Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923. 46 с.
2. Статистический ежегодник 1921 г. Вып. 1: С присоединением сведений за 1922 г. по внешней торговле // Труды ЦСУ. 1922. Т. VIII, вып. 3. 371 с.
3. Саблин В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921 (социальные и экономические результаты). Вологда, 2002. 344 с.
4. Литошенко Л.Н. Крестьянское хозяйство и его доходность по бюджетным данным // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 50–129.
5. Крестьянские бюджеты 1922/23 г. и 1923/24 г. 1. Северный район. 2. Уральский район // Труды ЦСУ. 1926. Т. XXXI, вып. 1. 196 с.
6. Статистический сборник по Вологодской губернии за 1917–1924 годы. Вологда, 1926. IX, 421 с.
7. Дербенев А.Г. Крестьянское хозяйство С.-Двинской губернии в 1924–25 году на основе изучения его бюджета. Великий Устюг, 1925. 46 с.
8. Токмачева Л. Проблемы крестьянского хозяйства в трудах Д.И. Деларова // Сборник научных трудов студентов и аспирантов ВГПИ. Вологда, 1993. С. 28–36.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2017 г.

THE ECONOMIC BALANCE OF A PEASANT HOUSEHOLD IN THE EUROPEAN NORTH IN 1917 – MID-1920S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 155–162.
DOI: 10.17223/15617793/425/20

Vasiliy A. Sablin, Vologda State University (Vologda, Russian Federation). E-mail: sablin@inbox.ru

Keywords: Agrarian revolution; NEP; peasant economy; profitability; production efficiency; the evolution of agriculture.

The aim of this article is to study the evolution of the industrial infrastructure of the parcel farming industry in the European North of Russia in the first half of the 1920s in order to understand the specifics of the rehabilitation processes in the region's agriculture and to answer the question of how the state's agrarian policy took into account the region's uniqueness. The analysis is based on the materials of the budget statistics of the peasant economy, as containing the most complete information on the topic. If necessary, the author supplemented his analysis with mass statistical material. The methodological dominant of the study was the epistemological positions of the Russian agrarian science of the late 19th and 20th centuries, in particular, the theory of the family organization of peasant farming, which were formulated within the organizational and production line of research. The author adheres to the foundations of the system approach and the principles of historicism, which presupposes a systematic structural analysis of the livelihoods of the peasant household as an integral entity with inherent internal connections and their interaction in the context of the general historical changes of 1917 and the first half of the 1920s. The global leveling of the socioeconomic structure of the village in 1917–1921 led to the establishment of the organizational type of the consumer agricultural household in the European North of Russia. The return to the integral foundations of production began in the North in 1922–23 and ended in 1926–27. In 1922–23, the average indicators, with their overall homogeneity, emphasized the poverty level of the real income of the peasantry, but nevertheless concealed the diversity of the domestic economic opportunities of the peasant economy. To detect this diversity, the analysis includes socio-economic groupings of statistical material, based on the size of the sowing of the household, since the crop area is to a certain extent a cumulative sign. The revealed stability of the share of material inputs to gross agricultural production (expenditure and income) by 1 desiatina of agricultural area in different types of households is an important reason for a conclusion that the profitability of farms of different sizes depended not so much on the different degrees of the art of production organization but on objective differences in the availability and proportions of factors of production. By the mid-1920s geographical regions, for example, Vologdsky, Gryazovetsky, Kholmogorsky and Pudozhsky counties, were distinguished in which the peasant economy was based on fundamentally new organizational bases and differed in its productivity, best organizational forms and rational use of labor and capital.

REFERENCES

1. Litoshenko, L.N. (1923) *Evolyutsiya i progress krest'yanskogo khozyaystva* [Evolution and progress of the peasant economy]. Moscow: Russkiy knizhnik.
2. Trudy TsSU. (1922) Statisticheskiy ezhegodnik 1921 g. Vyp. 1: S prisoedineniem svedeniy za 1922 g. po vneshney torgovle [Statistical Yearbook of 1921. Issue. 1: With the addition of information for 1922 on foreign trade]. *Trudy TsSU.* VIII:3.
3. Sablin, V.A. (2002) *Agrarnaya revolyutsiya na Evropeyskom Severe Rossii. 1917–1921* (sotsial'nye i ekonomicheskie rezul'taty) [Agrarian revolution in the European North of Russia. 1917–1921 (social and economic results)]. Vologda: Legiya.

4. Litoshenko, L.N. (1925) Krest'yanskoe khozyaystvo i ego dokhodnost' po byudzhetnym dannym [Peasant farm and its profitability by budgetary data]. In: Kritsman, L., Popov, P. & Yakovlev, Ya. (eds) *Sel'skoe khozyaystvo na putyakh vosstanovleniya* [Agriculture on the ways of restoration]. Moscow: [s.n.].
5. Trudy TsSU. (1926) Krest'yanskie byudzhety 1922/23 g. i 1923/24 g. 1. Severnyy rayon. 2. Ural'skiy rayon [Peasant budgets for 1922–23 and 1923–24. 1. The Northern region. 2. The Ural district]. *Trudy TsSU*. XXXI:1.
6. Vologda Province Statistical Bureau. (1926) *Statisticheskiy sbornik po Vologodskoy gubernii za 1917–1924 gody* [Statistical collection of Vologda Province for 1917–1924]. Vologda: tipo-lit. akts. o-va "Severnyy pechatnik".
7. Derbenev, A.G. (1925) *Krest'yanskoe khozyaystvo S.-Dvinskoy gubernii v 1924–25 godu na osnove izucheniya ego byudzheta* [The peasant economy of the North Dvina province in 1924–25 on the basis of studying its budget]. Velikiy Ustyug: [s.n.].
8. Tokmacheva, L. (1993) Problemy krest'yanskogo khozyaystva v trudakh D.I. Delarova [Problems of peasant economy in the works of D.I. Delarov]. In: Bezhnin, M.A. (ed.) *Sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov VGPI* [Collection of scientific works of students and postgraduates of Vologda State Pedagogical Institute]. Vologda: Vologda State Pedagogical Institute, Rus'.

Received: 12 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 163–171. DOI: 10.17223/15617793/425/21

УДК 930.2 / 94(47).072

Д.В. Тимофеев

КРЕПОСТНОЙ ВОПРОС В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В ЗЕРКАЛЕ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-31-00007.

Обосновывается необходимость разработки исследовательской модели изучения истории общественного сознании с применением методологических установок современной истории понятий. Сопоставлены различные контексты использования понятий «свобода», «рабство» и «собственность» на трех уровнях публичной и непубличной коммуникации. В результате сравнительно-контекстуального анализа выявлены основные сценарии освобождения крестьян и особенности осмысления крепостного вопроса в России первой четверти XIX в.

Ключевые слова: история понятий; крестьянский вопрос в России; свобода; рабство; собственность.

Сложившаяся в историографии парадигма изучения истории общественной мысли России первой четверти XIX в. на основе анализа произведений «великих» авторов, таких как, например, М.М. Сперанский, Н.Н. Новосильцов, Н.М. Карамзин, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель, подразумевает, что анализ такого рода текстов позволяет выявить наиболее важные тенденции в эволюции общественного сознания изучаемого периода, особенностей трактовки либеральных или консервативных идей. С подобной установкой вполне можно согласиться, если не ставить перед исследователем более масштабную задачу: реконструировать социально-политические настроения не только в кругах правительственной элиты, трактатах известных литераторов и наиболее активных представителей тайных обществ, но и в различных социальных средах. В данном контексте принципиально важным представляется не «приписывание» того или иного автора к либералам или консерваторам, а понимание, каким образом одни и те же социально-политические концепты трактовались представителями дворянства, купечества и даже крестьянства.

Реализация предложенного подхода возможна при «перенастройке» методологического инструментария изучения истории общественной мысли. Принципиально важной задачей должен стать не поиск идеологических соответствий европейским образцам, особенно в условиях, когда никакого *единого* либерализма или консерватизма в различных странах Европы не существовало [1. С. 37–53], а, подчеркивая пластичность и подвижность общественно-политических настроений, реконструкция представлений различных «состояний» российского общества о своем месте в системе социальных взаимосвязей, законе и верховной власти, свободе и ее границах, содержании и характере дифференциации гражданских прав.

Подобная смена исследовательской оптики означает, по сути, отказ от поиска цельных, концептуально завершенных и текстологически оформленных программ, теорий или трактатов, позволяющих констатировать степень зрелости политических идеологий в российских условиях. Такая задача является вторичной и может оказаться востребованной уже на уровне макроисторических обобщений и проведения компаративистских исследований истории различных стран. В рамках же конкретно-исторических работ, исследовательское поле которых ограничено относительно небольшим хронологическим периодом, рабочим инструментом историка, стремящегося реконструировать весь спектр социально-политических и экономических представлений, должен стать анализ особенностей понятийно-категориальной системы в сознании людей изучаемого времени[1]. С этих позиций история общественного сознания тесно сопряжена с историей социально-политических понятий в широком социальном контексте, процессами внутри- и межгрупповых коммуникаций, в ходе которых происходила личная самоидентификация индивида. Именно поэтому важно выявить, в каких терминах и понятиях осуществлялось осмысление социального пространства, каким образом формулировались обращения к властным структурам различного уровня и какие дополнительные значения основных социально-политических понятий возникали в процессе повседневных коммуникативных практик. Методологическим основанием предложенного подхода могут стать наработки двух различных по методике анализа текстов, но в равной степени признающих значительную эвристическую ценность исследований языка исторического источника направлений в современной «истории понятий» – немецкой «Begriffsgeschichte» [4. С. 33–53; 5. С. 21–33; 6. С. 23–44] и англосаксонской (Кембриджской) школы «History of Concepts» [7. С. 55–66; 8. P. 6–23].

Решение обозначенных исследовательских задач обусловливает необходимость существенного расширения круга исторических источников посредством включения в поле зрения историка текстов, созданных с различной целевой установкой и степенью публичности: от материалов периодической печати, предлагаемых широкому кругу читателей, до проектов и прошений, адресованных конкретным должностным лицам. В перспективе такое *жанровое многообразие источниковой базы* исследования позволит более точно определить, что подразумевали представители различных социальных страт, используя одни и те же социально-политические понятия, насколько различались их понимание теоретических концептов и обоснование практических действий. Очевидно, что полученная таким образом «мозаика значений» может оказаться весьма пестрой и противоречивой, так как одно и то же понятие могло использоваться в различных

дискурсах и приобретать дополнительные смысловые акценты. Именно поэтому, наряду с принципом жанрового многообразия источников, необходима реализация *принципа сфокусированного изучения системы социально-политических понятий в рамках содержательно определенных проблемно-тематических полей*.

Применительно к истории общественного сознания России первой половины XIX в. одной из наиболее обсуждаемых проблем был поиск вариантов решения крепостного вопроса. Дискурсивные практики по данному вопросу отражены не только в проектах и записках, но и в журнальных публикациях, прошениях и жалобах от «людей, ищущих свободы», подаваемых во властные структуры различного уровня. Такой сложносоставной характер осмысления проблемы, фиксируемый в текстах с различной степенью публичности, позволяет провести сравнительно-контекстуальный анализ использования ключевых социально-политических понятий. В рамках крестьянского вопроса такими понятиями были «свобода», «рабство» и «собственность».

Российские журналы о невольниках, рабстве и свободе

Проведенный анализ содержания публикаций в журналах «Сын Отечества, «Вестник Европы», «Архив исторический и политический», в которых прямо или косвенно актуализировался вопрос о личной зависимости человека, позволил выявить *два основных сюжета*: описание состояния «рабства» в других странах и размышление о природе взаимоотношений помещиков и крестьян в России.

Яркой иллюстрацией *первой сюжетной линии* являются информационные заметки и записки путешественников о положении «невольников» в странах Африки, Северной и Южной Америки [9. С. 121–130; 12. С. 151–172], а также статьи об историческом опыте отмены «рабства» в странах Европы. Как правило, все подобные публикации содержали и негативные оценочные суждения о бесчеловечности «рабства» как не соответствующего нормам христианской морали социально-экономического явления, и признание того, что «свобода» для любого человека, вне зависимости от его происхождения, является наивысшей ценностью. Так, например, в декабрьском номере «Вестника Европы» за 1805 г. была напечатана статья «Геройская решительность негра» [11. С. 241–246]. В ней со слов английского поручика Тюкея автор изложил случай, произошедший в мае 1803 г. в Бразилии. Главный герой рассказа – негр Ганно, который несколько лет копил деньги на выкуп из «рабства» жены и двух детей на свободу, но был обманут своим хозяином. Потеряв и деньги, и возможность освобождения, он сам убил жену и детей, аргументируя это тем, что лучше им умереть, чем оставаться рабами. Описание произошедшей трагедии завершалось сообщением о судьбе несчастного раба: за совершенное преступление он был предан суду, но «португальцы чувствительно были тронуты» его поступком, и вскоре «…невольник получил свободу», а бывший хозяин подвергнут денежному штрафу за нарушение закона, в соответствии с которым «всякой владелец законом обязывается давать свободу своему невольнику, как скоро сей последний в состоянии заплатить за себя известную денежную сумму» [13. С. 241, 246]. В такой трактовке принятое решение в отношении индивида, совершившего преступление, руководствуясь естественным стремлением к «свободе», оценивалось как действие по восстановлению справедливости.

Во всех подобных публикациях главной причиной, сдерживающей искоренение «рабства», объявлялась «корысть» торговцев живым товаром и его владельцев. Особенно отчетливо это подчеркивалось в материалах о положении невольников в английских колониях, где с молчаливого согласия властей продолжалась торговля людьми «единственно ради коммерческих своих выгод» [9. С. 121–122; 8. С. 155]. Для российского читателя подобного рода публикации, которые чаще всего были перепечатками материалов из европейских журналов, содержали не только описание несправедливого устройства общества, но и служили еще и своеобразной иллюстрацией того, какие существовали сценарии освобождения от «рабства».

В общем виде анализ публикаций о «рабстве» в других странах позволил выявить *два взаимосвязанных сценария освобождения*. Первый – *освобождение рабов за денежный выкуп* – преподносился как наиболее реалистичный, особенно в тех странах, куда постепенно проникало «просвещение» и где происходило «смягчение нравов». Интересный пример реализации такого варианта решения проблемы «рабства» российские читатели могли найти на страницах журнала «Вестник Европы». В статье «О нынешнем состоянии негров, находящихся в колониях американских» был опубликован отрывок из произведения Г. Боринтброка «Путешествие по берегам реки Демерары в Голандской Гвиане», в котором подчеркивалось, что по мере «просвещения» поселенцев в американских колониях «…более непочитают негров животными среднего рода между человеком и обезьяною» [12. С. 305]. Логическим следствием изменений в сознании землевладельцев стало существенное улучшение условий жизни невольников. Так, например, читателю сообщалось: «…в колониях Гвианы нередко случается видеть негров, которые хозяйством своим наживают сумму, достаточную для выкупа себя из неволи» [Там же. С. 307], а освобождение могло происходить не только после выплаты полной суммы рабовладельцу «до получения свободы», но и частично, в рассрочку, с расчетом на то, что свободный работник сможет быстрее заработать недостающую часть выкупной суммы.

Второй сценарий также не исключал процедуры выкупа личной свободы, но был ориентирован не столько на добрую волю хозяина, сколько на *действия государства по юридической регламентации* прав и обязанностей подневольных работников. Именно такой, юридический вариант решения проблемы «рабства» преподносился в качестве общей тенденции в странах Европы и США. Так, например, читателю сообщалось о помощи правительства Американскому обществу для учреждения колоний, которое изъявило готовность выкупить в Африке пустую-

щие земли для переселения туда освобожденных рабов [13. С. 479–480, 486]. В перспективе взаимодействие «просвещенных» граждан и правительства должно было привести к полной ликвидации «ненавистного торга неграми» и «тягостного рабства». Подобные оптимистичные ожидания высказаны и в статье П. Свинина «Взгляд на республику Соединенных Американских областей». По данным автора, «негров по последней ревизии считалось… 186 000 свободных и 1 185 823 находящихся в рабстве», но «…есть надежда, что в скором времени все будут освобождены, ибо уже шесть северных штатов уничтожили рабство и всем неграм своим дали свободу» [14. С. 268–269].

Указанная тенденция к постепенному искоренению «рабства» преподносилась не просто как процесс, локализованный в рамках одного государства, а как общемировая тенденция. На этом фоне показательна публикация в журнале «Вестник Европы» отрывка из «Курса политической экономии» А.К. Шторха под заголовком «Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ея колониях» [15. С. 138–147][2]. Аргументируя тезис о движении человечества к «господству человеколюбия и справедливости» за предшествующие 50 лет, автор представил читателю краткий обзор процесса освобождения крестьян в Дании, Австрии, Венгрии, Пруссии, Германии[3], Швеции, Великом Княжестве Варшавском; «Соединенных Северо-Американских областях»; колониях датских, английских и французских; землях «Испанской Америки» (Мексика). Внимательное прочтение такого рода публикаций позволяло найти ответ на три принципиально важных вопроса: кто может быть инициатором освобождения, каким образом этот процесс был закреплен в нормативно-правовых документах и как был решен вопрос о наделении крестьян землей.

Во всех приведенных автором примерах подчеркивалось, что «упадок рабства» произошел при непосредственном участии монарха или парламента / конгресса. Особенно отчетливо добрая воля монарха была представлена в описании Дании, где, по словам автора, «королева София Магдалина в 1761 г. показала достохвальный пример земским владельцам, даровав свободу крестьянам в своих имениях и отдавши каждому из них в собственность ту землю, которая была ими обрабатываема», а несколько позднее «король сделал то же самое в Голштинских своих владениях…»: он разделил землю на малые участки и продал их «крестьянам и другим людям» [Там же. С. 138–139]. При этом автор, позитивно оценивая произошедшие в стране перемены, сообщал, что «многие владельцы последовали примерам Короля и Королевы: одни уничтожили неволю, и земли свои начали отдавать в аренду; другие сделали условия с крестьянами своими, определивши денежные взносы или же отправление работы, соответственно законам справедливости» [Там же. С. 139]. Дальнейшему распространению подобной практики «на все провинции королевства» способствовало законодательное закрепление «взаимных прав и обязанностей владельцев и подданных», а также королевский указ 1792 г., предоставлявший «…значительные выгоды владельцам, которые согласятся делить земли свои на участки и продавать крестьянам» [15. С. 139]. В такой трактовке инициатива верховной власти способствовала добровольному и взаимовыгодному разрешению вопроса о личной свободе работников.

Аналогичный алгоритм освобождения по инициативе верховной власти был представлен на примере Австрии, где «Иосиф II в 1781 г. уничтожил рабство во всех немецких провинциях империи», вследствие чего «крестьянин сделался арендатором и может приобретать землю в собственность» [Там же. С. 140]. Твердое намерение даровать личную свободу продемонстрировали, по мнению автора, власти Пруссии, где «рабство и крепостное состояние в целом государстве навсегда уничтожены указом королевским 9 октября 1807 года», а также в Германии в период между 1770 и 1790 гг., когда, следуя «примеру маркграфа Баденского, Князья Империи изгладили следы рабства в своих владениях» [Там же. С. 141]. При этом, как и в случае с Данией, воля верховной власти порождала цепную реакцию и приводила к возникновению юридических документов, регламентировавших взаимоотношения крестьянина и землевладельца. Реализация подобной модели была представлена на примере Венгрии, где в 1791 г. по инициативе Марии Терезии местный сейм утвердил особый «Статут» (Urbarium), с введением которого «…крестьянин, прежде бывший рабом, сделался свободным» и получил право перехода от одного землевладельца к другому [Там же. С. 140].

Таким образом, посредством журнальных публикаций происходила актуализация понятия «рабство», которое использовалось при описании общественного разделения не только в древней Греции и Риме, но и в современных странах мира. На примере относительно недавнего прошлого ряда европейских государств российскому читателю убедительно демонстрировалось, что наиболее распространенным и эффективным вариантом искоренения «рабства» в современном мире является сценарий освобождения за выкуп по инициативе верховной власти.

Наряду с публикациями о «рабстве» в зарубежных странах еще одним сюжетом, отражающим дискурсивные практики использования понятий «свобода» и «рабство», были рассуждения *о сопоставимости положения крепостных крестьян в России с «рабством».* Как правило, подобная формулировка не становилась темой для отдельной статьи, а была лишь одним из сюжетов в рамках размышлений авторов о «духе времени», «благонамеренных устремлениях» верховной власти или «успехах просвещения» в России. Проведенный анализ статей, авторы которых прямо или косвенно задавали вопрос о том, каким образом можно описать положение крепостных крестьян и дворовых людей в России, позволил выявить два аспекта подобных рассуждений.

Во-первых, утверждалось, что характерная для многих стран тенденция к искоренению «рабства» прослеживается и в России. В подтверждение данного тезиса, как правило, приводились цитаты из наказа Уложенной комиссии Екатерины II, указов императора Александра I от 12 декабря 1801 г. и 20 февраля

1803 г. Не менее показательным примером «благонамеренности» верховной власти по крестьянскому вопросу были многочисленные упоминания об окончательном «уничтожении рабства» на отдельных территориях Российской империи – в Лифляндии (указ 20 февраля 1804 г.) и Эстляндии (указ 23 мая 1816 г.) [13. С. 144]. В такой формулировке положение крестьян в Лифляндской и Эстлядской губерниях, пусть и косвенно, но было признано «рабством», которое все-таки было, но отменено по повелению монарха.

Во-вторых, широко распространенный образ классического античного рабства позволял современникам «просвещенного века» размышлять о типологических отличиях «рабства» и положения российского крестьянина. С этих позиций понятие «рабство» считалось неприемлемым для описания состояния крепостных в России. Так, например, один из авторов, скрывший свое имя за инициалами «Р.О.», опровергал утверждения зарубежных писателей о существовании «рабства» крестьян в России, иронично заявляя, что они «…удивились бы, если бы могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых рабов, входящих в самыя торговыя предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства!» [16. С. 321]. По мнению автора, в России сложился своеобразный баланс интересов помещика и крестьянина: «Российский дворянин дает нужную землю крестьянам своим, бывает их защитником в гражданских отношениях, помощником в бедствиях случая и натуры: вот его обязанности! За то он требует от них половины рабочих дней в неделе: вот его право!» [Там же. С. 322]. Нетождественность «рабства» и крепостного состояния в России проявлялась в «ограничении господской власти», которая, по словам автора, «…по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная» [Там же. С. 322].

В некоторых случаях подобная идеалистическая картина взаимоотношений крестьян и помещиков преподносилась как закономерное продолжение патерналистского по своей природе монархического правления, а «право помещиков, власть вверенная… законом» назывались «…неоцененным орудием для распространения добра» [17. С. 283]. При этом, признавая единичные случаи злоупотребления дворянами правом управления крестьянами, подчеркивалось, что «…примеры дурных помещиков столь же мало должны почитаться возражением на сию истину, как и примеры дурных судей возражением на необходимость суда» [18. С. 286]. Более того, именно отсутствие отеческого попечения со стороны помещика при переводе крестьянина в состояние наемного работника, по мнению российских авторов, может привести его в «рабское» положение. Чаще всего в качестве примера, иллюстрировавшего реалистичность социального бесправия работников, приводилась Англия. В.Н. Каразин, ссылаясь на работы английских писателей, напоминал, что наемные работники, «…сии свободными кажущиеся люди, суть на самом деле не что иное как рабы, с тою только разностию, что переменные их властители не имеют никаких причин заботиться о их благосостоянии» [17. С. 284]. Подобные примеры должны были убедить российского читателя в том, что формально-юридическая «свобода» на практике могла сочетаться с бедностью и жесткой экономической эксплуатацией работников и, по сути, была сопоставима с «рабством».

Таким образом, в российской периодической печати понятия «рабство», «свобода», «закон» и «собственность» оказывались категориями универсальными и взаимосвязанными. Все они использовались при описании как отсталых африканских колоний, так и развитых европейских государств. Предполагалось, что «рабство» как безусловно негативное и противоречащее нормам христианской морали явление по мере «просвещения» народов неизбежно исчезнет во всех странах мира, но этот процесс требует активного участия верховной власти: она должна законодательно регламентировать порядок предоставления «свободы», решить вопрос о «собственности» на землю и определить объем предоставляемых различным категориям подданных прав и обязанностей. На территории одного небольшого государства такой сценарий может быть реализован достаточно быстро, однако, как писал один современников, для «конечного истребления рабства не только в Европе, но и во всех частях света, куда только достигнут… законодательство и образованность», необходимо примерно 100–150 лет [15. С. 144].

Свобода, рабство и собственность в проектах и прошениях

Содержательно в многочисленных проектах улучшения положения крестьян в России воспроизводилась уже знакомая по журнальным публикациям логика рассуждений: «рабство» – явление историческое, существовавшее длительное время в различных странах мира, но закономерно исчезающее в связи с распространением «просвещения». В записке М.М. Балугьянского и А.Я. Дружинина «О законах, относящихся до земледельцов или крестьян» (1818) исторический обзор стран Европы завершался выводом: «Состояние земледельцов во всех европейских областях с отдаленной древности до наших времен представляет повсюду сначала невольников или рабов, потом укрепленных к земле Серфовъ подвластных тем помещикам, от которых получали они возделываемые ими участки. Сие единообразие есть следствие поземельной собственности» [19. Л. 67]. В такой трактовке основной причиной «рабства» в различных странах были уже не абстрактные ссылки на жестокость нравов людей в предшествующие столетия, а указание на утилитарную, экономическую основу прикрепления крестьян к земле по мере формирования института земельной «собственности». Закономерным итогом этого процесса объявлялось юридическое оформление дифференциации подданных на тех, кто обладал правом собственности на землю, и тех, кто вынужден был лишь обрабатывать ее, не имея возможности свободного и безусловного перехода на другие территории.

Именно наличие «собственности», возможность самостоятельно принимать решения и действовать

независимо от воли других людей рассматривались как главные отличительные признаки свободного гражданина. О.П. Козодавлев в записке «Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из под рабства…» (1818), отвечая на вопрос «что есть гражданская свобода?», подчеркивал неразрывную взаимосвязь «свободы» с правовыми гарантиями личной безопасности и неприкосновенности частной «собственности», а сущность «рабства» определял следующим образом: «Рабство есть то положение человека, в котором законы гражданские лишают его права личного, права собственности, отъемлют у него волю и как его, так и имущество отдают в полную власть другого человека» [20. С. 146–147]. Сложность решения проблемы рабства крестьян в России, по его мнению, заключается в двойственности исторически сложившегося положения. С одной стороны, он считал не требующим дополнительной аргументации утверждение, «что рабство есть постыдное человечеству установление, что оно основано не на праве, но на злоупотреблении власти, на насилии…» и «…противно справедливости и коренным общежития законам». Но, с другой стороны, признавал: «рабство, яко установление уже довольно давно в России существующее и обычаем, и временем укоренившееся», обусловило определенные «…обязанности и права, утверждающие собственность некоторых членов общества» [Там же. С. 148]. Таким образом, по мысли автора, изначально внеправовое в России явление постепенно оказалось тесно взаимосвязанным с имущественными правами землевладельцев, а неизбежное в ближайшей исторической перспективе уничтожение «рабства» – невозможным без нарушения прав «собственности».

Обозначенная взаимосвязь «рабства», «свободы» и «собственности» во многом обусловила направление поиска вариантов решения крестьянского вопроса в России первой четверти XIX в. Признание зависимости доходности помещичьих имений от количества крепостных крестьян и одновременно понимание неплатежеспособности большинства крепостных актуализировали формирование двух основных подходов к решению крепостного вопроса. Во-первых, наиболее безболезненным как для крестьян, так и для помещиков способом личного освобождения рассматривался вариант с переводом крестьян в «срочные или бессрочные содержатели земель» с заключением письменного договора, в котором было бы зафиксировано право наследственного пользования и свободного перехода крестьян на другие территории» [20. Л. 74–108; 21. Л. 19–38]. Во-вторых, не менее реалистичным вариантом, при котором возможно было сохранение права собственности помещиков и постепенное уничтожение «рабства» в России, рассматривалась перспектива юридического расширения круга лиц, обладавших правом собственности на населенные крестьянами земли [23. С. 215–221]. В большинстве случаев авторы такого рода проектов предполагали, что новые собственники недворянского происхождения, приобретая населенные земли, не смогут распоряжаться крестьянами вне рамок трудовых обязательств, зафиксированных в срочных или бессрочных договорах [19; 20. Л. 74–108; 24. Л. 6–21]. Предлагаемое наделение «правом собственности на населенные земли» представителей всех свободных состояний в перспективе должно было уменьшить количество злоупотреблений властью, а следовательно, способствовать постепенному искоренению «рабства» в России. Убедительным аргументом, подтверждавшим справедливость подобной логики, были, например, прошения купечества о разрешении им приобретать земельные участки с крестьянами [24. Л. 4]. Однако одновременно такой оптимистичный взгляд на возможность постепенного искоренения рабства посредством установления договорных отношений нередко опровергался ссылками на многочисленные случаи злоупотреблений властью недворянами, владевшими крестьянами по так называемым «верющим письмам» [24. Л. 53].

Рассмотренные выше примеры использования понятий «свобода», «рабство» и «собственность» во многом отражают смысловые акценты в текстах, адресованных неопределенному кругу лиц (в случае периодической печати) или немногочисленной по составу группе, олицетворявшей властные институты различного уровня. При этом авторы текстов были либо внешними наблюдателями, для которых крепостной вопрос являлся во многом теоретическим конструктом, интересным предметом для размышлений на морально-этические или экономические темы, либо помещиками, признававшими или отрицавшими существование «рабства крестьян» в России. Позиция же самих крестьян никогда не выносилась на публичное обсуждение и может быть реконструирована лишь частично посредством изучения крестьянских жалоб и прошений.

В отличие от журнальных публикаций и дворянских проектов, крестьянские прошения, как написанные собственноручно крестьянами, так и составленные по их инициативе различными «доверителями»[4], не содержали теоретических рассуждений о причинах возникновения крепостного права и аморальности «рабства». Субъективное осознание значимости прошений[5], отсутствие практического опыта обращения к властным структурам и, как правило, небольшой объем документа предопределяли повышенное внимание не только к содержательной стороне текста, но и к тому, как он был написан, какие понятия и выражения могли усилить эмоциональное восприятие текста, вызвать у чиновника чувство сострадания и желание оказать необходимую помощь. С этих позиций использование понятия «рабство», которое имело однозначно отрицательную коннотацию, являлось практическим действием, направленным на повышение вероятности получения искомого результата при решении конкретного дела. В этой связи принципиально важно выявить, в каких случаях крестьяне употребляли понятие «рабство» и какие особые обстоятельства, по их мнению, могли служить основанием для получения «вольности» / «свободы».

Проведенный сравнительно-контекстуальный анализ нескольких десятков прошений показал, что понятие «рабство» использовалось при описании чрезмерной жестокости помещика, а также в случаях, если крестьянину становились известны обстоятельства,

позволявшие надеяться на получение личной свободы. Одним из таких обстоятельств могло быть, например, многолетнее пребывание во владении у лиц недворянского происхождения под предлогом перевода крепостного по «верющим письмам» в «услужение», «учение» или «на воспитание». Отданные «в услужение» или «учение» крестьяне могли находиться у разночинцев, купцов и даже предприимчивых крестьян несколько десятилетий подряд, полностью утрачивая какую бы то ни было связь с законным владельцем. В этих условиях поводом к составлению прошения «об отыскании свободы от рабства» мог стать принудительный перевод крестьянина к новому владельцу. Не имея достоверной информации о перепродаже или продлении срока действия «верющего письма», крепостные сравнивали необоснованную, по их мнению, смену хозяина с «рабством». Показательным примером является прошение крестьянина Гаврила Шебалина от 7 февраля 1816 г., в котором он утверждал, что «…от рождения состоял во владении полковницы Мильгуновой, а от нее продажею, или по закладной, находился у Пензенского купца Федорова Попова в рабстве 15 лет, и оным продан княгини Шаховской крестьянину Павлу Пастухову… у коего находился с семейством лет восемь…» [27. Л. 5]. Все описанное, с позиции крестьянина, свидетельствовало о пребывании его в «рабстве», а следовательно, давало ему право подать прошение об «отыскании свободы от рабства».

Еще одним основанием для составления прошений были различные заявления о некрестьянском происхождении просителей, которые оказывались во власти помещика в результате брака одного из родителей «свободного состояния» с крепостным человеком. В прошениях авторы подробно излагали историю семьи и обязательно, подчеркивая незаконность удержания помещиком «свободного» человека, упоминали о несправедливых наказаниях помещика «…не за буйство, а чтоб не именовал себя вольным…, просил от рабства дать свободу» [28. Л. 8].

Не менее информативны для реконструкции представлений крестьян о сущности «рабства» жалобы на незаконное наследование имения после смерти предыдущего помещика. В качестве аргументов, позволявших сомневаться в обоснованности прав нового владельца, сообщалось, например, о выплате крестьянами долговых обязательств умершего помещика. Именно такое обоснование права на предоставление «от рабства свободы» изложено во всеподданнейшем прошении крестьянина Костромской губернии Трофима Васильева. Он утверждал, что после смерти предыдущего помещика имение перешло по наследству новому хозяину, который, желая расплатиться с долгами, «…заложил всех вообще крестьян в государственный заемный банк», но через 6 лет умер. Ближайшие родственники дворянина отказались выплачивать залоговую сумму в 10 тыс. руб., что стало причиной «взятия имения в опеку». В сложившихся обстоятельствах «…решились крестьяне все вообще… долги сполна заплатить сами» и на этом основании считали себя «от опеки банка свободными» [29. Л. 1 об.]. Однако, несмотря на это, по постановлению Костромского уездного суда 6 марта 1814 г. имение перешло в управление подпоручицы А. Захаровой. По словам крестьянина, новая помещица, не имея «на право владения доказательств», не только существенно увеличила размер оброка, но и подговорила своего зятя, который по ее поручению «…делал великия безобразия и насилия, бил жену мою немилосердно, вынудил четырнадцать рублей, и еще увел со двора моего собственного принадлежащую мне лошадь со всею упряжкою…» [29. Л. 2].

В такой трактовке явным проявлением «рабства» для крестьянина было физическое насилие и лишение его личного имущества, а право на «свободу» возникало как результат финансовой сделки с государством, которая стала возможна вследствие отказа законных наследников от выплаты долгов. При этом понятие «собственность» в крестьянских прошениях не являлось центральным и использовалось крайне редко при упоминании о личном движимом имуществе.

Комплексный анализ различных по своему целевому назначению и степени публичности текстов позволяет сделать ряд предварительных выводов о характере и особенностях расстановки смысловых акцентов использования понятий «свобода», «рабство» и «собственность» на трех уровнях коммуникативных практик.

На уровне публичной коммуникации – в текстах журнальных публикаций – «рабство» преподносилось как исторически сложившийся, но, безусловно, неприемлемый в современном мире тип взаимоотношений. Основной акцент делался на эмоционально-оценочных суждениях о моральном неприятии «рабства» и его несоответствии природному стремлению человека к «свободе». Одновременно с этим артикулировалась компенсаторная модель предоставления личной «свободы», предписывающая обязательность выкупной операции в масштабах всей страны, инициатором проведения которой может и должна быть верховная власть. В публичных текстах использование понятия «рабство» было своеобразным маркером, обозначающим позицию автора по данному вопросу: одни употребляли его в однозначно негативном контексте, утверждая неприменимость данного понятия к российской действительности, другие признавали «рабство» крестьян и призывали к его скорейшему искоренению. И если позиция первых сводилась к воспроизводству аргументов о патерналистском характере взаимоотношений между помещиком и находившимися на его земле крестьянами, то сторонники признания «рабства крестьян» чаще всего акцентировали внимание на его несовместимости с нормами христианской морали, необходимости жесткой юридической регламентации объема прав и обязанностей как крестьян, так и собственников земли.

На втором, проектном уровне при частичном сохранении риторических приемов о безнравственности «рабства» основной акцент делался на необходимости понимания экономических и политических причин его формирования в различных странах мира. С этих позиций центральным понятием, тесно взаимосвязанным с концептом «рабство», становится понятие «собственность», а вместо рассуждений о природном стремлении человека к «свободе» формируется сугубо

юридический дискурс о том, что может сделать правительство для освобождения крестьян, не нарушая права «собственности» помещиков. В ходе подобного рода рассуждений происходило смещение смысловых акцентов с теоретического концепта «естественно» свободной личности на проблему организации постепенного перехода зависимых крестьян на новый тип договорных взаимоотношений с «собственником земли». Такая логика подразумевала целесообразность не только личного освобождения крестьян по договору с помещиком, но и предоставления права владеть населенными крестьянами землями и недворянам, что не только не способствовало бы укреплению крепостного права, а напротив – его смягчению посредством юридической регламентации прав и обязанностей крестьян.

На третьем, утилитарно-прагматичном по содержанию и целям составления текстов уровне возникают устойчивые словосочетания «свобода от рабства», «свобода из владения», «отыскание свободы». Но, в отличие от журнальных публикаций и проектов, в крестьянских прошениях «рабство» – категория не абстрактная, обозначающая положение крестьянства в целом, а вполне конкретное понятие, которое характеризует личную историю и сложившиеся на определенный момент времени жизненные обстоятельства. Отождествление авторами прошений своего положения с «рабством» было всегда ситуативно, как результат жестокого наказания, сомнений в правомерности смены владельца или получении информации о «свободном» происхождении. Именно поэтому при описании законного, с точки зрения крестьянина, «нахождения во власти» помещика использовалось понятие «владение», но не «рабство». Не менее важно отсутствие в крестьянских прошениях смысловой взаимосвязи понятий «свобода» и «рабство» с понятием «собственность». Лишь иногда в прошениях использовалось прилагательное «собственный» в значениях «личный», «свой», но «собственность» для описания материального ущерба движимому имуществу крестьянина. Ключевой для дворянских проектов земельный вопрос в крестьянских прошениях упоминался только в случае, если помещик или его наследники отказывались от подписанного ранее договора / завещания о переводе крестьян в «вольные хлебопашцы» с надельной землей за выкуп, либо, как в случае с прошением Трофима Васильева, если крестьяне погасили долги помещика кредитным учреждениям.

Таким образом, полученные в процессе сравнительного анализа значения и контекстов употребления понятий «свобода», «рабство» и «собственность» результаты представляются важными для дальнейшей разработки методологического инструментария истории понятий. Практическая реализация принципов жанрового многообразия в рамках одного проблемно-тематического поля (в данном исследовании – на примере проблемы «искоренения рабства крестьян» в России) показало высокую информативность такого подхода. Работая в одном контекстуальном пространстве, но используя тексты различного жанра и степени публичности историк получает возможность выявления не только основных и дополнительных значений социально-политических понятий, но и особенностей их употребления как в публичных дискуссиях, так и при обосновании практических действий, нацеленных на получение конкретного результата. Именно такое сочетание текстов, созданных в различных жизненных обстоятельствах, с различными целями и адресованных неизвестному читателю или конкретному чиновнику, позволит исследователю выявить сходства и отличия социально-политического языка представителей различных социальных групп, особенности расстановки смысловых акцентов при аргументации своей позиции по наиболее актуальным для современников проблемам. Предложенный подход отрывает перспективу существенной корректировки сложившегося алгоритма жесткого идеологического приписывания исторических акторов к либералам, консерваторам или сторонникам социал-демократических взглядов и изучения истории общественного сознания как сложносоставной и постоянно изменчивой системы дискурсивных практик.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Интересным примером таких исследований являются, например, работы Е.Н. Марасиновой [2] и К.Д. Бугрова [3].

[2] В примечании к статье издатель, подчеркивая значимость данной публикации и соответствие ее содержания намерениям верховной власти в России, отмечал: «Книга сия была напечатана в С. Петербурге на французском языке иждивением Государя императора» [13. С. 138].

[3] В тексте статьи Пруссия и Германия представлены отдельно [Там же. С. 141–142].

[4] При составлении анализируемых в статье крестьянских прошений, кроме документов, написанных крестьянами «собственноручно», выявлены тексты, при составлении которых крестьяне обращались за помощью к коллежским и губернским секретарям, канцеляристам, студентам и мещанам. Но при этом инициатором и основным автором прошений был крестьянин [23. Л. 169; 24. Л. 33 об.].

[5] О практике реагирования на жалобы и прошения крестьян в российском законодательстве см.: [21. Т. 1. С. 257–269].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелохаев В.В. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы ее изучения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 37–53.

2. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М. : РОССПЭН, 1999.

3. Бугров К.Д. Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII в. // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1 (160). С. 160–176.

4. Козеллек Р. Социальная история и история понятий // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Алетейя, 2006. С. 33–53.

5. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. статей : пер. с нем. / под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : НЛО, 2010. С. 21–33.

6. Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий : избранные статьи : в 2 т. : пер. с нем. М. : НЛО, 2014. Т. 1. С. 23–44.
7. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.
8. Skinner Q. Language and Political Change // Political Innovation and Conceptual Change. Cambridge, 1989. P. 6–23.
9. Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников // Архив исторический и политический. СПб., 1818. С. 121–130.
10. Взгляд на войну англичан с Ашантиями и на состояние английских поселений по золотому берегу // Сын Отечества. 1825. Ч. 102, № XV. С. 151–172.
11. Геройская решительность Негра // Вестник Европы. 1805. Ч. XXIV, № 24. С. 241–246.
12. О нынешнем состоянии негров, находящихся в колониях Американских // Вестник Европы. 1810. Ч. LI, № 12, июнь. С. 304–310.
13. Опыты Северных Американцев переселить черных соотчичей своих обратно в Африку (переведено из Politisches Journal) // Сын Отечества. 1825. Ч. 103, № XX. С. 478–487.
14. Взгляд на республику Соединенных Американских областей // Сын Отечества. 1814. Ч. 17, № XLV. С. 253–270.
15. Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ея колониях // Вестник Европы. 1819. Ч. 106, № XIV. С. 138–147.
16. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Вестник Европы. 1802. Ч. 3, № XII. С. 314–331.
17. Каразин В.Н. Речь о пользе просвещения в домоводстве // Вестник Европы. 1811. Ч. 59, № XX. С. 259–286.
18. Каразин В.Н. Практическое защищение противу иностранцев установленной в России подчиненности поселян их помещикам // Вестник Европы. 1811. Ч. 59, № XX. С. 286–290.
19. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 325.
20. Козодавлев О.П. Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из-под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ими гражданскую свободу // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX века : сб. документов. Липецк : ЛГПУ, 2002. С. 145–158.
21. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 327.
22. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 807.
23. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX в. : в 2 т. Липецк : ЛГПУ, 2006.
24. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 619.
25. РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1810, кн. 5. Д. 138.
26. РГИА. Ф. 1284. Оп. 4а. 1814, кн. 83. Д. 111.
27. РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 177.
28. РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 103.
29. РГИА. Ф. 1551. Оп. 1. Д. 12.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2017 г.

THE PROBLEM OF SERFDOM IN RUSSIA DURING THE FIRST QUARTER OF THE 18TH CENTURY IN THE LIGHT OF THE HISTORY OF CONCEPTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 163–171.
DOI: 10.17223/15617793/425/21

Dmirii V. Timofeev, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Keywords: history of concepts; problem of serfdom in Russia; freedom; slavery; property.

The paper develops a practically-oriented pattern for studying the history of public thought with the help of methods of present day's history of concepts. To solve this task, the author postulates the principle of variety of genres of historical sources and the principle of a focused study of the system of social and political concepts within certain thematic fields. The practical implementation of these principles is exemplified in the comparative analysis of meanings and contexts of the use of concepts 'freedom', 'slavery' and 'property' in public and non-public texts which were created by the authors of the first quarter of the 19th century to deliberate upon the problem of serfdom. The analyzed sources include articles from journals like *Vestnik Evropy*, *Syn Otechestva*, *Arkhiv istoricheskii i politicheskii*; archival papers of O.P. Kozodavlev, M. Balugyanskiy, A. Druzhinin, as well as peasants' addresses regarding 'freedom from slavery'. The study resulted in determining the peculiarities of the use of the concepts 'freedom', 'slavery' and 'property' in public and non-public communication in different social groups of Russian society of the first quarter of the 19th century. For public texts, it is characteristic to affirm the historical genesis of 'slavery' in different countries of the world, to morally disapprove of 'slavery' and to support the natural character of 'freedom'. At the same time, the journals were writing about the buyout of slaves in Asia and Africa and about laws regulating the liberation of peasants. All this was contributing to the emergence of two main scenarios of possible liberation in the minds of Russian readers: either by the buyout on the side of peasants, or by the liberating law on behalf of the state power. In texts of projects that were devoted to the softening or cancellation of serfdom, 'property' was emerging as a key concept in connection with the concept 'slavery'. Gradually, the authors were moving from the unconditional recognition of the 'freedom' of a person to the question of contractual relations between peasants and owners of the land. In such a context, one of the ways to cancel the personal dependence of peasants upon their masters was the project of granting the right to buy land with peasants to other, non-noble social groups of Russian society. On the level of peasants' addresses 'slavery', however, was not an abstract category used to describe peasants' status in general, but a concrete term used to stress the inhuman character of punishment, the illegal status of possession by the non-nobles, or any other circumstances that gave peasants a chance to submit a petition to grant them 'freedom'.

REFERENCES

1. Shelokhaev, V.V. (2010) Obshchestvennaya mysl' Rossii: teoretiko-metodologicheskie problemy ee izucheniya [Public thought of Russia: theoretical and methodological problems of its study]. *Voprosy istorii.* 6. pp. 37–53.
2. Marasinova, E.N. (1999) *Psikhologiya elity rossiyskogo dvoryanstva posledney treti XVIII veka (po materialam perepiski)* [Psychology of the elite of the Russian nobility of the last third of the 18th century (based on correspondence)]. Moscow: ROSSPEN.

3. Bugrov, K.D. (2017) Applying the methods of the history of concepts to the study of 18th century Russia's political history. *Izvestiya UrFU. Ser. 2, Gumanitarnye nauki.* 19:1 (160). pp. 160–176. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2017.19.1.013
4. Koselleck, R. (2006) Sotsial'naya istoriya i istoriya ponyatiy [Social history and the history of concepts]. Translated from German. In: Koposov, N.E. (ed.) *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka* [Historical concepts and political ideas in Russia of the 16th–20th centuries]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg; Aleteyya.
5. Koselleck, R. (2010) K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitii ponyatiy [On the question of temporal structures in the historical development of concepts]. In: Bedeker, Kh.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor* [History of concepts, history of discourse, history of metaphors]. Translated from German. Moscow: NLO.
6. Koselleck, R. (2014) Vvedenie [Introduction]. In: Zaretskiy, Yu., Levinson, K. & Shirle, I. *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stat'i: v 2 t.* [Dictionary of the basic historical concepts: selected articles: in 2 volumes]. Translated from German by K. Levinson. Vol. 1. Moscow: NLO.
7. Skinner, Q. (2004) Kollingvudovskiy podkhod k istorii politicheskoy mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [Collingwood approach to the history of political thought: formation, challenge, prospects]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer.* 66. pp. 55–66.
8. Skinner, Q. (1989) Language and Political Change. In: Ball, T., Farr, J. & Hanson, R.L. (eds) *Political Innovation and Conceptual Change*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Arkhiv istoricheskiy i politicheskiy. (1818) Dolgo li eshche terpet' grabitel'stva i zhestokosti afrikanskikh razboynikov [How long does it take to endure the robbery and cruelty of African outlaws?]. *Arkhiv istoricheskiy i politicheskiy*. pp. 121–130.
10. Syn Otechestva. (1825) Vzglyad na voynu anglichan s Ashantiyami i na sostoyanie angliyskikh poseleniy po zolotomu beregu [A glance at the war of the English with the Ashanti and on the state of English settlements along the golden coast]. *Syn Otechestva*. 102:XV. pp. 151–172.
11. Vestnik Evropy. (1805) Geroyskaya reshitel'nost' Negra [Heroic decisiveness of the Negro]. *Vestnik Evropy*. XXIV:24. pp. 241–246.
12. Vestnik Evropy. (1810) O nyneshnem sostoyanii negrov, nakhodyashchikhsya v koloniyakh Amerikanskikh [On the current status of Negroes in the colonies of the Americas]. *Vestnik Evropy*. LI:12. June. pp. 304–310.
13. Syn Otechestva. (1825) Opyty Severnykh Amerikantsev pereselit' chernykh sootchichey svoikh obratno v Afriku (perevedeno iz Politisches Journal) [Experiments of the North Americans to relocate their black compatriots back to Africa (translated from the Politisches Journal)]. *Syn Otechestva*. 103:XX. pp. 478–487.
14. Syn Otechestva. (1814) Vzglyad na respubliku Soedinennykh Amerikanskikh oblastey [A glance at the Republic of the United States of America]. *Syn Otechestva*. 17:XLV. pp. 253–270.
15. Vestnik Evropy. (1819) Vzglyad na postepennyy upadok rabstva i krepostnogo sostoyaniya v Evrope i eya koloniyakh [A glance at the gradual decline of slavery and serfdom in Europe and its colonies]. *Vestnik Evropy.* 106:XIV. pp. 138–147.
16. Vestnik Evropy. (1802) Priyatnye vidy, nadezhdy i zhelaniya nyneshnego vremeni [Pleasant views, hopes and desires of the present time]. *Vestnik Evropy*. 3:XII. pp. 314–331.
17. Karazin, V.N. (1811) Rech' o pol'ze prosveshcheniya v domovodstve [Speech on the benefits of education in housekeeping]. *Vestnik Evropy.* 59:XX. pp. 259–286.
18. Karazin, V.N. (1811) Prakticheskoe zashchishchenie protivu inostrantsev ustanovlennoy v Rossii podchinennosti poselyan ikh pomeshchikam [Practical protection against the foreigners of the subordination of the settlers to their landowners established in Russia]. *Vestnik Evropy.* 59:XX. pp. 286–290.
19. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 325. (In Russian).
20. Kozodavlev, O.P. (2002) Rassuzhdenie o postepennom osvobozhdenii krest'yan iz-pod rabstva i o sposobakh, koimi bezopasno mozhno vvesti mezhdu imi grazhdanskuyu svobodu [Thought on the gradual liberation of peasants from slavery and on ways by which it is safe to introduce civil liberties to them]. In: Dolgikh, A.N. (ed.) *Dvoryanskie proekty resheniya krest'yanskogo voprosa v Rossii v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX veka: sb. dokumentov* [Noble projects for solving the peasant question in Russia at the end of the 18th – the first quarter of the 19th centuries]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University.
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 327. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 807. (In Russian).
23. Dolgikh, A.N. (2006) *Krest'yanskiy vopros vo vnutrenney politike rossiyskogo samoderzhaviya v kontse XVIII – pervoy chetverti XIX v.: v 2t.* [The peasant issue in the domestic policy of the Russian autocracy at the end of the eighteenth and the first quarter of the nineteenth centuries: in 2 vols]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University.
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1260. List 1. File 619. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 4a. 1810. Book 5. File 138. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 4a. 1814. Book 83. File 111. (In Russian).
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1553. List 1. File 177. (In Russian).
28. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1553. List 1. File 103. (In Russian).
29. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1551. List 1. File 12. (In Russian).

Received: 20 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 172–177. DOI: 10.17223/15617793/425/22

УДК 930.85

Л.И. Шерстова, Ван Гохун

КОНФУЦИАНСКИЕ ПРИНЦИПЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Статья посвящена культурно-историческому анализу потенциала конфуцианских воспитательных принципов, имеющих и в настоящее время важнейшее значение для развития гармоничного социального общества современного Китая. Авторами выявляются базовые категории конфуцианской теории воспитания и образования, дается обоснование функциональной целостности и системности взглядов Конфуция, оказавших сильнейшее влияние на формирование социальных и личностных установок людей китайского традиционного общества. Через переосмысление отношения к сути конфуцианской идеологии определяются точки пересечения и возможности взаимодействия традиций/традиционной культуры и западных новаций в современном Китае.

Ключевые слова: конфуцианство; жэнь; ли; и; воспитание; традиционная культура; современные новации.

Конфуций впервые определил и концептуально/идейно оформил систему принципов традиционного нравственного воспитания в Китае. Сформировавшись в глубокой древности и эволюционируя в процессе исторического развития, конфуцианские принципы прочно вошли в жизнь и культуры современных китайцев и стали драгоценной культурной сокровищницей китайской цивилизации. Данная статья актуальна с теоретической и практической точек зрения, особенно для восполнения исследовательских пробелов. Систематично излагая нравственное содержание конфуцианского воспитания, обобщая его доктрину, включающих в себя цель, содержание, принципы и способы, раскрывается их значимость для современного общества.

Все базовые категории конфуцианских принципов, такие как: «ли» (礼 «правила поведения»), «вэнь» (问 «носитель культуры», «культура», «письменность», «цивилизованность»), «жэнь» (仁 «человеколюбие», «гуманность»), «дэ» (德 «нравственность», «верность», «долг»), были и остаются ядром нравственного воспитания китайского народа в современных условиях, несмотря на прогресс жизни и модернизацию культурного и цивилизационного опыта людей. В условиях роста процесса глобализации и быстрой интенсификации рыночной экономики в современном мире выявились многочисленные проблемы и кризисные ситуации, сопровождающие процесс прогрессивного развития общества. В частности, остро встают проблемы нравственного воспитания молодого поколения и сохранения традиционного культурного наследия, которое может восприниматься двойственно: с одной стороны, как своеобразный пережиток прошлого, с другой – как мощный фундамент построения будущего общества, как основа этнической идентичности.

Данное исследование посвящено системному анализу социокультурного значения конфуцианских воспитательных принципов в современном китайском обществе. На наш взгляд, такой подход необходим для выбора оптимальной стратегии общественного развития, ведь ориентированные на социальные реалии и транслированные в нашу жизнь конфуцианские воспитательные принципы оказались востребованными для строительства гармоничного общества современного Китая.

Можно без преувеличения сказать о том, что работа по исследованию потенциала нравственного воспитания, содержащаяся в конфуцианстве, не останавливается, она остается актуальной как в древние времена, так и в настоящее время и вызывает большой интерес не только в Китае, но и за рубежом. Даже во время китайской культурной революции более 200 статей было посвящено изучению наследия конфуцианства, и одновременно появилось большое количество монографий и рефератов по данной теме. В 1980-е гг. в Китае была развернута в полной мере работа по изучению нравственного воспитания в учении Конфуция.

Личность Конфуция и само конфуцианство, как тип мировоззрения и стиль мышления, занимает значительное место в истории образования, идеологии и общей культуры Китая. Созданное мудрецом Кун Фу Цзы учение – конфуцианство – играет чрезвычайно важную роль как в Китае, так и во всем восточноазиатском мире. Существует особое понятие «конфуцианский тип культуры», наряду с «мусульманским» или «христианским» типами. Конфуций внес большой вклад в развитие системы профессионального образования, а его воззрения на нравственное воспитание имеют важное значение в образовательной идеологии и практике всего учения. Конфуций впервые выявил и представил обществу систему нравственного воспитания, что оказало глубокое влияние на теорию и практику традиционного нравственного воспитания китайского народа, сложившегося 2500 лет тому назад.

«Лунь Юй» (论语 «Беседы и суждения) – это главная книга конфуцианства, составленная учениками Конфуция из кратких заметок, фиксирующих высказывания, поступки учителя, а также диалоги с его комментариями. Она является основным, базовым источником для изучения идеологии нравственного воспитания в конфуцианском учении. В последние годы стал активно ощущаться заметный рост интереса к изучению традиционного нравственного воспитания. Конфуцианство вновь стало важным идеологическим ресурсом для укрепления нравственности и силой, формирующей личности, необходимой для успешного развития общества.

Как нам известно, нравственное воспитание представляло и представляет собой особую практическую образовательную деятельность, имеющую свою спе-

цифику и правила. Несмотря на то что уже прошло две тысячи лет, мы всегда найдем общие универсалии в конфуцианском учении о нравственном воспитании и в современных концепциях нравственного воспитания и социализации. В каждой стране и у каждого народа есть свое уникальное достояние – исторический опыт. Есть основание полагать, что на основе пересмотра ценностей классического конфуцианства найдется способ решения важнейших общественных проблем современности.

На происхождении концепции нравственного воспитания в конфуцианстве у исследователей имеются разные точки зрения. Лю Чжоу хэ (刘和忠) в книге «Исследование нравственного воспитания конфуцианства» писал о том, что причины возникновения нравственного воспитания в конфуцианстве заключаются, во-первых, в понимании того, что семья оказывала и оказывает большое влияние на психологическую составляющую нравственного воспитания, во-вторых, Конфуций жил в сложнейшее время, тем не менее именно он впервые открыл профессиональные частные школы и изложил свои нравственно-политические взгляды. Это позволяло ему глубоко обдумать и сформулировать основные принципы своей системы нравственного воспитания [1].

Чэн Кэхуа (陈科华) в монографии «Исследование идеологии Конфуция» высказал мысль о том, что эпоха, общество и семейная обстановка являются макроскопическим (колоссальным), средним и микроскопическим фоном возникновения идеологии Конфуция [2]. Кроме того, Ши Лэй (史磊) в работе «Актуальность нравственного воспитания Конфуция» указал, что система нравственного воспитания Конфуция исходит из жизненной практики и исторических традиций [3].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что двумя главными предпосылками, оказавшими значительное влияние на формирование принципов нравственного воспитания в конфуцианстве, являются исторический фон эпохи, в которую жил Конфуций, и традиционная культура того времени.

В 8–9 вв. до н.э., а значит, более 2800 л. н., устойчивый общественный порядок был нарушен, Чжоу Ли-ван (周厉王, правитель династии Чжоу, имя при рождении) был тираном, люди бунтовали и государство оказалось ввергнуто в период распада. В 771 г. до. н.э. Западное Чжоу (西周, 1027 до н.э. – 770 до н.э.) пришло к гибели и было создано Восточное Чжоу (东周, 770–256 гг. до н.э.). В этот период чжухоу (诸侯, местный вассальный князь) становились могучими, а император управлял государством при поддержке чжухоу. Гармоничный и аккуратный порядок иерархии китайского общества, сложившийся при управлении Чжоу, полностью разрушился. Неравнодушный Конфуций, живший в то время, был вынужден взять на себя большую ответственность. Он начал открывать школы и распространять свои идеи.

До времен Чуньцю (春秋, период «Весны и осени» 770–476 до н.э.) вся земля принадлежала государству «普天之下, 莫非王土; 率土之滨, 莫非王臣» («по всей Поднебесной неужели земля государства, вплоть до самого края земли, неужели все они были подданными») [4], а во времени Чуньцю между землевладельцами и крепостными крестьянами возникли острые противоречия – Государственные поля были заброшены, но при этом оказались увеличены частные земли. По мере того, как появилась железная утварь и использовалась пахота на волах, сельское хозяйство быстро развивалось. Это значительно способствовало широкому распространению торговли и ремесла, в это время стали процветать города. Реформа экономики привела к колебанию политической структуры и идеологии.

В политике во времени Чуньцю разные чжухоу начали бороться за свое господство. Сначала в Западном Чжоу были наделены 7 чжухоу. Чжоуские ритуалы исчезли. Неустойчивость общества заставила Конфуция размышлять над проблемой восстановления стабильности общества и гармонизации социальных отношений. И он пришел к выводу о том, что это возможно путем нравственного воспитания.

В идеологии Конфуция концепция «Мандата Неба» превращалась в элемент демократической идеологии. Во времена Чуньцю по мере изменения политики и экономики в области идеологии сложились новые идейные течения. Эти течения сильно повлияли на формирование концепции нравственного воспитания Конфуция. Люди начали сомневаться в существовании и силе богов, кроме того, произошла девальвация веры в мощь и совершенство / справедливость власти императора. Сильно изменилось понимание ценностей, прогрессивные деятели больше всего заботились об отношениях между людьми, некоторые из них даже думали, что воля Неба зависит от самого народа. 天矜于民, 民之所欲, 天必纵之 («Небо милосердно к народу, глас народа – глас божий») [5]. Люди научились пользоваться своим разумом, и они перестали ощущать зависимость от таинственных сил.

Можно без преувеличения говорить о том, что нравственное воспитание опирается на широкие и глубокие культурные корни. Чиен Му (钱穆) в предисловии своей книги «Биографии Конфуция» 《孔子传》 [6] писал о том, что до Конфуция китайская культура уже имела двухтысячелетнюю историю, а Конфуций только лишь придал ей законченный вид и стал представителем традиционной элитарной культуры [7]. Гэ Чжаогуан (葛兆光) в своей книге «История философской мысли» проанализировал культурные корни эпохи Конфуция.

Он писал о том, что, во-первых, в условиях изменения устойчивого общественного порядка непоколебимые знания и идеология потеряли свой характер безусловного авторитета, и в Китае сложилась тенденция логично толковать состояние мира на основе установленной концепции – «знания» и «идеология».

Во-вторых, новые идеи, знания и культура попадали в разные чжухоу («княжества»), и в них появлялись новые интеллигенты, их положение часто менялось, поэтому их идеи и знания находились в состоянии постоянной трансформации.

В-третьих, в китайской системе «знание» и «идеология» разные деятели культуры интерпретировали индивидуально, акцентируя внимание на определенных контекстах и смыслах их функционирования в системе культуры, в результате чего появились раз-

ные направления идеологии [8]. Идеологические течения во время Западного Чжоу являлась главным источником происхождения системы нравственного воспитания Конфуция, они и заложили основу нравственного воспитания в традиционном Китае. Конфуций придал большое значение чжоуским ритуалам. Он писал: 周监于二代，郁郁乎文哉，吾从周。 («Чжоуские ритуалы следовали примеру Династии Ся (2017 г. до н.э. – 1600 г. до н.э. – *В.Г.*) и Династии Шан (1600 г. до н.э. – 1046 г. до. н.э.) и стали богатыми [люди]») [9].

Конфуций резко выделялся своим высокими устремлениями и прогрессивными социально-политическими и нравственными воззрениями. Нестабильная обстановка общества заставила его обдумать происходящее, что и способствовало появлению его теории нравственного воспитания. Можно без преувеличения сказать о том, что нравственное воспитание у Конфуция наследовало принципы существующей традиционной идеологии и их значительно развивало. Можно полагать, что система нравственного воспитания, сформулированная Конфуцием, неслучайно возникла в сложной исторической обстановке периода Чуньцю.

Преподавая, Конфуций накопил богатый практический опыт в вопросах воспитания и построил свою идеологическую систему воспитания нравственности. Он поставил цель «создать» «благородного мужа» (君子) на базе нравственного воспитания. Основой (сердцевиной) его поисков стала концепция «Жэнь» (仁 «человеколюбие», «гуманность»), которая включила в себя категории «Ли» (礼 «правила поведения») и «Дэ» (德 «нравственность», «верность», «долг»). Конфуций выступал за сохранение принципов нравственного воспитания, ориентируясь на сознательность постановки цели распространения нравственности вне утилитарного целеполагания, на процесс поучительности и воспитательные методы «на основе изучения знаний, понимание в них мудрости и поиск истины в жизни». Это является до сих пор самым хорошим рычагом нравственного воспитания китайской нации.

В конфуцианской системе обозначена основная жизненная установка человеческого бытия: стать «благородным мужем» (君子), которая определяется в качестве ключевой цели нравственного воспитания человека. Конфуций очень ценил благородную личность, как «совершенного мудреца», «святого» (圣人), как «добродетельного (достойного, просвещённого человека, как «принципиального человека) (贤人); как гуманиста (志士), человека высших моральных качеств (仁人). Все эти характеристики были необходимыми нравственными качествами «благородного мужа, человека» (君子). Стать «святым» представляло собой самую высокую цель, стандарт поведения «святого»: «широко благодетельствовать народу и помогать людям» [10]. Затем он объяснил, что мало кто может стать «святым», особенно в неустойчивые времена Чуньцю. В связи с этим он считал, что воспитание человека как «благородного мужа» является целью обучения элиты общества. Учитель сказал, что «святого» я не смог увидеть, а достаточно увидеть «благородного мужа» 子曰：圣人，吾不得而见之矣；得见君子者，斯可矣。 [11]. Отсюда мы можем сделать вывод о том, что Конфуций уделял большое внимание воспитанию «благородного мужа», ка «образцового человека».

По мнению Конфуция, в первую очередь, «благородный муж» должен обладать качеством «жэнь» (仁, «человеколюбие», «гуманность») и считать жэнь своей ответственностью (仁以为己任) [9]. Во-вторых, «благородный муж» должен еще иметь всесторонние высокие нравственные качества: человек только совершенный во всех отношениях или благовоспитанный; умеющий держаться вежливо, вести себя прилично, впоследствии может стать благородным мужем (文质彬彬, 然后君子) [12].

Кроме того, он определил девять образцов, определяющих поведение благородного человека: ясное зрение, четкий слух, почтительная манера, внимательная служба (九思), и пять великолепных вещей: «Когда человек во власти является благородный, без больших расходов, и когда он возлагает на людей большие задачи и не преследует то, что он желает, без сребролюбия, когда утверждает достойную простоту жизни и без гордости, тогда он является величественным и без ожесточений (五美). Благородный муж знает три запрета: отказ от женщин в молодости, отказ от борьбы в зрелости и от стяжательства в старости (三戒). Его волнуют три беспокойства, три заботы – не узнать, не овладеть, не провести в жизнь (三患) и пять видов стыда (五耻)».

Конфуций не раз предупреждал своих учеников о том, что сложение и становление характера «благородного мужа» требует усердной работы, совершенствования своего нравственного воспитания и духовного усердия, чтобы во всем обществе сложилось общее гармоничное устройство.

Итак, основной силой (ядром) нравственного воспитания следует ставить «жэнь» (仁 «человеколюбие», «гуманность»), включающее в себя «ли» (礼, «правила поведения») и «и» (义, «справедливость»). Конфуций поставил образ «благородного мужа» целью нравственного воспитания человека. Его высокой мечтой являлось то, чтобы чувство народа сводилось к «жэнь» (仁 «человеколюбие», «гуманность»). Представление о «жэнь» было упомянуто в «Цзо-чжунь» (左转, «Комментарии к хронике Чуньцю» (春秋)) еще до Конфуция. Там написано, что «жэнь» отражает дух человеколюбия. К сожалению, тогда еще не сложилась единая теоретическая система. Именно Конфуцием «жэнь» было выдвинуто как готовая идеологическая система. Когда ученик Конфуция спрашивал его о том, что значит «жэнь», тот не задумался и сказал: «жэнь – это любить человека». Этот принцип считается большим вкладом Конфуция в нравственное воспитание человека.

Кроме того, Конфуций уделял большое внимание «ли» (礼, «правила поведения»): «Человек станет человеком именно и потому, что он знает “ли” и “и”. “Ли”» (礼, «правила поведения») являются знаком отличия человека от животных. Они включают в себя разные ритуалы, жизненные и нравственные нормы и правила. «Ли», который актуализировал Конфуций, впервые соединили внутреннюю нравственность лич-

ности с внешним нравственным духом социума. «Жэнь» является сутью человека и сознательного самовосполнения, самореализации и человеколюбия, а «ли» отражает правила внешнего социального поведения человека в обществе с сохранением установки на человеколюбие. Таким образом, «ли» представляет собой отражение «жэнь» в системе социальных взаимодействий. «Ли» играет очень важную роль в обществе: «...если человек не знает “ли”, то он не поддерживает отношения с окружающими» (不知礼, 无以立) [13]. Иными словами, человек должен научиться «ли», знать и соблюдать их в обществе. Поведения человека ограничивается объективными нормами общества.

Хотя Конфуций поставил «и» (义, «справедливость») на второстепенное место, отдав первенство «жэнь» и «ли», он также обращал большое внимание на «и». В «Ли-Цзи» (Ли-Цзи, «Учение о Середине» – «Записи о совершенном порядке вещей, правления и обрядов») он объяснял, что «и» – это значит, что любое дело должно соответствовать нормам. Человек не должен делать то, что нельзя делать. Конфуций требовал от своих учеников придавать «и» большое значение: «Человек должен уделять внимание справедливости (喻于义)» [14]. Считать «и» своим руководством к своим действиям.

Конфуций считал, чтобы стать «благородным мужем», нужно иметь правильное представление о «и» (义) и «выгоде» (利): не пренебрегать своим долгом ради выгоды (见利思义) [15]. Он считал, что если человек соблюдает нормы и его поведение соответствует «и», то он чувствует себя счастливым, несмотря на отсутствие материальных благ. Конфуций соединил «жэнь», «ли» и «и», которые были положены им в основу системы нравственного воспитания.

Очевидно, что содержание нравственного воспитания Конфуция очень богатое и имеет в своей основе целостную систему принципов. «Жэнь» стало основным ядром нравственного воспитания конфуцианцев, а «ли» и «и» представляют собой категории нравственного воспитания человека. Все исходит из «жэнь», проходит сквозь «ли» и «и» и вновь возвращается к «жэнь», образуя целостную систему воспитания.

Характерные черты нравственного воспитания Конфуция. В годы потрясений Чуньцю (春秋 770–476 до. н.э.) Конфуций пришёл к пониманию значимости системы нравственного воспитания. Он создал совершенно новую систему нравственного воспитания и самосовершенствования. Мы считаем, что характерные черты нравственного воспитания включают в себя три аспекта: учиться, размышлять и практиковать. Эти три фактора зависимы друг от друга и соединены в единую целостную систему.

Конфуций всесторонне раскрыл процесс учебы и осмыслил культурную суть образования. Он считал, что обучение представляет собой предварительное условие существования человека в обществе. Конфуций уделял большое внимание учебе, так как считал, что с помощью учебы и обучения человек может получить практические и теоретические знания и социальное воспитание. Он подчеркнул мысль о том, что многие приобретают знания в процессе учебы. Кроме того, Конфуций отметил, что очень важно овладевать обширными знаниями в ходе самого процессе учебы/обучения.

Конфуций полагал, что «совершенный человек» не бывает односторонне развитым (君子不器) [16], т.е. «благородный муж» обладает не только высоким нравственным духом, устойчивой уверенностью, но и обширными знаниями. Последнее, по его мнению, заключается в знании: «Шестикнижия»: «Шицзин» («Книга песен»), Шуцзин, Ицзин, Лицзи, Чуньцю и музыка (诗, 书, 礼, 乐, 易, 春秋, а также в понимании искусства, куда входили этикет, музыка, стрельба из лука, управление лошадьми, каллиграфия, математика (六艺: 礼, 乐, 射, 御, 书, 数). Кроме того, Конфуций отмечал важность обучения и самостоятельного старания/усердия, чтобы добиться хорошего эффекта, человек должен сознательно учиться: любить и стремиться получать новые знания. Учеба может считаться проведением досуга или хобби для человека даже в том случае, если человеку необходимо учиться до конца жизни. Конфуций сам осуществил в своей собственной жизни важный принцип: век живи, век учись.

Если мы говорим о том, что учеба – это накопление и продолжение / дальнейшее развитие и использование знаний, то значение размышления является уже новацией. Размышление считается второй важной чертой нравственного воспитания в учении Конфуция. Учиться и не размышлять означает ничему не научиться, размышлять и не учиться, значит идти по опасному пути (学而不思则罔, 思而不学则殆) [Там же]. Конфуций высоко оценивал важность размышления. Учиться – это научиться у других, уметь прилагать собственные усилия к размышлению, а размышлять – это умение на основе уже имеющихся знаний создать собственные знания и наполнить ими свой ум. Он считал, что надо соединить учебу и размышление, эти два аспекта обусловливают друг друга.

Как известно, цель нравственного воспитания осуществляется с помощью практики. Несмотря на то что человек получает много знаний, если он не умеет их применять в жизни, то эти знания не имеют никакого значения для развития человека и общества. Знания, которые содержатся в книгах, могут стать настоящими знаниями при условиях решения с их помощью реальных жизненных вопросов и проблем. Знания и практика представляют собой диалектическое единство. Знания – это осознание (восприятие), практика (действие) – это возможности и модель применения знаний. Практика нравственного воспитания может повысить свою эффективность с помощью руководства теоретическими знаниями. Конфуций считал, что цель учебы заключается в деятельности и осуществлении знаний на практике. Если человек в процессе практики соблюдает нравственные правила, это значит, он уже ближе к «жэнь». И наоборот, ловкая речь и слишком приятная внешность редко сочетаются с подлинной добротой и гуманностью (巧言令色, 鲜矣仁) [17]. Конфуций требовал от своих учеников, чтобы их действия соответствовали их словам, чтобы осознание значимости нравственного воспитания воплощало в жизни важные культурные и моральные принципы.

Как известно, за несколько тысяч лет нравственное воспитание Конфуция закрепилось в жизни китайцев и пустило глубокие корни в их ментальность, став основой их традиционной культуры. Когда общество вступило в новую эпоху, вместе с этим возникло разочарование в общественных ценностях, которые отразились в проблеме сохранения нравственности. В данном случае концепция нравственного воспитания Конфуция представляла собой оптимальную платформу решения возникающих социокультурных и личностных проблем. Перестроить китайские культурные традиции для того, чтобы они соответствовали современным изменениям общества, и одновременно сохранить их как основу китайской культурной идентичности. Иными словами, встала проблема соединения традиционных принципов нравственного воспитания Конфуция с развитием современного общества. Не требует подтверждения тот факт, что идеология нравственного воспитания Конфуция является важным духовным ресурсом, имеет актуальное значение для создания современного гармоничного общества.

Воспитание характера и формирование личности представляет собой самый глубокий, самый основной и ключевой фактор нравственного состояния народа. Конфуций выдвинул концепцию «идеальной личности», много раз говорил о «благородном муже». Он считал, что воспитание человека является сутью решения проблем установления гармоничных социальных отношений и общественного порядка. С помощью благотворного примера он стремился вызвать в сознании человека нравственное чувство для того, чтобы способствовать трансляции гуманистической идеологии и традиционных правил поведения человека.

В «Программе осуществления нравственного строительства граждан», принятой в 2001 г. (公民建设实施纲要), указано, что в Китае существует много проблем в нравственном «строительстве», что в некоторых общественных сферах не отличают правды от лжи, добра от зла, красоты от уродства, растут меркантилизм, гедонизм, крайний индивидуализм. В результате идет разложение и нравственный упадок современного общества, некоторые чиновники используют служебное положение в корыстных целях. Если не своевременно решить эти проблемы, то будет разрушена система взаимодействия устойчивого экономического и общественного порядка, а значит, начнется дисбаланс в развитии и стабильности реформ [18]. Некоторые ученые считают, что отдельные китайские национальные меньшинства, находясь на переходе от традиционного общества к современности, переживают столкновение культурных ценностей. В условиях мультикультурности и общественной модернизации следует воспитать «идеальный» характер человека, но этот вывод был сделан еще Конфуцием. Оказалось, что оно сохраняет свое актуальное значение и в начале XXI в. – нужно объединить нравственное воспитание в современном обществе с продолжением лучших китайских традиций и придать ему новое направление.

В целом, Конфуций в своей практике обучения выдвинул целую систему теоретических принципов и практических способов нравственного воспитания, что имеет большое значение для создания теории нравственного воспитания и в современном Китае.

Конфуцианская гармония понимаются как согласие в мире и координация действий при решении каких-то проблем, т.е. люди достигают единства, координации и гармонии при определенных условиях [19. С. 65]. Это касается отношений между людьми, между обществом и природой. По мере того, как быстро развивается модернизация Китая, построение гармоничных отношений имеет большое значение для решения разных общественных проблем и социальных противоречий.

Во время «Чуньцю» для сохранения общественного порядка Конфуций выдвинул принцип «жэнь», являющийся главным содержанием и важным знаком нравственного воспитания китайского народа. Идея «жэнь» представляет собой коренные правила для урегулирования разных сфер нравственных отношений и интересов. В настоящее время быстро развиваются производительные силы, наука и техника, что неизбежно может повлечь за собой усиление конкуренции, осложнение противоположных интересов, существуют конфликты и противоречия в межличностных отношениях. Стремление к гармоничному развитию, во-первых, имеет в виду всестороннее развитие психики человека, во-вторых, всестороннее развитие физических и душевных качеств, в-третьих – соотнесенности в развитии личности и общества.

Таким образом, в современном мире и обществе для того, чтобы осуществить идею гармоничного развития человека и общества, необходимо актуализировать рациональные моменты и идеи Конфуция – «жэнь», установить гармоничные отношения между людьми, между человеком и природой, между человеком и обществом. Возможно, что эти принципы окажутся привлекательными и для других народов мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю Чжоухэ（刘和忠）Исследование нравственного воспитания конфуцианства. М. : Изд-во Высш. образования, 2003. 273 с.
2. Чэн Кэхуа（陈科华）Исследование идеологии Конфуция. Жэньминжибао, 2002. 266 с.
3. Ши Лэй. Дипломная работа «Актуальность нравственного воспитания Конфуция». 2005. 98 с.
4. Ши Цзин. Малые оды (второй из четырех разделов Шицзина). Северная гора. URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%99%AE%E5%A4%A9%E4%B9%8B%E4%B8%8B%EF%BC%8C%E8%8E%AB%E9%9D%9E%E7%8E%8B%E5%9C%9F/1982032?fr=aladdin (дата обращения: 10.08.2017).
5. Книга истории. Тэйши. URL: https://baike.baidu.com/item/泰誓/8816179?fr=aladdin (дата обращения: 10.08.2017).
6. Чиен Му. Биографии Конфуция. Изд-во им. Санлянь «жизнь, чтение и новые знания», 2005. 158 с.
7. Гэй Чжаогуан. История философской мысли. Изд-во Футанского университета, 2004. 138 с.
8. Лунь Юй. Баюй. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_21.aspx (дата обращения: 10.08.2017).
9. Лунь Юй. Юойе. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_38.aspx (дата обращения: 10.08.2017).

10. Лунь Юй. Шуэй. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_25.aspx (дата обращения: 10.08.2017).
11. Лунь Юй. Тайво. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_26.aspx (дата обращения: 15.08.2017).
12. Лунь Юй. Янюань. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_30.aspx (дата обращения: 15.08.2017).
13. Лунь Юй. Жаоиюй. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_38.aspx (дата обращения: 15.08.2017).
14. Лунь Юй. Лижэнь. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_22.aspx (дата обращения: 15.08.2017).
15. Лунь Юй. Сианмэн. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_32.aspx (дата обращения: 15.08.2017).
16. Лунь Юй. Вичэнь. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_20.aspx (дата обращения: 15.08.2017).
17. Лунь Юй. Сюйэй. URL: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_19.aspx (дата обращения: 15.08.2017).
18. Программа осуществления нравственного строительства гражданин. Пекин : Народ. изд-во, 2001. 19 с.
19. Диа Хуачьянь. Построение социалистического гармоничного общества. Пекин : Изд-во развития Китая, 2005. 243 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 октября 2017 г.

CONFUCIAN PRINCIPLES OF MORAL EDUCATION AND THEIR SIGNIFICANCE FOR THE PRESENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 172–177.
DOI: 10.17223/15617793/425/22

Lyudmila I. Sherstova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru
Wang Guohong, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wangguohong@mail.ru

Keywords: Confucianism; love; etiquette; justice; upbringing; traditional culture; modern innovations.

The authors of the article aim to actualize the socio-cultural heritage of Confucian educational principles in modern Chinese society. They systemically outline the moral content of Confucian upbringing, analyze its doctrine which includes the purpose, content, principles and methods of moral education. The authors reveal their importance as universal principles of educational activities for modern society. The authors analyze the prerequisites for the emergence of the theory and practice of the teachings created by Confucius, and also consider the ideology and system of moral education that he proposed as the basis of private and public life. Confucius first defined and ideologically formalized the system of principles of traditional moral education in China. Formed in ancient times and evolving in the course of historical development, the Confucian principles firmly entered the life and culture of modern Chinese and became the basis of Chinese civilization. The authors identify the basic categories of the Confucian theory of education and education, provide a rationale for the functional integrity and systemic views of Confucius, which had a strong influence on the formation of social and personal attitudes of the people of Chinese traditional society. All basic categories of Confucian principles, such as "Li" (礼, "rules of behavior"), "Wen" (问, "culture bearer", "culture", "writing", "civilization"), "Ren" (仁, "humanity"), "De" (德 "morality", "loyalty", "duty"), were and remain the core of the moral education of the Chinese people in modern conditions, despite the technical progress and modernization of cultural and civilizational experience of people. In the context of the intensification of globalization and the rapid intensification of the market economy in the modern world, numerous problems and crisis situations that accompany the progressive development of society have emerged. In particular, the problems of the moral and morality of the modern society are acute, as well as the preservation of the traditional cultural heritage which can be perceived dually: as a kind of a vestige of the past and as a powerful foundation for building a future society as the basis of ethnic identity. Through the rethinking of the attitude towards the essence of Confucian ideology, the authors conclude that the traditions and Western innovations can interact in modern China. The authors believe that Confucian principles of moral upbringing of man are of paramount importance for the development of a harmonious social society of modern China and suggest that this experience can have universal significance.

REFERENCES

1. Liu Zhouhe（刘和忠）(2003) *Issledovanie nravstvennogo vospitaniya konfutsianstva* [Study of the moral education of Confucianism]. Moscow: Izd-vo Vyssh. obrazovaniya.
2. Chen Kekhua（陈科华）(2002) *Issledovanie ideologii Konfutsiy*a [The study of the ideology of Confucius]. Zhen'minzhibao. (In Chinese).
3. Shi Lei. (2005) Diplomnaya rabota "Aktual'nost' nravstvennogo vospitaniya Konfutsiya" [Graduation thesis "Relevance of the Moral Education of Confucius"]. [S.l.].
4. Shi Jing. (n.d.) *Malye ody (vtoroy iz chetyrekh razdelov Shitszina). Severnaya gora* [Small odes (the second of the four sections of Shi Jing). A Northern mountain]. [Online] Available from: https://baike.baidu.com/item/%E6%99%AE%E5%A4%A9%E4%B9%8B%E4%B8%8B%EF%BC%8C%E8%8E%AB%E9%9%9E%E7%8E%8B%E5%9C%9F/1982032?fr=aladdin. (Accessed: 10.08.2017).
5. Baike.baidu.com. (n.d.) *Kniga istorii. Teyshi* [A book of history. Taisi.]. [Online] Available from: https://baike.baidu.com/item/泰誓/8816179?fr=aladdin. (Accessed: 10.08.2017).
6. Chien Mu. (2005) *Biografii Konfutsiya* [Biographies of Confucius]. Izd-vo im. Sanlyan' "zhizn', chtenie i novye znaniya". (In Chinese).
7. Gay Zhaoguang. (2004) *Istoriya filosofskoy mysli* [History of philosophical thought]. Futani University Press. (In Chinese).
8. Lun Yu. (n.d.) *Bayuy*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_21.aspx. (Accessed: 10.08.2017). (In Chinese).
9. Lun Yu. (n.d.) *Yuoye*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_38.aspx. (Accessed: 10.08.2017). (In Chinese).
10. Lun Yu. (n.d.) *Shuey*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_25.aspx. (Accessed: 10.08.2017). (In Chinese).
11. Lun Yu. (n.d.) *Tayvo*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_26.aspx. (Accessed: 15.08.2017). (In Chinese).
12. Lun Yu. (n.d.) *Yanyuan'*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_30.aspx. (Accessed: 15.08.2017). (In Chinese).
13. Lun Yu. (n.d.) *Zhaoiyuy*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_38.aspx. (Accessed: 15.08.2017). (In Chinese).
14. Lun Yu. (n.d.) *Lizhen'*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_22.aspx. (Accessed: 15.08.2017). (In Chinese).
15. Lun Yu. (n.d.) *Sianmen*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_32.aspx. (Accessed: 15.08.2017). (In Chinese).
16. Lun Yu. (n.d.) *Vichen'*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_20.aspx. (Accessed: 15.08.2017). (In Chinese).
17. Lun Yu. (n.d.) *Syuyey*. [Online] Available from: http://so.gushiwen.org/guwen/bookv_19.aspx. (Accessed: 15.08.2017). (In Chinese).
18. People's Press. (2001) *Program for the implementation of moral construction citizen*. Beijing: People's Press. (In Chinese).
19. Dia Huachian. (2005) *Building a socialist harmonious society*. Beijing: Development of China. (In Chinese).

Received: 10 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 178–186. DOI: 10.17223/15617793/425/23

УДК 94(437+47+73) “1943/1945”

В.Т. Юнгблюд, А.В. Зорин

СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ СБЛИЖЕНИЕ В 1943–1945 гг.: ВЗГЛЯД ИЗ США

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

Анализируются политика США в отношении чехословацкого эмигрантского правительства в 1943–1945 гг., а также реакция на предложенную его главой Э. Бенешем программу возрождения Чехословакии и ее послевоенного развития, курс сближения с СССР. Рассматриваются точки зрения американских дипломатов и экспертов на этот процесс, возможность усиления советского и коммунистического влияния. Статья основана на материалах Национального архива США, Библиотеки Конгресса, Архива внешней политики РФ.

Ключевые слова: Вторая мировая война; советско-американские отношения; советско-чехословацкие отношения; американо-чехословацкие отношения; история Чехословакии; Э. Бенеш.

Центральным элементом геополитических аспектов планирования Соединенными Штатами Америки послевоенного мироустройства была судьба европейских государств, часть которых находилась под германской и итальянской оккупацией. По окончании военных действий Европа должна была перейти под контроль СССР, США и Великобритании. В правящих кругах западных союзников существовали опасения, что в процессе освобождения Москва будет содействовать коммунизации и советизации Восточной и Центральной Европы. Они строились на довоенных большевистских лозунгах, деятельности Коминтерна, советской экспансии 1939–1940 гг. Хотя с 1941 г. отношение к СССР стало постепенно меняться, в Вашингтоне могли только гадать о планах Кремля. Президент Ф.Д. Рузвельт был одним из немногих американских политиков, веривших в возможность сотрудничества с И.В. Сталиным. В годы войны он инициировал широкомасштабную поддержку Советского Союза по программе ленд-лиза. Но и он нуждался в подтверждении своих ожиданий.

Одним из показателей советских намерений для американской администрации были отношения Москвы с эмигрантскими правительствами оккупированных Германией соседних государств – Польши и Чехословакии. Советско-польские отношения были осложнены множеством проблем, итогом развития которых стали разрыв двусторонних отношений, раскол польского сопротивления и формирование просоветского временного правительства. В США были хорошо осведомлены о природе советско-польского конфликта. 20 мая 1943 г. Сталин встречался с бывшим послом США в СССР Дж. Дэвисом, который прибыл в Москву в статусе личного представителя президента. Во время беседы советский руководитель «жестко критиковал польское правительство в эмиграции, которое, по его словам, предало Россию». Настрой советского руководителя, судя по всему, не стал неожиданным для американского визитера, поскольку целью его миссии было «укрепить уверенность Сталина в том, что он получит поддержку Рузвельта для экспансии Советского Союза в Восточной Европе» [1. С. 130].

Советско-чехословацкие отношения развивались по иному сценарию. В 1935 г. Прага и Москва заключили договор о взаимопомощи. СССР первоначально не признал Мюнхенского соглашения 1938 г., раздела и частичной оккупации ЧСР в 1939 г. Эта позиция была изменена после заключения советско-германского пакта о ненападении. Но в июле 1941 г. СССР вновь пересмотрел свою позицию, официально признав чехословацкое эмигрантское правительство. Его глава, второй президент Чехославацкой республики (ЧСР) Э. Бенеш покинул родину до начале ее оккупации в конце 1938 г. В 1940 г. под его руководством в Лондоне чехословацкие эмигранты сформировали правительство в изгнании, которое было признано Великобританией. Объявив о незаконности Мюнхена и всех его последствий, Бенеш претендовал на восстановление своего президентского статуса и республики в прежнем виде. Он намеревался заручиться поддержкой всех главных держав антигитлеровской коалиции, рассчитывая опереться на них в обеспечении независимости Чехословакии.

США, не принимавшие до декабря 1941 г. участия в войне, первоначально отказались от поддержки Бенеша. Возникновение чехословацкого правительства не вызвало в Вашингтоне благоприятной реакции, поскольку оно не имело преемственности с предвоенными органами власти Чехословакии. Лишь в июле 1941 г. госдепартамент аккредитовал при этом правительстве своего посланника. В октябре 1942 г. Бенеш был признан Соединенными Штатами президентом Чехословацкой республики.

Отчасти осторожное отношение к Бенешу было вызвано его попытками сблизиться с СССР. В некоторых эмигрантских кругах его представляли проводником советских интересов и даже агентом Москвы. Ситуация стала меняться лишь после начала советско-американского военного сотрудничества. Бенеш привлек внимание Рузвельта своей программой послевоенного устройства. Она была изложена американцам в серии статей, встреч и выступлений во время его визита в США в мае–июне 1943 г. Одной из целей приглашения чехословацкого президента было получение его экспертного мнения относительно советских намерений. Возможно, Рузвельт собирался использовать Бенеша как посредника в отношениях со Сталиным и пропагандиста советско-американского сближения [2].

Программа Бенеша строилась на тезисе о неизбежности усиления СССР и необходимости его включения в систему международных отношений на правах равноправной великой державы. Только так можно было создать необходимый противовес Германии,

сохранить равновесие, мир и безопасность в Европе. Бенеш полагал, что прежняя враждебность Советской России во многом была вызвана негативным отношением западных стран и попытками ее изоляции. Война с общим врагом должна была помочь преодолеть недоверие и сблизить союзников. Под влиянием демократических держав радикальный большевизм должен был трансформироваться. Он ожидал демократизации советского строя, отказа Москвы от агрессивной экспансионистской политики и выстраивания нормальных отношений с соседними странами. Бенеш планировал представить свою страну образцом новых отношений с СССР. Он верил, что если Чехословакия продемонстрирует готовность сотрудничать с Москвой, не будет представлять для нее угрозу, советское руководство не станет вмешиваться во внутренние дела республики и навязывать ей коммунистическую идеологию. Чехословакия, славянские корни которой сближали ее с Россией, а демократический строй – с Западом, могла выступить в роли своеобразного моста между ними [3, 4].

Подобная схема вполне соответствовала ожиданиям американского президента, и он устно одобрил ее. Но оставалось неясным, согласится ли с этим советское руководство. С целью доказать правильность своих прогнозов Бенеш в декабре 1943 г. направился в Москву, где 12 декабря был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи на 20 лет [5. С. 151–165]. Помимо прочего он гарантировал невмешательство во внутренние дела друг друга. Для Бенеша это было ключевым пунктом соглашения.

В США соглашение вызвало противоречивую реакцию. Хотя американские специалисты считали его следствием чехословацкого стремления к укреплению безопасности, высказывались и подозрения в отношении намерений Москвы. В докладах Управления стратегических служб и госдепартамента, некоторых газетных статьях указывалось, что СССР начал создавать собственную систему безопасности и мог использовать Чехословакию для расширения своего влияния в Центральной и Восточной Европе [6. File Czech 3860; 7. File T-459].

Одной из главных тем, волновавших американских дипломатов после посещения Бенешем Москвы, была возможность включения в чехословацкое правительство коммунистов. В начале 1944 г. противники Бенеша в Америке стали распространять заметки о Чехословакии как о 17-й советской республике, о намерении Бенеша переехать в Москву и сформировать правительство, на треть состоящее из коммунистов [8. Dok. 47]. Временный поверенный США при чехословацком правительстве в Лондоне Р. Шоенфельд пытался выяснить у министра иностранных дел Я. Масарика, оказывалось ли в Москве давление на Бенеша с целью включения в правительство коммунистов. Последний опроверг этот слух [9. 860F.01/534]. Встречаясь 25 апреля 1944 г. в Лондоне с заместителем госсекретаря Э. Стеттиниусом, президент Бенеш также опроверг подобные подозрения и просил передать Рузвельту, что не заключал новых соглашений и не принимал никаких обязательств во время пребывания в Москве [Ibid. 860F.01/4-2544].

Более подробно чехословацкий лидер разъяснил свою позицию американскому послу в Москве А. Гарриману, с которым встретился в мае 1944 г. в Лондоне. Бенеш выразил удовлетворение отношениями с СССР и упомянул о соглашении с чехословацкими коммунистами, которым действительно были обещаны места в новом кабинете, но лишь после освобождения страны и возвращения правительства в Прагу. Правящую коалицию планировалось сформировать из представителей пяти политических партий под руководством Бенеша. Он заверил, что компартия со временем «станет более националистической» и будет руководствоваться патриотическими, а не интернациональными интересами. Это должно было развеять опасения американцев в сильном советском влиянии. Чехословацкий президент также предупредил Гарримана о намерении провести ограниченные социалистические реформы. Посол, в свою очередь, сообщил об опасениях американских политиков насчет характера советско-чехословацких отношений. По его словам, американцы рассматривали Чехословакию как проверку советских намерений [10. Dok. 95; 11. P. 1278]. Весной 1944 г. в американском посольстве в Москве позитивные ожидания в отношении послевоенного развития СССР и его роли в международных делах еще имели довольно устойчивый характер, часть сотрудников миссии считала, что после роспуска Коминтерна Москва перестанет быть источником коммунистической угрозы, поэтому бояться ее не следует [1. С. 123].

Бенеш не доставлял Вашингтону проблем, подобных попыткам польского правительства добиться поддержки в противоборстве с Кремлем. Он казался разумным государственным деятелем, руководствовавшимся прагматическими интересами и сумевшим наладить взаимопонимание с СССР. Гарриман считал политику Бенеша хорошим примером дальновидного подхода к тому, как можно и нужно строить отношения со Сталиным [12. С. 143]. В госдепартаменте решили, судя по всему, просто наблюдать за их развитием.

Советско-чехословацкие отношения были укреплены весной 1944 г. При приближении Красной армии к границе республики чехословацкое правительство предложило союзникам заключить договоры о гражданской администрации на освобожденной территории. Лондон и Вашингтон отказались, поскольку не намеревались вводить свои войска на территорию ЧСР. СССР с готовностью согласился, и 8 мая данное соглашение было подписано в Лондоне. Составленный в довольно размытых формулировках договор предполагал постепенную передачу власти на освобожденных территориях делегату лондонского правительства, разграничение гражданской чехословацкой и советской военной юрисдикций [5. С. 182–186; 9. 860F.01/524; 13. Л. 9].

Чтобы объяснить новые отношения и развеять подозрения в США, Бенеш написал статью для журнала «*Foreign Affairs*» (опубликована в октябре 1944 г.). По словам президента, договор с СССР должен был стать краеугольным камнем внешнеполитического курса Чехословакии, поскольку обеспечивал ее безопасность. Это не означало, что «мы отрезали себя от де-

мократий Западной Европы» или что Чехословакия будет орудием советской политики, но значило, что «она не будет орудием антисоветской политики». Сотрудничество с СССР должно было дополняться сотрудничеством с западными демократиями, включая США. В своей внутренней жизни ЧСР должна была сохранить полную свободу, демократические институты и традиции, «совершенно другие культурные, экономические и социальные условия, чем в Советской России». Бенеш сообщал, что в процессе освобождения в Чехословакии планировалось создать новые органы власти – национальные комитеты, и сформировать коалиционное правительство, а после окончания войны провести демократические выборы. Ограниченные социалистические преобразования могли затронуть только экономическую сферу [14].

План Бенеша предполагал, что со временем правительство направит в освобожденные от немцев районы своего делегата, который будет осуществлять общее управление и выступит посредником в отношениях с советскими военными властями. После освобождения значительной части республики на родину могло вернуться эмигрантское правительство [15]. Такая схема должна была гарантировать преемственность власти его правительства и обеспечить советское признание.

Но уже летом стали появляться основания для беспокойства. Приход Красной армии в Закарпатье спровоцировал всплеск местного национализма, призывов к вхождению области в состав Украины. Советское военное командование не препятствовало выражению подобных чувств. Вскоре оказалось, что лондонское правительство не могло установить контроль над освобожденными районами. Направленный в Закарпатье делегат Ф. Немец натолкнулся на враждебное отношение местных властей. Народная Рада Карпатской Украины потребовала от него покинуть область, и ему пришлось вернуться в Москву [5. С. 251–291; 16. Л. 51, 56, 72, 75–81].

Данные события насторожили прибывшего в июле 1944 г. в Москву Дж. Кеннана, занявшего пост советника в американском посольстве. Имея богатый опыт и четкие представления о целях советской политики, он постепенно утвердился во мнении, что Сталин пытался создать собственную сферу влияния в Восточной и Центральной Европе. Кеннан полагал, что Кремль будет с помощью военных сил поощрять установление коммунистических режимов в сопредельных странах, чтобы занять настолько большую часть Европы, насколько позволят союзники [17. P. 908]. Доказательством стало провозглашение летом 1944 г. просоветского Польского комитета национального освобождения, признанного Москвой в качестве основы будущего правительства [18. С. 394].

Это заставляло задуматься о намерениях Кремля в отношении Чехословакии. В ноябре Кеннан посетил открытую лекцию чехословацкого коммуниста В. Копецкого, которую он охарактеризовал как «наиболее откровенную претензию на установление коммунистического контроля над правительством другой страны… за два года публичных лекций в Москве». Копецкий требовал, чтобы лондонское чехословацкое правительство ушло в отставку и было сформировано новое «народное демократическое правительство», с преобладанием коммунистов. Кеннан также предупреждал, что даже без прямого вмешательства Москва могла установить частичный контроль над Чехословакией с помощью укрепления коммунистического влияния в освобождаемых Красной армией Закарпатье и Словакии. Вместе с тем дипломат признавал, что пока отношение Москвы к чехословацкому правительству не было ясным. Сталин вполне мог продиктовать Бенешу приемлемый для него состав правительства, чтобы допустить его на родину [9. 860F.01/11-1644].

Начальник Кеннана посол Гарриман был настроен не так пессимистично. В своем письме госсекретарю К. Хэллу 20 сентября он указывал на наличие серьезных расхождений с советской стороной в понимании достигнутых договоренностей. Требование создания «дружественных правительств» в соседних государствах для советского руководства означало «что-то весьма отличное от того, что подразумевали мы», – замечал посол. В случае с Чехословакией Кремль настоял на военном союзе и гарантировал невмешательство в ее внутренние дела, но добивался от Бенеша согласия предоставить сильные позиции в правительстве коммунистам. Гарриман советовал не игнорировать попыток СССР расширить свое влияние и добиваться его невмешательства во внутренние дела других стран. Отсутствие возражений с американской стороны могло быть воспринято как признание права Москвы на односторонние действия в отношении его западных соседей [17. P. 992–995].

Неприятной демонстрацией отношения США к чехословацкой проблеме стал фактический отказ американского военного командования поддержать начавшееся в августе 1944 г. словацкое восстание, поскольку Словакия входила в операционную зону Красной армии [19]. Внимание госдепартамента и Управления стратегических служб (УСС) привлекла доставленная 7 октября в Лондон делегация руководившего восстанием Словацкого национального совета. Она состояла из коммуниста Л. Новомесского, правого политика Я. Урсины и генерала Р. Весела. Они нанесли визит в американское посольство и сообщили, что совет действовал в полном согласии с правительством, в него входили на равной основе «либералы» и «социалисты» (коммунисты и социал-демократы). В частном разговоре Урсины сообщил секретарю посольства Д. Брюинсу, что левые настроения в Словакии могли усилиться, но социалисты не имели шансов получить более половины голосов, поскольку народ не желал установления коммунизма [9. 860F.01/10-1244, 860F.01/10-2544].

Между тем в начале 1945 г. Кеннан сообщил, что в Закарпатье власть фактически принадлежала подконтрольному коммунистам Русинскому национальному совету, настроенному в пользу аннексии провинции СССР. Вернувшиеся в Москву делегаты чехословацкого правительства признавали, что советские официальные лица вели себя корректно, но Москва закрывала глаза на поведение местных коммунистов. Положение в Словакии было более благоприятным.

Большая часть членов Словацкого национального совета не намеревалась подчиняться политике Москвы [20. P. 509–511; 21. 860F.01/1-945, 860F.01/1-2545].

Ситуация в Закарпатье и Словакии вновь обратила внимание американцев на чехословацко-советские отношения. В сентябре УСС подготовил меморандум по Чехословакии. Он прогнозировал сохранение сотрудничества между различными политическими силами после освобождения страны. Послевоенное развитие республики могло сочетать левые и правые тенденции во внутренней политике и сближение с СССР во внешней [22].

Ноябрьский доклад Управления военной информации указывал на наличие различных мнений в чехословацкой эмиграции по вопросу о сотрудничестве с СССР. Правые выступали против слишком тесных отношений, опасаясь ослабления собственного влияния. Социалисты под руководством Бенеша ориентировались на сохранение близких связей с Москвой, но не намеревались инициировать их расширение. Социал-демократы и коммунисты стремились к более тесному сотрудничеству. Последние выступали за полное политическое, военное и экономическое взаимодействие с СССР. Автор доклада полагал, что влияние коммунистов могло заметно возрасти благодаря усилению их позиций в Словакии и Закарпатье. В целом в документе констатировалось, что «политическая тенденция в Чехословакии направлена влево» [23].

11 ноября Госдепартамент направил запрос Гарриману с просьбой прояснить позиции чехословацких коммунистов в СССР. Посол не смог сообщить ничего нового. Сославшись на предшествующие беседы с Бенешем, он подтвердил, что тот имел соглашение с коммунистами о предоставлении им 20% мест в правительстве после возвращения в Чехословакию [9. FW860F.01/11-1144].

Тем временем Шоенфельд и Брюинс в Лондоне проводили сбор информации о чехословацких политических эмигрантах и пытались выявить альтернативные Бенешу политические силы. Шоенфельд констатировал наличие лишь потенциальной и плохо организованной оппозиции. Она не проявляла активности, поскольку «многие политические деятели в Лондоне экономически зависели от правительства» [Ibid. 860F.01/8-1544, 860F.01/8-1844, 860F.01/12-1544].

Информация по вопросу о возможном составе будущего чехословацкого правительства имела противоречивый характер. Министр сельского хозяйства Я. Лихнер сообщил Брюинсу, что в будущем левые (коммунисты и социал-демократы) смогут претендовать на поддержку не более чем 40% чехословацких избирателей. Заместитель министра иностранных дел Г. Рипка полагал, что левые смогут охватить менее половины электората, и сомневался в способности коммунистов и социал-демократов выступить вместе. Он считал, что Москва попытается использовать коммунистов, если они покажут себя сильной партией, в противном случае – будет их игнорировать [Ibid. 860F.01/11-1744]. Масарик и Бенеш сообщили Шоенфельду, что политическая программа правительства признавала полномочия нынешнего президента до проведения новых выборов, отставку действующего и назначение нового правительства после возвращения, союз внутренних и заграничных сил сопротивления и децентрализацию государства [9. 860F.01/12-544].

Чехословацкий президент по-прежнему верил, что Москва не будет вмешиваться в будущее развитие ЧСР. Дальнейшее развитие советско-чехословацких отношений, тем не менее, постепенно начало оправдывать имевшиеся у американского руководства опасения.

Помимо положения дел в Закарпатье, возникла проблема в связи с советско-польскими отношениями. 31 декабря 1944 г. было объявлено о создании Временного правительства Польской республики на подконтрольной Красной армии территории. Рипка сообщил Брюинсу, что Кремль настаивал на его признании чехами, чем поставил их в сложное положение. Госдепартамент распорядился не вмешиваться в этот вопрос [10. Dok. 216; 24. File Czech 711]. После безуспешных возражений Бенеша 31 января такое признание состоялось [5. С. 299–300]. Масарик сообщил американским дипломатам, что этот шаг был предпринят под советским давлением и перед лицом угрозы создания аналогичного органа в Чехословакии [24; 25. File Czech 801; 26].

Тем не менее в госдепартаменте пока не видели поводов для вмешательства. Бенеш не возражал против действий Москвы и не просил помощи западных союзников. В подготовленном 11 января 1945 г. госдепартаментом меморандуме для членов американской делегации на Крымской конференции констатировалось: «Отношения чехословацкого Правительства с британским и советским правительствами превосходны и не представляют никаких проблем. Чехословацко-американские отношения остаются превосходными, как и в прошлом… Чехословакия, как ожидается, не вызовет каких-либо проблем для американской послевоенной политики» [19. P. 420–425]. В конце 1944 г. Стеттинниус заметил в интервью, что если в государствах Восточной и Центральной Европы установятся дружественные к России и не антисоветские правительства, Сталин не станет вмешиваться в их внутренние дела. В качестве примера он упомянул Чехословакию [27. P. 209]. Ч. Болен из Восточно-Европейского отдела госдепартамента считал, что характер развития чехословацкие-советских отношений будет лучшим свидетельством способности двух миров ладить друг с другом, а выполнение Москвой договора 1943 г. продемонстрирует возможность (или невозможность) сотрудничества с СССР [28. P. 10; 29. P. 66].

Во время реорганизации структуры департамента 20 декабря 1944 г. ЧСР вместе с Германией и Австрией была передана в новый Центрально-Европейский отдел. Делами Польши и СССР занимался Восточно-Европейский [30. P. 777–808]. Таким образом, Чехословакия оказывалась в «средней зоне», разделявшей Восток и Запад. Это соответствовало концепции Бенеша. В тот же день был определен новый американский посол в ЧСР – Л. Штейнгардт. Ранее он представлял интересы США в Швеции, Перу, СССР, а с 1942 г. в Турции. Предполагалось, что в начале 1945 г. он вернется в Вашингтон, после чего направится в Лондон, а затем в резиденцию чехословацкого правительства [20. 860F.01/1-2045; 32]. Выбор этой кандидатуры должен был подчеркнуть важность ЧСР в послевоенной Европе.

Но дальнейшая судьба чехословацкого правительства зависела от Кремля и способности Бенеша найти приемлемый компромисс с советским руководством. Еще в сентябре 1944 г. он получил предложение направиться на освобожденную территорию через Москву [5. С. 296]. Опасаясь, что промедление может привести к ослаблению влияния лондонского правительства и потере контроля над политическим процессом, Бенеш принял предложение. 1 января 1945 г. он проинформировал об этом советского поверенного в делах И.А. Чичаева. Местом временного пребывания правительства ЧСР был назван словацкий город Кошице [10. Dok. 207–208].

Американцы получили официальное уведомление о планировавшемся переезде через Штейнгардта 20 января [32. P. 1525–1533]. В связи с этим вставал вопрос о направлении в Кошице американских дипломатов и сотрудников посольства [31]. Госдепартамент был готов открыть миссию сразу, как только правительство переедет на освобожденную территорию [19. P. 425; 20. 860F.01/1-2945].

Точные даты переезда были неизвестны. Многое зависело от дальнейшего хода военных действий. Кроме того, 4–11 февраля 1945 г. в Крыму проходила конференция лидеров Большой тройки, итогов которой ожидало и чехословацкое правительство. Чехословакия не была предметом отдельных переговоров между лидерами СССР, США и Великобритании. Чтобы добиться от СССР формальных обязательств в отношении политического восстановления европейских стран, по инициативе американской стороны была подписана «Декларация об освобожденной Европе», согласно которой правительства трех держав-победительниц должны были способствовать обеспечению демократического развития европейских народов [33. С. 231–232].

Наконец, после согласования маршрута, состава и сроков пребывания чехословацкой делегации в Москве, вылет был назначен на март [5. С. 316]. В преддверии ее отбытия Брюинс провел серию встреч с чехословацкими политиками. Его интересовали состав будущего кабинета, положение дел в Словакии и Закарпатье, направление дальнейшего развития страны, экономическое восстановление и межнациональные отношения. Дипломат выявил наличие различных мнений о составе, полномочиях и продолжительности работы нового правительства. Правые политики полагали, что влияние коммунистов в ЧСР будет расти, но советская система не будет принята народом из-за традиционной приверженности демократии. Левые были уверены в усилении коммунистов. Масарик сообщил, что намеревался покинуть правительство и найти для себя применение в США. Министр полагал, что чешские коммунисты не располагали сильной поддержкой СССР и не получат преимущества в правительстве [25. Files Czech 800, Czech 801].

17 февраля чехословацкий президент выступил по радио с обращением к соотечественникам. Он сообщил, что в ближайшее время правительство и Государственный совет будут распущены. В Чехословакии будет сформирован новый кабинет, который при опоре на национальные комитеты инициирует проведение важных реформ. На следующем этапе предстояло сформировать новые партии, провести парламентские и президентские выборы [20. 860F.01/2-2145].

Чехословацкая правительственная делегация вылетела из Великобритании в СССР по южному маршруту через Северную Африку и Ближний Восток на двух самолетах 9 и 11 марта [20. 860F.01/3-1045, 860F.01/3-1245]. После нескольких кратковременных остановок ее члены прибыли в Москву 17-го и пробыли там до 31 марта [5. С. 317–322]. Бенеш был принят с официальными почестями. По словам его секретаря Э. Таборского, Молотов приветствовал его «со своей обычной каменистой улыбкой», но доброжелательный и дружественный характер встреч 1943 г. контрастировал с ощущавшейся в 1945 г. напряженностью [34. P. 202].

В Москве Бенеш также дважды, 22 и 30 марта, встречался с послом Гарриманом и информировал его о ходе своего визита. Во время первой встречи президент выглядел оживленным и довольным. Он сообщил, что вел в Москве две серии переговоров – с советскими властями по вопросам внешней политики и с чехословацкими коммунистами о реорганизации правительства. По его словам, советская сторона подтвердила предшествующие соглашения и готовность помочь в вооружении чехословацкой армии [19. P. 427].

Во время второй беседы настроение чехословацкого президента изменилось. Он был обеспокоен решением советских властей отложить допуск иностранных дипломатов в Кошице, а также новым поворотом в обсуждении вопроса о составе правительства. Он сообщил, что коммунистам удалось добиться двойного представительства в кабинете: в него вошли на равной основе члены 4 чешских и 2 словацких партий, но коммунисты были представлены двумя самостоятельными партиями в Чехии и Словакии. Из-за этого состав кабинета пришлось увеличить до 25 человек. Но Бенеш заметил Гарриману, что «могло быть и хуже». Сталин дал понять президенту, что не рад такому результату, дававшему повод для подозрений в советском давлении. Он заверил Бенеша, что не имеет таких намерений и не стремится большевизировать Европу. Конфиденциально Сталин сообщил, что считал чехословацких коммунистов патриотами и хорошими людьми, но слишком «зашоренными», зацикленными на идеологии, и посоветовал Бенешу заняться расширением их кругозора [19. P. 430–433; 20. 860F.01/3-3145; 34. P. 206].

3 апреля чехословацкая делегация прибыла в Кошице, на следующий день было объявлено о создании нового правительства. О его составе Рипка сообщил Шоенфельду 5 апреля [25. File Czech 800]. Его первый анализ был подготовлен УСС. Прежде всего, привлекали внимание изменившаяся структура и предоставление сильных позиций коммунистам (ранее этого не было в чехословацких кабинетах). Они получили сразу 8 мест, включая два вице-премьерских поста. Важнейшими были министерства внутренних дел, информации, образования, должность заместителя министра иностранных дел. Главой правительства стал чехословацкий посол в Москве социал-демократ З. Фирлингер, считавшийся «самым известным просо-

ветским политиком вне коммунистической партии». Это означало, что внешняя политика ЧСР будет ориентироваться на тесное сотрудничество с СССР. Но внутренняя, по мнению УСС, не обязательно должна была следовать «большевистской программе» [35].

Кеннан счел новое правительство преимущественно коммунистическим: он нашел в нем 6 открытых коммунистов, 3 коммунистов по убеждениям, 4 вероятных сторонника коммунистов – всего 13 человек против 9 «не коммунистов». Из этого следовало, что Чехословацкое правительство могло оказаться под сильным влиянием Москвы [20. 860F.01/5-845]. Еще одним доказательством усиления левых тенденций была опубликованная правительством программа послевоенного развития. В ней говорилось о теснейшем сотрудничестве с СССР, намечались контуры социалистических реформ [Ibid. 860F.01/4-1145, 860F.01/4-2045].

Образование кошицкого правительства повлекло первый кризис в советско-американских отношениях из-за Чехословакии. Он был вызван отказом СССР допустить иностранный дипломатический корпус на чехословацкую территорию. Первоначально планировалось, что дипломаты отправятся вместе с оставшимися в Лондоне чехословацкими служащими на корабле в Румынию, откуда доберутся в Кошице. Список американской делегации был заранее передан советскому поверенному в делах, а отплытие было запланировано на 29 марта [20. 860F.01/3-1745; 28. P. 34]. За два дня до намеченной даты НКИД поставил чехословацкого посла в Москве в известность, что советские военные власти возражали против прибытия дипломатов, поскольку район оставался зоной военных действий. При этом советским властям в Румынии было дано указание не выдавать разрешения на проезд дипломатов [5. С. 323; 19. P. 429; 20. 860F.01/3-2845].

Для госдепартамента это оказалось неприятным сюрпризом. Более всего американцев возмутило, что советский посол В.А. Зорин отправился вместе с Бенешем и стал единственным дипломатом союзников при чехословацком правительстве. По мнению госдепартамента, это нарушало принцип равенства держав и ялтинские договоренности. Кроме того, как заметил американский представитель в Румынии Б. Берри, действия Москвы могли быть истолкованы как признак слабости американских позиций и удар по престижу США [20. 860F.20 Mission/4-245]. Настораживал и отказ советской стороны предоставить чехословацкому правительству независимую радиосвязь, означавший, что оно оказалось в фактической изоляции [20. 860F.01/4-1045, 860F.01/4-1245; 36. С. 386].

Гарриману было дано указание запросить советские визы на проезд хотя бы для минимальной группы посольства, чтобы выяснить реальные намерения Кремля: «...не используют ли советские власти ситуацию в Кошице как повод для отказа допустить представителей дружественных правительств в период начальных стадий политической реконструкции» [20. 860F.01/3-2845, 860F.01/3-2945]. Госсекретарь Стеттиниус выразил протест наркому Молотову на проходившей в это время конференции в Сан-Франциско. Но тот сослался на военную ситуацию и пообещал в скором времени допустить американскую миссию к работе. Жалобы американских дипломатов в Москве были встречены обещаниями решить проблем в ближайшее время [19. P. 440–450; 20. 860F.01/4-2645]. Они не были выполнены.

Госдепартамент был обеспокоен, но повлиять на ситуацию не мог. Кроме того, создание кошицкого правительства совпало со сменой руководства в США. 12 апреля скончался Рузвельт и его сменил Г. Трумэн. Последнему требовалось время для ознакомления с международными проблемами.

Затягивание допуска американских дипломатов в Кошице подтолкнуло департамент на поиск способов давления на Москву. 18 апреля Третья армия США пересекла границу Богемии и начала освобождение западной Чехии. Когда британский министр иностранных дел Э. Иден и премьер Черчилль предложили американским властям отдать приказ о наступлении на Прагу, чтобы освободить чехословацкую столицу и тем самым обеспечить серьезные политические преимущества, Стеттиниус поддержал их аргументы. Госдепартамент направил меморандум Трумэну, обосновывая данный шаг не только с позиций ответной реакции на препятствия Москвы отправке американских дипломатов в Кошице, но и необходимостью создать более выгодные условия для переговоров с СССР. Президент предпочел не вмешиваться в военные вопросы и оставил решение за главнокомандующим Д. Эйзенхауэром. Тот, натолкнувшись на возражения советского генштаба, решил остановить войска на согласованной ранее линии к западу от Праги [2. С. 335–338]. 9 мая в чехословацкую столицу вошли части Красной армии. Через неделю в нее вернулся президент Бенеш [28. P. 52–53].

Дипломаты США смогли прибыть в Чехословакию с запада через американскую оккупационную зону только в конце мая [19. P. 455]. Хотя они были встречены с радостью и энтузиазмом, глава дипломатической мисси А. Клифорт обнаружил в стране всплеск пророссийских и прокоммунистических настроений, преобладание коммунистов в национальных комитетах, обилие советской пропаганды [19. P. 457; 20. 860F.01/6-845; 25. File Czech 800]. Вместе с тем политические деятели, включая лидера компартии К. Готвальда, высказывались за восстановление дружеских отношений с западными странами и США [25. File Czech 800; 37].

Меморандум госдепартамента, подготовленный для Трумэна перед встречей в Потсдаме, гласил: «Отношения между Соединенными Штатами и Чехословакией остаются прекрасными, как это было в прошлом. Временное правительство функционирует… и активно готовится к выборам для создания окончательного и всенародно избранного правительства» [19. P. 463].

Ситуация с Чехословакией показывала, что, несмотря на установившиеся в годы войны сотрудничество, в США сохранялись серьезные опасения в отношении советских намерений. Американцы предпочитали видеть Чехословакию демократическим государством, ориентированным на Запад, и опасались установления в ней коммунистического режима.

Отказ США от вмешательства в развитие ситуации в Чехословакии можно объяснить несколькими причинами. Прежде всего, американцы позитивно оценивали демонстрацию относительной сплоченности чехословацких эмигрантских кругов вокруг Бенеша. Анализ материалов, полученных в результате наблюдения за оппозиционными политиками, также приводил к выводам, что именно он являлся сильнейшим претендентом на роль послевоенного главы государства. В отличие от поляков представители чехословацкой эмиграции в большинстве своем поддерживали сближение с СССР и не пытались внести раскол в стан союзников, что добавляло симпатий Бенешу и создавало ему образ искусного и дальновидного политика. Предложенная им компромиссная программа развития страны импонировала Рузвельту и хорошо сочеталась с выводами многих американских экспертов. Убежденность Бенеша в приверженности чехов демократическим традициям, уверенность в неизбежности их возрождения и невозможности перехода страны к коммунизму способствовали тому, что в США сочли его подходящим претендентом на власть, владеющим ситуацией и способным направить страну по верному пути.

Эти аргументы дополнялись осторожной политикой Москвы в чехословацком вопросе и заверениями Сталина в том, что он намерен уважать суверенитет ЧСР и поддерживать предложенный Бенешем путь развития. Благодаря этому в США пример Чехословакии представлялся доказательством способности СССР выстраивать нормальные политические отношения с соседними странами. Лишь отдельные эксперты трактовали признаки усиления коммунистического влияния как подтверждение вмешательства Москвы и серьезную угрозу для будущего всего региона. Вашингтон был готов проверить на примере Чехословакии эти опасения, как и возможность дальнейшего сотрудничества с СССР в международных вопросах. Все это служило основой американской политики в отношении Чехословакии на завершающем этапе войны, формируя выжидательную, а не активную позицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Христофоров В. Американские дипломаты на rendezvous с советской политикой и русской культурой (1941–1945) // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 2. С. 119–136.
2. Зорин А.В. Официальный визит президента Э. Бенеша в США в 1943 г. // Вопросы истории. 2016. № 5. С. 3–15.
3. Dr. Edvard Beneš's official wartime visit to the United States and Canada in 1943. N.Y., 1944.
4. President Benes on war and peace. Czechoslovak sources and documents. № 4. N.Y., 1943.
5. Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2: 1941–1945 гг. М. : Индрик, 2009.
6. NARA (US National Archives and Records Administration, College Park, MD). Record Group 165. MID. Regional File 1922–44. Czechoslovakia. Box 692.
7. NARA. Record Group 84. American Mission to the Czech Government in Exile. General Records, 1941–1943. Box 8.
8. Ján Papánek za vojny Edvardovi Benešovi. Dokumenty 1939–1945. Výber / ed. by S. Michálek. Bratislava, 1997.
9. NARA. Record Group 59. Central Decimal File, 1910–1944.
10. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty, d.1. Praha, 1998.
11. Foreign Relations of the United States. 1944. Washington, 1965. Vol. 3.
12. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2006.
13. АВП РФ. Ф. 06 Оп. 6 Д. 764. П. 56. URL: http://agk.mid.ru (дата обращения: 22.10.2017).
14. Benes E. Czechoslovakia Plans for Peace // Foreign Affairs. 1944. Vol. 23, № 1. P. 26–37.
15. NARA. Record Group 165. Regional File 1922–1944. Box 690: Military Attaché report.
16. АВП РФ. Ф. 06 Оп. 6 Д. 763. П. 56. URL: http://agk.mid.ru (дата обращения: 22.10.2017).
17. Foreign Relations of the United States. 1944. Washington, 1965. Vol. 4.
18. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
19. Foreign Relations of the United States. 1945. Washington, 1968. Vol. 4.
20. NARA. Record Group 59. Central Decimal File, 1945–1949.
21. NARA. Record Group 218. Geographic File, 1942-45. Box 36: Assistance to the Slovak Amy and Partisans. Nov. 7. 1944.
22. NARA. Record Group 226. OSS Central Files. Entry 92. Box 565: Memorandum on Czechoslovakia. Sept. 8. 1944.
23. NARA. Record Group 208. Office of Overseas War Information. Central File 1941–45. Box 274: Relations between the Czechoslovak and Russian Governments.
24. NARA. Record Group 84. US Embassy, Prague. Classified General Records, 1945–57. Box 2.
25. NARA. Record Group 84. US Embassy, Prague. Classified General Records, 1945–57. Box 3.
26. Laurence A. Steinhardt papers, 1929–1950. Library of Congress, Washington, D.C. Box 46: Riddleberger to Steinhardt. Feb. 3. 1945.
27. Garrett J.V. Apotheosis: Czechoslovakia and the coup in the American peace, 1938–1948. A PhD dissertation. Bowling Green State University, 1987.
28. Lukes I. On the edge of the Cold War: American diplomats and spies in postwar Prague. N.Y., 2012.
29. Clements C.W. The Development and failure of American Policy Toward Czechoslovakia, 1938–1948. A PhD dissertation. Miami University, Oxford, Ohio, 2004.
30. The Department of State. Bulletin. 1944. Vol. XI, № 286a. Dec. 17. 1944. Supplement.
31. Laurence A. Steinhardt papers, 1929–1950. Library of Congress, Washington, D.C. Box 46: Riddleberger to Steinhardt. Jan. 26. 1945.
32. Foreign Relations of the United States. 1944. Washington, 1965. Vol. 1.
33. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. : сб. док. М. : Политиздат, 1984. Т. 4.
34. Taborsky E. President Edvard Beneš. Between East and West, 1938–1948. Stanford, 1981.
35. NARA. Record Group 208. Overseas Central File 1941–45. Box 274: R&A report no. 3015.
36. Марьина В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М. : Индрик, 2013.
37. Laurence A. Steinhardt papers, 1929–1950. Library of Congress, Washington, D.C. Box 46: Klieforth to Steinhardt. June 4. 1945.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 декабря 2017 г.

SOVIET-CZECHOSLOVAK RAPPROCHEMENT IN 1943–1945: A VIEW FROM THE USA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 178–186.
DOI: 10.17223/15617793/425/23

Valeriy T. Yungblyud, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: youngblood@vyatsu.ru
Artem V. Zorin, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: arzor@list.ru

Keywords: World War II; history of Czechoslovakia; Soviet-Czechoslovak relations; Soviet-American relations; American-Czechoslovak relations; E. Benes.

The article analyzes the US policy towards the Czechoslovak government-in-exile in 1943–1945. At that time President of the Czechoslovak Republic in exile E. Benes formulated the program for the post-war reconstruction of his country, focused on equal relations with the main allied powers: the United Kingdom, the USSR and the United States. Assuming that the independence of Czechoslovakia would primarily depend on good relations with the Soviet Union, Benes visited Moscow in December 1943 and in March 1945. During the first visit he concluded the Soviet-Czechoslovak agreement of mutual assistance for 20 years. The second visit was devoted to the negotiations on further cooperation with the USSR and discussions of the new Czechoslovak government – its composition and communists' participation. In April 1945 the government members were transferred to the Slovak city of Kosice, liberated and controlled by the Red Army. The article deals with the US State Department's attitude towards the Czechoslovakian situation and its development in this period. American experts' and diplomats' opinions on the emerging Soviet-Czechoslovak rapprochement, their reaction to the post-war development program of the CSR are highlighted. The author notes their increasing fears about the Soviet policy on the liberated territory of this country, about the strengthening of the communist influence there. He analyzes American experts' forecasts about the new Czechoslovak government composition, their assessment of agreements reached in Moscow, estimates of the Košice program and proclamation of the further rapprochement with the USSR. The place of Czechoslovakia in the American plans for the post-war Europe is being considered as well. The first diplomatic clash between Moscow and Washington on the Czechoslovak issue happened in April–May 1945 because of the Soviet Government's refusal to allow Western diplomats to Kosice. Americans attempts to overcome it were unsuccessful. Its result was the emergence of a serious suspicion in Washington about Moscow's desire to expand its sphere of influence in Central Europe. The situation with Czechoslovakia demonstrated that, despite the war cooperation, the US had serious concerns about Soviet intentions. Americans preferred to see Czechoslovakia as a pro-western democratic state and were afraid of a communist regime being established there. However, the US avoided direct intervention, counting on the gradual return of the Czechoslovak Republic to the pre-war democratic system. Benes's course allowed the US to test the USSR's desire and ability to build normal political relations with the neighboring countries in practice. The article is based on the analysis of primary sources from the United States National Archives, the Library of Congress, the Foreign Policy Archive of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Khristoforov, V. (2016) American Diplomats on a *Rendezvous* with *Soviet* Policy and Russian *Culture* (*1941–1945*). *Quaestio Rossica*. 4:2. pp. 119–136. (In Russian). DOI: 10.15826/QR.2016.1.143
2. Zorin, A.V. (2016) Official visit of President E. BENEŠ in the United States in 1943. *Voprosy istorii*. 5. pp. 3–15. (In Russian).
3. Reichart, R. (ed.) (1944) *Dr. Edvard Benes, President of Czechoslovakia: The Czechoslovak Statesman's Official Wartime Visit to the United States and Canada in 1943*. New York: International Business Machines Corp.
4. Czechoslovak sources and documents. (1943) President Benes on war and peace. *Czechoslovak sources and documents*. 4.
5. Mar'ina, V.V. (2009) *Sovetskiy Soyuz i chekho-slovatskiy vopros vo vremya Vtoroy mirovoy voyny. 1939–1945 gg.* [The Soviet Union and the Czechoslovak issue during the Second World War. 1939–1945]. Book 2: 1941–1945. Moscow: Indrik.
6. NARA (US National Archives and Records Administration, College Park, MD). Record Group 165. MID. *Regional File 1922–44. Czechoslovakia.* Box 692.
7. NARA. Record Group 84. *American Mission to the Czech Government in Exile. General Records, 1941–1943*. Box 8.
8. Michálek, S. (ed.) (1997) *Ján Papánek za vojny Edvardovi Benešovi. Dokumenty 1939–1945. Výber* [Jan Papanek for the Edvard Benes war. Documents 1939–1945. selection]. Bratislava: Veda vyd. Slovenskej akadémie vied.
9. NARA. Record Group 59. Central Decimal File, *1910–1944*.
10. Němeček, J., Nováčková, H., Šťovíček, I. & Tejchman, M. (1998) *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty* [Czechoslovak-Soviet relations in diplomatic negotiations. 1939–1945. Documents]. Prague: Státní ústřední archiv.
11. Perkins, S. et al. (1965) *Foreign Relations of the United States. 1944*. Vol. 3. Washington: U.S. Government Printing Office.
12. Pechatnov, V.O. (2006) *Stalin, Ruzvel't, Trumen. SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman. The USSR and the USA in the 1940s]. Moscow: TERRA–Knizhnyy klub.
13. Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06 List 6 File 764. P. 56. [Online] Available from: http://agk.mid.ru. (Accessed: 22.10.2017). (In Russian).
14. Benes, E. (1944) Czechoslovakia Plans for Peace. *Foreign Affairs*. 23:1. pp. 26–37.
15. NARA. Record Group 165. Regional File 1922–1944. Box 690: *Military Attaché report.*
16. Foreign Policy Archive of the Russian Federation (AVP RF). Fund 06 List 6 File 763. P. 56. [Online] Available from: http://agk.mid.ru. (Accessed: 22.10.2017).
17. Perkins, S. et al. (1965) *Foreign Relations of the United States. 1944*. Vol. 4. Washington: U.S. Government Printing Office.
18. Noskova, A.F. (ed.) (2012) *Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoy istorii* [Poland in the 20th century. Essays on political history]. Moscow: Izdatel'stvo "Indrik".
19. Perkins, S. et al. (1968) *Foreign Relations of the United States. 1945*. Vol. 4. Washington: U.S. Government Printing Office.
20. NARA. Record Group 59. Central Decimal File, *1945–1949*.
21. NARA. Record Group 218. Geographic File, 1942-45. Box 36: *Assistance to the Slovak Amy and Partisans. Nov. 7. 1944.*
22. NARA. Record Group 226. OSS Central Files. Entry 92. Box 565: *Memorandum on Czechoslovakia. Sept. 8. 1944.*
23. NARA. Record Group 208. Office of Overseas War Information. Central File 1941–45. Box 274: *Relations between the Czechoslovak and Russian Governments.*
24. NARA. Record Group 84. *US Embassy, Prague. Classified General Records, 1945–57*. Box 2.
25. NARA. Record Group 84. *US Embassy, Prague. Classified General Records, 1945–57*. Box 3.
26. Library of Congress, Washington, D.C. Box 46: Riddleberger to Steinhardt. Feb. 3. 1945. Laurence, A. *Steinhardt papers, 1929–1950.*
27. Garrett, J.V. (1987) *Apotheosis: Czechoslovakia and the coup in the American peace, 1938–1948*. A PhD dissertation. Bowling Green State University.
28. Lukes, I. (2012) *On the edge of the Cold War: American diplomats and spies in postwar Prague*. N.Y.: Oxford University Press.

29. Clements, C.W. (2004) *The Development and failure of American Policy Toward Czechoslovakia, 1938–1948*. A PhD dissertation. Miami University, Oxford, Ohio.
30. The Department of State. Bulletin. 1944. Vol. XI, No. 286a. Dec. 17. 1944. Supplement.
31. Library of Congress, Washington, D.C. Box 46: Riddleberger to Steinhardt. Jan. 26. 1945. Laurence, A. *Steinhardt papers, 1929–1950.*
32. Perkins, S. et al. (1965) *Foreign Relations of the United States. 1944*. Vol. 1. Washington: U.S. Government Printing Office.
33. Gromyko, A.A. (ed.) (1984) *Sovetskiy Soyuz na mezhdunarodnykh konferentsiyakh perioda Velikoy Otechestvennoy voyny, 1941–1945 gg.: sb. dok.* [The Soviet Union at the international conferences of the Great Patriotic War, 1941–1945: documents]. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
34. Taborsky, E. (1981) *President Edvard Beneš. Between East and West, 1938–1948*. Stanford: Stanford University Press.
35. NARA. Record Group 208. *Overseas Central File 1941–45*. Box 274: R&A report no. 3015.
36. Mar'ina, V.V. (2013) *Vtoroy prezident Chekhoslovakii Edvard Benesh: politik i chelovek. 1884–1948* [The second president of Czechoslovakia, Edward Beneš: a politician and a man. 1884–1948]. Moscow: Indrik.
37. Library of Congress, Washington, D.C. Box 46: Klieforth to Steinhardt. June 4. 1945. Laurence. A. *Steinhardt papers, 1929–1950.*

Received: 03 December 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 187–190. DOI: 10.17223/15617793/425/24

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.4

Е.Ю. Ливенцова, И.Ю. Малкова

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Теоретически обосновываются этапы развития социально-предпринимательской компетентности в образовательном пространстве классического университета (на примере Томского государственного университета). Комплекс теоретических исследований позволяет выявить сущностные аспекты феномена социального предпринимательства, определяет компонентный состав социально-предпринимательской компетентности.

Ключевые слова: компетентностный подход; образовательное пространство; социальное предпринимательство; социально-предпринимательская компетентность.

Постоянное реформирование университетского образования в контексте концепции открытости обостряет социальную функцию, наделяет универсальной особой третьей миссией. Современные университеты становятся институтами развития общества. Стратегическое планирование и практическая реализация третьей миссии университета, в свою очередь, приводит к выполнению функции, обеспечивающей инновационное развитие регионов. В Европе и России третья миссия понимается по-разному, но в общем смысле обозначает стратегию, в рамках которой обеспечивается реализация трех направлений: непрерывное образование; трансфер технологий и развитие инноваций, вовлеченность университетов в социальную жизнь [1].

Участие классического университета в жизни сообщества дает возможность реализовать ему исторически заложенную миссию общественного служения. Университет формирует запас доверия к себе, что ведет к обогащению качества социального партнерства вуза с государством, бизнесом и некоммерческим сектором. Обучающиеся такого университета приобретают возможность развивать профессионально-полезные навыки и вне стен университета. Интенсивно развиваясь, развивая свою профессиональную сферу и выходя за ее границы, они определяют себя как трансфессионалы [2].

Рассмотрение с данных позиций уникальности Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ) как классического привело исследователей к фокусировке на сфере повышения качества жизни человека и общества. Процессы взаимодействия НИ ТГУ с сообществами закреплены в Стратегической инициативе № 6 Программы повышения конкурентоспособности, удерживающей функцию системного повышения роли университета в развитии региона и его сообществ через развитие инициативных, в том числе социально-предпринимательских проектов обучающихся. Таким образом, развитие социально-предпринимательской компетентности обучающихся раскрывается как одна из актуальных образовательных задач.

С целью обоснования содержания социально-предпринимательской компетентности обучающихся мы обращаемся к исследованиям характеристик социального предпринимательства. В разное время к теме социального предпринимательства обращались зарубежные и отечественные исследователи Ю. Арай, Д. Браун, Г. Диз, К. Леттс, А. Московская, Дж. Мэйр, Дж. Робинсон, С. Элворд и др.

Во-первых, в качестве конструирующего признака социального предпринимательства выделяют ориентацию на создание ценности, в составе которой приоритетное значение имеет производимый социальный эффект. Во-вторых, социальное предпринимательство – инновационный тип деятельности, ориентированный на поиск новых возможностей решения социальной проблемы. В-третьих, социально-предпринимательская деятельность ведет к получению особого продукта – социального капитала, который выступает как образовательный результат и ресурс, особенно важный для классического университета, позволяющий развивать партнерское взаимодействие с социальными предпринимателями – выпускниками.

Опираясь на исследования Ч. Лидбитера, Дж. Мэйр, Э. Нобо, Дж. Робинсона, Д. Томпсона, Л. Шубиной, мы определили сущностные черты субъекта социального предпринимательства. Таким образом, социальный предприниматель характеризуется инновационным типом мышления, особой эффективностью в коммуникации и обладанием «прошлого» опыта разрешения социальных проблем. Характеристики социального предпринимательства и его субъекта помогают нам обратиться к обоснованию содержания социально-предпринимательской компетентности.

Сегодня компетентностный подход характеризуется совокупностью общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. Данный подход способствует обоснованию содержания социально-предпринимательской компетентности обучающихся, уточнению ведущих компетенций, входящих в состав компетентности; определению содержания деятельности по развитию социально-предпринимательской компетентности обучающихся. Компетентностный подход, актуализирующий деятельностные основания образования (что обусловлено феноменом социального предпринимательства как вида деятельности),

обостренный личностно-ориентированной парадигмой, по мнению Е.В. Бондаревской, содержит набор компетенций, ориентированных на смысловую составляющую любого вида деятельности [3. С. 182].

Опираясь на сущностные характеристики социального предпринимательства, мы полагаем, что в содержание социально-предпринимательской компетентности входят следующие компоненты: социально-коммуникативная и инновационно-предпринимательская компетенции. Социально-коммуникативная отражает уровень потребности обучающегося в решении социальных проблем города и региона и показывает отношение обучающегося к коммуникации как к важному ресурсу реализации социально-предпринимательской деятельности. Инновационно-предпринимательская компетенция отражает уровень потребности обучающегося в приобретении предпринимательских навыков, развитии инновационного мышления и показывает готовность обучающегося осуществлять социально-предпринимательские пробы.

Особое значение для нашего исследования представляет тот факт, что в концепциях философско-педагогической антропологии отражено понимание образования как пространства человеческого существования, реальности человека. По мнению В.И. Слободчикова, «в науках, ориентированных на образование, все более укореняется антропологический подход, который в сфере гуманитарного знания определяет, в первую очередь, ориентацию на человеческую реальность во всей ее полноте; поиск средств и условий становления полного человека; человека как субъекта собственной жизни» [4, 5].

В контексте антропологического подхода В.Е. Клочко [6. С. 17] предлагает понимание образования как действительности человека, которая «содержит в себе его собственную субъективность, “осевшую” на объектах и превратившую их в предметы, имеющие для человека значение, смысл, ценность». При этом, рассматривая гуманитарный потенциал образования как психологическую реальность, В.Е. Клочко подчеркивает, что образование – это действительность, т.е. пространство, в котором человек может действовать. Настоящая деятельность совершается тогда, когда человек понимает смысл и ценность своих действий. Ценности превращают жизненный мир личности в действительность – устойчивое, переживаемое как реальность, т.е. существующее «здесь и сейчас» пространство.

Перечисленные исследования в области образования указывают на то, что в период социальной реформации, инновационного развития особое значение приобретает способность человека «держать» и конструировать формы социальной практики [8]. Такая способность характеризует человека как субъекта социальной практики и деятельности (Е.И. Исаев, М.К. Мамардашвили, В.И. Слободчиков, М. Фуко, Г.П. Щедровицкий и др.), а в контексте нашего исследования – субъекта социального предпринимательства.

В педагогической науке, посвященной инновационному образованию, естьт исследования открытого пространства образования, основными существенными признаками которого являются: «место» человека в образовании, возможность (невозможность) влиять, участвовать в своем образовании, создавать свои, реальные образовательные формы; «движущие» силы изменения образования; развитие «человеческого ресурса» (Г.Н. Прозументова) [7]. Базовыми признаками открытого образовательного пространства является включенность обучающихся в его проектирование, создание образовательного сообщества как субъекта образования (И.Ю. Малкова) [8]. В рамках деятельностного подхода построение образовательного пространства субъекта социально-предпринимательской деятельности предполагает «сохранение целостности структуры деятельности (по А.Н. Леонтьеву) через последовательную актуализацию ее компонентов (потребности, мотивы, цели, условия), что создает предпосылки для органичного включения образовательной деятельности субъекта в целостный контекст его жизнедеятельности».

Мы ставим особый акцент на использовании таких образовательных программ и технологий для построения современного образовательного пространства классического университета, которые, по мнению В.Е. Клочко и Э.В. Галажинского, «определяют «личное присутствие» субъекта в своем образовании с возможностью влияния на него; обеспечивают подготовку к инновационной деятельности; формируют компетенции эффективного группового взаимодействия, коммуникации и совместной деятельности, необходимые для жизни человека в открытом образовательном пространстве», в том числе и для развития социально-предпринимательской компетентности [9. С. 146].

Таким образом, опираясь на труды В.Е. Клочко, Э.В. Галажинского, И.Ю. Малковой, мы обращаем внимание, прежде всего, на особую роль гуманитарных технологий в построении образовательного пространства университета для развития социально-предпринимательской компетентности. Это обусловлено тем, что «гуманитарные технологии, находящиеся на разных стадиях разработки, ориентируются на проектирование таких образовательных сред, которые позволяют человеку выстраивать траектории жизнеосуществления, максимально реализуя жизненные ресурсы» [9. С. 146]. В итоге актуальность гуманитарных технологий обосновывается приоритетом образования в обучении субъектов новым способам мышления и формам деятельностей.

Рассматривая дискурс социального предпринимательства, базирующийся на идеологии общественного участия, мы выявили, что основой формирования подобной идеологии у социального предпринимателя является наличие опыта решения социальных проблем, актуализирующийся во взаимодействии с социальной средой. Таким образом, можно предположить, что в образовательном пространстве классического университета должны существовать такие «места», где обучающиеся получают опыт решения социальных проблем, что является основой развития социально-коммуникативной компетенции, входящей в состав социально-предпринимательской компетентности; развить инновационно-предпринимательскую компетенцию и сформировать навык рефлексии эффективности результатов социально-предпринимательской деятельности.

Таким образом, содержание социального предпринимательства как вида деятельности и структура социально-предпринимательской компетентности позволяют нам определить основные этапы ее развития в образовательном пространстве классического университета:

– появление опыта решения социальных проблем (происходит во взаимодействии с социальным сектором в различных социальных практиках), что составляет основу развития социально-коммуникативной компетенции;

– становление у обучающегося опыта разработки социально-предпринимательских проектов (способствует развитию знаниевого компонента социально-коммуникативной и инновационно-предпринимательской компетенций);

– организация включения обучающегося в реализацию реальных социально-предпринимательских проектов (позволяет проявить социально-коммуникативную и инновационно-предпринимательскую компетенции в деятельности);

– организация рефлексии (позволяет проявить дефициты и перейти к их устранению и переводит обучающегося в статус действующего субъекта социально-предпринимательской деятельности).

Обобщая, мы можем сделать вывод, что образовательное пространство учреждения должно обеспечивать возможности для прохождения обучающимися всех этапов в рамках развития социально-предпринимательской компетентности. Однако, как показывает опыт ведущих отечественных университетов (Университет ИТМО, НИУ Высшая школа экономики, НИ ТГУ и др.), наиболее эффективно развивать социально-предпринимательскую компетентность обучающихся помогают специально организованные центры. Такие центры, встроенные в образовательное пространство университета, помогают им системно и эффективно пройти все этапы развития социально-предпринимательской компетентности, поскольку специально разрабатывают систему содействия подготовки социальных предпринимателей, привлекая структурные подразделения университета и внешних партнеров из числа государственных учреждений, социально-ориентированных организаций и представителей бизнес-структур. В связи с этим центры выполняют координационную функцию между обучающимися, желающими развивать социально-предпринимательскую компетентность, организациями коммерческой и некоммерческой сферы, сообществами социальных предпринимателей и самим университетом, представляющим в рамках открытого образовательного пространства многочисленные ресурсы для профессионального развития (кампусные курсы, открытые лекции, дистанционное обучение и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вузы и местные сообщества – инструмент инновационного развития регионов. Аналитический обзор Вячеслава Бахмина // Комитет гражданских инициатив. URL: https://komitetgi.ru/analytics/3402/ (дата обращения: 03.10.2017).
2. Программа повышения конкурентосбоности ТГУ. URL: http://viu.tsu.ru/documents/ (дата обращения: 10.10.2017).
3. Малкова И.Ю., Абакумова Н.Н. Компетентностный подход в образовании: организация и диагностика. Томск : ТГУ, 2007. 368 с.
4. Слободчиков В.И. Очерки психологии образования. [2-е изд., перераб. и доп.]. Биробиджан : Изд-во БГПИ, 2005. 270 с.
5. Козлова Н.В., Малкова И.Ю. Образовательное проектирование и его роль в совершенствовании высшего профессионального образования. Томск : ТГУ, 2011. 122 с.
6. Клочко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Том. гос. ун-т, 2005. 174 с.
7. Прозументова Г.Н. Переход к Открытому образовательному пространству: стратегия субъективации // Переход к Открытому образовательному пространству: стратегии инновационного управления. Томск, 2003.
8. Малкова И.Ю. Концепция и практика организации образовательного проектирования в инновационной школе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 2008. 42 с.
9. Клочко В.Е., Галажинский Э.В. Инновационный потенциал личности : системно-антропологический контекст // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 146–151.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 4 ноября 2017 г.

DEVELOPMENT OF SOCIAL AND ENTREPRENEURIAL COMPETENCY OF STUDENTS WITHIN THE EDUCATIONAL PROCESS OF A CLASSICAL UNIVERSITY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 187–190.
DOI: 10.17223/15617793/425/24

Evgeniya Yu. Liventsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evg.liv@mail.ru
Irina Yu. Malkova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: malkovoi@yandex.ru

Keywords: competence approach; educational space; social entrepreneurship; social and entrepreneurial competence.

The article is devoted to the analysis of conditions and stages in the development of social and entrepreneurial competency of students within the educational process of a classical university (by example of Tomsk State University). The authors analyze a special third mission of a classical university focused on improving the quality of life of people and society. Being focused on this mission, the university is interested in developing the region and regional communities through the implementation of innovative social and entrepreneurial projects of students. In this regard, development of social and entrepreneurial competency of students is described as one of the educational tasks of a classical university. The article analyzes interdisciplinary research on the concept of social entrepreneurship. A constructive characteristic of social entrepreneurship is orientation to the creation of value with a social effect as a key feature. Social entrepreneurship is considered as an innovative type of activity leading to the creation of social capital as an educational result and resource, which is especially important for a classical university. The article analyzes competence and activity approaches that contribute to the substantiation of the content of social and entrepreneurial competency of students, as well as to the clarification of the leading competences included in the concept “competency”. The authors define such components of social

and entrepreneurial competency as social-communicative and innovative-entrepreneurial competences. The authors consider that during the development of social and entrepreneurial competency of students within the educational process, classical universities assign a special pole to: humanitarian technologies because of their prior role in teaching new ways of thinking and new forms of activities; specially organized "places" where students master the knowledge, value and activity components of social and entrepreneurial activity by moving through certain stages which include obtaining experience in solving social problems, experience in development and implementation of real social and entrepreneurial projects and reflection. The authors have concluded that in order to develop social and entrepreneurial competency of students, the educational space of the institution should provide, along with other conditions, an opportunity for students to move through all stages. For this purpose, creation of special centers allowing the accumulation of external resources (outside the university) as well as internal (within the university) seems to be effective.

REFERENCES

1. Bakhmin, V. (2017) *Vuzy i mestnye soobshchestva – instrument innovatsionnogo razvitiya regionov. Analiticheskiy obzor* [Universities and local communities are a tool of innovative development of regions. Analytical overview]. [Online] Available from: https://komitetgi.ru/analytics/3402/. (Accessed: 03.10.2017).
2. Tomsk State University. (n.d.) *Programma povysheniya konkurentosbonosti TGU* [Program to increase the competitiveness of TSU]. [Online] Available from: http://viu.tsu.ru/documents/. (Accessed: 10.10.2017).
3. Malkova, I.Yu. & Abakumova, N.N. (2007) *Kompetentnostnyy podkhod v obrazovanii: organizatsiya i diagnostika* [Competence approach in education: organization and diagnostics]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Slobodchikov, V.I. (2005) *Ocherki psikhologii obrazovaniya* [Essays on the psychology of education]. 2nd ed. Birobidzhan: BSPI.
5. Kozlova, N.V. & Malkova, I.Yu. (2011) *Obrazovatel'noe proektirovanie i ego rol' v sovershenstvovanii vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Educational design and its role in the improvement of higher professional education]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Klochko, V.E. (2005) *Samoorganizatsiya v psikhologicheskikh sistemakh: problemy stanovleniya mental'nogo prostranstva lichnosti (vvedenie v transspektivnyy analiz)* [Self-organization in psychological systems: problems of the formation of the mental space of the individual (introduction to transspective analysis)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Prozumentova, G.N. (2003) Perekhod k Otkrytomu obrazovatel'nomu prostranstvu: strategiya sub"ektivatsii [Transition to the Open Educational Space: Strategy of Subjectivization]. In: Prozumentova, G.N. (ed.) *Perekhod k Otkrytomu obrazovatel'nomu prostranstvu: strategii innovatsionnogo upravleniya* [Transition to the Open Educational Space: Strategies for Innovative Management]. Tomsk: UFO-press.
8. Malkova, I.Yu. (2008) *Kontseptsiya i praktika organizatsii obrazovatel'nogo proektirovaniya v innovatsionnoy shkole* [The concept and practice of organization of educational design in an innovative school]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Tomsk.
9. Klochko, V.E. & Galazhinskiy, E.V. (2009) Innovatsionnyy potentsial lichnosti: sistemno-antropologicheskiy kontekst [Innovative potential of the individual: the system-anthropological context]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 325. pp. 146–151.

Received: 04 November 2017

УДК 796.01:612

В.Ю. Павлов, М.Д. Кудрявцев, Ю.Т. Ревякин

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ЮНОШЕЙ 13–15 ЛЕТ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ГИРЕВЫМ СПОРТОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МОДЕЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Рассматриваются разработанные нами модельные характеристики на основе тестирования физической подготовленности юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом, позволяющие индивидуализированно подойти к тренировочному процессу и более эффективно управлять им. Практика показывает, что в гиревом спорте с каждым годом результаты растут, конкуренция усиливается. Развитие гиревого спорта требует поиска наиболее эффективного построения тренировочного процесса, особенно для юношеского возраста.

Ключевые слова: модельные характеристики; спортсмены-гиревики; физическая подготовленность; двигательные тесты; учебно-тренировочный процесс; юношеский возраст.

В современном обществе становится приоритетным заниматься не просто спортом, а именно национальными видами спорта. Поэтому наблюдается тенденция к их возрождению. Исконно русские, славянские виды спорта являются важной составляющей культуры многонационального общества нашей страны. Россия имеет полное право гордиться национальными видами спорта, которые дошли до наших дней и которые характеризуются особой самобытностью. Национальные виды спорта можно использовать как инструмент для сплочения многонационального российского общества. Очень важным моментом для развития национальных видов спорта является заинтересованность как высшего руководства, так и населения России [1].

Все большую популярность приобретает один из национальных видов спорта, гиревой спорт. Для занятий гиревым спортом не нужно особых условий, тренировочный процесс можно организовать на относительно не большой территории. Если иметь в виду спортивный зал, то вполне достаточной будет площадь 20 кв. м для группы занимающихся в 10–12 человек. Но гиревым спортом можно заниматься как в зале, так и на улице, в армейской казарме и на подводной лодке. Признание гиревого спорта как самостоятельного вида было организовано включением его в Единую всесоюзную спортивную классификацию 1985–1988 гг.

В последние годы гиревой спорт широко распространился в мире. Данный факт подтверждает проведение самых крупных международных стартов по гиревому спорту на территории Северной Америки, западной Европы, Азии и Австралии.

Развитие гиревого спорта в России и мире требует новых поисков наиболее эффективного построения учебно-тренировочного процесса для спортсменов-гиревиков, особенно юношеского возраста, как будущего спортивного резерва. Ряд авторов [2, 3] отмечают, что тренировки, построенные с учетом самочувствия занимающегося и опыта тренера, не дают сегодня желаемых результатов. С учетом специфики гиревого спорта, его силовой направленности требуются современные средства, методические приемы, новшества в тренировочном процессе с начинающими спортсменами.

При массовом развитии гиревого спорта в России и мире активно совершенствуются практика и методика подготовки спортсменов-гиревиков.

Однако изучение практического опыта работы и результаты экспертной оценки практической деятельности тренеров показывают, что для научно-методического обеспечения тренировочного процесса в гиревом спорте необходимо существенное методическое, организационное и научное обоснование.

Очень важным моментом является адекватность применяемой нагрузки относительно физических возможностей ребенка.

В науке по физической культуре и спорту проведено огромное количество исследований для изучения и решения проблемы совершенствования учебно-трениро-вочного процесса. На наш взгляд, одним из перспективных направлений стало моделирование, создание моделей и модельных характеристик, способствующих более эффективному управлению подготовкой спортсменов.

Опираясь на мнения исследователей [4, 5], во время использования модельных характеристик в разных видах спорта открываются широкие перспективы для совершенствования тренировочного процесса.

Анализ научно-теоретической литературы по теме исследования и изучения практической разработанности исследуемой проблемы позволили выявить **противоречия** между:

– необходимостью совершенствования тренировочного процесса и недостаточной разработанностью научных основ физической подготовки спортсменов-гиревиков 13–15 лет;

– потребностью практики в обосновании и разработке нового научно-методического обеспечения и отсутствием научных разработок, пособий и рекомендаций для тренеров, работающих с начинающими спортсменами-гиревиками 13–15 лет.

Поиск путей разрешения данных противоречий позволил сформулировать **проблему** исследования, заключающуюся в необходимости обоснования и разработки модельных характеристик как основы физической подготовки юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом.

Объект исследования – учебно-тренировочный процесс физической подготовки юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом.

Предмет исследования – повышение уровня физической подготовленности юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом, на основе использования модельных характеристик.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании, разработке и проверке результативности методики повышения уровня физической подготовленности юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом, с использованием модельных характеристик в учебно-тренировочном процессе.

Рабочая гипотеза. Предполагается, что результативность применения методики повышения уровня физической подготовленности юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом, значительно повысится, если:

– будет разработано и внедрено в практику научно-методическое обоснование модельных характеристик физической подготовленности, критериями которых являются уровни развития физических качеств, которые позволяют индивидуализировать учебно-тренировочный процесс по гиревому спорту;

– будет сформирован комплекс наиболее информативных двигательных тестов для осуществления контроля за уровнем развития физических качеств юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом и внесения изменений в процесс физической подготовки на основе установленных модельных требований.

В соответствии с целью и гипотезой решались следующие **задачи исследования:**

1. Изучить и провести анализ научно-теоретической литературы и практической разработанности исследуемой проблемы.

2. Выделить и адаптировать двигательные тесты с учетом основных ведущих двигательных качеств и биомеханических особенностей техники гиревого спорта и на их основе разработать модельные характеристики и научно-методическое обеспечение повышения уровня физической подготовленности в учебно-тренировочном процессе спортсменов-гиревиков 13–15 лет.

3. Разработать и применить авторскую методику повышения уровня физической подготовленности с использованием модельных характеристик в учебно-тренировочном процессе спортсменов-гиревиков 13–15 лет.

4. Выполнить оценку результативности применения авторской методики повышения уровня физической подготовленности с использованием модельных характеристик в учебно-тренировочном процессе спортсменов-гиревиков 13–15 лет.

Организация исследования. Проведение исследования осуществлялось в период с 2014 по 2017 г. на базе Томского государственного педагогического университета и Детского профильного центра «Юниор» г. Томска. В научном исследовании участвовало 80 спортсменов, которые занимаются гиревым спортом. Возраст участников составлял то 13 до 15 лет.

Первый этап (2014–2015 гг.). Проводилось ознакомление с научно-методической литературой по проблеме исследования, изучение практического опыта тренеров; формировалась гипотеза и научный аппарат; определялась методология и теоретические положения.

Второй этап (2015–2016 гг.). Проводилась опытно-экспериментальная работа: создавались нормативные требования физической подготовленности спортсменов-гиревиков 13–15 лет в виде модельных характеристик, основываясь на результатах тестирования; обосновывалась эффективность использования разработанных модельных характеристик в тренировочном процессе подростков, занимающихся гиревым спортом, как средства управления процессом подготовки.

Третий этап (2016–2017 гг.). Проводились подсчет и обработка результатов эксперимента. Формировались выводы.

Научная новизна исследования:

1. Разработано научно-методическое обеспечение повышения уровня физической подготовленности в учебно-тренировочном процессе юношей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом, с использованием модельных характеристик, содержащих нормативные требования к развитию физических качеств спортсменов и позволяющих более эффективно осуществлять физическую подготовку.

2. Выявлена положительная динамика уровня физической подготовленности в учебно-тренировочном процессе подростков 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом, с использованием модельных характеристик.

3. Сформирован и внедрен комплекс педагогических испытаний, который позволяет дать независимую оценку уровню повышения физической подготовленности юных спортсменов, занимающихся гиревым спортом.

Руководствуясь материалом учебной программы «Гиревой спорт» для ДЮСШ и учебно-методической литературой по гиревому спорту, опираясь на работы по комплексной диагностике физической подготовленности юных спортсменов, принимая во внимание рекомендации ведущих тренеров по гиревому спорту, и главное – на основе проведенного дисперсионного анализа, мы выбрали 10 двигательных тестов (характеристик), отражающих показатели развития ведущих двигательных качеств юношей, занимающихся гиревым спортом (табл. 1).

В нашем исследовании результаты проведенного тестирования дали нам возможность создать нормативные требования специальной физической подготовленности детей 13–15 лет, занимающихся гиревым спортом, используя стандартную сигмальную шкалу.

Фрагмент таблицы нормативных требований к уровню специальной физической подготовленности на примере теста «Толкание набивного мяча» представлен в табл. 2.

Создание модельных характеристик основывалось на установлении научно обоснованного модельного уровня физической подготовленности, который бы максимально эффективно способствовал росту физических качеств подростка. Важно заметить, что этот модельный уровень должен быть реально выполнимым, не завышенным и не заниженным.

Придерживаясь этих требований, модельный уровень был установлен в диапазоне высоких результатов, который находился выше + σ. Отклонение результатов от модельного значения на 0,5σ будет соответствовать «малым» рассогласованиям с ним, σ – «средним», до 2σ – «большим». Если рассогласование будет соответствовать значению 2σ от модельного уровня, то будет считаться «очень большим».

Таблица 1

Комплекс двигательных тестов для определения уровня физической подготовленности спортсменов-гиревиков 13–15 лет

Название двигательного теста	Определяемые двигательные качества
Бег 30 м, с	Быстрота
Бег 1000 м, мин	Выносливость
Подъем гирь на грудь, кол-во раз	Силовая выносливость
Прыжок в длину с места, см	Скоростно-силовые
Подтягивание в висе на высокой перекладине, кол-во раз	Силовая выносливость
Толкание набивного мяча, м	Скоростно-силовые
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа, кол-во раз	Силовая выносливость
Бросок мяча двумя руками снизу вперед, м	Скоростно-силовые
Наклоны вперед, см	Гибкость
Кистевая динамометрия, кг	Сила

Таблица 2

Нормативные требования к показателям физической подготовленности спортсменов-гиревиков 13–15 лет

Контрольный тест	Возраст, лет	Градации оценок						
		очень низкие	низкие	ниже среднего	средняя норма	выше среднего	высокие	очень высокие
Толкание набивного мяча, м	13	<7,69	7,69	8,11	8,31–8,74	8,95	9,37	>9,37
	14	<8,6	8,6	9,0	9,2–9,6	9,8	10,4	>10,4
	15	<9,34	9,34	9,72	9,91–10,29	10,48	10,86	>10,86

Таблица 3

Модельные характеристики физической подготовленности спортсменов-гиревиков 13–15 лет

Контрольный тест	Возраст, лет	Степень рассогласования с модельным уровнем			
		модельный уровень	малая до 0,5σ	средняя до σ	большая до 2σ
Толкание набивного мяча, м	13	8,95	0,21	0,42	0,84
	14	9,8	0,2	0,4	0,8
	15	10,48	0,19	0,38	0,76

Фрагмент таблицы модельных характеристик и степени рассогласования с ними в тесте «Толкание набивного мяча» представлен в табл. 3.

Для того чтобы получить итоговую оценку, которая предполагает сумму всех результатов тестирования по предложенному комплексу, показатели тестирования были конвертированы в баллы (табл. 4). Это нам удалось сделать благодаря использованию стандартной *Т-шкалы, масштабом* которой служит стандартное (среднеквадратическое) отклонение.

Конечные результаты, выраженные в баллах, и являлись теми слагаемыми, которые служили для подсчета оценки общего уровня физической подготовленности. Результаты расчетов итоговых оценок модельного уровня и значений, которые характеризуют степень рассогласования с ними, представлены в табл. 5.

Для определения эффективности разработанных нами модельных характеристик в учебно-тренировочном процессе спортсменов-гиревиков в период 2015 и 2016 гг. был проведен педагогический эксперимент, в котором принимали участие спортсмены-гиревики 14 лет. Контрольная и экспериментальная группы насчитывали по 15 человек в каждой.

Сравнение результатов сформированных экспериментальной и контрольной групп до эксперимента не выявило достоверных отличий ($p > 0,05$).

Каждый испытуемый экспериментальной группы вел личный дневник, в который заносились индивидуальные показатели диагностики тестирования его специальной физической подготовленности по конкретному двигательному тесту.

Тренировочный процесс контрольной группы проходил по традиционной методике, без применения модельных характеристик, а экспериментальной группы – с применением модельных характеристик:

– определялся уровень развития физической подготовленности по комплексу предложенных тестов;

– результаты, полученные в ходе тестирования, переводились в баллы с применением разработанных табличных данных;

– выявлялась величина несовпадения с модельными характеристиками, конечной модельной оценкой и составлялось заключение, где выделялись слабые и сильные стороны физической подготовленности спортсменов-гиревиков;

– разрабатывались индивидуальные рекомендации, корректирующие программы специальной физической подготовки спортсмена-гиревика с учетом данных тестирования для устранения «пробелов» в физической подготовке.

После годичного эксперимента было проведено повторное тестирование физической подготовленности по аналогичным тестам контрольной и экспериментальной групп.

Сравнение полученных результатов экспериментальной и контрольной групп выявило достоверное отличие по результатам большинства тестов ($p < 0,05$).

Факты, свидетельствующие о разнице положительной динамики роста результатов в контрольной и экспериментальной группах, говорят о том, что экспериментальная методика с применением разработанных модельных характеристик наиболее эффективна в управлении физической подготовкой юных гиревиков и вполне оправдала себя. Приведем пример: в тесте «бег 30 м» КГ улучшила результат на 2,6%, ЭГ – на 7%.

Таблица 4

Оценки по стандартной Т-шкале при различных результатах тестирования спортсменов-гиревиков 13–15 лет

Баллы по Т-шкале	Результаты в тесте «бег 30 м», с		
	13 лет	14 лет	15 лет
80	4,35	3,87	3,4
79	4,37	3,89	3,44
78	4,39	3,91	3,48
77	4,41	3.94	3,52
76	4,43	3,97	3,56
75	4,45	4,0	3,6
74	4,47	4,03	3,64
73	4,49	4,06	3,68
72	4,51	4,09	3,72
71	4,53	4,12	3,76
70	4,55	4,15	3,8
69	4,57	4,18	3,84
68	4,59	4,20	3,88
67	4,61	4,23	3,92
66	4,63	4,26	3,96
65	4,65	4,29	4,0
64	4,67	4,32	4,04
63	4,69	4,35	4,08
62	4,71	4,38	4,12
61	4,73	4,41	4,16
60	4,75	4,43	4,2
59	4,77	4,46	4,24
58	4,79	4,49	4,28
57	4,81	4,52	4,32
56	4,83	4,55	4,36
55	4,85	4,57	4,4
54	4,87	4,6	4,44
53	4,89	4,63	4,48
52	4,91	4,66	4,52
51	4,93	4,69	4,56
50	4,95	4,71	4,6
49	4,97	4,74	4,64
48	4,99	4,77	4,68
47	5,01	4,8	4,72
46	5,03	4,83	4,76
45	5,05	4,86	4,8
44	5,07	4,89	4,84
43	5,09	4,92	4,88
42	5,11	4,95	4,92
41	5,13	4,97	4,96
40	5,15	4,99	5,0
39	5,17	5,02	5,04
38	5,19	5,05	5,08
37	5,21	5,08	5,12
36	5,23	5,11	5,16
35	5,25	5,14	5,2
34	5,27	5,17	5,24
33	5,29	5,2	5,28
32	5,31	5,23	5,32
31	5,33	5,26	5,36
30	5,35	5,29	5,4

Таблица 5

Итоговые оценки физической подготовленности спортсменов-гиревиков 13–15 лет

Уровень физической подготовленности	Итоговые оценки, баллы
Модельный	600
Малая степень рассогласования с модельным уровнем	550
Средняя степень рассогласования с модельным уровнем	500
Большая степень рассогласования с модельным уровнем	400

Таблица 6

Степень изменения уровня физической подготовленности спортсменов-гиревиков 14 лет

Степень рассогласования с модельным уровнем	До эксперимента		После эксперимента	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Модельный уровень	0	0	5	14
Малая степень	5	5	7	1
Средняя степень	7	9	3	0
Большая степень	3	1	0	0

Таблица 7

Количество спортсменов-гиревиков 14 лет, соответствующих модельному уровню до и после эксперимента

Контрольные упражнения	Количество оценок модельного уровня			
	до эксперимента		после эксперимента	
	КГ	ЭГ	КГ	ЭГ
Бег 30 м	1	1	3	14
Подъем гирь на грудь	2	2	12	15
Толкание набивного мяча	7	6	8	11
Сгибание и разгибание рук в упоре лежа	1	0	2	12
Прыжок в длину с места	0	0	5	11
Бросок мяча двумя руками снизу	2	2	8	11
Подтягивание в висе на высокой перекладине	4	3	11	14
Бег 1000 м	2	1	7	10
Наклоны вперед	3	3	9	15
Кистевая динамометрия	4	3	7	12
ИТОГ	26	21	72	125

Результаты теста «подъем гирь на грудь» улучшились в КГ на 20%, в ЭГ на 28,6%. Положительные изменения в тесте «толкание набивного мяча» составили 2,7% в КГ, 5,3% в ЭГ. Повысились результаты в тесте «сгибание и разгибание рук в упоре лежа» на 6,3% в КГ, и на 15,2% в ЭГ. Тест «прыжок в длину с места» показывает улучшение на 6,1% в КГ и на 9% в ЭГ. Также положительны изменения в тесте «бросок мяча двумя руками снизу вперед» – 2,4% в КГ, 4,3% в ЭГ. Заметно отличаются результаты в тесте «подтягивание в висе на высокой перекладине», улучшения составили 12,5% в КГ, 19,2% в ЭГ. В тесте «бег 1000 м» КГ показывает улучшения на 4 %, ЭГ на 7,5%. Значительны отличия результаты теста «наклон вперед» – 29% в КГ, и 46,3% в ЭГ. По результатам теста «кистевая динамометрия» видны положительные изменения в КГ на 11,5%, а в ЭГ на 15,4%.

По итогам анализа результатов спортсменов-гиревиков видно, что до эксперимента в контрольной и экспериментальной группах не было ни одного спортсмена, соответствующего модельному уровню. Но уже после проведенного эксперимента наблюдается значительная разница: в контрольной группе 5 тестируемых, соответствующих модельному уровню, а в экспериментальной – 14. Если до эксперимента в контрольной и экспериментальной группах было одинаковое количество спортсменов с малой степенью рассогласования с модельным уровнем – по 5, то после эксперимента положение изменилось. В контрольной группе их стало 7, а в экспериментальной – 1. Что же касается среднего рассогласования с модельным уровнем, то результаты таковы: до эксперимента в контрольной группе было 7 человек, а в экспериментальной – 9, после эксперимента в контрольной и экспериментальной группах стало 3 и 0 человек соответственно. С большой степенью рассогласования до эксперимента в контрольной группе было 3 человека, а в экспериментальной – 1. После эксперимента результаты изменились в лучшую сторону и показывали отсутствие результатов с большой степенью рассогласования в обеих группах (см. табл. 6).

Результаты исследования позволяют утверждать, что методика с применением модельных характеристик позволяет строить учебно-тренировочный процесс педагогически грамотно, более эффективно воздействовать на отстающие физические качества ребенка, своевременно устраняя «пробелы» в подготовке, используя метод индивидуализации на каждого занимающегося в соответствии с требованиями модельного уровня.

Для более глубокого анализа было выявлено количество результатов, соответствующих модельному уровню в каждом отдельно взятом контрольном упражнении (тесте) до и после эксперимента (см. табл. 7).

Как видно из таблицы, до эксперимента общее количество результатов, которые соответствовали модельному уровню, соответствовали 26 в контрольной и 21 в экспериментальной группе. По окончанию эксперимента эти цифры претерпели значительные изменения и повысились до 72 в контрольной и до 125 в экспериментальной группе из 150 возможных.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно констатировать, что в экспериментальной группе, которая занималась с применением разработанных модельных характеристик физической подготовленности, после эксперимента большее количество детей соответствовали модельному уровню, не только по количеству итоговых оценок, но и по количеству оценок модельного уровня в отдельных показателях (двигательных тестах).

Проведенная диагностика показала взаимосвязь между уровнем физической подготовленности начинающего спортсмена и соревновательным результатом. Так, спортсмены-гиревики 13–15 лет, показывающие высокие стабильные результаты в соревновательном упражнени, имели высокие результаты в тестировании физической подготовленности. Таким образом, можно утверждать, что достижение значений модельного уровня в предложенных контрольных упражнениях способствует повышению спортивного результата.

На основании полученных данных мы видим, что использование разработанных модельных характеристик дает возможность более детально и научно обоснованно подойти к тренировочным занятиям с подростками. Об этом свидетельствует количество достигнутых результатов модельного уровня после эксперимента как в отдельных двигательных тестах, так и в итоговых оценках по комплексу предложенных тестов.

Анализ результатов педагогического эксперимента выявил взаимосвязь между показанными результатами двигательных тестов и соревновательными достижениями. Пристальному вниманию подверглись резуль-

таты выступления школьников на первенстве области по гиревому спорту. Следует заметить, что спортсмены-гиревики, предпочтительно экспериментальной группы, которые по комплексу тестов и по отдельным двигательным тестам соответствовали модельному уровню, показывали результаты более высокие, чем результаты спортсменов, которые имели разную степень рассогласования с модельным уровнем по комплексу тестов и по отдельным тестам. Более высокому результату способствовали следующие факторы:

– практически все, кто достиг модельного уровня, сумели отстоять регламентированное время 10 мин на выполнение упражнения (толчок и рывок);

– заметно отличались спортсмены имеющие уровень развития модельного уровня в движениях классического двоеборья. Это проявлялось, прежде всего, в четком, жестком, уверенном поднятии снаряда в соревновательном упражнении в момент выступления. Спортсмены заметно легче справлялись с трудностями фиксации гири в конечном положении.

После проведенного эксперимента гиревики экспериментальной группы в соревнованиях повысили результат в среднем на 60 очков, а контрольной – всего на 35 очков в сумме двоеборья.

Следует отметить, что спортсмены, по своим показателям соответствующие показателям модельного уровня, приглашены в состав спортивной сборной команды Томской области по гиревому спорту и им предстоит защищать честь региона на Всероссийских соревнованиях.

Итоговые результаты проведенного педагогического эксперимента показали, что применение модельных характеристик физической подготовленности юных гиревиков позволяет с большей эффективностью управлять физической подготовкой спортсменов-гиревиков и повысить мастерство за счет развития ведущих физических качеств.

Разработка и внедрение модельных характеристик в учебно-тренировочный процесс на основе моделирования поспособствовали восприятию структуры и содержания тренировочного процесса, а также позволяли определить основные составляющие модели, их грамотное соотношение, взаимовлияние и взаимосвязь. Это дает возможность улучшить показатели развития физических качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стиславский А.Б. Российская Федерация. Городошный спорт. Федерация городошного спорта России. 2011. 64 с.
2. Загревский В.О. Модельные характеристики физической подготовленности как фактор управления тренировочным процессом юных гимнастов : дис. ... канд. пед. наук. Томск, 1999. 174 с.
3. Бачин В.П., Шушаков С.П. Разработка модельных характеристик физической подготовленности пловцов 12–15 лет : материалы науч. конф. Омск : ОГИФК, 1992. С. 29–30.
4. Александрова Г.В. Модельные характеристики специальной физической подготовленности спортсменов различной квалификации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киев : КГИФК, 1983. 23 с.
5. Голованов А.А., Оганджанов А.Л. Модельные характеристики тренировочной и соревновательной деятельности спортсменов силовых видов спорта // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2014. № 2. С. 103–108.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 15 октября 2017 г.

ENHANCEMENT OF PHYSICAL FITNESS LEVEL OF TEENAGE SPORTSMEN (AGED 13 TO 15) INVOLVED IN KETTLEBELL LIFTING WITH THE USE OF MODEL CHARACTERISTICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 191–197.
DOI: 10.17223/15617793/425/25

Valeriy Yu. Pavlov, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: Pavlov.v87@mail.ru
Mikhail D. Kudryavtsev, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: kumid@yandex.ru
Yuriy T. Revyakin, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: polegaeva85@mail.ru

Keywords: model characteristics; weightlifter sportsmen; physical fitness; motor tests; studying and training process; teenage.

As is well known, using model characteristics was long ago introduced into sports practice. In kettlebell lifting, however, modeling has never been studied and, therefore, has not yet sought development and implementation. The **object of the research** is the training of teenage athletes aged 13–15 doing kettlebell lifting. The **subject of the research** is enhancement of the physical fitness level of such athletes based on the use of model characteristics. The **aim of the research** is theoretical justification, development and verification of the method of physical fitness level enhancement of teenage athletes aged 13–15 doing kettlebell lifting through the use of model characteristics during their training. The **objectives of the research are:** (1) to study and analyze the theoretical literature and the practical status of the issue; (2) to select and adjust a range of motor tests according to basic dominant motor characteristics and biomechanical aspects of kettlebell lifting techniques; on the basis of that to formulate the model characteristics and create scientific and methodological support of physical fitness level enhancement during the training of the athletes; (3) to elaborate and implement the method of physical fitness level enhancement of teenage athletes aged 13–15 doing kettlebell lifting based on the use of model characteristics. The research was held from 2015 to 2016 in the city of Tomsk. Members of the control group (CG) were training within a general course, while the experimental group (EP) participants were training in a program in accordance with data from their personal diaries which included information about the athlete and the model level. After a year of the experiment all the athletes took a second motor test of their physical fitness level. Results of the 30 meter sprint test showed that CG members have improved their scores by 2.6%, while EG members' results increased by 7%. The "clean" kettlebell exercise with both kettlebells in both hands showed the improvement by 20% in CG and 28.6% in EG. Also positive developments were registered in the range of other motor tests: the medicine ball chest throw test (2.7% in CG and 5.3% EG), the underhand medicine ball throw test (2.4% in CG and 4.3% in EG), push-ups (6.3 % in CG and 15.2% in EG), the standing long jump (6.1% in CG and 9% in EG), the hang pull-up test (12.5% in CG and 19.2% in EG), the 1000 meters running test (4%CG and 7.5% EG). Drastic improvements were shown in the sit and reach test (29% in CG and 46.3% in EG). The hand grip strength test revealed improvements by 11.5% in CG and 15.4% in EG. These data, revealing the higher increase of the EG motor test results in comparison with those in CG, support the view that the

experimental method with the use of the elaborated model characteristics proves to be highly effective in training teenage kettlebell lifting athletes.

REFERENCES

1. Stislavskiy, A.B. (2011) *Rossiyskaya Federatsiya. Gorodoshnyy sport* [Russian Federation. Gorodki sports]. Federatsiya gorodoshnogo sporta Rossii.
2. Zagrevskiy, V.O. (1999) *Model'nye kharakteristiki fizicheskoy podgotovlennosti kak faktor upravleniya trenirovochnym protsessom yunykh gimnastov* [Model characteristics of physical readiness as a factor in the management of the training process of young gymnasts]. Pedagogics Cand. Diss. Tomsk.
3. Bachin, V.P. & Shushakov, S.P. (1992) *Razrabotka model'nykh kharakteristik fizicheskoy podgotovlennosti plovtsov 12–15 let* [Development of model characteristics of physical readiness of swimmers aged 12–15]. Proceedings of the conference. Omsk: OGIFK. pp. 29–30.
4. Aleksandrova, G.V. (1983) *Model'nye kharakteristiki spetsial'noy fizicheskoy podgotovlennosti sportsmenov razlichnoy kvalifikatsii* [Model characteristics of special physical readiness of athletes of various qualifications]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Kiev.
5. Golovanov, A.A. & Ogandzhanov, A.L. (2014) Model'nye kharakteristiki trenirovochnoy i sorevnovatel'noy deyatel'nosti sportsmenov silovykh vidov sporta [Model characteristics of training and competitive activity of sportsmen of power sports]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport – Izvestiya of Tula State University. Physical Culture. Sport*. 2. pp. 103–108.

Received: 15 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 198–202. DOI: 10.17223/15617793/425/26

УДК 374

М.А. Червонный

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ

Рассмотрен потенциал дополнительного физико-математического образования одаренных детей, возможности развития одаренности через инновационные формы образования. Понятие и подходы к одаренности рассматриваются в контексте деятельностной и компетентностной парадигм образования. Представлена характеристика модели работы Центра дополнительного физико-математического образования при педагогическом вузе, ориентированной на развитие одаренности детей.
Ключевые слова: дополнительное физико-математическое образование детей; одаренные дети; сетевое взаимодействие; дополнительные образовательные программы; способности; олимпиадная подготовка.

Физика, создающая фундамент для естественнонаучной картины мира, и математика со свойственным ей стилем мышления, выступающая как универсальный язык и научный способ мышления указанной научной картины, в целом, являются значимой частью общечеловеческой культуры и прогресса, играют системообразующую роль в науке, технике и образовании.

Развивая познавательные способности, эти науки формируют доказательность, критичность, лаконизм, абстрактность, которые необходимы человеку любой профессии. Вместе с этим важнейшее качество физики заключается в том, что она выступает одним из главных, но пока, к сожалению, единственным на уровне школьного образования предметом, который более или менее полно и явно иллюстрирует использование математических моделей изучаемых физических (природных, технических) явлений и процессов.

Развитие физики и математики и их влияние на прогресс, а вследствие этого и на жизнь человека зависят во многом от участия одаренных, способных к активной деятельности в этой сфере молодых людей. Создание возможностей для развития способностей каждого ребенка – одна из главных задач всей системы образования. Несмотря на имеющиеся в нашей стране достижения и определенные успехи в теории и практике работы с особенными детьми, имеется ряд нерешенных проблем, связанных с образованием детей, одаренных в физике и математике. Итоги заключительных этапов Всероссийской олимпиады по физике и математике показывают, что менее половины регионов нашей страны представлены победителями и призерами на этих этапах. Установлено, что в большей части региональных систем физико-математического образования, ориентированных на работу с одаренными детьми, недостаточно времени уделяется приложениям физики и математики. Становится понятным, что не раскрыт значительный потенциал развития одаренных детей в системе дополнительного физико-математического образования, являющегося, по мнению все большего числа исследователей, исключительно важным. Таким образом, проблема выявления возможных направлений совершенствования системы физико-математического образования, ориентированной на развитие одаренных (способных) учащихся, является весьма актуальной.

Работа с такими детьми является приоритетной государственной задачей в системах школьного и дополнительного образования, на что указывает ряд документов, утвержденных Правительством РФ с целью развития всей системы отечественного образования [1–3]. Одновременно с этим мы наблюдаем, что происходит переустройство и обновление разных элементов и уровней системы работы с одаренными детьми в физико-математическом образовании [4], осуществляется инновационный поиск в сфере выявления и сопровождения одаренных детей в теории и на практике [5, 6].

Понятие детской одаренности является многоаспектным, сложноструктурированным, системно организованным и системно проявляющимся, определяется отечественными и зарубежными педагогами и психологами и как общее понятие, и как частное по отношению к конкретным предметным областям. Концептуальные положения отечественной педагогики и психологии по проблеме общей детской одаренности развиты в работах Д.Б. Богоявленской, Н.С. Лейтеса, А.И. Савенкова, Б.М. Теплова и др., идеи о развитии детской одаренности в зарубежных педагогических поисках представлены в трудах Д. Векслера, Дж. Гилфорда, Дж. Рензулли, П. Торренса и др.

Коллектив авторов, предложивший рабочую концепцию одаренности (Д.Б. Богоявленская, В.Д. Шадриков, Ю.Д. Бабаева, М.А. Холодная и др.), определяет одаренность как системное качество, характеризующее психику ребенка в целом: «Одаренность – это системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми» [7. С. 8].

Понятие и подход к предметной одаренности в последнее десятилетие уточняются с позиций компетентностной и деятельностной парадигмы, занимающих основные позиции как во внеурочной компоненте школьного образования, так и в дополнительном образовании детей. С.В. Ермаковым, А.А. Поповым и другими заявлен подход, в котором предлагается рассматривать математическую одаренность как компетентностную характеристику подросткового и юношеского возраста, базирующуюся на актуализации соответствующих возрасту форм продуктивной деятельности с использованием структур профессиональных математических задач [8]. Подход отличен от натуралистического представления об одаренности в совершенно конкретной предметной области как качества, присущего человеку, измеряемого в образовании академическими показателями.

Исследователи указывают на большие возможности в решении основных задач развития одаренности

детей через дополнительное образование [7, 9], а в последнее время ими подчеркивается особая роль практик так называемого открытого дополнительного образования [8].

В рамках разработанной нами модели Центра дополнительного физико-математического образования, ориентированной на формирование у детей интереса к физике и математике и развития у них способностей к указанным дисциплинам, особое внимание уделяется работе с обучающимся подросткового и раннего юношеского возраста (с 11–12 до 16–17 лет).

В процессе разработки и реализации данной модели установлены наиболее важные ее характеристики:

1. Организация сетевого взаимодействия, обеспечивающего подготовку детей, одаренных в физике и математике, одновременно с подготовкой будущих педагогов, осваивающих компетенции дополнительного образования таких детей.

2. Предложение новых форм работы с одаренными детьми и состава дополнительных образовательных программ.

3. Формирование однородных по уровню готовности к проявлению одаренности групп обучающихся математике, физике и научно-техническому творчеству из детей, которые могут отличаться по возрасту и профилю класса обучения в школе.

4. Постановка и решение задач, создание проблемных ситуаций, максимально соответствующих актуальным практикам взрослых в физике, математике и их приложениях.

Организация сетевого взаимодействия, обеспечивающего подготовку детей, одаренных в физике и математике, одновременно с подготовкой будущих педагогов, осваивающих компетенции дополнительного образования таких детей. Сетевое взаимодействие как система вертикальных и горизонтальных связей между организациями – участниками образовательного процесса способствует повышению доступности качественного образования для обучающихся, а также расширению вариативности форм, программ и методов, используемых в образовании. При реализации такого взаимодействия важно соблюдение условий: открытости организаций-участников и непрерывного повышения профессиональной компетентности педагогов.

Сетевое взаимодействие, по мнению Н.Х. Агаханова и С.В. Щербакова, раскрывает следующие возможности его участников: распределять ресурсы при общей задаче деятельности; опираться на инициативу каждого конкретного участника; осуществлять прямой контакт участников друг с другом; выстраивать многообразие возможных путей движения при общности внешней цели; использовать общий ресурс сети для нужд каждого участника.

Сетевое взаимодействие в дополнительном образовании детей, одаренных в физике и математике, способно расширять возможности как непосредственно для дополнительного образования детей, так и для осуществления практик будущих педагогов, осваивающих компетенции в данной сфере образовательной деятельности. В процессе практик студенты получают возможности непосредственно ознакомиться с интересным опытом организаций, участвующих в образовательном процессе; осуществлять образовательную деятельность при наставничестве опытных учителей, тренеров для олимпиад; получать консультации ведущих специалистов в деятельности, касающейся дополнительного образования детей, одаренных в физике и математике. В результате педагоги приобретают компетентность в специфической сфере дополнительного образования детей физике и математике.

Привлечение к работе с одаренными детьми студентов вузов, бывших победителей и призеров школьных олимпиад, позволяет совершенствовать подготовку детей к участию в олимпиадах. Отметим, что в настоящее время возрастает число студентов, обучающихся в вузах по научным, инженерным направлениям, которые стремятся к получению опыта практической педагогической работы с одаренными детьми в сфере дополнительного образования; это расширяет образовательные возможности как для студентов, так и для обучаемых.

Таким образом, сетевое взаимодействие позволяет поддерживать преемственность и системность в непрерывном физико-математическом образовании путем подготовки кадров для различных заинтересованных в этом организаций, способных влиять на качество образования, а также поддерживать необходимый уровень мобильности одаренной молодежи среди заинтересованных организаций.

Предложение новых форм работы с одаренными детьми и состава дополнительных образовательных программ. В настоящее время в связи с обновлением задач образования становится актуальным поиск новых форм выявления и развития одаренности школьников в физике и математике, изменение состава программ дополнительного физико-математического образования. Преобладавшие ранее формы работы – занимательные кружки, факультативы углубленного изучения предметов, физико-математические школы (специализированные учебно-научные центры), предметные олимпиады и т.д. – подвергаются критическому анализу [5], видоизменяются.

Анализ современного процесса развития сетевого взаимодействия при работе с одаренными детьми определяет наиболее эффективные его аспекты. C.M. Diezmann, J.J. Watters показали, что для продуктивного сетевого взаимодействия в работе с одаренными детьми в математике важно выполнение ряда условий, значительная часть которых направлена на расширение и комбинирование форм деятельности обучающихся [10]. Наиболее важными условиями установлены следующие:

– освоение обучающимися навыков самостоятельной работы и о проведения исследований – предметных навыков, связанных с математической деятельностью, и метапредметных навыков, обеспечивающих организацию поиска и обмена информацией; эффективное взаимодействие между субъектами образовательной сети (учащимися, педагогами), презентация исследований и др.;

– предоставление различных форм мероприятий и образовательных событий (олимпиады, конкурсы, профильные школы и смены в каникулы), которые позволяют подросткам взаимодействовать с единомышленниками, получать от них обратную связь, представлять совместные итоговые решения задач или проекты;

– сочетание групповой и индивидуальной форм работы, поскольку групповые формы требуют от обучающихся аргументации, вовлекают в обмен идеями, обеспечивают развитие критического мышления, а индивидуальные формы позволяют самостоятельно решать менее сложные задачи (установлено, что при решении сложных задач одаренные дети предпочитают работу в группе, это позволяет обмениваться информацией и иметь доступ к сети поддержки).

С учетом данных условий, а также возможностей педагогического вуза – его лаборатории, научно-методический потенциал профессорско-преподава-тельского состава, студентов, социальных партнеров – в работе центра разработана совокупность образовательных программ дополнительного образования одаренных детей.

Представим структуру работы с одаренными детьми по физике и математике (соответствующую подростковому и начальному юношескому возрасту) в рамках действующей при вузе модели дополнительного физико-математического образования через описание ключевых направлений образовательных программ и уровня их реализации по классам.

1. Программы занимательной физики и математики (5–8-е классы), экспериментальной физики и научно-технического проектирования по физике (7–9-й классы).

2. Углубленная подготовка к государственной итоговой аттестации в формах подготовки к общему государственному экзамену (ОГЭ) (9-й класс) и единому государственному экзамену (9–11-й классы). С целью успешной подготовки к экспериментальной части ОГЭ по физике проводится комплекс лабораторных работ по физике для учащихся (7–9-й классы).

3. Предпрофильные пробы – программы физико-математического направления, реализуемые на базе вуза; это внеурочная деятельность, востребованная со стороны общеобразовательного учреждения – партнера вуза, – направленная на самоопределение школьников в выборе дальнейшего профиля обучения (5–6-й классы). В 7-м классе осуществляются уже профильные пробы. Суть программы – заинтересовать детей физикой и математикой, выявить у них способности и склонности к данным предметам.

4. Математические кружки, реализуемые магистрантами физико-математического факультета вуза, по программам, разработанным совместно с наставниками центра дополнительного образования (5–11-й классы).

5. Астрономические кружки, способствующие расширению мировоззрения (7–8-й классы), и астрономические занятия, раскрывающие важную сферу приложения физики и математики (9–11-й классы).

6. Олимпиадная подготовка групп школьников: физика – 7–8-й классы, физика – 9–11-й классы, математика – 9–11-й классы (едиными группами из указанных классов).

7. Система образовательных мероприятий и событий по физике и математике: физико-математические сборы для подготовки к этапам всероссийской олимпиады, каникулярные школы, учебные занятия с олимпиадными тренерами (тренинги), олимпиады, дающие льготы при поступлении в вузы, научные мероприятия и конкурсы для школьников (предметные и компетентностные).

Формирование однородных по уровню готовности к проявлению одаренности групп обучающихся математике, физике и научно-техническому творчеству из детей, которые могут отличаться по возрасту и профилю класса обучения в школе. Под работой с однородными группами в контексте данной работы подразумевается образовательная деятельность углубленного характера, осуществляемая с детьми, близкими друг к другу по способностям и степени готовности к их проявлению. При этом дети могут относиться к разным возрастным группам, классам обучения. Есть определенные преимущества, выявленные педагогами, занимавшимися вопросами обучения детей с определенными видами одаренности в однородных группах [9]. Работа с детьми в таких группах позволяет:

– быстрее достигать наиболее подходящей скорости в освоении материала детьми;

– с большей степенью вероятности создавать методические и социальные условия, подходящие для развития каждого обучающегося, чего сложнее достичь в разнородной группе (классе), поскольку самые способные окажутся скорее «недогруженными» или невостребованными на разных уровнях социума (группы сверстников, микроколлектива класса, школы);

– оперативно формировать более опытный состав учителей, которые либо привлекаются целенаправленно для работы с однородными группами одаренных детей, либо наращивают такой опыт в процессе работы (в разнородных классах, где среди 20–30 детей встречаются один или несколько особо способных, учителя не успевают накопить достаточного опыта работы с ними).

Уточним, что под методическими условиями развития групп понимаются: точность подбора учебного материала, его уровень, глубина, заданность на воспроизведение учащимся спектра необходимых конкретных для каждого субъекта учебных интеллектуальных и практических действий и т.д. Под социальными условиями развития групп понимаются: педагогическое сопровождение учащихся в процессе возникающих социальных затруднений, содействие и помощь в ценностном ориентировании, общении со сверстниками, воспитателями, преподавателями, решение затруднений, возникающих в случае интернатного проживания в специальных школах и т.п.

При реализации совокупности программ олимпиадной подготовки, которая была представлена выше, однородные группы могут быть сформированы из учащихся разных классов, что способствует подготовке к сложным этапам олимпиад и конкурсов.

Постановка и решение задач, создание проблемных ситуаций, максимально соответствующих актуальным практикам взрослых в физике, математике и их приложениях. Актуальными для подросткового возраста становятся те виды деятельности, которые максимально соответствуют профессиональным практикам взрослых, в данном случае в области физики, математики, инженерии. Актуализации таких практик способствует специфика дополнительного образования детей.

Поэтому важным видится организовать предметно- и метапредметно-ориентированное дополнитель-

ное образование с созданием большого количества проблемных научно и технически ориентированных ситуаций, обеспечивающих включение подростков во взрослые или квазивзрослые (например, иммитационные, игровые) физико-математические практики. В этом подходе допустимо использование сложных предметных, в том числе олимпиадных заданий и задач, которые отражают реально встречающиеся проблемы в физике, математике, инженерной практике, компьютерных науках (*computer science*).

Применение в подготовке указанных выше заданий и задач (научных проблем и ситуаций) и их решение необходимо сопровождать общением со взрослыми, представляющими такие практики, т.е. специалистами, ставящими данныее проблемы, – учеными-физиками, математиками, инженерами. В их число входят ученые-физики и математики, занимающиеся постановкой (составлением) олимпиадных заданий на региональном, национальном, международном уровнях.

Приведем один из примеров организации такого общения со школьниками, реализованного в практике рассматриваемой модели дополнительного физико-математического образования. Специально для школьников региона, впервые в рамках одного учреждения, реализована серия открытых интерактивных семинаров и лекций приглашенных федеральных профессоров по математике и известных в России популяризаторов математики. Темами их занятий стали «Математика быстрого поиска», «Мотивация школьников, привитие им любви к математике путем использования “красивых” математических задач», «Просто о сложном: системы общих представителей и их приложения», «Рассказ на пример BREXIT об играх тернарного выбора на графах», «Рассказ о простых близнецах, замощениях плоскости и гипотезе ABC, пришедшей на смену Великой теореме Ферма», «Вопросы математических приложений теории вероятностей статистики для экономики, логистики, обработки видео- и фото-информации, теории игр» и др.

Лекции характеризуются богатством иллюстративного материала и доступностью изложения, в них красочно показаны сферы приложения математики, что способствует актуализации этой дисциплины для детей.

Тематика лекций указывает на изложения «красивых» математических приложений, актуализирующих математику для детей, содержание темы раскрывается на конкретных примерах применения и достаточно понятно излагается ученым.

Примером применения квазиметодологии в дополнительном образовании, по аналогии с той методологией, которая применяется к результатам проектно-исследовательской работы ученых-физиков и инженеров, выступает региональный турнир по физике «Физик на все руки» – ежегодное мероприятие для детей, занимающихся исследованиями и проектированием в дополнительном физическом образовании. В течение нескольких дней около десяти команд школьников, прошедших предварительный общественный отбор, в которые по условиям соревнования входят по пять учащихся разного возраста, проводят доработку своего проекта на базе вуза. Команды проходят квалификационный этап – решение задач, демонстрация умений работы с приборами в лабораториях вуза, а также этапы оценки проектов, суть которых в последовательном прохождении теоретического бюро, экспериментального бюро и инновационно-экономического бюро. На финальном этапе команды публично защищают проекты, демонстрируя разработанные и действующие модели. Экспертами выступают ученые вузов, инженеры, преподаватели и студенты – будущие учителя-физики и педагоги дополнительного образования. Коллектив регионального турнира «Физик на все руки» для информационного сопровождения конкурса разработал программы для ЭВМ и создал базу данных, которые были включены в Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных.

Установленная совокупность характеристик деятельности в образовании детей, одаренных в математике, физике и научно-техническом творчестве, в рамках рассматриваемой модели дополнительного физико-математического образования носит инновационный характер. Центр, на базе которого действует модель, получил статус Федеральной инновационной площадки. Эффективность модели подтверждается результатами образования детей, одаренных в математике, физике и научно-техническом творчестве, через последовательное проявление мотивации в изучении точных и естественных наук в школе, значимые личностные и командные достижения на всероссийских и международных конкурсах и олимпиадах, последующий выбор высшего образования по физико-математическим и инженерным направлениям подготовки и специальностям.

Данную модель дополнительного физико-математического образования развития одаренных детей в дальнейшем предстоит усовершенствовать. Происходят интенсивные процессы: интеграции уровней высшего и дополнительного образования детей, развития форм выявления и педагогического сопровождения детей, одаренных в физике и математике в рамках как самого дополнительного образования, так и внеурочной деятельности – обязательных компонент Федеральных государственных образовательных стандартов, внедряемых в настоящее время на уровнях основного общего и среднего общего образования. Перспективным направлением исследования становится развитие концепции педагогического сопровождения подготовки будущих учителей и педагогов дополнительного образования, ориентированных на развитие одаренности у детей в физике и математике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов (утв. Президентом РФ 03.04.2012 N Пр-827) // Сайт legalacts.ru «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации». URL: http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-obshchenatsionalnoi-sistemy-vyjavlenija-i-razvitija-molodykh/ (дата обращения: 27.09.2017).
2. Концепция развития математического образования в Российской Федерации // Сайт федерального государственного автономного учреждения «Федеральный институт развития образования». URL: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2014/12/Concept_mathematika.pdf (дата обращения: 27.09.2017).

3. Концепция развития дополнительного образования детей // Сайт Министерства образования и науки России. URL: http://минобрнауки.рф/проекты/404/файл/3414/концепция%20развития%20дополнительного%20образования%20детей.pdf (дата обращения: 29.02.2016).
4. Червонный М.А. Подготовка педагогических кадров в условиях развития дополнительного физико-математического образования // Проблемы современного педагогического образования. Педагогика и психология. Ялта : РИО ГПА, 2016. Вып. 52, ч. 1. С. 353–360.
5. Попов А.А., Ермаков С.В., Аверков М.С., Глухов П.П. Новые контексты и перспективы практик дополнительного образования в области математики // Философия образования. 2017. № 2. С. 119–129. DOI: 10.15372/PHE20170215
6. Румбешта Е.А., Червонный М.А. Использование потенциала взаимодействия вузов и профильных школ г. Томска для повышения качества обучения физике // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 191–194.
7. Богоявленская Д.Б., Шадриков В.Д, Бабаева Ю.Д., Холодная М.А. и др. Рабочая концепция одаренности. 2-е изд., перераб. и расш. М., 2003. 90 с.
8. Ермаков С.В., Попов А.А., Аверков М.С., Глухов П.П. Развитие математического мышления в практиках открытого образования. М. : ЛЕНАНД, 2017. 152 с.
9. Богоявленская Д.Б. Рабочая концепция одаренности // Вопросы образования. 2004. № 2. С. 46–68.
10. Diezmann C.M., Watters J.J. Characteristics of young gifted children // Educating Young Children. 2000. № 6 (2). P. 41–42.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 1 ноября 2017 г.

SUPPLEMENTARY EDUCATION IN PHYSICS AND MATHEMATICS AS A CONDITION FOR THE DEVELOPMENT OF GIFTED CHILDREN'S ABILITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 198–202.
DOI: 10.17223/15617793/425/26

Mikhail A. Chervonnyy, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mach@tspu.edu.ru

Keywords: supplementary education for children; gifted children; network communication; supplementary education programs; capacities; training for academic competitions.

The paper presents the four main characteristics of the Centre for Supplementary Education in Physics and Mathematics model aimed at the development of gifted children's interest and abilities in physics and mathematics: (1) use of the potential of the network interaction of different organizations in the development of supplementary education for children in special subjects (including the potential of various forms of pedagogical practices of higher education institutions students); (2) renewal of the forms and structure of supplementary education programs for gifted children (combining and extension of their activities in the educational process, development of their self-dependence in research and other activities, holding events allowing gifted children and teenagers to interact and collaborate with like-minded people); (3) formation of groups of children and teenagers who are equal in their readiness to demonstrate their abilities in mathematics, physics, scientific and technical creativity, but who may differ in age. Such work allows pupils to get advanced education in the disciplines of their interest, to find quickly their optimal speed of learning. This form of work makes it possible to form the pedagogical team suitable for the educational needs of such a group, to create methodological and social conditions facilitating the development of each pupil); (4) correspondence of the educational tasks, problem-based situations to the actual practices of adults in their professional activities. The most relevant activities for teenagers due to their age peculiarities are those corresponding to the professional practices of adults. In this connection the subject- and metasubject-oriented supplementary education is interesting as it implies the use of a big amount of problem-based scientific and technically oriented situations, which provide teenagers' integration into adults' practices in physics and mathematics or quasi-adults' ones (e.g., imitation or game practices). This approach allows to use difficult tasks in the disciplines studied (including the tasks of academic competitions of different levels), which reflect the really occurring problems in physics and mathematics or connected fields (such as engineering or computer science). Such an educational process is supported by adult professionals' communication with teenagers. The use of the model possessing the characteristics described led to the improvement of the educational performance of the gifted children and teenagers who participated in the All-Russian and international competitions; the increase of their motivation for studying mathematics and physics at school; their subsequent career choice for the physics, mathematics and engineering higher education fields.

REFERENCES

1. Legalacts.ru. (2012) *Kontseptsiya obshchenatsional'noy sistemy vyyavleniya i razvitiya molodykh talantov (utv. Prezidentom RF 03.04.2012 N Pr-827)* [The concept of a nationwide system for identifying and developing young talents (approved by the President of the Russian Federation on 03.04.2012 N Pr-827)]. [Online] Available from: http://legalacts.ru/doc/kontseptsija-obshchenatsionalnoi-sistemy-vyjavlenija-i-razvitija-molodykh/. (Accessed: 27.09.2017).
2. Federal Institute for the Development of Education. (2014) *Kontseptsiya razvitiya matematicheskogo obrazovaniya v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of the development of mathematical education in the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.firo.ru/wp-content/uploads/2014/12/Concept_mathematika.pdf. (Accessed: 27.09.2017).
3. Ministry of Education and Science of Russia. (2014) *Kontseptsiya razvitiya dopolnitel'nogo obrazovaniya detey* [The concept of the development of supplementary education for children]. [Online] Available from: http://minobrnauki.rf/proekty/404/fayl/3414/kontseptsiya%20razvitiya%20dopolnitel'nogo%20obrazovaniya%20detey.pdf. (Accessed: 29.02.2016).
4. Chervonnyy, M.A. (2016) The training of teachers in the development of additional physical and mathematical education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya – Problems of modern pedagogical education*. 52:1. pp. 353–360. (In Russian).
5. Popov, A.A., Ermakov, S.V., Averkov, M.S. & Glukhov, P.P. (2017) New contexts and perspectives of the practices of additional education in Mathematics. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education.* 2. pp. 119–129. (In Russian). DOI: 10.15372/PHE20170215
6. Rumbeshta, E.A. & Chervonnyy, M.A. (2012) Using potential of interaction between Tomsk universities and profile schools to improve quality of teaching Physics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 358. pp. 191–194. (In Russian).
7. Bogoyavlenskaya, D.B. et al. (2003) *Rabochaya kontseptsiya odarennosti* [The draft concept of giftedness]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Ermakov, S.V., Popov, A.A., Averkov, M.S. & Glukhov, P.P. (2017) *Razvitie matematicheskogo myshleniya v praktikakh otkrytogo obrazovaniya* [Development of mathematical thinking in the practice of open education]. Moscow: LENAND.
9. Bogoyavlenskaya, D.B. (2004) Rabochaya kontseptsiya odarennosti [The draft concept of giftedness]. *Voprosy obrazovaniya.* 2. pp. 46–68.
10. Diezmann, C.M. & Watters, J.J. (2000) Characteristics of young gifted children. *Educating Young Children*. 6 (2). pp. 41–42.

Received: 01 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 203–208. DOI: 10.17223/15617793/425/27

ПРАВО

УДК 343.544

И.С. Алихаджиева

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ПРОСТИТУЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: СОСТОЯНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Рассматривается современное состояние государственной политики в отношении проституции и противодействия ее негативным последствиям, реализуемой в законодательной модели прогибиционизма. Анализируется выполнение Россией международных договоров против эксплуатации проституции, практика Конституционного Суда, законопроекты, рассмотренные Государственной Думой, а также недостатки уголовного и административного законодательства. Автором сделаны выводы об основных тенденциях государственной политики.

Ключевые слова: государственная политика; уголовная политика; проституция; преступления, связанные с проституцией; Государственная Дума РФ; Конституционный Суд РФ; клиент; уголовная ответственность; реклама проституции; административный контроль.

Проституция – многогранное явление в истории и культуре человечества, существующее в качестве неотъемлемого элемента социальной структуры и свойственное практически всем историческим формам общественной организации наряду с порнографией, педофилией, гомосексуализмом и пр. В этой связи исследовательский и прикладной интерес представляет государственная политика в отношении проституции на современном этапе как общая стратегия. Верное понимание сущности, целей и задач современной государственной политики противодействия проституции как системы мер, направленных на сдерживание ее негативных последствий, является необходимым условием оценки эффективности государственного управления в этой сфере, в том числе борьбы с преступлениями, связанными с проституцией, для совершенствования соответствующих направлений законотворческой и правоприменительной деятельности. Вместе с тем сведение государственной политики исключительно к уголовно-правовым мерам как части уголовной политики и рассмотрение только последней было бы неоправданно узким подходом в силу того, что факторы, оказывающие влияние на ее содержание, выходят за рамки средств и методов только уголовного права (экономические, социальные, организационные, идеологические, медицинские и др.).

Не преследуя цели определения термина «уголовная политика» и его значения в современном понимании, отграничения от понятия «уголовно-правовая политика», считая первое целым, а второе – его частью, сформулируем их дефиниции применительно к изучаемой нами проблематике. Исходя из разработанных в доктрине уголовного права подходов [1–3], уголовная политика противодействия проституции – это часть государственной политики по концептуальному противодействию этому социально-правовому явлению, представляющая собой систему научно обоснованных направлений деятельности государственных органов по охране общественных отношений от преступлений, связанных с проституцией, посредством использования средств уголовно-правового воздействия к лицам, виновным в их совершении, а равно по осуществлению профилактики соответствующей преступной деятельности. Уголовно-правовая политика противодействия проституции – это часть уголовной политики в этой сфере, представляющая собой установление (криминализацию) в нормах уголовного закона на основе определенных уголовно-правовой политикой задач и целей конкретных преступлений, связанных с проституцией, наказаний и иных мер уголовно-правового принуждения (пенализации) в отношении совершивших их лиц для предупреждения таких деяний.

В Российской Федерации государственная политика основана на запрете (prohibition) проституции как правонарушения под угрозой наказания в административном порядке (ст. 6.11 КоАП РФ «Занятие проституцией») и юридическом (уголовном или административном) преследовании лиц:

1) организующих занятие проституцией другого лица (ст. 6.12 КоАП «Получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией», ст. 241 УК «Организация занятия проституцией»);

2) содержащих притоны или предоставляющих помещения для занятия проституцией (ст. 241 УК);

3) рекрутирующих в проституцию (ст. 240 УК «Вовлечение в занятие проституцией»);

4) использующих услуги детской проституции (ст. 240^1 УК «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего»).

Современная политика государства в отношении проституции, а значит и политика уголовная, диктуется, прежде всего, *обязанностью выполнения международных договоров с участием России*. После подписания Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. и Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 г. Российская Федерация взяла на себя обязательства принять необходимые меры против использования услуг детской проституции. И в декабре 2013 г. впервые в уголовный закон была включена статья 240^1 УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего» [4]. Конститу-

ционный Суд России при рассмотрении жалоб о нарушениях конституционных прав ст. 240 УК РФ неоднократно подтверждал позицию об обязательности криминализации деяний, связанных с проституцией, вытекающей из международных договоров, в частности Декларации прав ребенка от 20 ноября 1959 г., Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., Модельного закона о противодействии торговле людьми от 3 апреля 2008 г., Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 г. В силу предписаний ст. 15 (ч. 4) Конституции РФ они являются составной частью ее правовой системы [5].

Провозглашённая Конституционным Судом императивность международных норм не устранила непонятную избирательность законодателя, который не учитывает международное предписание о том, что занятие ребенка проституцией приравнивается к его сексуальной эксплуатации, однако по правилам ст. 6.11 несовершеннолетний, достигший шестнадцатилетнего возраста, преследуется в административном порядке за занятие проституцией.

Серьезным пробелом в уголовно-правовом регулировании следует признать и отсутствие защиты ребенка от сексуальной эксплуатации родителями, законными опекунами или любым другим лицом, заботящимся о нем, как того требует Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (ст. 19, 34–35). Нет наказания и за склонение или принуждение ребенка «к любой незаконной сексуальной деятельности, его использование в другой незаконной сексуальной практике». В регулятивном и охранительном законодательстве нет четко сформулированных дефиниций «проституция», «детская проституция», «коммерческая сексуальная эксплуатация», «сексуальные преступления с коммерческими целями», «эксплуатация в проституции и иной незаконной сексуальной практике» и др., разработанных надгосударственным правом.

Отсутствие дефиниции проституции порождает ошибки правоприменения и является основанием для процедуры обжалования судебных решений. Об этом, в частности, свидетельствует практика Конституционного Суда РФ. Так, Л.А. Куваев просил признать ст. 240 УК «Вовлечение в занятие проституцией» нарушающей ст. 17, 19 и 54 Конституции РФ, поскольку она не раскрывает понятие «проституция», что, по мнению заявителя, позволило суду расширительно его истолковать и признать заявителя лицом, вовлекающим других лиц в занятие проституцией, хотя он лишь получал сексуальные услуги этих лиц [5].

Государственную политику противодействия проституции на постсоветском этапе можно характеризовать как имитацию *решения проблемы нелегальной сексуальной коммерции посредством малоэффективного административного контроля*. Система административно-правовых мер в отношении проституции с вялотекущим полицейским противодействием ей характеризуется слабой результативностью. Нормы 6.11 и 6.12 не дают серьезного предупредительного эффекта. О реальных масштабах проституции косвенно свидетельствуют данные о количестве проституток и лиц, получающих доход от этой деятельности. Даже если исходить из официальных данных МВД России о численности проституток по состоянию на 2013 г. в более чем 1 млн чел. [6] (по данным экспертов, 3 млн чел.), то в нем из этого количества привлекли к ответственности за занятие проституцией 9147 коммерческих сексуальных работников при 279 криминальных вовлечениях в проституцию, в 2014 г. – 11 338 (387 вовлечений), в 2015 г. – 12 269 (212 вовлечений), а в 2016 г. – 11 353 (211 вовлечений), т.е. в среднем только каждого восьмидесятого, или 1,2%. По данным ГИАЦ МВД РФ, количество выявленных фактов получения дохода от занятия проституцией другого лица (ст. 6.12 КоАП РФ) в 2013 г. составило всего 267 и 652 – преступной организации проституции, в 2014 г. – 253 и 635, в 2015 г. – 314 и 646, а в 2016 г. – 310 и 556.

Нежизнеспособность действующей модели противодействия проституции порождает *различные законодательные идеи минимизации объема сферы сексуальных услуг* и, прежде всего, *уголовно-правового контроля проституции.* Государство время от времени пытается провести акции по сокращению этого сектора посредством усиления репрессивных мер. Так, в 2014 г. экс-депутат петербургского Законодательного собрания, а ныне депутат Государственной Думы В. Милонов подготовил федеральный законопроект о введении уголовной ответственности за занятие проституцией с наказанием исправительными работами и выдворением иностранок из страны. Для организаторов притонов предлагалось увеличить верхнюю границу лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет [7].

Периодическая активизация темы уголовных санкций за проституцию законодателями свидетельствует, прежде всего, об отсутствии иной, кроме наказательной, стратегии государства в отношении проституции и его неспособности иными средствами справиться с ней. И это при том, что в международной юриспруденции нет норм, предписывающих преследование проституции лиц, достигших восемнадцати лет. И если для одних инициаторов из высших законодательных ветвей власти тема проституции – скорее очередной пиар, то мотивация других, представляющих высший законодательный орган субъекта, педалирующих решение данной проблемы таким путем без прогноза социальных последствий – как минимум недальновидность. Криминализация проституции отразится на эффективности уголовного закона и поставит под сомнение его справедливость в условиях бедности, безработицы и падения уровня доходов населения. Страх уголовной ответственности загонит в подполье проституток и клиентов, чем усугубит и без того сложную эпидемиологическую ситуацию и исключит оперативный доступ в этот сегмент для профилактики венерических заболеваний.

В противоположность уголовному преследованию предлагаются *проекты юридического разрешения проституции с ее признанием формой предпринимательства и экономической занятости.* Например, уполномоченный по правам человека в Саратовской области А.С. Ландо при поддержке экс-губернатора Д.Ф. Аяцкова разработал законопроект о легализации

проституции в РФ, но он не был рассмотрен Государственной Думой. В 2004 г. второе чтение прошел проект Федерального закона № 403261-3 «О регулировании платных услуг сексуального характера», разработчиком которого являлся депутат А. Вульф, однако и он не был принят, что, как пишут сторонники легализации проституции, «лишний раз доказало ханжеское отношение государства в лице соответствующих депутатов к данной проблеме» [8]. Неэффективность действующего арсенала социальных и правовых инструментов сдерживания социально опасных последствий проституции в современных реалиях может служить достаточным аргументом для принятия решения о правовом статусе проституции как способа минимизации порождаемых ею отрицательных последствий.

Вторым востребованным у законодателей направлением являются проекты ужесточения санкций против участников криминального интимного бизнеса. Представители государства в лице правотворца усматривают недейственность административно-правового запрета занятия проституцией как меры профилактики в неоправданной мягкости наказаний (размер штрафа – от 1,5 до 2 тыс. руб.). Инициатива увеличения штрафов за проституцию поддерживается и субъектами Российской Федерации. Так, законопроект чеченских парламентариев об увеличении штрафа за проституцию до 20 тыс. руб. был внесен в Госдуму после обращения петербургского казачьего общества «Казачья дружина» к главе Чеченской Республики с просьбой инициировать внесение поправок, поскольку идея казаков не была поддержана органами законодательной власти Санкт-Петербурга. Согласно отзывам на сайте Госдумы РФ, проект одобрили парламенты Чувашии, Тульской и Самарской области, Кабардино-Балкарии, однако парламент Чечни отозвал его до обсуждения. На наш взгляд, в правосознании законодателя не сложилось понимания того, что любое возрастание объема карающих за проституирование мер имеет невысокий сдерживающий эффект. Высокая доходность оказания сексуальных услуг, исчисляемая в среднем от 1,5 до 30 тыс. руб. за час, не устранит популярность этой формы заработка, а увеличение штрафных сумм за проституцию приведет исключительно к росту нагрузки (увеличению клиентского потока), «тарифов» на сексуальные услуги с учетом коррупционных расходов и риска подвергнуться большим денежным потерям.

Наказательный курс в отношении носителей коммерческой сексуальной субкультуры, удовлетворяющих социальный заказ на интимную потребность, оправдывается безнравственностью их занятия. В то же время не ставится под сомнение нравственность выполнения государством функции сутенера, когда лицо, занимающееся проституцией, посредством административных наказаний принуждается к дальнейшему пребыванию в нелегальном секторе интимных услуг. Очевидно, что назначение штрафных санкций судом за занятие проституцией стимулирует условия для продолжения оказания коммерческих секс-услуг, поскольку иным образом осуществить выплату штрафа секс-работник не может. Контент-анализ автором сообщений прессы показывает массовую распространенность фактов, когда уполномоченными представителями государства – судебными приставами, разыскавшими проститутку, неоплаченный административный штраф за занятие проституцией взыскивается из ее гонорара за платную интимную услугу [9]. Для общественной нравственности, декларативно оберегаемой законодателем, более опасно другое – в социальной практике не исчисляемы примеры ханжества, лицемерия и двойной морали относительно подвергающихся неистовому клеймению проституции и промышляющих развратом представителей древнейшей профессии. Яркие иллюстрации тому – исчезновение чудесным образом с улиц городов девушек «с пониженной социальной ответственностью» по прибытии правительственных и прочих чиновничьих делегаций в любой региональный центр. Общепринятой является практика организации сексуального обслуживания инспектирующих комиссий в саунах и развлекательно-оздоровительных центрах «дамами полусвета», услуги которых оплачиваются проверяемыми для получения положительных результатов ведомственного контроля. В интимных контактах с элитными блудницами резонансно уличались облеченные государственной властью лица, несшие бремя заботы о нравственном благе российского социума [10]. Эскорт-сопровождение с сексуальным обслуживанием стало знаком, присущим мероприятиям высшего государственного уровня. К примеру, журналистское расследование показало, что за три дня Петербургского экономического форума в 2013 г. эскорт-услуги по сопровождению бизнесменов на различные мероприятия с последующим продолжением обошлись бюджету в сумму 180 тыс. долл. (5 млн 760 тыс. руб.) [11].

В числе законопроектов с репрессивной составляющей и *введение ответственности за покупку сексуальных услуг совершеннолетних*. Кампания против потребителей «секса за деньги» стала абсолютно новой «волной» по искоренению проституции. Беспрецедентной в новейшей истории российского административного законодательства, регулирующего сферу противодействия проституции, стала норма о признании правонарушителем потребителя платных сексуальных услуг. В 2012 г. в Закон Белгородской области от 04 июля 2002 г. № 35 «Об административных правонарушениях на территории Белгородской области» была введена ст. 6.24 об ответственности за получение сексуальных услуг на возмездной основе от лиц, занимающихся проституцией, предусматривавшая наложение административного штрафа в размере 5 тыс. руб. Очевидно, сомнительный механизм получения доказательства правонарушения, при котором единственным вариантом могла быть «контрольная продажа» сексуальной услуги с участием сотрудниц полиции, а равно отсутствие заинтересованности сторон сделки в признании интимного акта возмездным, послужили исключению данной статьи как «мертворожденной» [12].

В качестве еще одного способа ограничения проституции рассматривается *установление уголовной ответственности за рекламу сексуальных услуг.* Закон от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах мас-

совой информации» согласно ст. 16 позволяет приостановить деятельность информационного ресурса по судебному решению, однако устанавливает одно из условий, препятствующих таковому, – письменные предупреждения регистрирующим органом (Роскомнадзор) в течение года учредителя и (или) редакции о неоднократных нарушениях. Это позволяет изданиям, получающим огромный доход от рекламы проституции, откровенно пренебрегать предписаниями правоохранителей о запрете таких публикаций ввиду затянутости юридической процедуры прекращения в установленном порядке их деятельности и осуществлять посредничество в занятии проституцией. Так, издатель журнала «Флирт» З. и главный редактор издания К. осуждены за организацию проституции с использованием служебного положения. «Флирт» был зарегистрирован как рекламное издание. После возбуждения уголовного дела оно выходило под другими названиями: «Флирт в большом городе», «New! Флирт», «Флирт и знакомства», его тираж варьировался от 120 до 550 тыс. экз. По данным правоохранительных органов, осужденные, рекламируя проституцию в журналах и на их сайте, организовали оказание интимных услуг в арендованных квартирах, так называемых «диспетчерских», сотрудники которых привлекали откликнувшихся клиентов. При таком масштабе издания Роскомнадзор за два года судебных разбирательств смог лишь добиться того, что журнал запечатали в пленку и сделали пометку «18+». По данным столичной прокуратуры и Росфинмониторинга, супруги заработали на «Флирте» 68 млн. руб. [13]. После скандала вокруг журнала в ответ на жалобы москвичей Правительство дало поручение МВД, ФАС и Минкомсвязи рассмотреть возможность криминализации рекламы услуг проституток в СМИ, которая, на наш взгляд, является избыточной [14]. Между тем в Госдуме оценивают как очень высокую вероятность принятия поправок при инициировании их Правительством.

Таким образом, *основными тенденциями государственной политики в отношении проституции являются следующие*:

1. Государственная политика в отношении проституции и преступлений, связанных с ней, отличается непоследовательностью в избрании международно-правовых средств устранения эксплуатации проституции. Многие успешные образцы международных правовых инструментов по защите от сексуальной эксплуатации, эксплуатации проституции, обретшие юридическую силу ратифицированием или подписанием с участием Российской Федерации соглашений и конвенций, не имплементированы в национальные законы. В национальном уголовном законе необходимо расширить перечень наказуемых деяний посредством имплементации юридических составов и санкций конвенционных преступлений, сконструированных в международных юридических актах. Таким решением может быть криминализация принуждения к занятию иными формами сексуальной деятельности и отягчение наказания специального субъекта исследуемых деяний – родителя, педагогического работника либо иного лица, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

2. Современная государственная политика характеризуется отрицанием как социально значимой и требующей экстраординарных мер проблемы социально опасных последствий проституции и криминальности нелегального коммерческого сексуального рынка и, как следствие, отсутствием последовательной и отвечающей ожиданиям общества стратегии, включающей основные направления государственной политики по противодействию им. В арсенале средств государственной политики нет и комплексного универсального акта, концептуально предназначенного для пресечения сексуальной эксплуатации человека, эксплуатации проституции, что требует его незамедлительной разработки. Как наиболее оптимальный способ сдерживания избрана правовая модель запрета проституции с изысканием крайних средств усиления юридического преследования лиц, оказывающих секс-услуги, и потребителей. Государство путем проведения кампаний по жесткому преследованию участников секс-сообщества загоняет проституцию в теневую сферу с еще большими отрицательными последствиями. Прогибиционистская политика российского государства, основанная в течение многих десятилетий на запретительных и карательных санкциях, себя полностью исчерпала, поскольку не решает проблему социальных первопричин проституции. Провал мер правового и социального контроля проституции, подтверждаемый ежегодно регистрируемой статистикой этого вида преступлений и правонарушений, приводит к необходимости поиска его новых моделей для введения проституции в социально терпимые рамки.

3. На уровне отечественного уголовного права не сложилась целостная система норм для предотвращения эксплуатации проституции. Положения по наказанию за преступления, связанные с ней, действуют параллельно с нормами некриминального законодательства, порождая недопустимую межотраслевую конкуренцию. В российском законе должны быть устранены фрагментарность и погрешности при конструировании запретов, межотраслевая конкуренция, произвольный внесистемный подход, существенно осложняющие правоприменение. Дефектом отечественных актов является отсутствие точного и нормативно закрепленного понятийного аппарата, имеющегося в международном праве. В национальный оборот из международных актов должны быть введены юридически выверенные и безупречные с позиции юридической техники понятия, как проституция, сексуальная эксплуатация, эксплуатация проституции и другие и их признаки для увеличения эффективности уголовно-правового способа их сдерживания (профилактики).

ЛИТЕРАТУРА

1. Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7.
2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2016.
4. Алихаджиева И.С. Проблемы квалификации получения сексуальных услуг несовершеннолетнего и иных преступлений, представляющих опасность для сексуальной сферы несовершеннолетних // Современное право. 2014. № 12.
5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куваева Леонида Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 240 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1494-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. МВД: Проституцией в РФ занимаются более одного млн. человек // Вести.ru : интернет-канал: [сайт]. [2013]. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1015185&cid=7 (дата обращения: 10.02.2014).
7. Милонов предлагает ввести уголовную ответственность за проституцию // Санкт-Петербург.ру : интернет-газета: [сайт]. [2014]. URL: http://saint-petersburg.ru/m/russia/strelnikov/331245/ (дата обращения: 24.08.2016).
8. Ланская П., Спектор Е. Правовые основы легализации проституции в России // Вестник игорного бизнеса : интернет-журнал: [сайт]. [2010]. URL: http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=16 (дата обращения: 08.04.2016).
9. В Елабуге проститутка заплатила штраф своим гонораром // Tatpressa: Интернет-газета: [сайт]. [2015]. URL: http://www.tatpressa.ru/news/15560.html (дата обращения: 11.02.2015).
10. Щекочихин Ю. О человеке, похожем на Скуратова, и о человеке, похожем на президента // Новая газета. 1999. 23–30 марта.
11. Мнишек И. Эскорт для «дяденьки». Кому-то – строгая мораль и жизнь в «двушке» с родителями, кому-то – интим после фуршета на мероприятии государственного масштаба // Версия. 2013. 24 июля.
12. Об административных правонарушениях на территории Белгородской области: закон Белгородской области от 04 июля 2002 г. № 35 (ред. от 18.06.2015) // Белгородские известия. 2015. 23 июня.
13. Болгова Е. Издатель журнала «Флирт» приговорен к трем годам колонии // Комсомольская правда: [сайт]. [2017]. URL: https://www.kp.ru/online/news/2789359/ (дата обращения: 11.07.2017).
14. Петелин Г., Раскин А. Рекламу проституток подведут под уголовную ответственность // Известия : интернет-газета: [сайт]. [2014]. URL: http://izvestia.ru/news/564575 (дата обращения: 11.05.2015).

Статья представлена научной редакцией «Право» 9 октября 2017 г.

STATE POLICY CONCERNING PROSTITUTION AT THE PRESENT STAGE: STATE AND MAIN DIRECTIONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 203–208.
DOI: 10.17223/15617793/425/27

Inna S. Alikhadzhiyeva, Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).
E-mail: Alins1@yandex.ru

Keywords: state policy; criminal policy; prostitution; crimes connected with prostitution; State Duma of Russian Federation; Constitutional Court of Russian Federation; client; criminal liability; prostitution advertising; administrative control.

The illegal commercial sex industry became an integral part of the modern Russian way and a shadow component of the economic sector. The analysis of the current state and the main directions of the state policy concerning prostitution and counteraction to its negative consequences taking into account the implemented national model of prohibitionism is presented in the article. The subject of the research is international legal statements regulating regulations on counteraction to prostitution and sexual exploitation, the modern criminal and administrative legislation of Russia, bills on problems of legal regulation of the sphere connected with commercial sexual relations. Conclusions and proposals of the author are based on materials of jurisprudence, data of official statistics, sociological and criminological research works, published theoretical works on the problem. The author used general scientific methods of analysis and synthesis and private scientific systemic, comparative legal, sociological and statistical methods to analyze legal information and to study the efficiency of legal norms. In the work, the author's concept of the state policy of counteraction to prostitution is given, the provisions of international treaties on counteraction to prostitution exploitation which aren't apprehended by the Russian criminal law, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation are considered. The lawmaking experiment on establishing criminal liability and introducing or increasing administrative responsibility concerning participants of the illegal sphere of sexual services (souteneurs, consumers and prostitutes), criminalization of prostitution and its advertizing, etc. is critically comprehended. As a result of the conducted research the author comes to a conclusion that the state showing a formally negative attitude to prostitution has no general strategy with an effective mechanism reducing prostitution growth. Proclaiming the legislative ban of prostitution with nominal administrative responsibility, the state does not take any resolute actions for eradication of the fundamental reasons producing it. As a problem with destructive social consequences that demand a proper anticipatory response, prostitution is left outside the state priority, which promotes its more dangerous forms – victimization of sex workers, corruption delicts, illegal migration, risks of minors' involvement in prostitution, etc.

REFERENCES

1. Zagorodnikov, N.I. & Struchkov, N.A. (1981) Napravleniya izucheniya sovetskogo ugolovnogo prava [Directions of the study of Soviet criminal law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* 7.
2. Lopashenko, N.A. (2004) *Osnovy ugolovno-pravovogo vozdeystviya: ugolovnoe pravo, ugolovnyy zakon, ugolovno-pravovaya politika* [Bases of criminal law influence: criminal law, criminal rights, the criminal law policy]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
3. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2016) *Problemy rossiyskoy ugolovnoy politiki* [Problems of the Russian criminal policy]. Moscow: Prospekt.
4. Alikhadzhieva, I.S. (2014) Problemy kvalifikatsii polucheniya seksual'nykh uslug nesovershennoletnego i inykh prestupleniy, predstavlyayushchikh opasnost' dlya seksual'noy sfery nesovershennoletnikh [Problems of qualification of obtaining sexual services of minors and other crimes that present a danger to the sexual sphere of minors]. *Sovremennoe pravo.* 12.
5. Konsul'tantPlyus. (2015) *On the refusal to accept the complaint of citizen Leonid Kuvayev for the violation of his constitutional rights under Article 240 of the Criminal Code of the Russian Federation: the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 1494-O*. The document was not published. (In Russian).
6. Vesti.ru. (2013) *MVD: Prostitutsiey v RF zanimayutsya bolee odnogo mln. chelovek* [MIA: More than one million people are engaged in prostitution in Russia]. [Online] Available from: http://www.vesti.ru/doc.html?id=1015185&cid=7. (Accessed: 10.02.2014).
7. Sankt-Peterburg.ru. (2014) *Milonov predlagaet vvesti ugolovnuyu otvetstvennost' za prostitutsiyu* [Milonov proposes to introduce criminal liability for prostitution]. [Online] Available from: http://saint-petersburg.ru/m/russia/strelnikov/331245/. (Accessed: 24.08.2016).
8. Lanskaya, P. & Spektor, E. (2010) *Pravovye osnovy legalizatsii prostitutsii v Rossii* [Legal basis for the legalization of prostitution in Russia]. [Online] Available from: http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=16. (Accessed: 08.04.2016).

9. Tatpressa. (2015) *V Elabuge prostitutka zaplatila shtraf svoim gonorarom* [In Elabuga, a prostitute paid a fine with her fee]. [Online] Available from: http://www.tatpressa.ru/news/ 15560.html. (Accessed: 11.02.2015).
10. Shchekochikhin, Yu. (1999) O cheloveke, pokhozhem na Skuratova, i o cheloveke, pokhozhem na prezidenta [About a man who looks like Skuratov, and a man who looks like a president]. *Novaya gazeta*. 23–30 March.
11. Mnishek, I. (2013) Eskort dlya "dyaden'ki". Komu-to – strogaya moral' i zhizn' v "dvushke" s roditelyami, komu-to – intim posle fursheta na meropriyatii gosudarstvennogo masshtaba [Escort for an "uncle". Someone gets a strict moral and life in the "kopeck piece" with their parents, someone gets sex after a buffet at a state event]. *Versiya*. 24 July.
12. Belgorodskie izvestiya. (2015) Ob administrativnykh pravonarusheniyakh na territorii Belgorodskoy oblasti: zakon Belgorodskoy oblasti ot 04 iyulya 2002 g. № 35 (red. ot 18.06.2015) [On administrative violations in the territory of Belgorod Oblast: Belgorod Oblast Law of July 4, 2002 No. 35 (Edited on June 18, 2015)]. *Belgorodskie izvestiya*. 23 June.
13. Bolgova, E. (2017) *Izdatel' zhurnala "Flirt" prigovoren k trem godam kolonii* [The publisher of the magazine "Flirt" was sentenced to three years of colony]. [Online] Available from: https://www.kp.ru/online/news/2789359/. (Accessed: 11.07.2017).
14. Petelin, G. & Raskin, A. (2014) *Reklamu prostitutok podvedut pod ugolovnuyu otvetstvennost'* [Advertising prostitutes will be brought under criminal liability]. [Online] Available from: http://izvestia.ru/news/564575. (Accessed: 11.05.2015).

Received: 09 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 209–216. DOI: 10.17223/15617793/425/28

УДК 343.71

С.А. Елисеев

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ХИЩЕНИЯ ПО СТОИМОСТИ ПОХИЩЕННОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Показана эволюция уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за хищение с учетом стоимости похищенного имущества, рассматриваются взгляды российских юристов на проблему дифференциации уголовной ответственности за хищение по размеру имущественного ущерба, причиняемого преступлением. Сделан вывод о необходимости углубленного анализа оснований выделения в УК РФ видов хищения в зависимости от размеров хищения.

Ключевые слова: хищение чужого имущества; виды хищения; размер хищения; цена; стоимость похищенного; российские уголовные законы.

В российском законодательстве дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности в зависимости от цены (стоимости) похищенного впервые была проведена в Артикуле воинском 1716 г. По цене похищенного кража в Артикуле подразделялась на два вида: до 20 рублей и свыше 20 рублей (гл. XXI ст. 189, 191) [1. С. 367]. Такие же виды кражи и мошенничества различал Указ от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов» [2. С. 161]. Свод законов уголовных 1832 г. разделял воровство-мошенничество и воровство-кражу в зависимости от стоимости похищенного на три рода: до 6 рублей серебром; до 30 рублей серебром; свыше 30 рублей серебром. При этом первый род делился на четыре степени: до 1, 5 рублей; от 1,5 до 3; от 3 до 4,5; от 4,5 до 6 рублей серебром (ст. 806, 807). В Своде законов отмечалось, что «при определении цены украденного, покраденные вещи, скот и проч. оцениваются равно как и похищенные деньги исчисляются на серебро…» (ст. 815) [3. С. 164, 166].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1845 и 1857 гг.) различались кражи – до 30 рублей; от 30 до 300; свыше 300 рублей. Уложение о наказаниях в последующих редакциях, Уложение о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., применительно к присвоению вверенного, краже и мошенничеству выделяли две рубрики: до 300 рублей; свыше 300 рублей (ст. 1655,1666, 1681 Уложения о наказаниях; ст. 169, 173, 174, 177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями) [4. С. 1–571, 667–775]. В законодательстве второй половины XIX в. по цене похищенного были выделены и такие кражи: кража на сумму не свыше 50 рублей, совершенная в первый или второй раз, в пределах волости лицом, подведомственным волостному суду (ст. 17 и 18 Временных правил о волостном суде); кража на сумму, не превышающую 50 копеек (ст. 171 Устава о наказаниях).

Надо сказать, что в первой редакции проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных не предусматривал дифференциации наказания по цене похищенного. Объясняя это, составители проекта писали: «Желая согласить постановление нашего Проекта с духом времени, мы… старались свойство преступлений определить не столько по их последствиям, которые большей частью суть случайные, сколько по дознанным, почти всегда более или менее обнаруживаемым обстоятельствами дела побуждениям преступника... Посему мы сперва... полагали вовсе не принимать в соображение цены украденного... ибо сие весьма часто и едва-ли не всегда зависит от того, сколько виновному время, удобность и вообще обстоятельства дозволяли похитить… Но при представлении сей части Проекта в Высочайше учрежденный для ревизии онаго Комитет, всеми Членами онаго единогласно признано, что было бы неудобно, даже опасно, особливо в настоящее время, совершенно отменить возвышение строгости наказания по мере цены украденного; ибо известно по практике дел о преступлениях, что воры, иногда имея возможность украсть больше, ограничиваются похищением суммы или предметов меньшей цены, единственно для того, чтобы не подпасть уголовной казни. Уступая сему мнению людей опытных и сведущих, мы решились допустить в нашем Проекте назначение степеней наказания за воровство-кражу и по цене украденного…» [5. С. 695–696].

Не усматривали убедительных оснований для разграничения кражи по цене похищенного и составители проекта Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Они отмечали: «Трудно перечесть все неудобства и сомнения, проистекающие от принятия цены похищенного в основание уголовной ответственности виновного; но все они, вместе взятые, бесспорно указывают на ложность самого принципа, ставящего наказание в зависимость от внешних и совершенно случайных признаков, которые побуждают судью смотреть на дело слегка и ограничиваться одним лишь видимым осязаемым фактом, без соображения того, был ли он результатом злой воли преступника» [6. С. 342]. В связи с этим они полагали, что законодателю следовало бы и отказаться от «соизмерения наказания за кражу с ценой похищенного». В то же время составители проекта Устава признали, что «при начертании ныне специальных лишь правил о видах воровства, подведомых мировым судьям, применить это начало во всей чистоте, без общей переделки всех прочих наших узаконений о краже, еще невозможно». Кроме того, отметили они, «было бы несообразно предоставить мировым судьям решение дел о краже на всякую сумму, тогда как они не могут определять вознаграждения за похищение свыше той цены, какая определена для решения ими дел гражданских» [Там же. С. 291].

Деление имущественных преступлений по цене похищенного не находило поддержки в российской

уголовно-правовой литературе тех лет. Так, И.Я. Фойницкий полагал, что «различение в законе мошенничества по цене похищенного» не выдерживает «самой снисходительной критики». Свой вывод он обосновывал такими доводами: похищая вещь, виновный далеко не всегда знает ее цену, поэтому величина наказания определяется обстоятельством, которое не только не зависит от воли, но даже от знания лица; одна и та же цифра цены для различных лиц имеет далеко не одинаковое значение; следовательно при дифференциации мошенничества по цене похищенного величина наказания определяется не действительной, а фиктивной, предполагаемой важностью вреда; цифра цены похищенного или присвоенного имущества не может также, независимо от других обстоятельств, свидетельствовать о степени внутренней виновности; суд при определении цены похищенного неминуемо встретит многообразные, нередко, непреодолимые затруднения» [7].

Н.А. Неклюдов к главнейшим общим недостаткам постановлений о преступлениях против собственности Уложения о наказаниях уголовных и исправительных относил «устепенение наказаний смотря по ценности похищенного». «Едва ли нужно доказывать, – писал он, – что ценность похищения не в состоянии изменить свойства и характера преступления, а между тем законодательство наше устанавливает целую пропасть между наказаниями за кражу в 300 р. и кражу в 300 р. и 1 к.». Не соглашаясь с рассуждениями как составителей проекта Уложения 1845 г., так и людей «опытных и сведущих» в деле краж, Н.А. Неклюдов отмечал : «ссылка на то, что воры крадут менее, в расчете на менее строгую наказуемость, неправильна в двух отношениях: она забывает, что каждый вор рассчитывает прежде всего не быть открытым; она не подтверждается вовсе практикой… ежели бы это мнение было бы справедливо, то не только следовало бы ввести целую градацию краж, смотря по их ценности, а не ограничиваться двумя суммами… но и было бы противно здравой уголовной политике не распространить того же самого правила и на кражи квалифицированные, и на похищения с насилием, так как, понятно само собою, что в высшей степени было бы желательно, чтобы не только мелкие воры, но и воры квалифицированные, и грабители, похищали бы сколь возможно менее» [8. С. 708–709].

Л.С. Белогриц-Котляревский считал, что ценность похищенного как легальное мерило наказания не выдерживает критики, что возвышение наказания по мере ценности похищенного законодатель должен предоставить судейскому усмотрению [9. С. 214]. Н.Д. Сергеевский утверждал, что влияние цены украденного на строгость наказания не выдерживает юридической критики по следующим причинам: при соизмерении наказания с ценой украденного оно большей частью зависит от одного случая, так как обыкновенно вор крадет то, что ему попадется под руку; вор почти никогда не выручает за похищенные вещи настоящую их стоимость; при оценках причиняемого кражами ущерба возникают постоянные затруднения; в случае совершения кражи несколькими лицами возвышение наказания каждому из виновных по цене всей покражи несправедливо» [10. С. 161–162].

Не соглашались с законодательным решением и практикующие юристы того времени. В замечаниях чинов судебного ведомства на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных говорилось: «Не зная мотивов, трудно объяснить себе, что могло руководить составителей Уложения в подразделении краж по степени наказания за них на несколько видов, смотря по сумме покраденного… Если предположить, что в этом случае составители Уложения имели ввиду сделать различие между маловажной и более ценною кражею, то и тогда деление по цифре представляется не выдерживающим критики. Ибо маловажность может быть признана только или самостоятельно, или со стороны воззрения на нее самого вора или же потерпевшего… Очевидно, что подобное деление краж представляется лишенным серьезного основания и вместе с тем несоответствующим идее правосудия». Ибо бесспорно, конечно, что даже хорошо знакомый с нашим уголовным законом вор, совершая кражу, конечно, не принимает в соображение деление, установленное Уложением и крадет столько, сколько ему удастся…». Они также отмечали, что «если бы цена покраденного была необходима при определении наказания за кражу, то почему же не принято в соображение и при всех прочих квалифицированных кражах? А потому, что при определении наказания за кражи законодатель руководился верным юридическим взглядом на преступление, где главнейшее составляет злая воля подсудимого и степень ее настойчивости к преодолению всех преград ее выполнения и усилия и средства, необходимые для совершения задуманного преступления, независимо от ценности приобретенных плодов преступления» [11. С. 414–415].

Эти взгляды нашли отражение в первоначальном проекте Уголовного Уложения 1903 г. В нем не выделялись разновидности похищения имущества с учетом цены похищенного. Редакционная комиссия по составлению проекта такое решение обосновывала следующими обстоятельствами:

1) цена имущества как предмета посягательства не представляет собой точного признака степени внутренней преступности виновного, как потому, что он далеко не одинаков для богатых и бедных, так и потому, что виновный далеко не всегда знает и может знать цену похищенного предмета;

2) при соучастии на каждого может приходиться незначительная цена, а между тем общая стоимость похищенного повышает наказание всех участников;

3) цена похищенного не представляет собой точного признака степени объективной опасности деяния, его важности для общества;

4) если допустить, что степень важности деяния для общества находит точное выражение в цене похищенного, то и в таком случае законодательство, принимающее этот критерий, не достигает предположенной цели по невозможности предусмотреть все различия в ценах похищенного;

5) оценка похищенного возможна или по рыночным ценам, или по той цене, которую похищенное имущество имело для потерпевшего. В первом случае оценка похищенного зависит от обстоятельств случайных, не имеющих ничего общего ни со степенью пре-

ступности деяния, ни с важностью произведенного им нарушения. Во втором случае вводится критерий, еще более случайный, еще менее способный определить степень общественной важности деяния и виновности деятеля. В особенности затруднительной представляется оценка, когда похищены некоторые части вещи, например античных статуй [12. С. 212–213].

При обсуждении проекта позиция его составителей вызвала возражения у ряда юристов. Так, редакционный комитет уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества в своих замечаниях по поводу проекта Особенной части Уголовного Уложения отмечал: произвольный характер определения стоимости похищенного если и существует, то он разделяет общую судьбу всех цифровых определений, без которых, однако, ни одно законодательство не может обойтись; со стороны субъективной этот признак (стоимость похищенного) вовсе не так уж несостоятелен, в огромном большинстве случаев похититель знает, на что он решается; центр тяжести значения стоимости похищенного, при определении наказания, лежит не в субъективной, а в объективной стороне похищения; мера вреда, причиненного похищением, никогда не утратит своего значения ни для общества, ни для отдельных лиц; чем значительнее сумма похищенного, тем более возбуждается общественное внимание и тем сильнее возникающие опасения; точно так же и отдельные лица никогда не перестанут желать, чтобы наибольшие потери их находили и наибольшее ограждение как со стороны уголовного закона, так и со стороны способов раскрытия и исследования преступных деяний; ценное имущество обыкновенно охраняется с большей заботливостью, а потому стоимость похищаемого оказывает влияние и на способы похищения, так как она вызывает со стороны виновного большие предосторожности, большие ухищрения, большую сложность плана действий [13. С. 67].

Редакционная комиссия приняла во внимание высказанные замечания. В ходе обсуждения проекта она пришла к выводу, что отказ от цены имущества как «признака квалификации корыстных имущественных посягательств» практически невозможен по следующим основаниям: 1) если не делать различия по стоимости похищенного, то многие весьма тяжкие случаи простого воровства были бы подвергнуты крайне слабому наказанию; 2) соображение, что вор часто не знает стоимости похищенного, едва ли имеет решающее значение, так как если не установлено, что он желал или, по крайне мере, допускал похищение на стоимость свыше данного предела, он может и должен быть наказан лишь за воровство ниже такого предела; 3) нельзя отрицать, что цифра стоимости имеет определенное объективное значение в общежитии, и при всем различии в степенях состоятельности отдельных лиц может быть уловлена цифра стоимости, разделяющая при данном экономическом положении имущества маловажные от важных. Конечно, точное определение такой цифры законом всегда будет более или менее гадательно и даже произвольно, но в данном случае приходится избирать между произволом законодателя и произволом суда, и едва ли может быть сомнение в том, что последний представляется еще менее желательным, чем первый; 4) установление в самом законе определенной цифры, разграничивающей имущества менее важные от важных, вызывается и процессуальными соображениями.

С учетом этих обстоятельств, редакционная комиссия предложила выделить в законе такие виды воровства, присвоения вверенного, мошенничества: с ущербом не свыше 500 рублей; с ущербом на сумму свыше 500 рублей [12. С. 315–316]. Предложение комиссии было воспринято законодателем. В Уголовном Уложении 1903 года эта сумма была закреплена в качестве критерия разграничения простых и тяжких присвоения вверенного, воровства и мошенничества. В качестве менее наказуемых выделялись присвоение вверенного, воровство и мошенничество на сумму не более 50 копеек (ст. 574, 581, 591) [14. С. 827, 848, 878].

Надо сказать, что и после принятия Уголовного Уложения 1903 г. не все российские юристы находили целесообразным наказуемость кражи соизмерять в законе с ценой похищенного. Так, С.В. Познышев писал: «…нельзя не признать, что если цена похищенного и может иметь влияние на наказуемость, то лишь судья, сообразно с индивидуальными чертами данного случая, может справедливо определить силу и степень этого влияния; всякие же выставляемые в данном случае законодателем цифры, с которыми судья должен связывать более или менее строгую ответственность были бы совершенно произвольны и только выносили бы в определение размеров наказания нежелательный формализм». При этом он отметил, что «цена вещи зависит от состояния в данный момент рынка, которое не имеет ничего общего с правосудием» [15. С. 172–173].

Суждения С.В. Познышева, других авторов, несогласных с фиксацией в уголовном законе размеров хищения в денежных величинах, несомненно, повлияли на решения советского законодателя. Выделив в УК РСФСР 1922 г. мелкую фабрично-заводскую кражу, хищение «в особо крупных размерах» (п. «з» ст. 180), в УК РСФСР 1926 г. – мелкую фабрично-заводскую кражу и кражу «при особо крупных размерах похищенного» (п. «д» ст. 162), законодатель не указал, какая именно денежная величина образует «особо крупные размеры» хищения. Этим он предоставил практике возможность самой решать, образует ли содеянное в том или ином случае хищение в особо крупных размерах. Практика, применяя УК РСФСР 1922, 1926 гг., исходила из того, что особо крупные размеры похищенного предполагают его достаточно большую стоимость; однако ее точный размер заранее не может быть предопределен. Было признано, что при решении вопроса, является ли хищение особо крупным, необходимо учитывать не только цену похищенного, но и его значимость для собственника, ценность в конкретных условиях совершения преступления. Так, в докладе УКК Верховного суда РСФСР о работе за 1924 г. говорилось: «Что касается определения “особо крупных размеров похищенного”, то практика УКК знает такие приговоры, где ст. 180 “з” вменялась за хищение стоимость которого в переводе на деньги не превышала несколько сотен рублей. Яс-

но, что во всяком случае никак нельзя говорить об "особо крупных размерах похищенного", если похищенное не достигает хотя бы нескольких тысяч рублей (золотом)» [16. С. 395]. Президиум Верховного Суда РСФСР в постановлении от 28 мая 1933 г. указал, что установить общий для всех случаев размер хищений, при котором они квалифицируются по закону от 7.08.1932 (как посягательство на социалистическую собственность в значительных (крупных) размерах. – *С.Е.*), конечно, не представляется возможным; это определение полностью зависит от условий места и времени совершения преступления. 58-й пленум Верховного Суда СССР отметил, что «установление в ряде случаев механических лимитов в области квалификации хищений социалистической собственности по сумме похищенного без учета всех обстоятельств преступления, значения предметов хищения и т.д.» приводит к смазыванию эффективности применения уголовного закона [17. С. 109].

Исключение составляло определение мелкой фабрично-заводской кражи. К ней УК РСФСР 1922 г. (прим. к п. «д» ст. 180), УК РСФСР 1926 г. в первой редакции (прим. к ст. 162) относили кражу материалов и орудий, совершенную на фабрике и заводе рабочим или служащим в пределах своего предприятия в первый раз и при стоимости похищенного не свыше 15 рублей. Эта кража влекла дисциплинарное взыскание. УК 1926 г. (в редакции 1931 г.) к мелкой отнес кражу на сумму не свыше 50 рублей. В 1940 г. законодатель исключил из определения мелкой кражи указание на цену похищенного; в п. «е» ст. 162 УК 1926 г. он указал, что мелкая кража независимо от ее размеров» карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания.

Понятием «хищение, совершенное в крупных размерах» оперировал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Указ от 4 июня 1947 г., как и УК РСФСР 1922, 1926 гг. не раскрывал понятия хищения в крупных размерах. Такое законодательное решение разделяли большинство советских юристов. Так, М.М. Исаев, объясняя необходимость использования в УК РСФСР понятия «крупный размер» как оценочного, писал: «Нельзя точно указать (в уголовном законе. – С.Е.), начиная с какой суммы похищенных денег, с какого количества похищенного зерна, масла и т.п. хищение будет считаться крупным. Суд должен учитывать обстоятельства конкретного дела». При определении размера хищения, отмечал М.М. Исаев, необходимо принимать во внимание не только признак количественный, но и качественный, т.е. характер похищенного имущества, а также время и обстановку хищения. Поэтому, полагал он, «…кража нескольких десятков килограммов посевного зерна во время посевной кампании должна рассматриваться как крупное хищение» [18. С. 17]. Целесообразным находила законодательное решение З.А. Вышинская. Она, как и М.М. Исаев, полагала, что определение размера хищения требует учета как количественных критериев, так и качественной оценки похищенного: «Под хищением, совершенным в крупном размере, следует понимать хищение государственного или общественного имущества, совершенное на большую сумму, в большом количестве, или хищение имущества, имеющего особую ценность в некоторых исключительных условиях (например, хищение продуктов или горючего в условиях военного времени» [19. С. 26]. Такого же мнения придерживался А.Н. Трайнин. Он утверждал, что одной цифрой, при всем ее значении, еще не всегда определяется степень общественной опасности содеянного, образующей существо преступления [20. С. 10]. Б.А. Куринов полагал, что неустановление в законодательном порядке точной суммы, когда хищение считается совершенным в крупных размерах, нельзя рассматривать как пробел в законе. Признание хищения совершенным в крупном размере зависит не только от суммы (хотя это и главное, и основное), но и от целого ряда других обстоятельств, в частности, таких, как время, обстановка, в которой произошло хищение, характер похищенного имущества [21. С. 99–100].

Не находил возможным установить заранее в законе какие-либо точные суммы в качестве «механического лимита» для разграничения хищений на виды по размерам похищенного и Г.А. Кригер. Он писал: «При совершении хищений социалистической собственности нередко бывает, что стоимость похищенного имущества сама по себе не столь уж значительна или даже совсем невелика, но это имущество представляет большую ценность или в силу его дефицитности, или в силу особых условий, в которых данное имущество имеет большое значение и утрата его влечет за собой серьезные последствия для государственной или общественной организации». Поэтому вопрос, какое хищение следует считать крупным, считал Г.А. Кригер, должен решаться с учетом конкретных обстоятельств дела. Однако, отмечал он, это вовсе не означает, что при исследовании понятий мелкого или крупного хищения следует вообще полностью отказаться от каких-то более или менее определенных количественных критериев. Но при этом суды не должны забывать о том, что суммы, принимаемые ими в качестве количественных критериев, не абсолютны, в советском уголовном праве общественная опасность преступления и преступника определяется с учетом всех обстоятельств дела в их совокупности; причем каждое обстоятельство оценивается не абстрактно, взятое само по себе, а в связи с конкретной обстановкой данного преступления. В то же время не следует увлекаться качественными критериями, впадать в крайность и относить хищение к более опасным видам, ссылаясь на характер похищенного имущества, обстановку и т.д. [22. С. 117]. Такой же позиции придерживалась и судебная практика того времени. Суды, применяя Указ от 4 июня 1947 г., принимали во внимание как количественный (сумма денег, размер похищенного), так и качественный (характер похищенного имущества, его значимость, время, обстановка) признаки [25. С. 102–104].

Следует отметить, что в те годы некоторые авторы предлагали изменить сложившуюся практику выделения в законе видов хищения без указания их размеров в денежных величинах. Так, Н.М. Иванов предлагал

предусмотреть непосредственно в законе «сумму, начиная с которой хищение должно считаться совершенным в крупных размерах, а также сумму, являющуюся границей мелкого и не мелкого хищения» [24. С. 97]. Однако при разработке УК РСФСР 1960 г. советский законодатель не принял во внимание это предложение. В УК 1960 г., как и в предшествующих ему уголовных советских законах, границы мелкого, крупного и особо крупного размеров хищения государственного и общественного имущества не получили стоимостного обозначения [25. С. 226]. Предложение определить в тексте УК РСФСР денежную величину мелкого хищения, хищения в крупных размерах не нашло поддержки и в советской юридической литературе. В публикациях 60–70-х гг. прошлого века по-прежнему утверждалось, что установление в законе конкретных сумм для разграничения мелких, значительных и крупных хищений привело бы к формализму и нарушению принципа материального подхода к оценке общественной опасности деяния. Стоимость в ее денежном выражении, по мнению Г.А Кригера, не всегда может в полной мере характеризовать степень общественной опасности деяния [26. С. 240–241]. В.А. Владимиров отмечал, что позиция советского законодателя, не определившего в законе точных формализованных критериев отнесения хищения к тому или иному виду, единственно правильна; она «в значительной мере ограничивает возможность механического, сугубо формального применения закона, особенно если речь идет о пограничных случаях» [29. С. 64].

Суды, применяя УК РСФСР 1960 г., при определении видов хищения принимали во внимание как количественные, так и качественные критерии. При этом хищение на сумму до 2 500 рублей рассматривалось как значительное, на сумму от 2,5 до 10 тыс. руб. – как крупное, на сумму свыше 10 тыс. руб. – как особо крупное [28. С. 190]. В пограничных случаях, когда причиненный преступлением имущественный ущерб не достигал денежной величины того или иного вида хищения, суды принимали во внимание экономические и натуральные показатели: значительное количество похищенного по весу, объему или в иных измерениях, важное народохозяйственное и целевое назначение имущества [29. С. 121–122]. Такой подход к разграничению видов хищения получил неоднозначную оценку в юридической литературе. Так, П.В. Замосковцев утверждал, что при определении размера хищения должен учитываться только стоимостной критерий, поскольку каков бы ни был вес, количество похищенного имущества, его стоимость от этого не меняются [30. С. 13]. Другие полагали, что, наряду со стоимостным следует учитывать и качественный критерий, но без учета натуральных размеров похищенного [31. С. 4–5]. С тезисом, что для определения размера хищения, включая и крупный, наряду со стоимостным допустимо пользоваться дополнительными критериями, не соглашался Ю.И. Ляпунов. Он считал, что это положение, касающееся только мелкого хищения, совершенно неосновательно, автоматически распространяется и на хищение в крупных размерах. Обоснованность такого расширительного подхода, писал Ю.И Ляпунов, «вызывает серьезные сомнения… хищение в крупном размере, – тяжкое преступление, караемое по закону лишением свободы на срок до 15 лет. …основания применения столь строгого закона должны быть жестко формализованы, максимально единообразны… стоимостной критерий, выраженный в точном установлении минимального и максимального пределов крупного размера в денежном возражении, полностью отвечает этим высоким требованиям, обеспечивает единообразное применение уголовного закона» [32. С. 74–75].

В УК РСФСР 1960 г. не определялась и величина «значительного ущерба», отнесенного к числу квалифицирующих признаков таких преступлений против личной собственности, как кража, грабеж, мошенничество. Основным показателем значительности ущерба судебная практика признавала относительно высокую стоимость похищенного. Однако она полагала, что при решении вопроса, причинен ли потерпевшему значительный ущерб, необходимо учитывать (как и при определении размера хищения социалистического имущества) не только стоимость, но и количество похищенного, значимость похищенных предметов для потерпевшего, имущественное положение потерпевшего и т.п. [35. С. 213].

В начале 90-х гг. прошлого века российский законодатель отказался от сложившейся в советское время традиции не приводить в тексте УК денежные величины того или иного вида хищения. Так, Законом РСФСР от 05.12.1991 г. № 1982-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» было определено, что «хищение признается совершенным в крупных размерах и считается причинившим крупный ущерб государству или общественной организации, если оно совершено одним лицом или группой лиц на сумму, пятидесятикратно превышающую минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РСФСР… хищение государственного или общественного имущества признается совершенным в особо крупных размерах, если оно совершено одним лицом или группой лиц на сумму, стократно превышающую минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РСФСР» [36].

Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 1 июля 1994 г. к крупному было отнесено хищение на сумму, в двести раз превышающую минимальный размер оплаты труда, установленный законодательством РФ на момент совершения преступления [37].

Денежные величины крупного и особо крупного размеров хищения законодатель счел нужным определить и в УК РФ 1996 г. До декабря 2003 г. величина хищения в УК РФ определялась в минимальных размерах оплаты труда; с декабря 2003 г. размеры хищения приведены в УК в абсолютных денежных величинах [38]. В прим. 4 к ст. 158 УК сказано, что крупным размером в статьях гл. 21 УК, за исключением ч. 6 и 7 ст. 159, 159^{1}, 159^{3}, 159^{5} и 159^{6}, признается стоимость имущества, превышающая 250 тыс. рублей, особо крупным – 1 млн рублей. Крупный и особо

крупный размеры хищения применительно к отдельным видам мошенничества определены в примечаниях к ст. 159, 159^1 УК. Так, крупным размером в ст. 159^1, 159^3, 159^5, 159^6 признается стоимость имущества, превышающая 1 млн 50 тыс. рублей, а особо крупным – 6 млн рублей.

Крупным размером мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, признается стоимость имущества, превышающая 3 млн рублей, особо крупным – 12 млн рублей. УК РФ 1996 г. раскрывает и понятие значительного ущерба гражданину. Так, в прим. 2 к ст. 158 говорится, что «значительный ущерб гражданину, в статьях настоящей главы, за исключением части пятой статьи 159, определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей». Значительным применительно к ч. 5 ст. 159 УК РФ признается ущерб в сумме, составляющей не менее 10 тыс. рублей.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ УК РФ дополнен ст. 158^l, предусматривающей ответственность за мелкое хищение. Сопоставление этой статьи со ст. 7.27 КоАП РФ показывает, что уголовная ответственность за мелкое хищение чужого имущества наступает при условии, что на момент хищения чужого имущества стоимостью не более 2 тыс. 500 рублей путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более 1 тыс. рублей, но не более 2 тыс. 500 рублей.

Как видим, российский законодатель с начала XVIII в. неизменно рассматривает размер хищения в качестве основания дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества, как обстоятельство, позволяющее объективно оценивать общественную опасность не только содеянного, но и личности преступника. Юридико-техническое оформление размера хищения как квалифицирующего признака посягательства на собственность в российских законах до 1996 г. имело два вида: в дореволюционных законах размеры хищения были определены в денежных величинах; в советских законах численные показатели тех или иных размеров хищения не приводились (исключение составляло определение мелкого хищения). Использование в советском уголовном законодательстве количественных оценочных признаков можно объяснить, в первую очередь, сложностью и динамикой социально-экономических преобразований, проходивших в Советском государстве.

УК РФ 1996 г. крупный и особо крупный размеры хищения определяет, как и законы Российской империи, в рублях. С таким решением, проверенным многолетним опытом применения уголовного закона, следует согласиться. Формализация квалифицирующих признаков является условием справедливого и единообразного применения уголовного закона. В то же время нельзя не заметить в УК РФ излишней дифференциации одного и того же размера хищения с учетом сферы совершаемых преступлений. Представляется, что такого рода дифференциация размера хищения не имеет достаточного обоснования; она загромождает как уголовный закон, так и правоприменение. Также нельзя не отметить, что и в наше время не утратили своей значимости высказывания юристов прошлого, полагавших, что наказание за похищение имущества в уголовном законе не следует соизмерять с ценой похищенного. Действительно, нельзя отрицать, что при оценке похищенного по рыночным ценам на определение размера хищения могут влиять случайные обстоятельства; многие предметы не имеют, как таковой, продажной цены. Очевидны сложности оценки похищенных антикварных вещей, определения размера ущерба в случае хищения части предмета. Вызывает сомнение и справедливость существующего в современной судебной практике правила, согласно которому при совершении хищения группой лиц наказание каждому из них назначается с учетом общей стоимости похищенного всеми участниками преступления. Объективности ради надо сказать, что современная российская уголовно-правовая литература этим вопросам уделяет в той или иной мере внимание. Однако ответы на них носят, как правило, общий характер; суждения авторов порой не имеют обстоятельной, детальной аргументации. Между тем очевидно, что лишь глубокий анализ проблем квалификации хищения с учетом стоимости похищенного, значительности причиняемого хищением ущерба позволит устранить сомнения как в обоснованности существующего законодательного решения, так и в объективности правоприменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 640 с.
2. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть Особенная. Калуга : Полиграф-Информ, 2008. 551 с.
3. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. СПб., 1842. Т. 15.
4. Законы уголовные. СПб., 1909.
5. Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный Совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений. СПб., 1871.
6. Таганцев Н.С. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание 1885 г. СПб., 1900. 440 с.
7. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. Ч. II: Мошенничество по действующему русскому праву. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1871. 551 с.
8. Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части Русского Уголовного права. СПб., 1876. Т. II. 555с.
9. Белогриц-Котляревский Л.С. Особые виды воровства-кражи по русскому праву. Киев : Унив. тип. (И.И. Завадского), 1883. 232 с.
10. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть особенная / отв. ред.: И.В. Лукьянова, А.И. Чучаев. Калуга : Полиграф-Информ, 2008. 196 с.
11. Материалы для пересмотра нашего уголовного законодательства: Замечания чинов судебного ведомства 1880–1881 гг. на Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб. : Тип. Правит. Сената, 1881. Т. 3. 483 с.

12. Уголовное Уложение. Объяснения к проекту Редакционной Комиссии. СПб., 1895. 647 с.
13. Замечания Редакционного комитета Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного Уложения II Посягательства имущественные. СПб. : Типография правительствующего сената, 1880. 204 с.
14. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб. : Издание Н.С. Таганцева, 1903.
15. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. М., 1905. 407 с.
16. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года с постатейно-систематизированными комментариями. М. : Юриздат НКЮ РСФСР, 1927. 563 с.
17. Уголовное право. Особенная часть : учебник / А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, В.Д. Меньшагин, и др. ; под ред. А.А. Герцензона, А.А. Пионтковского. 2-е изд., перераб. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 527 с.
18. Исаев М.М. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. М., 1948. 40 с.
19. Вышинская З.А. Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества. М., 1948. 36 с.
20. Трайнин А.Н. Правильное понимание элементов состава преступления – необходимое условие преступления социалистической законности // Социалистическая законность. 1956. № 5. С. 8–13.
21. Куринов Б.А. Уголовная ответственность за хищения государственного и общественного имущества / отв. ред. Б.С. Никифоров. М. : Госюриздат, 1954. 120 с.
22. Кригер Г.А. Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. М. : Изд-во МГУ, 1957. 208с.
23. Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. 156 с.
24. Иванов Н.М. Об уголовной ответственности за хищение социалистической собственности // Советское государство и право. М. : Наука, 1958, № 8. С. 93–98.
25. Комментарий к Уголовному Кодексу РСФСР / под ред. Ю.Д. Северина. М. : Юрид. лит., 1984. 528 с.
26. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. 336 с.
27. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Социалистическая собственность под охраной закона. М. : Юрид. лит., 1979. 200 с.
28. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / Г.З. Анашкин, Х.М. Ахметшин, С.В. Бородин, В.А. Владимиров и др. ; под ред. Ю.Д. Северина. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрид. лит., 1984. 528 с.
29. Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1978. М. : Юрид. лит., 1980. 469 с.
30. Замосковцев П.В. Содержание отношений социалистической собственности как объекта уголовно-правовой охраны // Роль аппарата уголовного розыска и следствия по борьбе с преступностью. Омск, 1977. 16 с.
31. Аргасцев А., Борисов Э. Критерии оценки размеров хищения // Советская юстиция. 1967. № 9. С. 4–5.
32. Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М. : Юрид. лит., 1986. 224 с.
33. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР (1961–1983). М. : Юрид. лит., 1984. 432 с.
34. Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 26.12.1991. № 52. Ст. 1867.
35. Российская газета. 1994. 7 июля.
36. Федеральный закон от 8.12.2003 № 162. ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Парламентская газета. 11.12.2003. № 231.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 ноября 2017 г.

DIFFERENTIATION OF THEFT OVER THE AMOUNT OF PROPERTY DAMAGE IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 209–216.
DOI: 10.17223/15617793/425/28

Sergey A. Eliseev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ugolovnoetgu@mail.ru

Keywords: theft of property; types of theft; amount of stolen property; cost; cost of stolen property; Russian criminal laws.

The author considers the development of criminal law providing liability for theft based on the property damage of the stolen; he presents opinions of Russian lawyers on the problem of differentiation of criminal liability for theft over the amount of property damage caused by crime. The study shows that since the 18th century Russian legislators considered the amount of stolen property as grounds for differentiation of criminal liability for property theft and as a fact which allows to assess effectively the public danger of the offence and the personality of the offender. Legal and technical formalization of the amount of theft as a qualifying characteristic of this offence in Russian laws had two types until 1996: in the pre-revolutionary law, the amount of stolen property was determined in monetary terms; in the Soviet laws numerical indicators of certain dimensions of theft were not given (the exception was the definition of petty theft). Quantitative assessment in Soviet criminal law can be explained, first and foremost, by the complexity and dynamics of socio-economic transformations that took place in the Soviet state. The RF Criminal Code of 1996, like the laws of the Russian Empire, defines big and especially big amount of theft in rubles. This decision, proven with the long-term experience of criminal law application, should be accepted. Formalization of qualifying circumstances is a condition for a fair and unified application of criminal law. At the same time, it must be noted that the RF Criminal Code has an excessive differentiation of the same amount of theft depending on the sphere of committed crimes. It seems that this kind of differentiation of the amount of theft has no sufficient justification; it overcharges both criminal law and law enforcement. It should also be noted that nowadays statements of the lawyers of the past, who thought that punishment for theft of property in criminal law should not be compared with the cost of stolen property, has not lost its significance. Indeed, it is undeniable that accidental circumstances can influence estimation of stolen property at a common rate; many items have no sale price as such. It is apparently hard to estimate stolen antique items, or to determine the amount of damage in case of theft of a part of an object. The justice of the rule existing in the modern judicial practice that in the commission of a theft by a group of persons the punishment to each of them should be appointed taking into account the total value of the stolen by all participants of a crime is doubtful. For the sake of objectivity, it should be mentioned that the modern Russian criminal law literature pays some attention to this problem. However, the solutions are usually of a general nature; judgments of authors sometimes do not have an extensive, detailed argument. Meanwhile, it is obvious that only a profound analysis of the problems of qualification of theft with the value of the stolen property, seriousness of damage caused by theft will eliminate doubts both in the validity of the existing legislative solutions and in the objectivity of the application of law.

REFERENCES

1. Vladimirskiy-Budanov, M.F. (1995) *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the history of Russian law]. Rostov-on-Don: Feniks.

2. Sergeevskiy, N.D. (2008) *Russkoe ugolovnoe pravo: Posobie k lektsiyam. Chast' Osobennaya* [Russian Criminal Law: A Handbook for Lectures. Special Part]. Kaluga: Poligraf-Inform.
3. Russian Empire. (1845) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, poveleniem gosudarya imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennyy* [Code of laws of the Russian Empire, composed by the decree of Emperor Nicholas Pavlovich]. Vol. 15. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
4. Gromov, N.A. (1909) *Zakony ugolovnye* [Criminal laws]. St. Petersburg: Izdanie Yuridicheskogo Knizhnogo magazina N. K. Martynova.
5. Russian Empire. (1871) *Proekt Ulozheniya o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh, vnesennyy v 1844 godu v Gosudarstvennyy Sovet, s podrobnym oznacheniem osnovaniy kazhdogo iz vnesennykh v sey proekt postanovleniy* [Draft of the Code of Criminal and Corrections Penalties, introduced in 1844 to the State Council, with a detailed indication of the grounds for each of the decisions made in this draft]. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1871.
6. Tagantsev, N.S. (1900) *Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami. Izdanie 1885 g*. [Charter of punishments imposed by magistrates. The 1885 edition]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
7. Foynitskiy, I.Ya. (1871) *Moshennichestvo po russkomu pravu* [Fraud in Russian law]. Pt. II. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
8. Neklyudov, N.A. (1876) *Rukovodstvo k Osobennoy chasti Russkogo Ugolovnogo prava* [A guide to the Special Part of the Russian Criminal Law]. Vol. II. St. Petersburg: Tip. P.P. Merkul'eva.
9. Belogrits-Kotlyarevskiy, L.S. (1883) *Osobye vidy vorovstva-krazhi po russkomu pravu* [Special types of theft by Russian law]. Kiev: Univ. tip. (I.I. Zavadskogo).
10. Sergeevskiy, N.D. (2008) *Russkoe ugolovnoe pravo. Posobie k lektsiyam. Chast' osobennaya* [Russian criminal law. Textbook on lectures. Special part]. Kaluga: Poligraf-Inform.
11. Russian Empire. (1881) *Materialy dlya peresmotra nashego ugolovnogo zakonodatel'stva: Zamechaniya chinov sudebnogo vedomstva 1880–1881 gg. na Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh i na Ustav o nakazaniyakh, nalagaemykh mirovymi sud'yami* [Materials for the revision of our criminal legislation: Remarks of officials of the judicial department of 1880–1881 on the Code of Penal and Correctional penalties and on the Charter of Punishments imposed by magistrates]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. Pravit. Senata.
12. Russian Empire. (1895) *Ugolovnoe Ulozhenie. Ob"yasneniya k proektu Redaktsionnoy Komissii* [The Criminal Code. Explanations to the Editorial Committee draft]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
13. Russian Empire. (1880) *Zamechaniya Redaktsionnogo komiteta Ugolovnogo otdeleniya Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva na proekt Osobennoy chasti Ugolovnogo Ulozheniya II Posyagatel'stva imushchestvennye* [Comments of the Editorial Committee of the Criminal Division of the St. Petersburg Juridical Society on the draft of the Special Part of the Criminal Code II. Property encroachments]. St. Petersburg: Tipografiya pravitel'stvuyushchego senata.
14. Russian Empire. (1903) *Ugolovnoe ulozhenie 22 marta 1903 g*. [Criminal Code of March 22, 1903]. St. Petersburg: Izdanie N.S. Tagantseva.
15. Poznyshev, S.V. (1905) *Osobennaya chast' russkogo ugolovnogo prava. Sravnitel'nyy ocherk vazhneyshikh otdelov Osobennoy chasti starogo i novogo Ulozheniy* [Special part of the Russian criminal law. A comparative sketch of the most important parts of the Special Part of the Old and New Codes]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
16. RSFSR. (1927) *Ugolovnyy kodeks RSFSR redaktsii 1926 goda s postateyno-sistematizirovannymi kommentariyami* [The Criminal Code of the RSFSR in 1926, with article-systematized comments]. Moscow: Yurizdat NKYu RSFSR.
17. Gertsenzon, A.A. & Piontkovskiy, A.A. (eds) (1939) *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast'* [Criminal law. Special part]. 2nd ed. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
18. Isaev, M.M. (1948) *Ukazy Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 4 iyunya 1947 g.* [Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 4, 1947]. Moscow: tip. "Kr. zvezda".
19. Vyshinskaya, Z.A. (1948) *Ob ugolovnoy otvetstvennosti za khishchenie gosudarstvennogo ili obshchestvennogo imushchestva* [On criminal liability for theft of state or public property]. Moscow: Yurid. izd- vo Min-va yustitsii SSSR.
20. Traynin, A.N. (1956) Pravil'noe ponimanie elementov sostava prestupleniya – neobkhodimoe uslovie prestupleniya sotsialisticheskoy zakonnosti [A correct understanding of the elements of the crime is a necessary condition of the crime against socialist legality]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 5. pp. 8–13.
21. Kurinov, B.A. (1954) *Ugolovnaya otvetstvennost' za khishcheniya gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva* [Criminal liability for theft of state and public property]. Moscow: Gosyurizdat.
22. Kriger, G.A. (1957) *Otvetstvennost' za khishchenie gosudarstvennogo i obshchestvennogo imushchestva po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Responsibility for theft of state and public property under Soviet criminal law]. Moscow: Moscow State University.
23. Sergeeva, T.L. (1954) *Ugolovno-pravovaya okhrana sotsialisticheskoy sobstvennosti v SSSR* [Criminal law protection of socialist property in the USSR]. Moscow: USSR AS.
24. Ivanov, N.M. (1958) Ob ugolovnoy otvetstvennosti za khishchenie sotsialisticheskoy sobstvennosti [On the criminal liability for theft of socialist property]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 93–98.
25. Severin, Yu.D. (ed.) (1984) *Kommentariy k Ugolovnomu Kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. lit.
26. Kriger, G.A. (1974) *Kvalifikatsiya khishcheniy sotsialisticheskogo imushchestva* [Qualification of theft of socialist property]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
27. Vladimirov, V.A. & Lyapunov, Yu.I. (1979) *Sotsialisticheskaya sobstvennost' pod okhranoy zakona* [Socialist property under the protection of the law]. Moscow: Yurid. lit.
28. Severin, Yu.D. (ed.) (1980) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. 2nd ed. Moscow: Yurid. lit.
29. Yuridicheskaya Literatura. (1980) *Voprosy ugolovnogo prava i protsessa v praktike Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR. 1938–1978* [Issues of criminal law and process in the practice of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR. 1938–1978]. Moscow: Yurid. lit.
30. Zamoskovtsev, P.V. (1977) Soderzhanie otnosheniy sotsialisticheskoy sobstvennosti kak ob"ekta ugolovno-pravovoy okhrany [The content of the relations of socialist property as an object of criminal law protection]. In: Bukina, V.S. et al. (eds) *Rol' apparata ugolovnogo rozyska i sledstviya po bor'be s prestupnost'yu* [The role of the criminal investigation apparatus and investigation in combating crime]. Omsk: Izd-vo Om. VShM MVD SSSR.
31. Argastsev, A. & Borisov, E. (1967) Kriterii otsenki razmerov khishcheniya [Criteria for assessing the size of theft]. *Sovetskaya yustitsiya*. 9. pp. 4–5.
32. Vladimirov, V.A. & Lyapunov, Yu.I. (1986) *Otvetstvennost' za korystnye posyagatel'stva na sotsialisticheskuyu sobstvennost'* [Responsibility for self-serving encroachments on socialist property]. Moscow: Yurid. lit.
33. Plenum of the Supreme Court of the RSFSR. (1984) *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda RSFSR (1961–1983)* [Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR (1961–1983)]. Moscow: Yurid. lit.
34. *Vedomosti S"ezda ND RF i VS RF*. (1991) 52. 26 Dec. Art. 1867.
35. *Rossiyskaya gazeta*. (1994) 7 July.
36. Parlamentskaya gazeta. (2003) Federal'nyy zakon ot 8.12.2003 № 162. FZ "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of December 8, 2003 No. 162. FZ "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation"]. *Parlamentskaya gazeta*. 231. 11 Dec.

Received: 24 November 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 217–221. DOI: 10.17223/15617793/425/29

УДК 347.42

А.А. Кирилловых, И.Н. Сурманидзе

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ ПРИ ПРИЗНАНИИ ВЫПУСКА ЦЕННЫХ БУМАГ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

Исследована проблема защиты прав инвесторов при недобросовестной эмиссии ценных бумаг. Анализируется законодательство и правоприменительная практика, касающаяся конкретных способов защиты прав инвесторов. В ходе исследования выявлена невозможность применительно к институту бездокументарных ценных бумаг виндикации прав и родовых вещей. В результате предложен альтернативный механизм защиты, предусматривающий приобретение соответствующих бумаг на организованном рынке за счет виновных лиц либо возмещение ими всех расходов, необходимых для такого приобретения непосредственно самим правообладателем.

Ключевые слова: ценная бумага; акция; облигация; конвертация; инвестор; недобросовестная эмиссия.

В соответствии с п. 3 ст. 26 Федерального закона № 39-ФЗ от 22.04.1996 г. «О рынке ценных бумаг» основаниями для признания выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг недействительным являются:

1) нарушение эмитентом в ходе эмиссии ценных бумаг требований законодательства РФ, которое не может быть устранено иначе, чем посредством изъятия из обращения эмиссионных ценных бумаг выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг;

2) обнаружение в документах, на основании которых была осуществлена государственная регистрация выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг или отчета об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, либо в уведомлении об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг недостоверной или вводящей в заблуждение и повлекшей за собой существенное нарушение прав и (или) законных интересов инвесторов или владельцев эмиссионных ценных бумаг эмитента информации.

Очевидно, что противоправные действия эмитента должны повлечь за собой заблуждение инвесторов. Данное заблуждение может касаться вида возникающих ценных бумаг, размера и способа инвестирования, объема предоставляемых взамен инвестиций прав.

При этом инвестор самостоятельно определяет, был ли он введен в заблуждение и какие негативные последствия наступили в результате неправомерных действий компании-эмитента именно для него.

Признается, что с точки зрения теории юридических фактов, эмиссия если не оспаривается, то считается действительной [1. С. 67].

Выпуск эмиссионных ценных бумаг может быть признан несостоявшимся после его государственной регистрации и до государственной регистрации отчета об итогах выпуска эмиссионных ценных бумаг.

Последствия признания выпуска ценных бумаг недействительным

С момента исчезновения основания возникновения ценной бумаги перестает существовать и сама ценная бумага как объект гражданского права, т.е. возникает обязанность компании-эмитента по возврату переданных средств инвестирования. Владелец ценной бумаги перестает быть таковым, утрачивает права, удостоверенные ценной бумагой, и вместе с этим становится кредитором по отношению к компании-эмитенту. Инвестор правомочен требовать от компании-эмитента возврата денежных средств и возмещения убытков (на основании ст. 15 ГК РФ и п. 7 ст. 26 ФЗ «О рынке ценных бумаг») [2. С. 43].

Восстановительные последствия признания действий компании-эмитента незаконными возникают только для владельцев ценных бумаг: они получают от компании-эмитента средства инвестирования.

Процедура возвращения денежных средств урегулирована Положением о порядке возврата владельцам ценных бумаг денежных средств (иного имущества), полученных эмитентом в счет оплаты ценных бумаг, выпуск которых признан несостоявшимся или недействительным, утвержденным Постановлением ФКЦБ РФ от 8 сентября 1998 г. № 36.

Последствием нарушения эмитентом требований законодательства является возникновение у инвесторов убытков. Они могут выражаться в виде реального ущерба (произведенные расходы по внесению денежного взноса) и упущенной выгоды (неполученные доходы, отсутствие курсового роста стоимости ценной бумаги на рынке).

В данном случае уместным является содержательное раскрытие категории «убытков», представленной с позиции юридической науки. Сущностное содержание убытков заключается в том, что это денежная оценка того ущерба, который причинен неправомерными действиями одного лица имуществу другого.

Как замечает В.Ф. Яковлев, «возмещение убытков или причиненного имущественного вреда наиболее определенно выражает компенсационное назначение гражданско-правовой ответственности, поскольку они применяются лишь при условии умаления имущественных прав потерпевшего» [3. С. 126].

Требование о возмещении убытков может предъявляться в общем порядке в случае признания выпуска ценных бумаг недействительным либо в порядке оспаривания договора о предоставлении инвестиционных средств.

Однако, как считают специалисты, позиция законодателя по данному вопросу не является дальновидной. Так, Н.Г. Удальцова полагает, что «законодательство о рынке ценных бумаг должно быть дополнено положением о праве каждого владельца ценных бумаг обращаться в суд с индивидуальным требова-

нием о возмещении причиненных именно ему убытков. Требование о взыскании убытков является универсальным способом защиты прав. Взыскание убытков, как правило, позволяет обеспечить полное и всестороннее восстановление положения, существовавшего до нарушения, или справедливую компенсацию лицу, чьи права были нарушены» [2. С. 89].

В дореволюционной литературе отмечалось, что ценные бумаги создают иное распределение риска между участниками соответствующих правоотношений, чем то, которое имеет место на основании общих правил гражданского права, что заключает их сущность [4. С. 230].

По мнению Н.Г. Удальцовой, компанией-эмитентом должен возмещаться не только реальный ущерб, но и упущенная выгода, так как рынок ценных бумаг является той сферой общественных экономических отношений, которая без реальной и полной защиты не может эффективно функционировать. Отсутствие такой меры защиты, как предъявление индивидуального требования инвестором к компании-эмитенту о возмещении убытков, причиненных в результате нарушений в процессе первичного публичного предложения, ведет к утрате инвесторами доверия. Данное обстоятельство обусловливается невозможностью инвестора восстановить свои права в полном объеме, а также потенциальной угрозой в отношении каждого инвестора утратить все то, на что лицо рассчитывало в процессе первичного публичного предложения, помимо собственной воли [2. С. 93].

Между тем, учитывая публично-правовые интересы защиты прав инвесторов, восстановительные действия должны охватывать не конкретное (частное лицо), а неопределенный круг лиц, о чем говорится в литературе. В этой связи отмечается, что высокая социальная опасность действий эмитента при осуществлении первичного публичного предложения (размещения), а также важность охраняемых в сфере рынка ценных бумаг прав инвесторов обоснованно позволяет утверждать о приоритете принципа преимущественной и всесторонней защиты прав инвесторов. Успешная реализация данного принципа связана, прежде всего, с недопущением ограничения размера ответственности в правоотношениях с участием инвестора [5. С. 64–65].

В этой связи следует также согласиться с позицией, что «при всей относительности разграничения частных и публичных интересов, превалирование частного интереса характерно прежде всего для неэмиссионных ценных бумаг, когда охрана прав и интересов владельцев ценных бумаг обеспечивается мерами гражданско-правовой ответственности и защиты» [6. С. 77].

Лицо, предоставившее инвестиционный вклад компании-эмитенту посредством совершения фактических действий (внесения денежных средств), автоматически приобретает право рассчитывать на выполнение эмитентом условий сделанного им публичного предложения. Право инвестора ожидать от компании-эмитента выполнения условий сделанного им публичного предложения обладает всеми признаками секундарного права.

Порядок и условия обжалования действий эмитента

Закон предоставляет право обжалования действий компании-эмитента достаточно широкому кругу лиц, включая регистрирующий орган и орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, а также участникам (акционерам) эмитента или владельцам эмиссионных ценных бумаг эмитента того же вида, категории (типа), что и эмиссионные ценные бумаги выпуска (дополнительного выпуска).

При этом предполагается возможным признание незаконными действий компании-эмитента в судебном порядке по заявлению отдельного инвестора или государственного органа в интересах всех инвесторов (в случае обнаружения существенных нарушений в действиях эмитента на основании заявлений инвесторов). При этом действующее законодательство не предусматривает в качестве возможной меры защиты предъявление отдельным инвестором иска о возмещении убытков в индивидуальном порядке, не затрагивая права других держателей ценных бумаг [2. С. 65].

В связи с этим уместно привести факт из истории США, которые в этом плане продвинулись несколько дальше отечественного законодателя. В процессе принятия Securities Act of 1933 в первоначальной редакции проект закона предусматривал возможность аннулирования регистрации выпуска ценных бумаг в случае обнаружения в деятельности эмитента каких-либо нарушений существующих норм и положений [7. С. 62]. Но в дальнейшем члены Конгресса под давлением аргументов о том, что делать с деньгами, собранными в ходе публичной подписки, аннулированной уже после направления средств на развитие бизнеса, согласились об исключении этой нормы из последующих редакций проекта. В современной практике США в случае нарушения порядка осуществления эмиссии инвестор имеет возможность защитить свое право путем подачи иска о взыскании убытков.

В связи с тем, что ценные бумаги возникают в момент передачи инвестором инвестиционных средств компании-эмитенту, у компании-эмитента не может возникнуть обязанности по выкупу и погашению ценных бумаг, выпущенных сверх количества, объявленного к выпуску. Нет инвестиционных средств, переданных компании-эмитенту, – нет ценных бумаг, а соответственно, нет и указанной обязанности [2. С. 112].

В результате признания выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным происходит прекращение прав и обязанностей между эмитентом и инвестором в регулятивном правоотношении и возникновение охранительных правоотношений, в рамках которых и осуществляется восстановление нарушенных прав инвесторов.

В отношении эмиссионных ценных бумаг, имеющих в подавляющем большинстве бездокументарную форму выпуска, применяется не признание ценной бумаги недействительной, а специальный способ защиты – признание выпуска эмиссионных ценных бумаг несостоявшимся или недействительным.

По мнению Г.Н. Шевченко, применение такого способа защиты обусловлено как тем, что отсутствует

отдельный документ, обладающий определенной формой и обязательными реквизитами, так и тем, что эмиссионные ценные бумаги не обладают индивидуальными признаками, а в пределах одного выпуска каждая эмиссионная ценная бумага закрепляет совокупность прав, имеющих равные объем и сроки осуществления прав со всеми другими ценными бумагами этого выпуска [8. С. 54].

В то же время относительно публичной природы исковых требований отдельных инвесторов существует и иная точка зрения, согласно которой признание выпуска ценных бумаг недействительным по иску нескольких инвесторов влечет охранительные последствия, по каким-либо причинам нежелательные для другой части инвесторов. Защита гражданских прав помимо воли управомоченных субъектов противоречит началам гражданского права и вследствие этого недопустима [5. С. 64,65].

И все же публично-правовой оттенок исковых требований, касающихся обжалования действий эмитента, нам видится более предпочтительным. Признание выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным затрагивает интересы абсолютно всех инвесторов, число которых достаточно велико и многие из которых могут быть не заинтересованы в признании выпуска недействительным. Не учитывать интересы таких лиц нельзя. Поэтому в случае, когда нарушения допущены в отношении отдельных инвесторов при осуществлении определенных этапов эмиссии, следует применять не признание всего выпуска эмиссионных ценных бумаг недействительным, а иные способы защиты нарушенного права, предусмотренные гражданским законодательством, например, признание недействительной сделки, связанной с размещением ценных бумаг. По такому пути и идет судебная практика. Президиум ВАС РФ по делу № 4665/03 установил, что размещение дополнительных акций ЗАО «Волна» было произведено с нарушением установленного порядка. «Сделка по размещению ценных бумаг является одним из этапов их выпуска и может быть оспорена в самостоятельном порядке». При этом Президиум ВАС РФ указал, что совершенные с нарушением установленного порядка сделки являются недействительными как не отвечающие требованиям правовых актов (ст. 168 ГК РФ).

Следует оговорить, что не все способы защиты, применяемые в сфере ценных бумаг, носят охранительный характер; некоторые из них являются регулятивными, поскольку не связаны с применением санкций, с определенным имущественным воздействием на правонарушителя.

Владелец ценных бумаг и эмитент состоят между собой в относительных правоотношениях, и поэтому для защиты прав такого владельца могут применяться обязательственно-правовые способы защиты в рамках относительного правоотношения. Например, хозяйственное общество, выпустившее облигации, обязано обеспечить осуществление прав, закрепленных такой бумагой. Для осуществления прав, закрепленных в эмиссионных ценных бумагах, требуется наступление определенных юридических фактов, как правило, нескольких, образующих фактический состав. Так, акционер приобретает право на получение дивидендов только после их объявления – принятия акционерным обществом решения о выплате дивидендов. Неисполнение эмитентом прав, удостоверенных ценной бумагой, означает возможность для владельца эмиссионных ценных бумаг требовать защиты своих прав обязательственно-правовыми способами. Неисполнение эмитентом прав, удостоверенных ценной бумагой, означает возможность для владельца эмиссионных ценных бумаг требовать защиты своих прав обязательственно-правовыми способами.

Вещно-правовые и обязательственно-правовые способы защиты: динамика соотношения

В российской и зарубежной литературе неоднократно отмечалось, что российский рынок корпоративных ценных бумаг является наиболее типичным представителем концентрированной системы корпоративной собственности в противовес дисперсной системе, характерной для США и Великобритании. При концентрированной системе корпоративной собственности ценные бумаги – акции – находятся у небольшого числа крупных акционеров, которые и определяют судьбу акционерного общества.

При дисперсной системе, напротив, корпоративные ценные бумаги, распределенные среди множества инвесторов, не составляют контрольных пакетов и потому не предоставляют своим владельцам определяющей роли в бизнесе. Поэтому интересы таких владельцев в случае утраты ценных бумаг достаточно эффективно могут быть защищены исками о возмещении убытков и о возврате неосновательного обогащения.

Вещно-правовые средства защиты более эффективны в этом плане, поскольку предоставляют возможность истребовать ценные бумаги у любого лица; их применение позволяет защитить абсолютное право на бездокументарные ценные бумаги. В то же время В.А. Белов, комментируя судебную практику, отмечает что «судами защищается уже нечто другое – абсолютные права на бездокументарные ценные бумаги» [9. С. 53].

Специалисты признают возможность осуществлять защиту прав на бездокументарные ценные бумаги вещно-правовыми и обязательственно-правовыми средствами защиты; среди последних основными являются признание сделок недействительными и требования к лицу, осуществляющему трансферт [8. С. 76].

При этом, в любом случае, применение данных средств защиты обязательно должно учитывать особенности перехода прав на бездокументарные ценные бумаги – в порядке трансферта.

Применение виндикационного иска в сфере ценных бумаг достаточно ограниченно, поскольку виндицировать можно только документарные ценные бумаги, которые в подавляющем большинстве случаев являются предъявительскими и виндикация которых от добросовестного приобретателя законодательно запрещена.

Тем не менее вопрос о возможности применения виндикационного иска в отношении бездокументар-

ных ценных бумаг, большинство которых являются эмиссионными, а также допустимость их залога [10. С. 204] вызвали в юридической литературе многочисленные споры.

Большинство цивилистов считают недопустимым применение виндикационных исков для защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг. Однако есть и частные точки зрения, свидетельствующие об обратном.

Так, Г.Н. Шевченко считает, что «вещно-правовые средства защиты прав владельцев эмиссионных ценных бумаг позволяют в большей мере обеспечить их права на ценные бумаги. Обязательственно-правовые средства менее эффективны при незаконном списании бездокументарных ценных бумаг. Признание первоначальной сделки недействительной еще не означает, что ущемленные права владельца ценных бумаг будут восстановлены, поскольку не означает недействительности всех последующих сделок» [8. С. 86].

В.И. Яковлев пишет, что, «если неправомерное отчуждение имущественных прав произошло безвозмездно или вопреки воле кредитора, права должны признаваться за кредитором, а добросовестному их приобретателю должно быть предоставлено право требовать возмещения убытков с причинителя или регистратора. Если же неправомерное отчуждение имущественных прав стало возможно из-за халатного отношения к ним их обладателя, то нет решительно никаких оснований признавать за ним эти права: значит, он в них не был сильно заинтересован» [11. С. 95].

Создание абсолютно-правового средства судебной защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, построенного на принципах виндикационного требования, но учитывающего специфику бездокументарных ценных бумаг, особенности учета и перехода прав на них, позволит более адекватно отразить особенности регулируемых отношений. В то же время такое средство защиты не должно противоречить постулатам гражданского права, а также должно быть проверено практикой.

Специфика учета прав на эмиссионные именные ценные бумаги, права по которым передаются по системе трансферта, означает, что списание таких ценных бумаг со счета владельца невозможно без обращения к лицу, осуществляющему трансферт, в качестве которого выступает либо эмитент, либо профессиональный участник рынка ценных бумаг – регистратор [8. С. 97].

Восстановление нарушенного права в полном объеме должно быть общим правилом, а компенсация убытков должна применяться как дополнительный способ, направленный на восстановление имущественной сферы потерпевшего. Лишь тогда, когда вернуть объект невозможно, поскольку, например, он уже не существует, невозможно и восстановление нарушенного права [12. С. 134].

В рамках относительного правоотношения в случае незаконного списания ценных бумаг могут предъявляться реституционный иск, а также иск к лицу, ответственному за совершение трансферта.

Несмотря на известные мнения, имеющиеся в литературе, о необходимости формирования охранительного субинститута ценных бумаг, следует предположить, что такой субинститут еще в полной мере не сформировался, а находится в стадии формирования. Охранительные нормы должны соответствовать регулятивным нормам и находятся в отношении соподчинения. Поскольку понятие ценных бумаг, соотношение документарных и бездокументарных ценных бумаг не получили однозначного ни законодательного закрепления, ни теоретического обоснования, это не могло не привести к сложностям и в сфере охраны ценных бумаг.

Между тем, последние новеллы гражданского законодательства вроде бы поставили точку в спорах научной общественности относительно возможных способов защиты прав владельцев ценных бумаг. По крайней мере, в гражданском законодательстве установлен запрет на виндикацию бездокументарных ценных бумаг, удостоверяющих только денежные права требования, а также таких бездокументарных ценных бумаг, которые приобретены на организованных торгах независимо от вида удостоверяемого права (п. 1 ст. 149.3 ГК РФ).

Несмотря на многочисленные попытки доктринального обоснования возможности виндикации акций, полной и всесторонней поддержки эта правовая конструкция так и не получила. Сложная юридическая проблема адекватной защиты правообладателя, утратившего вопреки своей воле бездокументарные ценные бумаги, в п. 1 ст. 149.3 ГК РФ решена иным способом. В этой норме установлено, что правообладатель, со счета которого были неправомерно списаны бездокументарные ценные бумаги, вправе требовать от лица, на счете которого они находятся, возврата такого же количества ценных бумаг. Сложный вопрос идентификации тех же самых бездокументарных ценных бумаг не будет решаться, поскольку законодатель решил пойти по иному пути. Фактически был поддержан довод сторонников догматического подхода к институту бездокументарных ценных бумаг, которые указывали на невозможность виндикации прав и родовых вещей.

Правообладатель, чьи права были нарушены неправомерным списанием бездокументарных ценных бумаг, при наличии данной возможности может потребовать у лиц, ответственных за списание, приобретения соответствующих бумаг на организованном рынке за их счет либо возмещения всех расходов, необходимых для такого приобретения (п. 3 ст. 149.3 ГК РФ).

Помимо этого, законодатель ограничил возможность требовать возврата бездокументарных ценных бумаг, удостоверяющих только денежное право требования, а также бездокументарных ценных бумаг, приобретенных на организованном рынке, независимо от того, какое право они удостоверяют. В таких ситуациях не допускается истребование бездокументарных ценных бумаг у добросовестного приобретателя (абз. 2 п. 1 ст. 149.3 ГК РФ).

Таким образом, общее направление развития законодательства о ценных бумагах в части обеспечения гарантий реализации прав владельцев ценных бумаг и их владельческой защиты не в полной мере отражает потребности современной хозяйственной практики, подрывает стабильность гражданского оборота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкова Е.В. Правовое регулирование эмиссии ценных бумаг по российскому праву и праву зарубежных стран (сравнительно-правовой аспект). М. : Статут, 2014.
2. Удальцова Н.Г. Первичное публичное предложение (размещение) ценных бумаг: правовая природа. М. : Инфотропик Медиа, 2012.
3. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. С. 126.
4. Агарков М.М. Учение о ценных бумагах // Основы банкового права. Учение о ценных бумагах. М., 1994. С. 230.
5. Редькин И.В. Меры гражданско-правовой охраны прав участников отношений в сфере рынка ценных бумаг. М., 1997. С. 64–65.
6. Клык Н.Л. К вопросу о соотношении регулятивных и охранительных начал в сфере выпуска и обращения ценных бумаг // Сибирские юридические записки. Красноярск, 2003. Вып. 3. С. 77.
7. Фондовые рынки США и России. Становление и регулирование. М., 1998. С. 62.
8. Шевченко Г.Н. Эмиссионные ценные бумаги: понятие, эмиссия, обращение. М. : Статут, 2006.
9. Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги: Научно-практический очерк. М., 2001. С. 53.
10. Буглак В.В. Понятие эмиссии и эмиссионной ценной бумаги // Власть Закона. 2016. № 2. С. 203–209.
11. Яковлев В.И. Гражданско-правовые охранительные отношения, складывающиеся на рынке ценных бумаг // Вестник ВАС РФ. 2000. № 5. С. 95.
12. Лебедев К.К. Защита прав обладателей бездокументарных ценных бумаг (материально- и процессуально-правовые аспекты разрешения споров, связанных с отчуждением бездокументарных ценных бумаг). М. : Волтерс Клувер, 2007.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 октября 2017 г.

THE PROBLEM OF THE PROTECTION OF INVESTORS IN SECURITIES ISSUE RECOGNITION AS VOID

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 217–221.
DOI: 10.17223/15617793/425/29

Andrey A. Kirillovykh, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: kirillovykh2014@yandex.ru
Ilya N. Surmanidze, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: ily6897@yandex.ru

Keywords: securities; shares; bonds; currency conversions; investor; bad faith issue.

The article concerns the protection of the rights of investors in unfair securities issues. The law and practice related to specific ways to protect the rights of investors are examined. Irregularities in securities issuing affect the interests of a wide range of subjects, sometimes the undetermined number of persons. Therefore, unfair securities issues concern public interests of protection of investors' rights. The law provides the right to appeal against the actions of the company-issuer quite for a wide range of individuals. At the same time, recognition of the action of the issuing company as illegal is possible judicially upon a petition by an individual investor or a public authority in the interests of all investors (in case of detection of significant violations in the actions of the issuer based on statements by investors). Therefore, the preferred protection of investors' rights in this situation can be remedial actions that include the undetermined number of persons rather than an individual. Existing cases of unfair securities issues on stock market show legal tools used in practice to restore the rights of investors as a result of the unlawful actions of the issuer. However, not all methods of protection applied in the field of securities are protective in nature. Some of them are regulatory since they do not involve sanctions, a particular impact on the property of the offender. The owner of securities and the issuer are in relative legal relations; therefore, to protect the rights of the owner obligation law ways of protection within such relations can be used. The practice of property rights protection, including securities, uses proprietary obligations and obligation law ways as classical tools. Given the features of corporate property systems of various states in the protection of the rights of investors, the model of a vindicatory action does not always properly protect property rights. The authors identified the impossibility of vindication of rights and generic things in relation to the non-documentary securities institution. They propose an alternative mechanism of protection that provides for purchasing relevant securities on the organized market at the expense of the perpetrators or the reimbursement of all expenses necessary for purchasing directly by the right holder.

REFERENCES

1. Galkova, E.V. (2014) *Pravovoe regulirovanie emissii tsennykh bumag po rossiyskomu pravu i pravu zarubezhnykh stran (sravnitel'no-pravovoy aspekt)* [Legal regulation of the issue of securities under Russian law and the law of foreign countries (comparative legal aspect)]. Moscow: Statut.
2. Udal'tsova, N.G. (2012) *Pervichnoe publichnoe predlozhenie (razmeshchenie) tsennykh bumag: pravovaya priroda* [The primary public offer (placement) of securities: the legal nature]. Moscow: Infotropik Media.
3. Yakovlev, V.F. (1972) *Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy* [Civil-law method of regulation of public relations]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute.
4. Agarkov, M.M. (1994) *Osnovy bankovogo prava. Uchenie o tsennykh bumagakh* [Fundamentals of banking law. The doctrine of securities]. Moscow: BEK.
5. Red'kin, I.V. (1997) *Mery grazhdansko-pravovoy okhrany prav uchastnikov otnosheniy v sfere rynka tsennykh bumag* [Measures of civil-law protection of the rights of participants in relations in the sphere of the securities market]. Moscow: Delovoy ekspress.
6. Klyk, N.L. (2003) K voprosu o sootnoshenii regulyativnykh i okhranitel'nykh nachal v sfere vypuska i obrashcheniya tsennykh bumag [On the issue of the correlation of regulatory and protective principles in the sphere of issuance and circulation of securities]. *Sibirskie yuridicheskie zapiski.* 3. pp. 77.
7. Galkin, I.V. et al. (1998) *Fondovye rynki SShA i Rossii. Stanovlenie i regulirovanie* [US and Russian stock markets. Formation and regulation]. Moscow: Ekonomika.
8. Shevchenko, G.N. (2006) *Emissionnye tsennye bumagi: ponyatie, emissiya, obrashchenie* [Issue securities: concept, issue, circulation]. Moscow: Statut.
9. Belov, V.A. (2001) *Bezdokumentarnye tsennye bumagi: Nauchno-prakticheskiy ocherk* [Non-documentary securities: a scientific and practical essay]. Moscow: YurInfoR.
10. Buglak, V.V. (2016) Ponyatie emissii i emissionnoy tsennoy bumagi [The concept of issue and issuing securities]. *Vlast' Zakona*. 2. pp. 203–209.
11. Yakovlev, V.I. (2000) Grazhdansko-pravovye okhranitel'nye otnosheniya, skladyvayushchiesya na rynke tsennykh bumag [Civil-law protection relations developing on the securities market]. *Vestnik VAS RF*. 5. pp. 95.
12. Lebedev, K.K. (2007) *Zashchita prav obladateley bezdokumentarnykh tsennykh bumag (material'no- i protsessual'no-pravovye aspekty razresheniya sporov, svyazannykh s otchuzhdeniem bezdokumentarnykh tsennykh bumag)* [Protection of the rights of holders of non-documentary securities (material, procedural and legal aspects of resolving disputes related to the alienation of non-documentary securities)]. Moscow: Volters Kluver.

Received: 04 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 222–227. DOI: 10.17223/15617793/425/30

УДК 343.2

Т.Ф. Минязева, Д.А. Добряков

НАКАЗАНИЕ – НЕ ПАНАЦЕЯ ОТ ПРЕСТУПНОСТИ

Рассматриваются значение наказания в системе мер борьбы с преступностью и проблема переоцененности этого значения. Анализируются закрепленные в УК РФ цели наказания и предлагается их уточнение для установления соответствия с реальными возможностями наказания. Также рассматривается практика часто необоснованного изменения УК РФ посредством ужесточения наказаний за отдельные преступления, делается вывод о ее нецелесообразности в связи с отсутствием ощутимой пользы для борьбы с преступностью.

Ключевые слова: наказание; уголовное право; преступность; предупреждение преступлений; рецидивная преступность.

Традиционно выделяются два основных способа борьбы с преступностью: применение наказания к лицу, виновному в преступлении, и предупреждение совершения новых преступлений [1. С. 264], притом последнее понимается как особый вид социальной деятельности, осуществляемой путем устранения криминогенных факторов и формирования факторов антикриминогенных [2. С. 83]. Еще в XVIII в. Чезаре Беккариа писал, что более предпочтительно предупреждать преступления, а не наказывать за их совершение, и, следовательно, хорошее законодательство должно быть направлено не на наказание, а на предупреждение преступлений [3. С. 150]. Данное утверждение, призывающее определить в качестве приоритета государственной уголовной политики предупредительную деятельность, а не имеющее место post factum применение уголовной репрессии сохранило актуальность до настоящего времени. Будучи приложено к отечественной правовой действительности, сохранило оно и критическую коннотацию, поскольку российский законодатель уделяет наказанию, как представляется, слишком много внимания, отводя предупреждение преступлений на второй план и даже полагая возможным полноценное его достижение за счет наказания.

Конечно, не может быть и речи об умалении значения наказания, ведь наказание, без которого, к тому же, нет и уголовного права как такового [4. P. 25], является важным инструментом инкультурации, наиболее репрессивным средством обеспечения принудительного признания господствующей культуры и ее ценностей подвергающимся наказанию субъектом [5. С. 124–125]. К тому же, несмотря на примитивность механизма действия наказания как насилия со стороны государства во избежание нового насилия со стороны преступника, до сих пор так и не удалось построить общество, обеспечение безопасной жизни которого было бы возможно без применения наказания [6. С. 8–9]. Но каково значение наказания и в чем заключается его роль в борьбе с преступностью, если исходить из того, что наказание представляет собой естественную негативную реакцию государства на совершение преступления?

Ответ отчасти содержится в самом вопросе – наказание состоит в конкретной и материально выразимой официальной государственной реакции на преступление (и реакции наиболее распространенной) [7. С. 188] и, следовательно, должно являться неотвратимым последствием преступления. Интересно, что в истории уголовного права встречалась даже попытка провести параллель между соотношением наказания и преступления с долгом и кредитом [8. P. 207], чем подчеркивалась естественность связи наказания с преступлением, выступающим для него причиной и базовым условием.

Очевидно, что совершение преступления требует реакции со стороны общества, выраженной в возмездии [9. P. 579]. Наказание как раз и является возмездием преступнику, карой[1], призванной восстановить общественный порядок, и это важная составляющая часть наказания. Но также очевидно, что при применении наказания к лицу в связи с совершением им преступления нельзя ограничиваться одним этим содержательным элементом наказания, что было бы совершенно иррационально. Естественно-карательное содержание наказания должно дополняться созидательным воздействием, направленным на ресоциализацию преступника в современном обществе. Созидательное воздействие наказания, имеющее более важное значение, чем возмездие, в наиболее полной степени должно проявляться при исполнении наказания (вовсе необязательно связанного с лишением свободы) – уголовно-репрессивная система способна не только уничтожить совершившего преступление человека, заставить его страдать морально и физически, но и помочь ему ресоциализироваться, вернуться в общество и начать нормальную жизнь.

Содержание наказания (неизбежное претерпевание лицом лишений и ограничений, свойственных назначенной ему мере наказания, и ресоциалзация) и его сущность (реакция на преступление) должны обусловливать цели наказания, которые в российском законодательстве определены в законе и определены небесспорно – в частности, они не могут не показаться излишне претенциозными.

Являясь одним из главных институтов уголовного права, наказание занимает центральное место в механизме реализации охранительных уголовно-правовых отношений [10. С. 20]. Угроза его применения за совершение запрещенного уголовным законом деяния должна иметь предупредительное, а вместе с ним и воспитательное значение для сдерживания преступных поползновений любого человека в обществе, а также (и в особенности) того, кто непосредственно на себе испытал мощь государственной репрессии. Помимо этого, применение наказания к совершившему преступление лицу должно быть способно не только удержать его от повторного нарушения уголовного

закона, но и, как писал И.Я. Фойницкий, превратить «негодного члена общества в годного, полезного для общества» [11. С. 61], исправить его. И, наконец, применение наказания должно в некоторой степени восстанавливать социальную справедливость, ведь наказание принято считать a priori справедливой реакцией государства и общества в целом на преступное нарушение правил человеческого общежития.

Все вышесказанное есть не что иное, как данный в обратном порядке пересказ целей наказания, закрепленных законодателем в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Однако представленный пересказ не случайно снабжен оговоркой долженствования, ведь эти цели до абсурда декларативны, хотя и, безусловно, привлекательны своей возвышенностью.

Содержание ст. 43 УК РФ может уверить в том, что наказание служит настоящей панацеей от преступности, способной если не полностью исцелить общество от этого недуга, то уж точно обуздать его, ведь не станет же государство закреплять в законе недостижимые цели, не озаботившись практическим обеспечением их реализации. Цели восстановления социальной справедливости и исправления преступника связаны с устранением вредных для общества последствий преступления, и их достижение предполагает торжество попранной справедливости и превращение «негодного члена общества» в практически идеального гражданина, преисполненного уважительным отношением к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (как то указано в ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Достижение же цели предупреждения совершения новых преступлений предполагает решение основных задач превенции посредством воздействия одновременно на самих преступников и на неопределенный круг «неустойчивых» граждан [12. С. 369–370], т.е. как на индивидуальном, так и на общесоциальном уровне.

Таким образом, наличие в уголовном законе конкретных целей наказания предполагает возможность их достижения и, следовательно, решение наказанием всех связанных с преступностью проблем разом. Точнее, оно лишь демонстрирует уверенность государства в силе наказания и его первостепенной значимости для борьбы с преступностью.

При рассмотрении сущности наказания как вида негативной реакции государства на преступление, а также при изучении его возможностей в части борьбы с преступностью необходимо исходить из того, что наказание является именно реакцией, производным от преступления, которое, в свою очередь, есть свершившийся факт. Преступное деяние в той или иной уголовно запрещенной форме должно быть уже совершено, вред охраняемым законом интересам должен быть уже причинен, и только тогда государство, вооруженное правом карать за подобные девиации, может и должно в данной связи применить наказание.

Имея дело с оставшимся в прошлом деянием, его результатом и лицом, виновным в его совершении, наказание далеко не бессильно, но его возможности следует оценивать здраво, избегая при этом фикций. Цели наказания во многом являются именно фикциями, поскольку мало того, что они по большей мере недостижимы de facto, так еще и чрезмерно привязаны к одним видам наказаний в ущерб другим, нарушая тем самым системность уголовного закона. Например, цель исправления осужденного может быть сочтена условно достижимой при назначении и исполнении наказания в виде лишения свободы на определенный срок с применением всех предусмотренных в УИК РФ средств исправления, тогда как другие наказания (штраф, разные виды работ и т.д.) подобным исправительным потенциалом не обладают, хотя цели наказания (а равно и средства исправления) относятся ко всем видам наказаний, предусмотренным в законе.

Учитывая вышеизложенное, уместно поставить вопрос о возможности уточнения целей наказания в сторону их большей универсальности и реальной достижимости. Проще всего, как представляется, было бы реализовать в тексте закона утверждение С.В. Познышева о том, что наказание может иметь своей целью лишь единственное предупреждение новых преступлений, объединяющее в себе все другие цели [13. С. 52–53], однако это дало бы слишком много возможностей для вольных трактовок при правоприменении. Предпочтительнее кажется альтернативный путь, предполагающий чуть бóльшую детализацию целей наказания. Так, восстановление социальной справедливости может быть заменено восстановлением прав, нарушенных преступлением. Сам факт назначения судом справедливого наказания (соответствующего тяжести совершенного преступления) подразумевает достижение цели справедливого воздаяния (покарание виновного, т.е. избрание для него соответствующего наказания, уже само по себе может пониматься как восстановление социальной справедливости [14. С. 57]), тогда как закрепление цели восстановления нарушенных прав возлагает на правоохранительные органы и государство в целом четкую обязанность предпринять соответствующие действия в ходе применения к лицу наказания (как на стадиях его назначения, так и исполнения; например, в виде компенсации вреда – материального возмещения ущерба от преступления[2]). Исправление и предупреждение совершения новых преступлений следует объединить, поскольку они являются близкими по содержанию, включив их в новую цель – цель предотвращения рецидива преступлений, являющуюся их более приближенной к реальности интерпретацией. При этом нужно оговориться, что предотвращение рецидива преступлений должно достигаться, в первую очередь, за счет обеспечения государством осужденному лицу возможности вернуться к нормальной жизни в обществе, не связанной с необходимостью в силу тех или иных причин (начинающихся с отсутствия навыков законного труда и заканчивающихся социальным остракизмом) совершать новые преступления для поддержания собственной жизни, т.е. за счет ресоциализации этого лица, что рекомендуется, в частности, в Токийских правилах [15]. Таким образом, ч. 2 ст. 43 УК РФ может быть изложена в следующем виде: «Наказание применяется в целях восстановления нарушенных преступлением общественных отношений и предотвращения рецидива преступлений».

Нестабильность уголовной политики, выраженная в многочисленности и скоропалительности изменений уголовного закона, затрудняет оценку эффективности уголовного наказания [16. С. 118]. В этой связи примечательно, что именно уровень рецидивной преступности является единственным явным критерием оценки эффективности наказания. В 2016 г. в России «доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу», составила 30,9% [17]. В то же время по состоянию на 2016 год в исправительных колониях для взрослых содержалось 519,6 тысяч человек. Из них число осужденных к лишению свободы более одного раза составило 327,2 тысяч человек (в частности, три и более раз – 201,9 тысяч), т.е. почти 62,9% [18]. Важно, что все это касается только так называемого легального рецидива, т.е. совершения умышленного преступления лицом, имеющим неснятую или непогашенную судимость [2. С. 107]. Даже если проигнорировать фактический рецидив (совершение преступления лицом, хоть раз понесшим наказание, вне зависимости от погашения судимости) и латентность преступлений, можно утверждать, что уголовное наказание как таковое не эффективно практически в трети случаев, т.е. в трети случаев оно не способно достичь целей, поставленных законодателем [Там же. С. 109–110]. Еще хуже можно оценить и эффективность лишения свободы, которое не оказывает на осужденных положительного воздействия практически в двух третьих случаев.

Таким образом, учитывая то, что лишение свободы в российском уголовном праве является доминирующим наказанием (и даже системообразующим, ведь его срок служит основанием для категоризации преступлений по степени тяжести), к которому преимущественно относятся как цели наказания, так и средства исправления, эффективность наказания в нынешнем его виде характеризуется крайне низко. Вместе с тем традиционная уголовная политика, ориентированная, в первую очередь, на наказания, связанные с изоляцией осужденного от общества, обходится государству неоправданно дорого и в нынешнем виде не способствует (или даже мешает) снижению уровня преступности [19. P. 43], что позволяет поставить вопрос о целесообразности ее принципиального реформированиия, в том числе и посредством обновления системы наказаний.

Также можно сделать неутешительный вывод, что роль наказания в борьбе с преступностью переоценена, ведь в большом количестве случаев оно терпит фиаско даже там, где обладает наибольшим потенциалом. Подобное положение вещей является существенным противоречием отечественного правопорядка, детерминанты которого кроются, очевидно, не столько в переоцененности роли наказания и его объективных возможностей, сколько в ненадлежащем его применении (назначении и исполнении), вызванном как недостатками самого закона (приводящими к возникновению объективных трудностей при его исполнении), так и системы правоприменения.

В лице законодателя государство проявляет повышенное внимание к изменению системы наказаний в Общей части и санкций в статьях Особенной части уголовного закона, затрагивая этим фундамент уголовно-правовой системы, но мало способствуя решению существующих проблем, порой даже дополняя их новыми. Законодатель «совершенствует» УК РФ непоследовательно (достаточно упомянуть злоключения с определением правовой природы конфискации имущества, содержанием ограничения свободы, декриминализацией и криминализацией клеветы и пр.) и практически непрерывно, что, как представляется, может угрожать деградацией всей конструкции уголовного закона. Можно ли счесть нормальным состояние УК РФ, который всего за два десятка лет существования претерпел уже 165 редакций (по состоянию на август 2017 г.), многие из которых коснулись и наказания, приведя, прежде всего, к ужесточению конкретных санкций (увеличение сроков и сумм), хотя они так и не устранили, например, явную проблему наличия в законе неприменимых («мертвых») видов наказаний, как то смертная казнь и арест (за исключением применяемого в отношении военнослужащих содержания на гауптвахте; фактически наказание в виде ареста распалось на два разных наказания – специальный «военный» арест и общий «гражданский» арест [20. С. 431–432], являющийся неприменимым и вызывающим нарекания, что уже многие годы игнорируется законодателем и не находит отражения в тексте закона)? Здесь стоит отдельно отметить то обстоятельство, что политика государства (как общая, так и специальная – уголовная), направленная на ужесточение репрессивных средств борьбы с преступностью, является бессмысленной и избыточной уже хотя бы потому, что уровень основных видов преступности и самой преступности в целом неустанно снижается с начала XXI в., вне какой-либо очевидной зависимости от деятельности правоохранительной системы государства [21. С. 78].

В научной литературе встречается донельзя правдоподобное утверждение, что в современном мире наказание играет во многом демонстрационную роль, служа инструментом для создания государством видимости борьбы с преступностью [22. С. 47]. Но даже если предположить добросовестность законодателя, исключающую популистское содержание его деятельности, эта деятельность, львиная доля которой состоит в неустанном реформировании уголовного закона (словно лишь реформирование закона, притом непоследовательное и неоднозначное, необходимо для решения проблем правопорядка), вполне может быть обусловлена его излишне репрессивным подходом к правотворчеству и уголовной политике в целом, что является существенным и опасным дефектом криминологического мышления [23. С. 63–64]. Действительно, вряд ли можно охарактеризовать положительно регулярное «совершенствование» наказаний за конкретные преступления (по большей части в сторону их ужесточения), введение новых уголовно-правовых запретов (обоснованных то ли политической конъюнктурой, то ли искренним желанием повысить эффективность УК РФ вкупе с недостаточным пониманием значения уголовного закона и криминологических основ его действия) и явное придание как

правотворчеству, так и правоприменению резко карательного уклона.

Борьба с преступностью представляется комплексной деятельностью множества субъектов, перечень которых отнюдь не исчерпывается законодателем и правоохранительными органами, как сама борьба с преступностью не исчерпывается уголовным законом и наказанием. Так, в ряде случаев приемлемой и эффективной (как минимум с экономической точки зрения) альтернативой традиционному уголовному наказанию в доктрине предлагается считать процедуру восстановительного правосудия [24. P. 1], благодаря которой часто удается существенно сократить повторение преступлений лицом, подвергшимся этой процедуре (прежде всего, в краткосрочной перспективе) [25. P. 502–503]. Помимо прямых альтернатив наказанию, необходимо уделять внимание и другим мерам, которые воздействуют на причины и условия преступности, имея, к тому же, позитивное значение для всего государства. Среди таких мер можно упомянуть, например, увеличения распространенности среди населения высшего образования, одним из эффектов которого, как отмечается в научной литературе, является снижение у лица склонности к совершению наиболее распространенных видов преступлений (т.е. насильственных и имущественных) [26. P. 1]. Другой мерой, не имеющей прямого отношения к уголовно-правовой системе, является стимулирование создания тесных социальных связей внутри общества на разных уровнях социальных отношений, прежде всего – семейном и трудовом [27. С. 36], что также способствует удержанию лица от преступного нарушения закона.

Итак, наказание является важным инструментом борьбы с преступностью, который, однако, ни в коем случае не должен считаться панацеей от преступности. Сама сущность наказания предопределяет достаточно узкую область его возможностей в борьбе с преступностью, которой, к сожалению, кажется недостаточно законодателю, завышающему как свои требования, так и ожидания.

Уголовная политика современного государства (или, иными словами, современная уголовная политика) должна быть направлена не на спорадическое «уточнение» существующих норм уголовного закона, не на усиление ответственности за те или иные преступления (например, за преступления террористического характера), а на поиск соответствующих времени мер уголовно-правового воздействия и наказаний [21. С. 84], в том числе и нетрадиционных с точки зрения уголовного права, но вытекающих из условий современной жизни (например, в связи с развитием компьютерных технологий, повышением значения виртуальной реальности, возникновением киберпреступности и т.д.). Кроме того, важно иметь в виду, что большое значение имеет не только (и не столько) формальное достижение практических целей наказания, но и культурная обусловленность наказания и адекватное восприятие его обществом [28. P. 56]. Едва ли можно говорить о приемлемой эффективности наказания (определенного его вида или размера), если оно не соответствует уровню развития общества и мировоззрению граждан, относящихся к нему как к избыточной репрессии, жестокости со стороны государства, либо наоборот – слишком мягкой мере и попустительству. Но не лучше кажется ситуация, когда находящаяся на грани жестокости политика воспринимается как должное, способствуя ожесточению населения и формированию, например, у понятия «подвергнуть уголовному наказанию» такого устойчивого просторечного синонима, как «посадить». В связи с этим при любом изменении уголовного наказания следует стараться сохранить баланс между целесообразностью и «народными чаяниями».

В заключение уместно отметить, что любое реформирование должно иметь свой предел, поскольку при отсутствии такового существует риск того, что оно приведет к трансформации уголовного закона в нежелательную для интересов общества сторону либо даже разрушит его как инструмент поддержания правопорядка, полностью лишив эффективности [29. С. 267]. Представляется, что это в полной мере относится и к наказанию, переоцененному и несовершенному, нуждающемуся в научно обоснованном, вдумчивом развитии, начинающемся с уровня целеполагания, учитывающем его реальные возможности и приводящем наказание к некой логичной и устойчивой форме, обеспечивая тем самым и ему и закону в целом одно из важнейших условий нормального функционирования – стабильность.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Представляется, что наказание не лишено элементов кары, что дает основание рассматривать его как некую узаконенную форму возмездия, поскольку само по себе оно невозможно и происходит от негативной реакции на преступление и, следовательно, по смыслу своему никак не может быть свободно от негативной коннотации.

[2] Конечно, в этой связи возникает почти философская проблема оценки неоценимого – человеческой жизни, но закон и так преисполнен сухого канцелярского цинизма, да и в других областях правового регулирования с этой проблемой справляются, в частности, определяя размер компенсаций жертвам авиакатастроф и прочих чрезвычайных событий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эминов В.Е. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2007.
2. Курганов С.И. Криминология : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2010.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004.
4. George P. Fletcher. Basic concepts of criminal law. Oxford : Oxford University Press, 1998.
5. Бибик О.Н. Уголовное наказание как культурно обусловленная реакция на преступление // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2012. № 1 (30). С. 120–126.
6. Бытко С.Ю. Уголовное наказание: сущность и эффективность предупредительного воздействия. М. : Юрлитинформ, 2016.

7. Адельханян Р.А. Уголовное право России. Практический курс : учебник / под общ. и науч. ред. А.В. Наумова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2010.
8. Henry Dagge. Considerations on Criminal Law. London, 1774. Vol. 1.
9. Schinkel M. Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners // Punishment & Society. 2014. Vol. 16 (5). P. 578–597.
10. Сундуров Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве : учеб. пособие. М. : Статут, 2015.
11. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб. : Типография Министерства путей сообщения, 1889.
12. Комиссаров В.С. Российское уголовное право : в 2 т. Т. 1: Общая часть : учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015.
13. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. М. : Университетская типография, 1907.
14. Анощенкова С.В. Восстановительно-компенсационная функция уголовного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3 (7). С. 56–65.
15. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила] // Резолюция 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 20.07.2017).
16. Хутов К.М. Достижение наказанием цели предупреждения совершения новых преступлений // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 3 (7). С. 111–120.
17. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Доля лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступлений, в общем количестве лиц, осужденных на основании обвинительных приговоров, вступивших в законную силу, за 2016 год. URL: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/Dolia_litc_ranee_osuzhdavshikhsia_za_sovershenie_prestupleniiv_vstupivshikh_v_zakonnuiu_silu_za_2016g.xls (дата обращения: 25.07.2017).
18. ФСИН России. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. Характеристика осужденных, которые осуждены к лишению свободы. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/ (дата обращения: 25.07.2017).
19. Ryan Kornhauser. Economic individualism and punitive attitudes: A cross-national analysis // Punishment & Society. 2015. Vol. 17 (1). P. 27–53.
20. Эминов В.Е. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части : учеб. / под ред. В.Е. Эминова, В.Н. Орлова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014.
21. Гилинский Я.И. Уголовная политика общества постмодерна: актуальные проблемы // Актуальные проблемы криминологии, юридической психологии и уголовно-исполнительного права : сб. науч. статей. М. : Проспект, 2016. С. 75–87.
22. Жестеров П.В. Уголовная репрессия в постиндустриальном обществе / под науч. ред. Г.Ю. Лесникова. М. : Проспект, 2016.
23. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 55–65.
24. Sherman L.W., Strang H., Mayo-Wilson E., Woods D.J., Ariel B. Are Restorative Justice Conferences Effective in Reducing Repeat Offending? Findings from a Campbell Systematic Review // Journal of Quantitative Criminology. 2015. Vol. 31 (1). P. 1–24.
25. Sherman L.W., Strang H. et al. Twelve experiments in restorative justice: the Jerry Lee program of randomized trials of restorative justice conferences // Journal of Experimental Criminology. 2015. Vol. 11. P. 501–540.
26. Nordin M. Does Eligibility for Tertiary Education Affect Crime Rates? Quasi-Experimental Evidence // Journal of Quantitative Criminology. 2017. Online First Articles. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s10940-017-9355-8 (дата обращения: 20.07.2017).
27. Alos R., Esteban F., Jodar P, Miguelez F. Effects of prison work programmes on the employability of ex-prisoners // European Journal of Criminology. 2015. Vol. 12 (1). P. 35–50.
28. Canton R. Crime, punishment and the moral emotions: Righteous minds and their attitudes towards punishment // Punishment & Society. 2015. Vol. 17 (1). P. 54–72.
29. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. : Проспект, 2014.

Статья представлена научной редакцией «Право» 25 октября 2017 г.

PUNISHMENT IS NOT THE PANACEA FOR CRIMES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 222–227.
DOI: 10.17223/15617793/425/30

Tatiana F. Minyazeva, Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government (Moscow, Russian Federation); Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: minyazeva2008@rambler.ru
Denis A. Dobryakov, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

Keywords: punishment; criminal (penal) law; crime; crime prevention; recidivism.

The place of criminal punishment in the system of crime combating measures and the problem of the overestimation of its significance are examined in the article using the formal-legal method. The authors make an effort to determine the actual area of an effective impact of punishment and its place in the system of crime combating measures. Punishment is suggested to be considered as the most severe measure of crime combating, which has the greatest potential in counteracting recidivism and should be deemed as secondary to non-criminal legal measures of crime prevention. In this context, the authors offer a different approach to the formulation of the objectives of criminal punishment which seem to be recognized in an overly declarative form in the current Criminal Code of the Russian Federation. The article justifies the expediency of recognition in the criminal law of really achievable purposes of punishment, namely, restoration of public relations violated by a crime and prevention of recidivism of crimes, instead of the purposes of restoration of social justice, reformation of the convicted person and prevention of further crimes. The article highlights the essential elements of punishment that are not devoid of punitive features and, at the same time, are designed to assist achieving its goals and express the natural negative response of the state to the violation of the rules of behavior which are formalized in society. The critical analysis of the practice of the punishment system adjustment and regular sanction amendments in the articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation for years of its action is made in the article. It is noted that, in general, this practice is confined to excessive and unreasonable stiffening of the relevant provisions of the criminal law, substantially substituting real crime combating and contradicting the line of the state policy on the retrenchment of penal repression. At the same time, it is suggested to pay attention to the necessity to update the system of punishments and certain types of punishments in order to increase their effectiveness. In addition, the importance of other measures of compulsory influence on the perpetrators is stressed, including measures which are not directly related to criminal legal ones, as well as other measures of non-legal nature. Crime combating is seen as a complex, composite activity of all institutions of modern society that should be reflected in the criminal policy of the state and the legislation. This emphasizes the essence of criminal punishment as an auxiliary measure aimed at compensation for harm and special prevention of crimes.

REFERENCES

1. Eminov, V.E. (2007) *Kriminologiya* [Criminology]. 3rd ed. Moscow: Yurist".
2. Kurganov, S.I. (2010) *Kriminologiya* [Criminology]. 4th ed. Moscow: YuNITI-DANA; Zakon i pravo.
3. Beccaria, Ch. (2004) *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [About crimes and punishments]. Moscow: INFRA-M.
4. George, P.F. (1998) *Basic concepts of criminal law*. Oxford: Oxford University Press.
5. Bibik, O.N. (2012) Ugolovnoe nakazanie kak kul'turno obuslovlennaya reaktsiya na prestuplenie [Criminal punishment as a culturally conditioned reaction to crime]. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*. 1 (30). pp. 120–126.
6. Bytko, S.Yu. (2016) *Ugolovnoe nakazanie: sushchnost' i effektivnost' preduprediteľnogo vozdeystviya* [Criminal punishment: the nature and effectiveness of preventive action]. Moscow: Yurlitinform.
7. Adel'khanyan, R.A. (2010) *Ugolovnoe pravo Rossii. Prakticheskiy kurs* [The Criminal Law of Russia. A practical course]. 4th ed. Moscow: Volters Kluver.
8. Dagge, H. (1774) *Considerations on Criminal Law*. Vol. 1. London.
9. Schinkel, M. (2014) Punishment as moral communication: The experiences of long-term prisoners. *Punishment & Society*. 16 (5). pp. 578–597. DOI: 10.1177/1462474514548789
10. Sundurov, F.R. & Talan, M.V. (2015) *Nakazanie v ugolovnom prave* [Punishment in Criminal Law]. Moscow: Statut.
11. Foynitskiy, I.Ya. (1889) *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem* [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya.
12. Komissarov, V.S. (2015) *Rossiyskoe ugolovnoe pravo: v 2 t.* [Russian criminal law: in 2 vols]. Vol. 1. 4th ed. Moscow: Prospekt.
13. Poznyshev, S.V. (1907) *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava* [The basic principles of the science of criminal law]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
14. Anoshchenkova, S.V. (2014) Vosstanovitel'no-kompensatsionnaya funktsiya ugolovnogo prava [The restorative-compensatory function of criminal law]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*. 3 (7). pp. 56–65.
15. United Nations. (1990) *United Nations Standard Minimum Rules for Non-custodial Measures [Tokyo Rules]*. United Nations General Assembly Resolution 45/110 of 14 December 1990. [Online] Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml. (Accessed: 20.07.2017). (In Russian).
16. Khutov, K.M. (2014) Dostizhenie nakazaniem tseli preduprezhdeniya sovershenіya novykh prestupleniy [Achieving the goal of preventing the commission of new crimes by punishment]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*. 3 (7). pp. 111–120.
17. The Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (2016) *Dolya lits, ranee osuzhdavshikhsya za sovershenie prestupleniy, v obshchem kolichestve lits, osuzhdennykh na osnovanii obvinitel'nykh prigovorov, vstupivshikh v zakonnuyu silu, za 2016 god* [The proportion of persons previously convicted of committing crimes in the total number of persons convicted on the basis of convictions entered into force in 2016.]. [Online] Available from: www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/Dolia_litc_ranee_osuzhdavshikhsia_za_sovershenie_prestupleniiv_vstupivshikh_v_zakonnuiu_silu_za_2016g.xls. (Accessed: 25.07.2017).
18. Federal Penitentiary Service of Russia. (2016) *Kharakteristika lits, soderzhashchikhsya v ispravitel'nykh koloniyakh dlya vzroslykh. Kharakteristika osuzhdennykh, kotorye osuzhdeny k lisheniyu svobody* [Characteristics of persons held in correctional colonies for adults. Characteristics of convicts who are sentenced to deprivation of liberty]. [Online] Available from: http://fsin.su/structure/inspector/iao/statistika/Xarka%20lic%20sodergahixsya%20v%20IK/. (Accessed: 25.07.2017).
19. Kornhauser, R. (2015) Economic individualism and punitive attitudes: A cross-national analysis. *Punishment & Society*. 17 (1). pp. 27–53. DOI: https://doi.org/10.1177/1462474514560393
20. Eminov, V.E. (2014) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti* [The penal law of Russia. General and Special Parts]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
21. Gilinskiy, Ya.I. (2016) Ugolovnaya politika obshchestva postmoderna: aktual'nye problemy [The criminal policy of the society of postmodernity: topical issues]. In: Matskevich, I.M. et al. (eds) *Aktual'nye problemy kriminologii, yuridicheskoy psikhologii i ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Topical issues of criminology, legal psychology and penal law]. Moscow: Prospekt.
22. Zhesterov, P.V. (2016) *Ugolovnaya repressiya v postindustrial'nom obshchestve* [Criminal repression in the post-industrial society]. Moscow: Prospekt.
23. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2013) Kriminologicheskoe myshlenie v kontekste intellektual'nogo obespecheniya ugolovnoy politiki [Criminological thinking in the context of the intellectual support of criminal policy]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 8 (200). pp. 55–65.
24. Sherman, L.W. et al. (2015) Are Restorative Justice Conferences Effective in Reducing Repeat Offending? Findings from a Campbell Systematic Review. *Journal of Quantitative Criminology*. 31 (1). pp. 1–24. DOI: https://doi.org/10.1007/s10940-014-9222-9
25. Sherman, L.W. et al. (2015) Twelve experiments in restorative justice: the Jerry Lee program of randomized trials of restorative justice conferences. *Journal of Experimental Criminology*. 11. pp. 501–540. DOI: 10.1007/s11292-015-9247-6
26. Nordin, M. (2017) Does Eligibility for Tertiary Education Affect Crime Rates? Quasi-Experimental Evidence *Journal of Quantitative Criminology*. Online First Articles. [Online] Available from: https://link.springer.com/article/10.1007/s10940-017-9355-8. (Accessed: 20.07.2017). DOI: https://doi.org/10.1007/s10940-017-9355-8
27. Alos, R., Esteban, F., Jodar, P. & Miguelez, F. (2015) Effects of prison work programmes on the employability of ex-prisoners. *European Journal of Criminology*. 12 (1). pp. 35–50. DOI: 10.1177/1477370814538776
28. Canton, R. (2015) Crime, punishment and the moral emotions: Righteous minds and their attitudes towards punishment. *Punishment & Society*. 17 (1). pp. 54–72. DOI: http://dx.doi.org/10.1177/1462474514548806
29. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2014) *Problemy rossiyskoy ugolovnoy politiki* [Problems of the Russian criminal policy]. Moscow: Prospekt.

Received: 25 October 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 228–236. DOI: 10.17223/15617793/425/31

УДК 34(091); 34(092)

И.В. Михеева, Н.В. Пронина, А.С. Логинова

ЗАПРЕТЫ И ДОЗВОЛЕНИЯ В «ПИТЕЙНОЙ» ПОЛИТИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рассматриваются особенности реализации национальной алкогольной политики в дореволюционной и современной России. Выявлены устанавливаемые в разные исторические периоды группы запретов и дозволений в сфере розничной продажи алкогольной продукции, связанных с территорией, ценой, количеством, временем, участниками розничной торговли алкоголем. Обозначены векторы динамики системы ограничительных мер в розничной реализации алкогольных напитков. Делается вывод об активном вмешательстве государства в процесс функционирования «алкогольного» рынка.

Ключевые слова: Россия; правовой режим; запреты и дозволения; ограничения; питейная политика; алкогольная продукция.

Спрос на алкоголь является одним из самых стабильных. Производство и оборот алкогольной продукции приносят частным лицам и государству немалые доходы. В то же время негативные социальные и демографические последствия потребления «пития» в любые времена заставляли искать компромиссы между экономическими и общественными интересами. Желание получить устойчивый доход в казну наталкивалось на необходимость сохранять здоровье нации. В поисках баланса между социальными потребностями и политическими амбициями неизбежность введения регулирующих оборот алкоголя ограничений становилась очевидной.

Сегодня перед законодателем стоит целый ряд требующих разрешения проблем развития рынка алкогольной и спиртосодержащей продукции. Они связаны с наличием большого количества нелегальной продукции, недобросовестной конкуренцией и незащищенностью операторов «алкогольного» рынка, высоким уровнем его коррупционности и криминализации и пр. Одной из наиболее важных проблем является наличие нарушающих единое экономическое пространство страны административных барьеров, связанных с реализацией разрешительной политики. В этом смысле интерес представляют такие элементы разрешительной системы, как запреты и дозволения.

В ходе осуществления управленческой деятельности и выстраивания государственной политики в той или иной сфере применяется совокупный инструментарий государственного управления, используются диспозитивные и императивные методы. Большинство функций властных органов реализуются с помощью последних, формируя ограничения и запреты, свойственные административно-правовым режимам. В этом смысле разрешения (дозволения) – по сути, другая сторона запретов, поскольку без получения разрешений лицо в рамках действующих правовых норм ограничено в осуществлении какой-либо деятельности, реализации ряда прав [1. С. 138].

Заметим, что любой правовой режим предусматривает введение нормативов поведения субъектов регулируемых правоотношений для фиксации «степени жесткости юридического регулирования», «допустимого уровня активности субъектов и пределов их правовой самостоятельности» [2. С. 186]. Создается особый порядок правового регулирования как определенного сочетания юридических средств, позволяющих определить и обеспечить конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности среды для функционирования субъектов права [3. С. 14]. С этой целью формулируются и закрепляются в правовой норме ограничения или льготы, которые определяют особенности правового регулирования той или иной сферы общественных отношений. Востребованность населением такого неоднозначного товара, как алкоголь, как правило, удовлетворяется в процессе розничной реализации алкогольных напитков. Именно эта часть оборота алкоголя сопровождается введением специальных правовых режимов, запреты и дозволения которых во многом определяют питейную политику российского государства на протяжении веков. При этом крайне противоречивое отношение общества и государства к алкоголю одновременно отражает на редкость устойчивые аналогии в предмете и содержании требований, предъявляемых на разных исторических этапах к розничной реализации алкогольных напитков.

«Розничная торговля» стала обозначаться как реализация алкогольной продукции «на вынос» или «в дома» (т.е. продажа пития определенного объема для употребления вне питейного заведения) еще в законодательстве XVIII в. Если же виноторговец продавал закупленное или произведенное им питие небольшими объемами «распивочно» (т.е. для употребления в питейном заведении), то такая торговля определялась как «раздробительная». Об этом говорится, например, в Сенатском указе «О повсеместном распубликовании условий на питейный откуп с 1799 года» от 25 февраля 1798 г. В XIX в. термин «розничная торговля» в нормативных актах уже не употреблялся. В свою очередь, «раздробительной торговлей» стала называться реализация алкогольных напитков для употребления вне места сбыта, а «распивочной» – продажа для употребления непосредственно в питейном заведении. Такая терминология встречается в Сенатском указе по Высочайше утвержденному докладу «О правилах произведения торгов по откупам. С присовокуплением Высочайше утвержденных условий на винный с 1803–1807 годы откуп» от 3 июня 1801 г., в ст. 250 Устава о питейном сборе и акцизе и Высочайше утвержденных Правилах о раздробительной продаже напитков от 14 мая 1885 г. В настоящее время понятие розничной торговли вошло в речевой оборот и активно используется в законодательстве. В соответ-

ствии с Федеральным законом от 28.12.2009 № 381-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» оно включает в себя «вид торговой деятельности, связанный с приобретением и продажей товаров для использования их в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Наличие «особенностей» регламентации отношений в сфере розничной продажи алкогольной продукции обусловливается индивидуальностью самого товара: как его специфическими свойствами (взрывоопасностью, воспламеняемостью и т.д.), так и тем действием, которое алкоголь оказывает на потребителя. Высокая социальная и экономическая значимость такого товара, как алкогольные напитки, обусловливает обязательное наличие системы государственных мер, опосредующих создание эффективной национальной алкогольной или так называемой питейной политики. Алкогольные напитки – едва ли не единственный пищевой продукт в истории, розничная продажа которого всегда была сопряжена с наличием дополнительных правил и требований ограничительного характера. Эти ограничения устанавливались, действовали, отменялись, а затем вновь воссоздавались на протяжении всего существования рынка алкогольной продукции и касались самых разнообразных сторон: территории, где разрешалось продавать алкогольные напитки; времени продажи; того, кто покупал и кто продавал эти напитки; количества и цен для продажи и др.

В этой связи можно проследить некоторую «похожесть» вводимых в разные времена формальных ограничений (разрешений) и действовавших в рамках проводимой в России политики в сфере розничной реализации алкогольной продукции. Во всяком случае, анализ законодательства дореволюционной России позволяет говорить о появлении ограничений в исследуемой сфере уже в XVI в. Первые запреты в то время носили **территориальный** характер и были связаны с решением Василия III отвести для своих слуг и иностранцев за Москвой-рекой «особую слободку, называемую Наливайки», где он разрешил им пить мед и вино, тогда как в других местах это воспрещалось [4. С. 37].

В соответствии с более поздними правилами (середина XVII в.) ограничения мест расположения кабаков жестко фиксируются в царских указах: «кружечным дворам быть только в городах» (Именной указ Князя Алексея Михайловича от 9 сентября 1652 года «О непозволении Боярам и приказным людям содержать в вотчинах и по городам кабаки и кружечные дворы, и о содержании дворов только в городах»), «в малых селах, которые близко от Москвы и городов, пития не продавать, в больших государевых селах, в которых от 500 и более дворов кружечным дворам не быть» (Именной указ Князя Феодора Алексеевича 1678 г. «О небытии в малых селах, которые от Москвы и городов в ближних местах, кружечным дворам на вере и откупу, и о непродажи питей»), то снимаются, и питейные дома начинают строиться и размещаться без условных ограничений.

Критерии территориальных запретов со временем совершенствовались. В XVIII в. появляются новые запреты на расположение питейных заведений. Такие заведения нельзя было размещать вблизи храмов, соборов, церквей, монастырей и кладбищ, о чем упоминалось в Сенатском указе от 17 ноября 1743 г. «О нечинении, во время крестного хождения и отправления божественной литургии на улицах бесчинства». Позднее, в XIX в., в Высочайше утвержденных «Положении о питейном сборе от 4 июля 1861 года» (ст. 260) и «Правилах о раздробительной продаже напитков» от 14 мая 1885 г. установлены более точные расстояния от мест продажи алкоголя до культовых объектов: «не ближе 40 сажень» (пивные лавки «не ближе 20 сажень).

При фиксации территориальных ограничений в правовой норме учитывались социальные, гуманистические факторы. Например, с XVIII в. не разрешается питейная продажа в зданиях народных училищ, «чтобы отвращения юношей от наук не было» [5], а позднее и ближе сорока сажень от зданий, занимаемых учебными заведениями. Также устанавливаются границы размещения мест продажи спиртного на расстоянии не ближе сорока сажень от зданий тюрем, больниц и богаделен [6]. Наконец, запрещается торговля питием рядом с дворцами лиц Императорской фамилии и Императорскими имениями.

Начиная с 1710 г. не разрешается торговать вином на кораблях. Этот запрет, сформулированный в Повелении Петра I от апреля 1710 г. «Инструкция и Артикулы военные Российскому флоту», действовал до начала XIX в. вплоть до принятия Сенатского указа от 3 июня 1801 г. «О правилах произведения торгов по откупам с присовокуплением Высочайше утвержденных условий на винный с 1803–1807 годы откуп». В 1808–1809 гг. по этому же поводу был принят еще ряд указов: Именной указ, данный Сенату от 30 июня 1808 г. «О бытии питейным домам от казарм расстоянием не ближе 300 сажень»; Указ, объявленный Санктпетербургским Военным Губернатором от 20 октября 1808 г. «О расстоянии в каком должны быть штофныя лавочки от казарм», и Именной указ, объявленный Сенату правящим должность Санктпетебургского Военного Губернатора Балашова от 15 февраля 1809 года «О небытии герберным, ведерным, пивным и полпивным продажам, погребам, харчевням и прочим сего рода заведениям ближе 300 сажень от казарм». С этого времени был установлен запрет на содержание питейных заведений ближе, чем на расстоянии 300 сажень от казарм, военных госпиталей, пажеских и кадетских корпусов. Позднее это расстояние уменьшилось и составило 150 сажень, а с 1863 г. – всего 40 сажень [7].

Специальные требования существовали в Санкт-Петербурге. Здесь запрещалось размещать кабаки и питейные дома вблизи Гостиного двора и рынка на Адмиралтейском острове; на «главной линии»; на больших улицах. В связи с этим в 1746 г. кабаки вообще были перенесены на малые улицы [8, 9 и др.].

Чтобы удержать от пьянства работников и мастеровых, кабаки запрещено было строить при соляных Крымских озерах. Правда, это касалось только заведений, торгующих питием на вынос, и гостиниц [10]. Отдельный порядок учреждения и организации пи-

тейной торговли был установлен в XVIII в. для территорий вблизи горнодобывающих заводов. Строить и держать здесь питейные дома разрешалось на расстоянии не менее чем 20 верст от завода, а от рудников – в 15 верстах [11] (позднее указывалось на расстояние 5 и 10 верст) [12].

Из-за опасения пожаров и сокращения пьянства работников «опасных производств» с 1822 г. питейные заведения отдаляются от оружейных, селитряных и пороховых заводов на расстояние не менее 5 верст. С 1863 г. вводился запрет на расположение питейных домов на расстоянии менее 250 сажень от пороховых заводов и заведений, производящих взрывчатые вещества [13; 14. Ст. 485]. Не разрешалась торговля алкоголем вдоль существующих железных дорог и по линиям строящихся железных дорог и водных путей [14. Ст. 483–484].

Известны примеры, когда продажа алкогольных напитков запрещалась и в местах большого скопления народа. Например, на торжках: «…чтобы от того на тех торжках никаких ссор и драк и никакого разорения не было никому, а в монастырях монашескому чину от пьянства и бесчестия не было» [15]; при устраиваемых во время сырной и страстной неделях «качелях и горах» [14. Ст. 481], а также в определенных местностях. В XIX в. в Уставе о питейном сборе и акцизе был определен перечень территорий, вообще освобожденных от учреждения питейных домов. К таким территориям были отнесены места и территории, на которых располагались колонии питомцев Императорского Воспитательного Дома; улусы Калмыков Астраханской и Ставропольской губерний; питейная торговля была запрещена в кочевых Киргиз-кайсаках внутренней орды.

Наряду с конкретно указываемыми расстояниями были и особые территориальные условия для покупки «пития», установленные в XVII в. Покупать его разрешалось только в питейных заведениях, которые находились на той территории, на которой проживаешь, а при отсутствии таковых – в близлежащих к месту проживания, «чтобы ни в каких городах недобора не было». Так, для получения максимального питейного дохода в конце XVII в. было установлено правило приобретать питие только в кабаках, расположенных на территории, где проживал потребитель [16–18]. Подобное требование встречалось и позднее в целом ряде указов XVIII в. Такой запрет, с одной стороны, гарантировал получение питейной выручки; с другой – нередко из-за низкого качества алкогольных напитков и подчас высокой цены потребители тайно покупали алкоголь в других кабаках, расположенных вдали от мест проживания, или у корчемников, из-за чего происходило снижение питейных сборов винных продавцов. Потому ограничения были не долговременными. В основном же покупать алкоголь потребители могли в питейных заведениях по своему усмотрению.

Неустойчивость и, как правило, временный характер водимых территориальных запретов позволяют говорить о том, что они носили казуальный и точечный характер. Законодательство основывалось на текущем опыте торговли спиртными напитками, реагируя на сиюминутные проблемы торговой практики. В то же время можно заметить, что территориальные ограничения, существовавшие в дореволюционной России, в большинстве своем носили социальный характер, имели цель нивелировать негативные последствия употребления алкоголя («алкогольные» запреты около культовых сооружений, образовательных учреждений, больниц, богаделен, тюрем). При этом от «пьянства и бесчестия» охранялся не только частный, но и публичный интерес (запреты на продажу на водоходных судах, у железных дорог и опасных производств и пр.).

Современные территориальные ограничения носят схожий характер. Сегодня алкогольные напитки, включая пиво, запрещено продавать в детских, образовательных, медицинских организациях, на объектах спорта, в организациях культуры (кроме розничной продажи при оказании услуг общественного питания), во всех видах общественного транспорта и его остановочных пунктах, автозаправочных станциях, оптовых и розничных рынках, на вокзалах, в аэропортах (кроме розничной продажи в местах беспошлинной торговли), на объектах военного назначения, в иных местах массового скопления народа и на прилегающих к ним территориях и т.д. [19. Ст. 16].

При этом развитие общественных отношений, их усложнение требуют тщательного соблюдения правил юридической техники и более четкого определения используемых в нормативных актах понятий. Долгое время для современного законодателя оставался открытым вопрос методики определения мест массового скопления народа, мест нахождения источника повышенной опасности и прилегающей территории. У правоприменителя не было четкой основы для исполнения требований по запрету розничной торговли алкоголем в таких местах, а у органов государственной власти – для контроля за исполнением этих требований. Надлежащая регламентация была дана в Постановлении Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1425 «Об определении органами государственной власти субъектов Российской Федерации мест массового скопления граждан и мест нахождения источников повышенной опасности, в которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции, а также определении органами местного самоуправления границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции». В новых правилах не только раскрывается понятие такого рода мест, но и устанавливается порядок их определения органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления. Следует добавить, что в перечисленных местах запрещена не только торговля, но и распитие алкогольных напитков. Под угрозой административной ответственности не разрешается также употреблять алкоголь в публичных местах, например, во дворах, на лестничных клетках, в подъездах и лифтах жилых домов, парках и т.д. (ст. 20.20 КоАП РФ).

Очевидная похожесть территориальных ограничений касается, прежде всего, видов ограничительных критериев. В то же время динамика их корректировки несколько различается. Так, можно увидеть, что от

исторически сложившейся регламентации с точечным обозначением мест розничной продажи алкоголя современный законодатель постепенно приходит к необходимости сформулировать более общие основания вводимых запретов для обеспечения режимов безопасности и соблюдения публичных интересов.

Наряду с территориальными встречаются и другие ограничения, связанные с розничной продажей алкогольной продукции. Так, с XVI в. в законодательстве формируются **временны́е** требования. Например, жителям Москвы разрешалось употреблять напитки только по праздникам. Историк И.Г. Прыжов пояснял, что «эта народная слабость (пьянство) принудила государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребления пива и другого рода хмельного напитка…» [4. С. 37]. В XVII в. в Соборном уложении 1649 г. торговля, в том числе и питейная, запрещается в субботние и воскресные дни (ст. 26). Позже этот запрет распространился и на праздничные дни, а далее уточнялся в Сенатских указах XVIII и XIX вв.

Интересно, что сегодня запрет на продажу спиртных напитков может устанавливаться в любое время и в любой день по решению органов государственной власти субъектов РФ. Период запрета может быть ограничен, например, днем последних звонков в школах, временем проведения молодежных праздников и др. Такое временно́е ограничение было введено в Нижнем Новгороде 25 мая 2013 г. – до 18 часов вечера. Оно носило рекомендательный характер, касалось продажи спиртных напитков, за исключением пива, на предприятиях общественного питания (кафе, рестораны и т.п.).

В России православная церковь имела особый статус. Ее сотрудничество с государством охватывало различные сферы общественных отношений. В силу особенного положения православной церкви в дореволюционном российском государстве выделялся ряд временных запретов в исследуемой сфере. Например, с XVII в. существовал временно́й запрет на продажу пития в кабаках во время литургии и крестных ходов (существовал и наряду с установленным тогда территориальным) [20]. Правда, по всей вероятности, данные правила нарушались, и люди продолжали «чинить бесчинства и в церковь не ходить», поскольку указанное требование в законодательстве разных исторических периодов с относительно небольшим разбросом в годах встречается неоднократно в 1776, 1770, 1772, 1782, 1823, 1863 гг. и др.

Государство не обошло вниманием и временны́е рамки работы самих питейных заведений. Сенатский указ 1718 г. предписывал заканчивать торговлю после того, «как пробьет зорю» [21]. В Инструкции от 10 декабря 1722 г., данной Московской Полицеймейстерской Канцелярии, подобное требование формулировалось несколько иначе: «после того “как пробьют в набат”». Позже, в Именном Указе от 17 октября 1740 г. регламентировалось уже не только время прекращения, но и время начала продажи пития: с 9 часов утра до 7 часов вечера, а с 7 часов вечера «кабаки и вольные дома велено запирать, продажи не чинить».

Временны́е требования могли меняться в зависимости от сезона. В 1765 г. Императрица Екатерина II устанавливает новое время питейных продаж, определяя его в зависимости от времени года: «летнее время по утру и в вечеру от выстрела до выстрела пушечного, а в зимнее время в кратчайшие дни по утру кабаки отпирать в 7 часов пополуночи, а запирать в 6 часов по полудни» (Сенатский указ от 12 января 1765 г.). Объяснялось это просто. Крестьяне заканчивали работу в летнее время поздно и в кабаки до закрытия попасть не успевали. Питейные доходы снижались, и нужно было принять меры для их увеличения.

В 1774 г. ограничения по времени продажи алкогольных напитков корректируются. В летнее время они остаются прежними – по утру и к вечеру от выстрела до выстрела пушечного, а в зимнее время меняются – в кратчайшие дни с семи утра до восьми вечера. С течением времени происходящие корректировки расширяют временные границы, в которых дозволялось торговать алкоголем. В 1863 г. продажа напитков разрешается: в селениях – до 10 часов вечера, в городах – до 11 часов вечера [14. Ст. 549], а с 1895 г. время уточняется – в селениях с 7 часов утра до 10 часов вечера, а в городах – с 7 часов утра до 11 часов вечера [Там же. Ст. 577].

Таким образом, постепенно ежедневный временной период розничной продажи спиртных напитков в дореволюционной России имел тенденцию к увеличению. Прибыльность алкогольной торговли предопределяла регулирование розничной торговли алкогольными напитками в то время с доминантой публичного интереса Российского государства.

Сегодня видим несколько иную картину. В современной России существуют подобные «ночные» запреты на продажу спиртных напитков. Запретной в соответствии с п. 5 ст. 16 Закона № 171-ФЗ является розничная продажа алкогольной продукции с 23 до 8 часов (по местному времени). В то же время субъектам РФ предоставлено право увеличивать данные временные границы. Например, в соответствии со ст. 8 Закона Нижегородской области от 29 июня 2012 г. № 74-З «О регулировании отдельных правоотношений в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Нижегородской области» запрещается продажа с 22 часов до 8 часов для потребления не на месте покупки (за исключением магазинов беспошлинной торговли) и с 22 часов до 10 часов – для потребления на месте покупки (за исключением ресторанов, баров и кафе). Закон Краснодарского края от 4 июня 2012 г. № 2497-КЗ «Об установлении ограничений в сфере розничной продажи алкогольной продукции и безалкогольных тонизирующих напитков» в ст. 3. определяет «дополнительные ограничения времени розничной продажи алкогольной продукции» с 22 часов до 11 часов включительно, за некоторыми исключениями. Заметим, что «запретное» время, установленное в федеральном законе рамочно, в субъектах РФ увеличено.

Историческая динамика временны́х запретов и дозволений на розничную продажу алкогольной продукции позволяет заметить существовавшую в Российской империи тенденцию на увеличение времени разрешаемой торговли алкоголем, а в Российской Фе-

дерации – на уменьшение. В этом видится позитивная социальная динамика отношения современного государства к острой проблеме алкоголизации населения. В то же время похожими остаются содержание правовой регламентации и критерии вводимых запретов и дозволений в сфере розничной продажи алкогольной продукции.

Территориальные и временны́е ограничения не исчерпывают разрешительную политику государства в сфере функционирования рынка алкогольной продукции. К ним довольно плотно примыкают запреты, налагаемые на субъектов отношений, складывающихся в сфере розничной торговли алкогольными напитками. Субъектный состав участников этих правоотношений всегда имел свои отличительные особенности. Во-первых, ввиду того что отношения касались государственной регалии, одним из субъектов всегда было государство в лице властных органов. Во-вторых, отдельную группу составляли выборные, а со второй половины XVIII в. – нанимаемые лица, которые осуществляли казенную розничную и оптовую торговлю питием. Эти торговцы имели особый статус. С одной стороны, они были наделены некоторыми властными полномочиями, а с другой – выполняя функции розничных и оптовых продавцов, в отдельных случаях имели те же права и несли те же обязанности, что и частные виноторговцы. И, наконец, особую группу формировали частные лица, наделенные правами и обязанностями в алкогольной сфере. К ним могли относиться как виноторговцы, трактирщики и содержатели ренсковых погребов, так и потребители. К последним субъектам относится целый ряд устанавливаемых государством ограничений. Речь идет прежде всего о **возрастных ограничениях**.

В современной России эти требования закреплены в Правилах продажи отдельных видов товаров, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 19.01.1998 № 55 (ред. от 23.12.2016). Сегодня запрещена продажа алкогольной продукции несовершеннолетним лицам. Продавец наделен правом потребовать предъявления документа, удостоверяющего личность предполагаемого покупателя [19. Ст. 16]. Более того, среди мер, направленных на защиту несовершеннолетних от алкогольной зависимости, выделяют не только запрет на продажу им алкоголя, но и ограничение пребывания несовершеннолетних граждан на объектах, где реализуют и употребляют алкоголь и др. Такого рода ограничения введены в субъектах РФ: в Московской, Нижегородской, Воронежской и других областях.

Требования к потребителям спиртных напитков прочно вошли в режимную, по сути, практику запрета на продажу алкогольной продукции и проецируются на современность из исторической действительности дореволюционной России. Так, изначально (в XV–XVI вв.) покупать «питие» в кабаках предписывалось только одному народу, т.е. крестьянам и посадским, ибо им одним запрещалось готовить «домашние пития». Все остальные люди пили напитки у себя дома, и более того, имели право учреждать кабаки [4. С. 51]. Позднее, с XVII в., в связи с необходимостью получения государством питейного дохода такие сословные ограничения были отменены, но введены другие субъектные критерии. Например, Объявлением Генерал-Полицмейстера Салтыкова Главной Полицмейстерской Канцелярии от 5 марта 1735 г. вводится запрет на допуск в питейные дома и трактиры Камер-Пажей, а с принятием Именных указов от 25 мая 1819 г. и от 16 марта 1820 г. туда закрывается доступ и лицам, принадлежащим к низшим воинским чинам, без наличия дозволяющего билета от начальства. Позже в Свод уставов об акцизных сборах включен запрет на продажу малолетним и «видимо» пьяным [14. Ст. 504].

В наше время, кстати, явных запретов на продажу алкоголя «видимо пьяному» гражданину нет, зато сохранились другие. Например, существовавшие в Российской империи ограничения продажи алкогольных напитков малолетним сегодня трансформированы в систему мер по защите несовершеннолетних в рамках общей концепции государственной политики, направленной на борьбу с алкоголизацией населения страны, что отражено в целом ряде программных документов: Концепции государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем и профилактике алкоголизма среди населения Российской Федерации на период до 2020 г., Докладе общественной Палаты «Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия» и др. Цели введения сходных в рамках исторической динамики ограничений имеют некоторую повторяемость – снижение доступности алкогольной продукции путем ограничения ее розничной продажи по месту и времени. В этом сущностное сходство и различиеа субъектных ограничений в сфере розничной продажи алкоголя в Российском государстве на протяжении нескольких веков.

Важным представляется обращение еще к двум видам ограничений, сохранившим свое историческое звучание в современном законодательстве. Это ограничения по **количеству пунктов (мест) продажи алкоголя** и по его **цене**.

Сегодня количественных ограничений для пунктов розничной продажи алкогольных напитков нет. Между тем, так было не всегда. В дореволюционной России вопрос о количестве питейных заведений в государстве волновал власть. Это находило отражение в законодательстве. Так, в нормативных актах XVII в. указывалось на возможность организации питейных заведений только в определенном количестве. В царском указе 1651 г. разрешалось в «городах и Государевых больших селах быть по одному кружечному двору». В Сенатском указе от 18 марта 1736 г. формулировалось предостережение от корчемства под опасением наказания в Санкт-Петербурге и фиксировалось требование: «вольных питейных домов быть не более 120», затем Сенатским указом от 26 апреля 1736 г. это число увеличилось до 130 домов. В XIX в. Высочайше утвержденным Мнением Государственного совета от 31 декабря 1826 г. количество питейных заведений устанавливалось по губерниям [7]. Позже, в 1863 г., вводятся новые ограничения. Они касаются количества винных и ведерных лавок: в селениях,

население которых составляло до 500 душ обоего пола, допускалось наличие лавок – до одной, в селениях более 500 душ обоего пола, наоборот, – не менее одной на каждые 500 душ.

Говоря о современном положении дел, отметим, что количество торговых точек в субъектах РФ различное. В среднем по России на одну торговую точку (с алкогольной продукцией) приходится 518 чел. Максимально это значение по Москве – 2 354 чел. на одну торговую точку. Минимальное – в Калужской и Вологодской областях – 192 чел. на одну торговую точку. Законодательных ограничений нет, хотя цифра, рекомендованная Общественной палатой, составляет 5 тыс.

Наряду с установлением конкретного количества питейных заведений, где осуществлялась торговля алкогольными напитками, в Российском государстве существовали и ограничения объемов продажи «питей». Они обычно устанавливались как мера борьбы государства с пьянством. В 1651 г. каждому человеку дозволялось продавать только по одной чарке вина [22. С. 340]. С XVIII в. можно было покупать столько, сколько кому требуется, и только в конце XIX в. объем продажи был установлен: «не более трех ведер» [14. Ст. 540].

Таким образом, количественные характеристики запретов и дозволений в сфере розничной продажи алкогольных напитков в дореволюционной России включали разрешаемое количество питейных заведений и дозволяемый для продажи в одни руки объем реализуемой продукции. Это определяет более жесткий правовой режим торговли алкоголем в дореволюционной России, нежели в современной России. К тому же эти характеристики в России до 1917 г. имели унифицированный характер – единые цифры для определенных категорий населенных пунктов. Отсутствие на сегодня единых количественных критериев (по количеству торговых точек) предопределяет неоправданный разброс в приведенных информационных показателях продажи алкогольной продукции гражданам по субъектам РФ.

Значимыми для государства всегда были **цены** на востребованную населением алкогольную продукцию. На протяжении всей истории развития «питейной» политики власти то предписывают продавать вино только по установленным ценам, то дозволяют рассчитывать цены продавцам самостоятельно, руководствуясь закрепленными правилами, а то разрешают продавать вино «по вольной цене» [16, 23, 24].

К тому же правила расчета были непростые. Например в XVII в. в Именном указе от 12 июня 1705 г. говорилось : «…а будет в тех городах вино в подряд против нынешней цены убавится: и в продаже вина цену же учинить сбавка, а продавать в ведра и в полуведра и в чети ведра против подрядных цен вдвое, а в кружке и в чарке против того гривною больше, а иных во всех городах, в которых вино в подряд и в куренье, хотя и меньше 8 алтын двух денег станет, продавать в ведра и в полуведра и в чети ведра по полтине, а в кружках и в чарках по 20 алтын; а в которых городах вино в подряд и в куренье станет больше полтины ведро: и в тех городах продавать ведра и в полуведра и в чети против подрядных цены вдвое, и в кружке и в чарке против того гривною больше».

При этом расчет во все времена был разный. В XVII в. «питие» разрешалось продавать только за деньги, причем вид монет мог устанавливаться государством. Например, Именной указ с Боярским приговором от 4 марта 1683 г. предусматривал возможность такой продажи только за мелкие серебряные деньги. В XVIII в. Сенатским указом от 14 августа 1730 г. в питейных домах при чарочной продаже питей вплоть до 1731 г. в оплату разрешено было брать полушки, тогда как в оплату за другие товары принимать их запрещалось. Сегодня такого рода ограничения представляются забавными. Между тем, на момент принятия таких ограничений несколько сотен лет назад они имели крайне важное значение. Это подтверждается откровенными пояснениями законодательства: категорически запрещается отдавать питие в долг или под залог посуды, платья и других вещей, чтобы люди «не пропивались до нитки», да и чтобы «не чинилось повода к воровству» [24].

Если в дореволюционной России цены на розничную алкогольную продукцию постоянно фиксировались и обозначались в актах высшего государственного управления, то в современном Российском государстве долгое время ценовых ограничений не было. Лишь в 2010 г. законодатель пришел к необходимости зафиксировать розничные цены на алкоголь. Тем не менее эта современная новелла имеет, как видим, вполне определяемые исторические корни, несмотря на существование в настоящее время качественно других ценовых запретов и дозволений. Современное законодательство запрещает реализовывать алкогольную продукцию ниже установленных государством цен. Понижение цен на алкоголь, установленных Правительством РФ, запрещено.

Кроме того, в целях обеспечения конкурентоспособности произведенной винодельческой продукции, соблюдения интересов добросовестных хозяйствующих субъектов, развития виноделия в России Постановлением Правительства РФ от 28 января 2015 г. № 63 и Приказом Минфина России от 27 апреля 2016 г. № 55н введена возможность регулирования цен на алкогольную продукцию с содержанием этилового спирта более 28% объема готовой продукции, а также на вино и игристое вино (шампанское), произведенные в России или ввезенные на ее территорию. С учетом содержания Приказа Федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 13 декабря 2012 г. № 372 можно сказать, что сегодня, таким образом, установлены границы цен не на весь алкоголь, находящейся в розничной продаже, а выборочно – только на водку, ликероводочную и другую алкогольную продукцию, крепость которой выше 28%. Исторические аналогии в данном случае проявляются в том, что основное внимание при ценовом регулировании всегда уделяется крепким напиткам (и прежде всего водке), тогда как пиво продается по свободным ценам. Этот факт как раньше, так и теперь обусловлен тем, что крепкие напитки – основной потребляемый в России алкогольный продукт, а их про-

дажа соответственно, – один из главных источников государственного дохода.

Анализ ограничений розничной реализации алкогольной продукции дает возможность привести их классификацию, условно разделив запреты и дозволения на несколько групп, неизменно и на протяжении нескольких сотен лет существующих в Российском государстве.

Первую группу могут составить территориальные ограничения. Это дополнительные условия, устанавливаемые для территориального расположения объектов, в которых осуществляется розничная реализация алкогольной продукции. Такими требованиями могли определяться как месторасположение «питейных заведений» на территории государства (в конкретных городах, областях, уездах и т.д.), так и место их функционирования относительно конкретных архитектурных, социальных, культурных и т.п. объектов (мостов, зданий, театров, школ и др.).

Ко второй группе относятся временны́е запреты. Они определяют время или промежуток времени, в течение которого законом разрешается (либо запрещается) розничная реализация алкогольных напитков. Кроме того, это может быть конкретный день или событие, в связи с наступлением которого предусмотрен особый порядок осуществления продаж.

В третью группу можно включить ограничения по субъектам – потребителям алкогольных напитков. В основе такого рода ограничений лежат индивидуальные признаки такого субъекта, при наличии которых законодательством предусмотрены особые правила (дозволения) продажи алкоголя либо установлены запреты на такую продажу. К таким индивидуальным признакам можно отнести возраст, физическое состояние, принадлежность к сословию, профессию и др.

Следующая, четвертая группа может состоять из количественных запретов и ограничений. К ним относятся установленное государством точное число мест, в которых осуществляется розничная продажа алкогольной продукции, а также закрепленный в акте объем продукции, который может быть продан покупателю.

Наконец, еще одна, пятая группа формируется из ценовых ограничений. Сюда можно отнести установленные законодателем ценовой диапазон, либо конкретные цены, по которым должна осуществляться розничная реализация алкогольной продукции, а также дополнительные требования, предъявляемые к средствам платежа.

Интересно, что предложенная классификация позволяет увидеть схожесть регуляторов розничной продажи алкогольной продукции на разных этапах исторического развития и может быть применима к запретам и дозволениям, существовавшим в Российском государстве как сотни лет назад, так и сегодня. Многие из ограничений, существовавших при розничной продаже алкогольных напитков и устанавливаемых нашими предками, активно используются в современном правовом регулировании. При этом очевидны некоторые тенденции в исторической динамике выявленных групп ограничений розничной реализации алкогольной продукции в России.

Так, казуальное и точечное законодательное указание на место продажи алкогольных напитков в дореволюционной России сегодня заменено нормами, определяющими общие основания территориальных запретов. Изменен временно́й вектор торговли алкоголем: в России до 1917 г. существовала тенденция к увеличению этого времени, а в Российской Федерации – к уменьшению. Изменились и ценовые ограничения: в дореволюционном российском законодательстве цена алкогольных напитков четко фиксировалась, а в современной действительности фиксируется лишь нижний предел цен. При этом и раньше и сейчас регламентации подлежит цена только крепких напитков, в то время как пиво продается по свободным ценам. Думается, такая схожесть в ценовом регулировании может объясняться значимостью крепких алкогольных продуктов как востребованного товара и важного источника государственных доходов на протяжении всей истории формирования национальной алкогольной политики. Наконец, существовавшие раньше в истории запреты на продажу алкогольных напитков малолетним сегодня вошли в общую систему мер по защите несовершеннолетних общей концепции государственной политики, направленной на борьбу с алкоголизацией населения страны.

На фоне обозначенной динамики системы ограничительных мер в розничной реализации алкогольной продукции в России с XVI в. до настоящего времени можно заметить следующее. Многовековая история ограничительной регламентации розничной продажи алкогольной продукции говорит об активном и жестком вмешательстве государства в процесс функционирования рынка этой продукции. Тем не менее оригинальных способов борьбы с важнейшими социальными проблемами существования алкогольного рынка новейшей историей предложено не было. Существовавшие в дореволюционной России ограничения сегодня поменяли лишь свои количественные характеристики. Из года в год законодатель повторял одни и те же запреты и дозволения, формулируя правовые нормы с практически идентичными требованиями. Это отражало, как правило, существовавшую на момент введения того или иного ограничения заинтересованность публичного субъекта в лице государства в решении той или иной конкретной социально-экономической задачи – увеличение поступлений в бюджет от торговли алкогольных напитков или сохранение здоровья нации и т.п. В современную правовую действительность пришла некоторая системность и стройность законодательного регулирования, концептуальность в подходах к выстраиванию «питейной» политики. Между тем очевидно, что это лишь шаг на длительном пути к идеальной модели справедливого равновесия публичного и частного интереса в организации рынка такого специфического продукта, как алкоголь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разрешительная система в Российской Федерации : науч.-практ. пособие / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М. : ИНФРА-М, 2015. 928 с.
2. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. 288 с.

3. Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: понятие и виды // Право и политика: современные проблемы соотношения и развития. Воронеж, 1996. С. 12–21.
4. Прыжов И.Г. История кабаков в связи с историей русского народа. М., 1868. 320 с.
5. О недержании в тех домах, в коих помещены Народные училища, трактиров, питейных домов и харчевен: Высочайше утвержденная записка от 22 октября 1786 года // ПСЗ РИ 1. Т. 22, № 16443.
6. Правила о раздробительной продаже напитков: Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета от 14 мая 1885 года // ПСЗ 3. Т. 5, № 2946.
7. О устройстве трактирных заведений в С. Петербурге: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета от 31 декабря 1826 года // ПСЗ РИ 2. Т. 1, № 793.
8. Об отдалении питейных домов в С. Петербурге от гостиного двора и рынка на Адмиралтейской стороне. Именной указ, объявленный Сенату от 19 февраля 1739 года // ПСЗ РИ 1. Т. 10, № 7763.
9. О переводе кабаков в С. Петербурге с больших улиц в малые. Именной указ от 11 апреля 1746 года // ПСЗ РИ 1. Т. 12, № 9278.
10. О небытии при соляных Крымских озерах питейным домам: Именной указ, объявленный Сенату Министром Внутренних дел от 27 октября 1808 года // ПСЗ РИ 1. Т. 30, № 23314.
11. О выводе кабаков, не состоящих в окладе, кои находятся по близости Колывано-Воскресенских и других казенных заводов в Сибирской Губернии : Сенатский указ от 19 декабря 1763 года // ПСЗ РИ 1. Т. 16, № 11997.
12. О питейной продаже при Горных заводах: Сенатский указ от 27 октября 1766 года // ПСЗ РИ 1. Т. 17, № 12770.
13. Об отдалении питейных домов от оружейных, селитряных и пороховых заводов: Сенатский указ от 22 июня 1822 года // ПСЗ РИ 2. Т. 38, № 29071.
14. Ст. 485. Свод уставов об Акцизных сборах // СЗ РИ. СПб., 1900. Т. 5.
15. О неторговании на торжках крепкими напитками: Именной указ с боярским приговором от 4 генваря 1682 г. // ПСЗ РИ 1. Т. 2, № 904.
16. О продажи питей : Именной указ с Боярским приговором от 18 июля 1681 года // ПСЗ РИ 1. Т. 2, № 879.
17. О продаже вина с кружечных дворов, которые от Москвы во 150 верстах и ближе, указанными ценами, и о не покупки оного нигде кроме кружечных дворов: Именной указ с Боярским приговором от 29 декабря 1682 года // ПСЗ РИ 1. Т. 2, № 977.
18. О покупке вина Московским им городовым всякого чина людям с кружечных дворов в тех городах, где кто живет: Именной указ с Боярским приговором от 22 марта 1688 года // ПСЗ РИ 1. Т. 2, № 1288.
19. Ст. 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» // СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4553.
20. О запрещении продавать вино и питие во время крестного хождения и литургии при монастырях и приходских церквах и о непозволении кулачных боев. Сенатский указ от 11 июля 1743 года // ПСЗ РИ 1. Т. 11, № 8759.
21. О кондициях питейного откупа, в приложением формы контракта на содержание питейных сборов: Сенатский указ от 2 сентября 1770 года // ПСЗ РИ 1. Т. 19, № 13505.
22. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. 680 с.
23. Об отдаче на питейных и иных сборов на откуп людям правдивым и усердными о наблюдении Бурмистров, чтобы пития продаваемые были из разных питейных домов уравнительными ценами и одинаковыми мерами: Именной указ от 12 июня 1705 года // ПСЗ РИ 1. № 2059.
24. О продаже в городах вина по указанной, а не по вольной цене: Именной указ от 18 января 1683 года // ПСЗ РИ 1. № 989.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 сентября 2017 г.

PROHIBITIONS AND PERMISSIONS IN THE “ALCOHOL” POLICY IN PRE-REVOLUTIONARY AND MODERN RUSSIA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 228–236.
DOI: 10.17223/15617793/425/31

Irina V. Mikheeva, Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: imikheeva@hse.ru
Natalya V. Pronina, Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: n-pronina2301@yandex.ru
Anastasia S. Loginova, Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: aloginova@hse.ru

Keywords: Russia; legal regime; prohibitions and permissions; restrictions; “alcohol” policy; alcoholic beverages.

The article is devoted to the peculiarities of the national alcohol policy in pre-revolutionary and modern Russia. The state’s desire to gain a sustainable income to the Treasury from the constant demand for alcohol faced the need to preserve the health of the nation. Finding a balance between social needs and political ambitions was manifested in the introduction of restrictions regulating the distribution of alcohol. The aim of the study is the identification of the prohibitions and permissions in the sphere of the alcoholic products retail trade set in different historical periods and the determination of the vectors of these measures system. During the study the analysis of the Russian legislation of the 17th–19th centuries and the 21st century was conducted. These are the acts of the Supreme and Central state bodies of pre-revolutionary Russia, as well as federal legislative and sublegislative acts of the Russian Federation. The methodology of the article includes genetic and structural-functional approaches; techniques of analysis and synthesis; special formal-legal and comparative-historical techniques. Analysis of the Russian legislation of various historical periods gave an opportunity to identify various prohibitions and permissions in the alcohol sphere and divide them into multiple groups. The classification is based on territorial, price, quantity, time and subjective criteria. The similarity of the regulators of the retail sale of alcoholic products in different stages of the historical development of the Russian state is revealed. The trends in the historical dynamics of the limitations of the retail sale of alcoholic products in Russia are identified. The casual legislative pointing of the place of alcoholic drinks sale in pre-revolutionary Russia was replaced by the rules that define more general grounds of territorial restrictions. The time vector of the alcohol trade was modified: in Russia prior to 1917 there was a tendency to increase the time range, and in the Russian Federation to reduce it. The price limits changed, too: in pre-revolutionary Russian legislation the price of alcoholic drinks was clearly recorded, and in today’s reality only the lower limit of prices is fixed. In the past and today the subject of legislative regulation is only the price of strong drinks, while beer is sold at free prices. Finally, the prohibitions on the sale of alcoholic drinks to minors that existed early in the history are now included in the general system of measures for the protection of minors as part of the state policy concept aimed at combating alcoholism in the population. A conclusion is made about the traditional character of state intervention in the alcoholic beverages market functioning. In modern legal reality there are conceptual approaches to the formation of the “drinking” policy, but it is only a step on the long way to the ideal model of a fair balance of public and private interest in the organization of a market for such a specific product like alcohol.

REFERENCES

1. Nozdrachev, A.F. (ed.) (2015) *Razreshitel'naya sistema v Rossiyskoy Federatsii* [Permission system in the Russian Federation]. Moscow: INFRA-M.
2. Alekseev, S.S. (1989) *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
3. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (1996) Pravovye rezhimy: ponyatie i vidy [Legal Regimes: Concept and Types]. In: *Pravo i politika: sovremennye problemy sootnosheniya i razvitiya* [Law and Politics: Modern Problems of Correlation and Development]. Voronezh: Voronezh State University.
4. Pryzhov, I.G. (1868) *Istoriya kabakov v svyazi s istoriey russkogo naroda* [History of taverns in connection with the history of the Russian people]. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol'fa.
5. Russian Empire. (1786) O nederzhanii v tekh domakh, v koikh pomeshcheny Narodnye uchilishcha, traktirov, piteynykh domov i kharcheven: Vysochayshe utverzhdennaya zapiska ot 22 oktyabrya 1786 goda [About non-keeping restaurants, drinking houses and taverns in houses where National Schools are located: Highly approved note of October 22, 1786]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii* 1:22. 16443.
6. Russian Empire. (1885) Pravila o razdrobitel'noy prodazhe napitkov: Vysochayshe utverzhdennoe Mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 14 maya 1885 goda [Rules for the distribution of beverages: Highly approved Opinion of the State Council on May 14, 1885]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 3:5. 2946.
7. Russian Empire. (1826) O ustroystve traktirnykh zavedeniy v St. Peterburge: Vysochayshe utverzhdennoe Mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 31 dekabrya 1826 goda [On the organization of inns in St. Petersburg: Highly approved Opinion of the State Council of December 31, 1826]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 2:1. 793.
8. Russian Empire. (1739) Ob otdalenii piteynykh domov v St. Peterburge ot gostinogo dvora i rynka na Admiralteyskoy storone. Imennoy ukaz, ob"yavlennyy Senatu ot 19 fevralya 1739 goda [On the distancing of drinking houses in St. Petersburg from the guest yard and the market on the Admiralty side. The Imperial Majesty's Edict, announced to the Senate on February 19, 1739]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:10. 7763.
9. Russian Empire. (1746) O perevode kabakov v St. Peterburge s bol'shikh ulits v malye. Imennoy ukaz ot 11 aprelya 1746 goda [On the transfer of taverns in St. Petersburg from big streets to small ones. The Imperial Majesty's Edict of April 11, 1746]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:12. 9278.
10. Russian Empire. (1808) O nebytii pri solyanykh Krymskikh ozerakh piteynym domam: Imennoy ukaz, ob"yavlennyy Senatu Ministrom Vnutrennikh del ot 27 oktyabrya 1808 goda [On the non-existence of drinking houses at the salt Crimean lakes: The Imperial Majesty's Edict, announced to the Senate by the Minister of Internal Affairs of October 27, 1808] *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:30. 23314.
11. Russian Empire. (1763) O vyvode kabakov, ne sostoyashchikh v oklade, koi nakhodyatsya po blizosti Kolyvano-Voskresenskikh i drugikh kazennykh zavodov v Sibirskoy Gubernii: Senatskiy ukaz ot 19 dekabrya 1763 goda [On the elimination of taverns that are not in the register, which are located near the Kolyvan-Voskresensky and other state-owned plants in the Siberian Province: Senate Decree of December 19, 1763]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:16. 11997.
12. Russian Empire. (1766) O piteynoy prodazhe pri Gornykh zavodakh: Senatskiy ukaz ot 27 oktyabrya 1766 goda [On alcohol sale at the mining plants: Senate decree of October 27, 1766]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:17. 12770.
13. Russian Empire. (1822) Ob otdalenii piteynykh domov ot oruzheynykh, selitryanykh i porokhovykh zavodov: Senatskiy ukaz ot 22 iyunya 1822 goda [On the distancing of drinking houses from weapons, saltpeter and powder plants: Senate Decree of June 22, 1822]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 2:38. 29071.
14. Russian Empire. (1900) *Collection of Laws of the Russian Empire*. Vol. 5. Art. 485. St. Petersburg: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoy E.I.V.Kantselyarii. (In Russian).
15. Russian Empire. (1682) O netorgovanii na torzhkakh krepkimi napitkami: Imennoy ukaz s boyarskim prigovorom ot 4 genvarya 1682 g. [On non-trade of strong drinks at the forefront: The Imperial Majesty's Edict with a Boyar verdict of 4 January 1682]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:2. 904.
16. Russian Empire. (1681) O prodazhi pitey: Imennoy ukaz s Boyarskim prigovorom ot 18 iyulya 1681 goda [On the sale of alcohol: The Imperial Majesty's Edict with a Boyar verdict of July 18, 1681]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:2. 879.
17. Russian Empire. (1682) O prodazhe vina s kruzhechnykh dvorov, kotorye ot Moskvy vo 150 verstakh i blizhe, ukazannymi tsenami, i o ne pokupki onogo nigde krome kruzhechnykh dvorov: Imennoy ukaz s Boyarskim prigovorom ot 29 dekabrya 1682 goda [On the sale of wine from taverns which are 150 versts and closer to Moscow, with indicated prices, and about non-buying it anywhere except for taverns: The Imperial Majesty's Edict with a Boyar verdict of December 29, 1682]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:2. 977.
18. Russian Empire. (1688) O pokupke vina Moskovskim im gorodovym vsyakogo china lyudyam s kruzhechnykh dvorov v tekh gorodakh, gde kto zhivet: Imennoy ukaz s Boyarskim prigovorom ot 22 marta 1688 goda [On the purchase of wine by the Moscow city policemen of all ranks to people from taverns in the cities where they live: The Imperial Majesty's Edict with a Boyar verdict of March 22, 1688]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:2. 1288.
19. Russian Federation. (1995) St. 16 Federal'nogo zakona ot 22 noyabrya 1995 g. № 171-FZ "O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogol'noy i spirtosoderzhashchey produktsii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkogol'noy produktsii" [Art. 16 of the Federal Law of November 22, 1995 No. 171-FZ "On state regulation of production and turnover of ethyl alcohol, alcohol and alcohol-containing products and on limiting consumption (drinking) of alcohol products"]. *Sobranie Zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 48. Art. 4553.
20. Russian Empire. (1743) O zapreshchenii prodavat' vino i pitie vo vremya krestnogo khozhdeniya i liturgii pri monastyryakh i prikhodskikh tserkvakh i o nepozvolenii kulachnykh boev. Senatskiy ukaz ot 11 iyulya 1743 goda [On the prohibition to sell wine and alcohol drinks during the procession and liturgy at monasteries and parish churches and on the prohibition of fistfights. Senate Decree of July 11, 1743]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:11. 8759.
21. Russian Empire. (1770) O konditsiyakh piteynogo otkupa, v prilozheniem formy kontrakta na soderzhanie piteynykh sborov: Senatskiy ukaz ot 2 sentyabrya 1770 goda [On the conditions of drinking buyout, with the application of the contract form for collecting drinking fees: Senate Decree of September 2, 1770]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1:19. 13505.
22. Sergeevich, V.I. (1910) *Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava* [Lectures and studies on the ancient history of Russian law]. St. Petersburg: tipografiya M. M. Stasyulevicha.
23. Russian Empire. (1705) Ob otdache na piteynykh i inykh sborov na otkup lyudyam pravdivym i userdnymi o nablyudenii Burmistrov, chtoby pitiya prodavaemye byli iz raznykh piteynykh domov uravnitel'nymi tsenami i odinakovymi merami: Imennoy ukaz ot 12 iyunya 1705 goda [On the giving of drinking and other fees for buyout to people truthful and zealous about the observation by the mayors, so that drinks sold were from different places equal prices and the same measures: The Imperial Majesty's Edict of June 12, 1705]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii.* 1. 2059.
24. Russian Empire. (1683) O prodazhe v gorodakh vina po ukazannoy, a ne po vol'noy tsene: Imennoy ukaz ot 18 yanvarya 1683 goda [On the sale of wine in the cities at the specified, not at a free price: The Imperial Majesty's Edict of January 18, 1683]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy Imperii*. 1. 989.

Received: 10 September 2017

Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 237–246. DOI: 10.17223/15617793/425/32

УДК 342.2

Т.И. Ряховская

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРЯМОМ ДЕЙСТВИИ НОРМ ОСНОВНОГО ЗАКОНА В ЗАРУБЕЖНОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

Статья посвящена вопросам закрепления прямого действия норм Конституции. Проведен сравнительно-правовой анализ отечественного и зарубежного опыта, а также выделены основные тенденции понимания непосредственного действия конституционных норм, сложившиеся в советский период и при обсуждении проектов Конституции Российской Федерации. На основе указанного исследователем выработан собственный подход к современной трактовке терминологического оборота «прямое действие Конституции Российской Федерации» и уточнены его компоненты.

Ключевые слова: прямое действие конституции; нормы Конституции РФ; Конституция РФ; конституции зарубежных стран; непосредственное действие Конституции РФ.

В современных реалиях, когда Россия стремится к построению правового государства и развитого гражданского общества, теоретико-методологические основы прямого действия Конституции требуют научного обоснования, впрочем, как и само воплощение этого феномена в процессе правовой деятельности. Цель данного исследования – основываясь на предыдущих достижениях юриспруденции выработать авторский подход к современной трактовке терминологического оборота «прямое действие Конституции Российской Федерации», уточнить его компоненты, что представляется объективно необходимым в связи с отсутствием его окончательной легальной интерпретации.

При обращении к опыту других государств было обнаружено, что в конституциях зарубежных стран, как правило, формула «прямое действие конституции» не обозначается. Однако, скажем, в США благодаря сложившейся судебной практике Конституция 1787 г. является главным «мерилом» в разрешении споров. Это можно продемонстрировать на примере одного из решений Верховного Суда США, в котором говорится: «Если суды принимают во внимание конституцию и конституция обладает верховенством по отношению к какому-либо акту законодательного органа, то конституция (а не обычный акт) должна применяться в деле, к которому применимы оба акта – и конституция, и обычный акт. Те, кто оспаривают принцип, по которому конституция должна рассматриваться в суде как высший закон, должны признать, что суды должны закрывать глаза на конституцию и видеть только закон. Такая доктрина подрывает сами основы всех писаных конституций» [1. С. 103]. И хотя данная иллюстрация показывает лишь одну из составляющих прямого действия Конституции – ее прямое применение судами, предложенный фрагмент решения говорит о том, что в США специфика действия конституционных норм стала признаваться значительно раньше, чем в отечественной государственно-правовой доктрине.

Е.В. Гриценко справедливо обращает внимание на то, что «в отличие от американской Конституции, прямое действие канадской Конституции, имеющей некодифицированный характер, гарантируется в тексте Хартии прав и свобод Конституционного акта Канады 1982 г., прежде всего через провозглашение прямого применения конституционных прав и свобод» [2. С. 6]. Однако, по нашему мнению, это не указывает на прямое действие самих конституционно-правовых норм.

По меткому замечанию И.А. Кравца, «концепция прямого действия конституции особенно актуальна для постсоциалистических государств, в которых длительное время конституционные нормы не играли роли реальных правовых регуляторов». Например, конституции Украины, Таджикистана, Казахстана и некоторых других стран содержат в своих текстах различные формулировки о непосредственном действии конституционных норм [3. С. 350–351]. Обращаясь же к конституционно-правовому тексту Литовской Республики, можно обнаружить в ст. 6 следующее: «Конституция является целостным и непосредственно применяемым актом» [4], а Конституция Республики Болгарии от 12 июля 1991 г. указывает в ст. 5: «Конституция – высший закон, и другие законы не могут ей противоречить. Предписания Конституции имеют непосредственное действие» [5]. Вместе с тем опять обращает на себя внимание, что прямое действие Конституции, несмотря на возможность предположения, что оно подразумевается, все же не оказалось закреплено.

Здесь важно подчеркнуть, что Основные законы постсоциалистических государств были приняты после распада Советского Союза и создавались под влиянием конституционно-правовой доктрины России, провозглашавшей реальность прав и свобод человека и гражданина, а также начало строительства правового государства. Это является весьма логичным в силу изменяющейся общественно-политической обстановки, а также обнародования Всеобщей декларации прав человека 1948 г. отечественным государством в конце 80-х – начале 90-х гг.

Вместе с тем конституционная новация «прямое действие» основана на опыте конституционного регулирования других государств, что отмечает А.Н. Кокотов, приводя в качестве примера Основной закон Федеративной республики Германии 1949 г., который закрепляет: основные права обязательны для законодательной, исполнительной власти и правосудия как непосредственно действующее право [6. С. 59].

В этом контексте обратим внимание на мнение К. Хессе, высказанное применительно к Основному закону ФРГ (1949 г.): «Причина несовершенства Конституции заключается в недостаточности только одного конституционно-правового урегулирования. Конституция не кодифицирует, а только регулирует,

часто больше догматично и только в общих чертах, то, что кажется важным и требующим определения. Все остальное или обусловлено уже заранее, или должно обрести форму и быть конкретизировано при помощи прочих средств правового порядка. Поэтому Конституция с самого начала не претендует на завершенность или, более того, на системную законченность». По его мнению, Конституция порождает действия, составляющие ее функции в жизни общества, независимо от «открытости» или «закрытости» (завершенности) ее предписаний [7. С. 31–46].

В практике Конституционный суда Австрии неоднократно подтверждалась неотчуждаемость сущностного содержания – ядра основного права, что уточняет Е.В. Гриценко, подводя итог следующим решением Конституционного суда Австрии: «Законы противоречат основному праву, если они вторгаются в его существо, особенно когда такое вторжение равносильно отмене права. Функция основных прав состоит в установлении ориентиров для текущего законодателя» [2. С. 10–11].

Таким образом, в результате анализа Конституций зарубежных государств было выявлено отсутствие легального и четкого закрепления их прямого действия, что обусловлено не только различиями в правовых системах, но и в формах правления, действующих на момент принятия конституций, а также условий жизни самого общества и политических режимах. Полагаем, чтобы закрепить «прямое действие Конституции» не только доктрине, но и практике необходимо было накопить определенный опыт.

Ранее действовавшим отечественным конституциям (в частности, Конституции РСФСР 1918 г., Конституции СССР 1924, 1936, 1977 гг. и соответствующим им Конституциям РСФСР 1925, 1937, 1978 гг.) конструкция «прямое действие» была неизвестна, а следовательно, отсутствовала и практика прямого применения норм Основного закона.

Одной из главных причин вышеуказанного положения дел является отсутствие обоснования идеи о необходимости существования самой конституции, что подтверждается следующим: вопросы, рассматривающие термин «конституция» в общем смысле, начинают подниматься отечественными государствоведами только в начале XX в. До этого периода российских и зарубежных юристов интересовали вопросы, связанные с определением понятия «закон», соотношением закона и права [8, 9], верховенством права [10]. Более активные размышления о термине «конституция» появляются в начале XX в. в трудах Ф. Лассаля, А.И. Елистратова, А. Джевелегова, П.И. Стучки, Н.И. Лазаревского и др.

Объяснение указанному феномену дал Б.Н. Чичерин, выделивший причины возбуждения конституционного вопроса:

1) дворяне, лишившись крепостного права, думали этим путем сохранить обломки своих утраченных преимуществ и связать настоящее с прошедшим;

2) либералы желали воспользоваться этим случаем, чтобы с помощью возбужденных страстей провести конституционные идеи;

3) наличие конституций в соседних государствах, с которыми России приходилось сотрудничать [11. С. 4–8].

Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье видели, по справедливому мнению Н.В. Витрука [12. С. 5], сущность конституции в общественном договоре, на основе которого утверждались естественные права человека, народный суверенитет, принцип разделения государственной власти на ветви власти в организации и функционировании органов власти и т.д.

И хотя термин «конституция» (вошедший во всеобщее употребление с XVIII в.) рассматривался учеными и ранее, это существлялось не в правовом смысле, а в смысле государственного устройства, о чем пишет Георг Еллинек [13. С. 6].

Позже при изучении термина «конституция» мнения большинства правоведов сходились в следующем: он соответствует смыслу выражения «основной закон» [14. С. 302–303; 15. С. 192–195], согласно которому организуется управление государством и регулируются отношения в обществе. Были, безусловно, и иные позиции, где основной акцент делался на классовой сущности конституции и тезисе «конституция – соотношение сил в классовой борьбе» [16. С. 16; 17. С. 81], однако в рамках данного исследования подобный подход к рассматриваемому термину не пригоден.

Вторая причина неизвестности отечественной науке «прямого действия» конституции кроется в отсутствии длительное время специализированного органа конституционного контроля, благодаря деятельности которого положения Основного закона находили бы полноценную охрану и защиту.

Третья причина – чрезмерное ведомственное нормотворчество, которое приводило к обесцениванию конституционных норм и нарушению иерархии построения всей системы источников конституционного права, ослаблению авторитета Основного закона.

Как результат, господство получает постулат о том, что отечественные конституции не являлись регуляторами общественных отношений в силу абстрактности своих норм. Однако следует обратить внимание на предпринятую попытку сделать нормы Конституции СССР 1977 г. реальными, прямодействующими. Так, в ст. 58 Основного закона СССР 1977 г. речь шла о праве граждан на обжалование действий должностных лиц, если эти действия совершены с нарушением закона и причиняют им ущерб. С одной стороны, факт закрепления такой нормы – уже достижение, с другой – в статье говорилось о необходимости опираться на установленный законом порядок, но последний был принят по истечении примерно десяти лет, и в его рамках допускалось обжалование только незаконных решений должностных лиц, которые были вынесены единолично [18. С. 98]. Таким образом, реального правового механизма обеспечения прямого действия Конституции так и не сложилось, несмотря на формальную схожесть с современным подходом.

Известно, что нормы Конституции устанавливают основы государственной и общественной жизни. В дальнейшем некоторые предписания Основного закона могут быть конкретизированы в текущем законодательстве. Вместе с тем, во-первых, не все они нуждаются в подобной детализации; во-вторых, несмотря на необходимость раскрытия их «потенциала» посредством конкретизации, у субъектов права есть возмож-

ность напрямую сослаться на статью Основного закона. И хотя, как уже было проиллюстрировано, отечественной практикой ранее прямое действие формально закреплялось, в науке Советского государства и права последовательно изучалось правило непосредственного действия конституционно-право-вых норм.

Можно выделить три основные тенденции понимания непосредственного действия конституционных норм, сложившихся в советский период:

1) в силу того что нормы Конституции абстрактны, политизированы, они не могут порождать каких-либо правовых отношений, следовательно, не могут применяться непосредственно;

2) так как нормы Конституции обладают высшей юридической силой, а конкретизация – лишь способ наиболее полной реализации конституционных предписаний, нормы Основного закона действуют непосредственно;

3) конституционные нормы могут соединять в себе непосредственную и опосредованную формы действия (как следствие этой идеи были предприняты попытки классификации конституционных норм в зависимости от необходимости их конкретизации текущим законодательством).

В связи с этим обращает на себя внимание эволюционность развития представлений о прямом действии Конституции: от отрицания его как такового до концепции непосредственного и опосредованного действий.

Рассматривая более подробно каждое из направлений исследований, отметим: первое утверждало идею о том, будто нормы Конституции не могут быть применены непосредственно и не порождают каких-либо конкретных правоотношений. К сторонникам данной позиции относится Н.П. Томашевский, приводящий в качестве примера положения ст. 4 Конституции СССР 1936 г.: «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком». Он отмечал, что эти постулаты хотя и имеют огромное политическое значение, но не предназначены для непосредственного применения к каким-либо конкретным случаям и не порождают каких-либо конкретных правоотношений между определенными лицами (в отличие от обычных норм права) [19. С. 199].

Р.Х. Вильданов имел схожие мысли о нормах Конституции, утверждая следующее: нормы Конституции слишком широки, а потому не могут начать непосредственно действовать, не нуждаясь в детально разработанных законах и административных актах. Он указывал на сферу распределения конституционных положений, которая, на его взгляд, касается общих задач и широких сфер действия, и лишь самое незначительное их меньшинство могло бы действовать без специальных законов и распоряжений. Однако ученый не отрицал их огромной юридической силы, ибо главную цель конституционных предписаний он усматривал в создании легальной основы нового правопорядка, в связи с чем нормы не оставались лишь голыми «программами» будущих реформ [20. С. 77].

Исходя из изложенных тезисов, представляется возможным обратить внимание на следующее: учеными подчеркивалась мысль о «широте» конституционных установлений, однако, по нашему мнению, они рассматривали конституционные нормы в отрыве от возможного возникновения на их основании правоотношений, что ставит под сомнение нормативность конституционных предписаний.

Второе направление сводилось к абсолютно противоположному утверждению (по сравнению с первым): непосредственное действие всех конституционных норм без исключений. Данную идею позиционировал в своих трудах Ю.П. Еременко, указывающий, что Конституция во всех случаях является актом непосредственного действия. В соответствии со ст. 173 Основного закона СССР 1977 г. все без исключения конституционные нормы обладают наивысшей юридической силой и потому имеют приоритет в своем применении по отношению к нормам текущего законодательства. Рассматриваемое им действие конституционных норм проявлялось и в случае их совместного применения с нормами текущего законодательства [21. С. 112–113].

В.А. Ржевский поддерживал эту же позицию, дополнительно утверждая не описательность (дефинитивность) конституционно-правовых норм, а оказываемое ими непосредственное регулирующее воздействие на общественные отношения, которое выражается в прямом регулировании поведения людей, минуя правоотношения (например, вне правоотношений могут быть реализованы нормы, определяющие компетенцию тех или иных организаций, органов государства; нормы, выражающие юридические гарантии – право союзных республик на свободный выход из состава Союза ССР, порядок разрешения разногласий между палатами Верховного Совета СССР и т.п.). Также, по мнению государствоведа, отсутствовали основания отрицать непосредственный характер предписаний общих конституционных норм независимо от реализации последних в правоотношениях или вне их. Это можно проследить на следующих практических иллюстрациях: 1) осуществление правового статуса граждан обеспечивается непосредственным закреплением основных прав и обязанностей в конституции; 2) осуществление компетенции зачастую происходит до стадии возникновения правоотношений либо вообще не требует, чтобы государственные органы вступали в юридические отношения с другими субъектами [22. С. 27–28].

Ученый С.Л. Зивс в период существования Конституции СССР 1977 г. предлагал для обоснования тезиса о непосредственном действии конституционных положений начать с обратного, прибегнув к возможным контраргументам. С этой целью использовались следующие утверждения: во-первых, в конституционных нормах не всегда содержатся адресованные определенным субъектам требования; во-вторых, сама конституция не определяет мер, предотвращающих нарушение ее положений; в-третьих, правовые гарантии охраны конституционных положений установлены нередко не самой конституцией, а закрепля-

ются в нормах текущего законодательства. Очевидно, что для реализации конституционных положений требуется весьма сложная совокупность опосредствующих нормативных предписаний, отмечал ученый, но это обстоятельство никак нельзя рассматривать как отрицание непосредственного действия конституционной нормы. И здесь Зивс приводит интересную иллюстрацию: порядок реализации конституционных гарантий правосудия детализируется нормами процессуального права. В частности, осуществление права обвиняемого на защиту обеспечивается целой системой процессуальных средств. Вместе с тем нарушение любого из конкретных процессуальных предписаний, относящихся к праву обвиняемого на защиту, есть нарушение именно конституционной гарантии гражданина, наносящее урон конституционному облику правосудия. В этом он усматривал безусловную категоричность конституционных предписаний, возвышенный пафос действия конституционных гарантий, воспринимаемых сознанием граждан как незыблемые выражения общенародной воли [23. С. 73–79].

Помимо проблем научного обоснования непосредственного действия конституционно-правовых норм существовали еще и трудности при непосредственном применении Конституции СССР 1977 г., о чем также писал С.Л. Зивс, отмечая особенности судебной и административной практики: фактически применялось конституционное положение, однако в качестве правового обоснования конкретного решения использовалась опосредующая норма права. При этом ученый приводил характерные примеры: при отмене приговора ввиду нарушения конституционного права на защиту нередко делается ссылка не на статьи Конституции, а на производные нормы Уголовно-процес-суального кодекса; Пленум Верховного суда СССР в своих руководящих разъяснениях [24. С. 279] в ряде случаев указывал на недопустимость несоблюдения конституционных положений, но это имело место далеко не во всех ситуациях, когда в действительности речь шла о реализации конституционных норм [25. С. 15]. Зивс справедливо говорил: подобное отношение к конституционным нормам подрывало уверенность граждан в том, что любая конституционная норма действует реально и действует непосредственно, а опосредующие нормы не воспринимались в таких случаях как вспомогательные средства реализации конституционного веления [23. С. 75–79]. По нашему мнению, в государстве, где основным законом является конституция, подобное отношение к ней недопустимо. Мало создавать авторитет конституционных норм на словах, необходимо обеспечивать их реализацию.

Б.Н. Топорнин, анализируя развитие и конкретизацию конституционных положений в текущем законодательстве, полагал, будто оно (развитие) имеет первостепенное значение для реализации конституции, ибо без этого действие некоторых ее статей может быть неполным и малоэффективным. Однако, с его точки зрения, непосредственное действие конституции не нуждается в особом доказательстве. Как закон, причем высший, основной закон, конституция (об этом, на его взгляд, говорит пример Конституции СССР 1977 г., конституций союзных и автономных республик 1978 г.) вступает в силу после ее утверждения, в соответствии с существующим порядком, в полном объеме без каких-либо ограничений. Все положения конституции обладают одинаковой юридической силой, и было бы необоснованно проводить между ними по этому признаку какие-либо различия. Все конституционные нормы – без каких-либо изъятий – действуют непосредственно [26. С. 7–8]. Следовательно, они могут быть непосредственно, прямо реализованы.

По мнению Н.А. Бобровой, необходимость конкретизации норм Основного закона не является поводом к отрицанию их непосредственного действия [27. С. 134]. И действительно, учитывая, что Конституция является ядром действующего законодательства, его основой, конкретизация в связи с этим выглядит как само собой разумеющееся явление, не отрицающее приоритета конституционных норм.

Опираясь на вышеизложенные идеи, обратим внимание на следующее: вторая точка зрения находила в науке государственного права больше поддержки, нежели первая. Однако исследование окажется неполным, если не упомянуть третье направление юридической мысли, согласно которому Конституция имеет непосредственное действие, но не все нормы могут быть непосредственно реализованы.

Так, например, заслуживает интереса классификация конституционных норм, предложенная И.Е. Фарбером, основанием для которой является их связь с правоотношениями:

1) общие нормы, которые не формулируют прав и обязанностей участников правоотношений, они формулируют нормы-принципы, исторические справки, определенные задачи. Эти нормы с точки зрения их правового значения служат политико-правовой базой для текущего законодательства и всей правоприменительной деятельности государства;

2) частные нормы, которые формулируют права и обязанности возможных участников правоотношений и служат непосредственно или с помощью норм других отраслей права предпосылкой правоотношений.

По мнению правоведа, такого рода классификация конституционных норм позволяет расчленить их юридические свойства, более точно определить их структуру [28. С. 45–75]. То есть, по идее, в данном контексте возможно говорить о непосредственном и опосредованном конституционно-правовом регулировании, а также о непосредственном и опосредованном действии конституционных норм.

М.А. Шафир писал, что не все конституционные нормы могут служить прямым основанием для решения ряда конкретных дел и их реализация связана с принятием соответствующего текущего законодательства, хотя, в целом, непосредственность действия конституционных норм им признавалась [29. С. 13].

Н.А. Боброва и Т.Я. Насырова пытались ответить на вопрос: если конституция обычно реализуется через конкретизирующие нормативно-правовые акты, то может ли она реализоваться непосредственно и когда именно? Они обнаружили, что все нормы конституции являются непосредственно действующими. Но в одном случае они действуют вместе с иными нормами, а в другом, ввиду отсутствия таковых, – отдельно,

причем это правило, по их идее, имеет значение не только для норм общерегулятивного характера и непосредственно регулирующего действия, но и для положений раздела Конституции, содержащего нормы-принципы, нормы-цели, пронизывающие все иные конституционные нормы и текущее законодательство, служащие политико-правовым ориентиром при их толковании в правотворчестве и правоприменении. В случаях же опосредствующей правоприменительной деятельности конституционные нормы непосредственно не применяются, т.е. на них нет прямых ссылок в индивидуальных правоприменительных актах и они не рассматриваются в качестве нормативного основания для решения конкретных жизненных ситуаций, например, при реализации права на труд, отдых и т.д. [30. С. 50–60].

В.А. Федосова указывала на абстрактность конституционных норм, и как следствие этого, по ее мнению, наряду с непосредственным действием конституционных предписаний их реализация в ряде случаев осуществляется через систему опосредующих эти нормы правовых звеньев. Следовательно, разновидности органических законов и подзаконных актов советского государственного права были призваны развивать, конкретизировать конституционные нормы и обеспечивать их точное и повсеместное исполнение, т.е. выполнять функцию непосредственного регулирования общественных отношений [31. С. 15]. Иначе говоря, исходя из изложенной идеи, законы должны быть «реализаторами» конституционных норм.

В развитие этой позиции, представляется возможным обратить внимание на труды Ю.А. Тихомирова, который в своих исследованиях (до появления Конституции Российской Федерации) рассматривает те виды правовой связи с другими правовыми актами, которые чаще всего использует Конституция. Например, «в соответствии с законом», «в порядке, установленном законом», «в случаях, предусмотренных законодательством», «определяются законодательством» и т.п. Таким образом, очевидно, что применяются разные формулы соподчиненности Конституции и законов, и одновременно конституционные нормы становятся как бы составной частью этих актов. Применяются различные формы реализации конституционных положений. Причем то или иное воспроизведение норм Конституции допустимо, очевидно, только в нормах законов, а не других актов. Возможны его разные варианты: полное воспроизведение нормы конституции в соответствующей норме закона, воспроизведение нормы и вместе с тем дополнение, разделение конституционной нормы на составные части и их детальная конкретизация в виде самостоятельных норм законов, воспроизведение в измененном виде ряда конституционных норм в одной норме текущего закона. Ученый резюмирует: «Исходя из признания конституции как акта непосредственного действия, можно согласиться с возможностью ее применения и в тех случаях, когда отсутствует закон, призванный конкретизировать норму конституции, а также для толкования норм текущего законодательства, мотивировки и обоснования актов применения права» [32. С. 81–86]. Полагаем, «непосредственное действие» в данном контексте близко современному понятию «прямое действие».

Таким образом, в рамках данного подхода представляется возможным обратить внимание на предпринятую учеными попытку выделения непосредственного и опосредованного действий конституционных норм.

Кроме обозначенных идей, интересной представляется классификация норм Конституции СССР 1977 г. по признаку полноты воздействия на общественные отношения, предложенная А.И. Кимом: 1) те, которые воздействуют на общественные отношения исчерпывающим образом и для достижения необходимого социального эффекта не нуждаются в текущем законодательстве; 2) те, которые, также действуя непосредственно, тем не менее, допускают конкретизацию в актах текущего законодательства; 3) те, которые для полного раскрытия и наиболее эффективного применения их к конкретным отношениям непременно нуждаются в текущем законодательстве [33. С. 3–4]. Приведенная классификация норм Основного закона примечательна тем, что является нетрадиционной, ее автором рассматриваются не два возможных пути действия Конституции – непосредственный и опосредованный, а три, которые можно было бы обозначить как непосредственный, условно непосредственный и опосредованный.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что советские основные законы фактически не имели прямого действия. Но, несмотря на некоторые трудности, именно в тот период берет свое начало доктринальное развитие этого свойства. И к концу 80-х – началу 90-х гг. четче высказываются идеи о возможности прямо ссылаться на нормы Конституции. Указанные тенденции связаны с утверждением в нашей стране доктрины правового государства, в условиях которого всеобъемлющий характер правового регулирования должен опираться в первую очередь на принцип конституционализма, предполагающий реальное верховенство Конституции по отношению ко всем иным нормативным актам государства, функционирование всех государственно-политических институтов в соответствии с Конституцией. Для достижения этого результата в иерархии нормативных актов Конституции как Основному закону готовилось главенствующее место, законы должны были стать в максимальной степени нормами прямого действия, а число подзаконных, административных актов должно было сократиться, должен был сложиться реальный механизм проверки соответствия законов и иных нормативных актов Конституции и отмены их в случае признания неконституционными [34. С. 284]. В реальности, как в советский период, так и в современный, необходимо принять массу подзаконных актов, дабы сделать действующим хотя бы один закон.

В конце 1989 г. академик А.Д. Сахаров представил свой проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии [35]. В его ст. 5 предусматривалось не только прямое действие норм Конституции, но и прямое действие международных норм, на что указывает в своем докладе С.Н. Станских [36. С. 133]. Однако закрепление прямого действия федеральной Конституции в законодательстве пришлось только на 1991 г.

Примечательно, что при обсуждении проекта Основного закона 12 июля 1990 г. на втором заседании рабочей группы Конституционной комиссии все выступавшие были едины во мнении: новая Конституция не должна быть ни политической декларацией, ни сводом основных принципов законодательства. Конституция должна быть, прежде всего, исключительно правовым документом, причем документом, в существенных своих частях являющимся законом прямого действия, источником непосредственно действующего права, вплоть до того, что по некоторым делам судебные решения должны применяться непосредственно на основе статей Конституции [37. С. 83]. Полагаем, основной целью закрепления прямого действия Конституции была необходимость сделать ее реально работающим актом. При этом ликвидировав необоснованно разросшееся ведомственное нормотворчество наиболее полно, тем самым обеспечив права и свободы человека и гражданина.

Так, в проекте Конституции, представленном Конституционной комиссией 06.06.1990 г., в ч. 2 ст. 3 нашло свое отражение следующее: «Конституция имеет прямое действие и подлежит применению на территории всей Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, противоречащие Конституции Российской Федерации, не имеют юридической силы» [38. С. 497–498]. В.Д. Зорькин предлагал под прямым действием конституции понимать следующее: «Даже в том случае, если закон есть, гражданин, пришедший в суд, имеет полное право ссылаться непосредственно на текст конституции. Все остальное, звучащее в суде, будет подзаконно этой статье, оно должно будет подпадать под эту статью. Если оно с ней расходится, оно не будет принято к действию» [37. С. 398]. То есть основная суть понимания «прямого действия» сводилась, в первую очередь, к возможности граждан и судов реализовывать конституцию непосредственно.

Однако не все были столь воодушевлены этой идеей. Например, Н.В. Федоров и В.Е. Гулиев высказывали некоторые возражения. По их мнению, заявленный принцип ничем «не отоварен». А из-за декларативности и ненормативности большинства статей их текстом не могут руководствоваться суды и другие правоприменяющие органы. К тому же в 136 статьях Конституции, претендующей на «прямое действие», содержится около сотни отсылок к соответствующим федеральным законам [39. С. 905]. В связи с этим возникает вопрос: если указывается, что положения Конституции ненормативны, какой смысл принятия этого акта?

В.А. Кикоть пояснял: непонимание может вызвать положение о том, что конституция имеет прямое действие, так как всегда у нас к основному закону относились как к пропагандистской декларации и никакой суд не принял бы к рассмотрению иск, юридическим основанием для которого послужила бы та или иная статья конституции. Но эта практика должна быть изменена [39. С. 756].

Обозначенный ранее проект Конституционной комиссии многократно перерабатывался. И указанная статья (ч. 2 ст. 3) [40] подвергалась регулярному переосмыслению, хотя и не изменила своего положения, сохранив первоначальные нормы и закрепив прямое действие Конституции РФ.

В проекте Конституции, представленном Б.Н. Ельциным, в ст. 65 было сказано: «Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, а ее нормы – прямое действие в Российской Федерации» [38. С. 27–28].

Однако данное установление опять же получило критические оценки в размышлениях некоторых ученых. С. Шаталин, В. Никонов находили верным, что Конституция объявлена документом прямого действия. Но в то же время обнаруживали: суды сойдут с ума, если попытаются выносить вердикты на основе очень многих статей предложенной Конституции. Они приводили весьма конкретные примеры: в ст. 44 записано, что «пенсии, социальные пособия, социальная помощь в соответствии с экономическими возможностями общества должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума». Чем руководствоваться суду: «экономическими возможностями общества» или «прожиточным минимумом», которые вполне могут не совпадать [41. С. 1069]?

По поводу необходимости письменного закрепления прямого действия Конституции РФ непосредственно в тексте Основного закона на заседаниях Конституционного совещания шли длительные дискуссии.

Например, в своих выступлениях Ю.И. Великосельский подчеркивал: «Мне бы хотелось, чтобы мы понимали, что создается закон прямого действия. Вся наша законодательная база будет соизмеряться с основным законом» [42. С. 177]. Г.В. Старовойтова говорила, что Конституция не может быть основным законом непосредственного действия, так как на самом деле каждая статья Конституции развивается и дополняется в «прикладном законодательстве», и ни один суд, по ее мнению, не примет ходатайство, если субъект будет ссылаться просто на статью Конституции [43. С. 297]. Однако А.А. Собчак возражал: «Непосредственное действие конституционной нормы не означает, что она не может быть развита в других законодательных актах – это юридическая истина» [Там же. С. 299].

И по состоянию на 12 июля 1993 г. положение о том, что Конституция имеет прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, перешло в ч. 1 ст. 15 [44. С. 364], что имеет принципиальное значение: статья вошла в главу Конституции «Основы конституционного строя», закрепившись там как один из основополагающих принципов нашего государства. Вместе с тем, исходя из анализа стенограмм Конституционного совещания, все же невозможно понять, что закладывалось создателями Основного закона в термин «прямое действие». Приведенные дискуссии, мнения, с нашей точки зрения, показывают, что участники «совещания» сами смутно понимали, какую смысловую нагрузку несет положение о прямом действии норм Конституции.

Однако закрепление прямого действия Конституции нашло одобрение среди зарубежных юристов. Так, в экспертизе Венецианской Комиссии Совета Европы указывалось: «Принципиальных возражений не вызва-

ли положения главы 1 проекта Конституции Российской Федерации “Основы конституционного строя”, в которой закреплены основные принципы конституционного строя новой России, переходящей от тоталитарной системы к свободному гражданскому обществу, правовому государству, основными ценностями которых являются человек, уважение прав и свобод человека, плюралистическая демократия, суверенитет народа, господство права, верховенство конституции, приоритет международного права и др.».

Большим достижением последующих проектов по сравнению с первоначальным, представленным Президентом Российской Федерации, профессор З. Кедзя считает появление положения о прямом действии Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 15)» [45. С. 84].

Позднее, после принятия Конституции, И.В. Котелевская и Ю.А. Тихомиров отмечали: хорошо звучит идея прямого действия Основного закона. Вместе с тем это значит: непослушание Конституции – самое тяжкое правонарушение, так как охрана Конституции является обязанностью не только Конституционного Суда, но и всеобщей заботой [46. С. 21].

В итоге в действующей Конституции Российской Федерации 1993 г. в ч. 1 ст. 15 закреплено, что она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [47].

Очевидно, науке пришлось проделать долгий и непростой путь, прежде чем «прямое действие» оказалось закреплено в Основном законе Российской Федерации 1993 г. и воспринято практикой.

Хотя, с точки зрения современного уровня юридического знания, теория советской социалистической конституции, по мнению Г.М. Сальникова, во многом оправдывала декларативность конституционных положений с помощью выделения двух уровней правоотношений – общих и конкретных. Именно поэтому историческое значение закрепления прямого действия Конституции РФ в современном конституционном праве России заключается в том, что оно направлено на изживание советской и российской (начала XX в.) традиции неприменения конституционных норм. Прямое действие Конституции было призвано ликвидировать в первую очередь разрыв между конституционными нормами и государственной деятельностью по их применению [48. С. 233].

Однако нельзя отрицать интересный факт: нормы Союзной Конституции как Основного закона СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. в науке рассматривались (например, А.Б. Венгеровым, С.Л. Зивсом, Б.Н. Топорниным, Ю.А. Тихомировым и др.) как непосредственно действующие [49. С. 5–11], несмотря на их «общий характер».

В Законе РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР» в преамбуле нашло свое отражение следующее: «Обеспечение верховенства Конституции РСФСР и ее непосредственного действия на всей территории РСФСР является неотъемлемой чертой демократического правового государства Российской Федерации» [50] – это произошло впервые в отечественной конституционно-правовой доктрине и являлось предшественником современного «прямого действия», как справедливо отмечает С.Н. Станских [36. С. 133].

В то же время прямое действие Конституции РФ и непосредственное действие конституционно-правовых норм конституций СССР и РСФСР не являются синонимами, так как советские юристы в непосредственное действие вкладывали идею, прежде всего, о непосредственном применении судами конституционно-правовых норм.

Резюмируя вышеизложенное, полагаем, что:

1) наукой советского государственного права, несмотря на отсутствие соответствующих конституционных формул, была подготовлена солидная теоретическая база для понимания конструкции прямого действия Конституции России;

2) этот материал оказался востребованным при разработке новой конституции демократической России, что находит подтверждение в материалах Конституционной комиссии и Конституционного совещания;

3) обусловлено это тем, что Конституция 1993 г. задумывалась, в отличие от конституций советского периода, как «работающая», реально действующая. В данном контексте без конструкции «прямое действие» невозможно было обойтись, так как именно она является юридической гарантией реальности Конституции.

Вышесказанное определяет закономерность идеи о необходимости закрепления прямого действия Конституции в рамках ее планомерного эволюционного развития, от полного отрицания до закрепления этой формулировки, которая, по мнению создателей Конституции России 1993 г., могла бы изменить отечественную правовую действительность и обеспечить реальность норм Основного закона.

Современное же прямое действие Конституции Российской Федерации – это юридическое свойство норм Основного закона, имеющее легальный характер, выражающее правило действия и реализации норм Конституции независимо от наличия конкретизирующих их нормативно-правовых актов. Категория «прямое действие» включает в себя: во-первых, действие норм Конституции во времени, в пространстве, по кругу лиц; во-вторых, использование, соблюдение, исполнение, применение норм Конституции РФ; в-третьих, ориентирование и требование к органом государственной власти и местного самоуправления к прямому применению норм Конституции.

Рассматриваемое прямое действие Конституции РФ, с одной стороны, является основополагающим – обеспечивающим своим наличием возможность приобретения конституционно-правовыми предписаниями реальности, с другой – обусловлено ее юридическими свойствами – верховенством и высшей юридической силой, что позволяет говорить о нем как о производном от последних. В то же время данное свойство ничем не ограничено, т.е. даже если необходима конкретизация норм Основного закона, это не является его исключением, так как сама конкретизация создается на основе конституционно-правовых предписаний и лишь развивает их с целью наиболее полной реализации, а не устанавливает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский союз, Соединенные Штаты Америки, Япония, Индия : учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2006. 608 с.
2. Гриценко Е.В. Формирование доктрины прямого действия Конституции в Российском конституционном праве // Государство и право. 2015. № 6. С. 5–18.
3. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб. : Изд-во Р. Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. 675 с.
4. Конституция Литовской Республики, принятая гражданами путем референдума 25 октября 1992 г. URL: http://worldconstitutions.ru/?p=115
5. Конституция Республики Болгарии от 12 июля 1991 г. URL: http://worldconstitutions.ru/?p=1206
6. Кокотов А.Н. Прямое (непосредственное) действие Конституции Российской Федерации // Вестник Уставного суда Свердловской области. 2009. № 1 (10). С. 59–65.
7. Хессе Конрад. Основы конституционного права ФРГ. М. : Юрид. лит., 1981. 368 с.
8. Залеский В.Ф. Власть и право: Философия объективного права. Казань : Тип. Б.Л. Домбровского, 1897. 297 с.
9. Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1894. 408 с.
10. Дайси А.В. Основы государственного права Англии. Введение в изучение английской конституции / пер., доп. по 6-му англ. изд. О.В. Полторацкой ; под ред. проф. П.Г. Виноградова. 2-е изд. М. : Типография Т-ва Сытина, 1907. 672 с.
11. Чичерин Б.Н. Конституционный вопрос в России. Рукопись. СПб. : Тип. Т-ва Печ. Станка, 1906. 34 с.
12. Витрук Н.В. Верность Конституции. М. : Изд-во РАП, 2008. 272 с.
13. Еллинек Г. Конституции, их история и значение в современном праве. СПб. : Голосъ, б.г. 48 с.
14. Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. I: Общее государственное право. М. : Типо-литография Выс. утв. Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К°, 1894. 484 с.
15. Рейснер М.А. Государство. Пособие к лекциям по общему учению о государстве. Ч. 3: Государственные форма. М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. 290 с.
16. Лассаль Ф. О сущности Конституции. Ростов н/Д : Издание «Донская Речь» Н. Парамонова, 1905. 74 с.
17. Стучка П.И. Учение о советском государстве и его конституции. 7-е изд. М. ; Л. : Государственное социально-экономическое общество, 1931. 288 с.
18. Гревцов Ю.И. Прямое действие Конституции? // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 94–99.
19. Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права: сб. статей / под ред. проф. С.Н. Братуся. М. : Госюриздат, 1960. С. 194–254.
20. Вильданов Р.Х. Конституции в политической системе буржуазного общества. Тенденции послевоенного конституционного развития в буржуазной Европе и борьба трудящихся. М. : Международные отношения, 1968. 200 с.
21. Еременко Ю.П. Советская конституция и законность / науч. ред. В.А. Ржевский. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 164 с.
22. Ржевский В.А. Особенности советских конституционных норм // Правоведение. 1977. № 6. С. 20–28.
23. Зивс С.Л. Источники права. М. : Наука, 1981. 240 с.
24. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 2 от 18 марта 1963 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. М. : Известия, 1974. С. 279.
25. Зивс С.Л. Конституция СССР в системе советского законодательства // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 11–17.
26. Топорнин Б.Н. Конституция СССР 1977 года – основной закон советского общенародного государства // Конституция СССР: проблемы государствоведения и советского строительства. М. : Изд-во Института государства и права АН СССР, 1980. С. 4–18.
27. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 164 с.
28. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. Саратов : Приволжск. книж. изд-во, 1967. Вып. 1. 319 с.
29. Шафир М.А. Механизм и основные сферы действия Советской конституции // Советское государство и право. 1979. № 10. С. 12–20.
30. Боброва Н.А., Насырова Т.Я. Непосредственное применение конституционных норм и перестройка конституционной теории и практики // Политико-правовые средства обеспечения перестройки / отв. ред. И.А. Тарханов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. С. 61–67.
31. Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 157 с.
32. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М. : Наука, 1982. 257 с.
33. Ким А.И. Конституционные нормы и их классификация // Актуальные проблемы государства и права в современный период / отв. ред. В.Ф. Волович. Томск : Изд-во Том ун-та, 1981. С. 3–4.
34. Социалистическое правовое государство: концепция и пути реализации. М. : Юрид. лит., 1990. 320 с.
35. Конституционные идеи Андрея Сахарова: сб. / под ред. Л.М. Баткина. URL: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/batkin-leonid-mihajlovich/konstitucionnie-idei-andreya-saharova-sbornik-pod-red-l-m-batkina/1
36. Станских С.Н. Утверждение принципа прямого действия Конституции в процессе конституционных перемен в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Стенограмма круглого стола «Прямое действие Конституции: 20 лет Российского опыта» (20–21 сентября 2013 г., г. Санкт-Петербург) / сост. С.А. Белов // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 108–199.
37. Из сообщения о втором заседании рабочей группы Конституционной Комиссии от 12 июля 1990 г. // Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2007. Т. 1: 1990 год. 936 с.
38. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1995. Т. 1. 599 с.
39. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2008. Т. 3: 1992 год. Книга третья : Строительство новой Федерации. С. 905.
40. Конституционный вестник. 1993. № 16. С. 9–64.
41. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.) : в 6 т. / под общ. ред. О.Г. Румянцева. М. : Волтерс Клувер, 2008. Т. 4: 1993 год. Книга вторая (май–июнь 1993 года). С. 1069.
42. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1995. Т. 2. 639 с.
43. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1995. Т. 3. 469 с.
44. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1996. Т. 17. 416 с.
45. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы / под общ. ред. С.А. Филатова, В.С. Черномырдина, С.М. Шахрая. М. : Юрид. лит., 1996. Справочный том. 104 с.
46. Котелевская И.В., Тихомиров Ю.А. Конституция и закон в нашей жизни. М. : Правление Общества «Знание», 1993. 48 с.
47. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. (№ 237).

48. Сальников Г.М. Прямое действие Конституции России: исторический аспект // Актуальные проблемы правовой науки : межвузов. сб. науч. тр. Вып. 4 / сост. и отв. ред. С.О. Шаляпин. Архангельск : Поморский гос ун-т. им. М.В. Ломоносова, 2006. С. 239–236.
49. Автономов А.С. Ценность Конституции // Государство и право. 2009. № 3. С. 5–11.
50. Закон РСФСР от 6 мая 1991 г. «О Конституционном Суде РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации от 9 мая 1991 г. № 19. Ст. 621.

Статья представлена научной редкацией «Право» 28 сентября 2017 г.

EVOLUTION OF IDEAS ABOUT THE DIRECT ACTION OF THE NORMS OF THE CONSTITUTION IN THE FOREIGN AND RUSSIAN LEGAL DOCTRINES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 425, 237–246.
DOI: 10.17223/15617793/425/32

Tatyana I. Ryakhovskaya, Siberian Institute of Management, Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: dnight@mail.ru; ryahovskaya.ti@gmail.com

Keywords: direct action of Constitution; Constitution of Russian Federation; constitutions of foreign countries; direct effect of Constitution of the Russian Federation.

The author carried out a comparative legal analysis of domestic and foreign experience and outlined the main trends in understanding the direct action of constitutional norms that emerged during the Soviet period and when discussing drafts of the Constitution of the Russian Federation. The aim of this study is to develop an original approach to a modern interpretation of the terminological phrase “direct action of the Constitution of the Russian Federation” based on previous achievements of law and clarify its components, which is reasonably required in connection with the absence of a final legal interpretation. The study is based on the theoretical and empirical material. In particular, the former is works by G. Jellinek, G. Kelsen, F. Lassalle, C. Hesse, A.B. Vengerov, Yu.P. Eremenko, S.L. Zivs, A.I. Kim, Yu.A. Tikhomirov, B.N. Topornin, I.E. Farber, N.A. Bobrova, N.V. Vitruk, Yu.I. Grevtsov, E.V. Gritsenko, I.A. Kravets, A.N. Kokotov, M.A. Mityukov, T.Ya. Khabrieva (Nasyrova) and others, as well as materials of the Constitutional Commission and the Constitutional Conference. The latter is the previous national Constitutions, the Constitution of the Russian Federation of 1993 and constitutions of foreign countries. The methodological basis of the research was dialectical, historical-legal and formal-legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the direct action of the Constitution of the Russian Federation in its formation and development. The use of historical-legal and formal-legal methods helped to substantiate the historical significance of consolidating the direct effect of the Constitution of the Russian Federation in the modern constitutional law of Russia as a characteristic feature of the rejection of the Soviet and Russian (early 20th century) traditions of non-application of constitutional norms. As a result, the author came to a conclusion that the science of Soviet state law, despite the absence of appropriate constitutional formulas, prepared a solid theoretical basis for understanding the design of the direct action of the Russian Constitution. This material proved to be in demand when developing a new constitution for democratic Russia, which is confirmed in the materials of the Constitutional Commission and the Constitutional Conference. It is due to the fact that the Constitution of 1993 was conceived, unlike the constitutions of the Soviet period, as “working”, really functioning. In this context, it was impossible to do without the design of “direct action”, because it is the legal guarantee of the reality of the Constitution. The foregoing determines the regularity of the idea of the need to consolidate the direct action of the Constitution within the framework of its planned evolutionary development that passed stages from complete denial to the consolidation of this formulation, which, according to the founders of the 1993 Constitution of Russia, could change the national legal reality and ensure the reality of the norms of the Basic Law.

REFERENCES

1. Maklakov, V.V. (2006) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Evropeyskiy soyuz, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya, Indiya* [The constitutions of foreign states: Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan, India]. Moscow: Volters Kluver.
2. Gritsenko, E.V. (2015) Formirovanie doktriny pryamogo deystviya Konstitutsii v Rossiyskom konstitutsionnom prave [Formation of the doctrine of the direct action of the Constitution in the Russian constitutional law]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 5–18.
3. Kravets, I.A. (2004) *Rossiyskiy konstitutsionalizm: Problemy stanovleniya, razvitiya i osushchestvleniya* [Russian constitutionalism: Problems of formation, development and implementation]. St. Petersburg: Izd-vo R. Arslanova “Yuridicheskiy tsentr Press”.
4. Worldconstitutions.ru. (1992) *Konstitutsiya Litovskoy Respubliki, prinyataya grazhdanami putem referenduma 25 oktyabrya 1992 g.* [Constitution of the Republic of Lithuania, adopted by citizens by referendum on October 25, 1992]. [Online] Available from: http://worldconstitutions.ru/?p=115.
5. Worldconstitutions.ru. (1991) *Konstitutsiya Respubliki Bolgarii ot 12 iyulya 1991 g.* [Constitution of the Republic of Bulgaria of July 12, 1991]. [Online] Available from: http://worldconstitutions.ru/?p=1206.
6. Kokotov, A.N. (2009) Pryamoe (neposredstvennoe) deystvie Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Direct action of the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Ustavnogo suda Sverdlovskoy oblasti*. 1 (10). pp. 59–65.
7. Hesse, C. (1981) *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [Fundamentals of the constitutional law of the Federal Republic of Germany]. Translated from German. Moscow: Yurid. lit.
8. Zaleskiy, V.F. (1897) *Vlast’ i pravo: Filosofiya ob”ektivnogo prava* [Power and Law: Philosophy of Objective Law]. Kazan: Tip. B.L. Dombrovskogo.
9. Korkunov, N.M. (1894) *Ukaz i zakon* [Decree and law]. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
10. Daisi, A.V. (1907) *Osnovy gosudarstvennogo prava Anglii. Vvedenie v izuchenie angliyskoy konstitutsii* [Foundations of Public Law in England. Introduction to the study of the English constitution]. Translated from English by O.V. Poltoratskaya. 2nd ed. Moscow: Tipografiya T-va Sytina.
11. Chicherin, B.N. (1906) *Konstitutsionnyy vopros v Rossii. Rukopis’* [The constitutional issue in Russia. Manuscript]. St. Petersburg: Tip. T-va Pech. Stanka.
12. Vitruk, N.V. (2008) *Vernost’ Konstitutsii* [Fidelity to the Constitution]. Moscow: Izd-vo RAP.
13. Jellinek, G. (n.d.) *Konstitutsii, ikh istoriya i znachenie v sovremennom prave* [Constitutions, their history and significance in modern law]. Translated from English. St. Petersburg: Golos”.
14. Chicherin, B. (1894) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The course of state science]. Part I. Moscow: Tipo-litografiya Vys. utv. T-va I.N. Kushnerev” i K°.
15. Reysner, M.A. (1911) *Gosudarstvo. Posobie k lektsiyam po obshchemu ucheniyu o gosudarstve* [The state. A manual for lectures on the general teaching about the state]. Part 3. Moscow: Tip. T-va I.D. Sytina.

16. Lassalle, F. (1905) *O sushchnosti Konstitutsii* [About the essence of the Constitution]. Rostov-on-Don: Izdanie "Donskaya Rech'" N. Paramonova.
17. Stuchka, P.I. (1931) *Uchenie o sovetskom gosudarstve i ego konstitutsii* [The doctrine of the Soviet state and its constitution]. 7th ed. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe obshchestvo.
18. Grevtsov, Yu.I. (1998) Pryamoe deystvie Konstitutsii? [Direct action of the Constitution?]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 6. pp. 94–99.
19. Tomashevskiy, N.P. (1960) O strukture pravovoy normy i klassifikatsii ee elementov [On the structure of the legal norm and the classification of its elements]. In: Bratus', S.N. (ed.) *Voprosy obshchey teorii sovetskogo prava* [Questions of the general theory of Soviet law]. Moscow: Gosyurizdat.
20. Vil'danov, R.Kh. (1968) *Konstitutsii v politicheskoy sisteme burzhuaznogo obshchestva. Tendentsii poslevoennogo konstitutsionnogo razvitiya v burzhuaznoy Evrope i bor'ba trudyashchikhsya* [Constitutions in the political system of bourgeois society. Tendencies of post-war constitutional development in bourgeois Europe and the struggle of the working people]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
21. Eremenko, Yu.P. (1982) *Sovetskaya konstitutsiya i zakonnost'* [Soviet Constitution and the rule of law]. Saratov: Saratov State University.
22. Rzhevskiy, V.A. (1977) Osobennosti sovetskikh konstitutsionnykh norm [Features of Soviet constitutional norms]. *Pravovedenie*. 6. pp. 20–28.
23. Zivs, S.L. (1981) *Istochniki prava* [Sources of law]. Moscow: Nauka.
24. Plenum of the Supreme Court of the USSR. (1974) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR № 2 ot 18 marta 1963 g. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 2 of March 18, 1963]. In: *Sbornik postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR. 1924–1973* [Collection of decisions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR. 1924–1973]. Moscow: Izvestiya.
25. Zivs, S.L. (1978) Konstitutsiya SSSR v sisteme sovetskogo zakonodatel'stva [Constitution of the USSR in the system of Soviet legislation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 11–17.
26. Topornin, B.N. (1980) Konstitutsiya SSSR 1977 goda – osnovnoy zakon sovetskogo obshchenarodnogo gosudarstva [The Constitution of the USSR of 1977 as the basic law of the Soviet national state]. In: Topornin, B.N. (ed.) *Konstitutsiya SSSR: problemy gosudarstvovedeniya i sovetskogo stroitel'stva* [The Constitution of the USSR: Problems of State Studies and Soviet Construction]. Moscow: Izd-vo Instituta gosudarstva i prava AN SSSR.
27. Bobrova, N.A. (1984) *Garantii realizatsii gosudarstvenno-pravovykh norm* [Guarantees of the implementation of state and legal norms]. Voronezh: Voronezh State University.
28. Farber, I.E. & Rzhevskiy, V.A. (1967) *Voprosy teorii sovetskogo konstitutsionnogo prava* [Issues of the theory of Soviet constitutional law]. Is. 1. Saratov: Privolzhsk. knizh. izd-vo.
29. Shafir, M.A. (1979) Mekhanizm i osnovnye sfery deystviya Sovetskoy konstitutsii [Mechanism and the main spheres of action of the Soviet Constitution]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 12–20.
30. Bobrova, N.A. & Nasyrova, T.Ya. (1990) Neposredstvennoe primenenie konstitutsionnykh norm i perestroyka konstitutsionnoy teorii i praktiki [Direct application of constitutional norms and the restructuring of constitutional theory and practice]. In: Tarkhanov, I.A. (ed.) *Politiko-pravovye sredstva obespecheniya perestroyki* [Political and legal means of ensuring perestroika]. Kazan: Kazan State University.
31. Fedosova, V.A. (1984) *Effektivnost' deystviya norm sovetskogo gosudarstvennogo prava* [Effectiveness of the norms of Soviet state law]. Voronezh: Voronezh State University.
32. Tikhomirov, Yu.A. (1982) *Teoriya zakona* [The theory of law]. Moscow: Nauka.
33. Kim, A.I. (1981) Konstitutsionnye normy i ikh klassifikatsiya [Constitutional norms and their classification]. In: Volovich, V.F. (ed.) *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava v sovremennyy period* [Topical issues of the state and law in the modern period]. Tomsk: Tomsk State University.
34. Nersesyants, V.P. (ed.) (1990) *Sotsialisticheskoe pravovoe gosudarstvo: kontseptsiya i puti realizatsii* [The socialist legal state: the concept and ways of implementation]. Moscow: Yurid. lit.
35. Batkin, L.M. (ed.) (1990) *Konstitutsionnye idei Andreya Sakharova* [Constitutional ideas of Andrei Sakharov]. [Online] Available from: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/batkin-leonid-mihajlovich/konstitucionnie-idei-andreya-saharova-sbornik-pod-red-l-m-batkina/1.
36. Stanskikh, S.N. (2013) Utverzhdenie printsipa pryamogo deystviya Konstitutsii v protsesse konstitutsionnykh peremen v kontse 80-kh – nachale 90-kh gg. XX v. Stenogramma kruglogo stola "Pryamoe deystvie Konstitutsii: 20 let Rossiyskogo opyta" (20–21 sentyabrya 2013 g., g. Sankt-Peterburg) / sost. S.A. Belov [Adoption of the principle of the direct action of the Constitution in the constitutional changes in the late 1980s – early 1990s. Transcript of the round table "Direct action of the Constitution: 20 years of Russian experience" (September 20–21, 2013, St. Petersburg). Compiled by S.A. Belov]. *Pravovedenie*. 6 (311). pp. 108–199.
37. Rumyantsev, O.G. (ed.) (2007) Iz soobshcheniya o vtorom zasedanii rabochey gruppy Konstitutsionnoy Komissii ot 12 iyulya 1990 g. [From the report on the second meeting of the working group of the Constitutional Commission of July 12, 1990]. In: *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Volters Kluver.
38. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhray, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 1. Moscow: Yurid. lit.
39. Rumyantsev, O.G. (ed.) (2008) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols]. Vol. 3. Moscow: Volters Kluver.
40. *Konstitutsionnyy vestnik. (*1993) 16. pp. 9–64.
41. Rumyantsev, O.G. (ed.) (2008) *Iz istorii sozdaniya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii. Konstitutsionnaya komissiya: stenogrammy, materialy, dokumenty (1990–1993 gg.): v 6 t.* [From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation. The Constitutional Commission: transcripts, materials, documents (1990–1993): in 6 vols]. Vol. 34 Moscow: Volters Kluver.
42. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhray, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 2. Moscow: Yurid. lit.
43. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhray, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 4. Moscow: Yurid. lit.
44. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhray, S.M. (eds) (1996) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Vol. 17. Moscow: Yurid. lit.
45. Filatov, S.A., Chernomyrdin, V.S. & Shakhray, S.M. (eds) (1995) *Konstitutsionnoe soveshchanie. Stenogrammy. Materialy. Dokumenty* [Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents]. Reference Vol. Moscow: Yurid. lit.
46. Kotelevskaya, I.V. & Tikhomirov, Yu.A. (1993) *Konstitutsiya i zakon v nashey zhizni* [Constitution and law in our lives]. Moscow: Pravlenie Obshchestva "Znanie".
47. Rossiyskaya gazeta. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. [Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993]. *Rossiyskaya gazeta*. 237. 25 Dec.
48. Sal'nikov, G.M. (2006) Pryamoe deystvie Konstitutsii Rossii: istoricheskiy aspekt [Direct action of the Constitution of Russia: a historical aspect]. In: Shalyapin, S.O. (ed.) *Aktual'nye problemy pravovoy nauki* [Topical issues of legal science]. Is. 4. Arkhangelsk: Pomor State University.
49. Avtonomov, A.S. (2009) Tsennost' Konstitutsii [The value of the Constitution]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 3. pp. 5–11.
50. RSFSR. (1991) Zakon RSFSR ot 6 maya 1991 g. "O Konstitutsionnom Sude RSFSR" [The law of the RSFSR of May 6, 1991 "On the Constitutional Court of the RSFSR"]. *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov i Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii*. 19. 9 May. Art. 621.

Received: 28 September 2017

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМКИНА Елена Евгеньевна – ассистент кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Новосибирского государственного университета. E-mail: abramkinaee@list.ru

АЛИХАДЖИЕВА Инна Саламовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (г. Москва). E-mail: Alins1@yandex.ru

АНИКИН Даниил Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: dandee@list.ru

АЧКАСОВ Валерий Алексеевич – д-р полит. наук, зав. кафедрой этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: val-achkasov@yandex.ru

БАТУРЕНКО Светлана Алексеевна – канд. социол. наук, доцент кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: level_s@rambler.ru

БОРОДОВСКИЙ Андрей Павлович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. отдел палеометалла Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук; ст. науч. сотр. лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Ван Гохун – аспирант кафедры отечественной истории, директор Института Конфуция Томского государственного университета. E-mail: wangguohong@mail.ru.

ВОЛОШИНА Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: vsv1304@yandex.ru

ГОЛОВАШИНА Оксана Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: ovgolovashina@mail.ru

ДОБРЯКОВ Денис Андреевич – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: den-dobryakov@yandex.ru

ДУЛЕБОВА Ирина – канд. филол. наук, доцент кафедры русистики и восточноевропейских исследований Университета Коменского в Братиславе (Словакия). E-mail: irina.dulebova@uniba.sk

ЕЛИСЕЕВ Сергей Александрович – профессор, д-р юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Томского государственного университета. E-mail: ugolovnoetgu@mail.ru

ЕРМЕКБАЙ Жарас Акишевич – д-р ист. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Астана, Казахстан). E-mail: ermekjaras@mail.ru

ЗАПАРИЙ Василий Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры теории методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: pantera.zap@gmail.com

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и социальной работы, ст. науч. сотр. Научно-образовательного центра кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: vizanefertity@eandex.ru

ЗОРИН Артём Викторович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: arzor@list.ru

ИВАНОВ Андрей Геннадиевич – канд. филос. наук, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Липецкого филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета. E-mail: agivanov2@yandex.ru

КАМЕНЕВ Сергей Валентинович – канд. филос. наук, зав. кафедрой социологии и философии Морского государственного университета им. адмирала Г.И. Невельского (г. Владивосток). E-mail: kabra61@gmail.com

КИРИЛЛОВЫХ Андрей Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: kirillovykh2014@yandex.ru

КРЮКОВА Лариса Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

КУДРЯВЦЕВ Михаил Дмитриевич – д-р пед. наук, доцент кафедры валеологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: kumid@yandex.ru

ЛЕБЕДЕВА Наталья Борисовна – д-р филол. наук, профессор кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета. E-mail: nlebedevab@yandex.ru

ЛИВЕНЦОВА Евгения Юрьевна – аспирант кафедры управления образованием, ст. преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета. E-mail: evg.liv@mail.ru

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – канд. филос. наук, доцент кафедры «Информатика, математика и общегуманитарные науки» Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры философии Липецкого государственного технического университета. E-mail: AALinchenko@fa.ru

ЛОГИНОВА Анастасия Сергеевна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород). E-mail: aloginova@hse.ru

МАЛКОВА Ирина Юрьевна – д-р пед. наук, доцент кафедры управления образованием Томского государственного университета. E-mail: malkovoi@yandex.ru

МИЛЛЕР Вероника Ивановна – преподаватель кафедры социально-экономического образовании и философии Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: econom_law@surgpu.ru

МИНЯЗЕВА Татьяна Фёдоровна – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. отдела уголовного и уголовно-процессуального законодательства; судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (г. Москва); профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: minyazeva2008@rambler.ru

МИХЕЕВА Ирина Вячеславовна – д-р юрид. наук, зав. кафедрой конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород). E-mail: imikheeva@hse.ru

НАУМОВА Наталья Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: tomnin@ yandex.ru

ПАВЛОВ Валерий Юрьевич – аспирант кафедры валеологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: Pavlov.v87@mail.ru

ПЕЧАТНОВ Валентин Владимирович – доцент кафедры философии им. А.Ф. Шишкина Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (г. Москва). E-mail: vpechatnov@yandex.ru

ПРОНИНА Наталья Владимировна – ст. преподаватель кафедры конституционного и административного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород). E-mail: n-pronina2301@yandex.ru

РАБЕНКО Татьяна Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент стилистики и риторики Кемеровского государственного университета. E-mail: tat.rabenko@yandex.ru

РАСКОЛЕЦ Виктор Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: predator-101@mail.ru

РЕВЯКИН Юрий Терентьевич – канд. пед. наук, профессор кафедры теории и методики обучения физической культуре и спорту Томского государственного педагогического университета. E-mail: polegaeva85@mail.ru

РЯХОВСКАЯ Татьяна Ивановна – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск). E-mail: dnight@mail.ru; ryahovskaya.ti@gmail.com

САБЛИН Василий Анатольевич – д-р ист. наук, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета. E-mail: sablin@inbox.ru

САМАШЕВ Зайнолла – д-р ист. наук, гл. науч. сотр. лаборатории археологии Казахского научно-исследовательского института культуры (г. Астана, Казахстан). E-mail: kaz.madeniet@gmail.com

СЕВАСТЬЯНОВА Светлана Климентьевна – д-р филол. наук, вед. науч. сотр. сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск); зам. директора по научной работе Рубцов-

ского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: sevask@mail.ru

СИРАЖАЕВА Булбул Ароновна – ст. науч. сотр. лаборатории археологии Казахского научно-исследовательского института культуры (г. Астана, Казахстан). E-mail: bulbul81@mail.ru

СОРОКИН Александр Николаевич – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: soranhist@yandex.ru

СУРМАНИДЗЕ Илья Нодариевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: ily6897@yandex.ru

ТИМОФЕЕВ Дмитрий Владимирович – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: dmitrtim@yandex.ru

ТОЛСТОВА Мария Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: Tolstova_11@mail.ru

ФЕРНАНДЕС Санчес Юлия Васильевна – аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: yulia.tarasenkova@yandex.ru

ЧЕРВОННЫЙ Михаил Александрович – канд. пед. наук, доцент кафедры развития физического образования, директор Центра дополнительного физико-математического и естественнонаучного образования Томского государственного педагогического университета. E-mail: mach@tspu.edu.ru

ЧЕРНИКОВА Ирина Васильевна – д-р филос. наук, зав. каф. философии и методологии науки Томского государственного университета; профессор кафедры социальных коммуникаций Томского политехнического университета. E-mail: chernic@mail.tsu.ru

ЧЕСНОКОВА Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

ЮНГБЛЮД Валерий Теодорович – д-р ист. наук, профессор, президент Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: youngblood@vyatsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2017. № 425. Декабрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 декабря 2017 г. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 29. Тираж 60 экз.
Заказ № 2957. Цена свободная.

Дата выхода в свет 12 января 2017 г.

Редактор – Е.Г. Шумская
Корректор – Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Founder – Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru